

Ларенко П. Н.

Страдные дни Порт-Артура

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Русско-японская война: Взгляд побежденных. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/db/larenko_pn/index.html

OCR: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Правка: sdh (glh2003@rambler.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Русско-японская война: Взгляд побежденных. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 764, [4] с.: 16 л. ил. — (Военно-историческая библиотека). // ISBN 5-17-031322-5 (ООО «Издательство АСТ»); ISBN 5-9578-1772-4 (ООО «Транзиткнига»). Тираж 3000 экз.

Автор: Записи дневника освещают и разъясняют ход военных событий по мере поступления сведений и фазисы жизни в осажденной крепости. Эти записи имеют целью дать верную картину происходившего, устранить всякое умышленное и неумышленное преувеличение и умаление происходивших фактов, естественно сливающихся в памяти со временем в хаотическую, перепутанную массу, если они строго не отмечены в свое время. Не претендуя на неоспоримость моих взглядов, высказываю их открыто, как сложившееся убеждение человека, не имеющего ни личных счетов, ни личных интересов в делах Дальнего Востока, кроме тех интересов, какие может иметь любой гражданин России к любому краю нашего огромного отечества, с которым он хотя немного ознакомился, как убеждения, чуждые всякой тенденции, всякого желания во что бы то ни стало обвинить одного и оправдать другого, если

они того не заслуживают, если этого не подсказывают факты, ставшие уже достоянием истории. Факты, отмеченные в моем дневнике, освещают многие, но не все стороны всего происходившего до войны и во время осады и дают возможность читателю судить о многом, но не обо всем самому, поэтому я пытаюсь восполнить пробелы дневника и подвести итоги происшедшему так, как это подсказывает мне моя совесть.

Содержание

От издателя [5]

Введение [9]

I. Перед войной [15]

II. Начало войны [43]

III. Эпоха адмирала Макарова [82]

IV. Начало осады [108]

V. Бомбардировки и штурмы [167]

VI. Новые ужасы осады [291]

VII. Последний период борьбы крепости [410]

VIII. Последние дни крепости [467]

IX. Сдача крепости и эвакуация [514]

Приложение

Обвинительный акт по делу генерал-лейтенанта А. М. Стесселя [617]

Отповедь генерала Стесселя [738]

Примечания

От редакции

Русско-японская война, столетие начала которой приходится на нынешний год, стала, наряду с войной англо-бурской, одной из первых войн нового смыслового содержания — войн уже не за раздел, а за передел мира. Сокрушительное — и неожиданное — поражение в этой войне «российского колосса» в очередной раз обнажило извечную русскую беду — привычку полагаться на «авось»: авось японцы не нападут, авось успеем достроить и пустить КВЖД, авось наши «солдатики» сумеют справиться с «супостатом». Из этих «авось» оправдалось лишь последнее — русская Дальневосточная армия и русский Тихоокеанский флот, в условиях едва ли не полной военной безграмотности своего высшего руководства, оказали японцам ожесточенное сопротивление — и, не произойди рокового совпадения политических, экономических и «бытовых» обстоятельств, вполне могли бы одержать в этой войне победу.

Одна из ярчайших и трагичнейших страниц русской военной истории — оборона крепости Порт-Артур, завершившаяся не падением, но позорной капитуляцией. Официальная история этой обороны известна достаточно хорошо, но, как и подобает «энциклопедической» версии событий, эта история по определению суха и лишена тех жизненных подробностей, совокупность которых и превращает официальные отчеты в Историю с прописной буквы.

Иное дело — воспоминания тех, кто находился в осажденной крепости, принимал участие в отражении японских атак и оказался свидетелем сдачи Порт-Артура. Среди этих воспоминаний редакции показались особенно любопытными мемуары П.Н. Ларенко, сотрудника порт-артурской газеты «Новый край»; журналистская наблюдательность, несомненный литературный [6] талант и четкая гражданская позиция — все это присуще книге, автор которой пояснял: «Записи дневника освещают и разъясняют ход военных событий по мере поступления сведений и фазисы жизни в осажденной крепости. Эти записи имеют целью дать верную картину происходившего, устранить всякое умышленное и неумышленное преувеличение и умаление происходивших фактов, естественно сливающихся в памяти со временем в хаотическую, перепутанную массу, если они строго не отмечены в свое время. Не претендуя на неоспоримость моих взглядов, высказываю их открыто, как сложившееся убеждение человека, не имеющего ни личных счетов, ни личных интересов в делах Дальнего Востока, кроме тех интересов, какие может иметь любой гражданин России к любому краю нашего огромного отечества, с которым он хотя немного ознакомился, как убеждения, чуждые всякой тенденции, всякого желания во что бы то ни стало обвинить одного и оправдать другого, если они того не заслуживают, если этого не подсказывают факты, ставшие уже достоянием истории. Факты, отмеченные в моем дневнике, освещают многие, но не все стороны всего происходившего до войны и во время осады и дают возможность читателю судить о многом, но не обо всем самому, поэтому я пытаюсь восполнить пробелы дневника и подвести итоги происшедшему так, как это подсказывает мне моя совесть». Главный «герой» как мемуаров Ларенко, так и осады Порт-Артура как таковой — комендант крепости генерал-адъютант А.М. Стессель. Его вина в капитуляции Порт-Артура была настолько очевидной, что вскоре после завершения русско-японской войны генерала судили и приговорили к тюремному заключению^{1}. В Приложении к нашему изданию «Дневников» П. Ларенко читатель найдет обвинительный акт по делу А.М. Стесселя и последнее слово обвиняемого. Все материалы печатаются в современной орфографии и с незначительными сокращениями.

* * *

Русско-японская война отстоит от нас на целый век. Но память об этой войне, на которой, по выражению поэта-артурца, «с честью лилась наша русская кровь», — память не стареет. И наше издание — дань уважения героизму русских воинов, героизму, который, как несложно увидеть на страницах этой книги, признавали даже враги. [7]

Введение

Защита Порт-Артура представляет собой, несомненно, одну из самых светлых страниц в истории русско-японской войны.

Эта книга имеет целью дать беспристрастное описание самоотверженной защиты крепости и жизни в осажденном городе.

Описывая жизнь в отрезанной от всего мира крепости, мы отнюдь не имеем в виду поражать читателя избранными эффектными картинами, искусно изукрашенными, сильно действующими на нервы.

Если жизнь называется вообще серенькой, то, несомненно, жизнь в осажденной крепости не только сера, но в сравнении с обыденной и мрачна.

Наша цель нарисовать эту жизнь просто и правдиво, этого достаточно для того, чтобы получить ту разницу между ней и обыденной жизнью мирного уголка, которая сама собой без искусственных эффектов вытекает из необычайных условий войны.

Условия обороны крепости, как, впрочем, и вообще условия войны, не дают возможности человеку быть всюду, видеть все, что происходит. Официальные же данные всегда более односторонни и имеют более или менее особую окраску. Следовательно, чтобы получить более [10] правдивую картину всего происходившего, необходимо иметь возможно больше наблюдений с разных мест и с разных точек зрения и пользоваться возможно большим фактическим материалом.

Именно в таких исключительных условиях начат этот труд, чтобы он мог дать более правдивую картину жизни в осажденной крепости в течение 11 месяцев.

Наш государь император Николай Александрович обратился когда-то к представителям печати с просьбой — говорить правду и одну только правду. Тем не менее говорить правду осталось тем же бесполезным и нередко опасным предприятием как у нас на родине, так, впрочем, и в других странах света.

Но все же попытаемся следовать зову нашего государя императора и нашей совести — голосу изболевшей русской души. Скажем, что было и что происходило, насколько что входило в наш кругозор.

Наше повествование расходится неоднократно с официальными данными, частью опубликованными; также расходится оно с объяснениями некоторых лиц, более или менее причастных и ответственных по защите крепости. Но именно это и есть одна из причин появления в печати наших наблюдений, пережитого нами и пережитого, что в общей сумме составило в нас непоколебимое убеждение, — дало нам выводы.

Правда остается в фактах и их последствиях, дальнейших фактах. Разберитесь в них — и найдете правду. Такой ответ можно дать на вопрос: кому же, наконец, верить — именно в то время, когда факты и небылицы сбросаны в общую хаотическую кучу.

Просматривая то, что писалось об Артуре в то время, когда мы были отрезаны от всего мира, и что писалось еще долгое время после сдачи крепости с явной тенденцией в ту или другую сторону, становится и смешно и досадно. Боже мой, чего, чего только не писали!

Цель этого издания — помочь разобраться в фактах, чтобы иметь возможность верно судить о событиях.

Для этого, нам думается, необходимо одновременно с описанием протекающих событий приводить и все то, что так или иначе объясняет происходившее. [11]

Но прежде чем приступить к повествованию, нам кажется необходимым предпослать некоторые штрихи, впечатления свежего человека, прибывшего до войны на место происшествий мировой трагедии, — дать некоторые нити, объясняющие дальнейший ход событий в целой их связи.

Как уже сказано выше, официальные данные не вполне освещают действительное положение. Для того чтобы получить более полную и верную картину всего происходившего, необходимо заглянуть и за кулисы. В этом оказывают нам огромную услугу слухи. Не каждому, конечно, слуху можно верить, но между ними есть весьма достоверные и характерные.

Помимо таких закулисных слухов, объясняющих нам некоторые явления, иначе непонятные, циркулировала в Порт-Артуре, особенно в последнее время, масса фантастических, но тем не менее очень интересных слухов, показывающих нам настроение осажденной массы, особенно солдат, глядящих там, на передовых позициях и в окопах, ежеминутно в глаза смерти и гибели.

Почти немисливо проследить, откуда появлялись каждый раз эти слухи. Они подхватывались как-то на лету, никто не спрашивал о достоверности их, а передавал слышанное дальше — и осажденная, отрезанная от всего мира крепость оживала и жила

ими — до появления новых слухов, пока достоверных сведений извне неоткуда было взять.

Оставляя в стороне чисто военные — чисто специальные вопросы, которые, наверно, будут обработаны нашими военными писателями, мы отмечаем здесь только то, что мог наблюдать и узнавать из всего происходившего любознательный, пытливый мирный житель и тот или другой из участников кровавой борьбы на море и на суше. Отмечаем и то, что дала нам логика из всего наблюдаемого.

При всем нашем старании быть вполне беспристрастными, все же предвидим возможность вызвать негодование того или другого из упоминаемых деятелей минувших дней осады и обороны, а также тех из них, о которых, за отсутствием верных данных и составившегося убеждения, приходится умолчать. Но не лицам, а событиям — целой эпопее посвящен этот труд, и мерилom в этой работе взята совесть, а не лицеприязнь или вражда. [12]

Обещая заглядывать и дать заглянуть читателю кое-где за кулисы, мы отвергаем наперед всякое обвинение в разглашении каких бы то ни было тайн. Если тайны эти имели когда-то какое-либо значение, то в данное время его уже нет. Факты, обнаружившиеся на деле и ставшие достоянием неприятеля, притом неприятеля всех европейских народов, угрожающего всей нашей вековой культуре, каким мы считаем японцев в эту и в несомненно грядущих войнах, никак не могут считаться уже тайной. Завладев Порт-Артуром, японцы завладели многими нашими тайнами, не убереженными нами. По улицам уже сданной крепости носило иногда ветром бумаги с надписью «секретно», «не подлежит оглашению» и т. д. Поэтому в оглашении какого-нибудь из таких документов виновен тот, кто обязан был уберечь эти тайны. Если же мы приведем что-либо из содержания таких документов, то только для необходимого разъяснения того или другого случая или для указания известного фактора в общем ходе вещей.

Если в этом правдивом повествовании о происходившем в Порт-Артуре будут вскрыты некоторые образовавшиеся в нашем государственном организме гнойные язвы, то только для того, чтобы достичь уничтожения этих болячек, при которых немислим расцвет даже здорового самого по себе организма. Прикрывать подобные язвы, лишь бы не прозрачной, хотя бы грязной тряпичей замалчивания, считаем прямо вредным {2}.

Другие страны цивилизованного мира не стесняются обличать свои недостатки и подвигаются благодаря этому к большему во всем совершенству, между тем как существующая у [13] нас система запрещений говорить и писать и могущественного прикрывательства злоупотреблений и попущений приводит нас к бедствиям, позору и гибели.

В заключение мы должны заметить, что европейский народ воюет впервые с таким противником, как японцы — народом бесспорно культурным и восприимчивым, но настолько же бесспорно еще полудиким, оставшимся более сыном природы, чем мы, дети западной вековой культуры, западных мировоззрений.

Этот народ все еще в силах всецело отдаться какому-нибудь делу (в данном случае военному), его ничто не увлекает в сторону, и он поэтому может дойти до такой высоты в своей специальности, до которой нам, при свойственной нам разбросанности мысли, верований, воззрений и убеждений, при нашем увлечении новым и лишь приятным, дойти почти немислимо. При этом мы не должны забывать, что у японцев военное дело составляет особый, доведенный до высокой степени культ, применительно к которому ими выработаны веками особые воззрения на жизнь и даруемые ею блага, на семейные связи и прочее {3}. Например, одна, но в то же время весьма широко разработанная японская система физического воспитания для разных видов борьбы — «джиу-джитсу» (Jiu-jitsu) составляет (в то время как японцы переняли у нас все полезное, все лучшее) для нас пока почти полную тайну, а в их руках — чудовищную силу. Эта система проглядывает даже как бы основной, характерной чертой всей деятельности японцев.

Боевые качества русского солдата — его выносливость, стойкость, беззаветная храбрость и

умение спокойно умирать за свою родину — качества, которые ныне только и требуются от солдата как боевого материала, — едва ли могут быть превзойдены чьей-либо армией. При этом природный ум и сметливость нашего солдата также не подлежат ни малейшему сомнению.

Применение всех новых адских приспособлений массового истребления противника (тоже плоды нашей высокой западной [14] культуры!) было знакомо всем пока только теоретически и пока только при маневрировании в хорошо знакомой местности, на легкоопределимой дистанции и т. д. Но перенесите любое войско в совершенно иные условия, и сразу скажутся как несовершенства, так и неумения вполне приспособиться к данным условиям.

Если еще принять во внимание полную неподготовленность нашу к этой войне в надежде, что дело окончится дипломатическим соглашением, то, думаем, едва ли кто посмотрит на наше войско как на что-то малоценное, не соответствующее цели.

Этот первый экзамен показал не только нам, но и всему культурному Западу, что многое в наших военных системах не соответствует цели, подлежит изменению.

Так как о начале войны, покуда сообщение крепости с внешним миром не было прервано, писалось очень многое, излагаем наши наблюдения за этот период времени не в виде полного дневника, а лишь выборками о главных моментах и фазисах, касаясь особенно тех сторон, которые, по нашим наблюдениям и собранным нами сведениям, не сходятся с официальными донесениями и отчетами и не могли быть опубликованными в газетных корреспонденциях. Главное же наше внимание посвящено периоду от начала тесной осады, бомбардировки города с суши до капитуляции и включая самую сдачу и эвакуацию из крепости мирных жителей.

Закончив описание хода событий, мы намерены дать в сжатой форме наше убеждение, наш взгляд на все причины этой несчастной войны, насколько они уловимы, а также резюмировать все то, что дало нам выводы о крайне необходимых, не терпящих отлагательства во многом коренных реформах, дабы мы могли все же воспрянуть, оправиться и снова стать грудью за свои жизненные интересы не только на Дальнем Востоке, но везде, где бы это ни понадобилось.

Желая быть, первым делом, беспристрастными, правдивыми, приступаем к повествованию с глубокой верой в более успешный прогресс нашей дорогой родины и в несомненно грядущие, необходимые коренные реформы всего ее внутреннего, в том числе и военного строя.

Весна 1905 года

I. Перед войной

1. По дороге

Наконец еду и я на Дальний Восток, который меня интересовал уже несколько лет, благодаря тем разнообразным и часто совершенно противоположным слухам — от великого до смешного, — которые носились о нем более, так сказать, в воздухе, чем в осязаемых формах печатного слова.

Переход мой из мирного уголка на передовую позицию русского государства состоялся довольно просто — мне предложили лучшую оплату моего личного труда, и я поехал. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше, тем более знакомый с нуждой.

Железная дорога уносит меня все дальше от родины, то по тряской Сызрано-Вяземской дороге, то убаюкивая в мягко-рессорных, удобных вагонах Самаро-Златоустовской и Сибирской дороги.

На Урале еще всюду виднелся снег и прохлада иногда переходила далеко за пределы снежного покрова. Но оренбургская, около Челябинска, и далее сибирские степи уже начали зеленеть, становилось теплее, запахло весной. [16]

Любуясь ширью совершенно необработанной и малообработанной земли, через которую мчит нас железная дорога несколько дней подряд, задаешь себе вопрос: нужны ли нам при таком просторе пахотных полей еще какие-нибудь колонии — этот Дальний, или Крайний Восток, где, по словам людей дальновидных, едва ли дело может обойтись без войны? Что может дать нам этот Восток?

Но, ознакомившись с серьезными исследованиями Сибири и расспросив спутников-сибиряков, скоро приходишь к заключению, что несмотря на то, что Сибирь может еще приютить миллионы безземельного люда и прокормить их, все же благосостояние этого люда, расцвет этой страны немыслимы, пока Сибирь не имеет путей сбыта своих земледельческих продуктов и других природных богатств. Пока Сибирь не имеет обширного доступа к мировым рынкам, не имеет возможности сама обрабатывать хотя бы часть своего сырья, она обречена на участь капитала, запертого в сундук скупца, умирающего на этом сундуке с голоду. Культурный прогресс страны немыслим, если продукты, например земледелие, настолько малоценны, что не дают большинству средних пахарей возможности обменять эти продукты на все необходимое в их незатейливом обиходе и для приобретения всего этого приходится им прибегать к посторонним заработкам, преобладавшие между которыми: далеко не рационально поставленная добыча кедрового ореха, чисто хищническое истребление пушного и другого ценного зверя, такое же рыболовство и прочее, угрожают окончательным иссякновением этого добавочного дохода, добываемого уже и так все в меньших и меньших размерах. Культурный прогресс земледелия немыслим, если по крайней мере 90 процентов пахарей не в силах и подумать о приобретении более усовершенствованных орудий земледелия, которые при данных условиях сбыта и ценах слишком для него дороги.

Это точка замерзания — заколдованный круг, из которого Сибирь не могла выбраться в течение многих столетий русского ею владения, из которого она не выбилась и не может на то надеяться при существовании одной Сибирской железной дороги^{4} — этой слишком малой артерии при таком огромном организме. [17]

Доисторические передвижения по Сибири разных народов, все же не осевших в ней и достигших более высокой степени культуры и благосостояния вне ее, только подтверждают вышеприведенный вывод.

Но вопрос в том, правилен ли путь, избранный нашей политикой на Дальнем Востоке, чтобы оживить, обогатить Сибирь и дать выгоду государству? Сумели ли мы обеспечить там наши интересы и сумеем ли мы там отстоять свои права от ненасытных appetitов других народов?

Стоит лишь поверхностно ознакомиться с экономической жизнью Сибири до постройки железной дороги и данного времени, чтобы найти в ней уже много и существенной разницы.

Пожалеть стоит разве только о том, что железная дорога нарушила ее вековую патриархальную жизнь, ее полную обособленность от всей внешней, но не следует при этом забывать — культурной жизни и освежающих волн прогресса. Оставаясь и далее без железной дороги, она должна была бы оставаться и малонаселенной и труднонаселяемой

страной — тем же мертвым капиталом.

Природная краса Забайкалья — уютные ущелья между гор, покрытых густой зеленью, быстро мчащиеся навстречу поезду горные потоки, меняющиеся один за другим ландшафты — все это заставило меня скоро забыть суетный Иркутск с его огромным переливом капиталов, в данное время преимущественно с Кругобайкальской и Забайкальской железных дорог, и с возбуждаемой легкой наживой алчностью и прочими страстями. Она заставила меня забыть и бурю на Байкале, мешавшую любоваться окружающими это в высшей степени интересное озеро снежными вершинам, а также забыть негодование всех и каждого на то, что, несмотря на бурю, пароход завозил кого-то из крупноокладных инженеров на какой-то еще строящийся участок Кругобайкальской дороги и заставил этой любезностью всех нас, платных пассажиров из числа обыкновенных смертных, промучиться морской болезнью лишних 4 часа и прибыть на станцию Мысовая лишь вечером.

Не могу не отметить, что прекрасное настроение, навеянное природой Забайкалья, нарушалось резким диссонансом — громадными, опустошительными лесными пожарами на склонах гор вблизи Байкала, этим бичом наших богатых лесами [18] окраин, плодом нашей преступной неосторожности, что, в свою очередь, может быть объяснено тем, что всеми этими богатствами владеет казна, ее чиновники, а не само население, в интересах которого — экономно расходовать эти богатства, заботиться о сохранности их.

Небрежность, беспорядки и злоупотребления, особенно на строящихся вновь железных дорогах, у нас настолько обычны, что не нахожу нужным коснуться здесь Забайкальской и Китайской Восточной железных дорог. Одно не подлежит никакому сомнению — это то, что чем дальше от метрополии, тем резче, выпуклее, в полном своем безобразии выступают на свет Божий все эти прелести.

Забайкальская дорога находилась в то время, сколько помнится, еще во временной эксплуатации, а Китайская Восточная, или, короче, — Маньчжурская, только недавно открыла сквозное движение и возила пассажиров хотя по очень высокому тарифу, но как бы только из любезности и не допускала поэтому никаких претензий.

Увозимый по Маньчжурской железной дороге на неведомый, но обещающий много интересного юг и восточную окраину все еще мало исследованного материка, в среду таких же малознакомых нам народов, я заметил, что железнодорожные служащие и прочие оседлые на станциях европейцы почти поголовно вооружены хлыстами и тростями и пускают эти хлысты без стеснения в ход среди китайцев, толпящихся около вокзалов ради заработка по переноске багажа и т. д. Этот способ прививки цивилизации был всегда глубоко ненавистен мне и возмущал меня здесь особенно. На одной из станций я не утерпел и обратился со следующим вопросом к дежурному по станции, уже немолодому человеку:

— Скажите, пожалуйста, неужели вы находите применение этого атрибута отжившей школы необходимым здесь и не роняющим имени русского человека и нашей, так сказать, культурности?

Он посмотрел на меня испытующе, подумал немного.

— Вы, наверное, впервые здесь, на Дальнем Востоке. Иначе вы не задали бы мне такого вопроса. С этой голытьбой нельзя поступать иначе. Впрочем, если вы ознакомитесь и с колониями [19] других стран, то убедитесь, что там применяется палка более сурово, и только палка. А мы же если и бьем палкой, то и приглаживаем рублем. Поверьте, что у нас вы встретите даже много излишних нежностей. Как будто вы не знаете бесхарактерность русского человека!

Я начал было возражать ему, доказывать, что это не может служить оправданием дурных поступков, что уже по одному тому, что Европа нас и посейчас называет «варварами», мы должны стремиться показать именно лучшие качества русской души — сочувствие к

меньшему или к обиженному судьбой брату, нашу природную гуманность, — а не выносить напоказ миру лишь дурные привычки и т. д., но поезд тронулся.

Пока дорога шла по пустынной местности Северной Маньчжурии или даже еще Монголии, я имел много времени подумать над этим вопросом. Сколько я ни старался понять весь смысл данного мне ответа, я приходил к одному заключению, что, возможно, что местное население и зарабатывает около нас более денег, чем около прочих иностранцев, также очень может быть, что иногда с нашей стороны проявляется много ненужной и непонятной для других народов нежности, но все же такое отношение к голодной толпе, ищущей грошового заработка, — поступок скверный, если для оправдания его не имеется более веских аргументов. Тот, кто около нас зарабатывает крупные деньги, наверное, не находится в этой толпе, а эта голодная масса, получающая удары хлыстом безо всякого на то основания, всегда останется враждебной к обижающему ее иностранцу и всегда, в случае войны, перейдет на сторону врага и может отомстить нам за каждый удар хлыстом очень и очень чувствительно.

Чем дальше я углублялся в неведомую мне страну, чем гуще становилось население ее и чем многочисленнее толпа, собирающаяся около станций дороги, тем более навязывалась мне эта мысль.

Невольно испытывал я некоторое опасение, допуская всегда возможным здесь вооруженное столкновение с Японией или даже просто возможность, со временем, более интенсивного восстания китайцев против представителей белой расы, которых здесь, в сравнении с численностью коренного населения, — только горсть. [20]

Немало удивляли меня попадавшиеся уже на Сибирской железной дороге встречные поезда с войсками, возвращающимися из Маньчжурии, здесь встречались они чуть не ежедневно.

Неужели, думал я, там так много наших войск, что, несмотря на носящуюся в воздухе угрозу войны со стороны Японии, мы имеем там даже излишние силы?

Наш поезд врезался уже глубоко в Маньчжурию, но я все еще не мог найти тех грандиозных казарм на двести-триста тысяч солдат, постройка которых, по сообщению газет, была уже давно решена или уже предпринята, на случай необходимости эвакуации Маньчжурии. Сколько мне вспоминается из этого, в то время мало меня интересующего известия, казармы эти должны были строиться или на границе Забайкальской области, или же на полосе отчуждения Маньчжурской железной дороги, нарочито расширенной в намеченных местах.

Хотя у меня промелькнула мысль — неужели и эти постройки производились у нас только на бумаге? — я успокоил себя мыслью, что казармы эти, наверно, выстроены в местности, укрытой от любопытного взора проезжающих по Маньчжурской железной дороге иностранцев, тем более что здесь ожидалось огромное сквозное движение иностранных пассажиров, и в том числе массы военных. Эту предусмотрительность я одобрял вполне.

Казармы для пограничной (здесь вернее — железнодорожной) стражи нельзя сказать чтобы особенно восторгали меня. Зная истинную цену наших казенных построек, я не мог заставить себя поверить, что в этих низменных бараках жилось солдатам гигиенично, а главное, зимой, при здешних больших морозах, в них было бы тепло.

Но эти бараки не нарушали, так сказать, общего ансамбля среди всех возводимых нами вдоль дороги построек. Например, выстроенные и еще достраивающиеся станции железной дороги также не поражали ни красотой, ни своим объемом, их можно было признать вполне соответствующими любой захолустной, чахлой узкоколейке, но, конечно, не такому великому транзитному пути. [21]

Впрочем, это не дело путешественников, к какому бы званию они не принадлежали. На то существуют у нас приемные комиссии.

Кажется, я уклонился в сторону.

Когда мы уже минули Хинганский хребет с его тупиками на головокружительной круче (туннель только еще строили, и никто не мог мне сказать, когда именно он будет достроен), я заметил на одной из платформ вагона 3-го класса японца. Но дело не в нем — японцы встречались мне уже по Сибирской дороге, видал я их и раньше, особенно в трупках странствующих артистов-жонглеров. У этого японца висел через плечо прекрасный, больших размеров фотографический аппарат. Это явление, как-никак, а поразило меня в значительной степени. Недавно в России и Сибири был опубликован правительственный циркуляр, которым строго воспрещалось фотографировать какое бы то ни было железнодорожное сооружение и ближайшие их окрестности и была предписана конфискация открытых писем с таковыми фотографическими видами.

Не для защиты же строителей-инженеров от возможных обличений прессы издан такой циркуляр, мелькнуло у меня в голове. Можно было полагать, что при этом имелось в виду что-то более важное — чтобы неприятель, кто бы он ни был, не имел возможности слишком ознакомиться с нашими путями сообщения, изучить местности. А тут вдруг японец с аппаратом на платформе и может снимать все, что ему угодно!

Поэтому при первом удобном случае я обращаюсь к этому японцу с вопросом, что он тут делает со своим аппаратом.

Он разъяснил мне прехладнокровно, что он служит у русского участкового инженера и снимает сооружения и все, что ему велят или что он находит интересным.

На мое предложение продать мне интересные снимки он согласился охотно и обещал доставить мне возможно больший выбор таковых. При этом он пояснил мне, что японцы работают дешевле русских фотографов.

Итак, у нас в России конфискуют открытые письма с видами какой бы то ни было железной дороги, а наши инженеры, зарабатывающие здесь баснословные суммы, нанимают, все [22] равно, для нужд ли постройки, для собственного ли удовольствия, японских фотографов, потому что они дешевле русских...

Недурно на первый случай, не правда ли? Но куда мы идем при таких порядках {5}?

Чем дальше мы подвигались к югу, тем чаще встречались японцы и в нашем, и во встречных поездах, и на станциях, они, по-видимому, принадлежали к всевозможным профессиям. Между ними виднелись и несомненные интеллигенты, как бы путешествующие ради удовольствия и очень интересующиеся и красивой местностью, и русской деятельностью здесь.

Несмотря на то что я никогда не служил в полиции и что меня очень занимали встречающиеся все чаще около пути китайские селения, города, своеобразная архитектура, их способы обработки полей, их способы и пути сообщения и все наблюдаемое из их быта, я не мог избавиться от сверлящей в мозгу мысли, что Маньчжурская дорога кишит японскими шпионами или, по крайней мере, людьми, имеющими к тому все данные.

Но так как это не только могли, но были прямо-таки обязаны заметить, притом много раньше меня, многие другие, по долгу службы и положению, я был готов приписать это подозрение болезненному во мне явлению — мнительности, а последнюю признать последствием долгого, утомительного путешествия и полному моему незнанию с истинным положением дел на востоке Азии...

Русский человек замечательно способен полагаться на попечение начальства, он приучен к этому веками. [23]

«Об этом начальство должно заботиться».

К несчастью моему, я не имел никого, кто бы мог давать мне необходимые объяснения местностей, игравших какую-либо роль в японско-китайской войне, а также в китайском

походе 1900 года. В вагоне я был единственным русским, соседями моими были молодой француз-агроном, пожелавший изучить китайскую агрокультуру, и какой-то немец, не то коммерсант, не то чиновник, обремененный семьей. Каждый из них был занят своими интересами.

Впрочем, мое назначение было вполне мирное, и я никак не думал, что вскоре придется и мне очутиться среди ужасов войны.

Когда по времени поезд должен был подходить к Порт-Артуру, я заметил, что на вершинах гор производились какие-то земляные работы. Но вспомнилось мне тоже газетное описание, что стоит только попытаться подняться на какую-нибудь из окружающих эту крепость гор, как моментально вырастает перед вами жандарм...

«Что мне, — думал я, — любопытствовать, крепость строится и карауится строго. Ну, и ладно!»

2. В Порт-Артуре

Когда я, после почти целого месяца путешествия, оставил в Порт-Артуре поезд, то сразу попал в шумный водоворот людей, точно в муравейник. Масса всякого народа, преимущественно китайцев рабочих, сновала около вокзала и вагонов, а более того около гавани, ее складов и огромных груд всякого товара. Все копошилось, спешило куда-то и не обращало внимания на все остальное.

Шествуя пешком за моим багажом на китайской подводе, запряженной мулом и ослом, я обратил внимание на белые, как лебеди, наши крейсера, стоявшие на якоре в Западном бассейне гавани, их было несколько, кроме них тут же стояли минные транспорты, канонерки, а далее виднелись и миноносцы. Далеко на рейде была расположена эскадра броненосцев, также белея на темном фоне моря. Все побережье покрыто грозными фортами, между которыми особенно выделяется Золотая гора. [24]

Все это сразу так успокоило меня, что мучивших меня дорогой сомнений как не бывало. Наскоро поужинав, я лег спать и заснул так, как едва ли когда засыпал.

«Тут ведь работает масса людей, специалистов военного и морского дела — сынов Отечества, получающих значительные оклады, — шепнул мне с сарказмом внутренний голос, — а ты было вообразил, там, по дороге, что какие-то японцы могут угрожать нам войной, грозить нашей здесь колонии, нашему пути сообщения, могущему, в кою пору, доставить сюда многочисленную армию. Россия велика, излишние опасения не к лицу ее подданным и слугам».

Это была моя последняя мысль в этот день. Следующие дни я посвятил необходимым служебным визитам и ознакомлению с городом.

Город состоит преимущественно из старых китайских построек и ничего особенно интересного, в смысле архитектуры, из себя не представляет. Если китайская архитектура и характерна, то все же довольно однообразна.

Начальством я был принять весьма благосклонно, но тотчас мне было заявлено, что придется возможно скорее приняться за дело, ибо есть кое-какие запущения.

Оглядевшись, я заметил, что в Порт-Артуре не видно присущего всем большим портовым городам праздного и пьяного босяческого элемента. Китайцы, среди которых, несомненно, очень много бедноты — попадаются и нищие, — не выделили из себя отдельной группы типов-героев Максима Горького. Ими гордится, видимо, только культурный, но пропитанный алкоголем Запад.

Квартиры запираются здесь довольно примитивными китайскими замками, но не слышать, чтобы кражи из квартир были в порядке вещей.

Нашим, арендуемым у Китая, новым краем управлял главный начальник Квантунской области генерал-адъютант адмирал Алексеев, он же командовал тихоокеанскими морскими силами и сухопутными войсками на Квантуне. Фактически подчинялись ему, кроме того, железнодорожная стража вдоль всей Восточной Китайской дороги, гарнизоны, расположенные в городах Маньчжурии, и все русские там учреждения. При нем [25] состоял областной совет, дипломатическая канцелярия, морской и сухопутный штабы. Второй инстанцией по управлению областью было гражданское управление, ведающее начальниками участков и полицейскими управлениями в городах. В городе Дальнем существовало особое градоначальство во главе с инженером Сахаровым. Городом Порт-Артуром заведывал особый городской совет, состоявший из офицеров, чиновников и нескольких представителей купечества, под председательством особого, назначенного на этот пост офицера — капитана, позднее подполковника Вершинина.

Начальником эскадры, расположенной в Порт-Артуре, был вице-адмирал Старк, младшим флагманом — контр-адмирал князь Ухтомский, владивостокским отрядом крейсеров и миноносцев командовал контр-адмирал барон Штакельберг. Помощником командующего сухопутными войсками области состоял Генерального штаба генерал-лейтенант Волков. И. о. коменданта крепости был генерал-лейтенант Стессель, о котором мы услышали впервые во время китайского похода. Командиром порта — контр-адмирал Гreve. Вот все главное начальство.

Как это бывает на далеких окраинах, вокруг главного начальника стояла группа высших чинов и составляла его, так сказать, придворную сферу, которая, в свою очередь, кичилась этой честью, интриговала и разносила разные сплетни в ближайшую среду.

Среди европейского населения города значительно преобладал военный элемент.

Купечество города состояло из разных народностей и менее всего могло быть названо русским. Только одна большая русская торговая фирма существовала в Порт-Артуре — Чурин и К°, остальные более мелкие чисто русские торговцы терялись среди иностранцев и выходцев преимущественно из южной полосы России. Тут были армяне, евреи, греки, молдаване и прочие, преимущественно из Одессы. Из иностранных торговых фирм главенствовали немецкие — Кунст и Альбер, Сизтас, Блок и К», потом английские — Кларксон и К°, французские — Шретер и Марсеру и т. д. Количеством преобладало китайское купечество. И японских торговцев было здесь немало. [26]

Подрядные работы по постройкам и сооружениям были также в разных руках, рабочие же руки исключительно китайские, ужасно эксплуатируемые подрядчиками и переводчиками — компрадорами. Кроме того, в городе прямо-таки бросалась в глаза масса легкомысленного элемента — прожигателей жизни, искателей приключений обоого пола, разных прихлебателей.

Не могло также ускользнуть от наблюдателя то, что здесь два совершенно разных военных элемента живут разрозненно и в разных условиях. Это моряки и сухопутные войска.

Первые имеют во всем преимущество, получают значительно большие оклады, имеют, видимо, более свободного времени{6}; по крайней мере, они более заметны всюду, на улицах, в садах, ресторанах и т. п.; они одеты всегда в безукоризненно белые костюмы; видно также, что они не стесняются в средствах. Например, извозчики, ожидающие вечером у ворот порта выхода морских офицеров, берут весьма неохотно сухопутного или просто частного пассажира, причем заявляют без особого стеснения, что моряки расплачиваются много щедрее.

— Поездишь с ним, и знаешь за что!

Как сухопутные офицеры, так и солдаты, в сравнении со своими морскими товарищами одинакового чина и положения, являются как бы пасынками, замарашками, во внешнем

блеске далеко уступая вторым и всюду перед ними стушевываясь. Мне объяснили их привилегированное положение и вытекающие из этого преимущества.

— Зато это народ отчаянный, жизнь ему нипочем! В случае войны они принимают первый удар и побеждают или гибнут вместе со своим судном. (А именно здесь может грозить нам, первым долгом, морская война. Поэтому и не грешно им погулять, пока на то есть время.) Разве вам не знакомы славные традиции нашего доблестного флота?..

Что я мог ответить на такие веские доводы?

— Куда нашему брату, сухопутному, до столь высокого полета! И образование мы получаем в подавляющем большинстве далеко низшее, и роль наша на войне куда проще — сиди себе в [27] окопе или на форту, ройся в земле или чахни в каком-нибудь штабе — и только.

И сухопутные офицеры имеют свое приличное гарнизонное собрание, где устраивались регулярно танцевальные вечера и прочее, и если здесь не выпивается столько шампанского, сколько в морском собрании, то, во всяком случае, живется и сытно и весело.

— Да, наш брат сызмала менее избалован. Наша роль не светская, — говорили мне офицеры гарнизона.

Явное недовольство этих двух категорий офицеров усиливалось нескрываемым высокомерием морской молодежи над сухопутными. Бывали даже неприятные столкновения. От наблюдателя не ускользала и некоторая расшатанность дисциплины среди нижних чинов, всевозможной вольности, не терпимых в благоустроенных войсках. И этот оттенок стушевывался в общей шумной, веселой, чтобы не сказать довольно бесшабашной жизни Порт-Артура.

Человек способен иногда примириться со всем, что бы не посылала ему судьба.

И флотские, и армейские офицеры встречались дружелюбно в домах общих знакомых и совместно чувствовали себя хорошо. Только когда дело касалось более крупных расходов на что-либо, тут уже сухопутная молодежь должна была стушевываться и затаенная обида на сравнительно неравномерную оценку труда пробуждалась каждый раз снова и оставляла в душе их надолго желчный осадок недовольства.

Меня уже не так удивляло и не так беспокоило то, что и в Порт-Артуре много всевозможных японцев{7}. Сперва, конечно, казалось странным, что в крепости проживает такая масса [28] иностранцев и тем более бесспорно враждебно к нам настроенных. Но что было делать? Порт-Артур составлял в одно и то же время крепость, город и весьма оживленный коммерческий порт{8}, в который входили иностранные торговые суда ежедневно и, став на якорь в гавани, были уже среди крепости. Несмотря на все затраты правительства, ему все еще не удавалось направить волну торговых сношений на специально для того созданный порт и город Дальний. Главным потребителем на всем Ляодунском полуострове оказался пока Порт-Артур с эскадрой и гарнизоном, а также с начавшим строиться новым европейским городом. Также необходимые для построек крепости материалы составляли значительную часть морского ввоза. Во всяком случае, я верил, что над иностранным элементом, могущим угрожать нашим крепостным и военно-портовым тайнам, существует здесь специальный и особенно бдительный надзор.

Это, дескать, само собой разумеется!..

Что мне не понравилось, это — воспрещение нашим офицерам посещать верки крепости без особого на то каждый раз разрешения коменданта крепости. Получать это разрешение, говорили мне знакомые и сослуживцы, процедура довольно неприятная, нелюбезные расспросы, зачем и почему понадобилось посетить то или другое укрепление, отбивали охоту даже у более любознательных.

«Должно быть, имеются на все это веские причины», — подумал я и мирился с фактом, хотя

чувствовал большую потребность ознакомиться с нашей твердыней, о которой говорили, что она неприступна.

— Я всегда стригусь и бреюсь у парикмахера главного начальника Квантунской области (так и увидите на вывеске, по Широкой улице), у японца. Это у нас принято, считается как бы хорошим тоном. — Так ответил мне один из младших сослуживцев, но уже из «старых артурцев», на мой вопрос, где он стрижется.

— Притом у него все так опрятно, имеется и индийский комнатный веер (панка). Пока стрижесть, вас овеивает приятная [29] прохлада, — счел он нужным добавить и, сам того не сознавая, поразил меня в «ахиллесову пятю».

Дело в том, что меня, прожившего последние годы только на севере, замучила на первых порах артурская жара — нигде не найдешь прохлады, чтобы отдохнуть, пот льет с тебя градом и днем и ночью. С первых же дней наступившей жары я мечтал только об одном: как бы устроить себе искусственную прохладу. Поэтому, несмотря на лакействующий «хороший тон», я все же решил пойти постричься у японца с такой громкой вывеской, лишь бы рассмотреть устройство индийского комнатного веера. Не знаю почему, быть может, чувствуя ко мне инстинктивную антипатию, японцы, парикмахеры, приняли меня так нелюбезно, как будто они оказывали мне великое одолжение и будто совсем не в их интересах завлекать к себе возможно больше публики. А мне говорили, что японцы очень галантны, предупредительны.

Такой прием испортил мне все настроение, и я не только не рассматривал у них устройство комнатного веера, но даже раз и навсегда оставил мысль устроить у себя что-нибудь в этом роде. Таким же образом я был принят в одном из многих здесь японских магазинов и решил не пользоваться без крайней на то надобности одолжениями славящихся вежливостью японцев. Только после начала войны я нашел разгадку своим, казалось, исключительным неудачам в сношениях с этими сынами неприязненной нам страны. Но об этом после.

Вскоре предстоял приезд военного министра генерала Куропаткина, гостившего в Японии. Все штабы и прочие учреждения старались, как обыкновенно, подобрать запущения, чтобы в случае посещения министром быть на высоте своего призвания. Работа кипела. И. о. коменданта крепости генерал Стессель подтягивал гарнизон с фронтовой стороны маршировками, учебной стрельбой, мелкими маневрами и эволюциями, подтягивал до того усердно, что среди войск было несколько смертей от солнечного удара. Этим путем погиб, между прочим, весьма почтенный офицер крепостной артиллерии капитан Голубев.

Жара стояла, по мнению такого непривычного к ней человека, каким был я, очень сильная, но мне говорили, что бывало здесь и жарче. Факты налицо: здесь необходимо считаться с солнечным [30] ударом, и головные уборы наших войск — белые чехлы — мало, чтобы не сказать совсем не соответствуют этой цели.

Приезд генерала Куропаткина затянулся; министр, говорят, отдыхал в мирном уголке Японии, на берегу моря, как бы удалившись на время от всех работ и забот. Ходили слухи, что его приезд может доставить кой-кому много неприятностей, так как будто по постройке фортов и установке орудий многое не в должном совершенстве. Так как генерал просил приготовить ему поезд, то полагали, что он не намерен погостить в городе, а остановится до отъезда своего в поезд.

Все это повергло наши артурские высшие сферы в уныние, чреватое опасениями, будто перед грозой. Единственным утешением в данные мрачные минуты считали дружественные отношения министра к помощнику главного начальника края, командующему сухопутными силами генерал-лейтенанту Волкову.

К приезду министра, по мановению свыше, город разукрасился флагами и все приготавлилось к иллюминации. Положим, это делалось с большим удовольствием, так как

генерала Куропаткина не только уважали, но и любили все русские люди, а тем более военный элемент, всегда доминирующий в Артуре. Китайцы же всегда рады приезду сановных гостей и всякой церемонии, тем более в данном случае, они надеялись, что этот генерал убережет их от ненавистных им японцев, вождения коих не были им чужды.

За несколько дней до приезда министра возвратился в Артур на экстренном поезде статс-секретарь Безобразов, будто по особому высочайшему повелению отправился тотчас к адмиралу Алексееву и, как передают, потребовал, чтобы тотчас разбудили отдыхающего адмирала и чтобы тот его немедленно принял.

Наконец дождались приезда министра. Сойдя на берег и приняв почетный караул, при представлении генерала Стессе-ля как и. о. коменданта крепости министр сразу высказал далеко не любезное пожелание, чтобы господа офицеры впредь не стреляли в генерала Стесселя...

Дело в том, что этой же весной поручик К., обиженный будто бы генералом Стесселем и желая застрелить последнего, во время встречи адмирала Алексеева, возвратившегося из Петербурга, [31] ранил по ошибке другого, ни в чем не повинного офицера, этому будто помешала близорукость К. и излишне выпитое для храбрости. Поручика осудили за это покушение, кажется, в каторжные работы. Генералу Куропаткину, должно быть, были известны отношения генерала Стесселя к офицерам и то, что в обращении с солдатами он бил на популярность, позволяя себе при этом делать оскорбительные замечания по адресу офицеров, подрывая этим дисциплину и озлобляя последних.

Значит, первый гром грянул, ожидали еще и еще. Но сверх ожидания министр уехал к адмиралу Алексееву и остановился у него, в поезд поместились лишь лица свиты. Быть может, были еще кое у кого серьезные неприятности, но чисто келейные и не получившие огласки.

Кому охота похвастать полученной головомойкой?

Вместо уныния наступило праздничное настроение. Вечерами великолепная иллюминация. С военных судов светили боевые фонари, играя снопами электрического света, освещая то Перепелочную гору, то склоны других скал. Зрелище было величественное. На следующий день был парад войск на Казачьем плацу; министр благодарил гарнизон от имени царя за молодецкый вид и выправку. Войска ликовали. Потом торжественная закладка собора имени Св. Николая Чудотворца. Шпалеры войск с музыкой, торжественный обед от города, на котором генерал высказал несколько лестных слов по адресу адмирала Алексеева и уверенность в расцвете города под защитой неприступной твердыни{9}...

Говорили, что при министре будет из крепости учебная морская стрельба (которая меня очень интересовала), но дело обошлось почему-то без нее. Министр, имевший будто первоначально намерение остаться в Порт-Артуре лишь несколько дней, отложил свой отъезд на две недели.

Ввиду носившихся, так сказать, в воздухе симптомов серьезных осложнений по поводу предстоящего договорного срока [32] эвакуации наших войск из Маньчжурии, грозящей подрывом наших интересов, должно было состояться совещание для разрешения многих вопросов.

Кроме военного министра генерала Куропаткина и статс-секретаря Безобразова прибыли к этому времени в Артур: посланник в Пекине Лессар, посланник в Сеуле Павлов, свиты его величества генерал-майор Вогак (бывший военный агент в Китае) и военный агент в Китае генерал-майор Десино. Все эти лица собирались на совещание у адмирала Алексеева. Из местных властей иногда будто участвовал в совещаниях уполномоченный Красного Креста егермейстер Балашов{10}.

Обсуждавшиеся вопросы и резолюции, принятые этими совещаниями, остались для нас пока тайной. Японская, английская, американская и даже немецкая пресса на Дальнем Востоке

муссировала якобы угрозу со стороны русской «наступательной» политики миру — разжигала страсти, не стесняясь всевозможными [33] выдумками, намеками. Тотчас после отъезда генерала Куропаткина были подтянуты некоторые части войск с севера в Талиенван.

В газете «Новый край», в этом до некоторой степени политическом барометре Крайнего Востока, слышалось бряцание оружием — давались настолько подробные сведения о прибывающих с севера войсковых частях и провиантских грузах, что трудно было понять, какая именно масса того и другого прибывала на Квантун.

В Читу была пододвинута одна дивизия, предназначенная к дальнейшему передвижению в Маньчжурии в то время, как истекал договорный срок эвакуации страны.

Добыть точные сведения о том, сколько у нас военных сил по всей Маньчжурии и на Ляодуне для успокоения моих внутренних сомнений, не было возможности, чтобы не быть заподозренным в неблаговидных намерениях, да и собственная работа, которой я был буквально завален, не давала возможности увлекаться посторонними вопросами из любопытства, хотя бы возбуждаемого чисто патриотическими чувствами.

В Порт-Артуре не существовало жандармерии, о которой я читал в какой-то газете. Как мне передавали, казаки, составляющие почетную охрану главного начальника, исполняют и обязанности жандармов. Их деятельности на этом поприще, ни по отношению к русским, ни по отношению враждебных к нам иностранцам, особенно японцам, я ничуть не замечал.

Дело в том, что я все еще предполагал, что в Артуре должна существовать тайная антишпионская полиция, но, как потом оказалось, здесь и в помине не было чего-либо подобного.

Довольно скоро после прибытия господина Безобразова в Петербург последовало назначение адмирала Алексеева наместником всего Дальнего Востока, т. е. района до озера Байкал и границ Якутской области. Новая торжественная, хотя и неудачная встреча при возвращении его из Владивостока и иллюминация, но ненастная погода помешала этому празднеству. Начались совещания по устройству управления наместничеством. Нужно же было объединить управление краем во дабежание ненужных прений, препирательств разных ведомств. [34]

Нельзя не отметить, что как только получилось известие о новом назначении адмирала, приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант Д. И. Суботич попросил об увольнении его от занимаемой им должности и отказался встретить наместника во Владивостоке. Между ним как предшественником адмирала по управлению Квантунской областью и новым наместником будто было какое-то крупное недовольство. Кроме того, назначением наместника был положен конец самостоятельному приамурскому генерал-губернаторству, оно должно было стать лишь составной частью наместничества и этим уже потеряло все, из-за чего оно боролось с новыми, более южными нашими владениями, как с ненавистными во всем соперницами.

Учреждение наместничества выставлялось колониальной прессой также мерой, угрожающей якобы миру на Дальнем Востоке. Все это истолковывалось якобы направленным против интересов — жизненных интересов Японии, и что Япония наверно этого не потерпит... В самой Японии разжигались страсти против России большинством низшей прессы, агитацией противорусской лиги «Тайро-доши-кай», выступившими особо семью профессорами и пр. Поэтому травля колониальной прессы находила благодарную почву, и она старалась использовать ее.

Между прочим, я убежден, что приготовления к открытию в городе Дальнем нашей таможни возмущали японцев больше, чем наши лесные концессии на Ялу. О последних лишь переливалось в прессе многое из пустого в порожнее.

То, что Россия, потратившая на Маньчжурию миллионы{11}, превратившая это, до того

недоступное царство хунхузов в цветущую страну, открывшая ее для мировой торговли (которая увеличивалась с поразительной быстротой), стала заботиться о некотором возврате затрат посредством таможни, — это возмутило всех «защитников свободы», какими себя выставляли английские и американские агитаторы.

Вездесущие японские агенты следили за каждым шагом нашего правительства, и в Токио прекрасно знали обо всем тотчас [35] же. В то же время мы знали лишь то, что Япония усиленно готовится к войне, но верили, что дело уладится дипломатическим путем — взаимными уступками, ибо ясно было видно, что иностранная травля имела целью обоюдное кровопускание между Россией и Японией, чтобы извлечь из этого свои выгоды.

Не бросать же было тогда России от испуга пред газетной травлей всего, что стоило много лет труда и уйму средств, для того чтобы только умолкли беззастенчивые колониальные публицисты!

Между тем приблизился срок договорной окончательной эвакуации Маньчжурии (8 октября нового стиля). В «Новом крае» появилась передовица, заявляющая, что и после этого срока будет сохранено существующее в Маньчжурии *status quo* Интересен маленький дипломатический инцидент по поводу этой статьи, про который я узнал из окружающей адмирала сферы.

По поручению ли японского министерства иностранных дел или же по собственному почину, один из ближайших японских консулов обратился будто бы к наместнику с запросом, как следует понимать статью «Нового края» о сохранении и впредь существующего в Маньчжурии *status quo* На это дипломатическая канцелярия при наместнике выразила лишь свое удивление, что почтенный консул нашел нужным обратиться с запросом к наместнику по поводу того, что пишется в частной газете...

Дело в том, что «Новый край» считали чуть ли не всюду официальным изданием.

Немалым сюрпризом для нас выплыл вдруг заключенный Японией и Соединенными Штатами договор с Китаем о том, что эти государства имеют право приобрести селъменты и учредить консульства в Мукдене и Андуне... Этот договор был заключен с соблюдением такой тайны, что нашей дипломатии пришлось только считаться с совершившимся уже фактом.

В то же время колониальная пресса извещала о том, что Китай открывает еще такие-то порты для мировой торговли...

Тогда же я искал, но не мог найти ни на одной карте эти порты — и до сей поры не слыхал о них ни полуслова более...

Около этого же времени посещали иностранные высшие морские офицеры на своих военных судах Порт-Артур для поздравления [36] адмирала с высоким назначением. Гостей принимали с чисто русским хлебосольством и сердечностью. Но когда прибывший в это время с подобной же целью в Дальний японский адмирал будто спросил позволения прибыть на рейд Артура на своем судне, ему отказали.

Эти частичные, мелкие обиды, конечно, не могли иметь большого влияния на важные политические события. И адмирал Алексеев едва ли был вправе поступить иначе, ввиду натянутых с Японией отношений.

«Новый край» продолжал уверять, что наше положение в Маньчжурии, опираясь на солидную военную силу, непоколебимо; но в то же время высказывал, что если наши постоянные военные силы на Дальнем Востоке будут доведены численностью до 300 000 и усилится состав боевых судов, то, само собой разумеется, мир будет сохранен.

Но этого упорно не хотели понять в Петербурге. На это жаловался и адмирал Алексеев своим ближайшим окружающим. Говорили, что его категорические заявления о необходимости

усиления военных сил оставались там без внимания. Говорили, что будто враги адмирала в Петербурге тормозили его ходатайства.

Очень жаль, если в этом есть хотя бы капля правды, если на самом деле у нас личные расчеты могут быть ведены на счет интересов целого государства и его народов. Во всяком случае, несвоевременное усиление военных сил на Дальнем Востоке привело нас к очень печальным, если не сказать ужасным результатам.

Чем дальше, тем больше чувствовалось, что не миновать нам грозы — кровопролитной войны, что война эта совсем не за горами. Многие, конечно, уверяли, что Япония не осмелится мериться силами с таким великаном, каким является в сравнении с нею Россия. Трактовали также о том, что пока мы здесь имеем сильный флот, можно совсем не допустить высадки японцев на материк, объясняли, какую огромную силу представляют из себя эти плавучие крепости, сколь страшны они тем, что они могут передвинуться именно туда, куда это нужно. Но уверяли, что, во всяком случае, раньше весны не может быть и разговоров о войне. [37]

Притом все еще допускали, что начатые с Японией дипломатические переговоры могут, при некоторой уступчивости с обеих сторон, закончиться даже более упроченным миром.

Не можем обойти молчанием и последние до войны осенние маневры нашей Тихоокеанской эскадры и сухопутных сил, в тех чертах, которые особенно бросились нам в глаза. Как известно, японские морские и сухопутные силы были заняты чуть ли не целый 1903 год серьезными маневрами, при которых далеко не всегда и везде было дозволено присутствовать иностранным военным агентам и специально на то командированным офицерам. Мы узнавали об этих маневрах по газетным и другим сообщениям.

Наконец начались и наши маневры, сперва морские, которые производились преимущественно где-то около Талиенвана, и как они прошли, этого мы не видели. Знали мы только, что по ночам стерегли вход в Артурскую гавань два или три миноносца, чтобы «неприятель» (Владивостокская эскадра, усиленная несколькими судами из базирующих в Артуре главных морских сил) не проник внутрь ее. Часть входа в гавань была затянута боном — сцепленными параллельно бревнами, концы которых заострены и окованы железом. Мне как совершенному профану в военно-морском деле было совсем непонятно, как может такой бон удерживать неприятельское судно, если бы ему вздумалось форсировать гавань. Напрасно ломал я свою голову. Разве, думал я, бревна эти заменяются страшными плавучими минами, дотронувшись до которых любой исполин-броненосец должен пойти ко дну, или тут что-нибудь другое в таком же роде. Опять же не мог я себе уяснить, почему неприятельское судно, добравшись до бона (который был поставлен даже не в самом узком месте входа, а ближе к самой гавани), должно было прорываться дальше, когда оно могло отсюда прекрасно расстреливать все суда, находящиеся во всей гавани и в Восточном бассейне, а также удобно превратить весь город, расположенный вокруг гавани, в развалины. Впрочем, тут по одной стороне стояли две полубатареи скорострельных пушек 57-мм калибра, а по другой, в загибе Тигрового хвоста (врезающегося в гавань узкого продолжения Тигрового полуострова), виднелись какие-то бруствера с более крупными пушками. [38]

Видимо, эти пушки должны были окончательно изрешетить и потопить прорывающееся неприятельское судно. Но в таком случае оно должно загородить своим корпусом чуть не весь вход в гавань!

Так путались мои мысли в разгадке военно-морских тайн. Мне казалось, что маневры эти, по крайней мере что касается защиты гавани, слишком отдают добродушной опереттой.

Теперь же имею полное право сказать, что это была недостойная кукольная комедия. Когда началась война, бона этого не было ни здесь, ни на другом месте, а после, при испытании его способности удерживать судно (когда после первых японских брандеров-заградителей решено было искусственное заграждение входа в гавань), он не выдержал серьезной критики —

простое паровое судно прорвало бон{12} при среднем ходе пополам. Оберегающие вход батареи были вскоре убраны как совершенно бесполезные на этих местах.

Как-то утром рано разбудил нас грохот крупных орудий. Наскоро одевшись, я вышел на улицу узнать, в чем дело. Оказалось, что крепость отражает «неприятельские» суда, показавшиеся в бухте Луизы. С большим интересом наблюдал я, как на большой и малой мортирных батареях Золотой горы подымались жерла орудий, выбрасывали густые клубы дыма, раздавался оглушительный раскат и орудие вновь скрывалось за бруствером.

Стреляли недолго. Неприятель считался отраженным, как передавали мне люди более осведомленные.

И это было не что иное, как кукольная комедия. Впоследствии, во время осады, часто действительные неприятельские суда приходили в бухту Луизы, а с Золотой горы даже не думали открывать по ним огонь, так как расстояние до этой бухты было слишком большое, чтобы хотя бы один снаряд мог долететь до берега, не то чтобы поразить неприятеля на воде.

Один из офицеров с миноносца, сторожившего в то время вход в гавань, сознался мне, что они раз чуть не проспали «неприятеля», [39] старавшегося пробраться в гавань. И тогда я поверил ему, а сейчас не имею уже ни малейшего сомнения в том, что он говорил чистейшую и вполне характерную правду.

Что касается сухопутных маневров, они заключались в следующем: войска, находившиеся в Талиенване и Дальнем (позднее развернутые в 4-ю дивизию), наступали под командой генерал-майора Фока, а гарнизон под руководством и. о. коменданта генерал-лейтенанта Стесселя защищал крепость. Генерал Фок предпринял диверсию и занял Казачий плац без выстрела, т. е. завладел крепостью, как будто пришел в гости к генералу Стесселю, и как доносили его передовые посты и разведочные отряды, что «неприятель» движется сюда, т. е. по Большой Мандаринской дороге, а там, где его ожидает генерал Стессель, движутся только обозы, для отвода глаз, но он не поверил. Посланная им все-таки для защиты Казачьего плаца артиллерия была расположена так, что не только не могла отразить неприятеля, но и не видела, как он явился уже в тылу ее. Этим, конечно, закончились маневры.

Бывший при этом наместник обратился к своему начальнику штаба, генерал-майору Флуге, с ироническим вопросом:

— А что, Василий Егорович, если бы на самом деле так случилось?..

Теперь, конечно, имеем полную возможность утверждать, что если на самом деле падение Артура произошло не так, то в этом ни в коем случае нельзя обвинять генерала Стесселя...

В заключение маневров состоялся, конечно, парад, завтрак у наместника для высших и угощение между собой прочих офицеров — и победителей, и побежденных, — причем, разумеется, не было недостатка в тостах и спичах. После того наступил зимний отдых.

На парад, состоявшийся на Казачьем плацу, я немного опоздал. По дороге встречаю возвращающегося оттуда японца с... фотографическим аппаратом; далее двух японцев-интеллигентов, на лицах которых играла нескрываясь презрительная улыбка, они беседовали между собой оживленно. В толпе публики всех наций около самого парада я заметил еще много японцев. Можно быть уверенным, что они также проследили весь ход [40] маневров. Это опять-таки покорило меня, но, поглядев на наш бравый гарнизон во время церемониального марша, я снова успокоился.

Об этом параде сообщали миру, что будто на нем участвовало 40 тысяч войск, на самом же деле было тут всего около 14 тысяч. Но время было такое, что требовалось бряцать оружием, чтобы отдалить катастрофу. Насколько это удалось — вопрос другой.

Кстати, должен заметить, что в это время генерал-майор Фок стал героем дня. О нем рассказывали, что это чудный генерал — например, в турецкую кампанию он будто, еще в

чине капитана, раз как-то велел связать нерешительного своего начальника, командира батальона, повел батальон в атаку и взял турецкую позицию, за что награжден Георгиевским крестом. Ранен в ту же кампанию в голову, но это де не мешает ему быть по-прежнему героем. Таким он слыл вплоть до Кинчжоуского боя. Все ожидали от него прямо чудес{13}.

Переговоры с Японией тянулись; требования Японии стали частью известны, также обсуждались ответы России и предполагаемые уступки с той и с другой стороны. Большинство уверяло, что дело обойдется без нарушения мира. Та часть военных, на долю которых выпали дешевые лавры Китайского похода 1900 года, высказывалась довольно открыто за войну. Усиленный оклад военного времени — тоже искушение немалое. В одно прекрасное утро наша эскадра начала окрашиваться в темный боевой цвет. Снимался весь излишний такелаж и прочее, без чего можно было обойтись; принимали все необходимые запасы в кратчайшие сроки, чтобы, как говорили, по данному сигналу выйти в море. Желаешь мира — готовься к войне...

Это были громкие фразы, которые мало кого утешали. Мрачный вид недавних белых красавцев прямо угнетал. Некоторые крейсера 2-го класса старого типа, как «Разбойник» и «Джигит», получили, по снятию рангоута, очень жалкий вид; [41] они не внушали никакого доверия в свою боевую силу и походили на ошипанных ворон.

Тут же стало известно, что при быстрой сдаче на берег всей ненужной мебели и приемке запасов была масса злоупотреблений; наживались поставщики и содержатели разных отраслей судового хозяйства и береговых, портовых складов. Контроль был совершенно невозможен.

И в мирное время не обходилось без этого. Некоторые содержатели судовых частей хвастались, под пьяную руку, что им ничего не стоит выдать, например, расписку в получении нескольких сот тонн угля, принять на деле всего одну сотню тонн и получить остальное деньгами; то же относительно качества угля. При этом они называли имена тех из начальствующих, с кем приходилось делиться добычей.

Так готовились мы отстоять мир и — честь Родины.

В декабре стало известно, что наместник собирается уехать в Петербург, как только переговоры с японцами будут благополучно закончены. Поезд стоял уже наготове.

Многие уезжали в отпуск отдохнуть, полечиться.

Прошло Рождество и Новый год. Отъезд наместника все еще откладывался. Иногда маршировали по городу отряды гарнизона в зимней походной одежде, полушубках, иногда в полной боевой амуниции. Все это были прогулки{14}.

Наконец, в начале января стали уходить части наших войск{15} куда-то на север, прогрохотала на вокзал и вся наша полевая артиллерия{16}. Но все это не особенно тревожило нас. Всякий сознавал, что время настало критическое, но всякий также еще надеялся на мирное улажение дела. А если дело дойдет до войны, то не раньше весны...

Несколько раз, во время ранних утренних прогулок, когда улицы еще пустынные и кроме китайцев-караульных, подметающих [42] свой участок улицы, никого не встретишь, мне попадались навстречу спешившие по направлению к гавани отдельные японцы-интеллигенты.

Но и это меня не особенно беспокоило; я был все еще уверен, что в такое тревожное время бдительность наша, наверное, на должной своей высоте.

Встретив как-то перед самым началом войны в доме общих знакомых одного из морских штаб-офицеров, из числа командующих миноносцами, я поинтересовался, оберегается ли вход в гавань миноносцами и освещает ли хотя бы дежурное судно горизонт боевым фонарем. Почтенный капитан ответил мне, что все это делается в должном порядке. Это

успокаивало все возникающие у меня новые сомнения. С другой стороны, передавали мне уже давно, что наши крейсера предпринимают по ночам таинственные и весьма рискованные рекогносцировочные рейсы{17}.

Наконец, японцы начали ликвидировать свои дела и оставлять город. И это объяснялось только желанием японского правительства произвести некоторое давление на русские дипломатические сферы.

26 января (8 февраля нового стиля) приехал в Порт-Артур японский консул из Чифу, просил наместника оказать в случае осложнений покровительство японским подданным, что и было ему обещано. В честь гостя был дан богатый обед, и он уехал в тот же вечер, провожаемый дружественными рукопожатиями довольных всякому гостю русских людей. И этот приезд считался только мерой на всякий случай, да и этот «всякий случай» не принимали всерьез.

Было несколько случаев, что власти стали разыскивать внезапно исчезнувших японцев. Но и это не тревожило никого. Город жил и в этот вечер обычной своей разгульной жизнью и лег спать со спокойной совестью. Ведь война еще не была объявлена, как это принято вековыми обычаями культурного Запада. [43]

II. Начало войны

1. Боевое крещение флота и крепости

26 января (8 февраля)

Сколько помнится, утром мне сообщили, что получена депеша о разрыве дипломатических сношений между Россией и Японией. Это известие встревожило меня довольно сильно, но так как текста депеши я не видел, а своей работы и забот было у меня в это время, так сказать, по горло, я вскоре успокоил себя тем, что не всякий разрыв дипломатических сношений влечет за собой войну. И даже в последние годы было тому несколько примеров. Полагал я, что это еще одна из попыток со стороны Японии принудить Россию к большей уступчивости.

Вечером китайцы начали праздновать свой Новый год. Треск от сжигаемого фейерверка, среди которого разрывались более крупные хлопушки, раздавался по всему Артуру и окружающим селениям — казалось, началась война, будто идет повсеместный штурм. Нашего брата-европейца всегда раздражает эта нескончаемая пальба{18}. [44]

В этот день я не видался почти ни с кем и, когда вечером ложился, усталый, довольно рано спать, мне даже не вспомнилось о прерванных дипломатических сношениях. Но когда в двенадцатом часу ночи раздалась с моря канонада, я приподнялся в постели и понял, что началась, бесповоротно началась война. Меня охватила мелкая нервная дрожь, я прислушивался к зловещим звукам, мысли зароились с такой быстротой в голове, что я и не подумал встать и выйти посмотреть, что творится там, на море. Так просидел я в кровати очень долго, почти не слышал промежутков затишья, потом лежал в какой-то полудремоте, как бы в кошмаре. Когда раздалась последние орудийные выстрелы, я посмотрел на часы, они показывали 5 часов 30 минут.

Как я узнал впоследствии, к немалому моему удивлению, многие приняли эту стрельбу за морской маневр, полагали, что наконец-то производится ночная практическая стрельба, о которой раньше поговаривали. На запросы некоторых горожан (и даже офицеров) по телефону, что это за выстрелы, им отвечали, что эта ночная стрельба флота{19}...

В эту ночь береговые батареи не стреляли вовсе. Нельзя было узнать, что происходит на море

и по чему именно стрелять, опасаясь, чтобы не расстрелять собственные суда или миноносцы. Был ли у вице-адмирала Старка в этот вечер бал или просто ужин по случаю именин его супруги, не берусь также решать.

Теперь, когда вопрос этот перестал быть таким жгучим и когда выяснилось, что дело не в одном адмирале Старке, мне подвернулся случай спросить о нем одного из моряков, который лично в этом нисколько не заинтересован и не доверять которому я не имею никаких оснований. [45]

— Что там и как там было, не скажу, а бесспорный факт тот, что адмирала не было на эскадре во время первого нападения японцев на наши суда {20}.

Вот его ответ, который привожу как один из примеров тому, что было на самом деле и как повествовали о том.

27 января (9 февраля)

Было около 7 часов утра, когда я побежал на набережную и к порту, чтобы разузнать, что такое произошло ночью. Недалеко от ворот, ведущих в порт, я очутился как-то вблизи двух полицейских, пристава П. и околоточного надзирателя Д., и был невольным свидетелем следующей сцены.

По набережной, по направлению к порту, шествует какой-то лейтенант, заметно навеселе, ведет под руку двух дам и весело беседует с ними. Видно, что ему ничего не известно о случившемся.

— Должно быть, с тех миноносцев, которые еще в гавани, — говорит пристав околоточному. — Идите, скажите ему.

— Боюсь, — отвечает околоточный, — знаете, оскорбит и кинется, пожалуй, бить — не поверит.

— Верно, — соглашается с ним пристав и отправляется сам навстречу лейтенанту, козыряет ему с вежливым наклоном своей довольно внушительной фигуры: — Позвольте, господин лейтенант, доложить вам, что еще около полуночи пробита боевая тревога. Видите в проходе, на мели поврежденные минами суда.

Бравый моряк в первый момент приосанился, как бы недовольный неуместным вмешательством в его беседу полицейского чина, потом посмотрел растерянно на вход в гавань, где виднелись грустные силуэты раненых великанов, и в следующий момент скрылся бегом в воротах порта, бросив своих дам на произвол судьбы.

— Кабы вы видели, — обратился теперь ко мне пристав, — что было ночью. Вестовые, кто на извозчике, кто пешком, бегают по разным домам, разыскивая своих господ. Потом несутся [46] те, кто без фуражки, кто без кортика, во весь дух и на шампуньки {21}.

Что это факт, подтвердит вам каждый артурский житель того времени.

Суматоха, происходившая в это время в сухопутных частях крепости, была немногим лучше, с той только разницей, что господ офицеров не приходилось так разыскивать, разве за очень редким исключением; они были вскоре все на своих местах и их команды выстроились, ожидая дальнейших приказаний. Не было только при этих командах достаточного количества патронов; все надеялись «в случае чего» отбросить неприятеля штыками. Но и тут многие приняли все это за маневр, так как из приказа не было видно, что война действительно началась.

Что происходило в штабе крепости и в отдельных управлениях — не поддается описанию. Диспозиция вывода войск на позиции не была разработана. Отовсюду спрашивали, куда выводить такие-то части? Генерал Стессель потерял совсем голову: то кидается на начальника штаба и адъютантов, ежеминутно диктуя новые распоряжения, отменяя только

что данные, то рвет и мечет, приказывая передать по телефону начальникам отдельных частей на их запросы, что они сами должны знать, что в данном случае делать и что он, комендант, имел, дескать, право рассчитывать на то, что господа командиры будут на высоте своего долга и что у них все в должном порядке; то диктует им кое-какие распоряжения, которые те, в свою очередь, не знают, как исполнить и как согласовать между собою; то обращается к главноначальствующим с разными запросами.

Во всех отдельных управлениях происходит то же самое, лишь в меньших размерах. Начальники кидаются на адъютантов и писарей и приказывают, и удивляются, почему все то-то и то-то не было исполнено раньше, и получая ответы, что то-то не имелось совсем в виду, то-то отложено на более свободное время, а этого свободного времени все не оказывалось, что вот такое-то распоряжение по части не было еще санкционировано комендантом или осталось неисполненным по таким-то причинам, [47] кидаются вновь к телефонам, запрашивают снова комендантское управление и, не получая оттуда необходимых указаний, а вместо них часто незаслуженные упреки и даже колкости, обращаются снова к адъютантам, то приказывая, то советуясь, мешая им работать. Хватаются за голову, бегают по комнате, садятся, вскакивают, умоляют, чтобы скорее строчили и передавали приказы, и ругаются, что все это не клеится.

В высших инстанциях нервничают также, дают невыполнимые приказания, отменяют только что данные или уже начатые и стараются уверять спрашивающих, что они сами должны все это знать и все это должно было быть заранее предусмотрено. Везде оказываются недочеты, неподготовленность, которые все же должны были быть частью выяснены при прежней отправке частей гарнизона на Ташичао, направляя их на Ялу.

Наконец, войсковые части распределены, но они долго блуждают по горам, дорогам и тропинкам, пока добираются до места назначения. Ведь офицерам не было позволено ходить в мирное время по укрепленным или предположенным укрепить вершинам, окружающим город, они совершенно не в силах ориентироваться в полумраке наступающего утра и даже на рассвете. Это одна из отрицательных заслуг сурового коменданта, всегда уверявшего, что у него все в порядке и он ко всему готов и спокоен. Тут в первый раз больно почувствовалось отсутствие третьей бригады {22}, наиболее знакомой с местностью, отправленной на север, в также незнакомые ей места.

Двуколки с запасами и кухонь части не имели с собой, первые были посланы в арсенал за патронами и прибыли к своим частям, также блуждая по горам, некоторые только на другой день. Трудно было голодным солдатам на холоде и без приюта, пока доставили все необходимое. Но русский солдат всегда отличался умением переносить то, что другим могло бы казаться непосильным. Вот видимая сторона в переполохе крепости, произведенном внезапным ночным нападением неприятеля.

Одним словом, увертюра была сыграна — сыграна плохо, занавес поднялся и началась трагедия — трагедия мировая. Но [48] на самом деле положение крепости было в эту минуту более ужасным, чего, однако, ни неприятель, ни мирное население города не могли даже подозревать.

Батареи берегового фронта не все были достроены и далеко не все были в боевой готовности, на сухопутном фронте не было ни одной вполне установленной пушки, не то что батареи, активного гарнизона, после отправки третьей бригады и полевой артиллерии на север осталась горсть, в сравнении даже с тем количеством войск, которое находилось здесь в мирное время.

Надо было благодарить Бога, что при этой нашей непростительной, даже преступной неподготовленности, неприятель не решился на более грандиозную и более энергичную минную атаку, не произвел тотчас же ночью бомбардировки наших судов всей своей эскадрой и не высадил в то же время в одной или нескольких ближайших бухтах

десанта{23}. Участь всего нашего флота и крепости могла быть решена, если не в эту же ночь, то на следующий день, окончательно. Своей нерешительностью неприятель дал нам опомниться, оправиться.

Но вернемся к фактам и событиям.

У входа в гавань стояли приткнутые к мели броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» — цвет нашей броненосной эскадры — и крейсер «Паллада», поврежденные японскими минами Уайтхеда. Вокруг них что-то суетились.

На берегу народ волновался и спорил, не имея никаких положительных сведений, никому не хотелось верить в эту ужасную действительность. Рассказывались всевозможные небылицы, между прочим передавали, что помимо потопленных ночью японских миноносцев взят один в плен и находится у Тигрового хвоста. Но это была невзорвавшаяся, выловленная мина Уайтхеда, коих в эту ночь было выпущено японцами множество.

Мне удалось вскоре получить газету. Но как я ни просматривал ее, не нашел ничего о ночных событиях, газета была в то время уже напечатана или же печаталась, и верных сведений нельзя было достать ночью. [49]

Зато когда я нашел текст телеграммы, извещающей о разрыве дипломатических сношений, — текст, явно указывающий, что Япония не желает мирного исхода переговоров, что военные действия должны начаться с первого удобного для Японии момента, — я не мог понять, как люди могли еще верить в мирный исход дела и почему наш флот и крепость не ожидали появления врага, не были в полной боевой готовности, тем более что телеграмма была от 25 января?

Простой здравый смысл требовал этого!

Между тем войска были уведены на позиции, и в городе не было заметно какой-либо суеты военного начальства. У наместника только что собралось высшее начальство на военный совет, начавший обсуждать положение и что надлежит предпринимать, как около 10 часов 35 минут утра было получено известие о том, что красавец крейсер «Боярин», посланный на разведку при появлении около 8 часов утра первых 4 японских крейсеров 2-го класса в виду берега, вдет с горизонта полным ходом и сигнализирует приближение больших неприятельских сил.

Какое впечатление произвело это известие на собравшихся в доме наместника отдельных лиц, сказать трудно, но ясно, что оно встревожило всех и очень затруднило этим успешное разрешение вопросов.

Первым выехал, по свидетельству заслуживающего доверия очевидца, из ворот дома наместника вице-адмирал Старк и спешил на свое флагманское судно; это было в исходе одиннадцатого часа{24}. Потом уезжали один за другим все остальные начальствующие; все имели довольно растерянный вид. Генерал Стессель поспешил на Электрический утес и, кажется, успел прибыть туда до начала бомбардировки. Но когда наместник выехал в сопровождении своего штаба из дому, направляясь к Золотой горе, бомбардировка была уже в разгаре, и он только еще поднимался на Золотую гору, как стрельба уже заканчивалась.

Между тем в городе мало кто знал о готовящихся ужасах, каждый занимался, как ни в чем не бывало, своим делом. Кто и [50] знал об этом или мог предполагать, ожидать что-либо подобное, надеялся на «неприступную твердыню» крепости, как это всегда и всюду было принято говорить и уверять.

Мне было сообщено по телефону о приближении японской эскадры и об ожидаемой бомбардировке. Я было решил продолжать хладнокровно свою работу и не обращать внимания на то, что будет твориться на море и на береговых батареях, я признавал наперед безумием со стороны японцев решиться на бомбардировку такой крепости, не имея никаких шансов нанести ей серьезный вред, но рискуя при этом многим.

За несколько секунд или, быть может, за минуту до половины двенадцатого, по моим часам, раздался первый, довольно глухой орудийный выстрел. Ровно в 11 часов 30 минут заговорили орудия с такой силой, что земля дрожала, окна дребезжали и стекла грозили растрескаться, двери растворялись и ходили ходуном, увеличивая этим ужасающий хаотический гром, грохот, вой и треск. Кажется, около 10 минут я выдержал на месте, хотя работа шла все плоше и плоше; наконец нервы не выдержали. Вскочил, вышел на улицу, добрался до ближайшей возвышенности, так называемой Военной горы, и стал наблюдать за происходящим. Нервы были настолько потрясены силой адского рева орудий и какого-то стихийного шипения и свиста в воздухе, что все казалось как бы во сне. Голова перестала работать, глаза блуждали бессмысленно вокруг, не зная, на чем остановиться.

Над Золотой горой, стрелявшей из своих мортир дымным порохом, стояли густые клубы и вились огромные красивые столбы и кольца белого дыма; на остальных батареях виднелись тоже то белые, то желтоватые дымки. Что творилось на море, мне не было видно, я видел только огоньки и дымки на стоявших у входа раненых судах. Но что это было — попадание ли вражеских бомб или выстрелы с этих судов, я не был в силах разобрать, и некогда было об этом подумать.

Вдруг взрыв какой-то, облако дыма и пыли на набережной, вблизи полевого телеграфа и моста; не успело еще рассеяться это облако, как снова раздается какое-то шипение, и среди верхних домиков, облепивших восточный овраг Перепелочной горы, раздается резкий, как щелканье бича, треск, и белые с черным [51] дым и пыль разрушенных неприятельским снарядом зданий покрывают место катастрофы.

Собравшаяся выше этих домиков публика, наблюдавшая за боем, бросается в разные стороны, чтобы скорее избежать опасности. Вслед за этим взрывается еще снаряд, ниже первого, потом еще и еще. Ничего не видать, что происходит на местах взрывов. Смутно понимаешь, что неприятельские бомбы стали перелетать через укрепления или же посылаются нарочито в город через проход в гавань и что это худо. Внизу, по улице от места, где начали падать снаряды, бежит густой толпой народ, и китайцы, и европейцы, направляясь преимущественно в Китайский город, и по направлению к арсеналу, к Казачьему плацу.

В воздухе продолжает стоять оглушительный рокот, как будто ужасная гроза, громовые удары, словно огромный вулкан клокочет постоянно следующими друг за другом взрывами, сопровождаемыми землетрясением, подземными раскатами и грозит гибелью всему окружающему. Но небо чисто, солнышко светит и пригревает, лишь дым с батарей Золотой горы начинает его заволакивать легкими белыми полосами.

Человек замер на месте от ужаса, сознавая полное свое бессилие, свое ничтожество пред стихией, но в нем не угасла надежда на то, что все это должно скоро пройти, что не все будет уничтожено бедствием. Всякие понятия о месте и времени перестали существовать для него, барабанные перепонки надорваны оглушительными звуками, они, кажется, потеряли свою чуткость, а глаза остроу восприимчивость.

Там, внизу, все еще бегут и бегут по улицам сотни народа, толпа, синеющая от преобладающих в ней китайских костюмов. Но что испытывают в эти минуты задыхающиеся там от пыли и усталости люди, не можешь сообразить, представить себе их муки, это не отзывается в твоей душе, она не чувствует; стоишь себе, точно прикованный к горе, как будто на облаках, вдруг оторванный этим адским гулом и рокотом от всего земного {25}. Становится холодно, будто кровь перестает циркулировать по жилам. [52]

Но вот рев орудий становится реже и реже, как бы удаляясь в море; еще и еще отдельные сильные выстрелы с ближайших батарей — и снова более долгая пауза, заполняемая лишь раскатами с моря, будто плоско расплывающимися по воде. Еще и еще минута — и все затихает как эхо, как удалившаяся грозовая туча...

От сердца отлегло, оно снова забилося ровнее, начинаешь приходить в себя; будто

просыпаешься.

Выхватываю часы — ровно 12; следовательно, все эти ужасы, казавшиеся бесконечными, длились всего полчаса.

Когда я спустился с Военной горы в город, то только тогда увидел, что происходило здесь во время паники, — везде по улице валялись дамские туфли, китайская обувь, галоши, разные принадлежности платья, домашние вещи, разные коробки, даже лампы. Все это было стоптано, помято; по-видимому, охваченные паникой люди схватывали, что попадалось под руки, желая спасти более ценное имущество, потом бросали все эти вещи, куски одежды и обувь, мешавшую быстро убегать, — у кого спадала с ноги обувь, тот и не думал поднимать ее, да это было бы немыслимо. Каждый думал об одном: как бы поскорее уйти подальше отсюда, попасть в безопасное место, спасти свою жизнь. И эта картина была видна на всех улицах, по которым убегал народ.

К счастью, день был солнечный, теплый. Серьезных увечий и несчастных случаев, однако, не было, более всего, конечно, были случаи легкой простуды. Некоторые свободные от службы офицеры оказали большие услуги охваченной страхом толпе, помогая и успокаивая во время паники. Улицы еще пустынные, но народ уже начинает возвращаться в свои дома.

Когда я приближался к набережной, слышу музыку — спешу туда скорее. На рейде играют на всех судах встречный марш, «Боже, Царя храни», и марш наместника. Это встречали, как мне потом сказывали, возвращающиеся с лихой атаки крейсера «Баян» и «Новик».

В эту минуту нельзя было добыть среди встречаемых на набережной людей никаких сведений о том, что именно произошло и велики ли наши потери за время боя. Говорили о всяких возможных и невозможных подвигах и успехах, а потерь [53] как будто и не бывало. Вот дух уверенности в силу нашего оружия и непобедимость крепости. Этот-то дух и поддержал нашу бодрость и после, в более трудные дни.

Под этими впечатлениями, успокоенный музыкой, пошел я осмотреть яму вблизи моста, образовавшуюся при взрыве 12-дюймового японского снаряда. Яма эта была воронкообразная, в центре глубиной в человеческий рост, шириной около 3 сажен. Вокруг нее собралась уже порядочная толпа народу, старательно разыскивая осколки снаряда, как будто они составляли большую ценность.

За мостом, в саду конторы богача Тифонтая, лег один неразорвавшийся 12-дюймовый снаряд, вокруг него также стояла толпа любопытных. На набережной были выбиты взрывом бомбы все оконные стекла, пустые рамы производили неприятное впечатление, как глазницы черепа. Но это только в первый момент, потом, так сказать, пригляделись.

Зато взорвавшаяся на пустом скалистом месте, на первом уступе Перепелочной горы граната оставила мало следов, на небольшом пространстве, аршина на полтора всего в диаметре, верхний слой в 2 вершка скалы раздроблен. Среди домиков вокруг восточного ущелья Перепелки, как эту гору обыкновенно называли, одна фанза (домик китайской постройки и их же образца) разрушена, а у другой поврежден край и крыша. Сколько при этом убито и поранено, так и не удалось тогда разузнать, говорили, что есть раненые, но и только. Вернее всего, что жители взобрались при самом начале бомбардировки выше на гору, чтобы лучше наблюдать. Снаряды же стали попадать сюда только к концу боя.

Вечером 26-го числа (8 февраля), пока у наместника радушно угощали обильным хлебом-солью японского консула, прибывший с ним из Чифу в качестве слуги офицер японского флота пробрался на лодке на внешний рейд, выяснил расположение нашей эскадры и убедился в том, что тут не ожидают никакого нападения. Потом он отбыл благополучно с консулом и пересел на свою эскадру, чтобы руководить атакой миноносцев.

Наши суда были на рейде в трех параллельных колоннах, ближе к берегу стояли броненосцы, морские крейсера, из коих «Паллада» имела дежурство. [54]

Там стояло у нас 7 броненосцев: «Цесаревич», «Ретвизан», «Пересвет», «Победа», «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь» и 6 крейсеров: «Баян», «Аскольд», «Диана», «Паллада», «Боярин» и «Новик», кроме того, транспорт «Ангара» (недавно купленный у Добровольного флота пароход «Москва»). Два наших миноносца, «Бесстрашный» и «Расторопный», ушли в дозор — крейсировать впереди рейда миль на двадцать, остальные лежали преспокойно в гавани.

Миноносцам, крейсирующим впереди эскадры, было приказано идти при полном освещении, медленным, экономическим ходом и в случае чего сообщить о том адмиралу, но к бою не готовиться. В начале двенадцатого часа ночи часовые на судах увидели приближающиеся со стороны Дальнего миноносцы, часовые приняли их за свои, потому что на спрос сигналом они будто ответили нашим же русским сигналом{26}, а когда подошли еще ближе и их окликнули, то послышалась одновременно с ответом «свои» преестественная русская ругань, так привычная морякам. Возможно ли было тут еще сомневаться, что это свои, возвращающиеся с разведки миноносцы! Говорят даже, что когда уже мины взорвались у трех наших судов и эти суда снялись с якоря, чтобы скорее войти в гавань, будто был момент, когда японские миноносцы оказались между нашими судами и тогда еще кричали «что вы, дураки, стреляете по своим!» и приводили этим в смущение наших храбрых комендоров{27}.

Поврежденные суда направились в гавань, причем «Цесаревичу», стоявшему левым фланговым в ближайшей к берегу линии, когда рулевой привод оказался поврежденным миной и приходилось управляться одними машинами, пришлось обогнуть всю эскадру. Когда он приближался ко входу, то заметил идущих со стороны Ляотешаня еще два миноносца и не принимал их уже за своих, а открыл по ним огонь. Потом их преследовали крейсера «Новик» и «Аскольд». [55]

О том, сколько именно было атакующих японских миноносцев, не удалось собрать данных. Потом узнали мы это из японских официальных сведений. Их было сперва пять (из них три миноносца приближались со стороны Дальнего, а два со стороны Ляотешаня, с некоторым опозданием), а затем присоединились еще десять — всего 15 миноносцев, выпустивших, по японским сведениям, всего 18 мин Уайтхеда.

Сравнительно малый успех при данных условиях, достигнутый такой значительной флотилией японских миноносцев и большим количеством выпущенных ими мин, объясняется только нерешительностью удара, наносимого без объявления войны, и тем, что оправившаяся от первого переполоха наша эскадра встретила их дружным огнем даже с поврежденных уже судов. Раненый медведь проснулся, и его действительно нужно было бояться. Насколько пострадали при этом японские миноносцы, так и осталось не вполне выясненным, ибо японцы обыкновенно не сознаются в действительных своих потерях. Один несомненно потоплен.

Когда поврежденные суда, одно за другим, прибыли ко входу в гавань, то оказалось, что войти в гавань нельзя — стоял отлив, пришлось приткнуться к мели. При этом заметим и то, что японцы выбрали первый момент атаки именно с тем расчетом, чтобы суда не могли ретироваться в гавань.

Этими соображениями они руководствовались и в последовавших затем действиях с моря, при бомбардировках, например, выбирали время отлива, чтобы броненосцы не могли в это время выйти из гавани и напасть на них; приводя свои брандера или после спуская на рейде свои плавучие мины, они пользовались всегда приливом, чтобы лучше достигнуть своей цели.

Следовательно, в этой морской войне были японцами использованы и прилив, и отлив в такой степени, в какой едва ли пользовались ими воюющие в прежние времена.

Суда наши были повреждены: «Цесаревич» в кормовой, «Ретвизан» в носовой части{28}, а крейсер «Паллада» почти в середине левого борта. При этом было убито 2, утонуло и

задохнулись [56] от газов 5 и было ранено 8 нижних чинов, из офицеров не пострадал никто.

Повреждения требовали довольно значительных исправлений, а док у нас был только один, и в него могли входить только крейсера, ворота дока были узки. Новый большой сухой док только недавно начали строить. В Петербурге будто все не признавали его необходимость и долго не утверждали его план и смету.

Пришлось приступить к исправлению броненосцев при помощи кессонов, «Паллада» должна была чиниться в доке. Но прежде чем начать исправления, нужно было снять суда с мели и ввести в гавань, а это было нелегко. Вода залила поврежденные части, и нужно было ее откачать.

Пока еще осматривали суда, было получено сообщение с Ляотешанского маяка о том, что показались 4 японских крейсера 2-го класса, крейсера эти шли вдоль рейда на юго-восток, с очевидной целью вызвать за собой погоню, увлечь нашу эскадру в море, чтобы главные силы японского флота могли дать ей там бой. Но маневр этот не удался. Был послан наш быстроходный крейсер 2 ранга «Боярин», а за ним и «Новик», разведать, нет ли поблизости всего японского флота.

Когда уже приближался неприятельский флот из 6 броненосцев, 6 крейсеров 1-го класса, с присоединившимися к ним 4 крейсерами 2-го класса, сопровождаемый миноносцами, тогда наша уцелевшая броненосная эскадра выстроилась в боевом порядке, имея на флангах крейсера «Боярин» и «Аскольд» с левой, а «Диана» и «Новик» с правой стороны, около Ляотешаня, а впереди себя крейсер «Баян», наши миноносцы стояли в стороне, у берега.

Наблюдавшие за ходом морского боя восторгались особенно лихими атаками «Баяна» и «Новика». Некоторые говорили, напротив, что какие-то суда впереди нашей эскадры («Баян» и «Новик») только мешали стрелять броненосцам, это говорили люди, видимо, некомпетентные. Но чем все были недовольны, это тем, что за бросившимся в атаку на начавшую отступать японскую эскадру крейсером «Баян» не последовали другие суда, а ему было приказано вернуться обратно. Чувствовалось, что у флота не доставало одухотворяющего [57] его в бою начальника, и поэтому все произошло не так, как бы хотелось {29}.

Команды проявили чудеса хладнокровия и храбрости и рвались в более жаркий бой, никто не обращал внимания на полученные ранения, если они позволяли продолжать дело. Даже свободные кочегары выскакивали посмотреть и помогали подавать комендорам снаряды. Присущий русским добродушный юмор не покидал работающих посреди этого ада, дыма, грохота орудий, свиста и треска снарядов: встречали японские снаряды и провожали свои, посылаемые в ответ, веселыми прибаутками, как будто на маневрах.

В бою получили более серьезные повреждения только крейсера «Новик» (пробоину снарядом в кормовой части), «Аскольд» и «Диана». Но повреждения эти могли быть исправлены в несколько дней. Наши потери в людях за этот бой, сколько удалось узнать, следующие: убит 21 нижний чин, ранено 4 офицера и 97 нижних чинов.

Несмотря на то что на Золотую гору, Электрический утес и Тигровый полуостров падали японские снаряды, повреждений на фортах не было никаких. Легко повреждено одно здание между батареями. Потери в людях на фортах: убит 1, тяжело ранен 1, легко ранены 4 нижних чина — осколками гранат.

Бомбы попадали более всего в подножие горы и ниже батарей, много снарядов оказалось неразорвавшимися, а более того попадало в воду на рейде, в проходе в гавань и даже в Западный бассейн. Говорили, что одну шампуньку потопило вместе с гребцом-китайцем, но достоверно установить этот факт не удалось. В этот же день удалось ввести «Цесаревича» в Западный, а «Паладу» в Восточный бассейн (порт), не так скоро удалось снять с мели «Ретвизана».

28 января

(10 февраля). Газета не выходит. Рабочие-китайцы разбежались. Разбежались и остальные служащие. Говорят, что из штабов пока не дают никаких сведений для газеты. [58]

По городу циркулируют всевозможные слухи и волнуют публику, уже и без того потерявшую голову. Уже в день первой бомбардировки стали рассказывать, что японцы высадили десант, который уничтожен на месте штыками; сперва говорили, что это было у Плоского мыса, потом, что у бухты Тахэ, потом у Голубиной бухты, потом еще дальше и, наконец, около Дальнего и Талиенвана. Цифра десанта колебалась в этих слухах от 400 до 800 человек, всюду японцы уничтожались с одинаковым успехом и одной нашей пехотой. Все это продолжало циркулировать, пока не было официально объявлено, что никакого десанта, ни даже попытки к его высадке на Ляодунский полуостров еще не было.

Слух о том, что некоторые наши береговые батареи стреляли во время бомбардировки холостыми зарядами, что утверждают и поныне, так и остались слухами. Правда, многие из них выпустили лишь несколько снарядов или совсем молчали, так как их снаряды не долетали до неприятеля, не достигали цели. Также передали мне в этот день, будто генерал Стессель имел очень неприятное для него объяснение с наместником по поводу неготовности командуемой им много лет крепости, и что ему, наверно, придется покинуть свой пост. В этом никто и не сомневался.

Вечером получили известие, что наш отряд оставил Шанхай-Гуань, передав свой форт французам, и прибыл в Инкоу.

Но что же случилось с нашими судами, находящимися в иностранных портах, — с крейсером «Варяг» и канонеркой «Кореец» {30} в Чемульпо, с «Манджуром» в Шанхае и с «Сивучем» в Инкоу? — Почему эти суда не отозваны в Порт-Артур, когда уже нельзя было надеяться, что дело окончится мирным исходом дипломатических переговоров?

Больно думать обо всем этом.

29 января (11 февраля)

Город все больше пустеет. Весь контингент шумной веселой публики, проживавшей здесь ради [59] своего удовольствия или же для доставления удовольствия другим, исчез. Как мне говорили люди, заслуживавшие полного доверия, в эти дни платили иногда извозчику до вокзала до 25 рублей. Лишь бы скорее уехать! Вагоны были всегда набиты народом. Никому не хотелось остаться до следующего поезда. Многие довольствовались тем, что могли присесть только на свой багаж, авось по пути освободится местечко.

Узнаем очень неприятную новость — наш ассенизационный обоз перестал действовать. Подрядчик-арендатор его, японец Казаками, скрылся, его рабочие китайцы разбежались. Теперь городу грозило бедствие от собственных нечистот. Устройство клозетов было таково, что требовалась ежедневная очистка. Все они были переполнены. Это грозило заразой воздуха в то время, когда и без того ненормальная жизнь военного времени сулила сама по себе возможность разных эпидемических заболеваний.

Послышались громкие запросы — почему столь серьезная отрасль городского хозяйства оказалась в городе и в крепости Порт-Артур в руках японца? Аргумент, что японец стоил городу меньше средств, не удовлетворял вопрошающих, так как из-за дешевизны нельзя было упускать из виду другие соображения. Разве не должны были об этом подумать? Но вопрос этот так и остался открытым до сей поры.

Теперь каждый сознавал, что услуги юрких японцев имели везде весьма неприятную для нас заднюю цель. Если они что делали, то не только ради наживы, но желали при этом выведать обо всем, узнать с точностью все, что мы тут делаем — изучить все наши привычки, способности и слабости. Кругом заговорили открыто, что японцы-парикмахеры и некоторые из купцов были офицеры японского Генерального штаба и что не было уголка, который был

бы им недоступен. Поговаривали также, что немало, должно быть, осталось в крепости японцев, переодетых китайцами или припрятавшихся в укромных уголках для наблюдения за ходом событий, за нашими действиями.

Японский переводчик, служивший при полицейском управлении, православный и чуть ли не женатый на русской, скрылся также, хотя все время уверял, что останется здесь, на службе. И он, вероятно, успел пробраться на иностранное судно, стоявшее еще в гавани и ожидавшее прибытия остальных выезжающих из Маньчжурии японских подданных. [60]

Довольно значительное число китайского населения покинуло город; оказалось, что японцы тайком пригрозили смертью всем, кто останется и будет помогать русским. В этом не было бы особенной беды, если бы одновременно с их отъездом не закрылось бы много китайских лавок и сразу не вздорожали бы некоторые товары. На базаре не стало торгующих зеленью, корнеплодами, птицей. Иногда ничего нельзя было купить ни за какие деньги.

Стали убегать также рабочие из портовых мастерских и из порта — это были сплошь китайцы, работавшие дешевле русских. Теперь, когда потребовалось чинить поврежденные суда и каждый рабочий был дорог, почувствовался недостаток рабочих рук, необходимо было значительно усилить штат рабочих, но бежавшего ведь не вернешь. Именно те, которые опасались, как бы их не вернули обратно, убегали сперва в деревни, а оттуда или на джонках, или же сухим путем через Инкоу пробирались домой, на Шандунь.

Теперь вспомнили, и не без горечи, что когда из Уссурийского края прибыли сюда русские переселенцы, нуждавшиеся в заработках, и предложили свои услуги в качестве рабочих в порту и в мастерских, то им отказали по той простой причине, что китайцы-де работают много дешевле, и нашим мужичкам пришлось вернуться обратно ни с чем. На железной дороге также всюду работали китайцы и китайцы. Новый сухой док, с постройкой которого надо было безумно спешить, строили также только руками китайцев. И эти работы стали. Конечно, полетели телеграммы всюду, откуда можно было надеяться получить столь необходимых мастеровых и рабочих. Но улита едет, когда-то будет, а время, столь дорогое время уходило.

Сегодня вечером из Дальнего получено удручающее известие, что в Талиенванской бухте погиб минный транспорт «Енисей» на одной из расставленных им самим мин, при этом будто погибло много людей и сам командир судна — капитан 2 ранга Владимир Алексеевич Степанов.

Не хотелось верить этому ужасному известию, не хотелось допускать, что последние его слова, сказанные мне, были продиктованы ему мрачным предчувствием. Что такой светлый ум не мог не предвидеть возможных случайностей, это, конечно, [61] ясно. Но он был с виду при этом так спокоен, фаталистически спокоен; только торопился туда, куда призывал его долг. Вспомнилось, что ему не особенно везло в жизни: он сам считал себя неудачником и нисколько не ценил своих недюжинных способностей, в семейной жизни он был глубоко несчастлив. Итак, это первая жертва войны из круга близких знакомых. Быть может, спасся он потом, случайно, как-нибудь...

Сегодня началось вооружение сухопутного фронта крепости.

30 января (12 февраля)

Наши надежды не оправдались. Капитан Степанов не спасся, он погиб вместе со своим детищем — минным транспортом «Енисей», не сходя с своего места, с командного мостика, заботясь лишь о спасении других. Подробности, полученные здесь об этой ужасной катастрофе, роковой случайности, следующие.

Когда транспортом были расставлены мины, заграждающие вход в Талиенванскую бухту и рейд порта Дальнего, с него заметили одну сорвавшуюся с места мину и готовились расстрелять ее, чтобы ее не унесло течением; для этого транспорт должен был приблизиться

к ней.

В это время капитан Степанов находился в своем кабинете и был занят какой-то работой. Ветер крепчал, и волнение становилось все чувствительнее; этим и объясняется срыв поставленной мины. Расстреливание не удавалось сразу, и это привлекло на себя внимание всех.

Когда капитан Степанов выбежал наверх и справился по плану расстановки мин, он убедился, что судно нажало, нанесло незаметно ветром на ближайшую линию заграждения. Он сразу скомандовал спускать все шлюпки и приказал спасаться всем, кто может.

— Сейчас судно должно взорваться от собственной мины. Нас нанесло ветром. Спасения нет! — крикнул он в дополнение своих приказаний.

Вскоре последовал взрыв, судно приподнялось, а потом стало быстро погружаться в воду. Команда упрашивала своего любимого командира сесть также в шлюпку, но он пригрозил стрелять в того, кто не поторопится спасаться. [62]

— Обо мне не заботьтесь, — кричал он им вслед, — спасайтесь только сами.

Когда первый успевший разгрузиться вельбот вернулся к месту несчастья, он мог только подобрать окоченевшего в ледяной воде, державшегося при помощи двух коек (спасательных кругов) часового с денежного сундука, спрыгнувшего с погибающего судна последним, по приказанию командира. Ни судна, ни его командира не было уже на воде. На поверхности воды плавали только кое-какие деревянные предметы, всплывшие при гибели транспорта.

Человеческих жертв при этом несчастье оказалось много: кроме командира, капитана Степанова, погибли мичманы Хру-щов и Дриженко, инженер-механик Яновский, машинный кондуктор Крамов и 92 нижних чина. Часть из них убило взрывом, часть потонула, а некоторые умерли на берегу. Ветер дул очень холодный, вблизи же не было ни жилого помещения, не имелось сухого платья, не было возможности отогреть уже было спасшихся, вытащенных из ледяной воды людей.

Спаслись при этом лейтенанты Дрешер{31} и Ромашев, мичманы де Симон, Власьев и Вильгельме{32}, судовой врач Агафонов и 92 нижних чина.

Из полученных сведений ясно видно, что капитан Степанов, уцелевший при взрыве мины, имел возможность спастись. Скорбя об утрате хорошего знакомого и редкого офицера, нельзя было не задать себе вопроса: прав ли он был, сознательно погибая вместе со своим судном в то время, когда имел возможность спастись?

Вопрос этот решен уже давно европейской прессой отрицательно. Требование традиционной этики моряков, по которой капитан должен погибнуть вместе со своим судном, признано несостоятельным и отжившим свой век бесцельным рыцарским самолюбием. Но в данном случае нельзя применить к капитану Степанову общую меру.

Как командир и строитель судна, как редко даровитый офицер, в каких в данное время Отечество нуждается более, чем [63] когда-либо, он не был прав, погубив себя. Ведь можно было выстроить новый транспорт, который был бы совершеннее погибшего; все недостатки, выяснившиеся на практике, были бы устранены, и применены более совершенные приспособления. Помимо того, как дельный и храбрый офицер он мог бы принести много пользы в деле общей защиты крепости.

Но, с другой стороны, как командир — строитель судна и как человек он имел право сознательно погибнуть в то время, как его детище-судно, не будучи в силах, по сложившимся обстоятельствам, выполнить прямое и главное свое назначение, погибало, исполнив лишь второстепенное; он был прав, не пожелав спасаться в то время, когда не все подчиненные ему люди могли спастись и когда он чувствовал себя ответственным за их гибель, когда его убивало неудачное начало войны, когда, наконец, он видел в этом несчастье довершение всех

выпавших на его долю неудач и жизнь ничем не прельщала его. Да, он имел право уйти из этой опостылевшей ему жизни. Мир праху героически погибшего!

Не успели мы еще примириться с этой потерей, как явились подозрения — не попал ли пароход Российского общества транспортирования кладов «Маньчжурия», вышедший из Шанхая еще до начала военных действий сюда, в руки японцев? Он был нагружен снарядами и другими военными припасами и вез предназначенный для Артура воздухоплавательный парк — три воздушных шара со всеми необходимыми принадлежностями. Все справки о нем подтверждали одно: что пароход должен был прибыть в Порт-Артур 27, самое позднее 28 января. Теперь вспомнили, что пароход этот нагружался в разных портах очень долго и вышел сюда слишком поздно. Японцам, наверно, было известно, с каким грузом шел этот пароход; их агенты не дремали. Осталась еще маленькая надежда — авось придет еще... Но он так и не пришел. (Потом узнали мы из иностранных газет, что пароход взят японцами 27 января (9 февраля) под самым Артуром и уведен в Сасебо.)

30 января

(12 февраля). Сегодня, под вечер мы получили вновь газету, приостановившуюся из-за бомбардировки. Она вышла в виде бюллетеня (вместо большого листа, печатавшегося [64] мелким шрифтом) и содержит лишь царский манифест о начале войны, приказы наместника: 1) призывающий всех воинов к спокойной и дружной защите крепости и 2) о том, что на основании высочайшего повеления, сообщенного наместнику 25 января (7 февраля) военным министром по телеграфу, крепость Порт-Артур объявляется с 27 января (9 февраля) в осадном, а крепость Владивосток и район Китайской Восточной дороги на военном положении. Далее в бюллетене помещены телеграммы из России, поздравляющие защитников крепости с отражением первого, притом коварного, без объявления войны нападения неприятеля. Далее телеграммы Российского агентства, передовица и еще кой-какие заметки. О военных советах обещают сообщить на следующий день. Но все же газета как бы оживляет нашу потускневшую жизнь, дает нам больше опоры, чем все эти циркулирующие слухи.

Одно только непонятно — почему высочайшее повеление об осадном и военном положении, полученное 25 января (7 февраля), объявлено только 27, а если его нельзя было обнародовать до начала враждебных действий со стороны японцев, то почему крепость (хотя бы береговой фронт) не была в боевой готовности, почему не были приняты все меры предосторожности военного времени, почему нападение неприятеля могло быть как для флота, так и для крепости неожиданностью?

Эти вопросы нуждаются в основательном разъяснении со стороны наших ответственных властей.

31 января (13 февраля)

Где находится неприятельский флот, нам ничего не известно. Получены лишь сведения, что 29-го числа около Инкоу на море виднелись какие-то огни, а вчера подходили к Дадунгоу 6 японских судов, дали несколько выстрелов и этим переполошили всех жителей.

Начинаем получать сведения о захвате японцами наших торговых судов уже 25 января (7 февраля) и в последующие дни. Возникли предположения о гибели «Варяга» и «Корейца» в Чемульпо, но никто не знает истинного положения дела.

Чем дальше, тем мрачнее становится на душе. Все складывается для нас так неудачно, так неблагоприятно, что хуже и быть не может. Что нас радует, это только сочувственная телеграмма [65] из России, вести, что там выражают готовность постоять за честь Родины, что там уже добровольцы записываются на войну. Да разве еще сознание, что несчастье наше могло быть еще много больше.

Наместник предлагает коменданту крепости принять меры к выселению мирных жителей из

всего укрепленного района Порт-Артур — Кинчжоу. Предоставляется оставаться только тем, кто обязуется в случае надобности ухаживать за больными.

2. Новые атаки

1/14 февраля

Ночью, так около 3 часов утра, снова встревожили нас выстрелы с моря. На дворе была буря со снегом, поэтому казалось, будто стреляют где-то далеко. Оказалось, что с «Ретвизана», все еще находящегося у входа в гавань, заметили на море какие-то огоньки и открыли по ним стрельбу. Тем дело и кончилось. (Впоследствии, по официальному японскому сообщению в иностранных газетах, мы узнали, что это подходили два японских миноносца, «Асагари» и «Хаядори». Каждый из них, как уверяли, выпустил по одной mine, каждый повредил по одному русскому военному судну, после чего они ушли благополучно.)

К утру буря улеглась, и настал день солнечный, но все же холодный. Жители на этот раз мало беспокоились о происшедшем ночью, хотя возникли слухи об ожидаемой новой бомбардировке. В отрядной (гарнизонной) церкви был торжественно прочитан манифест по поводу начала войны, состоялось молебствие и парад войск, потом наместник присутствовал на панихиде по павшим в бою воинам, которые служили на броненосце «Петропавловск».

2/15 февраля

Снова сообщают очень неприятные вещи. Уверяют, что все-таки некоторые из наших береговых батарей стреляли 27 января холостыми зарядами. Далеко не все батареи были в боевой готовности, и снарядов было мало. Сейчас требуют из морских артиллерийских складов по 600 снарядов на каждую 6-дюймовую пушку берегового фронта. Мало того — у нас на судах подбиты неприятельскими снарядами две 6-дюймовые [66] и повреждена собственной стрельбой одна или даже две, а на складе имеется всего одна 6-дюймовая запасная пушка! Заменить поврежденные нечем. 75-миллиметровых пушек тоже мало — дай Бог, чтобы хватило их на оборудование незаконченных миноносцев {33}.

Что будет с нами дальше, если уже сейчас обнаруживаются такие недочеты! Удастся ли нам пополнить все эти пробелы при помощи железной дороги? Сомнительно. Вот что значит потеря такого дорогого груза, какой был на «Маньчжурии».

Сегодня опубликован в газете приказ и. о. коменданта крепости генерала Стесселя, в котором он, описывая события, уверяет, что 27 января, «в 11 часов с батареи Электрического утеса открыт огонь», что «бомбардировка продолжалась с крепости и эскадры около часу» и что «Наш Высокочтимый Наместник Его Величества {34} был на Золотой горе и ясно видел, как дрался флот совместно с сухопутными батареями».

Первые уведомления его о ходе событий если и уклоняются от истины, то, несомненно, выказывают способности генерала писать громкие реляции, а последние рассчитаны на то, чтобы понравиться наместнику, ибо бытность его на Золотой горе во время боя очень нуждалась в подтверждении, потому что, как сообщали очевидцы, он прибыл туда поздно.

Такие способности генерала Стесселя — видеть в угоду начальству даже с Электрического утеса то, что другие и на самой Золотой горе не могли видеть, вероятно, не раз поспешествовали его карьере, объясняют ее.

Отправили на Кинчжоу пушки, между ними старую китайскую рухлядь. Комендантом позиции назначен командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полковник Николай Александрович Третьяков, работа по укреплению поручена военному инженеру, капитану Алексею Владимировичу Шварцу, а командиром крепостной артиллерии назначен штабс-капитан Николай Алексеевич Высоких. [67]

Мне сообщили под строгим секретом, что крейсер 2 ранга «Боярин» погиб у входа в

Талиенванскую бухту. О гибели этого судна решено молчать. Точных подробностей добыть нельзя. Крейсер будто был послан разыскивать спасшихся на одном из островов людей с минного транспорта «Енисей», но его забыли снабдить планом минного заграждения, или же такого вовсе не имелось, так как «Енисей» погиб тотчас по окончании расстановки мин, и едва ли планы могли быть спасены, или же, наконец, по собственной неосмотрительности, но крейсер наткнулся на мину и погиб, и хотя его можно было еще спасти, но командир приказал всем спасаться на находившиеся вблизи (должно быть, сопровождавшие крейсер) наши миноносцы, не слышать, чтобы сам командир сходил последним с судна{35}. Говорили также, будто миноносцы предлагали свои услуги, хотели отбуксировать подбитый миной крейсер или в Дальний, или в Порт-Артур, но командир будто отклонил это предложение с руганью{36}.

3/16 февраля

Генерал Стессель назначен командиром 3-го Сибирского армейского корпуса и приступил к формированию корпусного штаба.

5/18 февраля

Сегодня замечен на горизонте крейсирующий японский флот. Принимаются меры предосторожности. Появляются, конечно, и новые слухи о готовящейся бомбардировке.

На этих днях узнали мы достоверно о героической гибели в Чемульпо крейсера 1 ранга «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». [68]

Бой этот представляет собою все же светлую, среди других, страничку в истории этой войны.

В депешах иностранных газет появляются самые невероятные сведения о войне, плоды фантазий. События совершаются слишком медленно для мира, жаждущего сенсационных сообщений, жаждущего всевозможных кровавых, ужасающих происшествий.

Сегодня опубликован в бюллетене «Нового края» приказ наместника от 2 февраля № 87, крайне интересный по существу. В нем перечисляются все суда и их командиры, которые участвовали в бою 27 января, высказывается всем благодарность и объявляется число Георгиевских крестов, пожалованных нижним чинам. Посыпались награды, по примеру китайской войны, направо и налево. На суда 1 и 2 ранга, имеющие более 200 человек команды дано по 6 знаков отличия на каждую роту, на остальные суда 2 ранга по 4 знака на роту, на миноносцы по одному знаку и на сигнальную станцию 1 знак. Награды офицерам не объявлены, но они будут, наверное, в той же пропорции.

Каждый знак отличия, а тем более Георгиевский крест имеет свой устав, который точно указывает, за что, за какой подвиг полагается воину получить этот знак. Если же знаки эти жалуются огульно на известные части войск, тогда неизбежно то, что в одной, например, роте несколько человек получают кресты совершенно незаслуженно, тогда как в другой некоторые останутся без действительно и сознательно заслуженного отличия. Далее, в данном случае совершенно непонятно, зачем награждены команды миноносцев, которые никакого участия в бою не принимали? Разве за то, что они могли быть «храбрыми» зрителями боя?..

Получается профанация, обесценивание знака отличия и вместе с тем самого подвига. Каждая несправедливость в этом отношении имеет вредные последствия, а потому я останавливаюсь на этом вопросе. Георгиевский крест — эта желательная награда всякого воина — должен служить к поднятию духа войск и поощрением к дальнейшим подвигам, им должен быть награжден лишь действительно достойный. Награждение же им как бы в счет будущих подвигов является средством весьма [69] сомнительным и, скорее, настолько же вредным, как несправедливое обхождение отличившегося заслуженной наградой.

6/19 февраля

Сегодня получено известие, что кабель Артур — Чифу поврежден. Вот чем объясняется появление неприятельского флота вчера на горизонте.

Привожу характерный приказ генерала Стесселя, опубликованный сегодня.

«№ 73. До сведения моего дошло, что в гарнизонном собрании господа офицеры занимаются совершенно не своими делами, вкривь и вкось обсуждают военные события, сообщают разные нелепые слухи, Бог знает откуда ими набранные. Дело офицера хорошенько подумать и обсудить, как бы лучше выполнить данное приказание или распоряжение, а не осуждать действий высших начальников. Такие господа крайне вредны, и я, разумеется, буду их карать по силе данной мне власти. И. о. коменданта крепости генерал-лейтенант Стессель».

Не правда ли, приказ весьма красноречивый и знаменательный. У генерала Стесселя есть приспешники, сообщающие ему, что говорят товарищи в гарнизонном собрании, и он собирается покарать всех тех, кто осмеливается рассуждать на досуге.

7/20 февраля

Получено известие о назначении вице-адмирала Макарова командующим флотом Тихого океана. Является новая надежда на улучшение у нас морского дела. Много хорошего знаем мы о нем, но каковы его боевые качества в данное время, мы еще не знаем. Одно ясно, что дело должно улучшиться, ибо хуже теперешнего положения и быть не может.

В то же время узнаем, что командующим Маньчжурской армией назначен военный министр генерал Куропаткин. Это известие также оживило всех уверенностью, что армия наша в лучших руках, что с Куропаткиным во главе нашей армии нечего бояться. Это опытный боевой генерал, ученик, соратник и друг Скобелева, легендарное геройство которого еще свежо в памяти всех. [70]

С самого начала военных действий возникли среди темных масс войска и простонародья слухи — легенды о том, что Скобелев не умер, что он еще жив и, услышав про войну, не утерпит — явится и вновь поведет русские войска к победам. Это рассказывалось с наивной уверенностью, повторялось в причудливых вариациях.

Назначение комендантом крепости Порт-Артура генерал-лейтенанта Смирнова хотя не могло вызвать воодушевления, так как никто не знал его, но все же успокаивало, подавало надежду на улучшение положения.

Кстати, генералом Стесселем сегодня издан приказ о формировании из охотников и других свободных от дела жителей города вольных дружин. Желая поступить в дружину должны записываться в полицейском правлении. Не можем мы обойтись без полиции даже тогда, когда готовы всей душой помочь Родине, умереть за нее!

8/21 февраля

Сегодня утром наместник уехал со своим штатом на север, в Маньчжурию, предоставив командование флотом адмиралу Старку на правах и. о. командующего и предписав генералу Стесселю вступить во все права коменданта укрепленного района Кинчжоу — Артур, на правах командира отдельного корпуса {37}. Из этого видно, что наместник снова благоволит к своему покорному слуге. Грустно. Но, быть может, его еще возьмут в Северную армию.

Генерал Стессель приказывает принять полицейские меры против рабочих и служащих Невского завода, воспрещает им выезд и учреждает за ними надзор.

К отъезду наместника относятся двояко: одни говорят, что он опасается новой бомбардировки, другие уверяют, что ему необходимо уехать в интересах дела, нельзя же ему рисковать быть отрезанным от всего наместничества. Областное управление переведено в Харбин, туда выехало старшее начальство разных ведомств.

Начинают циркулировать слухи, будто на Ялу были уже сражения, и цифры потерь с обеих

сторон большие — считаются тысячами. [71]

11/24 февраля

Около 3 часов утра нас разбудил все усиливающийся орудейный грохот. Одеться, накинуть шубу и взобраться на Военную гору было делом нескольких минут. В проходе гавани, где стоит «Ретвизан», на Тигровом полуострове и в стороне Электрического утеса то и дело вспыхивают огоньки в темноте и раздаются довольно часто выстрелы; но по чему стреляют — не видать, также не видать, чтобы где-либо рвались неприятельские снаряды. Но вдруг за «Ретвизаном» показывается какой-то огонек и приближается к нему все ближе и ближе и, наконец, останавливается возле него. Пальба продолжается. Бегу с горы на набережную, чтобы узнать, что творится на море, но и здесь никто ничего не знает. Вот вспыхнуло пламя и осветило силуэт «Ретвизана». Что-то горит правее броненосца, как будто большое судно. Отблеск пожара обдает «Ретвизан» красным светом, и он кажется каким-то сказочным чудовищем. Около броненосца «Ретвизан» и горящего судна видна какая-то суeta; по временам затихает стрельба, слышны голоса людей. В собравшейся на берегу публике возникают предположения, не «брандер» ли это? Не хотят ли японцы сжечь «Ретвизан»?.. Но едва ли это возможно. И в догадках рисуются всевозможные картины ужаснейших замыслов.

Пальба усиливается, становится реже и затихает, и так несколько раз. Холодно. Иду домой в надежде, что к утру все выяснится. Пальба становится все реже. Уже пятый час утра. Лег не раздеваясь, но заснул так крепко, что уже не слышал редких выстрелов, раздававшихся до 7 часов утра.

Не скоро удалось добыть сведения о происшедшем. Наконец узнал следующее: с «Ретвизана» заметили какое-то приближающееся ко входу судно и открыли огонь; вслед за тем начали стрелять с Тигрового полуострова и Электрического утеса. Одно за другим шли какие-то суда; наши батареи и «Ретвизан» засыпали их снарядами, до тех пор пока они не пошли ко дну. Одно из них приткнулось к мели под Золотой горой, второе под маяком, вблизи «Ретвизана», а другие по направлению Ляотешаня{38}. Ночью было насчитали их больше, но на рассвете [72] увидели только четыре затонувших судна{39}. Ставшее вблизи «Ретвизана» судно все еще горело, несмотря на старания затушить пожар. Выяснилось, что суда эти нагружены камнем и углем, облитым керосином; кроме того, имелись провода, ведущие в трюм, где, должно быть, были заложены мины. Становилось ясным, что японцы, по примеру американцев у Сантьяго, на Кубе, желая воспрепятствовать выходу нашей эскадры из гавани, послали эти суда. Их называли у нас «брандерами-заградителями». Это были все старые торговые суда. Что стало с командами этих судов, осталось неизвестным. На судах были найдены лишь части одежды, из чего можно было заключить, что люди бросались вплавь, спасаясь от неминуемой гибели. Подозревали, что часть команды спаслась на берег; но все поиски ее остались без результатов.

Одно было ясно, что адский замысел японцев не удался, хотя они были недалеки от удачи. Попади эти суда — особенно те, которые сели на мель под Золотой горой и у маяка, — в самый проход гавани, то вся эскадра наша была бы заперта в ней, и нескоро удалось бы очистить выход для нее. Поднять затопленные суда было бы нелегко, оно, пожалуй, могло бы оказаться даже невозможным, так как японцы, конечно, не дали бы нам спокойно работать, тревожили бы нас ежеминутно. Эта неудача грандиозного замысла японцев озаорила нас надеждой, что мы сумеем отстоять крепость при всех ее недочетах{40} и что не так-то легко завладеть ею с моря, как бы это ни казалось легким с первого взгляда.

Начались опасения, не появится ли сейчас опять японский флот, чтобы снова бомбардировать крепость. Во время атаки брандеров японские военные суда держались далеко от берега и стреляли изредка, видимо, только для прикрытия отступления команд с брандеров. Их снаряды не долетали до берега. [73]

Утром действительно появились на горизонте 6 больших судов; к ним присоединились 4

крейсера 2-го класса и около 17 миноносцев. Навстречу этой эскадре вышли наши крейсера: «Аскольд», «Баян» и «Новик», чтобы показать, что выход из гавани не загражден. Издали обменялись несколькими выстрелами, далеко не долетавшими до цели. Японцы не давали привлечь себя под обстрел батарей, а отошли подальше. На горизонте показались еще какие-то суда, потом удалось рассмотреть, что помимо броненосцев, крейсеров и миноносцев были какие-то как бы торговые суда. Из этого вывели заключение, что японцы проконвоировали свои транспорты в Корею, попытавшись заградить выход русской эскадре, чтобы она не вздумала напасть на эти транспорты. Но наша эскадра и не подумала выйти в море, предпринять что-нибудь. Японцы продержались на горизонте до полудня, потом скрылись.

Кто-то пустил слух, что горящее у маяка судно — «доброволец», т. е. судно, принадлежащее нашему Добровольному флоту. Все были готовы поверить этому и допускали даже, что все эти суда, пожалуй, не что иное, как захваченные в начале войны наши торговые суда.

12/25 февраля

Утром я узнал, что японские миноносцы атаковали «Ретвизан», но были благополучно отбиты, один миноносец будто потоплен, а другой поврежден {41}.

Эти неудавшиеся попытки японцев, при всей нашей беспомощности и все еще большой неподготовленности, очень ободряли всех и каждого. Все убеждались, что если мы не подготовлены к встрече врага, то и неприятель не особенно подготовлен и решителен, чтобы воспользоваться нашей слабостью. Уверенность в том, что удастся отстоять крепость, росла с каждым днем. [74]

Наши крейсера вышли утром на рейд, некоторые миноносцы высланы на разведки. В десятом часу утра появились на горизонте неприятельские морские силы с разных сторон и приближались к Артуру. Наши крейсера пошли было навстречу им и завязали перестрелку, но должны были вскоре ретироваться в гавань; казалось, что неприятель на этот раз идет сам под батареи и не нужно подманивать его.

Броненосцы приближались с юго-востока к батареям Крестовой горы, а крейсера держались отдельными отрядами. Всего насчитывали 6 броненосцев, 6 крейсеров 1-го и 4 крейсера 2-го класса и еще два каких-то судна, должно быть авизо, за эскадрой виднелись и миноносцы.

Броненосцы приблизились, как мне передавали об этом очевидцы, к Крестовой горе верст на восемь с половиной и открыли огонь по крепости, батареи отвечали им, но наши снаряды не долетали до них. Между тем уже несколько неприятельских снарядов попало в восточную часть Старого города, один из них упал на гору за комендантским управлением, второй около городской больницы и смертельно ранил там китайца, третий упал около зданий флотского экипажа, а остальные падали по берегу, вблизи батарей. Осколки рвавшихся снарядов отлетали далеко, что заставляло ожидать больших бед. Но на этот раз грохот орудий был менее потрясающий, так как наши 12-дюймовые орудия молчали. Эскадра наша была в гавани, стоял отлив, и броненосцы не могли выйти, если бы даже и захотели.

С воем прилетающие в район города снаряды заставляли сжиматься сердце, каждый искал себе местечко побезопаснее, где мог бы спрятаться от летающих осколков. Залезали даже под мосты. Но было и множество любопытных, проявлявших большую смелость во все время бомбардировки на Перепелке, и на одной из горок за интендантским складом виднелись зрители, наблюдавшие за ходом стрельбы, хотя последнее место было под обстрелом.

На этот раз бомбардировка длилась почти целый час. Японские крейсера, стоявшие западнее, заметили идущие со стороны Ляотешаня два наших миноносца и устремились им наперерез, желая отрезать их от гавани. В это время канонада вновь [75] усилилась, но ненадолго, миноносец «Бесстрашный» проскочил благополучно в гавань, а другому, «Внушительному», пришлось вернуться обратно, искать спасения в Голубиной бухте. Но и там не нашлось для него укрытия. Миноносец бросился к берегу. Команда выбралась благополучно на берег и

сама затопила миноносец, в который не попал ни один неприятельский снаряд. В это время другие японские суда уже отступали. Была слышна только залповая бортовая стрельба по направлению к Голубиной бухте, в которую японцы все же не решались войти, опасаясь береговых батарей и подводных мин, а их там и не было.

Сообщают, будто один снаряд с Тигрового полуострова попал в один из крейсеров, преследовавших «Внушительного», стрельба эта озадачила японцев.

На этот раз артурская публика успокоилась тотчас же, как только прекратилась канонада. Все знали, что такие бомбардировки не могут длиться целыми днями. На следующий день все же уехали некоторые из жителей, намеревавшихся было остаться.

Сколько мне удалось выяснить, наши потери за эту бомбардировку были: 1 матрос ранен в ногу и убит 1 китаец; говорили, что еще кое-кто получил легкие ранения. На «Аскольде» была повреждена одна пушка.

Но что нас поразило очень неприятно — это то, что японская эскадра могла подойти так близко к крепости и наши снаряды не достигали ее в то время, когда японские снаряды рвались даже в районе города. Наши батареи вооружены пушками старого образца и не могут состязаться с японской судовой артиллерией. У нас всего только пять хороших батарей на береговом фронте, оборудованных пушками Кане: на Электрическом утесе 5 пушек 10-дюймовых, на Тигровом полуострове 2 батареи 6-дюймовых и 2 такие же по обеим сторонам Крестовой горы (влево от Электрического утеса). Этим-то неприятель воспользовался (как хорошо он знал даже установку наших пушек!) и стал бомбардировать крепость с такого места и расстояния, которое было недостижимо нашими батареями.

Вот она, крепость в боевой готовности, в чем нас всегда уверял генерал Стессель. [76]

Сегодня, оказывается, как раз во время бомбардировки, происходило заседание временного военно-морского суда. Прервать заседание было невозможно, и оно продолжалось под гром наших и неприятельских орудий. Конечно, все присутствовавшие были бледны и чрезвычайно серьезны. Каждую минуту можно было ожидать, что ворвется неприятельский снаряд.

Голубиную бухту охранял от попытки высадки всего один взвод (2 орудия) вновь сформированной вылазочной батареи.

13/26 февраля

В 11 часов 30 минут ночи снова была небольшая канонада на море. Японские миноносцы подбирались, как сообщают, замаскированные парусами, к «Ретвизану», который, стоя на мели у входа в гавань, служил и сторожевым постом и береговой батареей — плавучим фортом. Взорвать это судно было поэтому важной задачей японцев. Но и этот замысел не удался; их встретили градом снарядов, пришлось убрать паруса и утекать^[42]. Это уже третью ночь подряд японцы атакуют нашу гавань. Неужели эти атаки будут повторяться каждую ночь?

3. За кулисами войны

15/28 февраля

Буря с градом и снегом, должно быть, заставила неприятеля отойти от наших берегов. Две ночи прошли без всякой тревоги.

Зато нас всех не на шутку встревожил приказ генерала Стесселя:

«№ 126, 14 февраля. Славные защитники крепости Порт-Артура и всего укрепленного района, и все население области! Обращаюсь к вам со следующим: по той назойливости, с которой неприятель ведет атаки и бомбардировки против крепости и различных бухт

полуострова [?!], я заключаю, что он намерен [77] высадиться на полуострове и попытаться захватить крепость, а в случае неудачи — попортить железную дорогу и, сев на суда, уйти. Помните, что захват Артура они считают вопросом своей национальной чести; но враг ошибется, как он уже во многом ошибся. Войска твердо знают, а населению объявляю, что отступления ниоткуда не будет, 1) потому что крепость должна драться до последнего, и я, как комендант, никогда не отдам приказ об отступлении и 2) потому, что отступить решительно некуда. Обращая на это внимание более робких, призываю всех к тому, чтобы прониклись твердым убеждением в необходимости каждому драться до смерти; человек, который решился на это, страшен, и он дорого продает свою жизнь, кто же без драки, думая спастись, уйдет, тот сам себя все равно не спасет, так как идти некуда, с трех сторон море, а с четвертой будет неприятель: драться надо, и тогда противник со срамом уйдет и будет вечно помнить ту трепку, которая ожидает его от русской доблести, при которой, я уверен, каждый русский, кто бы он не был, будет биться, забыв даже о возможности отступления. Помните, что вечная память убитым и вечная слава живым. И. о. коменданта крепости генерал-лейтенант Стессель».

Нас озадачило всех — к чему все эти жалкие слова? Разве неприятель уже где высадился и от нас это скрыли? Разве наши войска нуждаются в таком застрашивании для того, чтобы они исполнили свой долг? Разве неприятель, узнав (и несомненно вскоре, через своих шпионов и друзей) об этих громких фразах, оставит крепость в покое?

Выяснив, что пока не грозит крепости никакой опасности, неприятель нигде еще не высадился, и не было заметно, чтобы он собирался вскоре высаживаться, пришлось убедиться, что имеем дело с геройством на словах.

Итак, приказ генерала Стесселя достиг вполне цели — о нем, как о герое, заговорили повсюду. Говорили, будто генерал Стессель получил «свыше» маленькое наставление по поводу этого приказа, но дальнейшие события заставляют сомневаться в правдивости этих слухов.

В этот же день опубликованы еще два приказа генерала Стесселя по поводу сигнализации и шпионства. [78]

«№ 120 (14 февраля). Несмотря на то что вчера поймали 20 человек, замеченных в производстве какой-то сигнализации, сего числа ночью, около 3-х часов, на площадке между моим домом и интендантскими складами {43}, кто-то сигнализировал фонарем; поймать его не могли, убежал он по направлению к Новому китайскому городу. Всех задержанных за этим невинным занятием буду предавать суду по законам военного времени. Поста́м, которые будут для сего учреждены, вменить в обязанность стрелять по убегающим сигнализаторам. Предлагаю гражданскому комиссару приказ сей объявить во всеобщее сведение».

«№125. Согласно телеграммы Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке от 13 февраля за № 355 вверенная мне крепость Порт-Артур объявляется в осадном положении {44} с применением во всей строгости предоставленных мне, как коменданту, прав и обязанностей в особенности по отношению к гражданскому и туземному населению.

Вновь подтверждаю, что с уличенными в сигнализации с неприятелем китайцами буду поступать по всей строгости законов. Гражданскому начальству разъяснить населению, какой ответственности подвергается каждый уличенный в шпионстве и сигнализации с неприятелем. Везде это расклеить на китайском, английском и русском языках».

Эти приказы были вызваны тем, что, начиная с первой минной атаки японцев появлялись то в одном, то в другом месте подозрительные огни, они то подымались, то опускались, то вспыхивали, то потухали, подобно огням при морской сигнализации. Все знали, по описаниям японо-китайской войны, как ловко была устроена в то время японцами сигнализация на берегах и островах Кореи, — следовательно, можно было с уверенностью сказать, что японцы имели и у нас своих шпионов, передающих им все необходимые

сведения. Среди китайского населения Артура и его окрестностей могло быть много переодетых [79] японцев и нанятых ими китайцев-шпионов. Средств к борьбе с этими шпионами не было никаких.

В один из первых вечеров после начала войны было поймано 8 китайцев, подававших с берега какие-то сигналы. При этом выяснилось, что их было всего 11 человек, но трое успели скрыться и остались неразысканными. Эти 8 китайцев отказались сказать, кто были убежавшие, отговариваясь незнанием их. Что же касается сигнализации — поднимания и опускания фонаря, они объясняли, что молились Богу, молились своему Будде и подымали фонарь для того, чтобы Будда лучше заметил, услышал их молитву...

Чуть не каждую ночь то в одном, то в другом месте появлялись подозрительные огни; иногда удавалось изловить китайцев на месте преступления; но чаще всего, покуда дозоры подоспевали к месту сигнализации, там уже не было никого. Эти неудачи страшно раздражали.

17 февраля {1 марта}

В крепости всюду кипит работа на возводимых по сухопутному фронту батареях и укреплениях; вокруг города строят центральную ограду, значение которой никак не могу себе объяснить. Если неприятель завладеет окружающими город высотами, то за этой оградой нам не устоять. Ограда эта может иметь смысл разве только в случае прорыва небольших отрядов неприятельской пехоты сквозь окружающие город укрепления, чтобы за нею защищаться самим горожанам. Спрашиваю о значении ее людей, сведующих в фортификации, но они трясут неодобрительно головами, говорят, что это огромная и напрасная затрата средств и труда, которыегодились бы более там, на укреплениях {45}. [80]

Жизнь нашего с лишком наполовину опустевшего города начинает все же входить как бы в обычную свою колею — по улицам двигаются и пешие, и в экипажах, на извозчиках и на рикшах; каждый спешит на свою работу или с работы. Масса китайских телег, запряженных нередко быком, мулом и ослом или же только парой этих животных, но редко лошадьми, перевозит интендантские грузы с вокзала или доставляет строительные материалы на позиции сухопутного фронта.

По вечерам и по праздникам видны гуляющие, и улицы кажутся довольно оживленными. Два раза в неделю играет на бульваре и в Новом городе музыка; в это время там собирается много публики, слышны веселые разговоры, смех — будто войны и нет. Вместо уехавших прибывают новые лица, чины разных ведомств, добровольцы, между которыми видны студенческие и гимназические формы. Вернулись многие из уехавших под впечатлением первого страха. Стали прибывать запасные — сибиряки. Глядя на этих бородатых рослых людей, видишь, что не вымерли еще русские богатыри! С их помощью отбросим врага, отстоим крепость.

И за них, этих семейных сибирских пахарей, радуешься в душе, что и им здесь, за стенами крепости, будет легче, их жизнь в меньшей опасности, чем там, на севере, в открытом бою {46}...

Ввиду начавшегося было сильного пьянства, по приказанию генерала Стесселя закрыты все питейные заведения. Конечно, сейчас же нашлись «благодетели», которые продают водку тайком по двойной-тройной цене. Продажа эта производится все же в ограниченном количестве. Но не одна водка вздорожала, поднялись цены и на все необходимые съестные припасы, и на [81] предметы первой необходимости. Изданные обязательные таксы не всегда помогают покупателю. Хочешь купить по таксе — товара нет, покупаешь по вольной цене — его сколько угодно.

19 февраля (3 марта)

Несчастье за несчастьем. Узнал, что лейтенант Пелль и 11 матросов, ставившие у входа в

Голубиную бухту мины, погибли от взрыва опускаемой ими мины. Люди разорваны на клочки, а катер, на котором они работали, пошел ко дну. Лейтенант Пелль считался очень дельным офицером, его гибель считают тяжелой потерей. Там же, в бухте, один наш миноносец наскочил на другого и причинил ему такие повреждения, что пришлось поспешно возвратиться в порт... Исправления поврежденного миноносца «Боевого», однако, не потребуют много времени{47}.

Приказ генерала Стесселя (от 14 февраля) начинает приносить ему желанные плоды. Известный издатель патриотических книжек и картин генерал Богданович прислал ему приветственную телеграмму, в которой в высокопарных выражениях говорит, что в этом приказе слышатся заветы Суворова, Нахимова и Скобелева. Постоянно появляются новые слухи об ожидаемых высадках японцев то в той, то в другой бухте.

23 февраля (7 марта)

Получены депеши, извещающие, что отряд японских судов бомбардировал вчера Владивосток, не причинив городу серьезного вреда, ранено несколько матросов и убита одна женщина. Но интереснее всего то, что и там неприятель выбрал место, откуда мог безнаказанно забрасывать город бомбами. Крепость не могла ему отвечать. Следовательно, японцы прекрасно изучили слабые места наших крепостей.

При оборудовании сухопутных батарей оказывается уже недостаток некоторых материалов, необходимого железа. Пускают в ход всевозможные «замены». Запасы снарядов далеко еще не полны.

Прибыл 3-й батальон крепостной артиллерии с офицерами. [82]

III. Эпоха адмирала Макарова

1. Прибытие и первые дни

24 февраля (8 марта)

Сегодня, в половине восьмого утра, прибыл ожидаемый с большим нетерпением новый командующий флотом, вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Его встречали все высшие морские чины во главе с вице-адмиралом Старком и, между прочим, прибывшие недавно сюда контр-адмиралы Молаас и Иессен. Представители от города поднесли адмиралу драгоценный образ св. Николая Чудотворца и председатель городского совета (он же и. о. гражданского комиссара (губернатора)) подполковник Вершинин приветствовал его краткой, но хорошо продуманной речью, из которой вытекало, что все надежды города возлагаются на него, на адмирала, что без него мы были готовы впасть в отчаяние, и это было правда. Адмирал поблагодарил в кратких словах за встречу и за икону и обещал свою помощь городу, когда она понадобится.

Многим из привыкших к пышно-чванным официальным встречам артурцев не особенно [83] понравился на этот раз адмирал Макаров{48}. В нем сказывалось что-то, если не резкость, то некоторая сухость, деловитость, и он как будто торопился, не смаковал устроенной ему встречи, не рисовался. Его, по-видимому, меньше всего интересовала сама встреча. В нем не видно было того внешнего блеска, к которому мы привыкли и который считали присущим такому известному моряку, избраннику царя в данную трудную минуту. Но все поняли сразу, что приехал действительно начальник, командующий, а не чей бы то ни было «покорный слуга». Думаю, что не у одного мелькнула в эту минуту мысль: а пожалуй, лучше бы

убраться отсюда поскорее.

Адмирал Макаров поселился и поднял свой флаг на крейсере 1 ранга «Аскольд». Этим он сразу выказал свое предпочтение быстроходному судну. В этом сразу сказалось что-то ободряющее — адмирал не искал спасения за толстой броней и под прикрытием Золотой горы, а перешел на легкий крейсер, стоявший как раз напротив входа в гавань, будто стал сразу на страже и готов был сам защищать эту гавань. Это поняли все и вздохнули облегченно.

— Приехал! — говорили друг другу при встрече.

— Каково! — восклицал восторженно другой. И все были довольны, веселы.

Приезд адмирала Макарова ознаменовался радостным событием — броненосец «Ретвизан» был в этот день снят с мели, на которой он выдержал три минные атаки, и торжественно введен в Западный бассейн. Во время его прохода на судах играла музыка, команды судов приветствовали освободившегося великана радостным «ура», подхваченным наблюдавшей на берегу публикой. Долгое пребывание броненосца на мели объяснялось тем, что при каждом отражении атаки, т. е. при усиленной стрельбе из крупных орудий, при сильном сотрясении судна, [84] отрывало подведенные заделки, вода заливала вновь судно и все работы по снятию его с мели приходилось начинать снова. На снятие броненосца с мели смотрели как на счастливое предзнаменование, что адмирал Макаров снимет с мели и весь русский флот...

Одновременно с адмиралом прибыли в Артур: капитаны 2 ранга М.П. Васильев и К.О. Шульц, главный инженер-механик Кронштадтского порта Линдебек, корабельный инженер Вешкурцев, лейтенант Кедров и доктор Филипченко. Накануне прибыл подполковник Меллер с мастеровыми Обуховского сталелитейного завода, а до них еще прибыло порядочное число морских офицеров и инженер-механиков и, между прочим, заведующий воздухоплавательным парком лейтенант Лавров, парк которого захвачен был японцами с пароходом «Маньчжурия». Говорили, что адмирал Макаров выбирал в свой штаб только способнейшие силы. Передавали, что адмирал Макаров уже высказывал кое-кому из своих приближенных, что он не потерпит того-то и того-то и будет строго требовать точного исполнения своих приказаний. Вследствие этого предвещают возможность нескольких «заболеваний» и просьб об отпуске на лечение...

Будучи у генерала Стесселя с визитом и познакомившись с ним, он высказал ему свое желание, чтобы возможно скорее приехал вновь назначенный комендант крепости.

25 февраля (9 марта)

Сегодня адмирал продолжал знакомиться с состоянием эскадры, порта и прочего. Говорят, выслушивает охотно мнение и маленького чина, если оно дельно. Резко требователен и пустых оправданий, уверток не терпит.

26 февраля

(10 марта). Около половины восьмого утра мы услышали стрельбу в море и вскоре узнали, что два из вышедших вечером на разведку миноносцев отрезаны неприятелем, окружены им и вступили с ним в смертный бой. Наши крейсера «Новик» — под флагом адмирала Макарова — и «Баян» спешили к ним на выручку; остальные суда не могли выйти, так как начался отлив. В то же время удалось узнать о полученном еще вечером известии, что неприятель снова появился в наших [85] водах, поэтому тотчас же был выслан отряд миноносцев. От вернувшихся из разведки миноносцев мы узнали, что они уже на рассвете выдержали жаркий бой с неприятельскими миноносцами, причем миноносцу «Властный» удалось взорвать и потопить один японский миноносец вместе с его командой.

Бой продолжается. «Решительному» удастся прорваться в гавань, но «Стережущего» не могут выручить наши крейсера и храбрый адмирал, так как помимо 12 японских миноносцев и 5

крейсеров, окруживших «Стережущего», к нему подходит японский броненосный флот, и крейсера наши должны отступить. «Стережущий» погибает, спасти его нельзя! Он пойдет ко дну, ибо наши суда не сдаются.

Вскоре получаем известие с береговых батарей, что «Стережущий» погиб. На нем были лейтенанты Сергеев и Головизнин, мичман Кудревич, инженер-механик Анастасов и 45 нижних чинов. По всей вероятности, все они погибли, а если и были уцелевшие, раненые, то они попали в плен. Новая жертва ненасытному молочу — войне. Сколько сразу осиротелых, сколько печали и скорби!

Не успели мы еще опомниться от этого потрясающего события, как в десятом часу началась третья бомбардировка крепости и города со стороны Ляотешаня. Много людей на Перепелке{49} и Военной горе наблюдали эту ужасную картину.

Наши береговые батареи отвечали мало. Неприятель посылал из-за Ляотешаня свои смертоносные снаряды в Новый европейский город, в Западную бухту и в прилегающий к ней район железнодорожного вокзала; обстрел все расширялся, снаряды прилетали даже в Восточный бассейн. Видимо, главной целью этой бомбардировки был наш расположенный в гавани флот, который не мог выйти на рейд вследствие отлива.

Оказывается, что неприятельские суда расположились за Ляотешанем так, что ни одна из наших батарей не могла его обстреливать. Японская эскадра выстроилась в трех боевых колоннах — ближайшая всего на одну милю от берега — и стреляла перекидным огнем по невидимой цели. [86]

Были ли у японцев шпионы, наблюдатели-сигнальщики, сказать нельзя с уверенностью; факт тот, что когда снаряды, наконец, достигли места стоянки наших судов, то прицел уже не изменялся и стрельба продолжалась только по этому направлению.

Около 11 часов канонада замолкла, но ненадолго; как потом сообщали, во время этого перерыва суда первой колонны отошли назад, а на их место стали суда второй колонны и продолжали бомбардировку с прежней силой, и также по последнему и тому же прицелу, установленному первым отрядом. Снаряды попадали в гавань и рвались на наших судах, на Тигровом хвосте и в порту. Большинство, конечно, попадало в воду. Осколки гранат долетали и на Военную гору, падали и на улицах Старого города, прилегающих к гавани. Один снаряд попал во введенный в Западный бассейн «Ретвизан» и потопил около него катер с находящимися на нем людьми. Но несмотря на то, что кругом рвались снаряды, далеко разбрасывая свои смертоносные осколки, что в воздухе стоял рев орудий, вой, свист и треск пролетающих снарядов, в гавани и около судов не прекращались движение и работы. Несмотря на то что на улицах уже появлялись носилки с ранеными, движение и здесь не прекратилось. Мальчишки собирали, перегоняя друг друга, упавшие, еще горячие осколки бомб, любопытные наблюдали спокойно за ужасающим зрелищем. В этот день видали одну даму, запасшуюся перевязочными средствами, спешившую туда, где требовалось оказать первую медицинскую помощь, — наложить перевязку. [89]

В первом часу дня японцы прекратили огонь, повернули в море и вскоре скрылись за горизонтом. Наступил прилив, и русские суда могли выйти каждую минуту из гавани. По сообщению наблюдательных постов, японцы выпустили по Артуру в этот день 204 одних 12-дюймовых снарядов, не считая снарядов более мелкого калибра.

Главные наши потери за этот день были в районе гавани. Сколько было раненых и убитых на эскадре, так и не удалось точно установить, но можно полагать, что было около 20 человек более или менее тяжело пострадавших. Нам сообщали, что японский крейсер «Такасаго» поврежден нашими снарядами. Но что поразило и угнетало всех, это то, что японцы своей сегодняшней бомбардировкой снова доказали нам, что крепость наша имеет такие места, откуда они могут безнаказанно забрасывать гавань и город снарядами.

— Что же это за крепость?! — восклицали удивленные жители города.

Так же возмущались и вновь прибывшие офицеры, которые только что узнали, как плохо вооружен наш береговой фронт. И на самом деле, мы, владея уже шесть лет этой крепостью, не потрудились не только вооружить ее, но и не изучили ее так, как изучили ее японцы. У нас нет даже по береговому фронту необходимых наблюдательных пунктов, соединенных с крепостью телефоном, необходимых для отражения неприятеля перекидным огнем, когда он подходит так близко к берегу. Спрашивается, изучали ли у нас вообще перекидную стрельбу?

Что же будет с нашим флотом? Стоит он в гавани, его расстреливают, а он не может выйти в море, чтобы под защитой береговых батарей дать неприятелю чувствительный отпор. Вход в гавань настолько мелок, что наши большие суда не могут ни выходить, ни входить во время отлива. И этим обстоятельством прекрасно пользуется наш неприятель.

Японский флот не посмел бы подходить так близко к крепости, если бы ему было известно, что наши суда имеют возможность выйти в море во всякое время, и если даже не вступать в открытый бой, то все же сильно угрожать неприятелю при помощи и под защитой береговых батарей, тогда бы он держался всегда на почтительном расстоянии от нашего берега. [90]

Почему вход в гавань не был углублен до необходимой для военных судов глубины, объяснить трудно чем-либо иным, как не тою же, всюду оказавшейся преступной небрежностью, легкомыслием, соблюдением меньше всего интересов государства. Тратили же мы десятки миллионов на искусственно выращиваемый «мировой» торговый порт Дальний, который сам по себе все еще не принимался расти! Будь эти десятки миллионов приложены к устройству Артура (и сколь плохо бы по установившимся у нас порядкам не прикладывали их, сколько бы из них не утекало в бездонные карманы ненасытных казенных подрядчиков и их покровителей), все же что-нибудь да было бы здесь вместо сплошных минусов.

4/17 марта

Сегодня ночью прибыл новый комендант крепости генерал-лейтенант К.Н. Смирнов. Первое впечатление очень хорошее: человек живой, со сверкающими умными глазами. И его приветствовала депутация от горожан с хлебом-солью и высказала ему возлагаемые на него надежды. Генерал обещался быть и добрым гражданином. Делая визиты, он оставался дольше всего у адмирала Макарова, который уехал уже ознакомиться с положением дела.

5/18 марта

Вчера генералом Стесселем издан интересный приказ:

«№ 223. Вновь назначенный комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов прибыл и вступает в исполнение своих обязанностей. Я на днях должен уехать из крепости для командования Высочайше вверенным мне 3-м Сибирским армейским корпусом. Начиная с 1899 года я был свидетелем роста крепости, был свидетелем всех тяжелых работ, которые легли на начальников и солдат по устройству и вооружению, я как первый комендант Артура имел счастье видеть и крещение его первым огнем неприятеля, причем славные защитники крепости имели счастье порадовать Батюшку Царя отбитием всех трех бомбардировок. Благодаря энергии всех чинов, от младшего до старшего, Артур теперь представляет твердыню, неодолимую для врага». Далее генерал благодарит всех начальников [91] частей гарнизона поименно — и заканчивает свой приказ так: «Отъезжая к корпусу, я уверен, что скоро услышу радостные боевые вести из Артура и буду иметь счастье поздравить коменданта крепости генерал-лейтенанта Смирнова и вас, своих старых боевых товарищей. И. о. коменданта крепости генерал-лейтенант Стессель».

В последнее время он не раз высказывался, что и он ожидает с нетерпением прибытия нового коменданта.

— Я стрелковый генерал, мое дело полевой бой. Как защищать крепость и как ее укрепить,

не знаю. Вот приедет новый ваш комендант, который, как расписывают газеты, прошел чуть не целый десяток академий, человек образованный, это его дело. Все, все переходит в его распоряжение.

Новый комендант осматривал крепость и, по слухам, пришел в отчаяние от ее состояния, говорят, будто он выразился, что это укрепленный лагерь, а не крепость.

9/22 марта

С полуночи снова заговорили наши береговые орудия, но ненадолго, после 4 часов снова и до утра. Сообщают, что подходили миноносцы, они как бы испытывают бдительность нашу и разведывают расположение наших батарей, говорят, они атаковали наши сторожевые канонерские лодки, безуспешно. Выпустили несколько мин Уайтхеда, попавшие в прибрежные скалы. С рассветом появилась целая неприятельская эскадра и стала приближаться к Порт-Артуру. С 7 часов утра начала выходить наша эскадра, впереди на «Аскольде» адмирал Макаров. Прилив только что начался, поэтому броненосцы могли двинуться лишь в половине девятого. Неприятель подошел опять к Ляотешаню и пустил по городу, гавани и батареям около ста 12-дюймовых снарядов и сто с лишком снарядов по Ляотешанскому маяку. Но когда наши суда и батареи начали отвечать ему перекидным огнем и снаряды наши начали попадать в цель {50}, он отошел на юг, а потом прошел вдоль рейда на почтительном расстоянии, не осмеливаясь атаковать [92] наши 5 броненосцев и 4 крейсера. Он, видимо, рассчитывал еще раз бомбардировать город совершенно безнаказанно, но организованная адмиралом Макаровым перекидная стрельба расстроила его план.

Эта бомбардировка не причинила почти никакого вреда, если не считать повреждений Ляотешанского маяка, но одна бомба, попавшая в казарму команды плавучих средств на Тигровом хвосте, под Маячной горой, убила 5 человек и поранила 9 человек тяжело и несколько человек легко из собравшихся там солдат. Картина ужасная — люди разорваны на куски, на клочья.

2. Деятельность адмирала и его смерть

13/26 марта

Сегодня день необычайно радостный. Адмирал Макаров выходил с эскадрой к берегам Шандуня и задержал около островов Мяо-Тао разведочный пароходик чифуского японского консула. Пароходик оказался с плохим ходом, и поэтому его расстреляли, сняв команду и бумаги. Некоторые из команды имели фальшивые косы — это были, конечно, японцы.

Неважен тут результат, а важно то, что адмирал не побоялся начать активные действия и поднял этим общий дух. За короткое время его пребывания в Артуре им вооружены даже все катера. Деятельность в порту стала кипучей, в штабе адмирала на «Петропавловске» (куда адмирал перешел ради удобств помещения) разрабатываются всевозможные проекты дальнейшей борьбы. Всюду царит воодушевление, уверенность в успехе. Говорят, что адмирал нередко советуется с генералом Смирновым относительно согласования действий крепости и флота.

Недавно принялись за устройство батарей на Ляотешанских высотах, и, как ни странно, по проекту подпоручика 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Крумина {51}. Сколько ни восставали против этого проекта инженеры и непосредственное начальство молодого офицера, высшие власти одобрили проект и приказали выполнить его. Тогда инженеры заявили, [93] что невозможно втащить пушки крупного калибра по крутизнам Ляотешанских скал на высоту в 461 метр. Подпоручик Крумин заявил готовность доказать эту возможность, лишь бы дали ему необходимое количество людей. Пушки втащили, в умелых руках все оказалось возможным {52}.

Для того чтобы не допустить заграждения входа в гавань японскими «брандерами-

заградителями», впереди прохода затопили четыре старых торговых парохода. Затопление это совершено как будто не вполне удачно, так как кто-то из действующих лиц взял старые канаты, вместо новых, из экономии, вероятно. Канаты лопнули, и затопляемые пароходы легли не совсем так, как это нужно было. Но все же суда эти защищают в некоторой степени вход в гавань. Остальное пространство прохода заграждается боном.

14/27 марта

С 2 часов ночи опять адская канонада на взморье. Ночь была очень темная, но с полуночи немного прояснилось, и бледный свет луны осветил море, покрытое легким туманом. В это время прожектора уловили что-то движущееся по направлению ко входу в гавань. Моментально заговорили орудия сторожевых канонерок «Бобр» и «Отважный» и с крепости, в которой, казалось, все спало крепчайшим сном. В гавани все зашевелилось. Адмирал Макаров промчался уже на катере к проходу, на одно из сторожевых судов, а комендант и начальник артиллерии спешат на Электрический утес, чтобы лично руководить стрельбой.

Новая попытка японцев заградить выход из гавани. 4 больших коммерческих парохода в сопровождении 6 миноносцев на всех парах стремятся к намеченной цели. Вдали свет прожекторов больших неприятельских судов. В это время снова скрывается луна, наступает непроглядная тьма. Почти непрерывно вспыхивающие выстрелы орудий ослепляют глаза, после них становится как бы еще темнее. [94]

Миноносец «Сильный» под командой лейтенанта Кривицкого{53} проявил себя героем, взорвал миной носовую часть первого брандера и этим заставил его выскочить на мель влево от входа, свистком обманул он остальные два брандера, которые взяли курс вправо и вместо прохода оказались на мели под Золотой горой. «Сильный», выдержав бой с пятью неприятельскими миноносцами, был принужден и сам выброситься на берег{54}.

Только четвертому брандеру удалось, несмотря на ужасный артиллерийский огонь и на пущенную в него с миноносца «Решительный» мину, достичь входа в гавань, стать почти поперек и лечь здесь на мель, носом к тому брандеру, который месяц тому назад подошел так близко к «Ретвизану». Очевидцы замерли от ужаса. Еще один брандер, проведенный настолько же удачно к корме этого, — и гавань заграждена! И главное, заграждена на глазах самого адмирала Макарова, несмотря на только что затопленные пароходы «Хайлар», «Харбин» и др. Точно и это уже было известно японцам.

Адмирал не растерялся, послал охотников-офицеров на уже загоравшиеся брандера обрезать провода к минам, находящимся в трюмах, и потушить огонь, чтобы японцы не могли при помощи этого освещения направить еще брандер прямо в желанное место.

Тем временем люди, остающиеся в живых на брандерах, искали спасения на шлюпках, надеясь доплыть до ожидающих их миноносцев, но напрасно. Лишь только заметили наши сторожевые суда отчаливающие от брандеров шлюпки, как тотчас же направили на них огонь пулеметов и мелкой артиллерии. Луна осветила снова на мгновение море. Там убегающая шлюпка, над которой дружно подымается около шести пар весел, она успела уже порядочно отойти от брандера и удаляется с каждым ударом весла все дальше и дальше. Но ее заметили и начали осыпать смертоносным градом из пулемета. Момент — и видневшиеся весла редуют и редуют, наконец остается только одно, и его не стало, лодка погружается медленно в воду. Так исчезали одна шлюпка за другой. [95]

Но и на нашей стороне не без потерь. На одном миноносце «Сильный» немало жертв: 6 человек убитых и 13 раненых.

Брандера вооружены пушками Гочкиса; они засыпали сторожевые суда и берег своими снарядами, много снарядов с них и с миноносцев попадало и в город, особенно в окрестности Пресного озера и Отрядной церкви, не причинив, однако, никому ни вреда, ни ранений. Пушечная пальба и татаканье пулеметов умолкает, и вскоре царит снова такая

тишина, что и трудно представить себе, что тут только что разыгралась ужасная драма, что там еще умирают, еще тонут люди.

Наутро опять появился на горизонте японский флот, видимо, желая удостовериться, не удалось ли на этот раз заградить вход в гавань Артура. Как только адмирал получил известие о появлении неприятеля, тотчас приказал он всей эскадре выйти на внешний рейд. Рейд протралили, выловили японскую мину, потом вышли и стали ждать атаки. Японцы же, убедившись, что и на сей раз их жертвы напрасны, повернули в море и вскоре скрылись. Кто-то назвал брандер, заградивший часть прохода, «макаровским», и это имя осталось за ним до конца{55}.

Узнал, что утром, при выходе эскадры «кокнулись» два наших броненосца, причинив друг другу незначительные повреждения. Говорят, что адмирал Макаров уже сменил командира, виновного в столкновении, прочел всем большое наставление, что недостаточно одних теоретических знаний — необходимо уметь и управлять судном. Молодецкий выход эскадры после ночной атаки, при первом появлении неприятеля, подействовал ободряюще даже на скептиков.

— Да, — говорили все, — будь адмирал Макаров здесь до начала войны! Совсем было бы другое дело.

— С дедушкой Макаровым мы не пропадем! — говорили матросы.

17/30 марта

Сегодня прибыл наш известный живописец-баталист В.В. Верещагин. Он желает увековечить своей чудной [96] кистью ужасы войны с усовершенствованным оружием массового избиения, истребления людей.

Прибыла из Петербурга первая группа мастеровых (170 человек) Балтийского судостроительного завода. Работа по исправлению поврежденных судов пойдет теперь много успешнее.

21 марта (3 апреля)

Прибыла из Петербурга вторая партия портовых мастеровых разных цехов (82 человека).

Сегодня уехал вновь на север наместник, адмирал Алексеев, прибывший в Артур 18/31 марта. Конечно, пышная встреча и проводы, осмотры судов эскадры, батарей и т. д.

Говорят, что генерал Стессель снова приобрел благоволение наместника. Как мне передавали, между наместником и адмиралом Макаровым, а также новым комендантом крепости, генералом Смирновым, не установилось дружеских отношений, существует некоторая натянутость. Адмирал Макаров желает действовать совершенно самостоятельно и резок относительно попущений, найденных им здесь во всем. Генерал Смирнов также неосторожен в выражениях относительно рекламированной боевой готовности крепости. Генерал же Стессель изучил тонко своего начальника и пользуется полным его доверием. Ходят слухи, что благодаря этому он будет утвержден начальником укрепленного района Порт-Артур — Кинчжоу с подчинением ему коменданта крепости. Сколько правды во всех этих слухах, покажет будущее.

Отрадную картину представляет энергичная деятельность в порту и на эскадре. Адмирал Макаров принимает все меры, чтобы не дать неприятелю загородить вход в гавань. Он выслушивает охотно все проекты по защите и дальнейшему отражению атак, по очистке рейда от неприятельских мин, по заграждению, где это необходимо, минами{56}, по обеспечению судов от возможности наскочить на мину и т. д. Одобренный проект передается им способнейшим офицерам штаба для дальнейшей разработки и осуществления. Между проектами, говорят, есть один, представляющий прекрасный способ охранения судна от [97] мин, — изобретение одного молодого моряка. Приспособление недорогое, но вопрос в том,

удастся ли изготовить это приспособление, найдется ли здесь необходимый для этого материал и возможно ли скоро доставить недостающее.

Насколько адмирал сочувствует всем занимающимся изобретением лучших средств к обороне и всем деятельным исполнителям его планов, настолько же беспощаден он к нерадивым. Он посоветовал уже не одному уехать отсюда, чтобы более деятельные могли заступить их места. Многие не привыкшие к серьезному труду недовольны им, но это недовольство не встречает сочувствия более деятельных товарищей. Говорят, адмирал Макаров неправ в том, что привез с собою много сотрудников и замещает ими места, вытесняя старых служаек. Но спрашивается: что же сделали эти, старые служаки? В чем же их заслуга?

Главное, что поставил себе целью адмирал Макаров, это поднятие духа во флоте — желание приучить флот к активным действиям, чтобы вырвать инициативу на море из рук неприятеля. Недавняя его рекогносцировка к островам Мяо-Тао была первым и блестящим доказательством того, что тактика сидений в гавани неправильна, она только угнетает.

К адмиралу являются ежедневно офицеры-охотники с просьбой разрешить им то или другое отважное предприятие против неприятеля, ночной набег на места стоянки неприятельских судов и т. д. Он обещает каждому из них дать возможность доказать свою отвагу, но поручает им пока то, что более необходимо. Между тем готовят и к этим набегам, снаряжаются необходимые для этого катера с минными аппаратами и т. д. Все храбрецы находят в нем отца-покровителя и сочувствующего друга. Предложения некоторых он отклоняет, не находя соответствующим или самый проект, или самого исполнителя, но направляет в то же время молодую энергию в ту сторону деятельности, которую он находит более подходящей для данного офицера.

Адмирал уверен, что японцы сильнее нас только технической стороной и что сильный духом, хотя и слабее техникой флот имеет больше данных на победу. У японцев поднят этот дух первыми удачами, ими же подавлен он среди наших моряков. Надломить [98] дух японцев безуспешностью предпринимаемых атак и этим же приподнять этот дух на русской эскадре считает адмирал Макаров возможным и имеет в этом уже видимый успех.

— А тогда померяемся силами! — говорит он.

Что он прав, можно было видеть сегодня, при раздаче им Георгиевских крестов отличившимся, наблюдая за общим настроением, за выражениями лиц. Взгляд адмирала на каждого вызванного к награде матроса, казалось, говорил этому последнему:

— Ты отличился — я вознаграждаю тебя, но и ожидаю от тебя еще большего в будущем.

Просветлевшее от радости лицо матроса как бы отвечало своему обожаемому начальнику с полной решимостью:

— Готов в огонь и в воду!

И на лицах присутствовавших при этом команд ни капли зависти к товарищам, а можно было прочесть, что каждый из этих плечистых молодцов ловит жадно взгляд адмирала и желает поскорее удостоиться той же награды из рук самого адмирала. Нужно видеть, с каким восторгом, с какой глубокой верой в адмирала матросы говорят: «наш дедушка». Его знает и любит каждый матрос. В этом верный залог успеха.

28 марта

(10 апреля) (Пасха). К Пасхе ожидали новую атаку японцев. Но вот уже вечер первого дня светлого праздника, а японцы нигде не показались.

В городе циркулировали самые нелепые слухи о замыслах японцев. Одни уверяли, что японцы приплывут целый караван керосина, зальют во время начала прилива всю гавань керосином и зажгут этот керосин, все, что около берега, загорится, и удушливый дым

керосина не даст возможности загасить этот ужасный пожар — люди задохнутся в этом противном дыму, и все погибнет. Другие сообщали, что японцы нагроузили целый пароход пироксилином и взорвут его на внешнем рейде, возможно близко к батареям и гавани. От этого взрыва получится такое сотрясение воздуха, что разрушатся все батареи, а в городе не останется и камня на камне, одним словом — смерть и гибель. К счастью, этому слуху верили лишь самые наивные и самые трусливые из мирных жителей. [99]

Что все это время прошло в очень напряженном ожидании, это правда. На рейде с наступлением темноты дежурили все канонерские лодки, миноносцы и вновь приспособленные минные катера, чтобы предупредить всякую новую атаку брандерами-заградителями. Прошлая ночь была кульминационным пунктом этих ожиданий. Своеобразная ночь на светлый праздник, торжественная и страшная.

Все готовились встретить великий праздник Христова Воскресения и с трепетом ожидали, что вот-вот может грянуть зловещий выстрел, за ним неизбежная адская канонада со взрывом мин, с ужасным воем прилетающих в город и разрушающих все японских снарядов, возможной ночной бомбардировкой, одновременно с новыми брандерами или другим адским замыслом.

Погода стояла пасмурная, и дул небольшой ветер. Ночь наступила темная, но все еще кое-где были заметны освещенные, но плотно занавешенные окна, все еще было заметно некоторое движение по пустынным улицам, слышен тихий говор. Когда раздался тихий благовест небольших колоколов наших все еще временных церквей-бараков, весь город ожил, но не было того шума и света, той радости, что видится в далекой России среди мирной жизни. Со всех сторон бесшумно задвигались тени по направлению церквей, кто только мог спешил помолиться об избавлении от грозящих бед, но, уходя, прощался с остающимися дома, могли ведь не вернуться или не застать в живых.

Все окна церкви со стороны моря плотно завешаны темными занавесками. Внутри обычное праздничное освещение. Среди молящихся особенно много солдат и офицеров. Кто знает — не последняя ли это пасхальная ночь для большинства из них. Адмирала Макарова нет в церкви, он на одном из сторожевых судов на рейде и встречается там светлый праздник, служа для всех примером бдительности и неустранимости.

Комендант и прочие высшие чины уже в церкви, прибывает, наконец, и генерал Стессель. Началось пасхальное богослужение{57}. Трудно себе представить более торжественную службу, [100] более искреннюю молитву, более захватывающее пение. Все устремились к Всевышнему с мольбой и с надеждой. Нередко блистали слезы на истомленных лицах молящихся.

Все чувствуют, что смерть витает над головой каждого жителя одинокой крепости, удаленной на тысячи верст от родного края, и опустевшего города, что смерть его может быть ближе около него, чем когда-либо. Служба кончается, и каждый спешит радостно домой. Неприятель оставил нас в эту ночь в покое, не нарушил наш праздник.

Первый день Пасхи был довольно холодный, облачный. Два месяца прошло с начала войны, но казалось, что прошло не более двух недель. Правда бывали моменты, которые казались вечностью. Русская пословица говорит: «Привыкнешь — и в аду хорошо!» В этом мы убедились как нельзя лучше. В трудные же минуты успокаиваешь себя мыслью: «Чему быть, того не миновать!»

Вчера прибыла специальная минная рота, которая начнет заграждать гавань электроударными минами.

29 марта (11 апреля)

Сегодня побывал на горах, окружающих Артур, и на некоторых батареях, навестил друзей, привязанных здесь долгом службы. По всему фронту кипит работа (сегодня работают только

китайцы), воздвигаются батареи, редуты и достраиваются форты. Генералы Смирнов и Кондратенко объезжают ежедневно фронт, наблюдая за ходом работ, давая необходимые указания и выслушивая доклады и мнения участковых начальников.

Когда мы добрались до вершины Большого Орлиного Гнезда — высокой, конусообразной вершины, на которой когда-то стояла китайская батарея, нам открылся чудный вид на море, окружающее с трех сторон Артур. На востоке виден остров Кеб и мыс, за которым расположен город Дальний, на запад видны бухты Голубиная, Луизы и Десяти Кораблей. На северо-западе, севере и северо-востоке — Волчьи и Зеленые горы.

На море виднеется наша эскадра. Адмирал Макаров вышел на прогулку-разведку с полным составом боеспособных судов. [101]

Мы узнаем эти суда, называем по имени. А там, по направлению Дальнего, что это за судно — наше или неприятельское? Вдруг да начнется грандиозный морской бой!.. Мы увидим это ужасное зрелище...

Человек забывает, что такое зрелище губит сотни, тысячи людей и что оно не для праздного любопытства. Всматриваемся и узнаем подозрительное судно. Это наш «Аскольд», вышедший вперед на разведку; он возвращается и занимает свое место рядом с колонной броненосцев. Вскоре эскадра начинает скрываться за горизонтом.

Из разговоров собравшихся здесь с окрестных укреплений офицеров слышу, что они не знают точно, как был укреплен китайцами Артур в японско-китайскую войну, где находились батареи и как происходил бой. Один из присутствующих уверяет, что с этого места — Большого Орлиного Гнезда — китайский штаб наблюдал за ходом боя и здесь же будто один китайский генерал проглотил золотую пластинку, т. е. покончил с собою посредством ее. Последнее, конечно, неважно, но первое должно бы быть именно теперь известно каждому из защитников Артура, не помешала бы и поучительная лекция на местах боя, из нее можно бы сделать ценные выводы.

Вечером мне пришлось по делам службы побывать в первый раз на броненосце, а именно на «Петропавловске», где я познакомился с профессором академии Генерального штаба полковником Агапеевым, который поразил меня своим молодежавым, но весьма бледным лицом. В штабе адмирала Макарова он заведовал военным отделом и прибыл сюда одновременно с адмиралом.

Он возбудил в свое время много злобы против себя тем, что назвал китайский поход 1900 года не войной, а разбойничьим набегом, который не послужил уроком, а только испортил участвовавших в нем солдат и офицеров. Конечно, особенно озлобились против него некоторые герои этой войны, осыпанные наградами и пообогревшие свои руки около чужого добра. Видел там также капитана 2 ранга Васильева, одного из выдающихся офицеров, которому предсказывают блестящую карьеру. [102]

Матросы весело разгуливали по средней палубе и оживленно беседовали, должно быть, о впечатлениях дня, о выходе в море и о предстоящих делах. Их загорелые лица сияли довольством и уверенностью. Пока я ожидал приема, к дверям, отделяющим меня от батарейной палубы, подошла близко группа гуляющих, остановилась и посмотрела на меня весело. Их глаза как бы говорили мне:

— И ты пришел посмотреть на «нашего дедушку», поговорить с ним, посоветоваться!.. Стоит!

Вскоре прошел к матросам священник, иеромонах о. Алексей, и началась вечерняя молитва. Только тот, кому довелось слышать вечернюю молитву на русских военных судах, только он знает, как в вечерней тишине величественно льются звуки из полной груди сотен молодых людей, этого стройного хора: «Отче наш, иже еси на небесех».

Из чисто деловой беседы выделилось особо желание адмирала Макарова, чтобы о нем

возможно меньше писали в газетах и телеграммах.

Здесь два великих человека, одинаково украшенных сединами, — адмирал Макаров и художник Верещагин, окруженные блестящей способностями молодежью, — наша гордость, наши надежды.

Меня поражали невиданные до сей поры обстановка и размеры плавучей железной громады с ее 12-дюймовыми пушками и прочими механизмами. Встретивший меня вахтенный начальник, мичман Шлиппе, проводил меня при уходе до трапа, освещенного на то время, пока я сходил на берег. Когда же я прошел мимо часового, стоявшего у конца трапа, огонь погас и снова все погрузилось во мрак и тишину. Все это увеличило мои сегодняшние впечатления.

День редко богатый воодушевляющими впечатлениями. Но я не чувствую того утомления, которое получается после даже незначительной бомбардировки, как последняя, к которым все же начинаем больше и больше привыкать.

30 марта

(12 апреля). Узнал о несчастье у бухты Десяти Кораблей. Вчера утром выкинуло там на берег мину. Унтер-офицер [103] Баранов с 11 стрелками принялись оттаскивать эту мину подальше от воды. При этом мина взорвалась и — от всех 12 человек остались лишь мелкие окровавленные клочья.

31 марта (13 апреля)

Самый ужасный, самый тяжелый день для Порт-Артура! Самый ужасный день для нашего флота! Сегодня погиб адмирал Макаров. В его лице мы потеряли не менее чем половину всей нашей морской силы. Потеря невозместима!

Один из возвращающихся из ночной разведки с островов Эллиот (предполагаемая японская морская база) миноносцев, «Страшный», был отрезан от других, проскочивших в гавань, бился богатырски и погиб от снаряда, попавшего в заряженный минный аппарат в тот момент, когда мина должна была быть выброшена в бок японскому миноносцу. Поспешивший на помощь крейсер «Баян» спас только 5 человек, удержавшихся еще на поверхности воды. Японским миноносцам помогали подошедшие крейсера и два броненосца, сосредоточивая на «Баяне» свой огонь. «Баян» бился с многократно сильнее противником, пока выходил из гавани наш флот с броненосцем «Петропавловск» под флагом адмирала Макарова впереди.

Завязался артиллерийский бой, японцы оттягивались, преследуемые успешными выйти на рейд судами. Последние наши суда все еще выходили. В это время заметили с востока появление японской эскадры в 12 вымпелов. Адмирал приказал отступить на рейд и стать в боевую колонну, чтобы принять атаку японцев.

На всех укреплениях наблюдали за происходившим на море. На Перепелочной горе собралась масса публики с биноклями и подзорными трубами, все напряженно следили за движениями эскадр. Дул холодный ветер, тем не менее морской горизонт застилался синеватой дымкой — туманом. Сперва нам было непонятно, почему наши суда возвращаются на рейд, но вскоре заметили мы на восточной стороне появление неясных силуэтов — один, другой, третий, и еще, и еще...

Вдруг около «Петропавловска» показался столб дыма — один, другой, с огромным пламенем. Раздались крики, вопли: [104] «Петропавловск» погибает! Не хочется верить, но его уже нет над водой... Ужас охватывает всех. Многие сбегает с горы, чтобы справиться по телефону, что это случилось? Еще столб дыма около другого броненосца, он накрывается, но продолжает держаться на воде.

Как я узнал потом, на батареях, откуда яснее была видна катастрофа, солдаты и офицеры

завопили, кричали, рвали на себе волосы. Внизу, в городе, поднялась суматоха. Крики: «"Петропавловск" погиб!» — «Неправда! Только подбит миной!» — «Погибла «Победа»!» — раздавались всюду. Люди бегут бледные, растерянные, спрашивают друг друга и, не получив ясного ответа, бегут к гавани и на Перепелочную гору, откуда полиция начинает прогонять зрителей по приказанию генерала Стесселя.

Никто не знает, находился ли адмирал Макаров на «Петропавловске» или, по своему обыкновению, был на одном из крейсеров. Первое настолько ужасно, что не хотелось бы об этом и думать. Хотелось еще надеяться, хотелось верить во второе. Кто уверяет одно, а кто и противоположное. В гавань начинают входить, отстреливаясь от предполагаемых подводных лодок, заметно накренившиеся броненосец «Победа», некоторые катера и миноносцы. На набережной собирается все больше и больше народу. В порт не пускают публику и даже офицеров. «Победа» входит во внутренний, Восточный бассейн.

Людей, выходящих из порта обступают, расспрашивают. Лица их страшно бледны. Они видели привезенных раненых, обгорелых, умирающих и уже умерших. Говорят, адмирала еще не нашли. Наша эскадра начинает входить в гавань. Все устремляются на набережную против входа и ищут глазами флаг адмирала Макарова. Как дети-сироты, наивно верим и ожидаем возвращения уже похороненного отца-кормильца, защитника.

— А вдруг да появится судно с вице-адмиральским флагом? То-то будет радостно!..

Но напрасно — судно это не появляется. Все еще не хочется верить, что так, в одну минуту, осиротел наш флот, осиротели все мы, злосчастные артурцы, а с нами вся Россия! [105]

Солнце клонится уже к западу, но все еще кучки людей сидят и стоят на набережной, устремив свои потускневшие взоры на вход в гавань. Но «он» не возвращается, лежит он на дне морском — погиб впереди вверенного ему и уверовавшего в него флота, погиб, готовый ринуться в смертный бой с превосходящими силами врагом. К вечеру не осталось сомнений, что адмирала Степана Осиповича Макарова не стало.

Как только на эскадре убедились, что командующий погиб, тотчас контр-адмирал князь Ухтомский принял командование и приказал эскадре вернуться в гавань. Неприятель продержался недолго на горизонте. Убедившись, что после катастрофы, происшедшей на его глазах, наша эскадра возвращается в гавань, он повернул в море и скрылся. Кроме адмирала Макарова погибли художник Верещагин, полковник Агапеев{58}, капитан 2 ранга Васильев, лейтенант Дукельский. Трудно всех перечислить, погибло всего около 500 человек. Спаслось всего лишь около 90 человек, да из них еще многие умерли от ран и ожогов, полученных при катастрофе. Пробойная, полученная «Победой», говорят, легко исправимая.

— Конец! — говорит с отчаянием вошедший ко мне полковник. — Теперь наш флот будет снова сидеть в гавани. Хотя бы не оставили мер предосторожности по охране гавани, установленных адмиралом Макаровым!

Пытаюсь успокоить его и себя тем, что недавно прибывшая минная рота заградит вскоре минами вход в гавань.

— Если снова проспим, то и это не поможет!..

Утешаю его тем, что, наверно, вскоре будет назначен сюда адмирал Скрыдлов или Рожественский. Он качает головой.

— Когда это будет! А тем временем дух, внесенный Макаровым, заменится прежней угнетенной нерешимостью. Не верю я в наших адмиралов, ни в кого из них не верю. Макаров — да, в него нельзя было не верить! Он жил, он дышал морем и флотом, он работал для них всю жизнь, его успехи налицо. Он не [106] был паркетным адмиралом, его поэтому не любили. И умер-то он как настоящий моряк, лег на дно моря вместе со своим кораблем. Вы говорите — роковая случайность. Что такое роковая случайность? Случайность ли привела нас к этой утрате, к этой невозместимой утрате, к этому ужасному несчастью, этого

мы еще не знаем. Произошел ли взрыв внутри судна, мина ли побила его, подводная ли лодка неприятеля — кто объяснит нам все это? Это уму непостижимо, в одну минуту погиб броненосец, скрылся с глаз, погиб адмирал и столько людей! Если это были вражеские мины, то как же они оказались на этом-то месте? Ведь их нужно было поставить. А что же делала наша береговая стража, если не видала, что неприятель ставит у нас под носом мины?..

Добираясь до причин гибели «Петропавловска», мы пришли к убеждению, что никаких подводных лодок тут не было, а броненосец наскочил на связанные плавучие японские мины, пробоина у «Победы» получена от такой же мины. Оказывается, что ночью были замечены около этого места японские миноносцы. Об этом будто доложили адмиралу и предлагали ему протралить это место, но адмирал будто ответил, что это пустяки.

Это просто невероятно{59}. Вернее всего, что мы прокараулили или, по обычной нашей простоте, приняли эти миноносцы за свои. Иначе по ним открыли бы огонь с батарей, или же адмирал Макаров приказал бы атаковать их миноносцами, тем более что наши миноносцы вышли на разведку и могли попасть, при возвращении, между двух огней. Если бы адмиралу было известно, что японские миноносцы на внешнем рейде, он выслал бы непременно навстречу возвращающимся своим подкрепления из миноносцев и крейсеров и сам бы вышел с ними, а в таком случае японцам не удалось бы потопить в это утро «Страшный». Поэтому несомненно, что мы проспали и валим вину на самого покойного адмирала, который уже возразить не может. [107]

Другое дело, если бы адмирал боялся выходить в море, или же мины эти были поставлены за горизонтом, а не, так сказать, под самым носом{60}. [108]

IV. Начало осады

1. Последние атаки японцев с моря

2/15 апреля

Сегодня утром показался на горизонте неприятельский флот, но вскоре опять скрылся. Затем он снова появился около 9 часов утра в составе 23 вымпелов и открыл огонь со стороны Ляотешаня по батареям берегового фронта, особенно Тигрового полуострова и по Ляотешаню, к которому он уже не осмеливался подойти очень близко. Ему отвечали наши батареи, а особенно суда, стоявшие в гавани, перекидным огнем из 12- и 10-дюймовых орудий. С наблюдательных пунктов сообщают, что один из наших крупных снарядов попал в японский крейсер типа «Ниссин» и заставил японцев отойти. Бомбардировка продолжалась с перерывами до 1 часа дня и осталась вполне безрезультатной{61}. Рассказывают, что два японских судна сильно повреждены и уведены на буксире. У одного [109] судна будто вогнуло палубу от сильно крутого подъема орудий.

С уходящих японских судов бросили в город, на Перепелочную гору два крупных снаряда. Первый лег выше домиков, в мелкий камень (щебень) и не принес никому никакого вреда.

Услышав, что снаряд разорвался на Перепелке, один из молодых врачей Красного Креста (Горловский) побежал туда с двумя госпитальными служителями, чтобы оказать первую медицинскую помощь, если бы она понадобилась. С другой стороны, около десятка подозрительных китайцев («Хорошему китайцу там нечего искать», — говорили китайцы безупречного поведения) спешили к верхним домикам на Перепелки, чтобы, воспользовавшись суматохой и тем, что жители разбежались в ожидании дальнейших бомб, разграбить квартиры. Бывший там полицейский при помощи железнодорожного проводника и одного госпитального служителя начал прогонять этих китайцев. В это время снова

раздался вой прилетающего огромного снаряда, и он упал как раз среди убегающих китайцев. Взрывом разорвало на клочки 7 китайцев, тяжело ранило 3 китайцев и служителя госпиталя, легко ранен железнодорожник, ближайшие 2 домика-фанзы разрушены и 4 повреждены. Помянутый врач оказал первую помощь, перевязал и проводил раненых в госпиталь. Так как носилок не было, то вынули из ближайших домиков уцелевшие двери и понесли на них раненых.

Когда я пошел на место катастрофы, то почти все следы ее были уже убраны, лишь местами валялись еще отдельные куски человеческого тела и огромные кровавые пятна указывали те места, где лежали трупы убитых. Очевидцы этой ужасной сцены не могли говорить о ней без содрогания, так поразила их эта картина, в то время как только немного рассеялся дым. Один из китайцев, которому оторвало голову, пробежал еще несколько шагов вперед, затем упал. В ограду одного из ближайших домиков силой взрыва бросило его оторванную голову под окно, в других местах валялись большие куски тела. Многие из жителей ближайших домиков были дома и отделались только испугом и этим ужасающим зрелищем. Жителей разрушенных и сильно поврежденных фанз, к счастью, не было дома. [110]

Госпитальный служащий умер от ран, один из раненых китайцев скончался по дороге в госпиталь, на выздоровление прочих 2 китайцев, говорят, надежды мало.

Мне передавали, что, по наблюдениям с Перепелочной горы и с батарей, один из 5 японских крейсеров (наблюдавших на рейде, не выйдет ли из гавани наш флот) будто бы налетел на японскую же мину{62} и затонул. Так как падающие на Тигровый полуостров и в гавань снаряды отвлекали внимание зрителей, то факт этот не удалось установить точно. С батарей сообщали, что видели ясно взрыв у одного из крейсеров, после чего остальные крейсера окружили это место, а на Перепелочной горе один из офицеров-зрителей зарисовал кроки всех видимых движений японских судов и был удивлен, что из зарисованных 5 крейсеров на открытом месте оказалось потом только 4. Он тоже увлекся разрывающимися более на запад снарядами и не мог сказать, куда девался зарисованный пятый крейсер. В народе говорили, что погиб один японский крейсер, но очевидца самой гибели не случилось встретить{63}.

Сегодня прибыл из Мукдена наместник, адмирал Алексеев, поезд его простоял за Перепелочной горой до окончания бомбардировки.

Начали поступать пожертвования на постройку броненосца «Адмирал Макаров» и на памятник адмиралу{64}.

3/16 апреля

«Паллада» вышла из дока, но зацепила винтом, кажется, за якорную цепь «Аскольда» и погнула перо.

7/20 апреля

Вчера в «Новом крае» появилась заметка, будто вблизи Артура появились огромные акулы. Спрашивается, уж не это ли те «подводные лодки» японцев, которые многим мерещились, но существование коих до сей поры не подтвердилось [111] ничем. На самом же деле и акул-то здесь никто еще не замечал, это ирония над трусливыми, воображающими, что они видели подводные лодки и оспаривающими вследствие этого возможность выхода флота в море.

Считаю долгом привести прекрасные примеры самоотвержения русских матросов.

Как мы узнали из японских сведений, 26 февраля (10 марта), когда вся команда миноносца «Стерегающий» была перебита и миноносец был уже взят неприятелем на буксир, оставшиеся еще в живых 2 матроса не последовали приглашению сдаться, а скрылись и заперлись в трюм миноносца, там они открыли кингстоны и потопили миноносец, чтобы он не достался неприятелю. Они похоронили и себя вместе со своим судном — предпочли славную смерть за свою родину сдаче в плен. Имена этих двух матросов так и останутся неизвестными, но факт этот, их подвиг, останется светлой точкой в истории этой войны. Это были два простых,

быть может, даже неграмотных, русских человека.

Не менее героически погибла команда миноносца «Страшного» утром 31 марта (13 апреля). В ночной тьме и тумане миноносец отстал от своего отряда и, проблуждав около островов Саншан-тао, возвращался один к Артуру. Когда начало рассветать и туман рассеялся, он заметил вблизи 6 неприятельских миноносцев и 2 двухтрубных крейсера, которые открыли по нему огонь, снаряды пробивали судно и сметали все живое с палубы. Удачно пущенной с миноносца миной Уайтхеда подбило один из крейсеров. Два миноносца и другой крейсер стали помогать подбитому, четыре миноносца продолжали преследовать «Страшного». В тот момент, когда с миноносца только что хотели пустить вторую мину в ближайший неприятельский контрминоносец, попал в заряженный минный аппарат «Страшного» неприятельский снаряд, последовал взрыв и произвел страшное опустошение. Машина перестала работать. Единственный живой еще, но сильно израненный офицер лейтенант Маллеев крикнул остаткам команды:

— Погибнем, но не сдадимся!

Он поднял оторванную взрывом голову товарища, инженер-механика Дмитрова, поцеловал ее в губы: [112]

— Прощай, мой дорогой товарищ!

А у самого отовсюду сочится кровь, часть кожи на голове сорвана осколком и повисла на плече, фуражка давно сбита с головы. Он бросается к единственному уцелевшему оружию — пятиствольной митральезе, снятой с японского брандера, и обсыпает неприятеля убийственным огнем. Японцы сосредоточивают весь свой огонь на «Страшном», уже погружающемся в воду. Когда вода достигла до борта, лейтенант Маллеев еще раз крикнул:

— Братцы, спасайся, кто на чем может!

Сам же продолжал еще уцелевшей рукой стрелять в неприятеля.

Миноносец пошел ко дну, и всплыли всего 5 тяжело израненных матроса. Был ли убит лейтенант Маллеев сыпавшимися как град неприятельскими снарядами или нашел свою смерть в волнах, этого не могут сказать уцелевшие люди. Они боролись отчаянно в ледяной воде, стараясь отплыть от водоворота, образовавшегося на месте гибели «Страшного».

Во всех схватках наших миноносцев с японскими перевес в вооружении и частью в быстроте хода оказался на стороне японцев; их миноносцы вооружены пушками 120– и 75-мм калибра, а наши лишь 75– и 47-мм. Притом и снаряды у них лучше. Орудия меньше 75-мм калибра не имеют и на броненосцах ровно никакой цены при отражении минных атак. Чем меньше калибр орудия, тем меньше и дальноточность его; неприятельский же миноносец должен быть расстрелян на почтительном расстоянии, пока он не может поражать миной{65}.

8/21 апреля

Забыл отметить, что наместник, адмирал Алексеев, принял на себя временное командование флотом и переехал на другой день на броненосец «Севастополь», там же поместился весь его штаб и был поднят его флаг. [113]

Прибыла еще партия (850 чел.) мастеровых и портовых рабочих из Петербурга.

«Новым краем» уже не раз поднимался вопрос о том, обеспечен ли город на случай тесной осады необходимыми жизненными припасами, топливом и прочими предметами первой необходимости. Кажется, что до сей поры очень мало сделано в этом отношении. Слышно, что были недоразумения между генералами Смирновым и Стесселем. Первый воспретил вывоз каких бы ни было съестных припасов из города, а последний разрешал. Комендант будто настоял на своем, но чтобы кто-либо позаботился о привозе необходимых припасов — не слышать.

9/22 апреля

Сегодня наши миноносцы задержали в виду Артура пароход корреспондента газеты «Daily News» и осмотрели пароход и его бумаги. По получении инструкций задержанный на внешнем рейде пароход был препровожден в море с дружеским советом более не подходить так близко к Порт-Артуру.

На днях прибыли в Артур германские военные агенты, капитан Гоппман и капитан-лейтенант Альфред фон Гильгенгеймб.

13/26 апреля

«Новый край» остается в Порт-Артуре, чтобы делить участь защитников крепости.

16/29 апреля

В продолжение последних двух ночей были небольшие перестрелки береговых батарей с подходившими неприятельскими миноносцами. Говорят, что батареи иногда обстреливают и наши собственные. Нас навестил прибывший в Артур на короткое время военный корреспондент «Нового времени» гвардии ротмистр Ю.Л. Елец.

На днях был в штабе одного из стрелковых полков. Там рассказывали мне, что солдаты и офицеры опасаются, как бы им не просидеть здесь во время войны без дела. Если же японцы не захотят высадиться на Ляодуне, то это так и будет.

В то же время узнал, что солдаты остались чуть не босиком — в цейхгаузах нет обуви. В ожидании подвоза выдавали частями необходимый кожаный товар — например, голенища [114] или переда, подошв же нет. Солдат ждет, ждет недостающее, чтобы сшить новые сапоги, а старые разваливаются. В конце концов он или отдает полученную часть кожи за починку старых, или, что еще хуже, пропивает ее. Через долгое время получается недостающая часть кожи, например подошвы, а тогда голенищ уже нет — и снова пошла та же история.

18 апреля

(1 мая). Сегодня началась практическая стрельба с батареей сухопутного фронта, которая будет продолжаться еще и завтра. Жители, не знавшие, что это стреляют наши, сильно переполошились, предполагая, что японцы уже наступают с суши, но вскоре все успокоились.

На днях прибыл известный писатель В.И. Немирович-Данченко в качестве корреспондента «Русского слова». Он провел уже несколько ночей в каземате батареи на Золотой горе в напрасном ожидании новой атаки японцами гавани.

20 апреля (3 мая)

«Новый край» иронизирует над тем, что в то время как во всех предметах первой необходимости ощущается уже недостаток и цены на эти предметы возрастают неимоверно, оказывается, что напитками мы обеспечены с большим избытком — наши коммерсанты были настолько предусмотрительны, запаслись ими так основательно, что напитков должно хватить на всю войну, сколь долго она бы не продолжалась...

Получено известие о переходе японцами Ялу, о первой битве.

21 апреля (4 мая)

Прошлая ночь — это было что-то почти невероятное. Хотя около 6 часов вечера и поговаривали, что сегодня ожидают новой атаки со стороны японцев, никто этому уже не придавал большого значения. Ведь ждали мы их почти каждую ночь до и во время Пасхи, ожидаем и сейчас. Нас успокаивает то, что их ждут; худо, когда не ожидают, а они являются.

Вечер теплый, но темный. Гуляет много народу. Тишина в городе полная. Еле заметно

обрисовываются на небосклоне темные силуэты гор, окружающих город. На береговом фронте [115] видны лучи прожекторов, ровно скользящих по морю, то скрещивающихся, то расходящихся в разные стороны, чтобы потом снова встретиться. Это исполинские щупальца, которыми водит вокруг себя притаившееся чудовище — крепость.

В гавани тоже все тихо; изредка проскользит почти бесшумно какой-нибудь катер, послышится окрик часового. Отдельные огоньки видны на судах на стороне города; иначе можно бы подумать, что и тут все спит, как большинство города после трудового дня.

Вот просигналили что-то с Золотой горы, сигнальные огоньки замигали и на «Севастополе»; в ответ им засверкали такие же огоньки на всех остальных судах. Снова все потухает и погружается во мрак довольно теплой ночи. Лишь от времени до времени раздаются мелодичные судовые склянки {66}, оживляя на минуту начинающую уже надоедать тишину.

В исходе одиннадцатого часа восходит луна, становится светлее. На море какая-то молочная пелена, в которой совершенно теряются лучи прожекторов. Зато громады гор с их вооруженными вершинами получают красивую, фантастическую обрисовку; и военные суда в гавани как бы проснулись и вновь насторожились в ожидании чего-то. В 12 часов 50 минут ночи вдруг мелькнуло что-то и раздалось как будто далекие выстрелы.

— Должно быть, опять миноносцы, — говорит кто-то.

В это время загрохотали орудия береговых батарей и сторожевых судов — канонерок «Гиляка», «Отважного» и «Гремящего», но ненадолго. Показались 5 японских миноносцев, которых этот неожиданный артиллерийский огонь отогнал на почтительное расстояние. Орудия вновь замолкли. Весь город встрепнулся, но не в прежнем в таких случаях испуге, а со значительной долей любопытства — не начинается ли задуманная японцами грандиозная атака. Отовсюду спешат любопытные к гавани, им хочется посмотреть величавую картину ночного боя. На Перепелочную гору часовые не пускают, поэтому каждый пристраивается, где надеется лучше видеть.

Вдруг снова заревели береговые батареи, и с большей силой. Оказывается, что на горизонте показалась неприятельская [116] эскадра и от нее отделилось одно судно, идущее полным ходом в проход гавани. Значит, новый брандер-заградитель.

Вспышки от выстрелов следуют одна за другой или по несколько зараз на разных батареях; рокот орудий сливается в общий гул, перебиваемый громом орудий самого крупного калибра, как бы отдельными сильными ударами — и отдается в скалах многократным эхом. Несмотря на то что светит и луна, завлакиваемая лишь изредка отдельными тучками, огромные огненные языки, изрыгаемые орудиями, освещают светлыми полосами Перепелочную гору с ее белыми домиками. Иногда кажется, будто на ней рвутся неприятельские снаряды. Брандер затоплен вскоре градом смертоносного металла. В 1 час 20 минут замолкает и грохот мелких орудий и пулеметов, добивавших спасающихся с брандера людей.

В 1 час 45 минут показываются снова два брандера, провожаемые или, вернее, маскируемые прожекторами с неприятельской эскадры, пытающимися ослепить защитников гавани. Снова адский рев и рокот орудий, покуда и эти брандера не погружаются в воду, не достигнув намеченной цели.

Не успела еще замолкнуть эта канонада, как в 2 часа 25 минут двинулись ко входу гавани сразу 4 брандера. Заревели с новой силой все орудия, и воздух оглашался надрывающими барабанные перепонки шумом и свистом. Поднялся легкий ветерок с моря, усилилось рокотание жерл металлических чудовищ на батареях, ясно слышен полет снарядов с шипением и воем, и видно, как они разрываются, ударяясь в обреченное на гибель судно.

Из этих брандеров два взорваны минным заграждением, а остальные два потонули, изрешеченные снарядами. На Золотой горе взвиваются иногда ракеты, освещая на мгновение все кругом. В проходе гавани снуют миноносцы, идущие навстречу неприятелю, и катера,

передающие приказание и получающие сведения. Слышатся команды и свистки.

В 2 часа 40 минут только что начала редеть канонада, как вновь показались 5 брандеров-заградителей, встреченных новым сильнейшим огнем. Происшествия этой ночи не поддаются описанию. Целый вихрь, ураган снарядов окружал брандера. Звуки принимали все более бешеный, озверевший, [117] какой-то адский характер. Земля дрожит, в воздухе чувствуются почти непрерывные толчки, треск, шипение и вой снарядов, все клокочет как в котле, в домах дребезжат стекла, уже треснувшие высыпаются, увеличивают, разбиваясь, своим звоном хаос звуков. Можно подумать, что неприятельские снаряды или их осколки достигают уже и города. Ветром наносит неприятный запах пороха. Между выстрелами и резкими взрывами снарядов слышны и мягкие, как бы ватные звуки взрывов мин.

Три брандера пошли ко дну, а два будто повернули обратно к эскадре, не надеясь выполнить своей задачи и, быть может, сильно поврежденные. Их участь точно не известна. Как только канонада начинает редеть, можно расслышать выстрелы мелкокалиберных скорострельных орудий, татакание пулеметов и залпы ружейные. Эти звуки особенно леденят душу — ими истребляются уцелевшие на брандерах люди, пытающиеся достигнуть на своих шлюпках крейсирующие вблизи японские миноносцы.

Все попытки миноносцев подойти ближе к гавани к брандерам оказываются тщетными, один из них пущен ко дну попавшими в него снарядами. Но перестрелка с ними все еще продолжается. С наших сторожевых судов и ближайших батарей раздается «ура» и слышны какие-то выкрики.

Иду домой усталый, но уверенный, что кончилась и эта ночная трагедия, и кончилась опять благополучно для нас. Мне говорят, что между прочими заградителями японцы послали одно судно, похожее на старый китайский броненосец.

«Новый край» все еще печатают. Чтобы китайцы — машинная прислуга — не разбежались, редактор, его помощник и секретарь, т. е. вся редакция в полном составе, были здесь во все время атаки брандеров и могли отлучаться лишь по одному, чтобы посмотреть на происходящее на рейде.

Если бы мы ушли, объясняют мне, то все китайцы непременно разбежались бы и завтра не было бы номера. В типографии каждый выстрел отдается еще сильнее, чем на улице, — окна дребезжат, и все трясется так, что кажется, будто тут же, рядом рвутся снаряды. Нечего и удивляться желанию китайцев убежать. [118]

Зрители только что окончившейся чудовищной трагедии утомились и пошли спать, эпилог же ее продолжал разыгрываться вплоть до белого дня. Японские миноносцы не перестают крейсировать на рейде, вне выстрелов, они пытаются подходить ближе, но та или другая батарея открывает по ним огонь и заставляет их снова отойти вне выстрелов. Их задача — подобрать уцелевших людей с брандеров — сегодня безуспешна.

На рассвете на море, вблизи прохода в гавань, представилась следующая картина. На мачтах и трубах вновь затопленных брандеров виднелись люди, окоченевшие от холода, утомленные, одичалые от пережитых ужасов сатанинской ночи; некоторые из них подавали знаки о спасении. Взволнованное море, казалось, хотело добыть и эти жертвы — доставало их разбивающимися о новые препятствия пенящимися волнами. По рейду плавали трупы, куски одежд, всевозможные обломки и судовые принадлежности.

Из порта и от сторожевых судов спешат катера и шлюпки, чтобы снять уцелевших на брандерах людей, что удастся с большим трудом, вследствие волнений моря. На ближайшем затонувшем под Золотой горой японском пароходе уцелевшие люди пытаются при приближении русского вельбота взорваться заложенной внутри парохода миной. В другом месте волной прибывает к берегу шлюпку с несколькими японцами. Один офицер выскакивает из шлюпки, прячется за камень и начинает из-за него стрелять в офицера и

солдат, собравшихся на берегу, чтобы принять спасенных. Пришлось дать по нему залп.

Одна шлюпка с несколькими японцами отчаянно отталкивается от берега, и в ней обезумевшие храбрецы сами убивают друг друга, лишь бы не попасть в плен. В другой шлюпке, прибитой волной к берегу, находится около 30 человек почти в бессознательном состоянии, обессиленных, окоченевших от холода. Их приняли наши солдаты, обогрели и напоили чаем. Придя в себя, они полезли драться, кидаются на солдат, царапаются, один даже пытается задушить самого себя. Наши солдаты умиряли их как непослушных детей.

Один из катеров привез в порт спасенного с трубы или мачты японского офицера. Два матроса конвоируют его мимо собравшейся публики. Японец вдруг выхватывает револьвер и [119] стреляет в конвоира. Другой конвоир, конечно, хватил его прикладом.

— Вот народ, — удивляются наши солдаты. — Был молодцом, ну и ладно. Теперь уж нечего буянить. Как будто мы тоже нелюди!..

Раненых японцев отвезли в госпиталь, здоровых поместили на гауптвахту, где были помещены уже раньше взятые.

Японская эскадра держалась на горизонте почти до обеда, напрасно поджидая уцелевших храбрецов. Едва ли кому из них удалось вернуться к своим. Сказывают, что на многих из трупов, как и при прежних попытках заграждения, найдены кресты. Из этого выводят заключение, что японцы заставляют своих собратьев-христиан доказать именно этим отчаянным делом, что их любовь к родине не умалена чужестранной верой{67}.

По собранным сведениям, за эту ночь японцы потеряли кроме 10 (если не всех 12) брандеров-заградителей{68}, два миноносца. Вход в гавань остался свободным. И этой жертвой не достигнуто ровно ничего. Несмотря на отчаянную стрельбу с брандеров и миноносцев, у нас никто даже не ранен. С брандеров и в этот раз снято много мелкокалиберных пушек и множество снарядов к ним. Но сообщают, что отбитие этой атаки стоило нам 1776 крупных снарядов, не считая мелких и мин. Не дешево.

2. Высадка японцев

22 апреля

(5 мая). Вчера хоронили с музыкой и большой торжественностью 26 японцев, павших в последнюю ночную атаку.

Получены сведения о появлении неприятельских транспортов перед Бицзыво — ожидают высадки и попытки порвать [120] наши сообщения с севером. Все уверены, что если это и удастся, то ненадолго.

Сегодня, в 11 часов утра, уехал на север, передав временное командование эскадрой начальнику своего штаба контр-адмиралу Витгефту, до прибытия вице-адмирала Скрыдлова, назначенного после смерти адмирала Макарова его заместителем. Скрыдлов пользуется славой лихого моряка, и все надеются, что с его прибытием вновь оживет морское дело.

Сегодня же отправили на север санитарный поезд с тяжелоранеными.

В городе некоторое возбуждение. Полагают, что высадка японцев встретит сильный отпор.

23 апреля (6 мая)

Сообщают, что японцы перехватили железнодорожный путь и мы отрезаны. На телеграфе приняли еще депешу в Петербург. Будто цела еще китайская линия, идущая отдельно от железной дороги.

Между Бицзыво и Талиенваном (у бухты Кинчан) японцы высаживаются, и, кажется, никто

им не мешает.

— Пусть, — говорят, — высаживаются! А то нам не с кем будет воевать...

24 апреля (7 мая)

Сегодня уже не принимают депеш. Мы отрезаны. Но вечером получено известие, что японцы отступили от станции Пуландян — отошли на восток.

25 апреля (8 мая)

Прибыл американский военный агент из Ляояна. Значит, мы еще не совсем отрезаны. Почты нет: ни газет, ни писем. Говорят, с севера и отсюда, с юга, отправлены телеграфные техники для восстановления порванной японцами линии. Но чем тревожнее становится положение, тем меньше получается достоверных сведений — как будто на самом деле никто не знает, что именно происходит там, севернее Кинчжоу, куда двигаются японцы и сколько их.

26 апреля (9 мая)

Сегодня прорвался в Ляоян корреспондент «Русского слова» Немирович-Данченко. Предприятие рискованное, но удалось вполне. Навстречу ему шел поезд с боевыми [121] припасами, который благополучно прибыл в Артур. Привезены кроме снарядов 16 пулеметов.

Чем дальше, тем труднее разобраться, что происходит на самом деле и что принадлежит к вымыслам. Сообщают, что японский отряд, повредивший мост у Пуландяна, потерял в стычке (по рассказам китайцев) около 20 человек, у нас убита 1 лошадь и взят один нижний чин в плен. Пуландян, по одним сведениям, сожжен японцами, по другим — своими, бросившими станцию на произвол судьбы. Там, говорят, грабят китайцы, по другим сведениям, они берут себе побросанные хозяевами вещи.

То, что поезд с амуницией мог пройти в Артур, доказывает, что путь не в руках японцев.

Ожидаем известий о первом сражении генерала Фока с японцами. Мы уверены, что северные наши войска уже двинулись на японцев, идут к нам в помощь, на выручку.

28 апреля (11 мая)

Как ни старался добиться толку, что такое представляет из себя Кинчжоуское укрепление, ничего не добился.

Одни говорят, что Кинчжоу{69} укреплен так сильно, что японцам и думать нечего взять его. Там и окопы, и проволочное заграждение с волчьими ямами, и фугасы, одних орудий что-то около 64 штук. Другие говорят, что это очень слабая позиция, выбранная во время восстания боксеров, чтобы не допускать прорыва боксеров на Квантун, для этой цели вполне хороша, но чтобы противостоять современной, хорошо вооруженной армии, слаба. Орудия там большей частью старые, китайские{70}.

Предпринимаемые пограничниками и охотничьими командами разведки не выяснили ничего положительного. Одно теперь ясно — мы отрезаны с суши и блокированы с моря, пока нас не выручат должествующие подоспеть с севера войска.

Вчера объявлен приказ генерала Стесселя: [122]

«№ 168. Градоначальнику города Дальнего инженеру Сахарову мною даны необходимые приказания по приведению в надлежащий вид всего того, что необходимо по военным обстоятельствам.

Мирному населению городов Дальнего и Талиенвана спокойно оставаться на местах жить, так как им не угрожает никакой опасности от неприятеля».

Значит, наши опасения за участь Кинчжоу совершенно напрасны. Кто же может знать это

лучше, как не начальник всего укрепленного района.

Следующие приказы генерала Стесселя не менее интересны.

«№ 170. Гражданскому комиссару предписываю принять все меры к тому, чтобы различные чины гражданского ведомства отныне не смели оставлять свои места без моего, всякий раз особого разрешения.

Из Бицзыво самовольно ушел начальник участка и весь служебный персонал, сняты были и телеграфные аппараты значительно ранее того, чем начал наседать противник. Все служащие будут привлечены к законной ответственности.

Гражданский комиссар отвечает за своих подчиненных.

Самовольно оставившего свой пост я тотчас предам полковому суду».

«№ 171. Гражданскому комиссару предписываю немедленно собрать старшин (китайских) и лично объявить им, что я желаю, чтобы китайцы продавали скот крепостному интендантству и в полки 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии по взаимному соглашению. Комиссару разработать этот вопрос и доложить мне не позже 29-го сего апреля.

При свободной продаже скота не нужна будет реквизиция».

Эти приказы удивляют очень многих. Никто не может понять, какую пользу мог принести начальник участка Бицзыво, оставаясь дольше на своем посту; он и так еле-еле успел убраться, увезти с собой все казенное имущество в то время, как японцы начали уже высаживаться. Нельзя же было ему думать бороться при помощи десятка казаков и стражников с целой японской армией — помешать ей высадиться! Казенное имущество [123] и бумаги он отправил в Артур, а сам отправился в Северную армию, чтобы поступить в ряды своего драгунского полка.

Последний приказ тоже непонятен. Несмотря на то что неприятель только теперь высадился, — а ожидать должно было его много раньше, — весь скот Бицзывоского участка остается нескупленным и нереквизированным. По официальным данным, там находилось не менее 1500 голов быков, на самом же деле могло оказаться и больше. Неприятель может насест в любую минуту, а мы все еще не торопимся обеспечить себя убойным скотом на случай, если бы могли оказаться отрезанными на более долгое время.

Но «с горки должно быть виднее».

30 апреля

(13 мая). Еще вчера попытались отправить поезд из Дальнего на север; поезд был полон публики, желающей избежать осады, преимущественно женщин и детей, конечно, более состоятельных, беднейшие не могли и думать об отъезде. Но севернее Пуландяна путь испорчен, и японцы открыли огонь по поезду; пришлось вернуться.

В бухте Керр, говорят, появились японские суда, видимо, японцы желают и там высаживаться.

Где и что именно происходит, что делает генерал Фок и где он даст сражение японцам, никак нельзя узнать, все официальные сведения туманны и противоречивы. Генерал Стессель объявляет, что неприятель оттеснен отрядом генерала Фока и что железнодорожная стража поставлена опять на своих местах. Между тем поезду из Дальнего пришлось вернуться.

Даже нельзя точно выяснить, кто именно взорвал мост и испортил железнодорожный путь — японцы ли или же наши пограничники (жел.-дор. стража).

— Вот так штука! Взяли да сами себя отрезали! — говорит почтенный сослуживец. — Захотелось быть отрезанными — пожить отдельно!..

Он не верит в то, что мы действительно отрезаны и что этого нельзя было избежать. Во мне

таится лишь сильная уверенность, что все это ненадолго, что Северная армия выручит нас.

Привезли, говорят, нескольких раненых в стычках на аванпостах. [124]

3. Первый реванш

2/75 мая. Необычайный день — первые наши удачи. Сегодня утром получено известие, что в бухте Керр наскочил на мину и потонул японский крейсер — полагают, что это «Асама», виденный там вчера. От потонувшего крейсера видны только концы мачт. Катастрофа произошла вследствие того, что прапорщик флота Дейчман с охотниками вечером переставил японские буйки, указывающие уже протраленное ими, очищенное от подводных мин место, на то место, где именно были наши подводные мины. Крейсер, видимо, хотел воспользоваться ночным покровом, чтобы войти в бухту и оказаться утром перед самым носом наших отрядов, отбивших вчера попытку высадки, и открыть по ним самый губительный огонь. Спаса ли кто из экипажа судна, неизвестно.

Ночью подходил к Артуру отряд японских миноносцев, но как только ближайшая батарея открыла по ним огонь, они повернули и ушли.

Все эти дни виднеются на горизонте некоторые дозорные японские суда — поддерживается блокада. Утром показались на горизонте, на восток от Ляотешаня, три неприятельских броненосца, приближающиеся к рейду в кильватерной колонне.

В 10 часов 10 минут раздалось на береговых батареях радостное «ура» — верхушки батарей были усыпаны зрителями. Неприятельский головной броненосец типа «Ясима» наскочил на мину — показался огромный столб дыма, воды и пара, и судно сильно накренилось. Броненосец понесло сперва течением на запад. В подзорные трубы было видно, что с него спускали шлюпки. Остальные два броненосца пошли к нему на помощь. Поврежденный броненосец стал постепенно выпрямляться. Прошло с полчаса, как вдруг под другим броненосцем типа «Хацусе» показался взрыв, а вскоре затем другой, еще сильнее, и через несколько мгновений броненосец исчез с поверхности воды. Совершенно так, как наш «Петропавловск».

После первого взрыва на головном броненосце неприятельские суда открыли огонь с обоих бортов, видимо предполагая, что они атакованы нашими подводными лодками. При [125] виде второй катастрофы снова загремело на береговых батареях «ура». В городе стало известно о случившемся, и все были довольны тем, что гибель «Петропавловска» отомщена. Сколько на нем погибло людей, неизвестно; но, во всяком случае, очень много, больше, чем на «Петропавловске»; может быть, погиб и адмирал.

Замечательно то, что эта катастрофа также произошла с двумя броненосцами, как это было 31 марта (13 апреля). Разница только в том, что наш подбитый миной броненосец «Победа» мог войти в близкую гавань, а японскому броненосцу нелегко добраться до своей гавани — он может не выдержать такого перехода. К подбитому и уцелевшему японским броненосцам подошли три крейсера, а затем они все стали медленно удаляться на юг.

В это время, в первом часу дня, вышли наши миноносцы в море, чтобы атаковать поврежденный броненосец, вышел «Новик», но стал почему-то на рейде на якорь. Туман на море не дает рассмотреть всего, что там творится. Через некоторое время раздается вновь оттуда гул выстрелов, длившийся не менее получаса. Затем возвращаются все наши миноносцы обратно, их 16. Вернулся и «Новик». Что они сделали, не знаем.

— Да, нет у нас Макарова! — восклицает старый почтенный артурец. — Некому у нас выйти из гавани в такую минуту, в такую великую минуту! Не обидно ли! У нас три боеспособных броненосца, четыре крейсера, кроме того, минные крейсера, 4 канонерские лодки и более 20 миноносцев. Коптят же они небо попусту целые дни и ночи, а когда нужно, до зарезу нужно выйти в море и побить хоть раз врага, то некому! И миноносцы-то вышли через два часа

после катастрофы. Неужели им нужны два часа на разведение паров! Почему вышли только 16 миноносцев, а не все? Почему «Новик» не пошел на помощь им, а стал на якорь? Почему остальные суда остались в гавани лежать, а не пошли уничтожать эту часть неприятельской эскадры?

Ему отвечают, что довольно сегодняшнего успеха.

— Как довольно? Глупости! — горячится он снова. — Японцы не задумались бы уничтожить нас до последнего, не струсил бы в таком положении! А мы довольны тем, что на удачно [126] вчера поставленные «Амуром» мины японцы налетели сами. Мы довольны тем, что наши миноносцы вернулись все в гавань целыми и невредимыми! Никто не спрашивает, что они там сделали на море! Посмотрели, как японцы уводят на буксире поврежденный броненосец, как они бессильны в этот момент. Для того ли у нас миноносцы, крейсера, броненосцы и все такое прочее, чтобы лежать в гавани и греться на солнышке? Нет! Но если они не выходят в нужную минуту, когда они могли и должны были выйти и могли нанести врагу чувствительный удар, то грош им цена!..

Все присутствующие чувствуют, что он прав, слишком прав, и что нам нечего особенно ликовать по поводу сегодняшней удачи — она бледна в сравнении с тем, какой она могла и должна была быть. Чувство удовлетворения за гибель «Петропавловска» портится этой горечью — сознанием, что наш флот стал снова неспособным к активным действиям, погряз в пассивном созерцании{71}.

Японцы утащили свой подбитый броненосец за горизонт. Мнения о том, может ли он дойти до Сасебо или нет, разделялись. Одни уверяли, что может, другие говорили, что напор воды в пробоину погубит его{72}.

На бульваре и на судах играли «Боже, царя храни», и настроение вообще приподнятое. Все же удовлетворение за испытанные тяжелые удары.

Последняя отбитая атака брандеров-заградителей утешала нас тем, что не так-то легко запереть гавань, если ее защищают, но, с другой стороны, она нам показала, что японцы не жалеют средств на то, чтобы достигнуть успеха, что они взялись за оружие с решимостью умереть или победить. И они идут, идут, не задумываясь, на неминуемую гибель, чтобы только достигнуть намеченной цели. Мы защищаемся, но не умеем сами нападать. [127]

Передают интересный инцидент. Насколько он правдив, не знаю. Наша станция беспроволочного телеграфа на Золотой горе всегда могла перехватывать японские депеши с аппаратов на их судах, и если не каждую могли разобрать, то знали нередко о приближении японской эскадры, когда она была еще за горизонтом. Японцы перехватывали также телеграммы с Золотой горы{73}. Когда же наши миноносцы завязали перестрелку с японскими крейсерами и последние наседали на них со своими более крупными орудиями, то с Золотой горы — имея в виду, что японцы после взрывов мин стреляли в воду, подозревая подводные лодки, — подали приблизительно такую телеграмму: «Подводная лодка № 7 вернулась благополучно в гавань, № 5 входит, а остальные на указанных местах и ожидают приказаний Вашего Превосходительства». Японские крейсера, перехватив эту депешу, повернули в море и поспешили скрыться за горизонт. Значит, прогнали их не миноносцы...

Одно несомненно — это что теперь японские крупные корабли будут остерегаться подходить близко к гавани.

4. Кинчжоуский бой

3/16 мая

Сегодня был первый бой около селения Саншилипу, севернее Кинчжоу, куда надвигаются японские силы. С нашей стороны участвовали 9 батальонов и 25 полевых орудий{74}. Бой

преимущественно артиллерийский. Говорят, наши потери (200) меньше, чем у японцев (600), и позиция осталась за нами. С другой стороны, узнаю, что наши отступили после боя.

Должно быть, победа наша не из важных.

В последнее время буквально нельзя понять, что именно творится там, на севере, около и за Кинчжоу. Официальные сведения говорят одно, со стороны узнаешь другое. [128]

Генерал Стессель распоряжается отсюда, генерал Фок в Нангалине. Притом говорят, что распоряжения одного отменяются нередко другим; разные части войск посылаются то в одну, то в другую сторону, а то обратно в Артур. Говорят, будто полковник Третьяков, командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, как комендант кинчжоуского укрепления, требует уже давно усиления артиллерии на позиции, а добиться ничего не может.

Генерал Фок будто уверяет, что Кинчжоу неприступен, японцам его никогда не взять, а кто думает иначе — дурак, изменник... Этот генерал не скупится на тому подобные слова.

6/19 мая

Третьего дня 2 японских крейсера, 2 канонерки и 2 миноносца обстреляли из бухты Инченцзы железнодорожный поезд, в котором возвращались уехавшие того же дня на Кинчжоу генерал Стессель, начальник его штаба генерал-майор Раз-натовский, командир полевой артиллерии генерал-майор Никитин и прочие офицеры штаба. Генералы и офицеры сошли с поезда, как только увидели возможность быть обстрелянными, и объехали опасное место верхами. Вблизи их будто падали неприятельские снаряды, но никто не ранен. В «Новом крае» об этом было помещено известие, где не было упомянуто имя генерала Стесселя. Это вызвало крупное объяснение генерала Стесселя с редактором, который ссылаясь на то, что сведения эти были получены из штаба морского района, такого же компетентного и официального источника, как укрепленный район; но генерал Стессель настоял на опубликовании широковещательного официального известия экстренным прибавлением к газете, вышедшим через номер, как будто о чем-то очень серьезном {75}...

7/20 мая

Прошлой ночью в 12 часов 45 минут мы проснулись от начавшейся на море пальбы. Думаем, видно, идут ожидаемые вновь брандеры-заградители. Стрельба продолжалась до 1 часа 5 минут, и мне показалось, что на наши крыши падают осколки или камни. В 1 час 15 минут началась пальба снова [129] и продолжалась еще 10 минут. Слышу на улице топот и говор людей. Выхожу и спрашиваю полицейского, что такое.

— Так что давеча один снаряд попал вот, около нестроевой роты (недалеко за нами на горе), и убило там 2 лошади, а ранило 3 солдата. Их-то сейчас и пронесли в госпиталь. Едва ли выживут.

Спрашиваю, не слыхал ли, не осколки ли это по крышам ударились?

— Не только осколки, — говорит, — пролетали, но и снаряды просвистали, туда, к Красному Кресту.

Оказалось что подходили какие-то суда, но, встреченные нашими батареями, скоро повернули обратно. Полагают, что это были минные заградители, из которых одного или потопили, или только сильно повредили. Одну канонерскую лодку {76} потопили несомненно, и подбиты два миноносца. Два крейсера держались вдаль. По городу стреляли канонерка и миноносцы. Еще один снаряд разорвался в новом европейском городе около ресторана «Звездочка», но там никого не ранило. Надо полагать, что японцы стреляли нарочно по городу, чтобы потревожить жителей.

Видно, на самом деле понадобятся нам какие-либо укрытия, если такие бомбардировочки будут повторяться. До сей поры смеялись над теми, кто строил блиндажи на всякий случай. Сегодня же слышно, что уже многие собираются строить таковые, но беда в том, что не

найдешь рабочих рук. Китайцев осталось в городе очень мало, и их иногда и за деньги не наймешь. Всюду нужны рабочие.

Сегодня получено сведение, что впереди Кинчжоу, около горы Самсон, было небольшое сражение между передовыми отрядами. В другом месте, заметив передвижения неприятеля с бухты Хунуэза к Самсону, наши батареи открыли огонь и заставили их отодвинуться.

Японцы, оказывается, одеты в мундиры цвета хаки. И наши солдаты всячески изошряются подкрашивать свои белые рубахи (так называемые гимнастерки), чтобы не быть столь заметными. [130]

«С 1-го мая носить летнюю форму. С 8 часов вечера на фортах и батареях надевать мундиры или шинели, то же когда непогода.

Часто рубахи и чехлы не мыть, они более подойдут под цвет местности».

8/21 мая

Освободившийся док занимают теперь поочередно миноносцы, по три-четыре сразу, которым нужно подчиститься, подправиться. Около нового дока для броненосцев работают все еще усердно. Однако поздно кормить собак, когда уже охота началась. К чему теперь эта работа — разве для будущей войны?

Наблюдавшие за исправлением поврежденных судов уверяют, что русские мастерские работают вдвое скорее и основательнее, чем китайцы. Следовательно, китайцы обошлись нам очень дорого.

Среди китайцев слух, что японцы намерены взять Артур 15 мая.

10/23 мая

Опубликован приказ генерала Стесселя, чтобы с 15/28 мая приступить к реквизиции скота, начиная с кин-чжоуского участка, северная часть которого в руках японцев. Там тоже не успели произвести вовремя реквизиции, там тоже немало убойного скота.

Цена на мясо поднялась очень, и то не всегда можно его купить. Зелени пока на базаре вдоволь.

11/24 мая

У нас творятся совершенно непонятные вещи. Только что узнал, что по приказанию генерала Стесселя выдворены обратно некоторые семьи, переехавшие сюда из города Дальнего. Привезших их сюда извозчиков будто наказали розгами. Мало того, генерал Стессель собирался выселить всех невоенных из крепости — иди, куда хочешь. Гражданский комиссар, подполковник Вершинин, принужден был обратиться к коменданту крепости генералу Смирнову с просьбой о защите. Спрашивается, куда же теперь идти всем тем, кто остался здесь по нужде, по чувству гражданского долга или ради семьи. Главное — здесь нет никого, у кого не было бы дела и кто не мог [131] бы быть полезным защите крепости так или иначе{77}. Остается идти под защиту японского генерала! Так будто высказался гражданский комиссар. Положим, генерал Смирнов заступился за население Артура, но город Дальний во власти генерала Стесселя как начальника укрепленного района.

Кто-то высказал мысль, что если бы неприятель придвинулся к Артуру, то единственный исход — арестовать генерала Стесселя, объявить его сумасшедшим.

Начали посылать на Кинчжоу пушки и прочее для усиления позиции. Отправили и два морских орудия 6-дюймового калибра.

Говорят, что генерал Фок начинает уверять, что было бы безумием сильно защищать Кинчжоу. То он будто уверяет, что ранее 45 дней японцы не посмеют начать наступление... Про него рассказывают такие чудачества, что не знаешь, что о нем и думать.

Исправление наших судов идет так успешно, что можно ожидать, что в случае более серьезного сражения под Кинчжоу флот выйдет на помощь.

12/25 мая

На морском горизонте ежедневно виднеются неприятельские суда, то пара крейсеров, то отряд миноносцев, которые останавливают китайские джонки, идущие из Артура или в Артур. Японцы теперь, видимо, стараются забросать наш рейд плавучими минами. Ежедневно тралят наши катера и миноносцы на рейде и вытаскивают, расстреливают или взрывают по несколько мин, иногда находят целые связки, даже по 6 мин сразу. Много их рвется, ударившись об камень или обо что-нибудь другое. Для поощрения этого опасного труда назначена премия — по 25 рублей за каждую мину. Для этой цели составляется, по инициативе «Нового края», и частный фонд из специальных на то пожертвований.

Несмотря на японскую блокаду, сегодня утром пришли из Дальнего пароходы «Зея» и «Буря», а также плавучий паровой [132] кран. Раньше привели также пароход «Амур». Охотников на такое предприятие много; хотели бы привести так весь плавучий материал из Дальнего. Но, говорят, не велят и этого.

Получены сведения, что сегодня с утра до 12 часов дня были частичные наступления японцев на Кинчжоу и артиллерийская перестрелка. Японцы, кажется, пристреливались по нашим батареям. Утром ушел туда санитарный поезд с молодыми врачами — москвичами и петербуржцами.

13/26 мая

«Новый край» иронизирует^{78} над официальным сообщением из штаба генерала Стесселя, в котором говорится: «Неприятель перед Кинчжоу держит себя очень осторожно, продвигается понемногу, занимает гору Самсон и начал что-то копать...»

Характерна беспечность, неподвижность и неосведомленность штаба о том, что именно там происходит.

Получено сведение, что около Кинчжоуской позиции начался серьезный бой.

Еще вечером ушел «Бобр» (канонерская лодка, под командой капитана 2 ранга Шельтинга) к Дальнему, чтобы там из ближайших бухт обстрелять позиции японцев. Говорят, что командиры других канонерских лодок отказались пойти вместе с «Бобром». Ему будто приказано, если японские суда отрежут ему обратный путь, остаться в Дальнем или взорваться.

Остальной флот собирается выходить к Кинчжоу с западной стороны, но собирается что-то вяло. Передаются разные сигналы, но ни одно судно пока не двигается с места, хотя уже скоро обед.

Получена депеша от генерала Надеина (бригадный командир), что первый штурм японцев отбит с большим для последних уроном и взяты 9 пушек. Значит, наши даже вышибли японцев из занятых ими позиций и преследуют неприятеля!

У генерала Стесселя, который следит за ходом боя, находясь в Артуре, пили шампанское за первую победу.

Другое сообщение, что будто начался второй отчаянный штурм. Пока результаты неизвестны. Должно быть, подоспели [133] японские резервы. Уже вечером разнеслось по городу известие, что кинчжоуские позиции взяты японцами и наши будто отступают прямо на Артур. Что-то невероятное. И рядом с этим сообщают, будто японцы отбиты окончательно с уроном около 10 тысяч человек.

Флот так и не вышел никуда. Говорят, что телеграмма генерала Надеина заставила (?) отменить уже данное приказание о выходе.

Сообщают тоже, что около Сяо-бин-дао появился неприятельский флот в 30 (!) вымпелов, как бы ожидающий выхода нашего флота к Кинчжоу.

14/27 мая

Первое, что узнаю сегодня утром, это — Кинчжоу действительно взят вчера японцами. Но генерал Фок будто намеревался еще вечером снова взять штурмом все позиции.

Вечером был командирован отряд миноносцев в Кинчжо-ускую бухту, чтобы взорвать там японские канонерки, обстрелявшие наши позиции. Сообщают, что миноносцы успели обогнуть Ляотешань, пройти Голубиную бухту, как вдруг один из них, «Внимательный», насккивает на подводный камень. (Какая ирония! «Внимательный» у нас не знает даже ближайших береговых вод, «Внушительный» спасается бегством (12 февраля) в Голубиную бухту и потопляется собственным экипажем.) И кто бы подумал — не попытавшись спасти судно, его взрывают со всеми орудиями и имуществом! И весь отряд возвращается тотчас в гавань, не исполнив задачи...

«Бобр» вернулся благополучно, не встретив никакой японской эскадры у Сяо-бин-дао. Он вчера подошел в бухте Хунуэза близко к неприятелю и начал неожиданно громить оттуда надвигающиеся колонны, заставил отступить левый фланг японцев и, расстреляв все снаряды, вернулся в Дальний. Узнав о том, что кинчжоуские позиции взяты японцами, он вечером пошел обратно в Артур, решив на совете офицеров в случае опасности выкинуться на берег, спасти команду и взорвать судно, чтобы оно не досталось неприятелю. Геройство «Бобра» обрадовало всех; о нем отзываются с восторгом, зато по адресу остальных судов слышались далеко не лестные замечания. [134]

Чем дальше, тем безотраднее известия. Уже ночью стали прибывать поезда с ранеными и убитыми, и все еще приходят. Удручающая картина эта бесконечная вереница носилок с тяжелоранеными. Всего около 700 раненых.

Вот вкратце история вчерашнего боя, как это передавали мне. Окопы впереди батарей были заняты только одним 5-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, двумя ротами 13-го и охотничьей командой 16-го полка {79}. В ночь на 13/26 число разразилась страшная гроза, в течение которой горсть (взвод) наших храбрецов отчаянно защищалась на стенах города Кинчжоу от наступающих в больших силах японцев и нанесла им огромный урон, но в конце концов должна была отступить к позициям. Утром началось артиллерийское сражение. Японцы установили не менее 120 скорострельных орудий и засыпали наши батареи и траншеи убийственным огнем. Наши батареи работали изо всех сил, но люди выбывали, пушки были подбиты и снаряды вскоре израсходованы. Наши батареи начали замолкать. Те батареи, на которых оставались снаряды или уцелели пушки, нужно было взорвать, чтобы они не достались врагу.

Были случаи, что у уцелевших пушек оставалось по одному, по два человека, и они продолжали стрелять. Одной из последних замолкла батарея начальника крепостной артиллерии на кинчжоуских позициях — штабс-капитана Высоких, раненого хотя и не тяжело, но в нескольких местах.

Штурмовые колонны японцев надвигались как тучи и уничтожались огнем стрелков и еще уцелевших батарей позиции, а также полевой артиллерией, разместившейся за позициями.

Покончив с батареями, японцы перенесли артиллерийский огонь на окопы, занятые стрелками, и произвели там губительные опустошения. Но наши стрелки не двигались с места и отражали штурм за штурмом, подкашивая цепь за цепью.

Ряды стрелков редели, таяли с каждой минутой, но генерал Фок не посылал требуемых резервов, которые стояли в числе целой дивизии — четырех полков за Тафашинскими высотами, [135] позади позиции. Говорят, что не знали, где найти генерала Фока — и он будто даже сам заблудился. Поэтому не было ни подкрепления, ни наблюдения за ходом боя,

ни приказа о своевременном необходимом передвижении частей. Полковник Третьяков был на позиции, распоряжался там и ободрял своим примером всех. Японцы обошли своим правым флангом наших уцелевших храбрецов и, наконец, заставили их отойти. Почти то же самое, что было на Ялу. Это ужасно! Оказывается, что генерал Фок в последние дни начал, наперекор своим прежним уверениям, что японцам не взять кинчжоуские позиции, называть изменниками тех, кто считал нужным дать здесь серьезное сопротивление неприятелю.

Позиция очищена, все пушки, говорят, подбитые и испорченные, достались неприятелю, там остались даже два только что привезенных морских орудия, которые не успели еще установить; положим, замки вынуты. С наступлением темноты возникла среди отступающих частей паника, и некому было восстановить в них необходимого порядка, ибо старшее начальство со штабом уехало вперед в Артур.

Откуда взял генерал Надеин, тоже не бывший сам во время боя на позиции, не выдавший, что там происходит, известие об отбитии японцев и взятии 9 пушек, так и осталось для нас загадкой. Уверяют, что вследствие этой депеши не вышел наш флот, который мог прогнать японские суда, стрелявшие из бухты Кинчжоу по тылу и флангам наших батарей, мог не допустить обхода японцев и так же отбросить их, как отбросил левый фланг японцев «Бобр». Положим, это не оправдание невыходу флота, лишь предлог к оправдыванию. Сообщают, что адмирал Витгефт был за выход эскадры к Кинчжоу, но против этого был адмирал князь Ухтомский и другие.

Кинчжоу пал, 5-й полк почти весь уложен, уложено много охотников и артиллеристов, которые сражались все как львы, но позиции, пушки в руках неприятеля. Уныние полное. Видны только мрачные лица. Около вокзала сложено много ружей, шашек, патронов — все в крови.

Но что же случилось с жителями города Дальнего и Талиенвана, с теми запасами, которые там хранились и вывозить которые было воспрещено генералом Стесселем? [136]

На этот вопрос нескоро получился ясный ответ. Оказывается, что только в 11 часов вечера уведомили жителей города Дальнего о том, что приказано немедленно очистить город. Железнодорожных вагонов нет, подвод мало, и поэтому большинству жителей пришлось отправиться в Артур пешком. И отправились, каждый захватив что мог с собой и побросав все свои пожитки. Мужчины, женщины и дети, молодые и старые, поплелись по прямой горной дороге в Артур. Часть их уже прибыла; все еще прибывают и говорят, что по дороге еще много отсталых, мучимых жаждой и голодом. Все их имущество, все склады припасов, товары, все досталось неприятелю.

Но занял ли еще неприятель Дальний, так и не удалось сегодня выяснить {80}. Нужно ли, потеряв кинчжоускую позицию, тотчас отступить к Артуру?

Все способные носить оружие призваны вступить в вольные дружины, которые будут формироваться завтра.

15/28 мая

Первое, что сегодня узнал, слух, будто прибыл с Кинчжоу какой-то офицер 14-го полка с двумя казаками и сообщил, что Кинчжоу взят ночью обратно. С севера подошли наши войска, и бой будто продолжается. Что-то невероятное, но ободряющее.

Все это вздор. Войска наши отступили в беспорядке, японцы их пока не преследуют. Даже попытки штурмовать снова Кинчжоу не было, также в приходе войск с севера нет ничего вероятного. Куда отступили наши войска, неизвестно. По крайней мере, передовые части их на Волчьих горах. Говорят даже, что все отступили к Волчьим горам, но получают, по настоянию коменданта, генерала Смирнова, приказ отодвинуться назад и занять удобные позиции, выставить аванпосты. На этом настаивает будто и генерал Кондратенко.

Еще сегодня прибывают отсталые жители города Дальнего. Жаль смотреть на этих

измученных людей. Помимо усталости и голода они истомлены страхом, ибо каждую минуту на них мог напасть неприятель. [137]

Только теперь появляются разезды японцев по эту сторону Дальнего, разведывают. Никаких арьергардных стычек не было. На крепостных верках приказано быть в боевой готовности, часть людей спит одетыми около орудий, усилена бдительность.

Все это вдруг так непонятно, странно...

16/29 мая

После полуночи какие-то четыре неприятельских судна пытались подойти к гавани, но, встреченные огнем со сторожевых судов и батарей, быстро повернули в море, при этом на одном из судов замечены серьезные повреждения снарядами; его потеряли из виду, полагают, что оно затонуло, но утверждать этого нельзя. Были ли это брандеры-заградители или же только суда, привозившие и бросавшие плавучие мины, сказать трудно.

Сегодня опять, по крайней мере странное, официальное известие о том, будто кинчжоуская позиции «оставлена по приказанию начальника укрепленного района (генерала Стесселя)», когда всем и каждому известно, что наши войска были принуждены оставить позицию из-за полного отсутствия там распорядка. Ни генерал Стессель, ни генерал Никитин, начальник полевой артиллерии, ездившие туда недавно, когда там было тихо, не потрудились отправиться туда, когда там шел бой и нужно было распоряжаться.

Генерал Разнатовский помешался: уверяет всех, что нужно сдать и Артур, все равно не удержаться!.. Его уже поместили в госпиталь. Говорят, что у него замечались и раньше признаки прогрессивного паралича. Про генерала Фока говорят странные вещи, кто-то прозвал его даже «сумасшедшим муллой». А генерал Надеин, говорят, стар и немощен. Все это мало утешает нас.

Сообщают, что генерал Стессель обозвал 5-й полк трусами, изменниками и не велел пускать уцелевших из этого полка людей в город. Будто вернули их, голодных, обратно на Волчьи горы. Они будто деморализуют пережитыми страхами гарнизон и народ{81}. А эти-то остатки полка вынесли на своих плечах весь [138] Кинчжоуский бой, в котором урон японцев не менее 5000 человек, по самым достоверным данным. Вот так благодарность! Все возмущены этим.

Сегодня узнаем из приказа генерала Стесселя № 271, что 15/28 числа ему еще не были известны подробности о ходе Кинчжоуского боя и отступлении.

Только еще сегодня отдан приказ о занятии позиций впереди Волчьих гор. Между тем неприятель мог беспрепятственно продвинуться к нам уже довольно близко.

5. Затишье

17/30 мая

Ночью снова подходили к гавани четыре японских миноносца, их прогнали артиллерийским огнем, который, как ни странно, мало кто слышал. Все жители спали мирным сном, утомленные тревожным, угнетающим состоянием последних дней. Должно быть, и привыкаем понемногу к грохоту орудий.

Между прочим, сильно угнетал в первый момент призыв при помощи полиции всех мало-мальски способных носить оружие в дружину. Дружины сформированы — целых 12 (3 батальона) и обучаются теперь ежедневно. Там и стар, и млад, и сухощавый, и горбатый, и тучный, и подслеповатый, некоторые из дружинников раньше и ружья в руках не имели. Трудно им, но это все же и ободряет. Говорят, генералы разных мнений о дружинах. Генерал Стессель желает употребить их в активном строю, а генерал Смирнов только в качества внутренней стражи.

Уже эти дни доказали, что без мирных жителей и в осажденной крепости обойтись трудно. Пока происходят учения дружинников, все лавки запираются, все дела останавливаются, что задерживает снабжение войск на позициях всем необходимым. Приехавшие на двуколках и пришедшие пешком с позиции солдаты должны ждать, без толку толкаться покуда, после обеда, откроют торговлю и т. д.

Нельзя не отметить, что и все оставшиеся здесь иностранцы{82} — немцы, французы и т. д. — поступили или в строй, в дружины, [139] или же записались в добровольные братья милосердия, наравне с русскими подданными. Между нами, таким образом, нет чужих — все наши, все свои.

Встретил трех драгун и китайчонка-переводчика, сопроводивших корнета Елкина, прибывшего сюда на шлюпке мимо японских расположений, из армии Куропаткина с «бумагами». Интересно то, что когда они хотели было пристать к Кинчжоу (не имея сведений о том, что эти позиции уже в руках японцев), то береговые жители — китайцы махали им руками и крикнули о грозящей им опасности. Пришлось пробираться дальше.

Генерал Куропаткин будто спрашивает, нужна ли нам помощь и в чем именно нуждаемся. Корнет Елкин отправляется завтра же в обратный путь таким же способом. Из привезенных ими известий узнали, что Северная армия не имела после Ялу даже серьезной стычки, а у нас давно ходили слухи о больших там сражениях и победах. В армии очень бодрое настроение.

Интересное шествие — несколько запыленных солдат ведут четверых китайцев со связанными назад руками и надетыми на голову мешками. Наверно, шпионы. Провели в штаб генерала Стесселя.

Вечером узнал, что китайцы эти взяты еще где-то около Кинчжоу и между ними один с коротко стриженной головой, называет себя монахом (бонзой), но ходит в обычной, не монашеской одежде; местные китайцы признают его по разговору, росту и зубам — японцем, но полицмейстер будто по глазам (не правда ли, довольно странный способ) признал его китайцем... и освободил.

Погода до сей поры довольно прохладная, если не сказать иногда суровая, становится заметно теплее. Бывали, конечно, в промежутках, уже очень теплые дни.

18/31 мая

Все еще возмущаются тем, что генерал Стессель уверяет в официальном сообщении{83}, будто кинчжоуская позиция сослужила свою службу, удержав с 23 апреля по 13 мая [140] движение неприятеля, т. е. всего 20 дней. Но и это неправда, так как первый бой, около Саншилипу, был только 3 мая. Стоило ли для такого ничтожного сопротивления тратить столько средств, труда и людей? Почему не были введены в бой резервы — целая дивизия, чтобы не позволить японцам обойти левый фланг? На это никто не может ответить. Почему, наконец, не могли наши войска укрепиться на Тафашинских высотах и оказать этим еще надолго сопротивление наступающему неприятелю? Разве тем временем нельзя было бы вывезти все ценное из Дальнего в Артур, особенно съестные припасы, товары, строительные (инженерные) материалы и т. д., а также разрушить все, что было нежелательно отдать в руки неприятелю? А где же еще не произведенная реквизиция убойного скота?

Между тем генерал Стессель объявляет свою благодарность генералам Фоку и Надеину «за славно исполненное дело» и всем полковым командирам шлет спасибо. Интересно бы знать, чем заслужили благодарность люди, не бывшие в бою и не организовавшие отступление и не обеспечившие себе даже тыла? Где же справедливость?

И невоенному ясно как день, что если бы резервы были хотя бы установлены на временных полевых позициях на Тафашине, позади кинчжоуских, то они могли бы дать отступающим после боя частям маленький отдых, передышку и стать сами грудью против неприятеля. Тогда бы не было никакого беспорядка. Укрепились бы помаленьку — благо, японец и не

думал преследовать отступающих. Оправились бы и остатки 5-го полка и показали бы еще чудеса храбрости. А мы выиграли бы время, имели бы разные преимущества.

Сообщают о дерзости хунхузов в окрестностях города; они будто грабят втихомолку, поодиночке китайцев-крестьян, производят кражи и будто даже уничтожают посевы — как бы по поручению японцев, чтобы ничто не оставалось для снабжения осажденной крепости.

19 мая (1 июня)

Ночью была гроза с проливным дождем. Вдруг раздался какой-то необычайной силы раскат грома, будто несколько раз молния ударила в землю. Многие проснулись от этого особенного раската. [141]

Только под вечер удалось узнать причины этого сильного грохота — молния взорвала целых семнадцать фугасных мин в овраге около Куропаткинского люнета. Этот взрыв видели только часовые с ближайших батарей; по другим сведениям, это было на Казачьем плацу.

20 мая (2 июня)

Флот наш лежит в гавани, и не видно, чтобы он собирался что-нибудь предпринимать. «Цесаревич» и «Ретвизан» уже вооружаются, также и «Победа» будет вскоре окончательно исправлена. Работы кипят в порту, имеется в виду расширить ворота сухого дока, чтобы впредь можно было вводить в него и броненосцы.

21 мая (3 июня)

Сегодня пришли в Дальний 15 японских транспортов в сопровождении 1 броненосца, 1 крейсера и 5 миноносцев. Наша эскадра и не попыталась выйти из гавани, напасть на неприятельские суда.

23 мая (5 июня)

Вчера выехал на передовые позиции отряд конных волонтеров под предводительством полицмейстера Тауца, будто на помощь рекогносцировочным отрядам. Тут были и полицейские стражники, и какие-то казаки, кавказцы и т. д. — какой-то иррегулярный отряд, более пригодный для преследований хунхузов. Назначение отряда, пожалуй, именно таково.

Сообщают, что японцы сгрузили в Дальнем с транспорта локомотив, чтобы пользоваться железной дорогой при подвозе осадных орудий к крепости.

У нас все еще разрабатываемые проекты охранений судов эскадры от неприятельских мин не получают движения. Дело будто не идет дальше теоретических рассуждений, бракующих все эти проекты.

Сегодня, в первый раз после начала войны, пошел на так называемый Николаевский бульвар{84}, в то время когда там играла музыка. Увидав преобладающие среди гуляющей публики [142] военные мундиры, а также погоны Военно-медицинской академии, мне вспомнился минеральный парк в Старой Руссе{85}. Разница только та, что там, среди гуляющих во время музыки, много дам без кавалеров, за недостатком их, а здесь наоборот — масса кавалеров ухаживают за одной дамой, иногда даже за «старым, подкрашенным брандером», как прозвали здесь перезрелых кокеток. Да простят меня читатели, что привожу здесь это далеко не галантное, но зато специально артурское прозвище. В каждой местности, где мужчин более, чем женщин, не ускользает от наблюдателя то, что жизнь там получает не совсем нормальный вид, здесь это особенно заметно. Вот, например, женатый офицер, безусловно добрый семьянин, недавно со слезами проводивший свою семью в Россию, увлекается барышней курсисткой М., находя в ней прекрасные душевные качества, идеализируя ее; она кокетничает с ним, но бросает томные взгляды также женатому железнодорожнику, который обменивается с ней улыбками менее идеального свойства. Там молодой, красивый офицер увивается за женой техника, не стесняясь его присутствием. В другом месте эмансипированная, далеко не молодая дева-конторщица окружена своими

поклонниками, чуть не на полвека моложе ее; она награждает их всех очень благосклонным вниманием. Заведомые кокетки щеголяют своими дорогими нарядами и смотрят чуть не с презрением на скромно одетых, а те как будто и на самом деле конфузятся.

Все это раздражает своей реальной пошлостью.

Все это, конечно, бывает везде, но нигде это не бросается так в глаза, все это здесь кажется как бы не вовремя, неуместно, неловко. Что-то обидное вкрадывается в душу, несмотря на желание оправдать эти явления скукой, изолированностью от всего мира, надорванностью нервов, грозящей опасностью и поэтому особенным желанием пожить.

25 мая (7 июня)

Сегодня, после полуночи, была новая попытка заградить нашу гавань. Сперва показалось одно двухтрубное судно, но было тотчас прогнано орудийным огнем; затем [143] еще два предполагаемых минных заградителя, из коих будто один потоплен. Потопление это однако трудно удостоверить, так как при свете прожекторов трудно различить происходящее далеко от берега. Но и не верить нет оснований.

В последнее время объявлены сведения о раненых в Кин-чжоуском бою. По этим сведениям, 8 офицеров и 491 нижний чин находятся в госпиталях (кроме легкораненых, оставшихся в строю), из них 301 нижний чин и 3 офицера 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и 56 нижний чин и 1 офицер крепостной артиллерии. Если принять во внимание, что кроме убитых и многие раненые были оставлены на поле сражения, то надо полагать, что у нас выбыло из строя разве немногим менее тысячи человек. Одно утешение в том, что японские потери с лишком в 5 раз больше.

В госпиталях работы много, а поэтому и добровольные сестры милосердия начали свою деятельность, высоко ценимую ранеными.

Много частных лиц и фирм предоставили свои дома в новом европейском городе под устройство госпиталей. Между ними стоит особенно отметить дома германской фирмы «Кунст и Альбер» как очень удобные и поместительные. Служащие фирмы уступили свои великолепные помещения под офицерские палаты госпиталя, занимая сами на это время менее удобные. Также уступлен большой дом — гостиница господина Никобадзе.

Жизнь снова входит в обычную колею, как будто ничего и не было. Угнетающее впечатление кинчжоуских боев стусевывается и заменяется снова верой в то, что неприятелю не удастся овладеть крепостью, которая не так слабо укреплена, как Кинчжоу. Это кажется нам тем достовернее, что не решился же он сразу наступать на наши уходившие в беспорядке войска и все еще не подвигается вперед.

Прекрасная погода и тишина (мы уже слишком привыкли к таким легким перестрелкам, какая была прошлой ночью на береговом фронте, чтобы обращать на них особенное внимание) способствуют возрастанию общей бодрости. Когда видишь утром, как все спешат на свои работы, видишь мирный торг на базаре и всюду лишь бодро спокойные лица, то забываешь совсем, [144] что находишься в осаде и отрезан от всего мира и что тебе грозит еще многое худшее.

Где именно и в каких силах неприятель — все еще не удалось выяснить нашим лазутчикам. Натываются они на передовые посты японцев, пробираются и дальше, но все еще ничего положительного не обнаруживают. Находят и японские окопы, устроенные как бы для батарей, но по ночам пустые.

С высот наши отряды наблюдают движение около Дальнего, сообщают, что японские войска отправляются на север. Возникает даже подозрение, не выдвинули ли японцы только заслон против нас, не желая брать крепости.

Войска, в беспорядке отступившие от Кинчжоу, теперь смеются над собой. Кабы генералы не

уехали сами вперед, говорят они, ничего подобного и быть не могло. Теперь им досадно, и они просятся все в более решительные вылазки, в охотники.

Снова приходится удивляться, почему японцы не воспользовались кинчжоуской победой и не пришли, так сказать, на плечах наших отступающих войск сразу под Артур? Успех был бы верный. Но надо полагать, что понесенные ими потери были тяжелые и заставили их приостановить действие, отдохнуть, или же они предполагали, что у нас приготовлена для них засада. Во всяком случае они не ожидали, что генерал Фок вполне очистит им дорогу к крепости.

Уверяют, что генерал Фок и на военном совете, после сдачи им Кинчжоу, все еще сопротивлялся занятию передовых позиций, и это, по его мнению, напрасная трата людей. Только доказательства генерала Смирнова, что если допустить сразу неприятеля к крепости, которая еще далеко не достаточно укреплена, то немыслимо будет долгое время защищать ее, убедили и генерала Стесселя (глядящего на все происходящее глазами генерала Фока) в необходимости занятия передовых позиций. Генерал Смирнов начал укреплять Угловые горы, чтобы насколько возможно лучше обеспечить западный фронт крепости.

27 мая (9 июня)

Городская продовольственная комиссия решила устроить дешевую столовую для беднейших классов населения. Дело очень симпатичное и обещает много хорошего. [145]

Характерный случай передавали мне сегодня.

В ночь на 25 мая (7 июня) при стрельбе по неприятельским судам с батареи № 22 одно орудие дало осечку, т. е. заряд не воспламенился. В таких случаях полагается выждать определенное время, прежде чем открыть затвор орудия. Но в данном случае артиллеристы погорячились, открыли затвор сейчас же, желая дать скорее следующий выстрел по уже поврежденному неприятельскому минному заградителю, но в ту же минуту последовал выстрел, которым убит на месте один, ранено два канонира и поврежден самый затвор. За такой несчастный случай по закону ответствен командир батареи, не предупредивший такого несчастья, хотя это в пылу стрельбы очень трудно и почти невозможно, скорее можно бы обвинить фейерверкера, командовавшего орудием. Обстоятельства — увлечение боем — вполне оправдывали в данном случае виновника этого несчастья, и несмотря на то, что известие о нем разнеслось по всему городу, никому не пришло в голову обвинять кого-либо. У нас сейчас не маневры, а война, когда нужно дорожить каждой минутой.

На днях генерал Стессель отправился на эту батарею, как бы для расследования этого случая. Там он, говорят, первым делом грубо напустился на командира батареи, капитана В., указывая ему, что ретирады грязны и содержатся не в должном порядке. Капитан, обиженный таким неосновательным выговором генерала, не вытерпел.

— Ваше превосходительство, — сказал он, также возвышая голос, — я не ассенизатор, а первым делом артиллерист, и прямая моя обязанность стрелять по неприятелю!.. Устройство же ретирад лежит на обязанности инженеров {86}.

Это как бы озадачило генерала, и он перешел на дружеский тон, желая загладить свою вину, после, осмотрев батарею, он благодарил капитана за службу и порядок.

Казалось, инцидент исчерпан.

Но нет, этим не кончилось. Вчера объявлен приказ генерала Стесселя: [146]

«№ 305 (экстренно). 26-го мая нарочно был на батарее № 22 и, произведя самый тщательный осмотр пятого орудия, я пришел к убеждению, что порча замка, смерть канонира Бондарева и поранение канониров Гурского и Ларионова произошли от попавшего снаряда с судов противника {87}, стрельба которого имела место во время стрельбы батареи № 22 по минному транспорту, который и был этой батареей затоплен в расстоянии 1000 сажен (2

верст) от батареи».

— К чему эта официальная ложь? — спрашивают все удивленно. — Неужели не будет конца этой лжи! В самом начале войны береговым батареям приписывалось больше заслуг, чем они на самом деле оказывали. Это делалось как бы с целью взвалить все несчастья на флот. При отражении же брандеров приписывалось больше заслуг флоту, чем батареям, вопреки справедливости. На флот посыпались щедро награды, батареям — спасибо. К чему же извращать хорошо всем известный факт?

В следующем приказе генерала объявляется о том, что он представляет капитана Вамензона к награждению орденом Св. Георгия.

В этот же день объявлен еще один, смущающий всех, приказ:

«№ 304. Вместо подполковника Петруша, назначенного командовать 27-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, в приемную вещевую интендантскую комиссию назначается подполковник Скорняков. Суточные получает подполковник Петруша».

— Как же так? — восклицают офицеры удивленно. — Работать должен Скорняков, а суточные будет получать и впредь Петруша? Где же тут справедливость?

Но возражения эти бесполезны и ни к чему не ведут. Власть командующего районом неограниченная. Вопрос — так ли это? Странность этого приказа объясняется дружбой генерала Стесселя с подполковником Петруша. [147]

Хунхузы перенесли свою деятельность на море, грабят уезжающих из Порт-Артура китайцев, зная, что они заработали у русских много денег. В последнее время китайцы стали усиленно выселяться из Артура, и это отражается на общей жизни — многие остаются без прислуги, так как службу поваров и лакеев несли преимущественно китайцы. Китайские купцы и торгаши распродают свои товары, а скупщики — греки, армяне и прочие сильно поднимают цену на товар, купленный ими по очень дешевой цене.

6. Стычки на Зеленых горах

31 мая (13 июня)

Прошлой ночью охотники 25-го полка сделали более серьезную разведочную вылазку на нашем правом фланге. Было всего 120 человек при трех офицерах, с флангов их поддерживали пограничники. При всей своей осторожности они все-таки наткнулись на неприятельский окоп в нескольких десятках шагов. По ним открыли огонь, стрелки бросились вперед, выбросили японцев штыками из окопа и расстреливали убегающих. Далее они наткнулись на другой окоп, занятый двумя ротами японцев, встретивших их залпами. Стрелки ринулись опять в штыки, и японцы побежали. В этих стычках убит поручик Бицоев и смертельно ранен поручик Злобинский, убит унтер-офицер и ранены 4 стрелка. Хотели было идти еще вперед, но получили приказание не вступать в бой. Когда они начали отступать, унося с собой убитых и раненых, японцы начали наступать на них и стреляли беспорядочно вдогонку нашим храбрецам, не причинив им никакого вреда.

Поручик Злобинский умер сегодня по дороге в госпиталь. Разведка эта не дала нам также никаких положительных сведений о положении и силах неприятеля.

Штаб укрепленного района организовал разведки через китайцев и доверяет вполне этим сведениям; насколько они верны, покажет будущее.

Трудно избавиться от сомнения — не служат ли эти китайцы-разведчики «и нашим, и вашим». В таком случае вернее всего, что нас обманывают. Японцы же получают настолько [148] достоверные сведения, насколько китайцы способны передать им необходимое. Можно смело предполагать, что японцы подготовили себе до войны еще опытных шпионов из среды китайцев; это доказывается массой сигнальщиков, которые при всем старании со стороны

наших властей остаются неуловимыми.

Несколько несомненно верных китайцев, ходивших на разведки, казнены японцами, как передают спасшиеся. Предательство со стороны других китайцев. У нас пользуются услугами каждого, кто их предлагает. Но кто он и откуда, этого никто не знает и узнать не старается.

Велосипедная летучая почта, организованная из числа мирных жителей, уже успела оказать большие услуги делу обороны. Всего в этой команде 60 человек, и они постоянно чередуются. Их услуги ценны по скорости передачи приказов и тем, что солдаты, занимавшиеся разноской приказов, теперь могут нести свою прямую обязанность — службу на фортах и позициях. Самые дальние расстояния, не соединенные телефоном, пробегаются велосипедистами быстрее, чем конным вестовым.

4/17 июня

Вчера, во время тумана, минный транспорт «Амур» вновь выходил в море, его сопровождал «Новик» и миноносцы; где-то опять поставили мины. На обратном пути что-то случилось с «Амуром» на ближнем рейде; говорят, повредил себе дно и запутался винтом. Долго не могли освободить. Нужна починка, но ничего особенного.

Сообщают, будто вчера же за Ляотешанем японский миноносец наткнулся на мину и погиб.

Сегодня передали нам слух, будто у Голубиной бухты обнаружен погреб с японскими или китайскими орудиями и снарядами. Подобные слухи выплывали уже не раз. Поэтому произвел маленькое дознание — в чем тут дело? Оказывается, что все эти слухи, быть может, и пускаются для ободрения гарнизона, но подкладка их весьма простая.

Когда подполковник Меллер спросил главного артиллериста порта подполковника Тр. и заведующего складами морского ведомства К., где те китайские орудия, снаряды и патроны, о [149] которых он слышал и которых нет в сухопутном арсенале, ему ответили, что таких орудий в складе морского ведомства нет. Один из вахтеров склада, Денисенко, шепнул подполковнику Меллеру, что есть они и там-то, на складе же... И вот подполковник Меллер «обнаружил» и орудия, и китайские пулеметы, и снаряды, и патроны, исправлял, приспособлял, отправлял их на линии обороны — и оказал этим услуги защите крепости. Но... однако, порядки у нас хороши, если приходится «обнаруживать» то, что у нас же на складе!.. И оправдывать слухами о нахождении закопанных орудий.

6/19 июня

Вчера утром наши суда — крейсер «Новик», канонерки «Отважный» и «Гремящий» и 9 миноносцев — ходили в бухту Сикао обстреливать неприятельские позиции; японцы будто скрылись в горы. На горизонте были 2 неприятельских крейсера и 4 миноносца, не решившихся приблизиться к нашим судам. К вечеру суда вернулись в гавань.

Сегодня открыли городскую дешевую столовую. Из военных властей присутствовал при этом только комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов. Плата за обед и ужин в месяц 18 рублей — очень умеренная.

Джонки изредка приходят из Чифу с разными продуктами, привозят иногда и небольшую почту. Но мытарства, которые приходится испытывать китайцам в Артуре, отбивают у них охоту предпринимать эти опасные экскурсии. Обещанная, ввиду огромного риска, очень скромная награда будто выдается не всем, много таскания по штабам, пока они получают деньги; из одного штаба посылают их в другой, оттуда обратно и т. д.

По китайским сведениям, наши северные войска передвинулись к югу и имели большое сражение, что пока не подтверждено. По слухам японцы устроились в Дальнем, пользуясь всеми удобствами, в саду будто играет музыка, в город будто понаехало много интернациональных дам и т. д. Японские же войска будто отправляются все на север; против

нас выдвинут только заслон.

Официальные сведения сообщают о кавалерийской стычке южнее Вафандяна. [150]

7. Выход флота

10/23 июня

Сегодня, наконец, вышел в море весь наш флот. С нетерпением ожидали все этого выхода и провожали его с восторгом и благопожеланиями.

На рейде протралили путь, причем взорвано много японских мин. Несмотря на всю, казалось бы, бдительность нашу и на усердное ежедневное траление, японцы успевают набросать массу плавучих мин, приносимых к гавани приливом.

Только около 2 часов дня флот снялся с якоря и около 6 часов скрылся за горизонтом.

Вскоре услышали мы с моря канонаду — завязывался бой. С наступлением темноты морская канонада стала слышней — гул орудий как бы приближался. Неужели наш флот отступает?

Около 10 часов вечера флот вернулся и стал на рейде под защиту батарей. Пальба то усиливается, то затихает.

Публика прислушивается с тревогой, следит внимательно за происходящим на рейде. По-видимому, идет минная атака. Не повреждены ли наши суда?

Пришлось наблюдать вблизи чудную, но полную ужаса картину ночной минной атаки. Канонада только что замолкла, когда мы пришли на морской берег. Лучи прожекторов скользят по еле волнующейся морской глади. На море ничего не видно. Но по чему же стреляли?.. Тишина мертвая. Становится тоскливо на душе. Вот что-то мелькнуло — в луче прожектора появилось какое-то, будто облитое серебром судно, другое, третье — это японские миноносцы... Заговорили орудия батарей и судов. Море огня, рев, шипение кругом. Около мчавшихся к нашим судам миноносцев вздымаются столбы воды, снаряды падают в воду. И на миноносцах мелькают огоньки, и они стреляют, и на них рвутся наши снаряды. Трубы на миноносцах покраснели от доведенной до высшей меры топки. Один миноносец вдруг окутался паром — значит, попало в машину!.. Огонь, дым, и вскоре ничего там не видно. Сосредоточенный огонь наших орудий пустил ко дну смельчаков. Другие миноносцы не выдерживают адского огня, поворачивают обратно и, [151] маневрируя зигзагами, ищут спасительную даль. Пальба затихла, и вскоре все замолкло, снова темно, лишь лучи прожекторов скользят по морю, то скрещиваясь, то расходясь в разные стороны — будто щупальца чудовищного спрута, приютившегося среди темнеющих громад береговых скал. Тишина — но нет в ней убаюкивающего покоя: нервы напряжены, глаза впились в тускло освещаемую прожекторами даль — ждут, не появятся ли снова серебристые силуэты с краснеющими трубами, мчащиеся почти на верную гибель... Вот они! Снова ад — ослепляющие снопы огня, выбрасываемые невидимыми орудиями, рев, свист, треск...

Получены известия, что на передовых позициях замечены наступательные движения неприятельских колонн.

11/24 июня

Флот наш вошел сегодня утром в гавань. Броненосец «Севастополь» наскочил вечером, уже на рейде, на японскую мину, но повреждение незначительное и скоро исправимое. Наши суда выдержали 9 минных атак. На море они встретили весь состав японского флота; говорят, что у него нет никаких потерь {88}...

Такое возвращение флота — без серьезного боя — никого не радует. Что же будет дальше?

Смешно и грустно: сегодня вышел «Новый край» с восторженной статьей о выходе флота, о надеждах, возлагаемых на него, а он уже снова в гавани, снова на старом месте.

Боже! Сколько было радости, надежд и тревоги, и все напрасно.

Японцы подбрасывают нашим войскам на передовых позициях прокламации, в которых стараются их уверить, что война эта — высшая несправедливость со стороны России, что русское правительство жестоко, во всем неправо, принося в жертву столько людей, и поэтому японцы приглашают наших солдат сложить оружие и сдаться в плен, обещая обходиться с ними любезно; там наши солдаты могут отдохнуть и т. д.

Некрасивый прием вести войну! [152]

Но странно, что широковещательные воззвания японцев, призывающие наших солдат к непослушанию своему правительству, пока не имели ровно никакого успеха. Солдаты смеются над их хитростью, и только.

8. Начало боев на Зеленых горах

13/26 июня

Получив приглашение от друзей-артиллеристов, пошел сегодня на батарею сухопутного фронта. Оттуда прекрасно видны и Волчьи, и Зеленые горы, бухта Тахэ и далекий горизонт моря. С утра около бухты Тахэ было несколько японских миноносцев, вдали виднелись два судна покрупнее. Один из молодых офицеров повел меня на устроенную им батарею, показывал мне много интересного и сказал, между прочим, что он опасается только флангового огня с японских судов из бухты Тахэ{89}. На мои дальнейшие расспросы о стойкости крепости он почти воскликнул:

— Все, что вы здесь видите, может быть скрыто японскими снарядами, все мы, артиллеристы, можем быть перебиты до единого, но пока у нас останутся штыки в окопах, пехота, до тех пор японцам не взять Артура!

Эта молодая уверенность ободрила меня, часто мучимого сомнениями при виде закулисных неурядиц в делах крепости.

— Не забудьте, что если нас перебьют, то и мы перебьем их немало. Труднее взять крепость, чем защищаться!

На батареях уже устроены перевязочные пункты, есть носилки и все необходимое.

После обеда с другой батареей мы увидели довольно красивую картину. В бухту Тахэ пришли «Новик», канонерки и миноносцы. Японские суда отодвинулись. Подойдя к берегу далее Лунвантанской долины, наши суда начали обстреливать занятый японцами берег. Особенно красива была стрельба с «Бобра» из крупного орудия. В первый момент казалось, что или судно попало на мину, или же в него попал неприятельский снаряд. Судно запарило, скрылось в облаке дыма. Но вскоре [153] мы поняли, что оно стреляло дымным порохом, тогда как остальные суда стреляли бездымным, на них беспрестанно мелькали огненные языки и желтый дымок, скоро уносимый ветром. Мы ожидали, что японские суда — один большой крейсер, бывший китайский броненосец «Чин-Иен» и миноносцы — вступят в бой с нашими, но они оставались все время лишь зрителями.

В это же время солдаты, собравшиеся на бруствере, указали нам, что на Зеленых горах рвется неприятельская шрапнель. Действительно, над местом, где расположены наши передовые позиции, стали появляться белые дымки.

14/27 июня

Во вчерашнем бою у нас, как сообщают, выбыло до 300 человек из строя убитыми и ранеными. Японцы завладели выдающейся позицией — вершиной Куинсана, которую ни генерал Фок, ни начальник его штаба, подполковник Дмитревский, не нашли достаточно важной, несмотря на многократные указания офицеров. Теперь только начинают сознавать,

что именно потеряно. Грустная история. Начинают обвинять капитана 14-го полка Лопатина в том, что он не удержал горы и отступил. Но что же ему оставалось делать, когда из его роты осталась горсть солдат против целого полка японцев. Говорят, что ему было приказано не ввязываться в бой. Все его просьбы о присылке подкрепления оставались без внимания. Его же предадут суду.

Бои на правом фланге продолжаются. Интересен приказ генерала Стесселя.

«№ 368. Объявляю при сем выписку из телеграммы мне командующего армией генерал-адъютанта Куропаткина: «...Теперь требуется самая упорная и продолжительная оборона Артура, на что мы все вполне надеемся». Генерал-адъютанту Куропаткину я ответил благодарностью и донес, что, зная дух защитников, я уверен, что они превзойдут даже надежды своего любимого командующего армией».

Мне передавали, что генерал Стессель, всегда прежде на запросы генерала Куропаткина, не нужно ли чего доставить в [154] Артур, отвечавший, что ничего не нужно, обратился после падения Кинчжоу через корнета Елкина с просьбой о помощи и получил очень неприятную телеграмму{90}. Генерал Куропаткин будто удивляется, почему понадобилась помощь теперь, когда ее нельзя уже доставить, так как перед ним стоят значительные неприятельские силы. Выписка в приказе будто и есть продолжение депеши, в которой требуется одно — защищать упорно крепость, не рассчитывая на помощь и т. д.

Узнаем, что солдаты на передовых позициях изорвали по скалам одежду, особенно обувь, и нуждаются во многом. Подошв уже нельзя купить в городе. Недостаток и во многом другом, во всем проявляется мало предусмотрительности. Жители начали собирать между собой деньги, покупать и посылать нашим защитникам кто что может: белье, табак, чай, сахар. Решено устроить в городе, за счет города, бесплатные чайные, где солдаты, приходящие по делам с позиций и уходящие на позиции, идущие с работ и на работы, могли бы попить чаю. Там же будут раздаваться им бесплатно папиросы. Мысль симпатичная{91}.

Погода стоит довольно жаркая. [155]

Об адмирале Скрыдлове нет никаких вестей, никто не знает, прибудет ли он к нам или нет. Назначение его командующим флотом было обрадовало всех, но он что-то не поторопился с выездом. И вет — нас отрезали. Миноносец «Лейтенант Бураков» ходил уже несколько раз в Инкоу. Мы ожидали, что Скрыдлов прибудет на нем. В последнее время возникло сомнение — приедет ли он вообще к нам, стремится ли он сюда? Не верим, чтобы он не мог приехать, если бы у него было на то сильное желание. Говорят, что он не ладит с наместником, у них будто есть какие-то личные счеты. Это что-то ужасное, прямо преступное! Подводить в данное время личные счеты, когда интересы Отечества в величайшей опасности!

Мне сообщали на днях, что «Лейтенант Бураков» собирался пойти еще раз в Инкоу, Сеньючен или в другой условный пункт в том же направлении с секретным поручением. Не состоит ли это секретное поручение в том, что он должен принять и доставить сюда Скрыдлова?

18 июня

(1 июля). Со времени возвращения нашего флота в гавань почти каждую ночь японцы пытаются атаковать миноносцами наши сторожевые суда, выставленные нарочно на рейде. Это настоящая охота «с поросенком». Крейсер «Диана» поставлен за японским брандером и, кроме того, огражден еще сетками, так что мина никак не может попасть в него; крейсер стреляет вместе с батареями по атакующим японским миноносцам, нанося им почти всегда чувствительный урон.

Долгое отсутствие миноносца «Лейтенант Бураков» вызывает опасение за его судьбу. Он, оказывается, действительно ушел с официальной почтой и все еще не вернулся. Хотя он и

принадлежит к самым быстроходным, но все же его могли окружить большие силы.

По городу разнесся «секрет», что готовится большая внезапная вылазка против японцев. Говорят, рассказал этот «секрет» генерал Фок, восстающий против этой вылазки. Если все «секреты» будут храниться так и впредь, то японцы узнают через китайцев об них раньше, чем мы успеем собраться что-либо сделать.

Многие из жителей уезжают на джонках в Чифу. Удастся ли им прорвать блокаду, неизвестно. [156]

20 июня (3 июля)

Вместо задуманной «секретной» вылазки наш правый фланг начал еще вчера открытое нападение под руководством генерал-майора Кондратенко и отбросил неприятеля с занятых им позиций, гору Куинсан не удалось еще взять обратно, но наши позиции обхватывают ее подковообразно.

На днях привезли с позиции два трупа — японца и русского. Оказывается, что это часовые передовых постов. Они сперва ранили один другого пулей, потом пошли в штыки и закололи друг друга. Прибежавшие на выстрелы нашли их уже мертвыми. Коротко и ясно: надоело ожидать битвы и сразились между собой. Их привезли на одной двуколке, похоронили в одной могиле. Мир праху вашему, достойные сыны отечества!

Сегодня утром прибыл миноносец «Лейтенант Бураков», привез с собой из Северной армии военного корреспондента Б.Л. Тагеева и адъютанта генерала Стесселя — князя Гантимурова, почту и несколько газет, в том числе «Вестник Маньчжурской армии», издающийся в Ляояне. Адмирал Скрыдлов не прибыл, и нет вестей, чтобы он собирался пробраться к нам. Это неприятно. Значит, нечего на него и рассчитывать. Разве он явится сюда из Владивостока?

21 июня (4 июля)

Сегодня утром вышли «Новик», канонерка и миноносцы к, Сяо-бин-дао и открыли по месту расположения противника огонь; если суда эти и не нанесли японцам большого вреда, то все же содействовали, и даже с некоторым успехом, сухопутным войскам, продолжавшим наступление.

Попытки взять обратно Куинсан не удались; японцы укрепились на нем с пулеметами. Атаки велись против этой потерянной нами позиции сильные. Впереди своего 13-го полка пошел на штурм командир, безусловно храбрый князь Мачабелли^{92}; сообщают, что и генерал Кондратенко водил некоторые колонны в бой. Но отряды таяли под убийственным огнем пулеметов. И все же можно было еще надеяться овладеть вершиной, если бы генерал Фок не прекратил атаки с левой стороны Куинсана, называя этот штурм напрасной тратой людей. [157]

Все у него напрасная трата людей!.. Но кто же ему велел отдать Куинсан японцам! Впрочем, отдача кажется специальностью этого генерала. Отдал Кинчжоу, отдал Куинсан, отдаст, пожалуй, и Артур!

Зеленые горы вновь в наших руках, но ключ позиции, Куинсан, остался в руках японцев, откуда они могут прекрасно наблюдать за всеми движениями наших войск, за попаданием снарядов и т. д. и т. д.

9. Японцы наступают

28 июня (11 июля)

На днях японцы вновь высадили в Дальнем около 20 000 солдат, никто им в этом не препятствует. Наш флот ограничивается береговыми вылазками.

Сегодня, будучи вновь на батареях, был свидетелем характерной сцены. Один взвод 6-

дюймовых полевых мортир, под командой подпоручика Кальнина с Заредутной батареи, был отправлен на передовые позиции, у Куинсана; сегодня уходит туда же второй взвод под командованием подпоручика Дударова, с Куропаткинского люнета. Дударов вернулся с люнета видимо утомленный и говорил, что замаялся при выборе команды. Что и как, он не успел объяснить, его вызвали из барака по делу. В то время как Дударов собирался вновь войти в офицерский барак, к нему подбегает с виду очень смущенный солдат. Подпоручик остановился и выслушал солдата, который затем побежал от него, по-видимому обрадованный.

У меня мелькнула мысль, что этому солдатику, вероятно, не хотелось сейчас идти в огонь и он нашел себе охотника-заместителя. Нужно было добыть только разрешение на то командира. Его виновато-смущенный вид говорил именно за что-то подобное.

— Чистое горе мне с солдатами, — сказал нам Дударов, как бы отвечая на наши вопросительные взгляды, — всем хотелось бы к Куинсану. Пробовал вызвать охотников — выступают все. Говорил, что не могу же взять всех, что каждый успеет еще не раз побывать под огнем. Ничто не помогает. Выстроил, отсчитал — нет, просятся и другие. Тогда я начал придирается к амуниции, одежде и обуви, находя то у одного, то у другого что-либо [158] в беспорядке, ненадежным. Таким образом, насильно отсортовал. Этот солдатик, который только что приходил, забракован за то, что у него сапоги стоптаны. Так что же вы думаете — успел купить себе пару совершенно новых сапог и пристал-таки, чтобы я его не обидел!.. Пришлось пообещать. Придется кого-нибудь из стариков-запасных оставить насильно, а взять его.

Вот как истомились наши солдаты в ожидании того, что им грозит, — в ожидании кровавого спора. Каждому хотелось бы возможно скорее сразиться с противником, отплатить за нанесенную нам обиду; скорее умереть, если это суждено, чем томиться под гнетом бездействия и неизвестности в то время, когда товарищи дерутся, проливают свою кровь.

Проводили мы этого красивого симпатичного горца, вечно грустного, но фаталистически спокойного, с самыми сердечными пожеланиями успеха и возвращения здоровым {93}.

Одновременно с ним отправился к Куинсану прибывший оттуда утром подпоручик полевой артиллерии (бывший студент Петербургского университета) Соколовский, который описал нам прекрасное состояние духа наших войск там, на передовых позициях, объяснил все значение нашей потери вершины Куинсана. Досадовал на то, что у нас нет даже сносной карты местности, где приходится сражаться.

На картах, имевшихся на батареях, не оказалось ни Зеленых гор, ни Куинсана...

10/23 июля

Вчера, по случаю тумана, 6 японских миноносцев подошли слишком близко к крепости. По ним стреляли, но результаты неизвестны. Поздно вечером японцы подбуксировали две шаланды, по которым наши батареи выпустили массу снарядов. Шаланды, конечно, были расстреляны вдребезги, но во время возни с ними прозевали подтащившие шаланды миноносцы и орудовавший между тем минный заградитель. Досаднее всего то, что этот заградитель, привезший и выгрузивший здесь, у гавани, партию мин, запутался в специально поставленные [159] нами сети и был бы в наших руках, если бы наши миноносцы вышли вовремя на рейд (а времени, кажется, было довольно). Утром только увидели, что благодаря тому же туману японцам удалось не только высвободить и отбуксировать свое судно в безопасную даль, но и увести его совсем {94}. И вот мы снова дали себя обмануть ловким маневром с шаландами и прозевали минный заградитель.

Жители относятся теперь совершенно равнодушно к стрельбе на морском фронте и заняты всецело снабжением сражающихся на передовых позициях всем необходимым. Постоянно получаем самые искренние благодарности наших защитников за присылаемые подарки.

Особенно ценное для солдат белье, так как они сильно обносились, двигаясь между скал и кустов. Все женщины города заняты шитьем белья, на которое все жертвуют кто чем может — кто деньгами, а кто материалом.

Городские бесплатные чайные считаются нашими солдатами большим благодеянием. И отдыхают они там, и подкрепляются, освежаются, и, как они сами говорят, усталости как не бывало — идешь снова на работу, на позиции, благословляя добрых людей.

Говорят, что между шаландами, прибуксированными японцами и расстрелянными нашими батареями, оказалась и та, на которой отправились в Чифу наши военные корреспонденты господа Тагеев и Купчинский. На ней будто нашли частные письма, отправленные с ними отсюда. Уехавший раньше корреспондент «Русского слова» М.Ф. Черниковский прибыл благополучно в Чифу и выехал оттуда на пассажирском пароходе в Инкоу.

12/25 июля

Наконец случайно доставили корреспонденцию, и я получил письма от родных! Долго шли они, почти три месяца. Не бывший в том положении, в каком мы сейчас находимся, не может себе представить той радости, тех слез, которые текут сами собою при получении этих дорогих строчек с пожеланиями с Божьей помощью все пережить и уцелеть. Письма [160] эти радуют, но и снова напоминают нам весь ужас того положения, к которому мы, казалось, привыкли, про который мы как бы забыли.

Нас постигло новое несчастье. Высланные вечером в бухту Тахэ три миноносца: «Лейтенант Бураков» (совершивший несколько удачных рейсов в Инкоу и удачно ушедший в последний раз от погони), «Боевой» и «Грозящий», дежурившие в бухте, были атакованы японцами, причем «Лейтенант Бураков» поврежден так сильно, что нет никакой надежды на его спасение, «Боевой» получил серьезное повреждение, но приведен в гавань уцелевшим «Грозящим». Благодаря туману и темноте японские миноноски или даже минные катера пробрались к ним вдоль берега, зашли им в тыл и выпустили по ним мины. Когда эти миноноски проходили вдоль берега, с них, говорят, был слышен довольно громкий русский говор — русская ругань, этим японцы обманули часовых. Но это не оправдание — ясно, что бдительность у нас плоха. После катастрофы произошла сумятица, и даже ближайшие батареи не могли расстрелять нападавших, из опасений поражать своих, тем более что не знали, что именно случилось. На миноносцах 4 убитых и несколько раненых. Особенно жалею мы о гибели «Лейтенанта Буракова» — одного из наших лучших миноносцев, оказывавшего нам столь важные услуги. Где тонко, там и рвется.

Из Северной армии прибыл штабс-капитан Кичеев и привез с собой 1500 вытяжных артиллерийских трубок, которых у нас мало. Его принял за огромное вознаграждение французский пароход из Инкоу, подвез его против Артура и спустил на вельботе чуть ли не на 60 миль расстояния от берега. Счастье помогло, и офицер со своим вестовым добрался благополучно до берега. Он будто просил дать ему больше трубок, но ему в этом отказали, не надеясь на то, что ему удастся пробраться благополучно в крепость. Удастся ли нам получить еще что-нибудь из Северной армии — сомнительно, так как японцы усилили блокаду с моря и расстреляли уже не одну китайскую джонку, идущую в Артур. Кичеев рассказывал, что в Ляояне — бесшабашное пьянство.

На позициях японцы все это время только укреплялись, отстреливаясь только ружьями и пулеметами. На наш артиллерийский [161] огонь они не отвечают. Вокруг Куинсана устроили проволочные заграждения и впереди них протянули проволоку, увешанную пустыми жестянками из-под консервов, чтобы этим предупредить могущее быть внезапное ночное нападение. Все попытки наших смельчаков остаются пока без особых результатов — Куинсан находится все еще в руках японцев.

Рассказывают, что японцы сламывают китайские деревушки, для того чтобы бревнами и брусьями, добытыми этим путем, укрепить занятые позиции. Так как китайцы строят свои

фанзы из камня и глины, то лесного материала в них очень мало. Но и подвозить из Дальнего этот материал по горным тропинкам немислимо.

Объезжал, сегодня батареи нашего сухопутного фронта. Все зеленеет и от всего веет такой мирной жизнью, что трудно себе представить, что в этих оврагах, на этих склонах и кручах, на этих батареях и редутах в недалеком будущем должны произойти кровопролитные сражения, леденящие сердце сцены.

Быть может, неприятелю не удастся прорвать наши передовые позиции, не удастся подойти к крепости раньше, чем к нам подоспеет помощь и выручка{95}.

В последнее время упорядочена перевозка раненых с передовых позиций. Их привозят на рикшах, на извозчиках, которые предложили добровольно свои услуги, а главное, организована перевозка раненых на двух велосипедах, скрепленных между собой разборной рамой. Это самое удобное и самое быстрое передвижение... Велосипеды катятся легко, не производят мучительного для раненых трясения. Сдавши раненого, велосипедисты разбирают соединительную раму и мчатся снова на позиции. На перенесение же раненых на носилках до железной дороги требуется много людей, на обозных же двуколках и в санитарных фургонах раненые испытывают страшные мучения, пока их везут по горным дорогам. Эти фуруны — что-то ужасное, скорее орудия пытки, чем облегчение страданий.

13/26 июля. С

раннего утра слышна канонада на правом фланге наших передовых позиций. Еще вчера получили известие, [162] что нужно ожидать наступления японцев. Наши суда вышли в море, чтобы обстреливать берег. Привозят раненых, но сведений о ходе боя достать нельзя.

14/27 июля

Вчера все позиции, несмотря на отчаянные атаки японцев, остались за нами. По рассказам вернувшегося с позиции капитана Ж., урон японцев не менее 3000 человек; наши потери не достигают пока 200 человек убитыми и ранеными.

Во время морской перестрелки наши суда нанесли, как сообщают, повреждения японской канонерке и крейсеру «Ицу-кисима». В то же время крейсер «Чиода» наварлся на мину, но оправился — должно быть, подвел пластырь — и ушел к Дальнему.

Сегодня идет бой с половины четвертого утра. Отдаленный грохот пушек не умолкает. Иногда стреляют только залпами. Страшно подумать, какие адские орудия, какие сокрушительные снаряды придуманы лишь для того, чтобы истребить как можно больше людей — этих хлипких, хрупких созданий!..

А зловещий рокот там, за горами, все еще не смолкает — рычит как голодный зверь. Удастся ли нашим удалцам удержать его вдаль от нас или же этот молох войны разинет свою ненасытную пасть и на нас? Это вопросы, которые не хотелось бы ни задавать себе, ни решать, но они возникают сами собой, когда слушаешь отвратительный рокот непрерывной канонады, и надоедливо сверлят твой мозг... Хотелось бы лучше убаюкивать себя надеждой — авось минет нас эта горькая чаша!

При возвращении в гавань «Баян» наскочил на японскую мину. Говорят, работы по исправлению хватит на месяц; его ввели в док.

15/28 июля

Убит поручик артиллерии Михаил Андреевич Наумов. Сообщая это грустное известие, капитан Петренко (в батарее которого покойный командовал взводом) еле сдерживал слезы. Убит он ружейной пулей в область сердца после того, как произвел 12 залпов картечью по густой наступавшей колонне японцев, буквально уничтоженной им. [163]

— Я бы желал умереть такой смертью, — воскликнул капитан, — совершивши так много,

можно и умереть! Это идеальная смерть для артиллериста!..

Наши войска отступают к ближайшей линии позиций. Правый фланг отошел к Дагушаню и Сяогушаню, левый — к Волчьим горам. Разрушены железнодорожный путь и мосты, но трудно поверить, чтобы разрушение это, совершавшееся во время боя спешно, было сделано основательно.

Значит, японцы придвинулись к нам еще ближе. Наши надежды — желания удержать их вдали от крепости — теряют все более под собой почву. Главной причиной отступлений считают все тот же Куинсан, который, находясь в руках японцев, был наилучшим пунктом наблюдения для корректировки стрельбы и т. д. — словом, пункт, царящий над Зелеными горами. Отступление произошло довольно торжественно, местами войска проходили позиции с музыкой. Невольно бросается в глаза привычка некоторых из начальствующих лиц отступать первыми, хотя их распоряжения нужны более всего в арьергарде. Так, например, командир участка на правом фланге полковник Семенов отступил впереди войск, идущих с музыкой{96}, в тылу же в это время произошло замешательство, последствием чего были напрасные жертвы. С трудом, почти чудом, удалось спасти там наши тяжелые мортиры.

16/29 июля

Сообщают, что матросы и офицеры десантной роты проявили чудеса храбрости и физической стойкости, расстреляв все патроны, отбили отчаянные атаки больших японских сил штыками, прикладами и обломками ружей и наконец камнями. Работали в поте лица. Это был не бой, а стихийное уничтожение друг друга{97}.

Вышедший вчера на подмогу береговым судам броненосец «Ретвизан» попал несколькими снарядами на вершину Куинсана, где находился японский штаб. Там появились носилки с ранеными. [164]

10. Отступление в крепость

17/30 июля

Наши войска отступили окончательно с Волчьих гор к Артуру. Позиции не были укреплены, окопыне готовы, а нескошенный гаолян{98} позволял японцам незаметно наступать по пятам наших войск.

Тут сказались все пагубные последствия нашего преступного легкомыслия. В самом начале войны на основании опытов китайского похода 1900 года были исписаны целые страницы газет о том, что не следует допускать посева гаоляна на Квантуне и в Маньчжурии, в тех местах, где может произойти бой. Были даже распоряжения высших военных властей, воспреещающие этот посев. Тем не менее вокруг железной дороги и всюду на Квантуне был посеян гаолян. Солдаты начали было косить его на фураж, гражданский комиссар приказал, чтобы заблаговременно скошили весь гаолян там, где он может способствовать укрытию неприятеля, но этому воспротивился генерал Стессель, что можно видеть из его приказа:

«№ 344 (4/17 июня). Косьба войсками засеянных полей допускается только в непосредственной близости неприятеля, т. е. там, где иначе посевы могут попасть в его руки, а владельцы полей разбежались. В остальных же местах косьба хлеба воспрещается».

«№ 360 (исправленный 361 от 10/23 июня). Гражданскому комиссару запретить китайскому населению косить на корню свой еще неспелый хлеб».

И вот — мы уже пожинаем плоды этих распоряжений{99}. Японцы, пользуясь гаоляном, шли, так сказать, на плечах наших отступающих войск вплоть до Волчьих гор и взяли эти горы приступом, не давая нашим укрепиться. Из гаоляна не [165] было возможности выбить их ни ружейным, ни артиллерийским огнем, потому что их не было видно в гаоляне; они же поражают наших на выбор{100}.

Наши войска были лишены артиллерийского прикрытия, в то время когда японская легкая артиллерия устанавливалась в том же гаоляне и осыпала наши позиции убийственным огнем. Наши войска стойко держались, но непосильная борьба с невидимым врагом заставила их отойти к крепости. Во время перехода по открытой местности японцы расстреливали их почти безнаказанно{101}. [166]

Генерал Фок, начальник левого фланга, разумеется, был уже в крепости. Сообщают, что еще в то время, как Кондратенко держался на Зеленых горах, Фок прислал ему записку: «Я отступаю. Делайте, что хотите»...

Батареи сухопутного фронта открыли огонь по неприятелю. Наши суда стреляют по расположению неприятеля перекидным огнем. Наши передовые позиции в данное время: на правом фланге Дагушань и Сяогушань, на левом — Угловые горы, а в центре только несколько выдвинутых вперед редутов.

Все надежды удержать неприятеля вдали от крепости рухнули; наступила тесная осада и можно ожидать бомбардировку. Заметна подавленность настроения жителей. Кто может, собирается попытать счастья — уехать на джонках в Чифу.

18/31 июля

Вчера ожидали, что японцы попробуют штурмовать крепость без артиллерийской подготовки. Но ничего не было, ночь прошла тихо. Возвращающихся с передовых позиций солдат жители наделяют кто рубашками, кто табаком, сахаром и т. д. Другие зазывают к себе закусить, подкрепиться. Люди сильно обносились, запылены, загорели, устали. Удастся ли им отдохнуть, помыться, почиститься — это еще вопрос.

Выход эскадры 10-го дня. [167]

V. Бомбардировки и штурмы

1. Что делать, куда деваться?

19 июля

(1 августа). Вчера с моря, со стороны бухты Тахэ, была слышна канонада, бортовые залпы. По собранным сведениям оказалось, что вчера не выходило в море ни одно наше судно, на море был полосами туман. Около одного из крейсирующих японских судов взорвалась мина. Подозревая, что тут действуют наши подводные лодки{102}, японцы открыли огонь с бортов в воду. В это время сквозь туман появился отряд японских миноносцев, бывших впереди артурского рейда, спешивших к месту канонады. Японские суда приняли этот отряд за наш, охраняющий подводные лодки, и открыли по нему огонь до тех пор, пока не выяснилась ошибка.

Сведения эти сообщают с береговых батарей.

Батареи сухопутного фронта и суда стреляют [168] изредка по придвигающимся с Волчьих гор японцам. Наступление японцев на Дагушань отбито вчера без всяких потерь с нашей стороны и с большим уроном для них. При этом сбиты две японские батареи.

20 июля (2 августа)

Сегодня состоялась резолюция военного суда по обвинению капитана Лопатина в самовольном оставлении позиции (за отступление с горы Куинсан). Он отрешен от должности ротного командира и присужден к заключению в крепости на 2 года, без лишения чинов. Козел отпущения за чужие грехи найден.

Перед судом развернулась довольно гнусная картина, настоящие виновники свалили всю свою вину на бедного Лопатина, и суд, ввиду строгости военных законов, не имел возможности оправдать его. Члены суда и обвинитель говорили, что это было самое тяжелое дело за все время их практики. Они были бы рады, если бы могли не принимать участия в нем. Некоторые из свидетелей защиты высказали много горькой правды и навлекли на себя этим гнев начальства. Это, вероятно, не пройдет им даром.

Это дело показало нам лишний раз, что нечего искать справедливости там, где властвует грубая сила. Другие говорят, что Лопатину не следовало отступать без приказа; они признают, что Куинсан все равно был бы занят японцами, значит, от Лопатина требовалось лишь умереть там.

Истинными виновниками отдачи Куинсана японцам считают генерала Фока, начальника его штаба подполковника Дмитревского, полковника Савицкого и подполковника Киле-нина, не принявших мер для серьезной обороны этой горы.

25 июля

(7 августа). Сегодня назначено торжественное молебствие на площади об избавлении нас от надвигающихся бедствий. Да, в минуту жизни трудную все мы охотно прибегаем к Богу, ищем у него защиты. В настоящее время вопрос жизни и смерти более чем когда-либо близок нам.

После литургии в Отрядную церковь собралось духовенство и молящиеся из других церквей, и с иконами и хоругвями крестный ход двинулся на набережную. На углу у аптеки [169] Бишофа был отслужен молебен; потом пошли по Пушкинской улице, здесь также отслужили молебен против почтовой конторы. На цирковой площади, куда прибыл крестный ход, стеклось много народу. Молебствие уже близилось к концу, народ молился усердно, искренно. Лица всех серьезны, сосредоточенны.

Наши батареи стреляли изредка по замеченному неприятелю или по производимым им работам. Вдруг раздался выстрел — но с каким-то особенным, тимпаническим звуком. Что-то другое. Слышится в воздухе какой-то свист, переходящий в шипение — дзиу-с-ш-ж-ж-ж-крах! Сначала как бы тонкой ниточкой этот звук проходит через наши головы, потом все с большим и большим шипением и заканчивается зловещим воем и взрывом на набережной, где вся толпа народа была четверть часа тому назад...

Все лица побледнели — помертвели. Да, это неприятельский снаряд, японцы начали бомбардировать город! Мы было надеялись, что бомбардировка начнется с батарей, с крепости, а до нас, до города, быть может, будут долетать лишь перелетные снаряды...

Как будто кто сообщил японцам, что здесь собралось так много народу! Снаряд перелетел прямо через нас...

Благочинный отец Николай Глаголев опускается на колени, народ следует его примеру. Громко произносит он слова молитвы, повторяемые молящимися, но еще громче раздается снова выстрел с характерным тимпаническим звуком — снова свистит, воем через наши головы неприятельский снаряд и разрывается где-то по направлению набережной... Снова замирают все сердца. Что, если вдруг снаряд ляжет среди толпы молящихся?..

Еще и еще, снаряд за снарядом, но молебствие кончается благополучно. Народ рассыпается во все стороны. Но куда бежать, куда укрыться, никто не знает. Со стороны набережной бегут люди с помертвелыми лицами: «Стреляют! Там есть уже раненые и убитые!» Муж разыскивает жену, жена мужа, родители детей, а дети родителей. Там уже плачут; слышны возгласы:

— Ах, Господи! Спаси и помилуй! [170]

А там, со стороны Волчьих гор, раздается выстрел за выстрелом; летит снаряд за снарядом, и

все в том же направлении, к гавани. Некоторые из них не рвутся — значит, попадают в воду. Должно быть, цель бомбардировки — наши суда в гавани или же центр Старого города. Куда деваться? Что делать?

И нет ответа на эти все навязывающиеся вопросы. Блиндажи устроены лишь несколькими торговыми фирмами для своих служащих да более состоятельными людьми для себя. Но людям менее состоятельным негде укрыться, да и выстроить такие укрытия, где было бы вполне безопасно, почти невозможно. Почва скалистая, и равнина Старого города так низка (чуть над уровнем моря), что подвалов вообще нет, их залила бы подпочвенная вода, горы — сплошной камень, и чтобы выстроить себе нору, нужен динамит, силы, умение и время. Как будем мы жить, если начнут нас этак обстреливать изо дня в день!

Божья воля! И только. Суждено — уцелеем, не суждено — погибнем. Но как приходится погибать-то! Изуродованным, разорванным на клочки! Какая мерзость эта война! Солдаты хотя имеют то удовлетворение, что и они могут также уничтожать врага, они защищают крепость с оружием в руках, с таким же смертоносным оружием. А мы — как мыши в ловушке. Над головами только и слышно злое джигу, а там — крах!

Затихла стрельба — слава Богу!

Пообедали. Обед кажется безвкусным, не идет в плотку. В голове вертятся какие-то мысли, без связи, ясен лишь вопрос: что делать? Куда деваться? Что же будет? Значит, японцы подступили уже так близко, что свободно могут расстреливать нас как зайцев. На сердце лежит что-то тяжелое, и давит, и давит. А там, вдали, в России, наши родные и друзья не знают, что над нашими головами, вокруг нас, витают ужасы, разрушения, смерть. Увидимся ли мы еще?..

Стараешься отгонять эти назойливые, мучительные мысли, но они лезут в голову пуще и быстрее, как бы пляшут вокруг тебя волшебным хороводом и не выпускают тебя из этого заколдованного круга.

— Божья воля! — вырывается из глубины груди с тяжелым вздохом. — Божья воля!.. [171]

Пришедшие знакомые рассказывают, что там вот снаряд попал в дом и обратил все в щепы, к счастью, жильцов никого не было дома. На улице убило солдата, здесь какого-то портового десятника, там ранило солдата, в другом месте городского. Аптеку Бишофа разбило. Попади снаряд в то время, как там, на углу, молилась толпа, что бы только было... и т. д. Все это слушаешь как во сне.

Снова начинается бомбардировка, снова шипят над головой снаряды, летят по направлению к набережной и гавани. Выходим на веранду и прислушиваемся к каждому пролетающему снаряду — где он ляжет. А что, если вдруг да японцы изменят прицел? Куда деваться? Что делать? Снова кружатся мысли беспорядочной вереницей, путаются — и нет выхода из этого лабиринта. Божья воля!

Небо заволочло тучами, начинает накрапывать дождик. Подходят еще знакомые из обстреливаемого района — женщины с детьми. Их навещают здесь знакомые, между мужчинами есть и выпившие. Это раздражает. Эх, даже в такие тяжелые минуты не можем мы не напиваться!

Так просидели мы на веранде до вечера, до окончания бомбардировки, и сидели большей частью молча. Каждый сосредоточенно разбирался в своих мыслях, ища какой-нибудь выход, какое-нибудь утешение, успокоение.

Сидеть в это время в доме нет никакого смысла — стены не спасут от гранаты. На дворе, на вольном воздухе хоть дышит легче сдавленная ужасными впечатлениями грудь.

Прошел изрядный дождик, стало темнеть. Кто-то сбегал и узнал, что женщин и детей можно на ночь укрыть в блиндаже фирмы «Чурин и К°». Проводил жену в блиндаж и решил

провести ночь под открытым небом.

Все дружинники призваны под ружье и расставлены по местам, биваками, на случай ночного штурма или попытки японцев прорваться в крепость.

Удалось собрать сведения о последствиях бомбардировки. Снаряды падали около моста на набережной, в склад Кларксона, за мостом, где убило 1 рядового 28-го полка и ранило 2, в бухту, между складом Кларксона и помещением «Нового края» — разбило грузовую шаланду, падали у магазинов Кондакова, [172] экономического общества, Константинова и Зазунова, где ранен 1 китаец, в квартиру техника Скорновича, в магазин Поздеева и аптеку Бишофа, у угольной панели убило десятника и ранило городского, в артиллерийском городке убит 1 солдат, 2 снаряда попали на броненосец «Цесаревич», рвались во внутреннем порту (Восточном бассейне), где легко ранен адмирал Витгефт, во дворе фирмы «Кунст и Альбере» — ранен индус-караульный, 2 снаряда упали у телефонной станции, 3 снаряда около крейсера «Диана», 1 — в квартиру доктора Гласко. В полицейском правлении ранен осколком дежурный городской, где разорвался снаряд — неизвестно, нужно предполагать, что это был осколок от снарядов, рвавшихся на набережной, хотя расстояние дотуда не меньше полуверсты.

Чиновником артиллерии Грибановым пойман китаец с биноклем — вероятно, японский шпион, наблюдавший за падением снарядов.

Получены сведения с укреплений, что японцы обстреливали сегодня форт III и укрепление № 3 (в центре).

Бой за Дагушанем и Сяогушанем (на крайнем правом фланге крепости) начался в 2 часа дня. Японцы отбиты. Но не подлежит сомнению, что они поведут усиленные атаки на эти выдвинутые вперед позиции.

Ночь теплая, но довольно темная, иногда моросит дождик. Лежу на дворе под крышей. Не спится, одолевает какая-то полудремота, кошмар. На правом фланге начинается ружейная трескотня, стрельба залпами и пачками и переходит в частую, непрерывную дробь. Японцы наступают на Дагушань. Слышны и орудийные выстрелы. Потом все это постепенно утихает и замолкает, но через некоторое время бой возгорается снова. И так почти всю ночь. Дрожь пробегает по всему телу, когда прислушиваешься к этим зловещим звукам; там сражаются люди в непосредственной близости, быть может, даже на штыках. Какие ужасные сцены страданий и смерти прикрываются ночной тьмой и туманом, спутником нашего тропического дождя!

26 июля (8 августа)

Ожидаемой атаки со стороны моря брандерами не было. С раннего утра японцы вновь бомбардировали гавань и прилегающие местности. Одним из первых [173] снарядов убит проходивший около продовольственного магазина, под Перепелочной горой, прапорщик Левицкий и ранен часовой. Под Золотой горой загорелся склад смазочного масла, огонь локализован. Около порта разбиты квартиры двух чиновников, из которых один ранен.

Потом японцы перенесли огонь на помещение 3-й батареи, расположенной на Перепелочной горе, за Сводным госпиталем, и почти все время стреляли по одному месту, но, к счастью, разбит только один офицерский флигель и убиты 2 лошади. Были перелеты и в район госпиталя, но вреда они не причинили.

Вчера принесли с позиций 2 раненых офицеров и 25 солдат.

27 июля (9 августа)

Ночью наши отряды принуждены были очистить Дагушань и Сяогушань, продержавшись на этих позициях с большим мужеством против целых полчищ японцев, выдержав целый ряд штурмов. Попытки наших санитаров убрать убитых и раненых не удались. Японцы стреляли

по Красному Кресту, как это было уже не раз на передовых позициях. Так как было убито и ранено несколько санитаров, то санитарный отряд должен был отступить, не исполнив своего долга. Весь правый фланг отступил в крепость.

Сегодня принесли с позиции 1 раненого офицера, капитана 16-го полка С.З. Верховского, и 49 солдат.

Сообщают, что после отступления наших войск с Волчьих гор (17/30 июля) генерал Стессель явился к коменданту, генералу Смирнову, со словами: «Ваше превосходительство, моя роль кончена. Теперь ваше дело — вам и книги в руки...»

Вследствие этого комендант объявил приказ, призывающий гарнизон к дружной защите крепости — этого маленького клочка русской земли — всеми силами.

Известие, что командование перешло к генералу Смирнову, подействовало на всех очень ободряюще. Всем было известно, что он человек очень образованный и сочувствующий мирному населению, бывает сам везде, где это нужно. Благодаря этому пал сам собою вопрос о насильственном удалении генерала Стесселя от командования. Впрочем, трудно сказать, насколько этот вопрос имел под собой реальную почву; кто-то высказал эту мысль, и она, кажется, осталась лишь теоретическим предположением. [174]

Если бы Волчьи горы были настолько укреплены, что наши войска могли бы на них держаться, то не пали бы так скоро Дагушань и Сяогушань и не началась бы так скоро бомбардировка гавани и Старого города. Точно так же, если бы горы Юпилаза и Куинсан{103} были укреплены и снабжены пулеметами и пушками, то удержали бы японцев вдали от крепости еще, пожалуй, несколько недель.

В прошлую ночь наши батареи, в том числе и Золотая гора, засыпали смертоносным дождем снарядов Дагушань и Сяогушань, чтобы не дать японцам укрепиться на них и поставить орудия.

Сообщают, что одному тяжелораненому солдату пришлось пролежать там, под адским огнем наших батарей, пока только сегодня утром санитарам-смельчакам не удалось его унести оттуда в крепость; бедняга будто поседел за ночь.

Попытки «Новика», канонерок и миноносцев еще и сегодня обстрелять из бухты Тахэ японские позиции не удалось вследствие появления большого отряда неприятельских судов; пришлось вернуться в гавань. Сегодня японцы обстреливали только суда в Западном бассейне, в том числе госпитальное судно «Ангара», которое видно с западных отрогов Волчьих гор. Один снаряд упал около вокзала, но не ранил, к счастью, никого.

Начинаем привыкать к обстрелу. Японцы стреляют, видимо, по определенному квадрату — значит, вне сферы огня можно быть в безопасности.

Неприятно отзывается на всех то, что все дружинники дежурят на бивуаках, вследствие чего все магазины закрыты. Не только жителям, но и солдатам, присылаемым с позиций, негде купить самого необходимого. Вероятно, будут установлены известные часы для торговли.

Сегодня изловили около нового дока одного китайца с зеркалом; подозревая в нем сигнальщика-шпиона, толпа рабочих расправилась с ним без суда.

Под вечер затишье, японцы не стреляют; замолкли и наши батареи. Ожидают ночного штурма. [175]

2. Последний выход флота

28 июля (10 августа)

В начале второго часа ночи началась канонада на правом фланге; стреляла и Золотая гора. Много боевых ракет освещали угрожаемую местность. Но вскоре опять все затихло.

Утром вышел весь наш боевой флот в море с очевидным намерением прорваться во Владивосток. С ним пошло и госпитальное судно «Монголия». Здесь остались лишь суда береговой обороны и «Баян», стоящий в сухом доке, исправляющий повреждения, полученные от мины. Командир «Баяна» капитан 2 ранга Вирен командует теперь морскими командами, оставленными для защиты крепости.

Сегодня с самого утра японцы сильно обстреливали город и порт. Есть и раненые, и убитые, между ними трое русских, остальные китайцы. Один снаряд попал в магазин Кунста и Альберса, один в здание Красного Креста, один в Отрядную церковь; кроме того, падали снаряды: у почтовой конторы, во дворе дворца наместника, в квартиру адмирала Витгефта, в магазине и во двор Кондакова и т. д. В бухту, позади «Нового края», легло 5 снарядов. Площадь обстрела сегодня очень обширная, но жертв сравнительно немного.

Как только начинается бомбардировка, улицы пустует. Куда прячется народ, трудно сказать; но лишь только стрельба прекратилась, улицы снова оживляются, жители вылезают один за другим, как мыши из своих норок, — и, как ни в чем не бывало, спешат по своим делам.

Говорят, с моря слышна канонада по направлению Шандуня; должно быть, эскадры встретились и завязался бой.

29 июля (11 августа)

С самого утра японцы довольно сильно обстреливали Старый город. Только что собрался выйти из дому, как где-то недалеко разорвался снаряд; мимо окна с мелодичным жужжанием пролетел осколок и упал во двор, где я и нашел его.

После небольшого перерыва стреляли снова, и все больше по городу. [176]

Еще с утра, в начале бомбардировки, получилось известие, что суда нашего флота возвращаются с разных сторон в Артур. Это известие, конечно, встревожило всех. Вскоре стали входить в гавань броненосцы с пробитыми трубами, сбитыми мачтами и пробоинами в бортах. Постепенно суда собрались в гавани, за исключением броненосца «Ретвизана», оставшегося под Золотой горой, у входа в гавань. Нет броненосца «Цесаревича», крейсеров «Аскольда», «Дианы» и «Новика», будто и миноносцы не все. Полагают, что они пошли на Владивосток. Есть слухи, что «Цесаревич» погиб в бою. Точных сведений нет. Был бой у мыса Шандуня, длившийся до ночи, во время которого убит адмирал Витгефт. С «Цесаревича» передали командование адмиралу князю Ухтомскому; «Цесаревич» ушел на юг, а князь Ухтомский отдал приказ пробиваться поодиночке обратно в Артур. Командир «Ретвизана» приказал было своему броненосцу идти таранить японский флагманский броненосец «Микаса» (сильно поврежденный артиллерийским огнем) и устремился к нему полным ходом, другие броненосцы не последовали за ним, и ему пришлось повернуть обратно, чтобы не быть потопленным японцами, так как весь огонь неприятельских судов был на нем сосредоточен. Наступила темная ночь, и воюющие эскадры потеряли друг друга из виду; никто не преследовал сегодня наши возвращающиеся вразброд суда{104}. Из [177] этого можно заключить, что и японские суда пострадали в бою не менее наших; некоторые лица утверждают даже, что при дружной атаке наши суда могли бы нанести японцам поражение и свободно пройти к Владивостоку. Но все это еще трудно проверить.

На защитников крепости возвращение наших судов действовало удручающе.

— Ну, хорошо, — воскликнул один из артиллеристов на боевой линии, — теперь мы, по крайней мере, знаем, что нечего нам ждать помощи от флота! Мы должны рассчитывать только на себя!

Утверждают, что на некоторых наших броненосцах были женщины. Это на судах, идущих в неизбежный бой! [178]

30 июля (12 августа)

Сегодня японцы обстреливали только западную часть гавани, где стоят возвратившиеся суда, попаданий не было, хотя снаряды падали близко. Около водопровода, за мостом, ведущим в Новый город, убило несколько лошадей и ранило приехавшего за водой пожарного и китайца. После обеда японцы перенесли огонь на Новый европейский город. Снаряды попали в госпиталь № 9 и ранили нескольких раненых, падали вблизи госпиталя № 6, но без вреда, в городской сад и в бухту. Повреждено несколько зданий.

Странно, но, по-видимому, японцам сообщают все, что творится в Городе. Вчера перевозили раненых из Пушкинского училища и военной школы, которые стоят прямо под обстрелом, в Новый город; и сегодня японцы бомбардируют уже Новый город и попадают прямо в госпиталь.

3. Начало штурмов

31 июля (13 августа)

С 8 часов 15 минут утра японцы начали обстреливать наши батареи и позиции на левом фланге, западнее Казачьего плаца и самый плац. Комендант крепости генерал Смирнов проехал на обстреливаемый фронт.

Сегодня на нашу долю выпала большая радость. После трех месяцев изолированности от всего мира мы получили письма от родных и близких. Волной прибило к морскому берегу около Голубиной бухты два кожаных мешка с письмами из Чифу в Артур. Джонка, везшая эту почту, вероятно, расстреляна японцами.

Море сжалилось над нами!

Целых 7 писем получил я на одну мою семью. Доставили много радости, но и возбудили много грустных мыслей эти измятые, вымокшие в морской воде клочки бумаги. Высказать этих ощущений нельзя, их надо пережить, надо прочувствовать. Некоторые из этих принесенных волной в осажденную крепость писем пришли слишком поздно. Адресаты их уже сложили свои головушки в бою за свое отечество. А близкие их узнают о том лишь после, когда-то.

Ночью японцы начали штурмовать наши позиции на левом фланге, гору Сиротку и предгорья Угловой. [179]

Сегодня японцы не стреляли по городу, а мы с напряженным вниманием ожидали, что вот-вот начнут бомбардировку.

1/14 августа

С самого утра слышна канонада на левом фланге. Изредка стреляют Золотая гора, Перепелочная батарея и суда из гавани. Идет сильный дождь. На наш левый фланг, как сообщают, наступает целая дивизия японцев. До двух часов дня отбиты две атаки, началась третья.

Один стрелок ординарец будто доложил генералу Смирнову, наблюдавшему за боем:

— Так что, ваше превосходительство, японцев осталось только еще на одну атаку...

Поставленная наскоро мортирная батарея произвела ужасное опустошение среди неприятеля.

Дружинники, которых в последнее время по настоянию коменданта стали увольнять после ночных дежурств в город, чтобы текущие нужды населения и войск удовлетворялись без задержки, сегодня оставлены на позициях ввиду все еще продолжающегося боя.

В первые дни бомбардировок генерал Стессель воспретил всем и каждому бросать на время стрельбы по городу свое дело, в том числе и закрывать магазины{105}. Когда же дружины были на учении, магазины не открывались до обеда; наступила тесная осада, и все

дружинники были призваны на позиции, следовательно, торговля прекратилась и все дела стали. Тогда их стали увольнять с позиции днем, с условием торговать даже во время бомбардировок... Только когда несколько бомб попало в магазины, причинив людям ранения, последовало разрешение на прекращение торговли во время бомбардировок города.

Прошло немного времени. Теперь нам говорят, что во время бомбардировок города незачем «попусту торчать» там, где не нужно. Приказано и городовым оставлять свои посты и укрываться от снарядов, так как уже несколько человек из них ранено осколками. Как-то у нас все не хватает здравого смысла. [180]

Знать, правду говорят, что русский задним умом крепок. Но жаль, что пока только в этом сказался у нас русский дух.

С начала тесной осады полиция принялась за выселение из крепости праздных китайцев, бедных кули. Их сажают в Голубиной бухте на шаланды и отправляют в Чифу. Говорят, что большинство из них едут из Чифу обратно в Дальний искать работу у японцев. Но разве нельзя было привлечь их к работе на укреплениях, где не хватает рабочих рук?

Все еще рассказывают, что в Дальнем у японцев живется весело — в саду играет музыка, понаехало много американок... Пьют шампанское... Идет оживленная торговля и свободное пассажирское движение{106}.

2/15 августа

Вчера японцы заняли предгорья Угловой горы: Сиротку и Трехголовую. С раннего утра идет на левом фланге артиллерийский бой, жестокий бой с небольшими перерывами.

В обед японцы здорово обстреляли город по всем направлениям, хотя существенного вреда не нанесли. В седьмом часу вечера, должно быть озлобленные своими неудачами, пустили они десятка два-три снарядов по порту. В городе убиты два солдата и ранено 11 человек — солдат и матросов.

Наряду с высокими примерами геройства и беззаветной веры в то, что крепость устоит против натиска неприятеля, начинают встречаться и отрицательные явления — малодушное, чтобы не сказать трусливое, хныканье. Так, сегодня забрел ко мне во двор младший унтер-офицер 26-го полка, с Георгиевской ленточкой на груди{107}, разыскивающий бывшего здесь жильца — поляка. Из разговора его видно, что он посещал гимназию — значит, до некоторой степени интеллигент. На мои расспросы, как идут дела там, на позициях (бой шел как раз вблизи расположения 26-го полка), он начал мне говорить, что все [181] это ерунда — крепость нам не удержать, все попадем в плен. Это меня возмущало, но я старался уверить его, что этого быть не должно и что сейчас нет никакой еще надобности опускать руки.

Его малодушие объяснил я себе расстройством нервов, так как сомневаться в храбрости Георгиевского кавалера было невозможно. Потом забрел он вторично, уже изрядно выпивший, во двор и искал, где бы купить водки. Тут уже я понял, что унтер улизнул с позиции и что ленточка, чего доброго, и не его или же досталась ему не по заслугам. Да, это не защитник, это не русский солдат{108}!

В эти дни идет дождь — само небо, кажется, хочет смыть проливаемую целыми потоками кровь.

3/16 августа

День прошел без бомбардировки города, и на позициях тихо.

Сегодня выезжал к деревне Шуйшиен японский парламентар майор Ямоока. Ему навстречу прибыл начальник штаба генерала Стесселя и принял 2 пакета — на имя командующих сухопутными и морскими силами. В пакетах — формальное предложение сдать крепость без боя. Надо думать, что воспользуются случаем и поведут переговоры об уборке раненых и убитых. На Дагушане гниет такая масса японских трупов, что на батарее литеры А нет мочи

от зловония.

Врач Г. уверяет, что, по собранным им сведениям, у японцев за эти дни убитых около 10 тысяч. Какая ужасающая цифра!

Узнаем некоторые подробности о штурмах предгорья Угловых гор.

31-го июля японцы осмотрели местность с воздушного шара.

Первые наступления японцев на левый фланг крепостной обороны начались в ночь на 1 августа и отбиты. Но 1 августа наши передовые цепи начали очищать свои окопы, неприятель налегал сильнее и сильнее. Артиллерийским огнем снесено всякое прикрытие. Тут, как передают, сказались вредные последствия [182] наших постоянных отступлений, начиная от Кинчжоу, неподдержание редееющих частей резервами, находящимися под командой генерала Фока. Какие-то солдаты стали обходить окопы, заявляя, что нужно отступать.

— Что же мы здесь пропадать, что ли, будем? Отступай, ребята!

В других местах сообщали, что приказано отступить, когда никто такого приказа не отдавал.

Когда генерал Кондратенко заметил отступление с гребня Боковой и Трехголовой горы, он приказал полковнику Ирма-ну и подполковнику Иолшину вернуть отступавшие части на свои места, уже занимаемые японцами. Поручение это было исполнено блестяще — окопы взяты обратно штурмом. При этом был ранен подполковник Иолшин.

Потом было приказано нашим частям отступить, и огонь с наших батарей был направлен на эти окопы, чтобы помешать японцам укрепиться в них. Этим маневром был как бы внесен необходимый корректив — поднят дух войск, показано, что и мы можем вышибать японцев из занятых ими позиций; доказано, что при отступлении, разумно организованном, и потери не такие, и противник не получает тех преимуществ, как при самовольном и беспорядочном оставлении позиций.

В госпитале умер генерал-майор Разнатовский; болезнь пошла ускоренно, и смерть избавила его от мучившего страха.

4/17 августа

Ночью изредка стреляли наши суда. Дождь лил как из ведра.

Сегодня наши парламентареры отвезли ответ на японское предложение. При этом японский майор Ямоока вручил нашим офицерам пакет на имя германских морских агентов, которые в последнее время поселились на одной из батарей Тигрового полуострова и живут там в полной безопасности, имея возможность наблюдать за всем происходящим. Там же живет и французский военный агент.

Узнал кое-какие подробности о парламентарских переговорах. Японцы пишут, что, несмотря на проявленную русскими войсками стойкость и храбрость, крепость все же должна пасть. Поэтому командир японской осадной армии предлагает [183] начать переговоры о сдаче, чтобы предотвратить ненужное кровопролитие, как и насилие, грабежи и убийство со стороны японских войск при взятии крепости силой.

При обсуждении письма японского генерала Ноги на военном совете, как сообщают, дело не обошлось без довольно комичных недоразумений. Генерал Стессель не хотел вначале и слышать о каком-либо ответе, принимая предложение японцев за личное для себя оскорбление, так как, дескать, и японцам должен быть известен его приказ, в котором говорится, что крепость не сдастся, пока хотя один защитник будет жив... Генералу Смирнову удалось наконец убедить командующего укрепленным районом, что приличие и старые традиции требуют, чтобы был дан ответ, какого бы он ни был содержания. Затем генерал Смирнов составил ответное письмо — что честь и достоинство России не допускают даже

предварительных переговоров о сдаче крепости. Подписали это письмо генералы Стессель и Смирнов.

Во время обеда японцы обстреляли нас по всем направлениям, но без особого вреда.

Сообщают, что около 6 часов вечера вблизи бухты Лунван-тань взорвалось на mine 2-трубное японское судно.

С позиций пригнали задержанных китайцев, человек 60, которые не признаются местным населением. Должно быть, японский авангард — шпионы.

Ежедневно высылают целые партии китайцев в Чифу.

5/18 августа

Сегодня японцы бомбардировали город с 1 часа 30 минут до 5 часов вечера. Попали в сводный госпиталь, убит фельдшерский ученик и тяжело ранены двое раненых, здание повреждено довольно сильно. Много снарядов попало в магазины и дома, много вокруг «Нового края», точно задались целью уничтожить газету. В пристройку почтовой конторы влетел снаряд и оглушил двух почтальонов. Несмотря на продолжительную бомбардировку, в городе убито всего 2 и ранены 2 человека.

Пока бомбардируют город, пока снаряды ложатся близко — страшно, но как только перестали стрелять, сразу все успокаиваются — как будто ничего и не бывало. Один-два убитых, один-два раненых, но к этому мы уже привыкли. Нервы, [184] по-видимому, начинают притупляться. В начале войны неприятно действовал уже один вид пустого санитарного фургона, его красный крест на белом холсте так и казался кровавым пятном.

Теперь каждый как будто ушел в себя и рад только тому, что «сегодня жив, здоров и — слава Богу!». Вопросы: куда деваться? что делать? и — что будет? — будто исчезли, замялись. Их снесли события дня с очереди обсуждения: что будет, то будет...

Сегодня утром канонерская лодка «Гремящий» наткнулась на рейде на японскую мину и вскоре пошла ко дну, команда спаслась.

С 4 часов дня японские батареи начали пристрелку по нашим укреплениям, по всему фронту, начиная от укрепления № 2 до Угловой горы.

6/19 августа

Сегодня с самого утра на наших батареях — целый ад, японцы бомбардируют наш северо-восточный фронт, сосредоточивая то на одной, то на другой батарее огонь, наши батареи стреляют так же усиленно. Горы покрыты дымом от рвущихся японских снарядов и от выстрелов наших орудий, а над этим черным дымом и пылью рвется на воздухе белыми дымками, будто клочками ваты, шрапнель, осыпая позиции дождем пуль. Гул и рокот сливаются так, что нельзя разобрать, кто и откуда стреляет и где рвутся снаряды. Особенно сильно обстреливается район между фортом III и батареей литеры Б, но и по всему фронту, и на левом фланге идет сильный артиллерийский бой. Изредка обстреливают и порт, когда под Золотой горой загорался склад масла (смазочных средств) и когда японцы увидели густой столб дыма, поднимающийся к небу от пожарища, то усилили по этому направлению свою стрельбу. Огонь удалось локализовать без человеческих жертв.

Под вечер загорелось отделение арсенала, в котором хранились преимущественно китайские патроны и порох. Японцы усилили огонь и по этому пожарищу. К сожалению, есть убитые и раненые из команды, спасавшей боевые запасы из горящего здания. Зарево пожарища действует удручающе, между грохотом орудий и отдельными взрывами слышна трескотня массы взрывающихся китайских патронов. [185]

Японцы повели атаки на Кумирнский и Водопроводный редуты. Сильный артиллерийский огонь по редутам № 1 и № 2 и по Куропаткинскому люнету.

8/21 августа

Все эти дни японцы отчаянно атакуют то ту, то другую позиции. Штурмы снова начались на левом фланге, вчера штурмовали в центре Водопроводный редут, сегодня японцы направили свои силы на фронт от укреплений № 2 до форта III, пока без успеха.

Японцы стали стрелять и по ночам по городу, притом вразброс, — ищут, должно быть, резервов. Совсем выбили город из строя — стеснили движение. С ночи начали обстреливать Перепелочную гору и ее батарею.

4. Первые жертвы и первые подвиги

Уже много у нас и убитых, и раненых, между ними хорошие знакомые — друзья. На правом фланге 7-го числа ужасно обожжен при взрыве порохового погреба на Залитерной{109} батарее и вскоре умер бывший начальник крепостной артиллерии на кинчжоуской позиции штабс-капитан Николай Алексеевич Высоких. Это был прекрасный человек и отличный офицер. Умер он в адских муках, но не испустив ни крика, ни стоны, врачи были в изумлении от такого беспримерного мужества, необычайной силы воли.

6-го числа японцам удалось занять передовые окопы Угловой горы, а 7-го числа они заняли и Угловую гору.

Во время штурмов предгорья Угловых гор, где нашим отрядам приходилось уступать место подавляющему перевесу [186] японских сил, сильно изранен подполковник Лисаевский, под наблюдением которого, по проекту генерала Кондратенко, укреплялись эти предгорья.

По рассказам очевидцев, с редким упорством отстаивал немолодой уже подполковник свои позиции, не отдавал он даром ни пяди земли. Он уже ранен, левая рука, простреленная в двух местах, повисла бессильно, кровь сочится сквозь мундир и капает с пальцев.

В одном месте дрогнули наши цепи, он — к ним.

— Не отступай, ребята! Держись дружнее, целься, не торопясь! Не отдадим же им даром наши позиции! Не уйду от вас — порем вместе!

У него уже ранена и правая рука. Солдаты уговаривают его пойти на перевязочный пункт.

— Не уйду!

И торопится туда, где его присутствие необходимо. Раны перевязываются санитаром наскоро — и он опять распоряжается, как ни в чем не бывало.

Вот — пуля пробилась ему челюсть, кровь хлынула изо рта, солдаты снова уговаривают его отойти, идти на перевязочный пункт. А он берет у санитаря вату, запихивает ее себе в рот и рычит.

— Не уйду! Держись, ребята, дружнее!

Еще нашлась у японца для него пуля. А он все еще продолжает размахивать уже перевязанной правой рукою, командовать, насколько позволяют разбитые челюсть и подбородок. Наконец, истекая кровью, падает он в обморок. Его уносят и передают велосипедистам-санитарам, которые и доставили его в госпиталь.

Дорогой встретил его полковник Третьяков, поцеловал безжизненное бледное лицо, перекрестил его со слезами на глазах и сказал:

— Будет жив!..

Немного позднее ранен там же, на левом фланге, капитан 2 ранга Г.Вл. Циммерман, командовавший батальоном флотского экипажа.

С падением предгорья Передовой, Боковой и Трехголовой (на Сиротке держались еще

некоторое время охотники) на нашей [187] позиции на Угловой, обстреливаемой японцами и фронтовым и фланговым огнем, нельзя было долее держаться, но все же не покидали ее до ночи на 7-е число и отступили только тогда, когда уже не было возможности оставаться на ней, когда все прикрытия были сметены артиллерийским огнем неприятеля, после отступления старались нейтрализовать ее сосредоточенным огнем с наших батарей.

Нечего и говорить о том, что, будь на Угловой бетонные укрытия, эта позиция продержалась бы долго.

У японцев при этом штурме урон был огромный — не менее 75 процентов всех бывших в деле людей. Имея в виду этот урон, генерал Кондратенко хотел перейти там в наступление, но, как передают, генерал Фок, вообще не любивший давать свои резервы, помешал этому, он будто называет Кондратенко «азартным игроком». А успех был весьма вероятен, пока японцы не успели укрепиться на новых позициях.

Наша беда в том, что батареи строятся красивые {110}, но уже при первом сильном дожде они размываются, а при бомбардировках скоро оголяются орудия — орудия подбиваются и люди гибнут зря, не имея надежных прикрытий.

Кроме того, у нас самый порядок артиллерийской борьбы с неприятелем далеко не нормален. Например, не стрелять без разрешения или — не приказано стрелять.

С батареи замечают или передвижения неприятеля, или установку им орудия. Извольте-ка сперва донести по начальству, а пока получишь приказание, неприятель скроется, успеет укрепиться. А потому приходится иногда действовать без распоряжения начальства. Так, на левом фланге штабс-капитан крепостной артиллерии Андреев, капитан полевой артиллерии Цветков и другие подбивали неприятельские орудия, не спрашивая разрешения начальства, если видели, что необходимо стрелять немедленно. [188]

Это спрашивание начальства, часто отсутствующего во время боя, ужасно стесняет личную инициативу сражающихся. На это жаловались повсюду — и на правом фланге, и в центре. К чему эта бессмысленная экономия снарядов, последствия которой совсем не экономичны для гарнизона и укреплений? Ведь если неприятелю позволили подойти близко да еще дали ему беспрепятственно укрепиться, то борьба с ним становится куда труднее, вред, наносимый им, много чувствительнее. А казалось бы, дело артиллерии именно удержать и уничтожить врага вдали, не допуская его подойти безнаказанно к крепости.

В боях на левом фланге отличились, как передают, капитаны Крамаренко и Янцевич, штабс-капитан Софронов, поручики Османов и Иванов, но будут ли они награждены и чем — это другой вопрос.

На батарее литеры Б убит подпоручик Сандецкий и смертельно ранен поручик Коржинский.

На правом фланге японцы сильно наседают на редут № 1, гарнизон держится героически, отчаянно.

Вот батальон моряков под командой капитана 2 ранга А. В. Лебедева отправляется на позиции, по направлению к Орлиному Гнезду. Уже сумерки, но богатырская фигура командира, бодро шагающего впереди отряда, видна издали. Идут на смену частей, измученных непрерывным боем.

Пока все атаки блестяще отбиты, склоны горы покрыты японскими трупами. Еще поддерживается редкий артиллерийский огонь. Видно какое-то зарево, что-то догорает.

10/23 августа

Все эти дни бомбардировки и штурмы почти не прекращались.

Японцы штурмовали фронт от укрепления № 2 до форта III, особенно наступая на редуты, Куропаткинский люнет и открытые капониры.

На Куропаткинский люнет японцы взбирались уже несколько раз, но тотчас же стрелки и крепостные артиллеристы штыками сбрасывали их обратно. Японцы не могут устоять против нашего штыкового удара. Не удалось японцам взять и открытые капониры, они завладели вчера под вечер редутами № 1 и № 2 только благодаря своему сосредоточенному артиллерийскому [189] огню. Редуты были очищены после отчаянного сопротивления.

Второй уже день виднеется поднявшийся над Волчьими горами, против Орлиного Гнезда, японский воздушный шар, продолговатой формы с придатком в роде руля. Говорят, что шар этот — один из взятых японцами 27 января на пароходе «Маньчжурия».

Пытались подстрелить этот шар, но видимого успеха не имели, хотя вскоре шар опустился.

У нас нет правильно организованных наблюдательных пунктов для точного определения падений снарядов и корректирования стрельбы. Единственный снабженный нужными инструментами наблюдательный пункт устроен на Большой горе, на правом фланге, капитаном Виреном и обслуживается моряками. Говорят, что генерал Стессель находит это излишней и ненужной затеей.

Все эти ночи просиживал подолгу на горе, наблюдая за ходом боя, стараясь вывести заключение о бое, насколько это возможно определить по трескотне ружейных выстрелов, по гулу противостурмовых и прочих орудий.

Боевые ракеты то и дело взвиваются змейкой и, рассыпаясь огромным снопом ослепительных звездочек, освещают на несколько секунд темные очертания гор, окаймляющих город, тыл наших позиций. В эти мгновения все точно затихает, чтобы в следующую минуту затрещать с новой силой. Кое-где видны лучи прожекторов, переходящих с места на место. После больших белесоватых вспышек глухо раздаются выстрелы более крупных орудий; если при этом хотя незаметный ветерок, то слышен вой прилетающего японского и удаляющегося нашего снаряда и взрыв его там, в расположении японцев. То изредка, то учащаясь, раздаются потрясающие воздух выстрелы с Электрического утеса, Золотой горы и с наших судов, снаряды пролетают через наши головы с шипением, свистом и воем. Но нас уже не страшат эти зловещие звуки, от которых в начале войны так сжималось сердце, по телу пробегала холодная дрожь, мы приучились различать шум перелета своих снарядов от неприятельских. Наши снаряды не кажутся нам такими ужасными, несущими смерть и разрушения, как неприятельские, [190] мы видим в своих снарядах лишь поддержку нашим храбрецам-защитникам там, впереди. Мы провожаем их голодный рев подчас пожеланиями большого успеха. Война бессердечна.

Сегодня вышли в море, чтобы обстрелять японские позиции с фланга, броненосец «Севастополь», канонерская лодка «Гиляк» и миноносцы, направились они к бухте Тахэ.

Вот некоторые подробности о вчерашнем штурме на правом фланге, на редуты № 1 и 2. После сосредоточенного артиллерийского огня, превратившего редуты в развалины, японцы взяли штурмом редут № 1. Туда были посланы резервы. Матросы под командой капитана 2 ранга Александра Васильевича Лебедева вскочили в редут и перебили японцев, занявших его. Лебедев, по словам очевидцев-матросов и стрелков, скосил своим увесистым палахом много японцев — послужил примером для всех, в левой руке у него был револьвер-наган, из которого он стрелял в сбившихся в кучу японцев, правой же рукой наносил смертельные удары.

— Храбрее этого рубаки мы не видали! — говорили уцелевшие в этом деле.

Но он погиб тут же. Как только японцы заметили, что их солдаты начали убегать назад поодиночке и что редут взят обратно русскими, они открыли снова адский артиллерийский огонь. Наши храбрецы должны были укрываться где кто мог, чтобы не быть уничтоженными массой рвущихся над редутом снарядов.

Лебедев, покончив с японцами, остался еще на момент на редуте.

— Вашбродие, — кричат ему приобретшие в боях уже некоторый опыт нижние чины, — прячьтесь! Сейчас начнет артиллерия!..

Но он не послушался, снял фуражку и вытер платком вспотевший лоб. В это время разорвалась над ним японская шрапнель, несколько шрапнельных пуль пробило череп, и Лебедева не стало.{111} [191]

Редуты переходили в этот день раза четыре из рук в руки, и, наконец, наши отряды очистили их за невозможностью укрываться от японских снарядов, все было превращено в груды камня и обломков — некуда спрятаться. Зато, как бы в отместку, наша артиллерия не перестает громить эти редуты, не давая японцам засесть и укрепиться в них. Туда посылаются с Золотой горы и с броненосцев «чемоданы» — как прозвали у нас 10-, 11- и 12-дюймовые снаряды.

Подобно капитану Лебедеву, геройски погиб в контратаке на Панлуншане полковник князь Иван Ильич Мачабелли, бывший командир 13-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, отрешенный от командования полком совершенно незаслуженно. Безусловно, храбрый офицер, честный, примерный служака — не преклонялся перед трусливыми бездарностями; его оскорбили, опозорили, так как ничто не может быть хуже для офицера, чем отрешение от командования во время войны{112}, — оно означает, что офицер этот никуда не годен, не выдержал боевого испытания. Его убили нравственно сперва свои начальники, потом прикончили японцы. Японцы убили его открыто, в честном бою; наши же — из-за угла, предательски, так как прекрасно сознавали его безвинность. Но им нужно было свалить с себя ответственность за один из своих бессмысленных, даже сумасбродных поступков, за свое распоряжение о таком укреплении Волчьих гор, которое противоречит самым элементарным положениям военной науки, которое противоречит и простому здравому смыслу. Князь Мачабелли не боялся умереть, он доказал это уже в нескольких боях. Теперь же, недостойно опозоренный недостойными людьми, он искал славной смерти и нашел ее. Он бился наряду с солдатами и положил наряду с ними свою голову. Но мы потеряли отличного офицера, отличного командира полка — такого человека, жизнью каких мы должны дорожить. [192]

Вечный мир тебе, герой — пасынок недостойного начальства!

Пусть напрасная смерть героя останется несмываемым пятном на тех, кто его погубил, кто алчно протягивает свои грязные руки за незаслуженным лавровым венком!

Тело князя Мачабелли не могли унести, оно осталось далеко впереди наших окопов, осталось в руках неприятеля, поэтому не могли быть оказаны ему последние почести ни уважавшими его сослуживцами, ни любящими его подчиненными, ни... лицемерная скорбь тех, кто его погубил, убил заживо.

Японцы, несомненно, благоговейно похоронили этого храброго русского полковника.

К сожалению, есть у нас и несколько отрицательных примеров. Капитан Б-ч, как сообщает полковник, раненный в боях, бежал от своей роты, был приведен обратно, но бежал снова. Капитан Л-ль, как подтверждается официально, оставил свою роту под видом болезни{113}...

Если верить злым языкам, «волчья болезнь» появилась то у одного, то у другого; она поражает даже и высших чинов, даже тех, для коих личная храбрость могла быть почти единственным оправданием. Также сообщают, что Угловая гора не была бы еще отдана, если бы две роты (кажется, 1-я и 7-я) 28-го полка не отступили самовольно и этим не заставили остальных отступить.

Прошлой ночью, с 3 часов было приказано одному батальону 14-го полка атаковать редуты № 1 и 2. Редут № 1 занят нашими стрелками, но с наступлением света они выбиты вновь японским артиллерийским огнем. Отряд, посланный в обход редута № 2, заблудился в потемках, и атака на этот редут не состоялась вовсе. Японцы укрепляются в редутах за

горжами{114}, и поэтому нелегко выбивать их оттуда. Говорят, что, не будь этих горж, японцам не удержаться бы в этих редутах, [193] так сказать, у нас под носом; их вышибали бы оттуда не только артиллерийским, но и ружейным огнем, а укрепляться за фронтовым бруствером далеко не так удобно. Досадно, что таким образом неприятель пользуется нашим же укреплением против нас{115}. К чему же строить такие редуты?

11/24 августа

Сегодня с 3 до 4 часов утра японцы бомбардировали город, перебудив всех жителей; люди бегали спросонок по городу, ища спасения. Ночью отбиты три отчаянных штурма на Заредутную батарею и прилегающую местность. Сообщают, что генерал-майор Горбатовский, лично руководивши все эти дни боем на угрожаемом фронте правого фланга (где он постоянно находится), сам повел последние резервы в контратаку. Когда японцы были уже отброшены и нужно было ожидать, что они начнут снова артиллерийский обстрел, солдаты окружили генерала и упростили его отойти в более безопасное место...

Командир батареи подпоручик Кальнин, раненый множеством осколков, доставлен в Красный Крест; его батарея отчаянно боролась все эти дни с неприятельской артиллерией, разбивала шрапнелью колонны пехоты, подбивала орудия; весь израненный, лежа в блиндаже, он продолжал командовать батареей.

В эти дни из артиллеристов штурмуемого фронта — VII сектора — уцелели только прапорщик запаса Азаров и командир Волчьей мортирной батареи штабс-капитан Ручьев; последний благодаря тому, что батарея его неуязвима. Она хорошо установлена за естественным бруствером — недолеты японской артиллерии долбят скалу впереди батареи, перелеты же падают в глубокий овраг за батареей. Там нет линий попадания, зато японцы изошряются и бьют по мортирным дымовым столбам шрапнелью, стараясь хоть перебить прислугу. Но и это не удается им. Жаль, что не так установлены все наши батареи!

В траншее между Кумирнским и Водопроводным редутами сегодня убит подпоручик М.И. Аргюзин. [194]

5. Личные делишки

Какие-то дикие диссонансы — личные дела и недовольство в это время, когда, казалось бы, все помыслы должны бы быть направлены к одной цели — как бы лучше защитить крепость, поддержать общий подъем духа, готовность каждого принести посильную жертву в общем деле, не исключая и жизни своей. Нет — грубый произвол, чуждый всяких патриотических чувств и не признающий ничего, кроме личных счетов, гнетет нас непрестанно, дает себя чувствовать. Во время большой опасности все было тихо, ничего не было слышно — выступил шкурный вопрос, вопрос убийственный для трусливой души. Но прошла гроза благополучно — и вновь зашевелилось в гряди что-то: появились и злоба, и ненависть.

Говорят, история скажет свое правдивое слово. Хорошо, если история будет написана, основываясь на правдивых фактах, не замаскированных всевозможными неправдами, ухищрениями, софизмами. Не понимаю, как можно делать доброе дело посредством дурных поступков! А у нас очень принято оправдывать такие неблагоприятные поступки добрыми намерениями, когда этих добрых намерений не видно. Это какое-то ненормальное, болезненное состояние или возмутительнейший эгоизм. Пусть разберутся в этом историки.

Сейчас получил интересный документ — приказ начальника укрепленного района генерала Стесселя от 10 августа с. г. (дословно):

«№ 519. Масса трупов неприятельских заражают воздух около фортов и редут. Санитарной комиссии под председательством подполковника Вершинина{116} немедленно и не позже утра 12-го числа все убрать и дезинфицировать и подполковнику Вершинину лично убедиться, все ли исполнено и к 8 часам вечера 12-го числа мне об исполнении донести, причем не

допускаю никаких невозможностей, чтобы было исполнено». [195]

Как-то, после столкновений высшей военной власти в лице генерала Стесселя и гражданской в лице подполковника Вершинина из-за интересов мирного городского населения, по городу носились слухи, будто генерал Стессель сказал кому-то про подполковника Вершинина:

— А все-таки я его поставлю под пули!..

На эту фразу, как и на многие подобные ей, никто не обращал внимания.

Но когда наши передовые части отступили с Зеленых и Волчьих гор, а японцы, так сказать, наседали на Дагушань, подполковнику Вершинину как бывшему артиллеристу было сообщено приказание генерала Стесселя тотчас же принять командование батареей на самых передовых позициях... На это подполковник Вершинин спросил штаб района, состоялся ли приказ о сложении с него обязанностей гражданского комиссара и председателя городского совета. Ему ответили, что такого приказа не было.

— В таком случае, — сказал подполковник Вершинин, — я не могу исполнить приказания генерала Стесселя относительно принятия батареи.

— Тогда вы пойдете под суд за неисполнение приказа! — ответил ему и. о. начальника штаба полковник Рейс.

— Если я самовольно оставляю возложенные на меня обязанности, — был окончательный ответ подполковника Вершинина, — то я должен также идти под суд. Поэтому и прошу передать генералу, что пока не состоится приказ об отчислении меня от занимаемых должностей и пока не будет мне указано лицо, которому я должен сдать все, что хранится на моей ответственности, до тех пор я не могу исполнить сообщенного мне приказания.

На следующий день ему сообщили, что за минованием недостатка в офицерах (!) приказание отменяется...

Быстро надвинувшиеся ужасные события — бомбардировки города и гавани, взятие японцами Дагушаня и Сяогушаня и первые штурмы самой крепости — отодвинули этот инцидент на задний план. Притом же мы не знали, верить или не верить этому слуху. Но тут налицо приказ — официальный документ, не подлежащий сомнению... [196]

Около десятка тысяч неприятельских трупов лежит впереди фортов и редутов, вокруг которых идет все еще непрерывная борьба, не дающая возможности убрать эти трупы; редуты в руках японцев. Японцы открывают по появляющимся санитарам убийственный огонь, не дают убирать раненых, не то что трупы.

Как организована у нас военно-санитарная часть, — не знаем, но, видимо, она не может справиться со своей задачей. Городской санитарный надзор{117} должен сделать то, с чем не может справиться военная санитарная часть, потому что генерал Стессель не признает невозможного в том случае, когда дело касается гражданского населения. Это мы видели при очищении Талиенвана и Дальнего...

И подполковник Вершинин должен лично обойти те места, куда генерала Стесселя и его присных, как говорится, и калачом не заманишь...

Для нас, мирных жителей, не совсем безразлично, убьют или не убьют единственного облеченного законной властью гражданского начальника. Перспектива попасть всецело под власть генерала Стесселя не может никого радовать. Он не признает гражданского населения и его какие-то там интересы и права. Гражданское население — это, в глазах генерала Стесселя, какая-то тля, которая может быть вся уничтожена, лишь бы это уничтожение уравнивало путь к бессмертной славе{118} его отныне «исторической личности». Это говорят все, знающие его поближе, и это уже подтверждается фактами.

Гражданское население и гражданские власти делают все, что в их силах, и уборка раненых и

трупов производится именно ими все время, до сей поры. И поди ж...

6. Слава Богу!

11/24 августа

Бой на правом фланге продолжался, казалось, всю ночь. [197]

По собранным сведениям, японцы наступали несколько раз, пытаясь завладеть отдельными укреплениями или же прорваться через нашу линию обороны. Штурмовали весь фронт, но особенно решительно форт II, Орлиную и Заредутную горы, направлялись и на Скалистый кряж. Первый штурм начался около полуночи, а второй — в половине третьего часа, оба блестяще отбиты под руководством генерала Горбатовского. Около Заредутной батареи, за Китайской стеной, по нашу сторону осталось более 2000 японских трупов. Говорят, что японцы чуть-чуть не прорвались в город.

12/25 августа

Ночью была совершена удачная вылазка с Высокой горы (на левом фланге) на Угловую, на которой взорваны те орудия, которые не удалось попортить при отступлении и которые не дает убрать японский артиллерийский огонь.

Сегодня ружейный и артиллерийский огонь хотя поддерживается по всему фронту, но несравненно слабее.

Несмотря на все старания наших батарей нейтрализовать редуты № 1 и 2, японцы засели в них и укрепились.

Штурмы прекратились, японцы дают себе передышку, поддерживая огонь лишь для того, чтобы не допустить контратаки с нашей стороны. И — слава Богу! — отдохнем немного.

Вечером жители, собравшиеся к дешевой городской столовой на ужин, были очевидцами гибели на ближнем рейде миноносца «Властный», наткнувшегося на японскую мину. Миноносец пошел почти моментально ко дну, другой, кажется «Бурный», спешивший спасти погибающих, наткнулся на другую мину, сильно поврежден, но удержался на воде со спасенным экипажем «Властного». Все это произошло так быстро, что зрители не успели опомниться. Мы привыкли к картинам более ужасным, поэтому гибель миноносца не произвела потрясающего впечатления.

13/26 августа

С 6 часов утра японцы бросили в Новый (европейский) город около 20 шестидюймовых или 120-мм снарядов, попадали и в госпитали. Ранены 3 госпитальных служителя, убиты 1 служитель и 1 лошадь.

При бомбардировке Старого города возник по Стрелковой улице пожар, но вскоре потушен жителями, на Цирковой площади [198] пробита снарядом водопроводная труба, долго бурлила оттуда вода, пока удалось исправить трубу.

Сегодня бомбардировка Старого города обошлась без человеческих жертв.

Узнаем дальнейший ход дела по уборке трупов. Несмотря на отсутствие законной почвы у приведенного нами приказа (так как в городе не существовало санитарно-исполнительной комиссии {119}, а лишь обыкновенный санитарный надзор, имеющий точно определенный круг обязанностей и установленный район действия), но признавая уборку трупов нуждой настоятельной, подполковник Вершинин увеличил гражданские отряды для уборки трупов всеми наличными силами, распорядился точно, к кому из оставшихся гражданских чинов должна в случае, если он будет убит на передовых позициях, перейти власть и ответственность, как по гражданскому управлению, так и по делам города, и отправился на передовую линию обороны, чтобы организовать уборку гниющих трупов. Выяснив все на

месте и посоветовавшись со встреченными на боевых позициях комендантом крепости генералом Смирновым и начальником обороны генералом Кондратенко, а также с врачами и представителями военно-санитарного дела на передовых перевязочных пунктах, ему удалось поставить дело так, что если к 12-му числу непосильная задача и не была еще закончена, то все же дело подвинулось настолько вперед, что можно было надеяться, что цель его будет достигнута.

Впереди Водопроводного редута и других передовых позиций, находящихся еще в наших руках, лежали сплошной массой трупы, быстро разлагающиеся и требующие немедленной уборки. Между тем днем немыслимо было производить эту работу.

Первым долгом нужно было позаботиться о прикрытии для санитарных отрядов, о снабжении их пищей и питьем, затем, так как трупы буквально расплзались, а долго копошиться около трупов было нельзя (потому что японцы обстреливали каждого замеченного человека), то была употреблена [199] следующая хитрость: изготовили брезенты, с привязанными к ним веревками, особо придуманные для этой цели кошки (железные крючки), также на веревках и на шестах, набрасывались на трупы, при помощи их труп накатывался на брезент и тогда уже перетаскивался через обстреливаемое место к заготавливаемым в ложбинах могилам. Ночью, если только ни луч прожектора, ни боевые ракеты не освещали данную местность, то работа эта шла успешнее. Исполнивши то, что можно было сделать, подполковник Вершинин вернулся благополучно и донес о сделанном генералу Стесселю, указав как на свидетелей на генералов Смирнова и Кондратенко. Инцидент исчерпан, гражданское ведомство не посрамило себя.

Получаем все больше подробностей о штурмах истекших дней; мало-помалу вырисовывается картина этих ожесточенных боев — массового истребления людей — и факт, что мы в каждом случае опоздали, прозевали, не успели укрепиться или же укреплялись так плохо, как, например, на Волчьих горах, что этим как бы сами нарочно помогали японцам.

Эх, кабы ту массу средств и труда, которая потрачена на бессмысленную «центральную ограду», применили на Волчьих горах, на Дагушане и Сяогушане, то тесная осада крепости была бы отодвинута на несколько месяцев, за нами остались бы сельские продукты всей долины, находящейся теперь в руках японцев. А кроме того, задерживая натиск неприятеля, крепость могла бы окончательно приготовиться к осаде. Убрали бы хоть гаолян, который снова служит японцам прекрасной маскировкой для передвижений и установки полевой артиллерии!

Вся наша несообразительность, недалекость — все приносит пользу японцам. Но при том напыщенном самомнении, какое проявляется у нас чуть не ежедневно, нет места здравому рассудку.

Прошлой ночью снова ожидали отчаянной атаки, но на этот раз японцы оставили нас в покое.

Сейчас на позициях совершенно тихо. Японцы бросили штурмовать, дорого обошлась им попытка завладеть крепостью без правильной осады. [200]

14/27 августа

С 4 часов утра, одновременно с разразившейся грозой с ливнем японцы начали атаку на левый фланг, но были отбиты; на правом фланге наступали лишь разведочные отряды, полагая, что бдительность наших передовых постов ослаблена атакой левого фланга.

Как бы в отместку за эти неудачи японцы бомбардировали свирепо город в течение целого часа. В сводный госпиталь упали два снаряда, которыми ранены два служителя; кроме того, ранены еще 3 человека. Снаряды ложились широко вразброс; повреждено много домов. В китайском городе ранен пулей в шею извозчик.

Но что обиднее всего — это то, что вот уже в продолжение нескольких дней наши 11-

дюймовые снаряды с мортирной батареи Золотой горы стали рваться над городом и падают огромными глыбами, угрожая нашей жизни больше, чем неприятельские. Положение довольно скверное. Не знаешь, куда спрятаться от этих сюрпризов. Несколько таких снарядов упало целиком в район китайского города.

7. В госпиталях

15/28 августа

Посетил раненых офицеров, расспрашивал о ходе боев и штурмов на правом фланге.

За несколько дней до бомбардировки крепости замечали около 11-й версты железной дороги, на восточных отрогах Волчьих гор, при помощи биноклей{120}, оживленные передвижения японцев. Небольшими группами и поодиночке люди перебегали, переносили что-то, перевозили что-то на вагонетках устроенной уже ими узкоколейки. За ночь появились окопы на Волчьих горах и перед ними проволочные заграждения. Но где и когда они устанавливали свои батареи — этого не было заметно. Наши батареи стреляли по перебегающим людям и предполагаемым батареям; около станции 11-й версты произошли даже какие-то взрывы — должно быть, складов пороха, но существенный вред едва ли причинили им эти редкие выстрелы. [201]

Закрадывается даже подозрение — не посылали ли японцы нарочно солдат взад и вперед, чтобы заставить этим нас попусту тратить снаряды, чтобы отвлечь наше внимание от тех мест, где велись серьезные работы? Это возможно при замечательной хитрости азиатов.

Долина между Волчьими горами и крепостью испещрена глубокими, скрытыми от глаз оврагами, в которых ютятся китайские деревни; по этим оврагам идут сравнительно хорошие дороги. Далее — глубокие водомоины со склонов гор, на которых построены наши крепостные верки. Все это облегчает неприятелю подступ к крепости; все это дает ему возможность подходить все ближе и ближе без потери в людях, так как мы не можем при нашем малом гарнизоне держать далеко впереди свои сторожевые цепи и отряды.

Вскоре японцы начали обстреливать город и укрепления одиночными орудиями — как бы пристреливаясь. Как я уже сказал, японцы устанавливают свои орудия преимущественно за естественными прикрытиями, за складками местности{121}. Когда [202] наши батареи начинают обстреливать эти орудия, японцы замолкают — будто орудие сбито. А сбить неприятельское орудие, когда немыслимо в точности определить место его нахождения, более чем трудно. Иногда охотники-наблюдатели сообщали, что неприятельское орудие сбито, но проверить это было невозможно. Так продолжалась эта борьба артиллерии одиночными орудиями до 6 августа и днем и ночью. По ночам местность освещали наши прожектора, хотя и довольно тускло{122}, но все же не давали неприятелю незаметно пододвинуть более значительные массы войск.

5 августа была особенная тишина — в расположении неприятеля не замечали ни передвижений, ни работ. Только в 11 часов дня внезапно разорвалась шрапнель около Куропаткинско-го люнета и вечером около 10 часов 2 шрапнели над Малой Орлиной батареей. Никто не уловил даже места, откуда последовали выстрелы.

Это была пристрелка к тому месту, на которое японцы намеревались направить штурмовые колонны.

6 августа, около 5 часов утра, когда рассеялся туман, вдруг появились белые дымки{123} по обе стороны станции 11-й версты железной дороги, на склонах Волчьих и Зеленых гор — и сразу засвистали, завывали снаряды над нашими батареями, разрывались, попадая в бруствера, в склоны гор, и поднимали огромные облака пыли, кругом зажужжали осколки.

Огонь неприятеля был сразу особенно сосредоточен на Заредутной батарее, на Орлином

Гнезде и Малой Орлиной батарее. В ту же минуту заговорили и наши батареи. Для скромного, [203] незаметного в мирное время труженика — крепостного артиллериста настала страдная пора, ему пришлось первому стать грудью за царя и Отечество.

Но — сразу же сказалась вся непрактичность открытой установки батарей. Морская 6-дюймовая батарея Большого Орлиного Гнезда, имевшая очень низкий бруствер, так как установка морских орудий не позволяет устраивать высокий бруствер, — успела сделать лишь несколько выстрелов, командир ее, мичман Вильгельме, был убит, прислуга переранена и перебита, а орудия выведены из строя. Батарея эта стоила нам массу средств и труда, результаты же получились плачевные.

На Малой Орлиной — 3-орудийной, 42-линейной{124} батарее — находился кроме командира батареи начальник артиллерийского участка полковник Тохателов. Долго боролась эта батарея с невидимым противником, от брустверов ее мало что осталось, орудия оголялись и были скоро повреждены, прислуга таяла, но артиллеристы, насколько было возможно, исправляли свои орудия и починяли бреши в бруствере, чтобы иметь прикрытие, и снова поражали неприятеля своим метким огнем.

Помещения для офицеров и солдат были разбиты и сгорели, тушить было некому и нечем. Сгорело и все бывшее там имущество.

Не могу не отметить здесь следующее. Когда бой уже был в полном разгаре, один из солдат доложил командиру батареи, что генерал зовет его вниз на дорогу. Удивленный командир бежит вниз, задавая себе вопросы, какой бы это мог быть генерал и что ему нужно?

Оказывается, что генерал Горбатовский, начальник боевого фронта, пришел и спрашивает, не нуждается ли батарея в чем-либо...

— Вот уж не ожидал! — восклицает рассказчик. — Прошел пешком более версты под таким адским огнем узнать, не нуждаемся ли в чем, не может ли он нам помочь чем-нибудь! Не [204] помощь важна тут — чем поможешь в таком аду! — а важно то громадное впечатление, которое произвел его приход на солдат, которым такая забота о них генерала, не побоявшегося под непрерывным огнем прийти на батарею — в минуту, когда казалось, что мы обречены на неминуемую гибель и никто этого не знает, никто о нас уже не думает, — была особенно дорога и глубоко тронула их. Они с любовью смотрели на своего генерала, они гордились им.

— Он не выдаст!..

— И одна забота у них — как бы сберечь своего генерала и как бы не показаться в глазах его недостойными этой заботы... О себе и думать позабыли.

— Генерал пошел спокойно дальше вдоль фронта, а мы все почувствовали, что на самом деле мы еще не погибли; мы стали хладнокровнее наблюдать за происходящим вокруг, хладнокровнее работать. Первоначальное, ошеломляющее впечатление отхлынуло.

Комендант крепости генерал Смирнов наблюдал в это время за ходом боя с Большой горы, обстреливаемой шрапнелью.

Лучше других держится Заредутная батарея, полууглубленная и имеющая солидные бруствера и траверсы. Напрасно летают кругом тучи неприятельских снарядов, она упорствует; тяжелые 6-дюймовые орудия не перестают громить неприятельские батареи и деревни, в которых прячутся подошедшие японские войска. Прислуга страдает преимущественно от шрапнели, но на место выбывшего тотчас становится другой и продолжает тяжелую работу.

Волчья 9-дюймовая мортирная батарея продолжает посылать неприятелю почти безнаказанно свои 8-пудовые бомбы, она расположена за скалой, и неприятельский огонь не причиняет ей никакого вреда.

Временами казалось, что японские батареи принуждены замолкнуть. Но сейчас же на новых местах появляются новые батареи и начинают работать с новой силой. Особенно хорошо пристрелялась их полевая артиллерия, расположенная впереди Волчьих гор, в гаоляне. Своими мелкими снарядами из скорострельных орудий, особенно шрапнелью, засыпает она наши позиции, выводит из строя много людей. Орудия у них расставлены [205] поодиночке, в растянутую линию, к тому же их не видно, а потому подбить их очень трудно.

Наравне с помянутыми батареями, можно сказать, забрасывались убийственным неприятельским огнем все расположенные ниже батареи, редуты, капониры, форт II и Куропат-кинский люнет, все они боролись с неприятелем по мере сил своих. Порой казалось, что наши орудия принуждены замолчать — некому продолжать стрельбу... Но снова вспыхивал дымок, другой — снова загрохотали орудия, как бы остервеневшие от упорной борьбы. Артиллерийский бой продолжался до вечера и умолкал постепенно; зловещим заревом догорали зажженные японскими снарядами деревянные помещения на батареях и каменное здание штаба 25-го полка на склоне Зали-терной горы в городской стороне. За ночь наскоро исправили те орудия, которые могли еще действовать, пополнили убыль в людях, заменили убитых и раненых офицеров.

7 августа японцы громили особенно сильно форт II и Куропаткинский люнет, готовясь к штурму.

8 ночь на 8 августа начали наступать штурмовые колонны; теперь заговорили наши противоштурмовые, мелкие орудия, сметая своей картечью одну за другой надвигающиеся колонны пехоты. Неприятельский артиллерийский огонь не прекращался.

На Куропаткинском люнете японцы побывали несколько раз, но едва они успевали расставить свои флаги-значки и принимались расстреливать уцелевших от артиллерийского огня защитников люнета, как их уже сбрасывали оттуда в овраг штыками и огнем с соседних батарей. Уцелевшие горсточки людей бросаются бегом обратно, но их встречает своя, японская шрапнель. Японский солдат должен идти только вперед — для него отступления нет!..

Вот подоспевает следующая, сильно поредевшая от нашего противоштурмового огня колонна, еще и еще — и снова взбираются японцы на бруствера люнета. Но и они опрокинуты, отступают. Уцелевших расстреливают наши стрелки, ближайшие батареи и собственная японская шрапнель.

Правда, у нас выбыло за эти дни много народу убитыми и ранеными, но японцам стоили эти штурмы убитыми и ранеными [206] более 10 тысяч (говорят, до 15 тыс.) человек. Здесь им не удалось завладеть ничем, кроме редутов, но они засели и укрепились в ближайших к крепости лощинах, в мертвых пространствах, овладели долиной и могли начать саперные осадные работы против отдельных укреплений.

После этого на позициях наступило сравнительное затишье, изредка нарушаемое отдельными орудийными выстрелами, треском ружейного огня и татаканьем пулеметов то с одной, то с другой стороны. Давно ли я был на батареях, кругом все зеленело, всюду слышались громкие, бодрые голоса, улыбались молодые, румяные лица солдат и офицеров, а теперь...

Теперь ходишь по госпиталям навещать этих же молодых людей, но уже изувеченных, изможденных, с трудом узнаешь в этих страдальцах весельчаков-артиллеристов и стрелков и удивляешься, откуда их так много набралось. А многих уж совсем не стало, вместо них на склоне Перепелочной горы виднеются лишь кучки свежевырытой земли. Мир праху их, так рано и так безвременно оторванных от близких и родных, так рано вычеркнутых из книги жизни!

В госпиталях кипит работа — работа, направленная к спасению погибающих — и для

чего? — для того, чтобы снова их послать на убой. Такова война во всей ее ужасающей наготе. Между не знающим покоя ни днем, ни ночью персоналом госпиталей видишь на каждом шагу добровольных сестер и братьев милосердия, всякий, кто только мог, спешил помочь в этом трудном деле — переносить, переворачивать тяжелобольных, кормить голодных, поить томимых жаждой безруких, утешать безутешных, искалеченных на всю жизнь и борющихся со смертью. Ранеными наполнены все госпитали, лежат они и на полу, и в коридорах, лежат в палатках, на дворе. Повсюду видны костыли.

Но редко где раздастся стон, как бы нечаянно вырвавшийся из раздавленной груди. Вот глухо бредит тяжелораненый солдат, в другой палате тяжело израненный офицер выкрикивает в бреду отрывистые фразы — продолжает командовать, ободрять свой отряд. Там, дальше, бледный, с лихорадочным блеском в глазах солдат, задыхаясь, шепчет сестре милосердия что-то, что вызывает слезы на ее глазах, это последняя мольба [207] умирающего написать домой письмо жене, детям, старухе матери. А вот лежит тихо, без движения молодой артиллерист, раненный пулей в голову, и лежит он так уже несколько дней. Придет ли он в себя или уйдет в вечность, не сознавая этого перехода, не раскрыв глаз, никто сказать не может, как не может сказать, вернется ли к нему рассудок, когда он очнется. В каждой палате видишь лишь картины страдания, людей изувеченных. Тяжело смотреть на все это.

Сегодня японцы с 4 часов 55 минут дня до сумерек бомбардировали Старый город, наделали порядочно бед.

По Стрелковой улице загорелся от снаряда заколоченный китайский магазин, при тушении пожара убит полицейский надзиратель С., ранен городской и пожарная лошадь по Саперной улице, ранен в помещении полицейской команды 1 городской. На Солдатской пробита стена помещения полицейской команды, в Красном Кресте убит 1 китаец и тяжело ранен другой, там же ранены 3 лошади, в портовых мастерских ранен 1 мастеровой, в ограде, там же убит 1 матрос, против квартиры строителя порта ранен 1 матрос, повреждено много зданий: дом инженера Олдаковского, по Стрелковой несколько магазинов, по Саперной дом Шафанжона, по Торговой улице 2 фанзы, по Солдатской 1 фанза, в павильон фотографа Линдпайнтнера (австрийца) попали 2 снаряда, обратив все в развалины, у старого Квантунского флотского экипажа упало 4 снаряда, повреждено 1 здание.

Задержан китаец-сигнальщик, назвавший себя Хоу-кио-цзай.

8. Домашние вопросы

16/29 августа

Все эти дни на позициях производилась довольно редкая артиллерийская стрельба по обнаруженному неприятелю, его батареям и земляным работам. По ночам наши охотничьи команды пробираются для разведок через передовые цепи японцев: где вышибут их из овражка, где начнут внезапно стрелять залпами по сторожевым отрядам, а когда японцы опомнятся и начинают беспорядочную стрельбу, тогда наши смельчаки [208] уходят обратно к себе, унося с собой разные трофеи — оружие, саперные инструменты и тому подобное; бывают, конечно, и неудачи.

Неоднократно случалось, что врасплох застигнутые японские часовые бросали ружья и спасались бегством. Из этого приходится убеждаться, что и широко восхваляемой храбрости японцев, их презрению к смерти также есть границы. Люди как люди с присущими им слабостями. Скажу больше — до сих пор не было слышно, чтобы русский часовой бросил свое ружье и спасался бегством; были случаи бегства с передовой цепи нескольких евреев — сдачи их в плен, были случаи, когда трусливые отступали назад из передовой цепи, но они приносили с собой свои ружья.

И много можно засвидетельствовать фактов, где японские атакующие отряды удерживались

от отступления и панического бегства лишь своей шрапнелью; факты эти доказывают, что ни патриотизм, ни своеобразные взгляды на жизнь и смерть не могут совершенно уничтожить в нас врожденного страха смерти — непреодолимого желания спасти свою жизнь, когда она в высшей опасности, не могут придать человеку сверхъестественную храбрость. Что же касается японских офицеров, мне не приходилось слышать о бегстве их с боевой линии, обыкновенно они идут впереди своего отряда, несмотря на самый убийственный огонь, и если живыми дойдут до бруствера, то вскакивают первыми на него и, конечно, первыми же и гибнут.

Эти неоценимые боевые качества японских офицеров объясняются их серьезным военным воспитанием, а главное — вполне сознательным чувством долга, горячей любовью к своей родине и гордым, рыцарским (самурайским) самолюбием. Их лозунг — лучше погибнуть со славой, чем спастись с позором. Они сознают, что если каждый из них будет храбро умирать за величие своей родины, то величие это, рано или поздно, но будет достигнуто.

К сожалению, у нас нет такого сильного патриотизма, заставляющего забывать все, кроме блага родины, нет так сильно развитого чувства долга и самолюбия, если эти чувства проявляются и у нас, то далеко не в такой степени. Эти чувства зачали [209] у нас вообще {125}. Тот, кто не любит своей родины и не знает чувства долга — плохой гражданин, но офицер без этих чувств совсем непригоден к своей службе, не должен быть терпим на службе, как плохой пример для воспитываемых им солдат. Но никто не скажет, чтобы наш русский солдат не умел стойко, спокойно умирать за царя и Отечество потому, что он неграмотен, что он человек темный {126}. В нем сохранился инстинкт долга.

Сегодня с 5 часов пополудни японцы вдруг открыли сильный артиллерийский огонь по фронту от укрепления № 3 до батареи литеры Б; казалось, что готовится новый штурм, особенно сильно обстреливалась 120-миллиметровыми бомбами Малая Орлиная батарея.

Кстати, нужно заметить, что фальшивая батарея (глиняные трубы, из которых появлялись вспышки дымного пороха), устроенная между Орлиным Гнездом и Малой Орлиной батареей, сослужила свою службу. Во время усиленной бомбардировки крепости японцы изошрялись потушить и эту батарею, направляя на нее нередко массовый огонь, не причинив, однако, бравому канониру, сидящему под скалой и производящему эти невинные вспышки, никакого вреда; подступы к этой «батарее», а также находящейся за нею овраг были буквально вспаханы японскими снарядами. [210]

Бомбардировали город с половины второго дня, в продолжение полутора часов, и натворили немало бед. Около блиндажа Мариинской общины Красного Креста убит солдат, у арсенала переранено 6 человек, в арестный дом попало несколько снарядов, убито несколько китайцев, переранено 8 русских, 2 китайца и 2 японца, снаряды попали в канцелярию и в слесарню сводного госпиталя, падали по всем улицам.

В 9 часов 45 минут начали бомбардировать город вторично и продолжали до полуночи. Повреждены здания Морского лазарета, много зданий по Китайской, Штабной, Стрелковой и Бульварной улицам, к счастью, дело обошлось без человеческих жертв. Днем опять упал снаряд с Золотой горы в Новый (китайский) город, на площади около народного суда.

Привожу изданный сегодня приказ генерала Стесселя:

«№ 545. 10-го числа в газете «Новый край» было написано, что осколок снаряда упал близ генерала Кондратенко, который проходил вблизи барачков, но не было написано главного, что осколок-то этот от собственного нашего снаряда {127}. Поранение такого деятеля, как генерал Кондратенко, повело бы за собой неисчислимые последствия, о которых я и говорить не хочу {128}, но только предлагаю генералу Белому принять меры, дабы разрывы собственных снарядов уменьшались, так как и он сам видел этот разрыв, идя вместе с генералом Кондратенко».

Не менее интересны и следующие приказы генерала Стесселя:

«№ 526 (12 августа). Многие геройские части в передовых линиях по 7 и даже более дней. Не хвалить вас, а преклоняться надо, молча, без жалоб вы несете Царскую службу. Мало, но есть все-таки и такие, которые по третьему дню начинают выказывать и даже высказывать признаки переутомления, помните, что только полное напряжение нравственных и физических [211] сил каждого защитника, от генерала до рядового, спасет крепость, и не заикайтесь более ни о каких утомлениях и переутомлениях, а работайте, пока не ляжете костьми».

«№ 536 (14 августа, экстренно). Не исполняют приказ мой о том, чтобы давали людям отдых и достаточно сна, что же вы думаете, что можно не спать и не ошалеть, я ведь требую это для пользы дела.

Да и напиханность в окопах людей надо уменьшить».

Прошлой ночью смертельно ранен подпоручик М.П. Лебедев. На Восточном фронте взорван нашим снарядом японский пороховой погреб.

9. Новый фазис внутренней жизни

8/31 августа

Недели две тому назад разнесся у нас слух о рождении наследника Российского престола, слух этот сообщали китайцы {129}. Ему не особенно-то поверили. Но вот сегодня в газете «Новый край» объявлено, что комендантом крепости генерал-лейтенантом Смирновым получена депеша от командующего Маньчжурской армией, подтверждающая этот слух.

Из Северной армии прибыли корнет Христофоров и прапорщик князь Радзивилл и привезли официальную почту.

Прибывшие офицеры ничего не знают о большом сражении под Аншаньжаном, о котором у нас на днях прошли слухи, причем сообщалось, что победа осталась на стороне наших войск. Такие слухи о боях и победах Северной армии распространялись у нас уже не раз — мы верим, хотим верить, что армия генерала Куропаткина будет всегда победительницей.

Получены еще и другие депеша. Генерал Стессель пожалован, по случаю рождения наследника, генерал-адъютантом, а командир 26-го полка полковник Семенов — флигель-адъютантом. Всеобщее удивление. [212]

Ужасно неприятны эти разрывающиеся или падающие целиком с Золотой горы наши собственные снаряды. Говорят, что снаряды отлиты из плохого, раковинистого, пористого чугуна и поэтому не выдерживают сильного давления заряда. Падение их целиком в районе города объясняют меньшим зарядом, употребляемым с тем расчетом, чтобы снаряды не разрывались над городом. Следовательно, при большом заряде они рвутся над городом, а при меньшем не достигают до неприятеля. И так худо, и этак плохо. Но если они падают в город, то они должны падать также и на наши позиции, поражать там наших же солдат. И это, говорят, бывает. Кто же после этого еще может сомневаться в героизме артурского гарнизона?

Сегодня, как сообщают, командир Саперной батареи (на левом фланге) капитан Вельяминов удачной стрельбой, совместно с береговыми батареями (?), подбил 3 неприятельских орудия и разрушил 2 блиндажа.

19 августа (1 сентября)

Вчера японцы не бомбардировали город, зато они выпустили по местности около чумных бараков до 80 снарядов, ранили женщину и повредили лесопильные заводы и склады товаров.

Сегодня празднуем день рождения наследника цесаревича. Был парад, на котором говорились

подобавшие речи. Сообщают, что генерал Фок произнес очень лестную речь по адресу генерала Стесселя, а последний благодарил первого.

Генерал Фок сказал, что государь император оказал большую честь и милость артурскому гарнизону, назначив начальника укрепленного района генерал-лейтенанта Стесселя своим генерал-адъютантом, то есть особой, приближенной к государю императору, через которого обыкновенно государь император передает свою волю не только войскам, но и всему русскому народу, и что милости этой войска удостоились не только благодаря своей геройской, славной службе, но и благодаря личным качествам самого генерал-адъютанта Стесселя.

Поневоле вспомнились слова дедушки Крылова:

«Кукушка хвалит петуха

За то, что хвалит он кукушку...» [213]

Вчера вечером на северном небосклоне была зарница. Всем хотелось видеть в этом наступление войск Куропаткина на Кинчжоу...

Японцы пытались штурмовать Длинную гору (на левом фланге), но были отбиты.

С 8 часов вечера до 11 редкая бомбардировка по городу, до этого японцы пустили в Китайский город 22 снаряда.

Задержан китаец-сигнальщик Кин-мау-лин.

21 августа (3 сентября)

С 4 часов утра была бомбардировка Нового европейского города, убиты 2 городских, ранен 1 городской и 1 солдат.

Сообщают, что сегодня, около 10 часов утра, неприятельский миноносец милях в 14 от берега на юго-восток наскочил на мину и пошел ко дну.

Слухи о движении отряда Маньчжурской армии к нам на выручку продолжают циркулировать и расти.

Получены сведения о том, что «Новик» выбросился у Сахалина на берег, «Диана» ушла в Сайгон, «Аскольд» в Шанхай, а «Цесаревич» чинится в Цзинтау. Уверяют, что будто германский император приказал не задерживать «Цесаревича», как только он будет починен, не препятствовать его выходу в море.

Как нелепы бы ни были все эти слухи и предположения, все же они служат нам утешением. И не верится, и хотелось бы верить, что все идет к лучшему.

За прошлые сутки японцы выпустили по городу около 150 снарядов, кроме того, по Китайскому городу 21 снаряд. Всего убито 3 солдата и 3 китайца, ранен 1 городской (тяжело), 2 жителя-европейца, 2 китайца и 1 китаянка.

На горе задержан китаец сигнальщик Лян-ю-ли.

Во время бомбардировки Старого города, после обеда, убит 1 портовой мастеровой и 1 ранен.

Сообщают, что в 3 часа 45 минут дня за бухтой Тахэ под правым бортом японского крейсера «Ицукусима» взорвалась мина, крейсер накренился, и на нем возник пожар. Но пожар потушили и выпрямили крен, должно быть, накачиванием воды в другое отделение, после того крейсер ушел медленным ходом к Дальнему. [214]

Сообщают, что неприятель начал осадные работы — заложил первую параллель и пошел тихой сапой прежде всего на форт II и на Кумиринский и Водопроводный редуты.

Мне передают, что японцы хотели на нашем левом фланге проделать тот же маневр, который им удался во время войны с китайцами, — завладев Панлуншанем и ложиной впереди форта

IV, атаковать этот форт со всех сторон, а главное, установив там свои орудия, поражать укрепления правого фланга, Курганную батарею, укрепление № 3 и форт III во фланг. Во время штурмов предгорья Угловых гор японцам удалось захватить часть окопа на Панлуншане и укрепиться в нем, во время самых жестоких августовских штурмов им удалось захватить и люнет на Панлуншане. Будто был момент, когда генерал Кондратенко (которого генерал Фок называет азартным игроком, не жалеющим людей) не решился на контратаку. Узнав об этом, комендант крепости приказал полковнику Семенову послать роту, занимавшую Панлуншань, и, кроме того, из резерва батальон 13-го полка чтобы взяли люнет обратно во что бы то ни стало. Полковник князь Мачабелли повел атаку, взял люнет и погиб там, но там немыслимо было удержаться. Все же наши укрепились заново невдалеке и держатся стойко{130}.

Узнав про атаку, генерал Фок будто назвал коменданта живодером и жалел князя Мачабелли, которого сам жестоко обидел.

23 августа

(5 сентября). Ночью редким огнем бомбардировали Новый европейский город. Ранены 1 врач, 4 госпитальных служителя и 5 раненых солдат, на этот раз ранения все легкие. Снаряды попадали в госпиталь № 6 (дом Егерева), в отделение госпиталя № 6 (дом Мацкевича), в офицерский барак 11-го полка, в госпиталь № 9 (дом Никобадзе).

Старый город вчера вовсе не бомбардировали.

В Красном Кресте познакомился с капитаном 16-го полка С.З. Верховским, израненным еще при защите Дагушаня, у него повреждены обе челюсти и язык, объясняется он при помощи карандаша и бумаги. [215]

В той же палате лежит штабс-капитан артиллерии Н.В. Волков с тремя пулевыми ранами — пробито плечо, рука и шрапнельной пулей ступня, он ранен на батарее литера Б при отбитии штурма 8 августа. Командир Заредутной батареи подпоручик Э.А. Кальнин, израненный множеством осколков, уже почти оправился. Молодость, здоровые соки залечивают скоро раны.

Рассказывают про большие интриги в штабах. Генерал Фок будто фактически устранен от дел, после того как он задерживал требуемые резервы во время отчаянных японских штурмов, комендант стал распоряжаться резервами помимо его. Фок ненавидит генерала Смирнова всей душой, в этом они вполне сошлись с генералом Стесселем; они оба ненавидят его за то, что он образованнее их. Генерал Фок будто высказывался не раз с нескрываемым презрением: «Ну что такое генерал Смирнов? В то время как он был ничтожным капитаном Генерального штаба, я был уже известным майором!.. А теперь он мой начальник».

Генерала Кондратенко он будто побаивается, получив от него резкий отпор; зато он будто старается подчинить его своему влиянию добром и восстановить его против коменданта.

Генерал Никитин — друг Стесселя и будто поэтому остался здесь, не поехал в Северную армию, хотя ему здесь нечего делать. Вся крепостная артиллерия подчинена генералу Белому, и полевой артиллерии приходится действовать совместно с ней; притом ею командуют ее дивизионные начальники. Он, говорят, не трус — был во время штурмов вместе с генералом Смирновым на Скалистом кряже, когда тот давал диспозицию резервов генералу Горбатовскому среди адского артиллерийского огня. Говорят, более сдержан, но все же сторонник Стесселя и Фока. Генерал Смирнов обставлен людьми, которые обо всем доносят генералу Стесселю... Генерал Горбатовский тоже не в фаворе. О нем будто говорит генерал Фок, что это молодой генерал, желающий отличиться, выслужиться... Интересно бы знать, почему же сам Фок не желает отличиться?

24 августа (6 сентября)

Город не бомбардировали. В Китайском городе сыпались, по обыкновению, ружейные пули,

не причиняя вреда. [216]

В 3 часа дня японцы обстреливали Большую гору (наблюдательный пункт на правом фланге) шрапнелью; и шрапнельные пули сыпались в это время по Китайскому городу.

Наш китаец-бой{131} вернулся оттуда перепуганный.

— Шибекто худо есть, капэтан, — рассказывал он, показывая, как кругом шлепаются пули, — дзинь-дзинь... чжук-чжук!.. Меного, меного ипэн пули... Тун-тун люди ломайла... и помирай есть!

По проверке оказалось, что ничего не «ломайла» и «помирай» сегодня совсем не было.

Первые приказы генерала Стесселя за подписью «генерал-адъютант».

«№ 552 (18 августа). В ночь с 16-го на 17-е августа снова была произведена вылазка и атака редута № 2 охотниками и моряками. Охотники ворвались в траншеи, но моряки не исполнили всего того, что на них возлагалось, а потому атака вышла в общем неудачной, да и даром потери. Предписываю на будущее время, без моего на всякий раз личного разрешения, подобные атаки не повторять. Полагаю, что подобные вылазки наилучше объединять под командой, например, такого лица, как начальник штаба крепости{132} — как отлично знающего местность».

«№ 553 (18 августа). Замечено, что на Дагушане у японцев идут усиленные работы, видны новые окопы и батареи, везде проволоки. Их миноносцы и прочие суда все время тратят мины в бухтах Тахэ и Лунвантаня; сопоставляя эти наблюдения с полученными сведениями о том, что японцы 20,21 или 22-го хотят броситься снова в атаку с сухопутья и с моря, я смею полагать, что они, поставив у Лунвантаня суда, откроют огонь главное по батарее № 22 и по местности самого правого фланга, обстреливая одновременно со всех батарей вновь поставленных, в том числе и на Дагушане, и поведут атаки на те же примерно места, а если будет им страшно идти по трупам своих и дабы избежать плохого впечатления на войска, они могут избрать [217] литеру А и открытый капонир № 1 и прилегающие и одновременно Высокую{133}. Я прошу начальников всех степеней не забыть опыт предшествующих штурмов, прошу зря не напихивать по траншеям, всемерно сберегать резервы.

Генерал-майору Костенко и полиции организовать вынос раненых, не позволять носить их помимо передовых перевязочных пунктов прямо в госпитали, повторяю, что люди из строя могут донести раненого только до передового перевязочного пункта, откуда носильщики несут в госпитали.

Инспектору госпиталей указать, с каких перевязочных пунктов в какие госпитали нести. Чтобы была везде база. Давать людям более отдыха».

«№ 563 (20 августа). Против трупного запаха нужно настричь пакли, макать ее в скипидаре, разбавленном водой, и вкладывать в ноздри».

Передают как слух, будто комендант не верит в выручку нас армией генерала Куропаткина, единственная будто наша надежда — на помощь Балтийского флота, который, говорят, уже вышел сюда. Полагают, что сидеть в осаде, если останемся живы, будем еще по крайней мере месяц.

Осведомленные в местных делах круги сокрушаются о неудачном, несвоевременном производстве генерала Стесселя — последствии полного неведения в России о том, что у нас творилось и творится. В этом назначении не предвидят ничего доброго, лишь новые путаницы, вмешательство во все и вся, новые акты произвола без оглядки.

Все это нетрудно объяснить тем, что обо всем, что творится на отрезанном от всего мира Квантуне, доносит по начальству только один генерал Стессель. Если он здесь, в своих приказах благодарил генерала Фока за «геройскую защиту кинчжоуских позиций», то Бог весть что он не сообщал по начальству, какие подвиги не совершены по этим сведениям

здесь — подвиги, о которых мы не имеем никакого понятия {134}. [218]

26 августа

(5 сентября). Вчера после обеда японцы вновь начали стрелять по городу. После нескольких дней тишины это так сильно подействовало на жителей, что даже после стрельбы улицы еще долго были пустынные, редко где увидишь человека. Сегодня перед обедом снова обстреливали город и порт, но обычное движение по улицам не прекращалось. Выстрелы вошли снова в привычку.

Пронесся слух, который очень радует, но не знаешь, верить ли ему, будто командиром эскадры назначен капитан Вирен.

27 августа (9 сентября)

Все мы знаем, что при отсутствии в России свободы печати газеты, подрывающие основы государственных устоев, оскорбляющие высочайшие особы и имеющие вообще вредное направление, закрываются на время или навсегда, но чтобы вполне благонадежная газета, а тем более выходящая под двойной цензурой закрывалась за то, что в ней не пишут удобное кому-либо — этому мы имеем сейчас первый пример.

Вчера издание газеты «Новый край» прекращено генералом Стесселем на один месяц. Вот дословный его приказ:

«№ 579 (26 августа). Ввиду того что, несмотря на неоднократные указания, в газете «Новый край» продолжают печатать не подлежащие оглашению сведения о расположении [219] и действиях наших войск, издание газеты прекращено на один месяц».

29 августа (11 сентября)

Вечером узнал, что редактор ездил к генералу Стесселю и просил об отмене приказа — и, конечно, без успеха.

Говорят, что под преследованием газеты следует видеть преследование коменданта и его начальника штаба. Но едва ли не получится от них такой же отпор, да еще подкрепленный статьями военных законов, против которых ничего не поделает даже и генерал Стессель. Дело в том, что с началом осады в газете начали отмечать деятельность генерала Смирнова, его ежедневные поездки к боевому фронту и личные его распоряжения, в то время как о деятельности генерала Стесселя (о поездках его в такие места, где ему не грозила никакая опасность и не было нужды в каких-либо распоряжениях, да он и не распоряжался) газета молчала.

Вчера совершена была панихида по павшим в морском бою 28 июля на «Цесаревиче» — контр-адмирале Витгефте и по всем убитым вместе с ним. Получена официальная депеша о том, что контр-адмирал князь Ухтомский отставлен от командования эскадрой и откомандировывается в распоряжение наместника.

Он, вероятно, заболел, так как переехал на жительство на госпитальное судно «Ангара», но, говорят, не желает ехать к наместнику.

Командующим остатками эскадры назначен командир крейсера «Баян» капитан 1 ранга Вирен — человек очень энергичный, требовательный по службе и несомненно храбрый.

Большинство тех, с кем пришлось говорить об этом назначении, радуются этому назначению, высказывают убеждение, что, будь капитан Вирен назначен командующим порт-артурской эскадрой тотчас после гибели адмирала Макарова, он поддержал бы во флоте дух незаменимого адмирала. Теперь же большой вопрос, удастся ли исправить поврежденные в последнем бою суда, когда ежедневно получают все новые и новые повреждения и когда каждая неприятельская бомбардировка с суши имеет главной целью уничтожение оставшихся судов? [220]

10. Приятные слухи

30 августа (12 сентября)

Носятся слухи, что наши батареи стреляют по отступающему неприятелю, будто ближайшие окопы и какие-то две горки очищены японцами.

С каким удовольствием верим мы этим слухам!.. Многие мечтают вслух о том, что, наверно, и блокада с моря будет снята и заживем мы снова припеваючи... Видно, на севере (т. е. в Маньчжурии) дела японцев плохи...

Но здравый смысл — внутренний голос — настойчиво подсказывает, что японцы если и отошли в одном месте, то несомненно готовятся нанести нам новый удар в другом.

Ночью японцы подвели или подогнали к рейду какую-то горевшую джонку, загорелась ли она от наших снарядов или подожжена она японцами — трудно сказать. Джонка эта везла, пожалуй, почту для Артура, японцы догнали ее и подожгли; также, быть может, она у нас искала спасения от преследования японцев, но невозможно было пустить ночью в гавань неизвестную никому джонку, когда мы знали, что японцы уже ухитрялись всякими способами подбираться к нам.

Положение судна, идущего к нам, но о приходе которого нам заранее ничего неизвестно, положительно ужасно: ему приходится, с одной стороны, спастись от преследования японцев, а с другой — спастись от наших батарей, видящих в нем врага, желающего незаметно пробраться в гавань. Это в высшей степени опасное положение не раз, вероятно, останавливало самых храбрых, самых предприимчивых китайцев в их желании попытаться доставить нам извне сведения либо же необходимые нам перевязочные средства и съестные припасы. При этом едва ли удачная доставка их оплачивалась нами настолько щедро, чтобы этот заработок мог служить приманкой и поощрить раз побывавшего здесь к дальнейшим рискованным попыткам прорывать блокаду.

Слухи, так сказать, крупного калибра — будто Франция объявила войну Японии; Германия будто прервала дипломатические сношения с Американскими Штатами; послы этих [221] государств уже оставили свои посты, а Англия будто весьма предупредительно сообщила России, что она потребовала уже от Японии немедленного возврата миноносца «Решительный», захваченного в Чифу вопреки международным законам, с поправлением со стороны японцев нейтралитета Китая...

Слухи эти ставятся в связь с укрытием крейсера «Диана» в Сайгоне и «Цесаревича» с миноносцами в Цзинтау. Ввиду того что японцы увели силой из порта Чифу наш уже разоруженный миноносец «Решительный» и имели дерзость подходить к Цзинтау для наблюдения за разоружением «Цесаревича», германский император будто распорядился предоставить «Цесаревичу», как только он будет исправлен, свободу действий, т. е. возможность присоединиться к Балтийской эскадре, идущей на выручку к нам...

Эти слухи здорово взбудоражили нас.

К ним прибавились еще новые, уверяющие чуть ли не в сотый раз о том, будто отряд Мадритова находится около Вафандяна, передовые отряды генерала Мищенко около Вафангоу и даже Бицзыво, а генерал Куропаткин перешел в наступление и двигается на юг...

И хотя бы раз слухи эти оказались верными! Наше положение надоело нам уже донельзя, хотелось бы как можно скорее вернуться к нормальной жизни. Поэтому охотно веришь всему, даже невероятному. Разобраться же в том, что правда, что фантазия, более чем трудно, так как каких-либо достоверных сведений мы не имеем.

Последние слухи, видимо, базируются на том, что по вечерам виднеется, особенно на севере, зарница, иногда точно орудийные вспышки, порой слышен отдаленный глухой рокот — не то гром, не то пальба. Солдаты с позиций уверяют, что когда приложишь ухо к земле, то

слышно, как земля дрожит от пушечных выстрелов — быть может, то Куропаткин бомбардирует Кинчжоу осадными орудиями...

Кто-то сообщил, будто капитан Вирен имел уже недоразумения с адмиралами Лощинским и Григоровичем на служебной почве.

Говорят, что из штаба Стесселя пущен слух, что прибыли две джонки со снарядами и патронами и ожидаются еще... [222]

К чему прибегать к таким сомнительным средствам? Разве ими можно поддержать дух в войсках? Разве солдаты не доберутся до истины, не узнают, что это вранье?

Наши ожидания, вызванные назначением капитана Вирена командующим эскадрой, начинают оправдываться. Он действует энергично и уже показал себя молодцом. Ночью, объезжая эскадру, он застал вахту сторожевых судов далеко не на высоте своего долга — нашел людей спящими и написал письмо Л., в котором довольно резко поставил ему на вид, что отсутствие бдительности на сторожевых судах грозит гибелью всей оставшейся эскадре, а потому он требует, чтобы вперед этого не было. Говорят, что Л. как старший в чине очень обижен этим письмом, но должен покориться, так как оно вполне основательно.

По поводу малоуспешного, медленного исправления судов Вирен уже неоднократно обращался письменно к Г., но безо всякого результата. Тогда он отправился лично к последнему и потребовал категорического ответа, почему замедляется исправление судов, отчего не присылают нужных ему людей и материалов и когда он все это может получить?

На это ему замечают, что он забывается перед старшим в чине, не имеет права предъявлять такое требование...

— Вполне сознаю свой поступок, — возражает на это Вирен, — и сам сейчас же донесу об этом в Петербург, там разберут, кто прав, кто виноват. Теперь же требую дать мне категорический ответ!...

— Победа над своими, — говорит весьма почтенный полковник морской службы, — обещает победу и над врагом. Нужно же привести сперва своих к одному знаменателю!

Все уверены, что будь Вирен одновременно с назначением командующим эскадрой произведен в контр-адмиралы, этим смягчилось бы чувство обиды обойденных, подчинение ему оказалось бы более легким, не было бы напрасного раздражения, напрасной траты энергии.

Оказывается, что 28 июля, тотчас после выхода эскадры в море, старики: корабельный инженер Вешкурцев, обер-аудитор Эйкар и подполковник Меллер, ушли на миноносце в Чифу. [223]

Никто не удивляется тому, что первые двое постарались избежать опасности, удивляются лишь тому, что оказавший вооружению крепости много ценных услуг подполковник Меллер, в храбрости которого никто не сомневался, последовал за ними. Полагают, что его сумели уговорить, удачно застрашать всевозможными аргументами вроде бесцельного принесения себя в жертву и т. д. А ведь он мог еще оказать нам в деле защиты крепости большую помощь.

Вешкурцеву ставят в упрек, что он вытеснил старых служак, занял место, а в минуту большой опасности бросил дело на произвол судьбы и уехал.

И это считают одной из причин безуспешности в исправлении судов.

— История довольно грязная, — замечает израненный в бою{135} капитан Б., — но кому дорога честь, а кому и жизнь.

И китайцы высказывают уверенность, что японцам не взять Артур. В японско-китайскую войну Артур был взят в три солнца (т. е. в три дня), говорят китайцы, а теперь уже прошло 37

солнц, и японцев «шибеко много, много помирай есть»...

Сегодня стреляли только наши батареи. Кто-то разнес слух, что японцы бомбардируют Новый город, ходил проверить — оказалось неправда.

31 августа (13 сентября)

Японцы, видимо, перестали верить в свои счастливые дни — 13-е и 26-е числа.

Ожидаемых нами штурмов нет. Ночью и утром на левом фланге были легкие перестрелки, у нас несколько раненых. Были моменты, когда был слышен и пулемет. Батареи молчат, постреливает лишь «Бобр», ставший в западной бухте около солеварниц, стреляет перекидным огнем. Говорят, стреляют и ляотешанские батареи.

— Если бы каждое наше большое судно сделало в эту войну столько, — говорит В., наш ядовитый резонер, — сколько сделал «Бобр», то мы бы много выиграли! Смешно даже — эта [224] маленькая, паршивая канонерка, а громит неприятеля, да и как еще!

Все разговоры о Франции, Германии, Америке и Англии, т. е. о всех новых осложнениях в политическом мире, грозят оказаться слухами, сфабрикованными в осажденной крепости, представляют собой передовицу новой, невидимой газеты «Фантазия». Недурно на первый случай! Такими же оказались слухи о прибывших сегодня утром двух французских миноносцах.

На днях прошел слух, что ночью в Новый город прорвался отряд японцев, человек в 50; человек десять изловили, а остальные скрылись. На вопросы, в какой Новый город, одни отвечают, что в европейский, а другие, что в китайский...

Японцы изредка постреливают по Куропаткинскому люнету, Малой Орлиной и Заредутной батареям. Нет-нет да и вырвут горсть защитников. Из принесенных сегодня в госпиталь четырех тяжелораненых матросов едва ли кто останется в живых; кроме того, на Куропаткинском люнете убито снарядами несколько человек наповал.

Утренняя канонада береговых батарей была, оказывается, не совсем безуспешной — взята на рейде японская миноноска старого образца (или минный катер) и приведена в порт.

И что только за порядки у нас! Вместо того чтобы этот первый морской трофей поставить на видном месте в гавани, чтобы все — и жители, и гарнизон — могли бы его видеть, чтобы вид этой первой добычи подбодрил людей хотя бы немного, миноноску прячут куда-то во внутренний порт, и все дело держится как бы в секрете. Разве только и в этом случае «проспали» что-нибудь более значительное?..

Говорят, что миноноска запуталась в сетях; на ней нашли два трупа и оторванную ногу. Команда, оставшаяся в живых, должно быть, спаслась.

Поручик минной роты Р. командирован на Кумирнский редут прокладывать минные галереи — затевать минную войну, чтобы выиграть этим время. Вопрос лишь в том, удастся ли это предприятие?

Вечером смотрел, как жители ловят в устье бухты Таучин, около моста у полевого телеграфа, рыбу: при начале отлива все устье бухты загоразживается сетью, вода спадает, и рыба, [225] зашедшая во время прилива в бухту, становится добычей старателей.

Осада сказывается — добыть пропитание с каждым днем становится труднее и труднее, следовательно, приходится всячески изощряться.

Слухи у нас фабрикуются не по дням, а по часам. Сейчас рассказывают, что Самсон-гора взята Куропаткиным — то наполовину, то целиком; то наших убито 10 тысяч и ранено 30 тысяч, то легло всего 45 тысяч. У японцев, конечно, потери больше — 130 тысяч человек, и взято у них 300 пушек... Через 2 недели Куропаткин будет в Артуре... То рассказывают, что отряд Мадритова пробрался уже на Квантуй, и ожидают тылового боя; то говорят, что японцы

перебираются уже на транспортах в Корею...

По словам одних очевидцев, утром на рейде потоплен 1 японский миноносец, по словам других, два. Приходили опять миноносцы и джонки, привезли, по всему вероятно, массу мин, чтобы закупорить ими выход нашей эскадры.

Тралящий караван так и не перестает работать; одна шаланда, землечерпалка и несколько катеров погибли при этой работе, а японцы все привозят и привозят целые партии новых мин. Видно, запаслись они ими основательно.

Который уже день японцы не обстреливают город, видно истощился у них запас снарядов. Кто-то заподозрил даже, не перестали ли японцы совсем бомбардировать город, ввиду бесцельности и безуспешности этих бомбардировок. С этим мнением согласиться нельзя, скорее нужно опасаться, чтобы они не принялись за это вдруг, неожиданно, в непривычное для нас время и с удесытеренной энергией.

Никаких сведений о том, где наш Балтийский флот — двинулся ли он в путь, не знаем, да и узнать неоткуда. Одни предположения.

Сегодня хоронили дружинника-кавказца, который при всем своем желании долго не мог попасть в число охотников на вылазки. Наконец попал и при первой же вылазке погиб героем. Имени его так и не удалось узнать.

11 часов 20 минут ночи. Сидел на горе и наблюдал за сухопутным горизонтом, который составляет пояс наших укреплений, — что творится на позициях. [226]

Сперва то «Бобр», то ляотешанские орудия посылали изредка по снаряду через наш левый фланг. Потом блеснули и за Перепелкой{136} раз-другой большие вспышки, и загрохотали орудия; не поймешь, стреляют ли это наши батареи, или же японцы по нашим окопам и укреплениям.

Пасмурно, довольно темно. Молодой месяц скрылся за густыми тучами; на востоке, на облаках светлое пятно, это отблеск Юпитера, напрасно старающийся прорваться сквозь густую пелену облаков. Вот на крайнем правом фланге блеснули белесоватые вспышки и донеслись очень глухие раскаты, еще и еще, но уже много левее, около батарей литеры Б и Малой Орлиной. Должно быть, наши... Нет! Как только донесся гул выстрела, тотчас раздался и характерный «тиунннь». Шрапнели... Видно, японцы стреляют по работающим на батареях людям. Еще и еще, то тут, то там виднеются вспышки, слышится рокот, то глухой, то более резкий; должно быть, и наши батареи отвечают японцам. Снова все затихло; еле заметно, как-то лениво бродит кое-где луч прожектора, да изредка щелкнет ружейный выстрел. Японских прожекторов не видать уже несколько дней; говорят — их убрали.

Сегодня картина перестрелки довольно монотонна; обыкновенно ночная стрельба бывает более оживлена. Обыкновенно и орудийный огонь чаще, и нет-нет да японцы пошлют свои снаряды по городу — в надежде попасть по резервам или по обозу, снабжающему позиции всем необходимым; в промежутках трещат ружейные залпы, то щелкают отдельные выстрелы, то поднимется торопливая пачечная перестрелка и зататакают пулеметы, то один, то несколько зараз, то в одном, то в нескольких местах. Наши прожектора нервно передвигаются то в одну, то в другую сторону, ищут, желают схватить неприятеля; то вдруг широкий, яркий луч японского прожектора{137} перекинется поперек гор — ищет храбрецов-охотников, сделавших смелую вылазку и внезапно скрывшихся куда-то. Потом наступает затишье, и, кажется, все погрузилось в мирный сон. Кое-где [227] прогремит запоздалая двуколка, залает собака — точно в мирном селе... Но вот где-то, по направлению батарей, заревел жалобно мул{138}, как бы сетуя на ужасы, совершаемые здесь людьми... Подкрадываясь на минутку заманчивая иллюзия исчезает — в русской деревне не услышишь рева этого несчастнейшего из домашних животных, лишенного, благодаря расчетливости человека, своего потомства, изуродованного, обреченного на вечный тяжкий труд (потому,

что мул очень вынослив)... И становится жаль животного, которое будто жалуется, что его, лишив от роду смысла жизни, подвергают здесь ежеминутно опасности быть истерзанным, искалеченным.

Снова заговорили орудия, ружья, пулеметы, и вмиг исчезли сентиментальные мысли; слух и зрение напряглись — чело-Век как бы съежился, ушел в себя, чуя близость смерти...

Сильно действовали на нервы и сердце картины — вернее, отголоски, рокот ночных боев в первые страдные дни крепости. Почти каждую ночь налегали японцы, опьяненные удачами на Зеленых и Волчьих горах; на рассвете происходили самые отчаянные штурмы — лихорадочная ружейная стрельба переходила в адский непрерывный трескоток, в какое-то переливающееся журчанье, среди которого раздавались выстрелы про-тивоштурмовых малокалиберных пушек и тиуканье шрапнели. Вот-вот прорвутся японцы в город и начнется истребление всего живого. Но нет, все постепенно стихает и хотя возобновляется еще не раз, но ухо начинает улавливать, что треск не приближается, а как бы раздается все в одном и том же месте, что что-то непреодолимое мешает ему идти вперед. Это непреодолимое — стойкость гарнизона, героев офицеров и солдат. Понемногу успокаиваешься, сознаешь всю нелепость преждевременной тревоги, и вместо нее наступает спокойная уверенность, что все это пройдет.

Японцы стреляют обыкновенно двоякими снарядами одновременно — бризантными, разрушающими с адской силой всякое прикрытие и разбрасывающими на далекое расстояние свои осколки, которые, попадая в тело, рвут, уродуют его, производят [228] страшные раны, и в то же время шрапнелью, рвущейся в воздухе над тем же местом и закидывающей местность целым дождем тяжелых свинцовых пуль, пронизывающих череп или другие части тела, прошибающих кости тем, кто уцелел при взрыве первого снаряда, кто выскочил из прикрытия, желая посмотреть, куда попал снаряд, или же ищет нового прикрытия за скалой или бугром.

Для нас, мирных зрителей, вечером или ночью картина эта является красивой, несмотря на все ее ужасы, к которым человек, как и ко всему вообще, постепенно привыкает, он притупевает скоро, относится все с большим равнодушием к ужасам, творящимся в отдаленности, — к ужасам, которых он не видит, а может лишь предполагать, мысленно представить себе; вначале казалось ему, что там, на позиции, немисливо уцелеть кому-либо, что там лежат сплошные кровавые массы, слышишь лишь стоны да душераздирающие крики. Но оказалось, что там ни того ни другого нет — русский воин переносит нечеловеческие муки мужественно, молча, все скалы японцев не в силах продолбить, сколь сильный огонь он бы по ним ни развивал, а каждая скала, каждый ее выступ, крутые ее откосы — все это лучшие укрытия для человека, они надежнее всех блиндажей и наскоро устроенных окопов. Поэтому мы наблюдаем спокойнее, находим и в этом зрелище некоторую красоту.

Там, за горами, вспыхнуло одно, другое белесоватое пламя, мы видим, конечно, только его отблеск. Через момент слышим один за другим орудийные выстрелы и в то же время видим взрыв неприятельского снаряда на линии расположения наших защитников — красное пламя вспыхивает воронкообразно кверху, в следующий момент вспыхивает над местом взрыва в воздухе небольшой, кажущийся совсем невинным огонек — комочек огня. В это время доносится взрыв — «крах», а затем мелодичный «тиунннь» шрапнели. Как бы эта картина ни была красива, все же при виде ее пробегает по телу холодная искорка — нервы реагируют.

Иногда такая стрельба производится целыми залпами, тогда огоньки появляются целыми рядами, целым роем.

Днем эта же картина не так эффектна, тогда видны на местах взрывов вздымающаяся пыль и черноватый дым, лишь [229] взрывы шрапнели кажутся красивыми белыми комочками ваты, появляющимися внезапно и медленно расплывающимися в воздухе. Первые кажутся более

ужасными, а последние совершенно невинными, лишь характерное «тиунннь» говорит нам, что это за игрушки.

Ну ее, эту своеобразную красу, эти эффекты орудий разрушения и уничтожения — незаслуженной казни без разбора!

В мирное время замирают сердца жителей целых городов, когда становится известным, что предстоит казнь каких-нибудь известных разбойников — массовых убийц, угрожавших жизни и имуществу этих же жителей {139}, а тут довольно хладнокровно наблюдаешь, как «красиво» расстреливаются массами люди, преданные своему долгу перед Отечеством. Тут даже злорадуешь, когда гибнут люди другой нации, другой расы — наш неприятель, враг, сожалеешь лишь о своих, да и то не без некоторой доли эгоизма, не без расчета, спекулятивной мысли о сохранении своей шкуры.

Каким гадким становится человек во время войны! Самому становится стыдно за себя.

1/14 сентября

Ночью японцы пытались отеснить на крайнем левом фланге, между Высокой горой и морем, наши передовые посты, но это им не удалось.

Там войск наших немного всего — 1 рота, 2 пешие охотничьи команды и почти вся наша кавалерия — около сотни казаков [230] и конные охотники. Эти-то силы под командой капитана Генерального штаба Романовского составляют передовой отряд Западного фронта и прикрывают вышеназванную местность. В случаях наступлений неприятеля наш отряд поддерживается артиллерией, в том числе ляотешанскими дальнобойными батареями. Вот почему ночью я слышал грохот орудий и в этом направлении.

2/15 сентября

Сегодня сообщали, что слухи о поражении Куропаткиным генерала Куроки имеют некоторую реальную почву, будто он идет «на плечах» Куроки к югу, будто японцы потеряли в бою всю свою артиллерию и т. п. Поживем — увидим.

Мне передают, что дело с джонкой, сожженной в ночь на 30 августа не то японцами, не то нашей артиллерией, не совсем доблестно с нашей стороны. Говорят, 29 августа, около 11 часов утра, пришла на рейд большая джонка. Адмирал Л. телефонировал адмиралу Г., что он пошлет миноносец, чтобы осмотреть джонку, и просит послать портовой катер, который, в случае надобности, привел бы джонку в порт. Г. будто что-то заупрямился и ответил, что сейчас послать катер не может. Так прошел день; Л. не послал миноносца, ожидая катер, а Г. или забыл про джонку и катер, или просто не захотел послать катер. Наступил вечер, японские миноносцы пытались напасть на джонку, но батарея Электрического утеса отогнала их своими снарядами. Все же ночью японцы подкрались и подожгли джонку. А на ней, можно предполагать, была и почта для Артура, были съестные припасы и прочее такое. Иначе японцы не стали бы жечь ее.

Ведь в наших интересах было возможно скорее ввести джонку в гавань, пока японцы не заметили удачный прорыв блокады, и это было так легко исполнить, но что нам прикажете делать с нашими панами, когда у каждого из них свой гонор.

Мне передавали невероятную вещь, будто в распоряжении адмирала Вирена не имеется миноносцев, последние подчинены частью командиру порта, а частью начальнику береговой обороны. А мы считаем Вирена командующим эскадрой, когда [231] ему на самом деле подчинены только 5 пострадавших в бою и от бомбардировок броненосцев: «Ретвизан», «Пересвет», «Победа», «Севастополь» и «Полтава» и два крейсера: еще неисправленный от минной пробоины «Баян», машина которого уже повреждена бомбардировкой, и малоценная «Паллада» {140}.

Большинство орудий снято с судов на сухопутный фронт, снарядов для крупного калибра

мало, а для бездымных зарядов недостает необходимого для воспламенения бурого призматического пороха, огромное количество которого потоплено портовым начальством, Бог весть по каким соображениям, в самом начале осады. Теперь бегают, выпрашивают где и сколько возможно (излишку нигде нет), и приходится воспламенять заряд половинным количеством, а при этом и случаются часто осечки и неудачные выстрелы.

К чему приводит нас неуместная расторопность! Взяли да потопили тысячи пудов пороха, не сообразив, что он еще нужен.

Уже с начала войны у нас подвизается пробравшийся сюда, несмотря на все препятствия, больной человек — курский помещик П.И. В-в, убежденный в том, что он нашел универсальное средство от всех недугов. Рецепт свой он в тайне не держит — это марганцево-кислый калий и йод, вместе вскипяченные. Дозировка всегда одинакова и более чем проста — 30 капель на рюмку воды вовнутрь и столовая ложка на клизму. Уверяет, что оно одинаково действует при любой болезни, начиная от глазной и кончая кишечной. Сказывают, что при дизентерии получались хорошие результаты, так как оно представляет хорошее вяжущее. Жаль человека, бросившего из-за болезненной идеи свое поместье и скитающегося здесь «во имя человеколюбия». Врачи, конечно, не верят его средству, а он видит в этом злостные происки...

Сегодня новый слух: Дальний взят генералом Мищенко, говорят, к нам прибыли от него два унтер-офицера «с бумагами».

Оказывается, что прилетел почтовый голубь, но без письма. В хвосте у него не хватает пера, к которому обыкновенно прикрепляются письма. Потерял ли голубь это письмо дорогой [232] сам, или же он побывал в руках японцев — трудно сказать, он мог и просто вырваться и прилететь на место своего прежнего жительства по собственному желанию. Кстати, наша голубиная почта, устроенная несколько лет тому назад (был особый заведующий ею), не принесла нам пока ни на грош пользы. Все это, должно быть, были опыты, опыты и опыты и приятное, между прочим, времяпровождение в мирное время...

Когда же, наконец, мы начнем серьезно заниматься делом? Когда это будет?

Вечером принимал участие в очень интересных спорах. Нам сообщили настолько же интересную, насколько страшную новость: в ночь на 11 августа японцам удалось прорвать в двух местах линию обороны на правом фланге, и если бы они не проявили обычную педантичность и нерешительность, а также не будь там генерала Горбатовского, то в эту же ночь они могли бы взять целый ряд наших батарей и укреплений с тыла и даже завладеть городом. Мы не успели бы и опомниться. И всему этому виной генерал Фок, этот отрицательный герой.

Дело в том, что еще 10-го числа, когда в предыдущий штурм наши отряды сильно пострадали, поредели, ближайшие резервы были исчерпаны, а японцы наседали все сильнее и сильнее, начальник боевого фронта генерал Горбатовский потребовал резервов. Командующей резервами генерал Фок, вместо того чтобы немедленно дать требуемые резервы, начал отписываться — прислал коменданту генералу Смирнову длинную записку, в которой доказывал необходимость беречь людей, а Горбатовскому письмо, полное укоризны. На это комендант кратко и категорически заявил Фоку, что в данном случае бережливость неуместна и ею можно погубить крепость, а поэтому он требует немедленной присылки нужных резервов (которые были расположены в Новом городе, т. е. дальше четырех верст от места боя). Но и на этот раз Фок вместо требуемых войск послал вторичную и длиннейшую записку с соображениями, в силу которых он не дает резервов. После этого коменданту пришлось пригрозить Фоку самой строгой ответственностью, если требование не будет немедленно исполнено.

Между тем японцы, пользуясь темнотой, начали новый штурм, прорвались с редутов № 1 и 2 и направились одной колонной [233] к Большому Орлиному Гнезду, а другой к Скалистому

кряжу{141}.

Положение было настолько опасное, что, казалось, не было уже и спасения... Придвинь японцы в то же время и свои резервы, поддержи они свои штурмовые колонны большими силами, не пожалей они еще батальон-другой, и часть фронта была бы бесповоротно в их руках, так как в это время инженер-капитан Шварц лишь начал работы на одобренной генералом Кондратенко и комендантом второй линии обороны, необходимой на случай прорыва неприятеля.

До этого нельзя было и думать о постройке второй линии, так как еще не успели закончить первую вследствие недостатка в рабочих руках.

(Тут-то и, казалось, было бы целесообразнее употреблять дружины на работы по устройству окопов и ходов сообщения, чем мучить этих людей бесполезными муштровками и маневрами ради удовольствия генерала Стесселя, который, как большой фронтовик и шагист, все равно остался недоволен их маршировкой.)

Выручил нас в этот критический момент педантизм японцев: прорвавшиеся вперед колонны приостановились и поджидали, чтобы изгибы штурмовой линии выпрямились, т. е. чтобы и в прочих местах штурмующие части достигли той же высоты на хребте, а главное — чтобы подоспели их резервы, стоящие за редутами в значительных силах.

Этим временем генералу Горбатовскому удалось подтянуть последние две роты (между прочим, и роту, данную в распоряжение инженера Шварца) и ударить на врага, пока тот не успел вполне уяснить себе всю выгоду своего положения. Генерал повел буквально остатки своих резервов сам в атаку, блестяще опрокинул японцев и отбросил их обратно к редутам.

По силе удара и натиска и благодаря темноте японцы, вероятно, предположили, что подоспели наши резервы в больших силах, и поэтому, боясь не выдержать, они дрогнули (вот что [234] значит быстрота и натиск). Знай японцы наше истинное положение — дело бы было проиграно.

Только потом, когда миновала всякая опасность и японцы бросили на этот раз попытку взять крепость штурмом без подготовительных осадных работ, тогда подоспели резервы Фока.

При этом известии всплыли вновь воспоминания о деятельности генерала Фока на кинчжоуской позиции, на Зеленых горах — отдача Куинсана и Волчьих гор.

Узнаем, что во время боя на Кинчжоу командир бригады генерал Надеин послал было уже резервы — два батальона для предупреждения обхода японцами нашего левого фланга, и этим можно было предотвратить скорое падение позиции, предотвратить полное избиение геройского 5-го полка, и если бы удалось подвезти снаряды, то и продержаться на позиции значительное время, даже и в том случае, если бы наша эскадра не оказала позиции никакой помощи. Но Фок вернул эти резервы...

Роковая депеша об отступлении японцев была послана генералом Надеиным по приказанию Фока, который теперь всячески отрешивается от нее. Но почему же генерал Стессель так благодарил Фока за Кинчжоу и еще сейчас выказывает ему свое благоволение? Большинство из присутствовавших высказало убеждение, что генерал Стессель давно подпал под влияние Фока и живет и мыслит теперь только мозгами Фока.

Причины этому следующие: после прошлогодней победы Фока{142} над Стесселем во время маневров, когда первый «взял» Артур, Стессель почувствовал к Фоку сильнейшее благоговение, как пред выдающимся военным гением{143}, сознавая свое ничтожество, он преклонялся перед эфемерной мощью духа Фока. Это — раз. Второе то, что и тот и другой возненавидели коменданта, генерала Смирнова как образованного человека, в этом они были вполне солидарны, так как ни тот ни другой не [235] получали высшего образования. К генералу Кондратенко{144} они относились снисходительнее, как к подчиненному и равному по положению, к Горбатовскому свысока. Третье то, что на параде по случаю рождения

наследника генерал Фок сумел вскружить голову Стесселя льстивой речью о чрезвычайном значении полученных последним генерал-адъютантских аксельбантов и все время умел нашептывать ему свои взгляды настолько, что генерал Стессель стал слеп и глух ко всякому доказательству людей противоположных взглядов.

Кто-то даже высказал предположение, что во всем, что творит генерал Стессель, виноваты его наушники, и окружи он себя людьми честными и умными, он мог бы принести, несмотря на все свои личные недостатки, некоторую пользу защите района и крепости.

Дебаты приняли другое направление и опять-таки выяснили многое новое для меня, так что я отчасти склонялся примкнуть к последнему предположению, не снимая, однако, личной ответственности с генерала Стесселя, на которого возложена задача огромной важности, в силу чего ему не следовало заниматься личными счетами и делишками.

— Прекрасно, — говорит подполковник Р., до этого молча слушавший споры, — допустим, что в данное время генерал Фок [236] и кто там еще имеют вредное влияние на генерала Стесселя. Но почему же во время Китайского похода он оказался тем же? Там не было ни генерала Фока, ни госпожи Стессель. Между тем всем известно, что всю тяжесть тьянцзинских боев вынес на себе и руководил всем полковник Онисимов, заслуги же эти генерал Стессель приписал себе и своим присным, Онисимов остался в тени. Что же выказал за время похода генерал Стессель — ум, распорядительность, личную храбрость, доброту сердца, наконец, патриотизм? Скажите, пожалуйста, в чем эти качества проявились?.. Откуда же они взялись бы теперь?

Никто не мог ответить на эти вопросы.

Разговор перешел к вопросу, кто назначил генерала Стесселя начальником укрепленного района — наместник или же генерал Куропаткин? Мнения разделились.

Тут сообщили нам со слов ближайших свидетелей, будто при отъезде наместника на север, после назначения Стесселя временно командующим укрепленным районом, последний просил наместника, при обозрении им Кинчжоуской позиции, взять его лучше в Северную армию, но получил отказ.

— Я хочу, чтобы вы остались здесь, — сказал ему на это наместник.

Это, положим, не снимает с генерала Стесселя ответственности за те его поступки, которые шли не в пользу защиты района и крепости, а принесли огромный, даже непоправимый вред делу обороны.

Например, проект укрепления кинчжоуской позиции был прекрасно разработан, но генерал Фок не дал возможности его выполнить, заставлял производить никому не нужные работы, а главное — не дал в день боя необходимых войск для защиты позиции. Орудия на батарее, предназначенной отражать могущие приблизиться к левому флангу позиции неприятельские суда, не успели установить, а те, которые должны были охранять левый фланг от обхода японской пехоты, были давно сняты генералом Фоком и перенесены на правый фланг (где они не принесли ровно никакой пользы); взамен этих, крупных и дальнобойных орудий, были поставлены полевые. Поэтому все выгоды кинчжоуской позиции остались неиспользованными и она легко досталась японцам. На все действия Фока, постоянно [237] тормозящего необходимые работы, неоднократно жаловались генералу Стесселю, а тот лишь санкционировал приказания Фока или, по крайней мере, не вмешивался, предоставляя ему самостоятельно действовать.

После позорной потери и еще более позорного, беспорядочного отступления от Кинчжоу, оставления неразрушенного и неподготовленного к очищению Дальнего, а также и Талиенвана, казалось бы, не могло бы быть оправдания Фоку... Но не тут-то было — в то время как остатки 5-го полка и другие действительные герои обзывались изменниками, в то же самое время генерал Стессель горячо благодарил Фока за какую-то проявленную при этом

доблесть, за какой-то подвиг!..

Уму непостижимо, до какой нелепости, до какого позора мы можем дойти по этому пути.

11. Сентябрьские штурмы

3/16 сентября

Проснулся в половине четвертого утра, слышу — идет бой. Вскочил, оделся и поднялся на гору наблюдать.

Штурмовой огонь по направлению Водопроводного редута, более редкий по всему фронту до батареи литеры Б. Среди непрерывного ружейного трескотка слышны татаkanie пулеметов, противоштурмовые пушки и отдельные выстрелы из более крупных орудий. Отголоски боя доносятся переливами, то усиливаясь, то затихая; судя по ним, бой не так жесток, как это было во время августовских штурмов.

На ближайшей к бою окраине города отчаянно режут мулы, как бы понимая, чуя недоброе, собаки заливаются раздраженным лаем, петухи поют почти беспрерывно; все эти звуки иногда кажутся то отдаленным «ура», то отдельными криками отчаяния, то сплошным ревом озверевшей толпы. Небольшой боковой ветерок придает полету крупных снарядов какой-то особенный, сухой, голодный вой... Все это действует подавляюще на нервы. Не прорываются ли вновь японцы в каком-нибудь более слабом месте?

Нет. Начинает светать, становится светлее и светлее, насколько усиливается рассвет, настолько же начинает стихать [238] бой, и все на том же месте; звуки не приблизились к нам. Значит — отстояли, отбросили врага.

Сейчас вспомнил, что вчера вечером говорили, будто к утру ожидается наступление японцев; другие уверяли, что теперь менее чем когда-либо можно ожидать нападения. Все же лучше ожидать нападения, чем не ожидать и быть застигнутыми врасплох.

Узнал результат утреннего боя. Штурм Водопроводного редута отбит очень удачно и с большим уроном в рядах японцев, у нас всего 2 убитых и 18 человек раненых.

Оказывается, что с вечера наши охотники сделали довольно удачную вылазку — застигли японцев врасплох и отбросили их из ближайших к редуту окопов. Дорого стоило японцам занятие вновь этих окопов — уничтожен целый батальон.

После обеда ввели во внутреннюю гавань трехмачтовую японскую шхуну, захваченную на море одним из миноносцев. Это второй наш морской трофей, вернее, приз. Шхуна оказалась пустой, в ней нашли около 50 ящиков пива. Команда шхуны состоит из 8 человек очень мелкорослых японцев — это какие-то пигмеи. Шхуна, видимо, выгрузилась — привозила японцам провиант.

Не везет, однако, нам и с призами. До сей поры наши миноносцы не изловили ни одного японского транспорта или иностранного судна, снабжающего японцев военной контрабандой.

Недавно был случай, когда наш миноносец, кажется, «Расторопный», встретил английский пароход «Гипсанг» и пустил в него мину. Пароход пошел, конечно, ко дну; с него сняли команду и капитана-англичанина, кроме него оказался там на пароходе еврей Серебрянник — бывший российский, а ныне американский подданный. Капитан и Серебрянник{145} (будто зафрахтовавший пароход) уверяли, что они возили провиант для русской армии в Инкоу, встретили миноносец на обратном пути и тот, не предупредив их, пустил мину в пароход; теперь они требуют возмещения убытков. Командир миноносца уверяет, что он предупреждал пароход, требовал его остановки, а когда он [239] приблизился к пароходу, оттуда открыли по миноносцу огонь из револьверов... и, кроме того, пароход будто собирался таранить миноносец... История довольно темная во всех отношениях{146}. Давно уже

циркулируют у нас слухи, что разные иностранцы и некоторые евреи оказывают усердные услуги и нашим, и японцам.

Сегодня же передавали мне характерный ответ китайца-джоночника на вопрос нашего гражданского комиссара — можно ли еще пробраться в Артур из Чифу и обратно.

— Мошна, мошна, — ответил на это китаец, — хорошо мошна, но...

Тут он немного замялся.

— Что такое? Ну, говори, не бойся!

— Ипэн{147} человек храбрый есть, ходи близко наша джонка, посмотри — ничего нету, говори цуба, манза!.. Русский миноноска далеко, далеко, бойся, стреляй, стреляй, шибко худо есть — много китайский человек помирай, джонка ломай... Худо есть! (То есть японцы, встретив джонку, подходят к ней вплотную, осматривают ее и, если там ничего нет, говорят китайцам: [240] ступай! Русские же миноносцы боятся подойти близко, стреляют издалека; при этом напрасно гибнут китайцы и, конечно, джонка расстреливается.)

Трудно допустить, чтобы порядочный китаец лгал, — значит, бывали случаи. Этим отчасти объясняется незначительный прорыв к нашим китайских джонок с провиантом, с зеленью и прочей провизией, так необходимой нам. Этим же как бы дано некоторое объяснение происшествия с «Гипсангом».

Неоднократно носились у нас слухи, будто среди японской эскадры имеются суда бутафорные, с картонными башнями и деревянными пушками. Сказывают, что китайцы принесли это известие из Дальнего. Солдаты с береговых батарей уверяют, что это правда:

— Иногда появляется на горизонте японский броненосец — настоящий броненосец с двумя или тремя трубами, с броневыми башнями, все как следует быть. Пока он идет боком вдоль рейда, ничего; а как только повернется, глядишь, «селедка»!..

То есть корпус судна узкий, чего не бывает у броненосцев{148}.

В последние дни по гавани шныряют наши судовые шлюпки под парусами. Говорят — Вирен подтянул. А то парусное дело совсем забросили, только знают разъезжать на паровых катерах. [241]

4/17 сентября

Вчера вечером и сегодня утром шла довольно сильная канонада по батареям, она все еще не прекращается, и суда наши постреливают перекидным огнем, слышится ружейная перестрелка по направлению Орлиного Гнезда.

Мне передают, будто предшествовавшая последнему штурму (на Водопроводный редут) вылазка была, вопреки первым слухам, неудачна; японцы поджидали ее, и поэтому мы понесли совершенно напрасные жертвы.

В штабах рассуждают о том, что если японскую армию прижмут с севера к Кинчжоу, то и Артуру будет жарко — японцы попытаются все-таки овладеть Артуром, при этом высказывается уверенность, что все же отстоим крепость...

А давно ли японцы чуть не прорвались в город?

Эх, надоели все эти толкования!

Как можно было ожидать, сведения о доставленных 6000 снарядов и 3 миллионов патронов оказались жирной уткой, говорят, пущенной генералом Стесселем.

Удивительно, как хочется верить в данное время самым невероятным слухам, несмотря на скептицизм внутреннего голоса.

Сейчас рассказывают, будто блокаду Артура с моря поддерживают только бывший китайский

броненосец 2-го класса [242] «Чин-Иен», крейсер «Ицукусима» с пластырем и 23 миноносца, из них будто половина должна была на днях присоединиться к эскадре, ожидающей наш Балтийский флот, который будто уже находится между Сайгоном и Шанхаем.

Спрашивается — не рановато ли это?

Глупое положение быть отрезанным от всего мира в то время, когда кругом ураган войны и на политическом горизонте новые зловещие тучи! Положительно ничего не знаешь.

Рассуждают о том, когда нас, наконец, освободят от осады. Одни говорят, что к половине сентября, другие — что только через несколько месяцев. Мне думается, что не раньше прихода Балтийской эскадры, который должен прервать пути сообщения японцев, завладеть морем. Но никто не может сказать, где этот флот — далеко ли, близко ли.

Где-то ночью была снова вылазка, японцев вышибли из окопа, причем их потери считаются около 50 человек. Ночью же будто стреляла японская канонерка из Голубиной бухты по расположению наших войск, но ляотешанская батарея прогнала ее вскоре.

Рассказывают, что вчера, когда наш миноносец захватил шхуну и взял ее на буксир, за ним погнались два японских миноносца. Тогда он подтащил шхуну под защиту батарей Тигрового полуострова и стал сам за шхуну. Батареи отогнали японцев тремя выстрелами. После этого наш миноносец потащил снова шхуну, как паук муху, в гавань. На шхуне оказалось 8 взрослых японцев, из них некоторые бывшие в Артуре, и мальчик лет семи. Этот мальчик, видимо думая, что их не оставят живыми, сильно упрашивал о чем-то командира порта: «капитана, капитана»!..

Мальчика допрашивали отдельно. Интересно, чего от этих моряков-рыбаков можно добиться? Разве только необходимых данных для призового суда.

Сейчас пришло на ум — не имела ли атака японцев на Водопроводный редут всего одним батальоном целью отвлечь наше внимание от другого места, для того, например, чтобы этим временем придвинуть и установить свои осадные орудия или перевезти таковые через опасное открытое место?..

Этого, конечно, не узнаешь, а все возможно. Орудовали же японцы с морского фронта всегда с какой-нибудь новой хитростью, и мы всегда попадались на эти удочки. [243]

Нельзя не отметить, что появилась необычайная масса мух, обыкновенных и зеленых, очень больших, несомненно, они перебрались в город после того, как зарыли на позициях трупы. Также необычайно много комаров, которые жалят очень больно, особенно по ночам, они забираются не только в комнаты, но и в казематы, не дают и там покоя, особенно изводят они детей. Конечно, появление комаров легко объясняется нынешним чрезвычайно дождливым летом и необыкновенным ростом травы. В сухое лето их мало.

Мухи, конечно, много безобиднее, они менее подвижны, не жалят, но когда они садятся на тело, то чувствуешь их мохнатые ножки и невольно отряхнешься, надоедают они своим металлическим жужжанием и противны тем, что набиваются в комнаты, кухни, казематы, садятся и бродят по хлебу и всюду. Глядя на них, не можешь избавиться от мысли, что они также сиживали на гниющих трупах. В комнатах у закрытых окон погибают они целыми кучами. Где только какие-либо отбросы, все кишит червями — их личинками.

Интересно бы выяснить, приносят ли они пользу как ассенизаторы, т. е. уничтожающие все гниющее и поддающееся гниению, или же вред — как распространители трупного яда и других нечистот. Мне кажется более вероятным первое, так как в разных явлениях природы нельзя не усмотреть какую-то мудрую предусмотрительность, целесообразность.

Положим, по этой же теории мы должны допустить и некоторую пользу от нашествия комаров. Так ли это? Пусть ответят нам на это ученые специалисты.

Сегодня японцы обстреливали Соборную гору, Новый город, порт и Перепелочную гору.

Наши предположения, что они перестанут бомбардировать город, оказались преждевременными, скорее всего, они молчали потому, что у них вышли снаряды, теперь же их подвезли вновь.

5/18 сентября

ездил на Тигровку навестить друзей, погулять по берегу моря. Я ходил в артиллерийскую лабораторию, где заряжаются 6-дюймовые бомбы. Заинтересовавшись этим делом, я заметил, что работа производится довольно неосторожно. Мне объяснили, что надзор над этими работами почти невозможен, потому что у нас 8 таких лабораторий, разбросанных [244] по разным углам крепости, заведует же ими всеми один офицер, который при всем своем желании может побывать за день в каждой из них лишь короткое время. Хлопоты заведующего о назначении ему помощника в этом непосильном для одного человека деле остались пока без успеха. Но, как мне говорили, главная беда в том, что у нас нет опытных, подготовленных особым курсом, хотя бы руководителей работ из нижних чинов. Поэтому солдаты, торопясь отработать положенный урок, пренебрегают мерами предосторожности. В одной из этих лабораторий был уже взрыв, причем погибло 9 человек, но солдаты все же мало обращают на это внимания, насыпают сразу целый ряд снарядов, подкалывают довольно неосторожно, не завинчивают насыпанный снаряд тотчас и т. д., так что риск несчастья на каждом шагу.

На дальнейшие мои расспросы мне объяснили, что в бытность в Артуре начальником артиллерии генерал-майора Хо-лодовского была выработана смета, планы, определен удобный участок земли и все подготовлено для того, чтобы устроить эти лаборатории в одном месте, тут же должны были быть открыты специальные курсы для нижних чинов-лаборатористов, но по уходе Холодовского дело осталось по-старому, всему будто помешали личные счеты, другие взгляды. Старая история.

...А воз и поныне там!..

По берегу моря солдаты усердно ловят во время отлива крабов {149}, эта ловля доставляет им развлечение, улучшение пищи, а также и небольшой доход, так как при хорошем улове остается и на продажу.

Пока вода теплая, ловля эта не грозит простудой, против же ущемления крабов клешнями, причиняющего ранения иногда с очень сильными болями и иногда долго не заживающие, солдаты надевают кожаные рукавицы и ухитряются поймать краба так, чтобы он не мог ущемить. Солдаты показывали нам экземпляры фиолетовых крабов и говорили, что это и есть самые злые и ядовитые, т. е. ущемления этих заживают нескоро. А пойманные красивые крабы злобно хватали все вокруг себя клешнями, как бы в подтверждение сказанного о них. [245]

— И наше положение сейчас не лучше этих крабов в корзине!..

Сказавший это молодой офицер было весело захохотал, но потом задумался и долго молчал.

На самом деле много сходства с нашим положением.

Направляясь на Маячную горку, мы проходили мимо неразорвавшегося японского 12-дюймового снаряда, попавшего сюда во время первых морских бомбардировок крепости. Чугунная или же стальная глыба — чурбан, длиною в 1 1/4 аршина, лежит на песке, не долетев до укрепления по крайней мере на четверть версты; недалеко от нее, в луже морской воды, видна огромная воронкообразная яма — должно быть, там разорвалось такое же чудовище.

— Все же безумие, — говорит артиллерист, — бомбардировать крепость с моря. Ну, что они этим достигли? Ровно ничего. В этом отношении Артур прекрасная крепость — скалы не

скоро сшибешь с места.

Поднялись на Маячную горку, полюбовались морем, которое еле колыхнется. Направо виднеется множество лодок, это прибрежные китайцы и наши команды ловят рыбу для себя и для нужд крепости. А налево вдаль, около острова Кеба, виднеется какое-то японское военное судно. Здесь, на Тигровке, на берегу моря так тихо, веет таким спокойствием, будто и нет осады, будто мы находимся в другой части света...

Поднимаемся на самую вершину горы и перед нами открывается картина сухопутного фронта. Кое-где мелькнет дымок и донесется гул пушечного выстрела. Кто и куда стреляет, нельзя разобрать.

Опасаемся, как бы не началась бомбардировка гавани, тогда придется просидеть здесь до ночи, семьи будут беспокоиться. К тому же быть в гостях^{150} по нынешним обстоятельствам не значит быть и сытым; зачастую у радушного хозяина нечем перекусить, он сам нередко сидит впроголодь; если удастся купить банку мясных консервов — это целый праздник. Приходится перебиваться на чае да на рисе, то так, то этак. Коли выпил рюмку портвейна да закусил сухим чайным печеньем, больше [246] уж и не спрашивай. Это сознает каждый. Настало время, когда злоупотребление гостеприимством является чуть не преступлением!..

Только что переправились обратно через гавань, как началась бомбардировка города и гавани, продолжавшаяся более часу.

6/19 сентября

Утром всего 12° тепла по Реомюру; после державшихся все время 12–20° по утрам и 25–26° в обед чувствуется прохлада.

Вечером был в госпитале, навесил тяжелораненых друзей, отнес одному карту Маньчжурии, чтобы поразобрался по ней в положении Северной армии, о котором мы не имеем никаких сведений, другому — старый указатель железнодорожных движений для составления маршрутов и смет для будущего отпуска в видах дополнительного лечения...

Ну и народ эти врачи! Привыкли резать и пилить ежедневно человеческое тело и рассуждают об операциях и человеческой жизни как сапожники о старом сапоге!.. Впрочем, все они прекрасные люди и работают не покладая рук, не заботясь о себе, не обращая никакого внимания на то, что в любую минуту может ворваться в госпиталь неприятельский снаряд и перекрошить всех.

Передают, будто вчера вечером одно из японских судов береговой обороны (из старых китайских броненосцев) наварилось в бухте Луизы на мину, и еще сегодня утром видели его лагом^{151} несомое течением; надо-де было послать миноносцы «добивать» это судно, но это представляло риск, так как оно было уже далеко, почти на горизонте. Кто-то высказал сомнение, не накренили ли японцы сами это судно для лучшего обстрела берега, но такое предположение не выдерживает критики — им нечего так высоко обстреливать, большой же подъем орудия укорачивает, а не удлиняет полет снаряда.

Говорят, что опять прилетели целых три почтовых голубя, но также без писем, вероятно вырвались.

Появились слухи, будто японцы готовят к 10-му числу минную атаку, чтобы в то же время садиться на транспорты и убраться [247] подобра-поздорову в Корею или домой, так как их дела на севере плохи и они не надеются овладеть Порт-Артуром. Что-то слух этот уж слишком благоприятен нам. Тем не менее пресерьезно рассказывают, что видели около 50–54 японских транспортов, пришедших за осадной армией, кто говорит, что суда эти пришли к Инченцзы, а кто — что к Дальнему.

О наместнике, адмирале Алексееве, сразу три слуха: по одному — он застрелился, по

другому — он проболел 6 дней и умер, а по третьему он или сам отравился, или же его отравили.

Рассказывают, что наши лазутчики, убедившись, что всюду впереди расположения японцев протянута проволока с подвешенными на ней колокольчиками и пустыми коробками из-под консервов, мешает им пробраться незамеченными и разведать силы японцев, решили отомстить — подкрались к этой проволоке, привязали к ней тонкую веревочку и вернулись к себе, предупредив об этом наши цепи, они начали от времени до времени подергивать за веревочку. Японцы всполошатся и давай стрелять куда попало. Так заставили они японцев потратить массу патронов попусту и не давали им спать в то время, как наши отряды спокойно отдыхали и потешались выдумкой лазутчиков.

В то время как всюду, в городе и на позициях, наступила жизнь впроголодь, узнаем, что у генерала Стесселя имеются еще сто свиней и много всякой другой съедобной живности. Он запаса основательно всем.

По его адресу слышны злобно-иронические замечания, между прочим, задается вопрос — если у генерала Стесселя 100 свиней, так сколько же там свиней всего? Ответы не сходятся.

После обеда канонада усилилась и сейчас еще не смолкла. Должно быть, японцам подвезли свежие запасы снарядов, и они успели установить новые батареи и орудия вместо сбитых.

Необходимо отметить, что у нас и посейчас еще верят, будто для обстрела города установлены специальные орудия. Так мне сегодня пресерьезно сообщали, будто на Дагушане установлено 6 орудий для бомбардировки города.

В самом начале бомбардировок усердно доискивались, откуда это стреляют по городу; говорили, что даже назначена награда тому, кто обнаружит эти орудия и заставит их замолчать, [248] сообщали, что эти орудия установлены в китайской деревне, в одной из фанз, или же что наконец батарея эта обнаружена, но она поставлена за скалой и совершенно неуязвима, так как из-за скалы видны лишь дула орудий; то еще рассказывали, что полицмейстер Тауц поехал в сопровождении какого-то кавказца, чтобы обнаружить орудия, стреляющие по городу, а потом, что он нашел их и указал артиллеристам по карте, где они находятся, и теперь, дескать, они будут сбиты... Раз сообщали даже, будто собралась пара смельчаков, запаслась пироксилиновыми шашками, бикфордовым шнуром и прочим и ушла ночью в расположение японцев, чтобы взорвать там эти орудия, — люди решили пожертвовать собой, но спасти город от обстрела...

Канонада ничуть не смолкает, даже как будто еще усиливается. Кто-то принес известие, что первая атака уже отбита 13-м полком, японцы наступали на Водопроводный и Кумирнский редуты, будто на этих редутах сосредоточен главный артиллерийский огонь и готовится штурм.

Сегодня довольно сильный ветер, и поэтому достигающие нас звуки совершенно особенные, какие-то плоские, расплывчатые — шрапнель рвется со звуком, похожим на удар по железной крыше, а общий рев орудий сливается в какой-то сухой грохот, будто буря колыхнет огромную железную крышу; между этим то и дело слышен какой-то глухой стук, будто от падения чего-то тяжелого, твердого — взрывы и выстрелы. Береговой фронт и суда посылают японцам, то реже, то чаще, свои тяжелые бомбы; Золотая гора растеряла при этом по городу несколько крупных осколков, но как-то счастливо, несмотря на движение народа, никого не ранила, один упал близ городской столовой, другой напротив почтовой конторы, около магазина Чурина, а третий где-то дальше. Да кто их считает, лишь бы они не причиняли вреда!

От стрельбы наших крупных орудий окна дребезжат и колыхнутся, того и гляди, что стекла могут вылететь, что нередко и бывает в ближайших к гавани домах. Нельзя держать окна раскрытыми, ветер гонит по улицам облака пыли.

Становится свежо, в обед было всего 15,5° тепла, нужно одеваться потеплее. [249]

Вот уже 11 часов вечера, а ружейный огонь, начавшийся с сумерек, почти не умолкает; иногда он усиливается до сплошной трескотни, между которой слышны пулеметы, потом станет редеть, редеть и почти затихает, но вдруг разгорается с новой силой.

Мне сообщают, что положение Водопроводного и Кумирн-ского редутов в высшей степени опасно.

7/20 сентября

Около 2 часов ночи нас разбудил грохот в нашей кухне — что-то упало, стекла и посуда задребезжали, что-то треснуло и глухо загрохотало; взрыва, однако, не слышно. Вышли посмотреть — оказывается, большой осколок с Золотой горы прошиб сверху угол кухни, перемесил там полки, посуду и прокатился по коридору к дверям.

С самого утра слышна канонада далеко на левом фланге. Бой по направлению редутов почти не прекращался до сей поры.

Около 8 часов первое известие с позиции — будто за ночь отбито 6 отчаянных атак, взорвано несколько фугасов, нанесших большой урон японцам; потери японцев от ружейного и пулеметного огня огромны. Наши потери за ночь всего около 200 человек убитыми и ранеными. Одними фугасами будто взорваны на воздух 4 роты японцев. Кто говорит, будто японцы заняли первый и второй окоп Водопроводного редута, хотя поясняет, что их запустили туда для того, чтобы взорвать... Что-то сомнительно.

Пришли дружинники со своей позиции и рассказывают, как их обдало осколками разорвавшегося снаряда с «Ретвизана», но счастливо — никого не ранило; это уже второй в это утро разорвавшийся снаряд с «Ретвизана». Вот удовольствие! Свои снаряды усердно посыпают город осколками; несомненно также и тыл наших позиций... Ну и снаряды!

А стоят эти снаряды казне не меньше, чем хорошие. Интересно бы узнать, где их делают и как зовут тех, кто принимал такие снаряды как годные?.. Очень было бы интересно узнать Имена господ приемщиков, а также пообстоятельнее, как производится эта приемка. Нам это интересно потому, что мы видим, испытываем на себе результаты этой приемки. [250]

Раненые, возвращающиеся с позиций, бодры и говорят: «Ничего, не бойтесь! Ничего не отдадим японцам».

Около половины девятого по направлению редутов вновь поднялся ружейный огонь. С 9 часов началась в том же направлении сильная канонада.

Стрелок-доброволец из охотничьей команды с левого фланга сообщает, что вчера на левом фланге не было ничего серьезного. Около часу ночи открыли для отвлечения японцев сильный ружейный огонь — фальшивое обходное движение; японцы в это время отхлынули от редутов.

Зашел подпоручик К., оправившийся от ран; идет за новым назначением в строй, ему предлагали нестроевую должность — не желает.

Говорит, нужно ожидать штурма, и основательного{152}.

Он рассказал, что история с веревочкой и проволокой с колокольчиками имела серьезные последствия для японцев. Наши подготовились основательно и сделали тревогу. Японцы подтянули свои резервы. Тогда наши стали выманивать их из окопов посредством колокольчиков и расстреливать ружейным и пулеметным огнем; нанесли им большой урон. Отомстили.

Жестоки шутки военного времени.

Другой рассказывал, как наши моряки скатили мину с Кумирнского редута в японский окоп; мина было застряла, тогда выскочил один лейтенант и один матрос, пихнули мину вперед и вернулись целыми на редут. Взрыв мины сильно переполошил японцев, долго не могли они

опомниться от этого сюрприза.

С батареи капитана Страшникова улетела к японцам, вместе со снарядом, половина дула пушки. Такой же случай был в морском бою 28 июля, когда на палубу броненосца «Полтава» прилетело дуло японского орудия.

С десятого часа японцы жестоко обстреливают Перепелочную батарею; снаряды так и воют беспрестанно. Но эту батарею нелегко уязвить. Было время, когда мы думали, что она [251] разбита, но нет. Около 12 часов она открыла вновь беглый огонь по неприятелю, который с нее хорошо виден.

Сообщают, что японцы ночью штурмовали и Высокую гору.

Узнаем, что к 11 часам очищены нашими отрядами сперва Водопроводный, а потом и Кумирнский редуты, за невозможностью там укрыться против сосредоточенного неприятельского артиллерийского огня. Наша артиллерия не дает теперь неприятелю укрепиться в редутах. Но все же не удержать нам эти редуты нейтральными, на это нужно множество снарядов, а их у нас мало.

Водопровод закрыт. Но он закрыт не японцами, а нашими властями из опасения, как бы неприятель не отравил воду; голова водопровода теперь в его руках. Теперь будем брать воду из колодцев, которых у нас довольно много. Чтобы вода не была отравлена и в колодцах китайцами-шпионами, у каждого колодца дежурит стража из дружинников{153}.

Во втором часу видел с горы огромный столб дыма, потом донесся глухой взрыв, дым расплзался медленно. Где-то взорвали фугас или пороховой погреб.

Рассказывают, что сегодня около Водопроводного редута легло костями 9 штурмовых колонн; из них шесть уничтожены ружейным огнем, а остальные фугасами и заложенными в редуте минами. У солдат от частой стрельбы деревенели пальцы.

Встретил врачей Красного Креста; по собранным ими сведениям, наши потери около 300 человек. Японских войск под Артуром сейчас будто около 80 тысяч.

Под вечер японцы вновь обстреливали Перепелочную батарею, причем много перелетных снарядов легло в район города.

Вечером наблюдал с горы за редким артиллерийским огнем. Больше других стреляет какая-то батарея из скорострелок, [252] будто рубит топором, изредка посылает Золотая гора свой «чемодан»; стреляют и наши суда, иногда же раздастся откуда-то выстрел и слышен лишь свист снаряда, летящего к японцам. Должно быть, с Электрического утеса. Но все же довольно тихо и будто все больше утихает; должно быть, до захода луны, а там снова начнутся штурмы.

8/21 сентября

В 5 часов утра выхожу послушать, что творится на позициях. Прохладно. Всего 11? тепла по Реомюру. Какой-то туман, похожий на дым, застилает сухопутный фронт.

Тихо. Еле уловимая перестрелка на левом фланге; она возгорается и минут через 10 становится сильнее, можно предполагать, что по направлению Высокой горы начался бой. В центре и на правом фланге редкие выстрелы. Канонада то усиливается, то стихает.

Узнаем, что за ночь отбиты целых семь атак на Высокую гору.

Еще вчера наши отряды очистили Длинную гору; при этом японцам достались две пушки, которых не успели ни увезти, ни взорвать.

В это время подошли японские канонерки, которым было приказано обстрелять Длинную гору, и открыли убийственный огонь по своим. Японцы махали флажками, чтобы канонерки прекратили огонь, но их никто не видит; жарили себе, да и только.

Наши войска с окрестных высот заметили это, но вообразили сперва, что это наши канонерки, и давай кричать «ура»; когда же разобрались, в чем дело, то закричали и пуще того. Говорят, жалко было смотреть, как японцы метались, прятались, перебегали от своего огня. Огнем с канонеров уничтожено не меньше батальона японцев.

Сообщают, будто генерал Стессель захворал; получил от Куропаткина депешу: «Бейтесь сами, надейтесь на себя, помочь не могу» и упал даже в обморок. И комендант, говорят, не надеется на этот раз отстоять крепость, или, быть может, он это говорил только зазнавшемуся было генерал-адъютанту... Все это, конечно, предположения, но весьма вероятные. Генерал Смирнов хотя и не вполне оправился еще от дизентерии, но все же ездит на позиции. [253]

Рассказывают, будто армия генерала Оку налегает на Артур, а армия Куроки окружена Куропаткиным.

С 9 часов 15 минут утра японцы начали обстреливать Золотую гору; снаряды ложились довольно высоко, под батареи, большинство их легло у подножия горы, в бухту, а некоторые даже около дачных мест. Наши батареи берегового фронта открыли сильный ответный огонь, и через полчаса японцы прекратили бомбардировку Золотой горы.

Зато они с часу до четырех обстреливали довольно редким огнем весь Старый город.

Под вечер японцы еще раз стреляли по городу, но недолго. Подумаешь, как мы привыкли к обстрелу! Помнится, как жутко было в начале бомбардировок, в последних числах июля и первых числах августа.

Куда ни повернись, всюду рассуждения о том, сколько именно японских войск под Артуром.

Ясно одно — что те транспорты, о которых рассказывали, будто они пришли затем, чтобы увезти отсюда осадную армию, без сомнения, привезли японцам подкрепления.

По штабным сведениям было: на левом фланге 5 тысяч, на правом 6 тысяч, а за Волчьими горами, в резерве, 20 тысяч — всего 31 000 (?). Подкрепления получено, по одним сведениям, 20, а по другим — 40 тысяч. Солдаты говорят, что все это еще не страшно, лишь бы не навалили северные японские армии.

Вечером всюду тихо; редко где раздастся одиночный выстрел.

10/23 сентября

Температура все понижается — сегодня всего 10 градусов тепла.

В 4 часа утра я выходил послушать, все было тихо, только широкий, яркий луч японского прожектора лизал Перепелку и весь фронт до батареи литеры Б. Хороши прожектора у японцев!

С 8 часов утра японцы снова усиленно обстреливают Золотую гору, но с одинаковым успехом; снаряды ложатся высоко, но не на батарею.

Сейчас генерал Смирнов проехал на левый фланг; там слышна редкая канонада. [254]

Предположения, что ночь прошла спокойно, оказываются ошибочными. За ночь отбиты японские атаки на Высокую гору (говорят, целых 6), в занятые японцами окопы и блиндажи {154} были спущены, под руководством лейтенанта Подгурского, мины. В то же время кинулся он со стрелками 5-го полка с ручными бомбочками и в штыки. Не только отбросили, а, вернее, уничтожили там японцев, как ни старались японцы, но завладеть потерянным им уже не удалось. Нашими захвачены два японских пулемета, много ружей и амуниции. 5-й полк отличился вновь, в нем, кажется, все герои, начиная от командира полка полковника Третьякова и кончая последним стрелком. Коменданты горы, капитан Стемпневский и штабс-капитан Сычев, как передают, отличные, храбрые офицеры.

Кстати, начиная с первых отбитых штурмов в городе появилось много японских ружей и

даже офицерских сабель. Солдаты приносят их с позиций и охотно продают любителям за рубль-два, говорят — наберем еще вдоволь! Покупка и продажа японского оружия воспрещены комендантом как военной добычи, принадлежащей казне, но все же находятся на них охотники. Солдату, конечно, выгоднее продать, чем сдавать в казну. Во время последних боев нередко пускали в ход против японцев их же ружья. При усиленной стрельбе винтовки накаливаются и лужно иметь их несколько на смену. Конечно, довольно и наших винтовок (от убитых), но почему же не пострелять и из неприятельских, благо и патронов к ним набрано вдоволь. С виду эти японские винтовки довольно топорной работы. Офицерские сабли лучше наших.

Много крови пролито опять за эти дни. Потери японцев считают до 12 тысяч, наши потери исчисляют всего в 800 человек.

Наши солдаты не верят, чтобы японцы могли взять Порт-Артур, несмотря на появившийся слух, будто к японцам подошли 20 тысяч охотников из армии Оку (по другой версии, из Японии), поклявшихся взять Артур или умереть. Сообщают, что японские солдаты переругиваются с нашими из ближайших окопов. [255]

— Догадались, черти, — кричат будто японцы, — устроить ручные бомбы — мы вас научили!

Другие кричат:

— Не стреляйте, русские, так далеко, а то попадете в Куропаткина!..

Вот чем они там занимаются, глядя ежеминутно в глаза смерти! Разумеется, и наши солдаты не остаются в долгу по части балагурства и колкостей.

Добыл сведения, по которым у нас выбыло из строя по 8 сентября всего 11 636 человек, из них убиты и умерли от ран 3600 нижних чинов и 65 офицеров, выздоровели и вернулись в строй 4300 нижних чинов и 106 офицеров, а 3500 нижних чинов и 65 офицеров находятся еще в госпиталях, и большая часть их (за исключением искалеченных) вернется в строй [155].

Общие наши потери, сравнительно с японскими, довольно-таки незначительны.

Сегодня заметен всеобщий подъем духа даже среди малодушных. Снова сетуют на закрытие генералом Стесселем газеты. Кому, спрашивают, принес он пользу тем, что закрыл газету? Разве японцы теперь меньше осведомлены о том, какая батарея открыла по ним огонь? Ничуть!

Как было бы хорошо, если бы была газета, — сегодня же узнали бы на всех дальнейших позициях про молодецкое дело прошлой ночи на Высокой горе. Было бы недурно опубликовать и вышеприведенные сведения о наших потерях и выздоровевших, цифры эти весьма красноречивы для каждого солдата — весьма утешительны.

Сообщают, что около Высокой горы японских трупов лежит до 10 тысяч. Был случай, что японцы строили себе траверсы из трупов товарищей.

Будто сегодня виднелись на горизонте 4 крейсера и 4 броненосца. Не верится. Чьи бы суда могли это быть? После гибели «Хаусе» и «Ясимы» осталось у японцев всего 4 броненосца, а сильно поврежденный 28 июля «Микаса» не мог еще исправиться. Говорили про появление иностранной эскадры... Но [256] чья же она могла бы быть? Английская, американская, французская или германская?

Японцы стреляли сегодня по Золотой горе, порту и городу до 12 часов 50 минут дня. Около дворца наместника загорелось. По пожарищу японцы участвовали огонь. Были будто сегодня и попадания на батарею Золотой горы.

Нельзя не отметить своеобразное явление из жизни в осаде, которое в другое время и

немыслимо. Собаки дерутся около... коробки из-под консервов. Победительница схватывает коробку зубами и убегает с нею подальше, чтобы вылизать ее основательно... «Слишком уж аккуратными стали эти люди, — рассуждают, должно быть, при этом собаки, — стали очень опрятно опорожнять эти посудыны. Хотя бы подумали о нашем брате... Нынче о косточке и подумать не смей... Когда, когда ее увидишь! И то, разве, конскую...» И замечательно приловчились они вылизывать эти коробки и банки — не боятся и острых краев выреза. Да, голодно становится и собакам.

Еще сегодня рассуждали, что провианта в городе так мало, что дай Бог, чтобы хватило его еще месяца на два. Если до тех пор не подоспее выручка... будет худо.

Оказывается, что японские снаряды попали и в старую им-пань Красного Креста, в аптеку, в квартиры егермейстера Балашова и его помощника, статского советника Тардана; к счастью, их не было дома. Там ранило лишь несколько китайцев и то легко. Попал снаряд и в сад Мариинской общины Красного Креста; ранил проезжавшего извозчика и еще кого-то.

Во время штурмов Высокой горы взвод полевой артиллерии под командой штабс-капитана Ясенского, посланный полковником Ирманом в тыл японцам, к Голубиной бухте, оказал большие услуги.

11/24 сентября

Сегодня утром 14° тепла.

Известие, что японцы, облепившие было Высокую гору, отброшены, радует всех, только и слышны разговоры о том, что в пылу схватки наши поддевали японцев на штыки и сбрасывали под гору... Все возможно. Растерявшихся от взрывов и внезапного нападения японцев били наши охотники и с тылу, и с флангов, и с фронта. Утверждают, что вчера вечером японцы [257] пытались подобраться к Куропаткинскому люнету, но безуспешно. Быть может, они хотят попытать счастья на правом фланге — перенесут свои атаки снова сюда.

Сообщают, что один из наших саперов перебежал на виду у всех к японцам. Это первый подобный случай. Причиной перебежки послужило будто то, что этого сапера наказали розгами по приказанию генерала Стесселя.

Сегодня снова взбудоражила наши нервы похоронная музыка — хоронили несчастного капитана Лопатина, осужденного за отступление с горы Куинсана без особого на то приказания. Смерть избавила его от исполнения приговора суда; но он умер вследствие этого же приговора — от паралича сердца.

Суть в том, что неон виноват в отдаче горы, а те из начальства {156}, которые, не признавая в Куинсане ключа наших позиций, не вняли многократным о том докладам младших офицеров, не укрепили его, не поставили на него более значительный гарнизон и пулеметы {157}, а также не дали, несмотря на неоднократные о том просьбы капитана Лопатина, необходимого подкрепления. Будто капитану Лопатину было даже приказано не ввязываться в бой, поэтому, потеряв в бою очень много людей и не получая никакого ответа на требования о подкреплении, он решил отступить с остатками своей роты, рискуя и так и этак быть судимым за неисполнение приказания.

Когда обнаружилась вся важность Куинсана, то нужно было найти козла отпущения — и все обрушилось на бедного стрелкового офицера... Нашелся «стрелочник».

Сегодня снова вспомнилась омерзительная сцена, переданная нам очевидцем и разыгравшаяся еще там, на Зеленых горах. Генерал Фок кричал тогда, что нужно расстрелять его — изменника {158}. А полковник Савицкий увивался пред ним и заявлял [258] театрально расхажившемуся генералу с дьявольской готовностью:

— Сейчас распоряжусь, ваше превосходительство!..

И удивительно, как еще не смыли свой позор кровью другого, кровью козла отпущения. Смерть капитана Лопатина как бы сняла тяготеющий над всеми тяжелый гнет и как бы зачеркнула грязную страничку из геройской защиты Артура. Многие прямо радуются смерти капитана Лопатина.

Еще во время штурмов Высокой горы, 9-го числа, передавали мне слух, будто на другой день (10-го) наша эскадра должна выйти к Кинчжоу. Получено, дескать, приказание... Но едва ли кто этому поверил.

Сегодня на позициях спокойно. Передают, что с нашей стороны была попытка атаковать Длинную гору так же, как атаквали Высокую, но без результата — японцы очень бдительны.

Один из раненых офицеров, с которым беседовал сегодня в госпитале, уверяет, что японцы повторяют в точности кампанию 1895 года, что они неспособны придумать ничего нового и что если не все протекает так, как было тогда, то причина этому лишь та, что теперь здесь русские вместо китайцев.

Генерал Стессель будто ездил сегодня на левый фланг, но на какие укрепления — не знаю. Там везде спокойно.

12/25 сентября

Утром девять с половиной градусов тепла. Последние две ночи чудные, лунные, прошли сравнительно спокойно. Редкие ружейные выстрелы, коротко татакнет пулемет или заговорит, как бы спросонок, какая-нибудь пушка, и снова все тихо, словно сторожевая собака таякнула и снова свернулась в комок.

С 9 часов 55 минут утра японцы начали обстреливать западную часть гавани перекидным огнем со стороны Дагушаня. В это время ходил прогуляться, был как раз на бульваре (Этажерке) и сразу не понял, в чем дело, — гляжу, в порту забегали люди, прячутся как мыши по норам. Снаряды пролетают довольно высоко, только один как бы оборвался около Большой [259] горы. Им начали отвечать с судов. Все же бомбардировка продолжалась более двух часов.

Мне рассказали, будто во время боев как-то в один из брошенных нашими войсками блиндажей — дело, кажется, было при отступлении от Зеленых гор — забрались ночью и наш, и японский раненые солдаты и легли спать, не замечая друг друга, утомление брало свое. Наутро проснулись и было испугались друг друга — хватились за ружья, но, заметив, что оба ранены, подали друг другу руки и начали объясняться мимикой, так как русский не знал ни слова по-японски, а японец так же по-русски. Оба проголодались. У русского нашелся хлеб, а у японца в фляжке вино, выпили, закусили. Наш солдат свернул «цигарку», и оба покурили с наслаждением. Посидели, перевязали получше друг другу раны и решили пойти дальше, японец было звал нашего солдата пойти с ним, но тот пригрозил ему смеясь кулаком. Оба противника были из запасных, и у того и у другого дома жена и дети, все это выяснили мимикой, руками — друг другу посочувствовали. Решили каждый пойти к своим. Но это было нелегко, так как те и другие ушли вперед и заняли другие позиции. Выяснив положение, пошли, поддерживая друг друга, так как оба были ранены в ноги. Когда добрались почти до расположения японцев, то японец, высмотрев с горки внимательно местность, указал русскому, как добраться до своих незамеченным. Снова пожали друг другу руки и расстались.

Сегодня опять целый ворох слухов. Слух, будто Балтийская эскадра прошла во Владивосток, продолжает держаться. Будто вчера прошли по направлению к Кинчжоу 13 русских судов с миноносцами. Прошлую ночь будто полковник С. доносил штабу два раза о том, что за Волчьими горами, по направлению Кинчжоу, слышна довольно сильная, как бы морская канонада.

Что это такое? Не верится, чтобы там могли быть русские суда, но кто же там палит?

Разве опять какая-нибудь грандиозная хитрость со стороны японцев — желают выманить наши суда или гарнизон в хорошо устроенную засаду? [260]

13/26 сентября

Утром 15° тепла, пасмурно.

Китайцы очень довольны тем, что японцам не удастся взять Артур; они как бы чувствуют в этом некоторую отместку за взятие японцами Артура в 1895 году.

Сообщают, что в ожидании и во время первых штурмов китайцы пали духом, особенно боялись и будто даже плакали, плохо ели арестованные китайцы — подсудимые, говорили, что им всем будет «кантами», т. е. японцы отрубят им головы. Теперь все успокоились.

Те из китайской бедноты и из арестованных за более легкие преступления, которых отпускают на уборку японских трупов, очень довольны тем, что им разрешили снимать с трупов обувь и носить ее. И тут они пускаются на некоторую хитрость — каждое утро они отправляются на работу чуть не босиком, а по вечерам возвращаются все в новых японских башмаках. Они рассказывают:

— Сто тысяч, пятьдесят тысяч ипэн ломай, помирай есть — тун-тун ломай. Холосоооо!..

Разумеется, их понятия о тысячах очень смутны.

Говорят, что джонка, недавно отправленная с официальной и частной почтой, вернулась обратно; того китайца, которому была поручена официальная почта, нет{159} и нельзя добиться толку, куда он девался. Говорят, не беда, если его перехватили японцы. Там не было никаких секретов.

Какие тут секреты — можем пока держаться и продержимся до тех пор, пока нас не выручит подоспевшая помощь. Вот и все.

Одна из торговых фирм обещает своим служащим выплатить награду за время осады в размере половинного жалованья; но сейчас, когда цены на все необходимое для жизни возросли и возрастают до невероятного, не прибавили к жалованью ни копейки. Служащие возмущаются, говорят, что деньги есть, отчего бы не выплатить обещанное сейчас? Точно рассчитывают на то, что авось того или другого убьют, и тогда деньги останутся в [261] хозяйском кармане... Кажется, ни при каких других обстоятельствах всякие такие обещания не могут иметь меньше цены, чем сейчас у нас, и не делают меньше чести таким обещателям; все это отдает недобросовестностью, жидомордством.

Сообщают, будто замечено некоторое скопление неприятельских сил против Высокой горы.

Туда проехал комендант — генерал Смирнов.

Передают, что ему все время приходится бороться с внутренними врагами. Генерал Фок будто натравляет на него генерала Стесселя, всюду ругает коменданта, насмехается над ним в присутствии офицеров и солдат, критикует его распоряжения, тормозит выполнение их. Да вообще, по рассказам людей более осведомленных, генерал Фок предался всецело интригам, ссорит всех начальников между собой — все у него и «подлецы», и «изменники», всюду вносит самую грубую ругань и разлад.

Благодаря тому что генерал Стессель подпал под гипноз Фока, а на струнах самолюбия наигрывать легко, — все сходит ему с рук. Все же трудно понять, что такое представляет из себя генерал Фок — психически ли ненормального человека или же злого гения (выражение, пожалуй, немного громковатое для характеристики его отрицательных заслуг).

Еще до боев на Кинчжоу он раз высказался после того, как переругал всех дураками из дураков:

— И Фок дурак, такой же дурак! Но нет, он знает свое дело: пройдет все благополучно —

подавай Фоку чины и награды! Если же будет худо — Фок не виноват, он человек с дырявой головой{160}; не назначай такого!..

На то и походит. А говорят, что он уже представлен не к первой награде и всегда впереди всех.

Приходится удивляться самому себе. В первое время бомбардировка города и каждый бой отдавался какой-то болью в сердце. Теперь все это как будто нипочем. «Привыкнешь, и в аду хорошо». Так и мы привыкли. Порой нет ни воодушевления, ни уныния — наступает как бы полная апатия, которая давит, как кошмар; неведение, что есть, что было, что творится [262] сейчас на свете, и когда, и откуда можем ожидать помощь — освобождение. Нервы как будто надсажены. Иногда какая-то скука. Нет нормальной работы, нет нормального отдыха и нормальной пищи. Наверное, и питание отзывается на настроении. Желудок как бы не хочет переваривать всю эту консервированную дрянь; надо бы иметь какую-нибудь перемену в питании, а тут предвидится только все больший и больший недостаток всего съедобного. Поневоле вечные головные боли, какая-то придавленность.

Сообщают, что прилетел еще один голубь с севера и также без письма. Непонятно, что это такое — неужели японцы устроили на Кинчжоуских высотах какую-нибудь приманочную станцию? Или же там, в Ляояне, их выпускают зря, некому досмотреть.

Дело с нашими воздушными шарами дальше опытов не пошло; то же самое и с воздушными змеями. Для шаров скупил в городе весь шелк; говорят даже, что дамы жертвовали на это дело свои шелковые юбки. Шары сшиты, но, говорят, нет кислоты для газа; другие уверяют, что и это вздор, что можно сфабриковать и газ.

Досадно, что у нас нет ничего серьезного — бирюльки, опыты как бы ради рекламы. А понадобилось показать и доказать на деле — ничего не выходит. Виновата погода, затишье, ветер — все, но только не мы сами. Скажут — виновато начальство... Не верю! И сами кругом виноваты — не принимаемся серьезно за дело, лишь бы тянуть служебную лямку, лишь бы поскорее пристроиться куда-нибудь потеплее, а опытами пусть занимаются те, кому еще надо обратить на себя внимание начальства. Пусть работают другие...

Расспрашивал об очищении нашими отрядами Длинной горы. По одной версии солдаты бросили офицеров, не предупредив их об опасности, по другой — капитан Москвин, не получив приказаний отступить, отпустил солдат, а сам остался на месте; убит или попал в плен — неизвестно. Эпизод довольно неясный.

Сегодня японцы не обстреливали город.

Вечер чудный, но зловещие признаки беспокойной ночи — пулеметы потатакивают. Сижу на горке. Мимо проезжают солдаты [263] на двуколках, везут строительные материалы. За одной из подвод идут два солдата и разговаривают. Слышны отрывистые фразы.

— Сами ляжем все, но и их уложим всех...

14/27 сентября

Утром 14° тепла. Ночью где-то стреляли довольно много.

Первым долгом узнаю, будто прибыла из Чифу джонка, на ней будто прибыла г-жа Ц. привезла письма и известие, что у Куропаткина был 12-дневный бой и японцы разбиты.

Бегу, чтобы убедиться. Верно только то, что прибыла джонка и Ц. Получил от жены из Чифу письмо. Пишет, что, по слухам, Балтийский флот вышел сюда 20 июля. Известий о нашей Северной армии не имеется.

А на днях сообщали, что по газетам, найденным у убитых японцев, видно, что Балтийский флот вышел из Либавы 3 сентября старого стиля.

Интересен приказ генерала Стесселя.

«№ 661. В последнее время подвоз китайцами продуктов на шаландах почти совершенно прекратился, и по имеющимся сведениям произошло это не столько от усиления наблюдения со стороны японцев, сколько оттого, что цены, по которым рассчитывают китайцев, слишком низки и не вознаграждают за риск, сопряженный с доставкой продуктов, а также оттого, что шаланды слишком долго задерживаются, чем увеличивается риск обратного возвращения. Имея в виду, что в настоящее время следует заботиться не об экономии, а о привлечении всеми мерами китайцев к подвозу продуктов, покупку последних возлагаю на капитана Павловского, которому по приходе шаланд немедленно сгружать все привезенные товары, уплачивая по цене, заявленной китайцами, без всякого замедления. Все приобретенные таким образом продукты передавать в крепостное интендантство для распределения между частями войск. Лицам, наблюдающим за побережьем, о всякой прибывшей с товаром шаланде тотчас же сообщать капитану Павловскому. Грузы, привезенные не для продажи с шаланд, а адресованные торговым фирмам или частным лицам, должны быть [264] беспрепятственно выдаваемы адресатам, уведомляя о количестве и роде грузов крепостного интенданта. Крепостному интенданту выдать капитану Павловскому аванс на покупку привозимых продуктов».

Бесспорно очень дельный приказ, но появился он слишком поздно. Об этом нужно было подумать раньше.

Теперь уже не заманишь китайцев сюда калачиком, они научены горьким опытом. Очень жаль, что это так, китайцы могли доставить огромное количество необходимых нам продуктов, особенно зелени, они идут охотно на риск, лишь бы это хорошо оплачивалось.

По этому поводу говорят, что генерал Стессель живет только настоящим днем, он не способен предугадать будущее. Поэтому у него столько оплошностей. Но думается, что тут сыграло видную роль и упрямство, нежелание слушать чьего-либо указания. Мало ли указывали ему на необходимость запастись, особенно зеленью, и в «Новом крае» было несколько статей на эту тему. Неуважение к чужому мнению, особенно если оно дельное — великий недостаток и никогда не может принести пользы.

Узнал про ночной бой. Наши устроили вылазку на редут № 2; бросили туда метательную мину, которая натворила среди японцев что-то ужасное, потом кинулись вперед и заняли редут. Но удержаться там невозможно; к редуту ведут японские ходы сообщения, по которым быстро подоспевает помощь. Через полчаса японцы заняли редут снова; наши отступили с трофеями, потеряв только несколько человек (из принесенных в Красный Крест трех раненых умер один). Как только охотники отступили, наши батареи открыли убийственный огонь по редуту. Японские потери насчитываются до 400 человек.

12. Еще о Кинчжоуском бое

Наконец удалось мне выяснить верную картину Кинчжоуского боя и состояния позиции; для этого пришлось побеседовать с несколькими участниками боя, ознакомиться с картой — и после всего это прийти в ужас. Не хотелось бы верить, что мы [265] так позорно потеряли эту позицию, побросали ее ни за что — и все это при богатырской стойкости наших солдат!

В 1900 году кинчжоуская позиция была укреплена для того, чтобы предупредить прорыв боксерских полчищ на Квантуй, когда все войска с Квантуна были отправлены в Китай; но потом все было заброшено, разрушилось, поросло травой.

Прямо-таки удивительно, что в то время когда над нами давно висела угроза войны, т. е. с лета 1903 года, никто не подумал о заблаговременном укреплении Кинчжоу.

После того как артурский гарнизон — 3-я дивизия — был отправлен на север, на Ялу, т. е. в январе с. г., приезжал на Кинчжоу генерал Кондратенко (чуть ли не по собственному почину), осматривал прежние наши там укрепления и поинтересовался, что уцелело от прежних

китайских укреплений. Прекрасно устроенные китайцами талиенванские батареи были разрушены... нашими подрядчиками; оттуда брали строительные материалы на разные надобности.

Первоначальная смета инженера Шварца на восстановление кинчжоуских укреплений{161} не была утверждена, областной совет предлагал всего четверть требуемой суммы. Это необходимо отметить как образец нашей неуместной экономии, тогда как на другие статьи, например на Дальний, расходовались миллионы. Это было накануне войны. Грянула война, и только тогда было приказано приступить к укреплению Кинчжоу.

Теперь уже нельзя было думать о спокойном возведении долговременных укреплений, а пришлось — хватай, имай! — броситься работать, чтобы на первый случай соорудить какое-нибудь препятствие японцам, высадку которых ожидали с часу на час. Нельзя было и думать о бетонных казематах; дай Бог возвести земляные прикрытия. Теперь работа обошлась втрое дороже, чем это стоило бы в мирное время, и страшно утомляла своей лихорадочной спешкой. Она обошлась бы еще дороже, если бы комендант Кинчжоуской позиции, командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Третьяков не разрешил работать и своим стрелкам за ту же плату, какая [266] платилась китайцам. Позднее было получено распоряжение, чтобы солдаты работали бесплатно.

Возобновляли, а где прорывали новые окопы, устраивали проволочные заграждения, закладывали фугасы — нужно было преградить почти весь перешеек. Батареи и редуты устраивались преимущественно за естественными брустверами и траверсами в несколько сажен толщиной — очень прочными{162}. Сперва делалось только крайне необходимое, а лишь потом все, что нужно и возможно. Там были устроены блиндажи для оружейной прислуги, блиндированные склады для амуниции и припасов и такой же перевязочный пункт{163}; в траншеях были прикрытия от шрапнели, бойницы и т. п.

Словом, позиция была далеко не так плохо укреплена, как про нее говорили после Кинчжоуского боя, когда нужно было найти оправдание позорному отступлению. Позиция не была взята с фронта, и поэтому не были использованы все ее преимущества — ни проволочные заграждения, ни целые линии фугасов{164}, японцам не пришлось брать штурмом ни одного окопа, ни одного редута, а что стоит такой штурм, этому мы имеем поучительные цифры за августовский штурм, где японские потери были в пятнадцать раз больше наших.

По всему фронту позиции японцам нигде не удалось приблизиться к окопам ближе 700 шагов (местами даже 1200 шагов); как только залегшие японские цепи пытались подняться и двинуться вперед, их буквально скашивал меткий огонь стрелков, и уцелевшие должны были снова залечь.

Поэтому японцы употребили все усилия, чтобы обойти под прикрытием огня с канонерок наш левый фланг. Даже передние наши заставы оказали им такое стойкое и дружное сопротивление, что не раз пришлось им отступать. Когда наша артиллерия замолчала за недостатком снарядов и японцы попытались [267] пододвинуть свою артиллерию, то и это не увенчалось успехом, одна батарея только что выехала и стала на место, как огнем стрелков была сразу уничтожена вся прислуга, и пушки остались стоять беспомощными, как в англо-бурскую войну у Моддеривера{165}.

Попытки японцев обойти левый фланг бродом были также безуспешны — меткий огонь стрелков не давал продвигаться вперед, расстреливал колонны японцев, и те отступали и двигались снова вперед лишь тогда, когда получали значительные подкрепления.

Наших стрелков на левом нашем фланге били артиллерией с фронта, с канонерок, с фланга и ружейным огнем придвинувшихся японских цепей и наступающих колонн; они таяли, но держались богатырски, не думали отступать и удержались бы. Дай бы им подкрепление — один-два батальона, и японцам не взять в этот день Кинчжоу, а за ночь могли подвезти для

артиллерии снаряды{166}. Японцам пришлось бы пойти на штурм фронта при помощи траншей, сапов, дело могло затянуться надолго, стоило бы японцам несомненно много больших потерь, и армия. Ноги была бы принуждена высаживаться также в Биц-зыво, а армия генерала Оку была бы надолго задержана и сильно ослаблена кинчжоуской позицией. Вся картина войны могла получить другой оборот. Подвести крупные осадные орудия сухим путем через Бицзыво было делом, требующим много времени и огромного труда. Этим временем могли мы спокойно очистить и разрушить Дальний и Талиенван, вывести оттуда все припасы и все ценное, а главное — куда лучше укрепить Артур!

Кроме того, что генерал Фок не был сам на позиции, не слушал просьб полковника Третьякова о присылке подкрепления и не дал послать их Надеину (вернул посланный последним батальон), он приказал, помимо полковника Третьякова, отступить. [268]

Третьяков было кинулся остановить отступление, но это оказалось невозможным. Присланные Фоком две роты с категорическим приказом употреблять их только для прикрытия отступления не могли прикрыть и отступления. За время боя, за целый день с рассвета до вечера, наши потери были не больше 450 человек, а одно отступление, совершавшееся не более часа, стоило нам 650 человек{167}.

И это доказывает, что позиция не была плоха{168}; на ней можно было держаться — было бы только разумное руководство боем, необходимая поддержка резервами. Наши войска не знали пресловутого принципа отступления — «в видах сбережения войск»{169}... Их усиленно приучали к этому отступлению — и вот вам Куинсан, Зеленые и Волчьи горы, Дагушань и Сяогушань, Длинная гора... Стойкость, как-никак, надломлена — пожинаем плоды.

Описания Кинчжоуского боя, появившиеся в печати, односторонни и неполны. В них сообщалось, что и защитники центра позиции отступили и их прикрывали в это время другие части. На самом же деле в центре позиции отступления не было и защитники его, за исключением небольшой части, отправленной в тыл несколько ранее, погибли с поразительным героизмом, самоотвержением и стойкостью. Окруженные, без преувеличения, в пятьдесят раз сильнее противником и поражаемые со всех сторон, они на предложение сдаться, выраженное наклонением вниз флагов и наглядным показыванием положить оружие, всякий раз отвечали более ожесточенной стрельбой, а когда сошлись вплотную — то штыком и шашкой. Дело дошло до прикладов, кулаков и зубов. Отбивались и отстреливались тяжелораненые. Погибли, конечно, все. Из всего участка (3, 4, 8-й рот, полуроты 9-й роты и 2-й пешей охотн. команды 5-го полка) благодаря особой случайности уцелели и [269] находятся в плену два тяжелораненых офицера, подполковник Белозор и штабс-капитан Шастин. Остальные несколько сот человек легли, свято выполнив свою присягу. Вот как дрался 5-й полк, не помышляя об отступлении и о сохранении своей жизни!

Чтобы дать более полную картину проявленного здесь войсками героизма, должен сказать, что отряд, защищавший кинчжоуские позиции (5-й полк, 2 роты 13-го полка и охотничья команда 16-го полка), был растянут жидкой линией на протяжении 6–7 верст, без всяких резервов. В тылу отряда действовала импровизированная артиллерия, прекратившая свою деятельность вскоре после того, как японцы двинули свои колонны на приступ (приблизительно в половине одиннадцатого утра).

Артиллерия прекратила свою деятельность потому, что не было больше снарядов и никто не думал их подвозить. Для примера приведу некоторые цифры.

На одной из батарей, имевшей 8 орудий, боевой комплект состоял всего из 560 снарядов, т. е. по 70 снарядов на орудие. Снаряды подразделялись на следующие: 216 гранат, 303 шрапнели и 42 картечи. Их было расстреляно 216 гранат, 287 шрапнелей; 15 шрапнелей дали осечку; картечь пришлось взорвать, так как ею не пришлось стрелять и унести ее не было возможности.

Против гарнизона кинчжоуских позиций действовало: 3 дивизии пехоты, 216 орудий с фронта и 4 канонерки и 6 миноносцев с фланга и тыла. (Цифры эти взяты из сообщений иностранных корреспондентов.) Чтобы ярче обрисовать неравенство сил и стойкость наших войск, необходимо пояснить, что в начале боя противопоставлена была десяти нашим стрелкам одна скорострельная пушка, в полдень осталось на каждую неприятельскую пушку лишь по 5, а к концу боя всего по 3 стрелка. При таких условиях полк держался 16 часов, а центральный участок, не получивший приказаний об отступлении, и не думал отступать, а предпочел остаться на месте, хотя и видел в этом неизбежную смерть. Едва ли найдется в истории другой пример такой стойкости горсти войск против целой столь сильно вооруженной армии. Поистине фермопильская стойкость! [270]

И артиллерия исполнила в этом бою добросовестно свой долг. Для подтверждения этого привожу выдержки из скромного, правдивого рапорта одного из фейерверкеров, командовавших отдельной батареей.

«Чуть рассвело, как неприятель открыл огонь по всей нашей позиции; наши батареи открыли огонь по неприятелю из всех орудий. Когда неприятель сосредоточил весь свой огонь на нашей батарее, младший фейерверкер Василий Сулин приказал прекратить огонь на 5 минут. Неприятель потерял цель и перенес весь огонь на соседние батареи. Тогда мы снова открыли огонь из наших орудий по неприятельской батарее около бухты Хунуэза (из 8 орудий) и несколькими удачными залпами заставили замолчать ее. В это время неприятель стал стрелять с канонеров из Кинчжоуской бухты. Один снаряд попал в пустой снарядный передок, разбил его и ранил канониров Тита Дрогана в левый бок и Константина Немочкина в правую ногу ниже колена. Оба остались в строю, но так как раны стали их ослаблять, то они перешли к установке дистанционных трубок. В 8 час. утра был ранен в левую руку шрапнельной пулей навывлет бомбардир-наводчик Эдуард Трей; после перевязки стал обратно на свое место и остался до конца боя.

Когда показались неприятельские колонны, батарея открыла шрапнельный огонь по ним, колонны не выдержали и отступили к железнодорожной станции. В это время снарядом ранило бомбардира-наводчика Хриспана Павуля в кисть левой руки; сделали перевязку чем могли, и он остался в строю. Снаряды были уже на исходе. В это время снова появились неприятельские колонны. Мы открыли по ним огонь шрапнелью, а в то же время стреляли гранатой по неприятельской батарее. Тут неприятельский снаряд попал во второе орудие, подбил его и убил наповал канонира Федора Селезнева, вторично ранил бомбардира Эдуарда Трея в правую ногу ниже колена с переломом кости. Только что его убрали в блиндаж и расстреляли последние 6 шрапнелей и 3 гранаты, как снова попал к нам снаряд, убил наповал раненого канонира Константина Немочкина, вторично ранил канонира Тита Дрогана в правый бок смертельно и контузил в правое ухо фейерверкера Василия Сулина. Остались [271] здоровыми бомбардир-лаборант Тимофей Новокийанов и бомбардир Николай Павлушин. В это время было прислано приказание отступить, убрав раненых и попортив орудия. Пришел командир артиллерии штабс-капитан Высоких 1-й и распорядился, как все это сделать. Разобрали замки; я приготовил динамит для взрыва орудий, отправил раненых на попавшейся нам походной кухне, вернулся сам на батарею, заложил динамит в орудия, зажег шнуры, взорвал и благополучно дошел до станции Тафашин».

Все это так просто, без прикрас; люди сделали, что могли, и, получив приказание отступить, ушли. Некоторые артиллеристы не дождались приказа отступить, но, когда вышли снаряды, взяли свои винтовки и пошли в окопы помогать стрелкам {170}.

Эх-ма! — вырывается с болью в сердце.

Не подлежит сомнению, что будь на Кинчжоу вместо Фока и Надеина генералы Кондратенко и Горбатовский или даже только один из них — и сопротивление кинчжоуской позиции удивило бы мир, эта позиция стоила бы японцам вдесятеро больше жертв по крайней мере, и у них не развилась бы та уверенность, та стихийная храбрость, которую они начали

выказывать, их сломила бы доказанная русская стойкость{171}. [272]

Глупо, конечно, жалеть о том, что непоправимо, но жалко, досадно, обидно! И вместо заслуженного порицания, даже суда над ним, генерал Фок называется героем и творит здесь Бог знает что — тормозит все, что может, вносит сумбур, разлад и озлобление. И он же называет других изменниками!

Сейчас пришедший с позиции раненый стрелок говорил нам, что по ночам японские пулеметы татакают большей частью зря — попусту. Японцы копают себе окопы — параллели, а так как они всегда должны опасаться внезапной нашей вылазки (в ночь на понедельник наши охотники опять засыпали один японский окоп), то они нет-нет да и потатакивают пулеметом в сторону наших — мы-де видим.

При рассуждениях о Кинчжоу вспомнились два мирно-военных или военно-мирных приключения с нашими солдатами. Еще в то время, как японцы осторожно подвигались к Кинчжоу и с нашей стороны велись разведки одиночными конными охотниками и небольшими отрядами, один из наших конных охотников взбирается на небольшую горку и — встречается там лицом к лицу с японским офицером. Не опомнившись от неожиданности, [273] он инстинктивно козыряет офицеру. Тот отвечает на привет тем же и, спохватившись, задает с улыбкой, как бы грозно, вопрос:

— Ты что здесь ищешь?

— А так что, вашбродие, ничего, разведки произвожу!

— Ну, нечего разговаривать — слезай с коня! Наших здесь много.

— Нет уж, дудки, вашбродие! И наших здесь видимо-невидимо!

В это время на самом деле к японскому офицеру скачут несколько его кавалеристов. Наш стрелок поворотил коня и улепетывает во весь дух, схватив с плеча винтовку и отстреливаясь на ходу.

Так и ушел себе благополучно. Но после он страшно досадовал на себя, что не схватил японского офицера. Все это случилось так неожиданно и скоро, что он не успел и опомниться. Он говорит, будто офицер был в русской форме{172}. И японский офицер опростоволосился.

И тот и другой не вошли еще в свою роль, роль воюющих.

Другой случай на передовых позициях за Волчьими горами. К часовому подъезжает в сумерках офицер и спрашивает, где находится такой-то полк. Тот отвечает. Офицер спрашивает еще и еще. Солдат отвечает, но спохватился, что офицер-то офицер, и форма-то русская, настоящая, «а рожа будто японская», как он говорит.

— Что вы тут расспрашиваете, — окрысился вдруг наш солдат, — вот позову разводящего! Наших полков тут тьма тьмущая!

— Не ври, не ври, — говорит ему со смехом офицер, — мы знаем хорошо, сколько вас!

Поворотил коня и был таков. Тут только спохватился наш солдат, что попал впросак. Но больше уже не слышать, чтобы кто-нибудь из наших солдат опростоволосился.

Китайцы сообщают все о мелких стычках нашей Северной армии, результаты которых всегда благоприятны для нас, [274] у японцев постоянно большой урон. Но Куропаткин будто все еще не имел серьезного боя, все вызывает японцев в наступление.

Китайцы же сообщают, что японцы готовятся к общему штурму Артура. Наши солдаты только этого и ждут, надеются встретить их достойно.

Был в Красном Кресте. Там на днях поступили с позиций лейтенант Хоменко и еще два моряка с обожженными веками и другими ранениями. Говорят, шли, увидели

неразорвавшийся японский снаряд, кто-то из них толкнул ногой — и вот, поизуродовали себя, к счастью легко. Знакомый артиллерист говорит, что он этому не верит, что тут что-то не то, по его мнению, эти господа или разряжали японский снаряд, или производили какой-нибудь опыт, маленькая неосторожность, в которой неохота сознаться. Хоменко считают очень дельным офицером, ему поручено поставить морские орудия на крыже над китайским городом. Это вторая оборонительная линия сзади Орлиных батарей.

— Вот, позавидуешь, — говорил артиллерист, — как они дружны: решили сказать так, и тут уже от них не услышите другого. А у нас, сухопутинцев, совсем другое — все я да я герой, а другой ничего!..

Бедного С., тяжело раненого в голову (он только недавно начал гулять), прозвали «мумией» за то, что голова его вся забинтована; кроме того, он должен носить темные очки-консервы. Незлобно потешаются друг над другом.

Там же встретил выздоровевшего К., который говорит, что после сытного питания в Красном Кресте ему сейчас «на воле» голодно... И деньги есть, а купить нечего, нельзя досыта поесть, а ему бы хотелось скорее оправиться и пойти вновь на позиции. Он ютится пока у подпоручика 25-го полка В.Н. Никольского, у того тоже ничего нет, тот перебивается так же.

Кстати, пару слов о Никольском. Это малозаметный, но ценный труженик, заведует мастерскими плавсредствами на Тигровом хвосте, под Маячной горой, и там оказывает великую услугу обороне, исправляет подбитые пушки, пулеметы, изготавливает картечь для противоштурмовых орудий, изобретает то одно, то другое крайне необходимое — капсюли, ударные трубки и т. п., [275] предался этому делу с любовью. Он инженер-механик, поступивший на военную службу более из любознательности, много путешествовавший, много наблюдавший. И весь свой богатый опыт он применяет теперь на деле. Для того чтобы дать ему отличиться, генерал Кондратенко назначил его на короткое время на Кумирнский редут; нисколько не сомневаясь в его храбрости, можно все же сказать, что здесь он приносит много больше пользы, чем будучи там, на позициях{173}. Мне удалось раз заглянуть в эти мастерские, видеть исправленные пушки, которые считались уже никуда не годными, проследить все разнообразные работы, которые кипят в умелых руках.

Уже солнце садилось за горизонт, когда японцы начали обстреливать батарею на Перепелке. Все перелеты да недолеты. Какая красивая картина (хотя и опасно любоваться — в любую минуту может прилететь осколок), когда на теневой стороне горы рвутся японские снаряды: одновременно с густым клубом дыма и пыли сверкнет сноп темно-красного огня, а от места взрыва нередко подымается красивое кольцо дыма и долго плывет по вечернему небу. Такие же кольца мы часто видим при выстрелах из мортир на Золотой горе, они напоминают кольца, какие иногда пускает искусный курильщик... Вот чем мы любимся, вот что нас потешает!

Не могу не отметить, что Т. М. Д-ва, жена запасного унтер-офицера из коммерсантов, взятых здесь же на службу, вечно боявшаяся бомбардировок и убегавшая всегда при первом выстреле в ближайший каземат, вечно охавшая и вздыхавшая, собралась сегодня и навестила мужа на позициях, посидела с ним в окопах, посмотрела через бойницы на расположение японцев, но жалеет, что никого из них не видала. Набрала там массу шрапнельных пуль — на память. Угощала и товарищей мужа вином и пирожками; все, говорит, так рады, что она пришла. И она рада, что не побоялась навестить мужа и что теперь знает, где он там сидит. [276]

— Снаряды так и падают, так и падают, — говорит она, задыхаясь от восторга или страха, — но в окопе не страшно, не то что на чистом поле. Шла обратно, совсем близко — «бац» — и ничего, только осколки пропели...

При ней вызывали охотников на какую-то вылазку, и ее муж хотел было идти, но она уговорила:

— Что ты, что ты! Я-то как тогда останусь!.. Будь ты один — другое дело!

Муж старался уверить ее, что все равно, что и так можно погибнуть и что вылазки не так страшны, но согласился сегодня не пойти. И не было нужды, так как охотников всегда больше, чем надо.

— Господи, Господи! — удивляется она. — И все готовы сейчас вот идти почти на верную смерть!..

Забыл еще отметить, будто один из наших артиллерийских подпоручиков, забубённая головушка, разрядил небольшой снаряд, вложил в него письмо к японцам и послал. Пишет им, что напрасно они стараются попасть в Артур этим путем, чтобы они имели побольше терпения — вскоре будут, мол, доставлять их прямо из Нагасаки в Артур по удешевленному тарифу.

Все еще бравуруем.

Говорят, что если узнает про то начальство, то достанется ему на орешки.

Сообщают, что прибыли две джонки из Чифу, одна с сапогами, а другая со съестными припасами.

13. История с корреспондентами

15/28 сентября

3 часа утра. Чудная лунная ночь. Тишина совершенная. Только изредка кое-где тявкнет дворняжка. Город, крепость, окружающие горы — все спит. Ни одного признака войны.

Мельница Тифонтая, взятая в казну, работает тихо, лишь дым из трубы паровика стелется сегодня густым облаком, стоит, как большое тенистое дерево, как столетний ветвистый дуб, на одном месте в неподвижной сегодня атмосфере, чтобы медленно, медленно расплыться и висеть как бы зловещей тучей в будто редком, прозрачном, как хрусталь, воздухе. [277]

Вечером почти не было слышно выстрелов из пушек на линии сухопутной обороны — видишь огонь и клуб дыма, а звук как будто из ружья. Это объясняется своеобразным состоянием атмосферы.

За этой тишиной таится страшный призрак — вызванные вчера охотники где-то крадутся с миной, с бомбочками, чтобы вдруг забросать неприятельский окоп. В любую минуту могут замелькать зловещие огоньки с мягкими звуками взрывов — превращающих, быть может, сотни людей в ничто... Сотни людей, того не подозревающих, могут быть вмиг изорваны на клочки или тяжело изувечены, будут умирать в эту чудную, серебристо-ясную лунную ночь — вдали от своих, от родины, во славу своей родины, интересы коей требуют этих жестокостей, этих ужасов, этих жертв. Война превратила людей в кровожадных зверей, не знающих жалости.

Мы не могли обойтись без этой войны, мы не могли избежать ее, потому что как японцев, так и нас толкнул в нее культурный Запад. Ему хотелось, ему нужно, чтобы было побольше этих ужасов, побольше текло крови, побольше погибало жизней. Его интересы — эгоистичные, торгашеские интересы, боязнь за свою шкуру, заставили его желать, чтобы русский и японский народы ослабляли друг друга, разоряли свою казну, задолжались, чтобы они нескоро могли оправиться и не могли помешать «культурному Западу» обогащать себя за счет довольно беспомощного, детски добродушного Дальнего Востока.

Нет на свете хищнее, алчнее, ненасытнее зверей, чем люди.

В 9 часов 17 минут просвистел первый неприятельский снаряд в западную часть гавани, но взрыва не было — должно быть, упал в воду. Стреляют усердно.

Встретил знакомого моряка, от которого узнал, что по приказанию командира порта контр-адмирала Григоровича назначено следствие по делу об исчезнувших проводках. Говорит, что можно ожидать раскрытия массы злоупотреблений. Он же говорит, что в прошлом году началось было следствие о бесцеремонном хозяйничании с казенным углем, но наместник приказал прекратить дело, чтобы не выносить на свет Божий второй севастопольский скандал. Сейчас, по его мнению, [278] разгорится скандал еще крупнее, коль скоро начнут обличать друг друга.

Он же сообщает сенсационную новость — сегодня утром прибыли на рейд в вельботе под французским флагом два иностранных корреспондента. Их привезли в гавань и на «Пересвет», накормили и напоили. Было приказано доставить их под конвоем в штаб крепости, но тут явился адъютант из штаба района и увел их к генералу Стесселю {174}. Они привезли не совсем радостную весть — будто на севере был кровопролитный бой с огромными потерями с обеих сторон (у японцев будто почти вдвое большие потери, чем у нас) и Куропаткин отступил к Мукдену. Ляоян в руках японцев. Будто ловко отступил (?).

Больше он ничего не знал и очень торопился. Но и это известие сильно подействовало на меня, слишком оно неблагоприятно для нас, артурцев, как ни утешай себя тем, что Куропаткин знает, что он делает. Если уж он ушел на север, то, следовательно, и не думает выручать Порт-Артур, идти на юг. Одна надежда на флот.

В моем кабинете собралась целая компания знакомых — люди разных ведомств и разного рода оружия. Разговоры, конечно, о последних новостях. Каждый высказывает свое мнение.

И. В. Я. уверял, что отступление Куропаткина к северу есть несомненный для него плюс, — чем вышибать японцев из их укрепленных позиций, лучше вызывать их на открытый бой.

— Уступая японцам свои укрепленные позиции? — вопрошает кто-то с отчаянием в голосе.

— Вопрос еще в том, — говорит другой, — пойдут ли японцы на открытый бой, ввиду наступления зимы? А если они укрепятся в Ляояне и зазимуют там? Изволь-ка тогда вышибать их оттуда!

И как не верти этот вопрос, а утешительного не найдешь ничего. Корреспонденты говорят, что весь мир удивляется храбрецам — защитникам Артура.

А надолго ли хватит этих храбрецов и провианта для них, если помощи ниоткуда не будет? [279]

Балтийский флот будто вышел сюда только в 20-х числах августа. Но вот вопрос — что это за корреспонденты и как они прибыли в Артур?

На это никто не может дать определенного ответа. Кто их знает! Прибыли на вельботе с парусом — из Чифу! Не спустили ли их японцы с крейсера или миноносца, чтобы эти господа разведали, чем мы тут дышим, что делаем, как живем? Все время было на море порядочное волнение, а они вдруг явились на вельботе! Подозрительно что-то. Не шпионы ли на самом деле?

Б-в приехал из Голубиной бухты — ездил к пришедшей туда джонке — и сообщает, что к северу от бухты ясно слышна морская пальба. Никто не может объяснить, что это такое.

Вечером был в Красном Кресте и узнал, что прибывшие на вельботе корреспонденты гуляли по городу, побывали и в Ма-риинской общине. Их провожал кто-то из адъютантов штаба — не то штабс-капитан Колесников, не то подпоручик Малченко, знающий иностранные языки и, как говорят, оказывающий генералу Стесселю большие услуги сообщением в иностранные газеты благоприятных ему сведений, делающих ему рекламу.

Что-то просто невероятное! Или же, быть может, эти корреспонденты снабжены особыми доверительными письмами со стороны русских властей?

Уважаемый всеми мсье Тардан уверяет, что один из этих корреспондентов несомненно француз. Но ведь этого еще слишком мало для того, чтобы им доверять.

Японцы стреляли сегодня по гавани с утра до 4 часов дня. В 9 часов вечера они пустили еще два снаряда в порт.

16/29 сентября

Пасмурно, 17 градусов тепла — давно не бывала температура.

Ночь прошла спокойно.

Первое, что узнаю сегодня, это то, что вчера вечером, в 10 часов, у генерала Стесселя чествовали иностранных корреспондентов богатым ужином — конечно, для того, чтобы те возвестили миру приятные рекламным героям известия.

Корреспонденты — имена которых все еще не удалось узнать — будто шествовали к генералу Стесселю в сопровождении нового флигель-адъютанта полковника Семенова и поручика [280] Малченко. Но где они побывали, этого не знаем. Потом будто приехал к Стесселю генерал Смирнов. Его любезно просили принять участие в трапезе, а он сухо, формально заявил генералу Стесселю, что этих господ следует не чествовать ужином, а арестовать. Тогда только почуяли что-то подозрительное в документах этих корреспондентов. Теперь будто они уже арестованы и содержатся на «Ретвизане».

— Не привезены ли на самом деле эти господа сюда японцами из бухты Луизы? — спрашивает возмущенный всем этим один из наших собеседников.

Другой говорит, что это несомненные шпионы. Посылали разыскивать джонку, спустившую их якобы около Артура, но ничего не нашли.

Пока мы так беседовали, теряясь в загадках и возмущаясь неосторожностью генерала Стесселя, к нам принесли экстренный приказ его:

«№ 663 (16 сентября). Вчера, 15-го сего сентября, в Артур из Чифу прибыли два корреспондента иностранных газет — французской и немецкой (?) {175}. Были они спущены на берег без тщательного осмотра бумаг. У них имеются консульские удостоверения, но нет официального разрешения из штаба армии быть военными корреспондентами. Прибыли они, разумеется, чтобы пронюхать, каково настроение в Артуре, так как в одной газете пишут, что мы уже землю едим (!), в другой, что у нас музыка играет и мы ни в чем не нуждаемся. Продержав их сутки при штабе корпуса под надзором офицера (?!), я предписал начальнику штаба произвести осмотр бумаг их, так как они прибыли без вещей, а затем немедленно выселить из крепости, так как я не имею данных разрешить им пребывание, и без того в иностранных газетах печатается всякий вздор, начиная от взятия Порт-Артура и до отступления генерал-адъютанта Куропаткина чуть не до Харбина. А ведь у нас известно, как делается, мы первые всякой газете верим, будь там написано хотя видимый для всех вздор, например, что Куропаткин отошел куда-то, [281] а когда посмотришь это расстояние, то видно, что надо в два дня сделать 150 верст, но наши умники все-таки верят, потому — в газете написано, да еще в иностранной {176}. Впредь прошу портовое начальство отнюдь никого не спускать на берег без разрешения коменданта крепости или, разумеется, моего и без тщательного осмотра документов. Коменданту же предлагаю организовать это дело. П. п. Начальник Квантунского Укрепленного района Генерал-Адъютант Стессель. С под. Верно: Начальник Штаба, Полковник Рейс».

Прочитали и обомлели. Что же это такое? К чему нам такие сказки, такая ложь! Приказ, судя по стилю, писан самим генералом Стесселем. Неужели мы можем чувствовать к нему уважение при его бесцеремонном извращении фактов, известных всем и каждому в Артуре! Из приказа получается впечатление, будто портовое начальство и комендант виноваты в том, что Стессель угощал неведомых нам корреспондентов. И спрашивается, к чему такое балаганное отношение к газетам? Ведь газеты же разнесли по белу свету славу о

неслыханном геройстве генерала Стесселя! Но что-то не слышать, чтобы он обижался на это или чтобы пожелал опровергнуть эти сведения...

Если прибывшие действительно шпионы, то с ними следует и обойтись как с таковыми. Если же они вполне порядочные и честные люди, то и из этого еще не следует давать им возможность разгуливать по городу, в тесно осажденной крепости, а затем беспрепятственно выпустить их обратно из крепости. Разве они не могут разгласить то, что важно знать японцам? Нам же это разглашение может принести страшный вред! Почему было не задержать их в крепости? Если они прибыли сюда из-за жгучего любопытства, то следовало удовлетворить его — пусть бы остались в крепости, поиспытали бы осаду.

Корреспондентов выслали обратно в море. Там их перехватит японский миноносец (пожалуй, даже ожидавший их возвращения) и увезет их в японский лагерь, а там уж их допросят, и допросят подробно. И думать нечего, чтобы они решились [282] там не рассказать того, что они видели. Незачем им рисковать, в противном случае, жизнью {177}.

Поговорили, повозмущались и разошлись. Разве у нас мыслимы какие либо протесты!

Встречаю на набережной другую группу знакомых, которые возмущаются тем, что на днях городскую прачечную взяли [283] да взорвали — будто по распоряжению генерала Стесселя — вместе с машинами и бельем, отданным в стирку, не предупредив никого об этом. Арендатор прачечной ездил в город по делам, возвращается и видит — одни безобразные развалины. Там у него было 2 тысячи штук белья Красного Креста, затем белье остальных госпиталей, а также частных лиц. И все это погибло. Как будто мы так богаты бельем! Когда на самом деле добровольные сестры милосердия и почти все женщины в городе собирают и шьют на солдат, оставшихся и так без белья, обносившихся вконец. И машины можно было бы вывезти все, чтобы устроить прачечную в другом месте.

Как глупо, как бестолково все делается у нас!

Прачечная будто взорвана для того, чтобы японцы не воспользовались ею так же, как гаоляном, который был оставлен невыкошенным... Но японцы еще не наседали на это место до сей поры!

Кажется, можно было бы предоставить японцам разрушать эти здания артиллерийским огнем, они не преминули бы это сделать из опасения, что там могут скрываться наши резервы или что-либо прочее. Все же потратили бы немало снарядов.

Сообщают, что корреспондентов отправили отсюда на небольшой джонке, которую портовой катер отбуксировал через минное заграждение в открытое море. С наших наблюдательных постов сообщали, что на море к джонке подошел японский крейсер, наверное, снял с нее корреспондентов и отвез их в бухту Луизы — к японцам {178}.

Снова началась бомбардировка гавани.

Вчера японцы корректировали стрельбу по гавани с двух воздушных шаров.

Досадно, что наша артиллерия не может сбить японские воздушные шары.

Приятное известие — сегодня утром пришла в Голубиную бухту джонка с почтой. Вирен произведен в контр-адмиралы. Его флаг уже развевается на «Пересвете». Сказывают, что Фок [284] произведен в генерал-лейтенанты — должно быть, за «подвиги» при Кинчжоу... Спрашивается, за что же именно?

В наших аптеках обнаруживается недостаток разных медикаментов, притом самых необходимых при дезинтерии — боткинских капель. Впрочем, и в мирное время не всегда все лекарства имелись в наших аптеках. А цены — Боже мой! — что это за цены! И все-то сходит у нас с рук и называется «все обстоит благополучно».

По городу ходят всевозможные толки о Куропаткине. Он будто отступил для того, чтобы

завлечь японцев, завлек их, и тогда наша кавалерия врезалась в тыл и во фланги дивизии, или сколько их там было, и погрозила японцев немилосердно.

Не верим, не хотим верить в действительное отступление Куропаткина. Нам страшно поверить!

Японцы обстреливали сегодня гавань до 5 часов; последние снаряды ложились около землечерпательного каравана. Мы наблюдали с набережной. Звуки выстрелов кажутся очень близкими, и свист снарядов стал значительно короче, что позволяет думать, что стреляющие орудия установлены японцами очень близко.

Вечером мне рассказывал знакомый полковник, что взятый в плен раненый японец все упрасивал, даже когда его уже принесли в госпиталь, чтобы его не добивали — он-де человек богатый, расплатится за все, вознаградит за это. Когда же убедился в том, что никто и не думает добивать его, то расчувствовался и рассказал, будто в Японии сильный разлад между партиями старых людей, требующих прекращения войны, и молодых, желающих ее продолжения. Когда потребовались подкрепления для осаждающей Артур армии, то молодой воинственной партии было предложено вступить в ее ряды. И пошли милиционеры-волонтеры, между ними есть и профессора, и студенты (он сам должен был пойти в числе этих охотников); всего набралось их будто около 10 тысяч. Когда они прибыли под Артур, то высказали презрительное недоверие:

— Чтобы Артура не взять!..

Их тогда и послали в первую голову на сентябрьские штурмы, поставили в первые колонны. Кажется, убедили.

В настоящих японских войсках будто полное угнетение. Приятно слушать, но трудно поверить всему этому. [285]

Когда стемнело, за Перепелочной горой и Орлиным Гнездом засверкала отдаленная молния. Публика готова верить, спорит, что это Куропаткинские войска сражаются уже за Волчьими горами. Оспариваю; уверяю, что был бы не меньше их рад приходу помощи. Но не слушают. Каждый остается при своем убеждении.

Около 10 часов, когда уже взошла луна, японцы пустили по городу несколько снарядов; один лег у Красного Креста, другой у мельницы Тифонтая, третий в Китайском городе, а четвертый где-то около Казачьего плаца. По-видимому, пристреливаются. У них есть несомненно в городе свои наблюдатели, которые должны им сообщать, как ложатся снаряды.

Забыл отметить, что корреспонденты говорили, будто французский агент Кювервилль и германский — Гильгенгеймб — исчезли; с ними, по всей вероятности, случилось какое-либо несчастье. До сих пор они никуда не прибыли; между тем отсюда они выехали на джонке давно. Все розыски пока не привели ни к чему. Быть может, они схвачены пиратами-хунхузами, которые и предложат выкупить их за большую сумму. Или же они попали в плен к японцам, и те не поверили им, что они агенты, а не шпионы.

17/30 сентября

В 7 часов утра 14° тепла; воздух влажный, роса капает с крыш.

Зашел Р. и сообщил, что поручик минной роты Багговут остался на поле битвы впереди Водопроводного редута; его денщик хотел только снять с него часы и шашку. Сколько у нас легло так храбрых офицеров, и нам неизвестны даже имена их всех! А кажется, можно было бы объявить в приказах списки погибших, с отметками, при каком деле и как погибли они. Ведь они, положившие свои головы за Отечество, бесспорно стоят того; наш долг — почтить их память.

Тут же узнал, что морская пальба, о которой сообщали третьего дня, объясняется просто — в одной из бухт западного фронта стали японские канонерки и обстреливали наши позиции. О

попадании по нашим позициям что-то не слышать, должно быть, опять стреляли по своим.

По городу усиленно циркулируют слухи: 1) будто Куропаткин окружил японцев в Ляояне и требует их сдачи без боя; [286]

2) что он ушел за Ляоян и, заманивши японцев в Ляоян, уничтожил их там и 3) что он начал наступать на юг.

Блажен, кто верует.

Рассказывают, будто в прошлую ночь была снова довольно удачная вылазка на редут № 2.

Поздно вечером японцы опять бросили несколько снарядов по гавани, как бы желая помешать сообщению и помешать исправлению судов.

Вечером был на именинах, ел жареные сосиски (из консервов) и европейскую картофель. Какая роскошь в это время!

18 сентября (1 октября). С

8 часов 35 минут утра японцы открыли огонь по старому направлению, по гавани. Но суда наши переставлены, а поэтому снаряды падали все в воду.

Наш больной вопрос — что и как Куропаткин. Рассуждаем: он, стягивая на себя все японские армии и отступая с ними на север, готовит, наверное, им тыльный или, по крайней мере, фланговый удар, в то же время он, видимо, поджидает прибытия Балтийской эскадры, которая должна отрезать японцам при помощи артурской и владивостокских эскадр пути отступления. Все это хорошо, но нам теперь приходится рассчитывать только на Балтийскую эскадру как на освободительницу. Осада грозит затянуться, а никто не знает, где эта эскадра и каким путем она идет.

Оказывается, мортир у нас мало и мало снарядов к ним, так же мало артиллерийских снарядов вообще. Теперь, когда японцы начали стрелять и в потемках, можно бы легче обнаружить и разбить их батареи, обстреливающие город и гавань {179}. Хотя и тут они могут вводить нас в заблуждение фальшивыми вспышками.

Узнал некоторые подробности об очищении Кумирнского редута. Когда японцы буквально сметали прикрытие артиллерийским огнем, то солдаты из одного люнета боковой траншеи кинулись на редут, чтобы хотя там, под блиндажом, найти некоторое спасение от адского огня; редут японцы поливали таким [287] же артиллерийским огнем, поэтому и тут они не могли укрыться, так как блиндажи эти были битком набиты гарнизоном самого редута. Стоять же на редуте без прикрытия не было возможности — и вот солдаты стали перебегать назад, отступать, увлекли с собой, так сказать, стадным чувством и гарнизон редута. Офицеры отступали последними, и, говорят, с достоинством — отходили, не торопясь, по сильно обстреливаемой площади, предварительно испортив оставшиеся на редуте 2 пушки и 2 пулемета. Говорят, что полковник, флигель-адъютант Семенов не предусмотрел возможности этого отступления и не велел увезти оттуда заблаговременно хотя бы пушки, которые там были безо всякой надобности, так как на барбетах были пулеметы и снимать их, чтобы дать место пушкам, было немыслимо, да и было бы неразумно. Мало того — он прислал на редут вечером, накануне отступления, еще одну пушку, но офицеры вернули ее обратно на свой риск и страх, так как пользы от нее не могло быть, она бы досталась также японцам. Да вообще можно отметить отсутствие единства руководства. Если самому Семенову некогда было посещать редут, то следовало бы посылать туда одного из батальонных командиров либо кого-нибудь из прочих штаб-офицеров.

— На что же они имеются у нас! — говорят офицеры. — Не мирное же время! А так никто другому не подчинен, все молодые, и каждый по своей части старший. А нас-то и в штабе не слушают, если мы о чем просим.

Из разговоров узнал, что вчера полковник Т. был принят генералом Стесселем особенно

холодно, и это потому, что Т. единственный человек, который постоянно напоминает Стесселю, что он присвоил себе права, не предоставленные ему ни законами, ни обстоятельствами.

Всюду слышны возмущения по поводу бездеятельности нашего вице-консула в Чифу — Тидемана. В то время как тамошний японский консул проявляет энергичную деятельность, имеет даже свои разведочные пароходы (один такой был взят еще адмиралом Макаровым во время выхода с эскадрой к островам Мяо-Тао), наш консул не предпринимает ровно ничего, он даже не позаботился послать нам с теми джонками, которые прорываются к нам по собственному почину, хотя бы по пачке [288] газет. Не трудно было бы послать нам каждый раз хотя бы краткие перечни важнейших мировых событий за время тесной осады. У нас устроили на Ляотешане беспроволочный телеграф, а он и не думал устроить таковой же у себя. Японский консул делает все, что служит интересам его Отечества, а наш — ничего. Говорят, что он человек больной. В таком случае ему не в Чифу место, где нужен человек энергичный, предприимчивый. Говорят, что ему покровительствует наместник. Но ведь его можно бы перевести на такое место, где не нужно особенной деятельности. Мало ли таких мест! {180}

К часу дня повел я давно болеющую жену в Красный Крест. (Извозчики и рикши давно стали для большинства ар-турцев недоступной роскошью, и все, кто только в силах, передвигаются пешком.) Уже давно ей нужно было клиническое лечение, но она перемогалась кое-как, все не решаясь, ввиду ежедневных бомбардировок, отправиться к врачу. Ухудшение болезни заставило ее наконец решиться. Но только мы вошли в сад Мариинской общины, как вокруг нас завывали, зашипели японские снаряды и рвались очень близко. С трудом довел, так сказать, застывшую от ужаса жену до вестибюля больницы, куда со всех сторон сбегались и тащились выздоравливающие солдаты, не менее нас перепуганные бомбардировкой вблизи. Японцы доказали уже не раз свое неуважение к флагу Красного Креста и не раз уже стреляли по госпиталю, расположение которых прекрасно им известно (например, Сводного военного госпиталя) по имеющимся у них несомненно хорошим планам города, и поэтому никто не мог ожидать, чтобы они пощадили на этот раз Красный Крест. Но вскоре выяснилось, что они обстреливали только мельницу Тифонтая, работающую и день и ночь для нужд гарнизона и города, как единственную в Артуре мельницу. Было уже несколько попаданий. С улицы принесли только что раненого солдата, посланного с казенными пакетами...

В продолжение часа сыпались вокруг Красного Креста снаряды. [289]

Тут вспомнили — что же это такое? — после отъезда незнакомцев-корреспондентов японцы стали более интенсивно обстреливать и гавань, и город. Уж не узнали ли на самом деле японцы кое-что от взятых ими корреспондентов? В первый же вечер после отъезда этих господ как будто была пристрелка к мельнице; теперь же обстреляли ее, как по точной цели {181}.

Жена, конечно, не решилась остаться при такой обстановке в Красном Кресте и вернулась домой.

Узнал еще некоторые подробности об отступлении с Кин-чжоу 13 мая.

Офицер полевой артиллерии уверяет, что генерал Фок после боя приказал занять позиции на Тафашинских высотах. Но когда стали на позиции, выпрягли лошадей и дали им корм, в это время было получено приказание генерала Стесселя о немедленном отступлении. Эта новость поставила меня в тупик: неужели это правда? Значит, не Фок виноват в отступлении? Как мог генерал Стессель, сидевший в Артуре, дать приказ об отступлении?

Но люди, более знающие закулисы штаба района, разъяснили дело просто. Генерал Стессель отдавал разные приказания только ради того, чтобы этим показать свою деятельность, доказать, что он, а не кто другой командует районом. Когда Фок сообщил ему по телефону, что необходимо занять Тафашинские высоты, он приказал занять их, а когда немного погодя

Фок телефонирует или телеграфирует ему, что «в видах сбережения людей» лучше отступить, то Стессель тотчас же приказал отступить. Этим Фок снял с себя ответственность. [290]

Внезапный приказ об отступлении, когда люди уже готовились к ночлегу и к предстоящей обороне новых позиций, а также и то, что генерал Фок и его штаб уехали в Артур, т. е. отступили поспешно, вызвали тревогу, люди полагали, что японцы уже налегают в больших силах. Отсюда паника в отступающих в темноте войсках. [291]

VI. Новые ужасы осады

1. 11-дюймовые бомбы

18 сентября

(1 октября). Пока мы еще сидели в Красном Кресте, пришедший с боевых позиций прапорщик рассказал ужасную новость: японцы начали обстреливать форты 11-дюймовыми бомбами. На форт II такая бомба прошибла бетонный каземат и ранила смертельно несколько человек, на батарее литеры Б было не поверили этому, — говорят, не может быть! — хотели было послать им для доказательства доньшко снаряда, как оттуда дали знать по телефону, чтобы не посылали — и к ним уже прилетела такая же бомба... Сообщают, что и форт III обстреливается 11-дюймовыми снарядами.

Это что-то ужасное! Японцы грозят искрошить этими чудовищами (11-дюймовая бомба имеет в длину около аршина, весом она около 16 пудов) все наши форты и поведут тогда на них новые штурмовые колонны, бетон не выдерживает этого удара — значит, скоро негде будет укрываться нашим стрелкам и тогда надломится вся их стойкость. Говорят, что местоположение этих орудий уже определено и отмечено на картах для стрельбы по квадратам. Но что-то не [292] начали еще их обстреливать, должно быть, все еще экономят снаряды. Как бы не переэкономили.

Только что мы вернулись домой, как японцы начали вновь усиленно обстреливать внутренний порт (восточный бассейн), западную гавань, а также, разумеется, и город.

Пообедал, уснул, встал — уже скоро 5 часов, надо бы идти на занятие, а японцы стреляют и стреляют; видно, сегодня их не переждешь. Иду. Над головой так и шипят и воют снаряды; то ударится в выступ Военной горы, то пролетит в порт, а то пробивает крышу или стены домов, облепивших Военную гору со стороны порта. Путь не из приятных.

Встречаю минера П. Р.; мчится куда-то, удобно развалившись, на извозчике. Увидел меня, соскакивает — и торопится весело поделиться последней новостью: два господина в очень почтенных чинах, но имеющее много свободного времени, состязались в ухаживании за одной из красавиц, бывших шансонеток, ныне добровольной сестрой милосердия. Певица оказалась практичной и, не оценив старческую любовь, назначила сразу за счастье владеть ею кругленькую сумму — 6 тысяч рублей. Один из старых донжуанов взмолился:

— Помилосердствуйте, я человек семейный!.. И предложил ей только 3 тысячи. Другой, несемейный, дал все шесть {182}...

— Но, — говорю, — послушайте, все это хорошо и забавно, но здесь, в данную минуту, небезопасно ни рассказывать, ни слушать такие пикантные вещички.

— А не все ли равно! — возражает мне с веселым смехом уже изрядно обстрелянный молодой офицер.

И на самом деле — не все ли равно?

Иду дальше. Еще издалека видно, как в гавани поднимаются огромные белые столбы воды от попадающих туда снарядов. Вот такой столб поднялся как раз у горе-крейсера «Джигит»; казалось, что он уже погиб, что вода эта вырвалась прямо из его середины. Но нет — столб воды исчез, а «Джигит» стоит себе, как ни в чем не бывало, хотелось бы сказать — «на страх врагам»...

В 6 часов вечера японцы перестали стрелять. [293]

Н. Н. высказывает опасения, как бы маршал Ояма не отделил из Северной своей армии тысяч 50 и не ринулся бы с ними на Артур; тогда нам не устоять. Он относится с большим скептицизмом к действиям, планам и успехам Куропаткина; мы же более верим в его таланты и удаль. Не может быть, чтобы он допустил падение Артура — падение опорной точки нашего престижа здесь, на Крайнем Востоке.

19 сентября (2 октября)

Еще в седьмом часу утра была слышна ружейная перестрелка. Должно быть, всю ночь были мелкие схватки, частичные наступления.

9 часов утра. Немного левее Ручьевской (Волчьей) батареи виден японский воздушный шар {183} — белый, формы тупой сигары, с придатком вроде руля. Одна шрапнель с наших батарей разорвалась на воздухе, по направлению к нему, казалось, будто совсем близко от шара, но может быть и огромный недолет. Сомневаюсь, чтобы у нас было, наконец, организовано правильное наблюдение за разрывами снарядов; если бы оно было, то можно было бы расстрелять этот шар. Но по нему уже больше не стреляют — должно быть, нет надежды попасть в него.

Наши суда и, должно быть, Золотая гора и Электрический утес стреляют по квадратам вперекидную.

Но вот, как будто опять один снаряд с Золотой горы сорвался и полетел в город; особенный сильный звук, будто близко промчался паровоз...

Приблизительно через полчаса раздался снова тот же подозрительный звук. Вот наказание! Золотая гора взялась расстреливать город!.. От нее никуда не укроешься.

Кто-то острит, будто у нас были сшиты три воздушных шара, но так как не знают, что делать с ними дальше, будто решили шелк этот пожертвовать дамам на кофточки...

10 часов 20 минут. Сейчас видел, как по эту сторону Залитерной батареи, в ложине, где раньше были резервы, разорвался какой-то необычайно крупный снаряд — целое облако дыма [294] и пыли; это, должно быть, и есть 11-дюймовый мортирный снаряд. По взрыву видно, что это что-то ужасное по сравнению с обыкновенными бомбами.

11 часов 5 минут. Приблизительно через каждые полчаса пролетают к Золотой горе или к проходу в гавань какие-то снаряды с необычайным шумом и шипением, подавляющим обычный шум города. Значит, мы сегодня напрасно обвиняли Золотую гору. Но неужели японцы стреляют и сюда 11-дюймовыми мортирами? — Похоже на то.

Наши батареи и суда замолчали.

Надо бы во что бы то ни стало постараться сбить эти ужасные орудия, а то они наделают нам много бед!

Японцы убрали свой воздушный шар; должно быть, все-таки побаиваются расстрела. Стреляют по гавани и городу обычными снарядами, а через большие промежутки слышится опять это новое, зловещее шипение — будто снаряд летит с особенной стремительностью, но взрыва не слышно — должно быть, попадают в воду.

Стою на горке и прислушиваюсь. Это, несомненно, мортирные снаряды, полет которых дугообразный, снаряд подымается довольно круто ввысь, а потом опускается так же, почти

отвесно, вниз — оттого получается такая стремительность; к силе заряда присоединяется еще инерция падающей с высоты 16-пудовой тяжести. Удар должен быть ужасный.

Вспомнилось, что как-то за обедом на батареях, в то время когда японцы были еще за Зелеными горами, один почтенный полковник высказался, что, по теории, нельзя установить орудия крупнее 6-дюймового калибра без бетонного основания. Однако же японцы установили.

Ныне доказано уже не раз, что не всегда теория уживается с практикой, что многое, невозможное по теории, возможно при энергии и сильном желании.

А все, нет-нет, среди свиста обычных японских снарядов через наши головы раздается это необычайное шипение.

Японцы стреляли до 6 часов вечера. Весь вечер полное затишье. Оказывается, что и крупные снаряды ложились в гавань по направлению эскадры, но попаданий не было. Зато много мелких снарядов попадало в суда. [295]

Передают, будто адмирал Вирен собирается выводить суда на рейд; но вопрос в том, как охранять там суда от минных атак. На судах остались лишь одни крупные орудия; мелкие все взяты на сухопутный фронт.

Сообщают, что 6 японских миноносцев держались сегодня на горизонте; видимо, наблюдали за результатами стрельбы по гавани и поджидали возможного выхода наших судов на внешний рейд.

Невольно бросается всем в глаза, что после отъезда загадочных корреспондентов японцы, во-первых, усилили бомбардировку и, во-вторых, она стала точнее [184]. Все сознают, что не следовало выпускать этих господ, тем паче после того, как они разгуливали по крепости с открытыми глазами. У генерала Стесселя, конечно, был свой расчет, чтобы затрубили все газеты об его геройстве — ему нужна реклама.

Случаи заболевания среди войск и жителей города дизентерией были уже в июле и августе. В последнее время заболевания повторяются чаще и сильнее. В некоторых полках заболело больше 30 процентов состава, но в некоторых процент заболеваний ничтожен. Надо полагать, что в этом сказывается и ведение полкового хозяйства: в том полку, в котором больше заботятся о пище солдат, меньше заболеваний, и наоборот. Думается, что при кишечных заболеваниях играет немалую роль снабжение войск питьевой водой, особенно после закрытия водопровода. В этом отношении бесплатные чайные оказывают гарнизону большие услуги.

Вчера вечером опубликован приказ генерала Стесселя:

«№ 666. Газете «Новый край» разрешается продолжать издание, но без права какого бы то ни было участия корреспондента Ножина».

Новая узурпация власти — захват внутренней жизни газеты. До сей поры никто никогда не вмешивался в эту область [296] газетного мира — никому не было никакого дела, кто бы ни сотрудничал в газете — на то существуют ответственные редакторы. Газету могут карать, но ее внутренний мир должен оставаться неприкосновенным. Ни управлением по делам печати, ни каким бы то ни было министерством, даже именем государя, никогда не запрещалось какому-либо Иванову или Петрову сотрудничать в газетах; нет такого закона, в силу которого можно запретить писать писателю, а газете печатать написанное этим писателем. На что же цензура?!

Но то, что другие не находят возможным, то оказывается возможным для генерала Стесселя и его начальника штаба полковника Рейса или для тех, кто там еще орудует за кулисами.

Причина этого небывалого запрещения ясна — господин Ножин в последнее время нередко сопровождал по позициям генерала Смирнова и его немногочисленный штаб и затем писал

об этих поездках и деятельности генерала Смирнова; это не нравилось генералу Стесселю потому, что деятельность коменданта умаляла значение начальника укрепленного района, который ничего не делал.

Так как газета не стала упоминать имени генерала Стесселя, то он напоминал о себе приказами, печатаемыми в газете по особому требованию. Но этого казалось ему недостаточным для деланья истории защиты Артура, благоприятной для него. Он желает искоренить всякое другое мнение. Желание, впрочем, наивное: ведь господин Ножин не один знает положение, весь состав редакции и вся прочая пишущая братия давно уяснили себе, что центром, руководящим обороной крепости, ни в коем случае нельзя считать генерала Стесселя{185}.

Портовый чиновник Д., привлеченный к суду за пропажу 30 тысяч футов проводов, будто начинает обличать агента Китайской Восточной железной дороги К. и прочих, за кем имеются грешки. [297]

Мнения о том, из каких орудий стреляют японцы крупными снарядами, разделяются: одни уверяют, что это мортиры, а другие — что это морские орудия, снятые с канонерок, — следовательно, они могут стоять и очень далеко; мортиры же не могут стрелять на такое далекое расстояние и должны быть установлены довольно близко к крепости{186}. [298]

20 сентября (3 октября)

До 11 часов вечера была полная тишина, вечер темный — луна всходит поздно. Думали, ночь пройдет спокойно. Но не успели еще уснуть, как раздалось зловещее шипение японского снаряда, ночью оно кажется страшнее, чем днем. Так и кажется, что какая-то исполинская змея кидается прямо на тебя, и только тогда, когда снаряд грохнется на землю и все кругом вздрогнет от этого удара, только тогда чувствуешь, что он пролетел мимо. Но он упал где-то очень близко, так как ясно было слышно его падение, взрыва не последовало

Все, бывшие в каземате, вскочили моментально, лица у всех мертвенно бледны. Женщин обуял неопиcуемый страх — они трясутся, дрожат, слышно, как у них зубы стучат. Приходится прибегнуть к валериановым каплям. И на мужчин действует это состояние удручающе: страх — чувство заразительное, в теле чувствуется холод. Все сознают, что блиндаж, прекрасно оберегающий от 6-дюймовых снарядов, не устоит под ударом этого чудовища, могущего превратить его в могилу, всех искавших в нем спасения. Каземат наполняется народом из соседних домов, рискнувшим было переночевать у себя дома. Все теснятся молча — поглубже в подземное помещение, подальше от входа, слышны вздохи. Снова начинается в воздухе зловещее шипение (выстрела никто не слышал), все усиливающееся, идущее прямо на нас. Сердца замирают, слышен шепот: «Господи! Спаси и помилуй!» [299] Бух! — упал снова без взрыва, но, точно, еще ближе первого. Приблизительно через полчаса то же самое. Еще один. Но больше не слышать.

Долго не расходился народ, но сон берет свое, ложимся снова спать. Не хочется даже раздеваться. Куда же бежать и где скрыться? «Попадет, так уже не будете бегать!» — успокаивает внутренний голос. В эту ночь спалось очень плохо, это был снова какой то кошмар. То и дело вздрагиваешь, ухо чутко прислушивается — не шипит ли что в воздухе. Странно, но это факт, что все эти ужасы действуют на людей гораздо сильнее ночью, чем днем — точно дневной свет уменьшает впечатлительность, а ночью, в темноте, человек чувствует себя более беспомощным, более беззащитным.

Утро солнечное. И на душе становится легче, веселее — пережитое кажется уже не таким страшным. Узнал, что снаряды легли недалеко, у Пушкинского училища и на горе около ограды дворца наместника. Прежде чем пойти на занятия, пошел посмотреть на эти чудовища. Около Пушкинского училища снаряд ушел в землю — виднеется только большое отверстие; другой зарылся в землю под оградой дома наместника; образовалась большая яма, засыпанная щебнем, мусором разбитой ограды. Один разбил будку торговца-китайца в щепы,

и остался тут же на поверхности, не разорвавшись. Вокруг него собрался народ и стал спорить, из какого он орудия.

Но все убедились окончательно, что японцы начали бомбардировать не только форты и укрепления, но и гавань, и город 11-дюймовыми снарядами. Наступают времена все ужаснее и ужаснее.

Узнаю, что вчера же, ночью, где то впереди Орлиных батарей японцами вырезаны наши часовые. Случилось это, или оттого, что непосредственная близость неприятеля стала чем-то привычным, не столь ужасным, как это казалось в начале, или же вследствие непреодолимой усталости, перенапряжения нервов, перешедшего в апатию ко всему совершающемуся кругом. Явление, во всяком случае, печальное, весьма тревожное и может стать в нужную минуту роковым для крепости и для нас всех. [300]

Положим, это же делается, и очень нередко, и нашими солдатами. Все эти частичные ночные вылазки, внезапное нападение подкрававшихся к передовым цепям и окопам, — не что иное, как бессердечное убийство измученных людей.

Да сама война — это сплошное убийство, кажущееся только со стороны нападающего и победителя героизмом. А между тем это тот же бой гладиаторов: победитель — герой, его чествуют, им восторгаются, его награждают. А побежденный, и побежденный только потому, что в нужную минуту дрогнул у него один мускул или поскользнулась нога — такой же человек, как и победитель, — вдруг становится никому ненужной вещью, не стоящей никакого внимания, его вытаскивают, волокут по земле с арены — с глаз долой, про него все забыли.

У нас сейчас, как у израильтян во время голода в Синайской пустыне, появились перепела, и в большом изобилии. Китайцы приносят их огромными корзинами и продают даже по 20 копеек за сотню.

Как-никак, а все же большое подспорье в нашем скудном донельзя меню. И мирные жители города начали уже поедать конину. Но все как-то трудно к ней привыкнуть, бьют коней изувеченных и большей частью старых. А солдаты питаются ею уже давно. Сначала получали они консервированное мясо и солонину. Теперь, говорят, уже все это на исходе. Только у моряков есть еще большие запасы солонины.

С 12 часов 30 минут дня началась буря с севера, поднявшая массу пыли с песком; его несет прямо в глаза нашим солдатам. Надо опасаться, чтобы японцы не воспользовались этим и не начали где-нибудь наступления. Японцы стреляют, но нельзя разобрать, куда ложатся снаряды.

Передают, что вчера было, по одним сведениям, 13, по другим — 18 попаданий в «Пересвет»; двум матросам оторвало ноги, есть и более легкие ранения, повреждено и судно — одна пробоина под ватерлинией.

На днях наши вышибли японцев из ближайшего окопа, или сапы, и, заложив там мину, отступили — ждут сегодня наступления на этот пункт, чтобы взорвать.

Не отметил, что вчера после обеда, когда все еще продолжалась японская стрельба по гавани, и снаряды падали только [301] туда, на Перепелочную гору, где была пожарная каланча, взобралась группа сестер милосердия из Сводного госпиталя. Они там, кто сидя, кто стоя под зонтиками, наблюдали за падением снарядов в гавань, любовались давно не виданными окрестностями и поглядывали в сторону расположения японцев. С Перепелочной горы хорошо видны Волчьих горы и часть долины, занятой неприятелем. Вдруг — бух! — и снаряд разорвался тут же, на вершине горы, казалось, чуть ли не среди них. В момент все присели, пригнулись, затем вскочили и побежали врассыпную, бегут под гору, немного придя в себя, собрались снова в группу и спустились уже спокойно к госпиталю.

Японцы заметили их и пугнули, конечно, не подозревая, что привело их на гору одно

безобидное любопытство.

Дружинники рассказывают, что утром приехал на место работ, где они копают укрытый ход сообщения, — углубленную дорогу через дамбу в новый город — генерал Стессель и разнес их на чем свет стоит за то, что вовремя не заметили его и не так отдали честь, вместо «спасибо» за уже законченный участок, он кричал и ругался:

— Я вас буду пороть без устали! А если еще раз замечу кого из дружинников пьяным — расстреляю!..

Это за чьи-то прежние прегрешения.

Вечер сегодня очень темный, буря свирепствует. Настоящий тайфун. На позициях то и дело блеснет огонь или матовая вспышка-другая, откуда несется с бурей какой-то гул, но нельзя разобрать, что там творится.

Северная буря принесла с собой холод, он так и пронизывает тебя. Бедные солдаты! Особенно трудно тем, кто на часах и в патрулях, — песок засыпает глаза, ветер сшибает с ног, темно, опасно и холодно. Одно утешение в том, что японцы более чувствительны к холоду, а то, чего доброго, подвезли бы за ночь орудия и устроили бы грандиозный штурм. В такую ночь у нас одна надежда — на Бога; на людей надеяться невозможно.

21 сентября (4 октября)

Утром только 7° тепла. Вчера в обед было +19°. Следовательно, разницы 12°. Она может легко вызвать простуду. [302]

Ночь на позициях прошла спокойно. Зато в городе буря завывала ужасно. На дворе она рвала и метала, свистела и выла, а в вентиляционных трубах блиндажа гудела густым басом. Спалось под эту музыку очень недурно.

Наступающий холод грозит отягчить жизнь осажденных недостатком теплой одежды. Сегодня встречаю извозчика-китайца, нарядившегося в пеструю стяженную женскую кофту, не успел я еще пройти улицу, как встречаю другого китайца — боя или повара, нарядившегося, сверх обычной одежды, в старый серый с красными атласными опушками шлафрок (халат) европейского покроя, красные большие кисти на таком же шнуре развеваются по ветру. Смешно. Но ведь если осада не будет снята до зимы, то мы увидим и не то еще, будем одеваться во что попало, лишь бы не замерзнуть.

Сегодня вышел снова «Новый край», его берут нарасхват. Вчера вышел приказ генерала Стесселя.

«№ 678. Военного корреспондента Ножина я лишаю права быть военным корреспондентом. — Свидетельство на право быть военным корреспондентом сдать в штаб крепости, а сему штабу представить в штаб укрепленного района. Вместе с сим — лишается права посещать батареи, форты и позиции».

Неизвестно, кто надоумил генерала Стесселя, что по законам он может лишить господина Ножина звания военного корреспондента (конечно, если имеются на то основания), но не запретить ему писать или газете печатать написанное им. Этим произвол как бы оформлен, но и только, покуда он не имеет неоспоримых причин — таких причин, которые можно бы было высказать открыто, гонения Стесселя остаются тем же произволом, личными расчетами — грязной историей.

Сегодня японцы бомбардировали гавань в течение 5 часов, замечательно удачно для нас — попал всего 1 снаряд, но он попал в плавающий лазарет Красного Креста, «Монголию».

Около 11 часов вечера началась ружейная перестрелка и канонада на крайнем правом фланге. Это первая там стрельба после взятия Дагушаня и Сяогушаня. [303]

Потом началась перестрелка и по направлению редутов, занятых японцами. Затем зататакали

за Малой Орлиной батареей японские пулеметы {187}; им отвечали наши. На крайнем правом фланге стрельба прекратилась, раздаются лишь редкие раскаты орудийных выстрелов.

22 сентября

(5 октября). В 7 часов утра только 6° тепла.

Сообщают, что вечером японцы обстреливали крайний наш правый фланг с моря, и в это время высадившийся там отряд японцев успел занять Сигнальную горку; говорят, мало кто из нашего небольшого отряда уцелел.

С 11-го часа японцы усиленно обстреливали Старый город — район церковной площади и северо-западный склон Военной горы, а потом перенесли огонь на гавань; временами слышатся особенные взрывы, потом как бы барабанная дробь... Поняли, что это падают шрапнельные пули на суда и железные крыши. Несколько шрапнелей упало в гавань и на набережную, но не слышать, чтобы несли ранения людям.

Зашел знакомый и говорил мне, что наши миноносцы не бездействуют, а предпринимают еженощно довольно рискованные рейсы. Он же подтверждает, что по разным наблюдениям становится несомненным, что корреспонденты, высланные 16-го числа отсюда, были взяты японским крейсером и отведены в бухту Луизы к японцам. Китайцы-лазутчики уверяют, что они видели этих корреспондентов в Дальнем, у японцев.

Бомбардировка продолжалась до 5 часов, временами она усиливалась до жестокости. Стреляли и 11-дюймовыми снарядами, но попаданий не было — падали все в воду. Зато обыкновенными снарядами (6-дюймовыми и 120-миллиметровыми) убиты 1 солдат и 1 матрос; ранен 1 унтер-офицер.

Не подлежит сомнению, что свист и вой неприятельских снарядов действует скверно на сердце — оно сжимается и как бы перестает биться; это должно сильно отозваться на нем и впоследствии. Думаю, что все пережитое и пережитое [304] нами в Артуре должно иметь пагубное влияние даже на совершенно здоровые сердца — ослабить их деятельность, и долго, если не всю жизнь, наши сердца не будут в состоянии спокойно переносить малейший шум, похожий на полет или разрыв орудийного снаряда. Иначе и быть не может.

Наконец и мне удалось увидеть два номера иностранных газет. Не нашел в них ничего утешительного — все пишут в мрачных для нас красках.

Видимо, иностранцы уже начинают делить шкуру России, а также и артурцев...

23 сентября (6 октября)

В 7 часов утра 12° тепла.

Около 4 часов утра на северном небосклоне прошла грозовая туча, настолько близкая, что громовые раскаты ее смешиваются с редким орудийным огнем на позициях; также смешиваются орудийные вспышки с молнией. Спавший где-то на дворе мальчуган наших соседей стучался к матери в дверь.

— Мама, буди папу — Куропаткин идет!..

Потом грянул дождь с градом и грозой; шел более часа. Температура понижается.

Узнал, что японцы сброшены с Сигнальной горки на крайнем правом фланге, которую они заняли в прошлую ночь. Говорят — уничтожены.

В 8 часов вечера. Термометр показывает всего 9° тепла.

Японцы начали сегодня бомбардировку довольно рано и усилили огонь к обеду; среди обычного свиста через наши головы слышалось очень часто шипение 11-дюймовых бомб.

Только что мы собрались обедать, как один из 6-дюймовых снарядов упал совсем близко, в меблированные комнаты Пос-халиса и очень тяжело ранил старика — портового чиновника, ему оторвало руку и ногу. Он только вчера переехал сюда; говорят, боялся смерти и беспрестанно менял квартиры, ища более безопасную. Здесь, в самом центре обстреливаемой части города, он нашел совершенно уцелевший до сего времени дом и считал его местом вполне безопасным.

Сообщают, что сегодня вблизи дома генерала Стесселя легло 8 снарядов, 2 из них попало в верхний этаж и ранило кого-то из прислуги. Над этим смеются. [305]

— Это корреспонденты благодарят его за хороший обед!..

Генерал Стессель собирается — если еще будут его обстреливать — переехать в дом генерала Волкова, находящийся на склоне Перепелки; в этом доме имеется прекрасный подвал-блиндаж. Один из адъютантов генерала осматривал уже эту квартиру. Ее считают совсем безопасной, так как гора прикрывает дом со стороны японцев.

Один из 11-дюймовых снарядов попал сегодня в броненосец «Победу» или же «Полтаву».

Б., бывший у командира порта по делу, передает, что адмирал «шибко ругался» по телефону с начальником штаба Стес-селя — полковником Р. и грозил жаловаться в Петербург. О чем «ругались» — не знает. Неприятно слышать про эти раздоры в такое время.

Заходили Т-вы; они уже перестали ходить в блиндаж «трех статских советников» во время бомбардировок и на ночевку. Говорят, что собирающаяся там публика раздражает их своими разговорами, по вечерам не дают уснуть, играют в карты, хохочут, спорят.

24 сентября

(7 октября). Температура 12° тепла.

Сегодня началась бомбардировка гавани 11-дюймовыми снарядами в 9 часов 50 минут утра; снаряды ложились около «Ретвизана», который стоит вблизи прохода в гавань, и также около «Полтавы». Потом наши суда, Перепелочная батарея, Тигровка и, кажется, Электрический утес или Плоский мыс начали отвечать японцам. На это японцы открыли огонь по городу залпами из 120-миллиметровых орудий. Много попаданий, но про человеческие жертвы не слышно.

Опять приходится отмечать, что со времени отъезда корреспондентов-иностранцев японцы бомбардируют город, мельницу и гавань более усиленно.

Зашел М. Л. и говорит, что в «Белом доме», т.е. у командира порта, все хорошо настроены: надеются быть освобожденными недели через две — три.

Ах, как все бы обрадовались этому, вздохнули бы наконец свободно, пообмылись бы и легли бы спокойно спать дома, раздевшись!.. [306]

Разве не скромны наши желания?

Дело улучшилось бы и насчет «чифана» {188}.

Бомбардировка длилась сегодня до 5 часов. Были попадания в «Ретвизан» и в «Полтаву», где начинался даже пожар; есть и человеческие жертвы. Сегодня пробило снарядами Отрядную церковь.

В. и Т. попали чуть-чуть что не под снаряды и отделались замечательно легко. Так как бомбардировка длилась целый день (а это продолжается уж сколько времени) и перерыва ждать долго, они пошли к цирюльнику. Вдруг, что называется перед самым их носом, рвутся два снаряда и сшибают их с ног. Т. говорит, что когда он очнулся, то начал соображать: жив ли он? Затем попытался встать.

Гляжу, говорит, В. отбросило к высокому тротуару и он, полусидя-полулежа, изображает из

себя живой вопросительный знак. В это время нам навстречу бежит Ц. с окровавленным лицом; вскакиваем и бежим под гору, в блиндаж. Некогда размышлять. Их, оказывается, оглушило, Т., кроме того, получил небольшой осколочек в бедро, который ушел в тело с кусками плаття, но рана не опасна — ему сделали перевязку и он ходит. Ц. тоже ранен легко — царапина осколком. Но пройди В. и Т. на шаг, на два дальше, поторопись Ц. им навстречу и — трудно надеяться, чтобы они остались живыми.

Бог, судьба, счастливый случай, целый ряд таких случаев — назовите как вам угодно, но одни уцелевают при величайшей опасности, тогда как другие погибают в то время, когда, казалось бы, никакой опасности и не было.

Прибыла джонка с почтой. 15 писем сдано в почтовую контору для рассылки адресатам. Пришла, конечно, и официальная почта и газеты. Скорее бы узнать, что творится на свете!

25 сентября {8 октября}

В 7 часов утра всего 5° тепла.

С половины восьмого утра японцы открыли по гавани огонь залпами из мелких и крупных орудий; стреляют очень жестоко. Они, должно быть, заметили, что суда наши перемещаются [307] в гавани и что «Ретвизан» вышел на рейд. «Полтава» подтянулась еще ближе к берегу.

Японцы стреляют то залпами, то из трех-четырех орудий подряд, как бы враспынную. Электрический утес, Перепелочная и другие батареи отвечают им, но далеко не таким сильным огнем — нам нужно экономить снаряды {189}.

Снаряды попали в машинное отделение миноносца «Бойкий» и в корму другого миноносца, но особого вреда не причинили. Несколько попаданий было в так называемый артиллерийский городок, где произвели некоторые разрушения, человеческих жертв нет. Несколько 11-дюймовых снарядов задевали вершину Перепелочной горы и падали рикошетом в гавань.

К обеду японцы принялись обстреливать 11-дюймовыми бомбами Перепелочную батарею; выпустили по ней около 20 снарядов, но ни один не попал. Были близкие недолеты и перелеты то в одну сторону, то в другую. Видно, что эта батарея для них, что бельмо в глазу; сильно донимает она их своими морскими 6-дюймовыми орудиями. Командует ею лейтенант Сухомлин; говорят, очень дельный офицер. После обеда японские батареи молчали, но вечером, после того как «Ретвизан» отбил первую атаку японских миноносцев, батареи с правого фланга начали обстреливать редким огнем Старый город.

Официальную почту получил только Стессель. Говорят, будто Куропаткин имел еще два боя и подвинулся немного на юг; но никто не может сказать, где находится он теперь.

По китайским сведениям, японцы оттягиваются за Волчьи горы и направляются на север, по другим сведениям — они стягиваются к нашему правому флангу. В уход японских войск не верится. Жестокие бомбардировки гавани и города объясняют тем, что будто генерал Ноги ранен или убит и его заменил более энергичный генерал... который все же тратит попусту массу снарядов и воюет с мирными горожанами... [308]

Сообщают, что японцы сегодня здорово обстреляли батарею Крестовой горы и подбили на ней одно орудие. Туда потребовали портовых мастеровых для его исправления.

Был в Красном Кресте, навестил друзей и знакомых. Выздоровевший подпоручик Кальнин назначен временно на форт III — в самый центр огня; на его Заредутной батарее уцелело только одно орудие и им командует фейерверкер Пломодяло.

В. А. В. получил несколько писем: одно от жены, а два на имя покойного брата. Перелом руки срастается плохо, душевное состояние незавидно, должно быть, последствия контузии головы.

Н. В. В. поправляется, уверяет, что, по его мнению, у нас все же слабая точка — наш левый фланг, именно Высокая гора, — и что на ней следовало бы сильно укрепиться.

Замечательно, что господа офицеры неохотно дают сведения о своих убитых товарищах. Газета уже сколько времени приглашает всех сообщать ей данные для некрологов, а все еще не отмечены все павшие в бою и, хотя бы вкратце, их деятельность. Говорят, неоткуда взять материалов — офицеры-товарищи сваливают эту работу друг на друга — одному неохота писать, другому некогда. А следовало бы отметить в газете всех павших здесь за русское дело, помянуть добрым словом героев. Это было бы единственной наградой для многих, а также некоторым удовлетворением для родных и близких павшего.

Так называемая великая русская лень сказывается и тут. На позициях, конечно, не до того; но находящиеся в госпиталях могли бы помочь редакции в этом деле.

11 часов 30 минут ночи. Японцы все еще изредка стреляют по гавани.

2. Перелет японских пуль

26 сентября (9 октября)

В 7 часов утра +11,5° по Реомюру. Вот пример того, как трудно добыть верные сведения о том, что творится в каком-нибудь отдаленном пункте наших позиций: ночью слышал как бы далекие взрывы; казалось, что это на крайнем правом фланге. Утром выхожу и спрашиваю первым делом постового городского, не слышал ли он, что это были за [309] взрывы? Он говорит, что это были не взрывы, а стрельба Ляо-тешанской батареи, т. е. в совершенно противоположной стороне — на крайнем левом фланге.

Иду дальше, спрашиваю того, другого — не знают или говорят, что это там, в центре, были перестрелки, или же — стреляла Перепелка. Один из знакомых уверяет, будто наши миноносцы и канонерки ходили ночью к Дальнему, чтобы топить неприятельские транспорты. Поэтому будто «Ретвизан» не вошел вечером обратно в гавань, а лишь показал входные огни и, потушив все свои, остался на страже. Вошел же «Ретвизан» в гавань только утром. Наши суда шли к Дальнему вдоль берега и стреляли порой в море, для отвода глаз...

Что-то похоже на сказку. Спрашиваю, какие же результаты?

— Этого еще не знаем.

Иду дальше — «Ретвизан», действительно, вернулся в гавань и ошвартовался у подножья Перепелки, против управления морского пароходства — в местности, где еще никогда не стояли броненосцы. Сомнительно, чтобы японские снаряды не нашли его и здесь; а если он останется тут, то все прибрежное население Перепелки рискует подвергаться ежедневной бомбардировке, так как будут и недолеты, и постепенная пристрелка.

Наконец, к обеду узнаю, будто ночью на правом фланге колонны японской пехоты и кавалерия навалились на наши фугасы и уничтожены. Это более правдоподобное объяснение.

Ночью в нашей окрестности 11-дюймовым снарядом разбита одна фанза по Стрелковой улице и пробито здание полицейского правления. В первой находился один из ночевавших в ней; комната, в которой он спал, уцелела и он остался живым, в то время как весь дом был превращен в груды обломков, остальные же двое жильцов спаслись от верной гибели только потому, что засиделись в гостях. В полицейском управлении пробило крышу и стену навывлет, снаряд не разорвался. Бывшие там чины и полицмейстер Тауц отделались одним испугом.

До 12 часов дня было тихо, и мы радовались праздничному отдыху. Вдруг залп — 3 снаряда — по городу, по району Военной горы... и так целые полчаса. Потом также вдруг и прекратилась бомбардировка. У нас одним снарядом пробило стену и [310] полконюшни; снаряд разорвался в земле, уже за второй стеной. Лошадь получила царапину в шею, должно быть, щепкой.

Вскоре забежал З. и сообщил, что в бывший морской штаб — ныне строевой отдел — попал снаряд и оторвал делопроизводителю штаба и следовательной комиссии Михаилу Львовичу Делакуру обе ноги ниже колен... Это ужасно! Мы только что с ним ходили по городу и расстались за несколько минут до первого залпа. Жаль симпатичного, скромного, трудолюбивого человека; у него семья, рискующая теперь потерять своего друга, отца, кормильца, средств никаких. Это ужасно! К чему эта жертва Молоху войны? Он, кажется, и муху не был способен обидеть — и вдруг стал жертвой войны. Перенесет ли он ампутацию при его вообще незавидном здоровье — это еще вопрос. Жаль доброго коллегу — чуткого, честного и бедного человека. Его отнесли в обморочном состоянии в хирургическое отделение морского госпиталя. Подвергли операции.

С 2 часов дня началась ожесточенная бомбардировка наших укреплений — района форта III. Перепелочная и береговые наши батареи помогают отбиваться.

В 3 часа бомбардировка позиции прекратилась. Сообщают, что в этой бомбардировке участвовали и японские канонерки из бухты Луизы, но наши дальнобойные орудия заставили их отойти.

Новость! Сегодняшний номер «Нового края» конфискован по приказанию генерала Стесселя. В нем был напечатан приказ генерала Кондратенко без разрешающей подписи генерала Стесселя. По уверению генерала Кондратенко, Стессель дал ему на это свое согласие, но лишь словесное. Вот этот приказ:

«Приказ по войскам сухопутной обороны крепости. 25 сентября 1904 г.

№ 36. Прошу начальников участков обратить внимание разных командиров и разъяснить нижним чинам, что упорная оборона крепости, не щадя своей жизни, вызывается не только долгом присяги, но весьма важным государственным значением Порт-Артура.

Упорная оборона до последней капли крови, без всякой даже мысли о возможности сдачи в плен, вызывается, сверх [311] того еще и тем, что японцы, предпочитая сами смерть сдаче в плен, вне всякого сомнения, произведут, в случае успеха, общее истребление, не обращая ни малейшего внимания ни на красный крест, ни на раны, ни на пол, ни на возраст, как это и было ими сделано в 1895 году при взятии Артура.

Подтверждением изложенного может служить постоянная стрельба их по нашим санитарам и добивание наших раненых, случай которого имел даже место 22 сего сентября, при временном занятии Сигнальной горы.

Вследствие весьма важного значения Порт-Артура, не только Государь и вся наша родина с напряженным вниманием следят за ходом обороны, но и весь мир заинтересован ею, а потому положим все наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие нашего Государя и достойно поддержать славу русского оружия на Дальнем Востоке».

Что в этом приказе преступного, отказываемся понимать. Тем не менее, говорят, что редактор газеты имел бурное объяснение с начальником штаба — чуть ли не грозили новым закрытием газеты за напечатание приказа. Дело кончилось конфискацией нерозданных номеров; номер печатается вновь, но без приказа.

Вся беда в том, что смели напечатать приказ без подписи генерала Стесселя — нарушили его монополию...

С 4 часов японцы бомбардируют редким огнем из 11-дюймовых орудий гавань — посылают через 5 или 10 минут по снаряду. Им отвечает одна из береговых батарей — Плоский мыс, Стрелковая или Лагерная.

Раз среди грохота телег, двуколок и экипажей показалось мне, что в направлении форта III идет залповая ружейная стрельба, но городской шум мешал расслышать с точностью. Очень возможно, что японцы пытаются после артиллерийской подготовки фронта штурмовать

какое-либо из укреплений.

6 часов 15 минут. Сидел на горе, наблюдал и слушал, но не слышать, чтобы японцы шли на штурм. Небо застлалось сегодня с утра серой пеленой. После заката солнца тучи казались особенно тяжелыми, мрачными над центром и правым флангом, казалось, что они прямо легли на зубчатые вершины нашего [312] сухопутного фронта, а туман все сгущался и производил давящий полумрак. Изредка в этом полумраке сверкнет огонек, потом слышен рокот, но сегодня совсем нельзя понять — стреляют ли наши орудия, или это прилетают неприятельские бомбы, или же, наконец, это шрапнель. Картина мрачная, угнетающая.

Неприятным диссонансом в это время является лихое выпиликивание гармошкой трепака во дворе дома, занятого полицейской командой, слышно, как городовые подхватывают этот народный танец с прикрикиванием, с пристукиванием каблуков. Должно быть, опять нашлась даровая выпивка. Рассказывают, что полицейские чины прекрасно знают, в какой из заколоченных китайских и других лавок имеются напитки и другие более ценные товары и как их добыть оттуда.

7 часов 30 минут. Только что затихла штурмовая стрельба по направленно форта III, но ненадолго и вновь разгорается лихорадочная перестрелка. Между ней видны орудийные вспышки и слышен рокот, то и дело взлетают боевые ракеты.

Сейчас сообщают, что еще днем отбит один штурм на форт III, значит, слух не обманул меня.

Другое известие — будто японцами занят капонир № 3. Не верится.

9 часов 10 минут. За это время несколько раз разгорался штурмовой ружейный огонь, сейчас только слышен редкий орудийный и отдельные ружейные щелчки. Японский прожектор направлен на форт III и его окрестности.

Японцы начали опять посылать в гавань свои И-дюймовые снаряды, некоторые как будто не долетают и рвутся на берегу, другие — слышно, как грохаются на землю, но не рвутся. Стреляют через промежутки от 10 до 16 минут, должно быть, из одного орудия.

Сейчас мне передавали, что на днях дружинников заставили готовить для генерала Стесселя квартиру в доме генерала Волкова, заставляли мыть полы, окна, натирать паркет воском и даже очищать и мыть ретирады. Некоторые из дружинников отказались наотрез от этой работы: «Копать окопы, траншеи и тому подобное не отказываемся, всегда готовы; знаем, что все это необходимо. [313]

Но эти работы мы находим не необходимыми, ни даже пристойными для дружины. Пусть нас повесят, но не хотим быть ни полумойками, ни... ассенизаторами для генерала Стесселя! Не видим в этом государственной необходимости!» Все же безответных заставили окончить эту работу.

Сейчас сообщили, что во время штурмов на форт III местами по городу летали японские пули и не совсем безобидные — около интендантских складов ранило солдата в руку, пробита кость. Новые прелести — новая опасность для мирного населения, новое стеснение движения.

27 сентября

(10 октября). В 7 часов утра +12° по Реомюру.

Японцы стреляли по гавани ночью до 12 часов.

Оказывается, что на населенный склон Перепелки, к которому подтянулись наши суда, попадало за ночь много снарядов. Японцам шпионы-китайцы, вероятно, сообщили место нахождения наших судов и они теперь подбираются к ним со своими 11-дюймовыми снарядами. Впрочем, и с моря видны некоторые наши суда под Перепелкой.

Сведения о штурмах форта III подтверждаются; все попытки японцев отбиты, их урон

огромный. Наши потери за вчерашний день, вечер и ночь — 18 убитых и около 60 человек раненых. Ночью, говорят, наши наступали, желая отвлечь внимание японцев на то время, как охотники наши прокрадывались к японским батареям, чтобы взорвать их орудия. Удалось ли им это — вопрос, но мы можем гордиться тем, что у нас всегда находятся охотники на такие безумно-отважные предприятия. Ночью японцы высадились на крайнем правом фланге и полезли было на Крестовую гору. Конечно, все — более полутора человека — легли костями. Стараются нащупать слабое место, чтоб забраться в тыл передовых позиции и, конечно, взорвать орудия на батареях, а то и пробраться в город. Маленькая удача на Сигнальной горе ободрила их.

У М.Л. Делакура ампутированы обе ноги. Несмотря на органический порок сердца он прекрасно выдержал операцию под хлороформом. Он ослаб, но бодр духом. Врачи надеются на его выздоровление. [314]

Только что пришел домой к обеду, как японцы послали залп по городу; один снаряд упал за нашими воротами, вырыл огромную яму.

Хотя бомбардировали город до 4 часов, но не слышать, чтобы были человеческие жертвы. Все же хорошо, что люди в это время прячутся, иначе были бы всегда пострадавшие от осколков — совершенно бесполезные жертвы.

Нашу жизнь характеризует в некоторой степени приказ генерала Стесселя:

«№ 698 (25 сентября). Ввиду неоднократно поступающих заявлений, что содержатели торговых магазинов и лавок непомерно повысили цены на все предметы потребления, как-то: на белье, обувь и материалы на шитье их, а также на оставшиеся нераспроданными {190} жизненные припасы, — в последний раз вновь объявляю содержателям магазинов, лавок и других торговых заведений, что все предметы потребления обязательно должны продаваться по нормальным ценам, какие существовали до осады крепости.

Я решительно не вижу никаких причин к повышению их, так как торговцы распродают большую часть заваль, оставшуюся от многих лет и которая покупается потребителями лишь по нужде, за неимением ничего лучшего, пользоваться же безвыходностью положением жителей и гарнизона осажденной крепости, по меньшей мере, недобросовестно.

Лиц, уличенных в неисполнении настоящего приказа, я буду подвергать штрафу в высшей мере, а затем закрою торговлю.

Комиссару по гражданской части и полиции наблюдать, чтобы приказ этот исполнялся в точности, и в случае неисполнения его составлять акты и представлять их мне».

И этот приказ появился поздно, теперь уже мало осталось что продавать, и торговцы ловко применились к этим приказам и таксам, давно издаваемым городским советом. Желаете [315] купить по таксе — нет такого товару, только немного оставили для себя. По «вольной» цене — изволь, уважу...

А в этом их не может изловить никакая власть, никакой надзор. Получивший товар не пойдет жаловаться, чтобы ему и впредь не отказывали. Торговцы, в свою очередь, жалуются на большие убытки. Впрочем, со времен Козьмы Минина не слышать, чтобы наши купцы когда-либо, при каком бы то ни было большом бедствии оказывались большими патриотами. Уже начало войны дало тому отвратительные примеры их пользования случаем {191}.

У нас же торговый люд преимущественно иноплеменные — греки, турки, армяне, евреи и иностранцы, русских совсем немного.

Солдатам нашим становится все тяжелее и тяжелее относительно питания. С июня месяца начали с уменьшения мясной дачи; с 17 июля давалось им по 1/4 фунта конины на человека 4 раза в неделю, с 8 сентября они получают ту же дачу только по 2 раза в неделю, с 16 сентября они получают сверх того только по 1/3 банки консервированного мяса по 2 раза в неделю.

Голодновато при отсутствии корнеплодов и прочей растительной пищи.

Сегодня снова пронесся слух о купленных нашим правительством аргентинских крейсерах, которые, вероятно, прошли во Владивосток прямо Тихим океаном. Этому слуху нет основания не верить. Наше правительство имеет достаточно средств, а продавцы всегда найдутся. И здравый смысл говорит за эту покупку. Гибелью «Рюрика» и аварией «Богатыря» Владивостокская эскадра ослаблена наполовину — осталось всего 2 крейсера, и усилить ее необходимо. Если правда, что куплены 4 крейсера, да если они не уступают «Ниссину» и «Кассуге», то это представляет уже внушительную силу. Если Балтийский флот прошел во Владивосток, то, вероятно, для того, чтобы там немного пооправиться после дальнего перехода, затем дать сражение японскому флоту и идти на выручку Артура. Эти надежды оживляют нас снова. [316]

Японцы стреляли по городу до 4 часов дня.

Вечером, с 7 часов 33 минут они начали снова посылать в гавань и на береговую полосу свои 11-дюймовые бомбы — «тележки», «паровозы», «чемоданы», как мы их прозвали. Ну и вечерок!

Через каждые 2–3 минуты по снаряду; или же минут через 5 по два, один за другим. Земля вздрагивает от удара 16-пу-довой глыбы если даже она и не взрывается, письменный стол трясется, окна дребезжат, лампы, подсвечники бренчат. Большинство снарядов не рвется, но, тем не менее, они превращают своей тяжестью и инерцией дома в развалины. Падают они где-то близко. Прежде все интересовались, старались узнать, где упал последим снаряд, теперь же никто. Стреляют неопределенно, вразброс. Попадет в дом, даже в блиндаж — погибнем, а если мимо, то уцелеем. И к страшному шипению снарядов мы успели уже привыкнуть, оно уже не так сильно действует на нервы.

Сообщают, что генерал Стессель решил не переезжать на Перепелку, в дом генерала Волкова, так как вблизи падают японские снаряды. Перевезенные туда комнатные цветы увезли обратно.

28 сентября (11 октября)

В 7 часов утра всего 7° тепла; все еще пасмурно.

В 5 часов утра слышал перестрелку, временами оживляющуюся — вот-вот начнется штурм, начнется лихорадочная непрерывная трескотня — залпы, взрывы... но нет, все стихает. На дворе сыро, холодно.

В 8 часов 15 минут. Перепелочная и еще какая-то батарея ближайшей части левого фланга открыли частый огонь, но ненадолго. Должно быть, заметили передвижение неприятельских частей или обоза.

К нам до обеда зашел Б-в, весь сияющий, и говорит, что прибыли три китайца — два солдата и один чиновник, привезли хорошие вести — война должна скоро окончиться. Но почему, не знает, не слышал подробностей. Китайцы ушли в штаб и туда созваны переводчики. [317]

Около 2 часов дня на Золотой горе собралось много народу, чего-то смотрят на море. Говорят, на море происходит стрельба, идет бой между нашими и японскими миноносцами. Все встревожены этим известием.

Наши миноносцы вскоре вернулись в гавань, говорят, их было по 9 штук с каждой стороны. Значит — наши не устояли, утекли. Обидно, что наши моряки все пасуют. Японцы сильнее техникой и, главное, духом. Их миноносцы быстроходнее и лучше вооружены; офицеры управляют ими, точно на маневрах, уклоняются от опасности, когда это нужно, и стремительно кидаются в атаку, когда это возможно. Не верится, чтобы наши миноносцы не могли принять бой с равным по числу врагом вблизи своей гавани и под защитой береговых батарей; если они решили и тут отступить, то нечего, конечно, рассчитывать на успех в

открытом море. Обидно.

Эскадра наша в самом жалком положении — сколько времени ее обстреливают и надо ожидать, что, наконец, пристреляются к ней и она погибнет, так как деваться ей положительно некуда. Выйти на рейд?.. Но ей не устоять против минных атак; уйти же в море без орудий и боевых припасов на неисправленных судах — безумие. Остается одно — дожидаться выручки Балтийской эскадры с Владивостокским отрядом, усиленным аргентинскими броненосными крейсерами. Владивосток может остаться под охраной миноносцев и подводных лодок{192}, которые, по слухам, перевезены туда по железной дороге.

За день так и не удалось узнать, в чем именно заключаются приятные новости. Рассказывают, будто японской армии в Ляояне грозит плен. Значит — предстоит заключение мира. Но почему штабы не опубликуют этих известий? Разве что-нибудь другое — быть может, идет наш Балтийский флот с десантом?

Вечер точно такой же, как вчера; бомбы грохаются где-то на набережной, потрясая землю, заставляя вздрагивать людей. [318]

Дождик перестал, но тучи все же нависли так низко, что вспышки японских орудий отсвечивают как бы за облаками.

Широкий яркий луч японского прожектора лежит неподвижно, как бы застывший, поперек нашего фронта по направлению форта III; дымки от японской шрапнели, от наших орудий и взрывов бомб плывут красивыми облачками, порой снежно-белыми комочками попадают в лучи света этих прожекторов и расплываются очень медленно. Своеобразная красота.

Порой раздается ружейная трескотня, вроде небольшого боя, и видны какие-то вспышки, вроде взрывов — должно быть, разрываются ручные бомбочки...

Сколько ужасов! И вот — уже девятый месяц войны! К чему только не успели мы привыкнуть за это время, а в начале ведь все это казалось нам невыносимым. Чего-чего только мы не переиспытывали, не переживали! Иногда негодуем и ужасаемся, что столько времени приходится ночевать в блиндажах, там же отдыхать в обед, когда обыкновенно идет бомбардировка города.

Но если подумаешь, сколько людей томилось и сколько их томится посейчас волею судеб, вернее, обстоятельств — из-за стремления к свободе, этому естественному праву каждого человека, томятся в ужаснейших подземельях, где и сырости больше, и воздуху никакого, да еще на пище, еле поддерживающей жизнь, — то все то, что нам приходится переносить, кажется нам не самым ужасным на свете. Тяжело, но терпеть все еще возможно. При том, знаем, что не вечно продлится эта осада, когда-нибудь да освободят нас из этого заключения. И это утешает, ободряет.

Сегодня командир порта переехал на дачные места; вчера вблизи его блиндажа попал 11-дюймовый снаряд и разворотил чью-то квартиру. На дачных местах будто устраивают ему очень прочный блиндаж.

День прошел без бомбардировки города мелкими снарядами, зато 6 дней подряд жарили по несколько часов, немилосердно. Вечером один из 11-дюймовых снарядов попал в городскую дешевую столовую, пробил стены, пролетел через комнаты и остался лежать под столом. В первой комнате еще ужинал персонал столовой и было несколько запоздавших посетителей. [319]

Снаряд пролетел через их головы, но не задел и не контузил никого; следовательно — снаряд попал только рикошетом.

29 сентября

(12 октября). В 7 часов утра +11°, день облачный, сыро. Сообщают, что в прошлую ночь

наши охотники выбили японцев из ближайших к форту III окопов. Наши потери около 10 человек; японские — многим больше.

В 10 часов 15 минут прошипел первый 11-дюймовый снаряд к гавани.

Чудный, ясный и довольно теплый вечер. Новолуние. Луна уже закатилась, зато звезды сияют ярко. Из порта доносится стук молотков, и слышно, как там работает паровой двигатель. Подкрадываются опасения, как бы японцы не услышали этот стук и не начали опять стрелять по порту. Они обстреливали сегодня гавань 11-дюймовыми, 6-дюймовыми и 120-миллиметровыми до 7 часов 30 минут вечера. После обеда им усиленно отвечал «Ретвизан» из своих больших орудий. Земля дрожала, окна дребезжали и двери растворялись от этих выстрелов. Но это уже не пугает нас, а, наоборот, как бы удовлетворяет нас за японские бомбардировки:

— Так нате же и вам!

Перед обедом японцы обстреливали преимущественно Золотую гору, были попадания и на батарею. Но не слышать, чтобы они причинили серьезный вред или чтобы были потери в людях. В «Пересвет» попало 10 снарядов.

Сегодня снова появились утешительные слухи, положим, довольно жиденькие, не совсем уверенные. Будто к нам идет на выручку генерал Сахаров со значительным отрядом и должен прибыть на Кинчжоу 30-го числа, т. е. завтра. У Куропаткина было несколько боев, и все удачные. Японцы пытались атаковать даже Мукден, но отбиты с огромным уроном. Куропаткин оттеснил их к Ляояну и продолжает наступать.

Вчера японцы заняли один железнодорожный мост против форта III.

30 сентября (13 октября)

Утром +12,5° по Реомюру. Погода хорошая.

С 9 часов японцы обстреливают гавань. [320]

Сегодня одним из 11-дюймовых снарядов отшибло угол у дома морского пароходства, а следующий упал на дорогу тут же, в то время как там проходило много народу. К счастью, никого не убило и не ранило; будто только одному ушибло ногу камнем {193}.

Скверная вещь — японцы пристреливаются к судам, которые стоят вблизи берега и этим же затрудняют движение по набережной, в Новый город и обратно, что крайне неудобно, так как эта дорога более других оживленна и необходима. Если так будет и впредь, то дело не обойдется без жертв, это место — угол вокруг подножья Перепелки — никак не минуешь, другой дороги нет.

Японцы обстреливали гавань до половины пятого вечера.

Сообщают, что на днях неприятельским снарядом разбит один из наших прожекторов на сухопутном фронте.

Луч японского прожектора лежит уже которую ночь неподвижно поперек района форта III; бледный луч нашего прожектора с левого фланга как бы старается его лизнуть, перехватить.

Досадно, что все у японцев лучше нашего. Прожектора их много сильнее наших; на убитых японских офицерах найдены чудные бинокли. А у нас с биноклями одно горе.

1/14 октября

В 7 часов утра 14° тепла; день обещает быть солнечным.

С 9 часов 35 минут до 10 часов 30 минут японцы сильно обстреляли город из мелких орудий; 11-дюймовыми обстреливают изредка гавань.

Один из снарядов попал в редакцию «Нового края». Пробита газетная кладовая, разрушена

часть типографии; пострадал и кабинет секретаря. Один осколок пробил еще и наружную стену и вылетел на Пушкинскую улицу. К счастью, в момент попадания в этих помещениях не было никого. Затлевшую было бумагу затоптали прибежавшие служащие, иначе возник бы пожар. Часть газет разорвана взрывом на мелкие клочки. [321]

Вслед за этим снарядом попал другой в квартиру военного врача, против редакции. Остальные падали уже дальше к гавани. Один из них пробил в ресторане «Саратов» бильярдную комнату. Человеческих жертв нет.

В 1 час 20 минут японцы дали новый залп из трех орудий по городу и начали стрелять в одиночку. Наши батареи стали отвечать довольно сильным огнем. Особенно усердствует Перепелочная. Стрельба продолжалась полтора часа.

Вечером пошел в Красный Крест навестить друзей. В саду, между новым зданием и общиной сестер милосердия, попал в сферу японских перелетных пуль, но прошел благополучно. Довольно неприятное ощущение, когда мимо тебя все пшик да пшик...

Сообщают, что около театра Тифонтия убит такой пулей наповал, в голову, матрос; было несколько новых ранений в городе пулями.

Врачи жалуются, что стало меньше солнечных дней, а то солнце быстро залечивало раны. Как только возможно, выносили раненого на солнце и он поправлялся неимоверно скоро. Теперь процесс залечиванья идет уже медленнее.

2/15 октября

В 7 часов утра только 10° тепла. Ветер, прохладно.

В прошлую ночь японцы наступали на наши окопы (контрапроши) впереди форта III, но отбиты. Там будто сейчас еще видны трупы двух японских офицеров и около десятка солдат. На месте схватки собрано 85 японских ружей. Вчера нашей артиллерии удалось подбить несколько японских орудий.

Артиллеристы рассуждают, что артиллерия в нашей армии, сравнительно с японской, очень слаба. У нас «полагается» на дивизию пехоты одна бригада артиллерии, т. е. всего 4 батареи. Ныне выяснилось, что этого недостаточно, что следовало бы увеличить артиллерию вдвое против прежнего, т. е. чтобы на дивизию пехоты приходилось по две бригады артиллерии, а было бы еще лучше, если бы на каждый батальон пехоты приходилось по одной батарее. Ныне главная сила в артиллерии.

Зашел инженер Г. и говорит, что только что встретил Я-ва, который узнал в порту, будто японская армия разбита и передовые [322] отряды Северной армии около Кайджоу или даже Кин-чжоу. Все, конечно, обрадовались.

А. поехал в штаб района узнать, правда ли это. Р. сказал ему, что сведений об этом еще нет, но он допускает его достоверность; кроме того, он сообщил, что сейчас нужно ожидать штурма, так как замечено некоторое передвижение японских войск. Значит, мы обрадовались рановато {194}.

Позднее собралось нас целое общество, и началось обсуждение всевозможных злободневных вопросов. Одни уверяют, что между адмиралом Алексеевым и генералом Куропаткиным возникли недоразумения, главным образом, из-за того, что наместник все время настаивает на необходимости наступления и выручки Артура, а Куропаткин не решается. Другие говорят, что Куропаткин знает лучше, что он делает, что адмиралу не следовало бы вмешиваться в дела сухопутной армии.

Передают, что Куропаткин отдал генерала Засулича под суд за Тюренченский бой и что после неудачного боя под Вафан-гоу он сказал генералу Штакельбергу:

— Извольте немедленно отправиться в Петербург и лично доложить государю императору о

ваших боевых успехах!..

Это выставляется доказательством энергии Куропаткина. К. слышал, будто Куропаткин сам виноват в этих неудачах, даже больше, чем генералы Засулич и Штакельберг. Право, не знаешь, чему верить, чему нет. Все это может потом оказаться плодом фантазии осажденных, как прочие всевозможные слухи.

Большинство артурцев верят в Куропаткина и приписывают все недочеты наместнику. Это, пожалуй, не совсем справедливо: Куропаткин был сам в Артуре, видал все недочеты крепости, мог позаботиться об обеспечении Артура провиантом и боевыми припасами, а также увеличить его гарнизон. [323]

Говорят, что Куропаткин, а не наместник приказал отправить коренной артурский гарнизон, знавший окрестность крепости, на Ялу. Все это, конечно, выяснится в будущем.

Странно — в который уже раз какие-то китайцы приносят к нам известие о готовящемся отступлении японцев; на самом деле японцы после этого штурмуют крепость. Что же это — желание усыпить нашу бдительность в пользу японцев, или же наши разведчики ничего не знают; или же, наконец, эти заведомо ложные сведения распространяются самим штабом в целях поднятия духа гарнизона? Как ни стараешься узнать, откуда взялись эти сведения, не добьешься ничего. Все как бы сходятся в штабе генерала Стесселя и появляются оттуда же.

Получил целую серию характерных приказов генерала Стесселя, которые привожу здесь дословно.

Первый из них доказывает, что генерал Стессель не придумал в разгаре августовских штурмов — 8-го числа — ничего лучшего, как издать приказ о последних (!) японских резервах, желая этой заведомой неправдой помочь отстоять крепость; это в то время, когда сражающимся было совсем не до чтения его приказов и когда нельзя было даже подумать о доставлении этого приказа на боевые позиции. Второй показывает, как составлялись у нас комиссии для исследования дефектов инженерного дела; но в актах находим все таки много интересных данных. (Некоторые не совсем доверяют этим данным.)

Впрочем, читатель найдет в каждом приказе интересные сведения в том или ином отношении.

«Приказ по войскам Квантунского Укрепленного района. Августа 8 дня 1904 г. Кр. Порт-Артур.

№ 514 (экстренно). От пленного раненого японца узнано, что из Дальнего сюда прибыл их последний резерв до 10 тысяч. Вы, славные защитники, держитесь уже давно против вдесятеро сильнейшего врага, потери японцев громадны, несоизмеримо больше нашего, надо напрячь все усилия, чтобы и последние их резервы растрепать так же, как Вы упразднили их Дивизии. Надеюсь на помощь Бога и на Вашу беззаветную храбрость». [324]

«Августа 29 дня 1904 г. Кр. Порт-Артур.

№ 592. При сем объявляются акты комиссии за № 382 и 383, состоявшейся 12-го сего августа, относительно повреждений в бетонных сооружениях от неприятельских снарядов на форте № 1 и на батарее Лит. Б.»

«Акт № 383. Во исполнение приказа по Войскам Квантунского Укрепленного района от 10-го августа за № 515, комиссия под председательством Генерал-майора Никитина, при членах полковнике Григоренко, подполковниках: Крестинском и Рашевском и штабс-капитане Сахарове, 12-го сего Августа 1904 года осматривали на месте повреждения в бетонных сооружениях от неприятельских снарядов на форте I и на батарее Лит. Б.

Осмотр показал следующее: на форту 1-м 15-сантиметровая фугасная бомба, попавшая в нижний край щеки свода, отбила угол, сделав выбоину длиною и шириною тридцать соток сажени при наибольшей глубине в десять соток сажени; в другом таком же месте 16-

сантиметровый фугасный снаряд сделал выбоину с наибольшей шириною в пятьдесят соток сажени, длиною в четыре фута и наибольшей глубиной семнадцать соток сажени у нижнего угла. Над сводом левого порохового погреба такой же снаряд сделал наверху воронку длиною сорок соток сажени, шириною тридцать соток и наибольшей глубиною десять соток сажени. Трещин в сводах нигде нет. На батарее Лит. Б: в батарею с 6 до 12 августа попало несколько тысяч неприятельских 12- и 15-сантиметровых снарядов, из которых несколько сотен и никак не менее 300 штук, а по заявлению артиллерийских офицеров около 500, разорвались на бетонных сооружениях и произвели следующие повреждения. Большая часть верхней поверхности бетона изрыта выбоинами, имеются некоторые воронки глубиною от одного до двух футов; над одним из казематов, где в одно и то же место легло несколько снарядов, в своде воронка глубиною на половину толщины свода, и внутри имеется трещина по направляющей линии свода. В других местах трещин нет, и ни один каземат не пробит. Особенно пострадали углы. Фотография с наиболее поврежденного угла при сем прилагается. Точного обмера воронок нельзя было произвести, так как батарея находится все время под непрерывным обстреливанием». [325]

«Акт № 382. 12-го сего августа 1904 года комиссия, осматривая повреждения в бетоне, одновременно выяснила о действиях фугасов следующее, все фугасы между фортами взрываются гальваническим током. Затруднение в уничтожении на форту I неразорвавшегося неприятельского снаряда. Э-го августа пироксилиновым патроном с бикфордовым шнуром произошло оттого, что патрон, полученный еще на передовых позициях два с лишним месяца тому назад перевозился в чемодане и перед зажиганием конец шнура с фитилем должен был быть опрaвлен. И капсюль, и бикфордов шнур, и фитиль действовали, а соединения этих частей от перевозок были потревожены. Что касается фугасов, то с 7 до 10 августа взорвано от батареи Лит. Б. до форта III не менее восемнадцати камнеметов и мин. Кроме того, в деревне Шуйшиен взорвано два больших заряда, а также, по заявлению артиллерийских офицеров, удачно действовали фугасы влево от Угловой горы. По донесению поручика Дебогорий-Мок-риевича, обошедшего в ночь с 9. на 10 августа места взрывов, около них много трупов и оружия, между которыми на одном из фугасов найдено 2 офицерских сабли и рожок».

«Сентября 10 дня 1904 г. Кр. Порт-Артур.

№ 637 (экстренно). 6, 7, 8 и 9 числа шли ожесточенные штурмы с переменным счастьем. Важный для нас пункт, Высокая гора, был облеплен японцами; они лезли дни и ночи, много там храбрых легло. Сегодня в 4 часа 45 минут утра от храброго из храбрейших полковника Ирмана я получил следующее донесение:

«С вечера шел сильный бой на Высокой горе с наступающими японцами. Около 1 часу ночи нашим охотникам, высланным вперед с пироксилиновыми зарядами, удалось разрушить блиндаж в нашем окопе, который занимали японцы и где стоял их пулемет; воспользовавшись паникой, вызванной у неприятеля взрывами 18-фунтовых зарядов пироксилина, комендант горы штабс-капитан Сычев приказал атаковать и занять окопы. Потери у неприятеля громадные; у наших сильный подъем духа. Отличились все, а особенно лейтенант Подгурский, руководивший бросанием пироксилиновых зарядов и даже сам бросавший их. Его энергии и храбрости мы обязаны тому, что блиндаж был разрушен. Полковник Ирман». [326]

Слава и благодарение Богу, Слава Войскам-героям, Слава Ирману, Сычеву, Подгурскому, Слава всем героям Начальникам и Офицерам, Слава и благодарность героям, охотникам, взорвавшим блиндаж. Бог дал нам возможность отбить врага, молитесь ему. П. П. Начальник Квантунского Укрепленного района генерал-адъютант Стессель».

«Сентября 18 дня 1904 г. Кр. Порт-Артур.

№ 672 (не подлежит оглашению. Экстренно). Сего числа японцы примерно из-за Сахарной

Головы{195} открыли огонь из 11-дюймовых мортир по фортам № 2 и 3 и произвели кое-какие повреждения. Положение неприятеля, в силу полного господства на море и близости сухопутной базы — Дальний — с железной дорогой исключительно благоприятное, и хотя местные инженеры могли, может быть, не предусмотреть, что с суши будут бить снарядами 11-го калибра, так как в осадных парках подобных калибров нет, но местные инженеры должны были настоятельно указывать, что ввиду близости моря по фортам нашим может бить и артиллерия с эскадры противника, а потому и своды, хотя и на сухопутных фортах, должны быть от орудий 10–12-дюймовых калибра. Ну, да! Теперь об этом говорить нечего! Предписываю полковнику Григоренко лично руководить работами по усилению сопротивления бетона на № 2 и 3, употребив все средства к выполнению сего в кратчайшие срок»{196}.

«№ 681. За смелую вылазку в ночь на 19 сентября объявляю мою благодарность начальнику команды 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка штабс-капитану фон Бурзи. — Молодцам стрелкам объявляю «спасибо»{197}.

«№ 729 (2 октября 1904 г.). Тиф увеличился, причина известная и постоянная — вода, а я прибавлю: и свинство, грязь; загаживание местности, отправление естественных надобностей повсеместно; какая-то особая халатность ко всему; посмотрите, [327] что делается возле некоторых колодцев, ведь стоит зеленая грязь. Особенную клоаку представляют: овраг, ведущий от завода Ноюкса, казармы 10-го полка, где теперь моряки; морские казармы в Новом городе, здесь у самих ворот все выбрасывают. Где наша Санитарная комиссия{198}, которая в мирное время исписала целые стопы бумаги, а сама теперь ни за чем не смотрит; где Городской голова, первый ответчик за санитарное состояние города, где полиция: все и вся отсутствуют; отсутствуют по понятным для всех причинам. Но не делая ничего, кроме, разумеется, марания бумаги, содержание продолжают получать полностью. Мне важно здоровье офицеров и солдат, а между тем они-то и болеют. Приказываю строго, и в последний раз, городской администрации немедленно все привести в порядок, иначе предам Военному суду, как за неисполнение своих обязанностей и неоднократных моих приказаний. Возле мест биваков следить за санитарным состоянием войсковому начальству, а особливо полковым и прочим войсковым врачам, донося об антисанитарном состоянии корпусному врачу 3-го Сибирского армейского корпуса для доклада мне.

Городскому голове подполковнику Вершинину ежедневно подробно осматривать город, считая это главным, а не писание бумаг. Прошу коменданта крепости лично и через начальника своего штаба проверять исполнение сего важного требования; всякий бывший в походах и в войнах отлично помнит, что за бич эпидемическая болезнь, с которой не справились в самом начале. Инспектору госпиталей осматривать чаще госпиталю и около их; свинство и грязь везде; ведь посмотрите, что делается у Дальнинского госпиталя. — П. П. Начальник Квантунского Укрепленного района, Генерал-Адъютант Стессель». [328]

«В. Нужное.

Приказание по Войскам Квантунского Укрепленного района.

№ 58 (сентября 28 дня 1904 г. Кр. Порт-Артур). Начальник Квантунского Укрепленного района приказал: ввиду того, что в Штаб района почти весь наличный запас японской восковой бумаги и литографской переводной краски для печатания приказов по Войскам Квантунского укрепленного района истощился, предлагаю всем частям войск, получившим приказы и приказания и желающим продолжать получать таковые, то прислать, по мере возможности, означенных выше материалов в Штаб района, так как таковых в настоящее время не представляется возможным достать за неимением в магазинах Порт-Артура. — Подписал: Начальник Штаба Полковник Рейс».

Как примеры храбрости, стойкости и самоотверженности гарнизона привожу сведения о

некоторых нижних чинах, награжденных знаком отличия военного ордена (солдатским Георгиевским крестом):

Батареи литеры Б фельдфебель Иван Колесников, будучи 11 августа сильно ранен осколком гранаты в голову, только 16 августа отправлен в госпиталь, а остальное время находился в строю и командовал батареями.

Форта V младший фейерверкер Дмитрий Попов, бомбардир-лабораторист Алексей Дикий и канонир Федор Устинов 9 августа, когда на форту от попавшего неприятельского снаряда загорелся батарейный пороховой погреб с порохом и снаряженными гильзами, бросились тушить пожар, рискуя каждую минуту взлететь на воздух от взрыва и быть убитыми от неприятельских снарядов, сыпавшихся на батарею во время пожара, и от своих рвавшихся гильз, они подавали пример другим и ободряли товарищей, благодаря чему пожар был скоро прекращен.

5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка младший унтер-офицер Михаил Носков и стрелок Андрей Волков в ночь с 10 на 11 сентября вызвались охотниками на вылазку осмотреть Длинную гору, занятую неприятелем, когда высмотрели расположение неприятеля, подкрались к окопам, собрали 8 винтовок и одну пулеметную ленту с патронами, оставленную нашими [329] войсками, и возвратились благополучно, сдали все в штаб полка. Того же полка младший унтер-офицер Михаил Чернов отличился в боях на Высокой горе 6, 7 и 8 сентября. В начале боя получил рану в голову, перевязавшись, он возвратился в строй; через некоторое время он опять был ранен в шею, и опять, после перевязки, вернулся в строй. Потом он еще два раза был ранен в левую руку навывлет, и снова возвратился в строй, где оставался до конца боя; примером личной храбрости ободрял измученных трехдневным боем людей своей роты.

5-й роты Квантунского флотского экипажа матрос 1-й статьи Илья Сотников награжден за то, что во время атаки японцами вершины между Длинной и Дивизионной горами вынес под сильным артиллерийским огнем раненого своего командира, капитана 2 ранга Циммермана.

Факты эти говорят за себя. Повторяю, что это лишь незначительные, попавшиеся мне под руку примеры.

3. Новые уступки

3/16 октября

Утром 7° тепла; небо ясное, ветер стих. Перестрелка ночью иногда усиливалась, татакали пулеметы. Так как ветер был со стороны позиций, то звуки выстрелов были особенно резки, будто перестрелка происходила тут же, в городе. Узнал, что японцы заняли ночью железнодорожное полотно, половину окопа у подножия форта III и часть капонира № 3.

11 часов 15 минут утра. Полчаса тому назад японцы послали один большой снаряд высоко над городом, по направлению к батареям Тигрового полуострова. Сейчас обстреливают укрепления района форта III бомбами и шрапнелью. Наши батареи отвечают, Перепелочная послала несколько снарядов. Японцы замолчали.

12 часов 15 минут дня. Ровно через час пролетел еще один крупный неприятельский снаряд к Тигровому полуострову. Снова бомбардируют наши позиции.

3 часа 30 минут. С полчаса слышен штурмовой огонь по направлению форта III; сплошной ружейный и пулеметный огонь, шрапнель беспрестанно рвется над местом боя, вершина наших укреплений дымит от взрывов фугасных бомб. [330]

4 часа 10 минут. Ружейный огонь затихает. Зато японская артиллерия бомбардирует как бы залпами то одну, то другую вершину. Наши батареи берегового фронта, с Золотой до Крестовой горы, развили сильный ответный огонь; Перепелочная батарея лихо громит

неприятеля, который ей хорошо виден.

4 часа 30 минут. Стрельба утихает все более и более, лишь порой ружейный огонь вдруг разгорается снова, и снова тихо. Орудия, как засыпающие чудовища, все еще нет-нет изрыгают клубы дыма. Кажется, что все вот-вот совсем утихнет, но вдруг начинает снова трещать, как угасающий костер, когда бросишь на него свежие дрова.

5 часов. Сейчас было снова усилился артиллерийский огонь, особенно шрапнельный, но ненадолго. Ружейный огонь все еще продолжается. Японцы начали снова посылать через город свои 11-дюймовые снаряды. Оказывается, что они обстреливают не Тигровый полуостров, а выведенный за Золотую гору крейсер «Баян».

«Ретвизан» послал несколько снарядов по адресу японских 11-дюймовых батарей через батарею литеры Б. 5 часов 50 минут; затишье. Штурм отбит.

9 часов 15 минут. На позициях полное затишье.

По дороге в Красный Крест встретил раненого солдата, от которого узнал, что капонир № 3 пришлось оставить, не было мочи держаться, артиллерийским огнем разрушены все прикрытия; отступили за вал. Солдат этот ранен в спину шрапнельной пулей, которая засела в позвоночнике. Говорит, хотел было остаться в строю, но доктор прогнал в госпиталь.

— Досадно, — говорит он, — когда в прошлый раз меня ранило, я, по крайней мере, знал, за что: тогда уложил я человек 15 японцев. А на этот раз так, ни за что!.. Но ничего, поправлюсь и отомщу же им!

Сегодня в саду Красного Креста падало много перелетных пуль. Одна из пуль пробила окно в палате (в которой лежат артиллеристы штабс-капитан Высоких, поручик Приклонский и мичман Вещицкий) и пробила металлическую кружку. Следовательно, такая пуля может убить человека наповал.

10 часов вечера. Ружейный и пулеметный огонь разгорается вновь около форта III. [331]

10 часов 45 минут. Перестрелка продолжалась недолго.

12 часов 30 минут. Небо ясное, звездное. Очень редко ружейный выстрел, другой, будто сквозь сон твякнула дворняжка. Еще реже зарычит какое-либо орудие, как большая цепная собака, и снова все тихо.

4/17 октября

Утром +12° по Реомюру. Утро солнечное, ветра нет.

Сообщают, что в «Баян», выведенный вчера на рейд, попали 3 снаряда и причинили довольно серьезные повреждения.

Вчера вечером, около 10 часов, наши было пытались вновь завладеть капониром № 3, но это не удалось; при этом ранен 1 офицер и несколько солдат. По рассказам пришедших с позиции, японцы подкопались во всех мертвых пространствах (а таких пространств, по характеру местности, у нас много!) совсем близко к нашим позициям, засели у нас под носом. Немудрено, что поэтому теперь придется чаще и чаще делать такие «маленькие уступки», как вчера капонира № 3. Положим, это еще не значит, что Артур будет взят японцами.

Наконец должна же подоспеть и помощь!

Новые слухи: 1) остатки японских армий, около 100 тысяч человек, отступили в Корею. Линевич не успел преградить им путь; 2) адмирал Скрыдлов потопил весь японский флот, но и сам погиб вместе с крейсером «Россия» и 3) Балтийская эскадра около Шанхая; она имела уже бой, в котором погибли 4 японских крейсера и 18 миноносцев. С 7 часов вечера японцы бомбардировали гавань 11-дюймовыми снарядами залпами из двух орудий. Наблюдал за

вспышками японских мортир; одна появляется левее, а другая правее Залитерной батареи — следовательно, орудия стоят у них на большом расстоянии друг от друга. Стреляли всего около часу, из всех снарядов взорвался лишь один; пока не знаю, во что он попал — в судно ли, в здание ли какое-либо, или же просто на берег.

По городу сегодня не стреляли вовсе.

В редакции жалуются, что им не дают из штаба и не разрешают печатать ровно никаких сведений о ходе военных событий. Будто войны совсем нет. [332]

Узнал, что вчера во время бомбардировки позиций погибла от 11-дюймового снаряда женщина-стрелок Харитина Короткевич, явившаяся на Квантуй вслед за мужем-запасным и разделявшая с ним всю боевую жизнь; она давно носила солдатскую одежду и несла активную службу на передовых позициях.

Сообщают, что в последнее время японцы начали бросать на форт II и в других местах в наши окопы какие-то жестяные банки со взрывчатым веществом — своего рода мины. Взрыв такой мины ранит и убивает много людей.

5/18 октября

Утром только 7° тепла. Отвратительная погода — сильный холодный ветер, слякоть.

Сегодня мы узнали, что только вчера генерал Горбатовский назначен вновь начальником боевого фронта на правом фланге и что после отбития августовских штурмов он находился как бы не в милости, должен был заведывать хозяйством 7-й дивизии, во время последних боев он ходил по позициям лишь в качестве наблюдателя. Это известие удивило нас немало.

Оказывается, что когда после счастливо отбитого в ночь на 11 августа прорыва японцев (этим и кончились бешеные августовские штурмы) солдаты увели, почти унесли на руках генерала Горбатовского с Заредутной батареи под Скалистый кряж, чтобы не подвергать жизнь генерала опасности, так как японцы начали снова бомбардировать батареи, он заплакал, растроганный заботой о нем солдат, нервы были перенапряжены почти непрерывным боем в течение пяти суток, ему за это время не пришлось и подумать о том, чтобы уснуть, отдохнуть — японцы или бомбардировали, или же штурмовали фронт, которым он командовал, постоянно и всюду нужно было наблюдать и распоряжаться. Поэтому немудрено, что когда бой, наконец, утих, то генерал крепко заснул на голых камнях под Скалистым кряжем. В то же утро он попросил приехавшего на этот фронт начальника всей обороны генерала Кондратенко, чтобы ему дали дня два-три отдыха, так как он иначе не в силах находится на должной высоте исполнения своих обязанностей — при переутомлении могут случиться оплошности. Тотчас дали ему этот отдых, его заменил генерал Надеин, командир бригады 4-й дивизии. Но когда он явился по истечении трех дней в [333] штаб, чтобы отправиться вновь на свои позиции, его спрашивают, как его здоровье?..

— Помилуйте, — возражает он, — я вовсе не болел! Мне нужен был лишь отдых, нужно было выспаться, очувствоваться, вымыться, надеть чистое белье! Вот я и отдохнул.

Но к нему отнеслись как-то странно, чуть не хихикали над ним, рассказывает об этом очевидец инцидента К.

Это озадачило Горбатовского. Когда ему предложили разделить фронт с генералом Надеиным пополам, причем на его долю выпадал совсем не атакуемый крайний правый фланг, он отказался от этого, сказал, что в таком случае он не желает мешать генералу Надеину, не видит пользы от такого раздела фронта на два участка и займется лучше хозяйственными делами дивизии.

За это время будто генерал Фок успел убедить генерала Стесселя в том, что попытки завладеть обратно редутами № 1 и 2 были напрасным истреблением людей {199} и что в этом виноват Горбатовский, хотя как тот, так и другой прекрасно знали, что контратаки

производились по распоряжению генерала Смирнова, не пожелавшего отдавать позицию за позицию без попытки удержать ее за собою. В то же время кто-то пустил инсинуацию (вероятно, тот же Фок, который не стеснялся кивать на Петра и наделял всех, кто с ним не соглашался, нелестными эпитетами), будто Горбатовский трусил и с ним будто случилось расстройство желудка. Такая подлость! И все это только потому, что генерал Горбатовский явно выказал нежелание согласиться с теориями Фока «о сохранении гарнизона», приведшими нас уже к стольким пагубным последствиям, с теориями, которыми последний ловко прикрывал свою неспособность и прочие отрицательные качества полководца. И Горбатовский сторонник сохранения гарнизона, но лишь при условии сохранения самой крепости. Причиной инсинуаций было еще столкновение из-за резервов, в котором Фок оказался побежденным, а также и то, что Горбатовский уже действительно отличился, между тем как отличия Фока заключались лишь в донесениях [334] генерала Стесселя и мотивированы Бог знает чем и как. Но вот когда японцы вновь завладели кое-чем на атакуемом фронте и дело становилось вновь опасным, признали необходимым послать туда того же Горбатовского вместо Надеина.

10 часов 15 минут вечера. Погода отвратительная — небо мутное, сильная холодная буря с песком бьет в глаза; крыши, ворота, двери стучат. На позициях слышна перестрелка, но нельзя разобрать, что там творится. Трудно солдатам в такую погоду, очень трудно, конечно и японцам не легче.

6/19 октября

В 7 часов утра +5° по Реомюру; ветер стихает. 8 часов 30 минут. Становится теплее, +7°. День обещает быть солнечным, наверно, отогреемся.

В 7 часов утра рота стрелков ушла на позиции, по направлению форта III, должно быть из резерва.

С 8 часов утра идет на позициях оружейная перестрелка.

Сегодня появился целый рой слухов.

Балтийский флот всего на расстоянии 100 часов ходу от Артура.

Куропаткин и Линевиц совсем отрезали японцев от Ляодунского побережья; им остались два пути: или на север, или на Инкоу.

Эскадра адмирала Камимуры уничтожена (раньше сообщали, что уничтожен весь японский флот), но при этом погиб наш крейсер «Россия».

Будто вновь прибывший шпион-китаец сообщает, что армия генерала Куроки разбита наголову, генерал Нодзу успел посадить свою армию в Инкоу на транспорты и убраться в Японию, генерал Оку идет на помощь генералу Ноги, на Порт-Артур, но должен наткнуться у Кинчжоу на заслон генерала Мищенко.

К 21-му октября Артур должен быть освобожден в подарок царю на десятилетие вступления на престол.

В 12 часов 30 минут началась бомбардировка гавани 11-дюймовыми снарядами; первый упал вблизи «Полтавы» в воду.

Зашел сапер-капитан Линдер; он уверен, что крепость может продержаться еще несколько месяцев. У него около редутов [335] № 1 и 2 готова минная галерея, ждут лишь удобного момента, чтобы взорвать {200}. [336]

Позднее собралось у нас еще несколько офицеров. Обсуждались новые слухи. Высказывалось еще раз сожаление, что коренной артурский гарнизон отправлен на Ялу; здесь он принес бы много пользы делу обороны своим знакомством с местностью, в которой он много маневрировал. В этом ныне приходится убеждаться на каждом шагу {201}.

После обеда японцы усиленно бомбардировали батарею литера Б.

Вечером в течение полутора часов обстреливали 11-дюймовками район редакции, складов Гинсбурга и близлежащей набережной. Земля дрожала от падения тяжелых снарядов, из которых взорвался лишь один.

7/20 октября

Утром 6° тепла, ветер стих окончательно, день обещает быть солнечным.

Сегодня послали дружинников на саперные работы около форта III — на сооружение второй линии обороны. Японцы утром обстреливали этот форт.

9 часов 15 минут вечера. Вечер чудный, лунный, но холодный; небо ясное. Зашел Г-ский и сообщил неблагоприятный для нас слух: японцы будто получают 50 тысяч человек подкрепления из северных армий и строят массу новых батарей; выпустили прокламацию, обращенную к китайцам, в которой говорят, что они не думают отступить из-под Артура, будут биться до последнего, пока не возьмут крепость.

Далее он рассказывал, как он в воскресенье, во время боя, обходил позиции с И.П. Балашовым и А.Л. Тарданом. Говорит, много интересных наблюдений. По его мнению, японцы серьезно подкопались к нашим фортам и, пожалуй, возьмут форт II следующим штурмом; он опасается японских минных галерей и не верит талантам наших саперов, говорит, что с нашей стороны [337] все работы ведутся вяло, как-то не так... Не хватает рабочих рук.

10 часов 5 минут. Слышу, ружейная перестрелка оживилась; грохочут и пушки. Выхожу. Огромная полоса облаков, откуда не возьмись, застилает северный небосклон; поднялся ветер, стало еще холоднее. Щелканье ружейных выстрелов доносится вновь яснее; будто перестрелка происходит совсем близко.

Обычная перестрелка, которая уже затихает.

8/21 октября

Утром +5° по Реомюру, ветер, облачно.

Вечером, с 11 часов японцы бомбардировали гавань и Перепелку; в так называемый Железнодорожный городок упало 4 снаряда, разрушена квартира доктора Константинова, были попадания в «Севастополь» и «Ретвизан», в последнего целых три снаряда, из коих один сделал подводную пробоину. Человеческих жертв нет ни на судах, ни на берегу.

На «Ретвизане» того мнения, что японцы стреляют из вновь поставленных орудий.

Сегодня кто-то пустил по городу предположение, что японцы потому не стреляют по жилищу генерала Стесселя, что это не в их интересах; убить его значило бы прямо вредить себе... Всюду слышишь, как это мнение комментируется с нескрываемым удовольствием.

В 7 часов вечера. Всего 4° тепла.

С 9 часов японцы начали стрелять по направлению береговых батарей левее Электрического утеса.

В Красном Кресте узнал, что прошлой ночью была вылазка у форта II для выяснения японских работ в мертвом пространстве гласиса. Застали японцев врасплох, часть их перебили, другие бросились к колодцам минных галерей. Эти-то галереи и нужно было обнаружить. Колодцев будто оказалось два, по обеим сторонам форта; их взорвали пироксилином. Только очень жаль, что при этом очень тяжело ранен начальник вылазки, уряд-прапорщик, сапер, кавалер всех степеней солдатского Георгия Марченко. Он ранен в кишечник; при перевязке пришлось вырезать около 2 аршин кишки; его считают погибшим. Говорят, что результаты вылазки не стоят этой жертвы, так как, [338] по другой версии,

колодцы остались неразрушенными — пироксилиновые шашки не взорвались.

9/22 октября

Утром 7° тепла.

Оказывается, что японцы вечером обстреляли район Пресного озера, разбили здания пятого госпиталя; люди разбежались, никто не ранен.

Сообщают, что вчера поручику Соломонову удалось сбить японский пулемет, давно досаждавший нашим своей меткостью; будто попал и в бойницу замечательно точно. Только вчера обнаружили его и разбили вторым снарядом вдребезги; убиты 2 пулеметчика. Все это хорошо, если бы у японцев нечем было заменить разбитый пулемет. По наблюдениям наших офицеров и солдат, у них не менее двух пулеметов на каждую роту пехоты. Это сила, с которой справиться нелегко. А у нас?..

С. принес известие, будто горит город Дальний; так сообщили с Ляотешаня. Если это правда, то не отступают ли японцы на самом деле? Он же говорит, что если только установится попутный ветер, то нужно ожидать из Чифу много джонок. Дай-то Бог!

После обеда Б. сообщает, будто пришла одна джонка.

Встретил мичмана М., участвовавшего в морском бою 28 июля; он соглашается со статьей в шанхайском «Ostasiat. Lloyd», что была возможность разбить японцев. Говорит, команды и младшие офицеры вели себя во время боя выше всяких похвал. Не было только руководителя эскадры.

Поручик Р. говорит, что бросаемые японцами на форт II жестяные коробки-мины причиняют своими взрывами небольшие повреждения, но лоскутами жести ранено в один день 18 человек. Раны резаные — тело изрезано, точно ножом.

10/23 октября

В 7 часов утра — 7°, в 9 часов уже 12° тепла.

С 8 часов бомбардируют Перепелочную батарею и гавань 11-дюймовками.

10 часов 15 минут утра. Бомбардировка прекратилась.

Узнал, что вчера один 11-дюймовый снаряд попал в литейную мастерскую порта.

Сейчас провезли с музыкой хоронить тело прапорщика Марченко. [339]

Сообщают, будто в Голубиную бухту прибыло 9 джонок. Что-то не верится. Слух о том, что Дальний горит, продолжает держаться. Будто японцы увозят крупные осадные орудия. Новая версия слухов о делах на севере: часть разбитой японской армии бежала на китайскую территорию за рекой Ляохе и должна там разоружиться. Генерал Нодзу идет с остатками своей армии на Артур.

11 часов вечера. В обед была небольшая бомбардировка.

Узнал характерный факт: в последнее время стало почти невозможным работать днем в портовых мастерских, вследствие частых бомбардировок было уже много убитых и раненых. Поэтому начали работать по вечерам. Вскоре японцы начали бомбардировать порт по вечерам. На днях портовое начальство отменило вечерние работы и приказало начинать работы с половины первого часа ночи.

В первую же ночь, ровно в половине первого, японцы начали бомбардировку порта...

Ясно, что тут имеем дело со шпионами среди китайцев — мастеровых и рабочих. Удивительно, как они ухитряются передавать эти сведения японцам! Мы бессильны бороться с ними.

В городе не достает махорки; солдаты принуждены покупать незavidные, но дорогие сорта

картузного табаку. Возмутительно — водки, одной смирновки может еще хватить более чем на год, а такого незатейливого, но необходимого предмета для солдатского обихода, как махорка, уж нет! Никто об этом не позаботился. Быть может, все вывезено в Северную армию до осады.

Теплый, тихий лунный вечер, около полуночи оживленная перестрелка.

11/24 октября

В 7 часов утра всего 3° тепла, поднялся северный ветер, совсем холодно.

8 часов утра. Солнышко светит, но не греет, всего +4°.

Ночью японцы бомбардировали правый фланг крепости, а мы этого и не слышали.

В 12 часов 30 минут дня японцы открыли огонь по городу из 120-миллиметровых и 6-дюймовых орудий залпом, потом начали стрелять вразброс, по разным направлениям. Бомбардировка [340] прекратилась после 3 часов. Не слышать, чтобы были человеческие жертвы. Поговаривают, что это, быть может, последний салют городу перед отступлением. Не верится. Мечты эти слишком розовы.

Около 10 часов вечера началась бомбардировка 11-дюймовками города, внутреннего порта и гавани, наши батареи отвечали усиленно, неприятельские снаряды валились близко, в воздухе гудели, жужжали осколки. Казалось, что в это время разорвались над городом два снаряда с Золотой горы, т. е. свои.

12/25 октября

Утром 4–5°, пасмурно, тихо.

Вечерняя бомбардировка длилась с час времени, в то же время развилась и на позициях оживленная перестрелка. Когда орудия замолчали, слышалось еще какое-то шипение, когда прислушался внимательно, то оказалось, что это шипят, благодаря своеобразному состоянию атмосферы, японские перелетные пули. К нам во двор прилетел осколок, сильно ударился о доски и, должно быть, зарылся в землю, так как утром нигде не нашел его. Другой осколок оказался сегодня утром в соседнем дворе, довольно большая глыба чугуна облипшая похожей на деготь черной массой, перегаром пороха. Рассматривая этот «гостинец», мы задавали себе вопросы: кто прислал нам его — японцы или же мортиры Золотой горы?

В 5 часов утра началась было пальба на позициях. Так как к 13-му числу ожидают штурма, вышел на горку послушать, но все вскоре затихло.

Когда рассвело, поднялся на Военную гору. По улицам уже кипела жизнь: солдаты, матросы и мирные жители бегут к хлебопекарням покупать хлеб, у каждой из них собралась толпа народу.

В доме генерала Волкова амбразура одного окна увеличилась — 11-дюймовый снаряд пробил над ним большое круглое отверстие, как бы свод. Генерал Стессель, конечно, не переедет теперь туда и работы дружинников по приготовлению квартиры окажутся напрасными. Узнал, что склон Перепелки, на котором дом Волкова, подвергся вечером сильному обстрелу 11-дюймовками. [341]

Узнал в городе: 1) что вчера видели с Ляотешаня, как японские миноносцы расстреляли 3 джонки, идущие в Артур, 2) что наши ежедневные потери в среднем по 30 человек, из них, также в среднем, 5 человек убитыми, 3) слух о том, что Дальний горит, все еще держится, добавляют, что туда ушло около 30 транспортов и 4) что из штаба подтверждают слух о том, будто армия Куроки разбита и взята в плен, а Оку и Нодзу отступают.

Сегодня японцы бомбардировали город и гавань в два приема — утром и после обеда, и притом очень долго.

В то же время они обстреливали дороги, ведущие из города к укреплениям. В гавани сильно обстреляли госпитальное судно «Ангара».

Вечер светлый, ясный, холодный; полнолуние.

В ночной тишине далеко слышен грохот обозных двуколок, едущих с позиции и на позиции по нашим каменистым дорогам, везущих боевые запасы и продовольствие. Так и кажется, что японцы должны слышать весь этот грохот и начнут снова обстреливать пути сообщения.

13/26 октября

В 7 часов утра +4°, утро солнечное.

После полуночи вновь принялись бомбардировать город 11-дюймовыми снарядами. Один из первых снарядов попал в типографию «Нового края», прямо в большую машину, на которой начали печатать номер газеты. Все помещение превращено в груды развалин, работавшие там печатники-китайцы перебиты и переранены, русских служащих в это время там не было, они закончили свои работы и разошлись по домам до стрельбы. Следующие снаряды попали в гостиницу Никобадзе, в квартиру военного прокурора полковника Тыртова (3 снаряда), в склады офицерского экономического общества, фирмы Гинсбург и лесопромышленного товарищества, где возник пожар — загорелись масло, керосин и спиртные напитки. Вследствие ясного полнолуния зарева не было видно, иначе японцы участвовали бы огонь по пожару. Там все еще догорает.

Снова остались мы без газеты, но на сей раз по вине японцев, на которых нельзя и сетовать. Это могло бы случиться давно, так как этот район города обстреливался тут не ежедневно. [342]

Передают, что утром генерал Стессель, проезжая мимо развалин здания «Нового края», остановился и высказал сожаление по этому случаю, но добавил, что, впрочем, без этого учреждения можно обойтись. Сопровождавший его офицер будто поспешил лакейски согласиться с последним мнением генерала и прибавить, что это даже хорошо.

4 часа 45 минут. С 2 часов дня японцы развили сильный артиллерийский огонь по району Курганная батарея — форт II, с 3 часов 40 минут начался в направлении укрепления № 3 и форта III жестокий штурмовой огонь и длился почти целый час, артиллерийский огонь не прекращался — высоты окутывались дымом от японских фугасных снарядов, а в воздухе то и дело разрывалась шрапнель. Батареи нашего левого фланга усиленно помогали батареям атакуемого фронта, стреляли и береговые. Японцы усиленно бомбардировали Перепелочную батарею и, кажется, что один снаряд попал среди орудий, батарея замолчала. Был момент, когда ружейный огонь казался очень близким — будто японцы прорываются в лошине между фортом III и укреплением № 3.

Сейчас уже можно сказать с уверенностью, что штурм отбит и — дай Бог, чтобы без уступки позиций.

9 часов 20 минут вечера. С час времени японцы бомбардируют гавань и внутренний порт (восточный бассейн) И-дюймовками.

Говорят, что японцы взяли форт III, по словам других — укрепление № 3. Не верится, вернее — не хотелось бы верить.

Узнал, что вчера на левом фланге, между Высокой горой и фортом V, погиб зауряд-прапорщик (запасный фельдфебель, кавалер трех степеней Георгиевского креста) Александр Набережных — несомненный герой, очень дельный служака{202}, обидно, что он погиб от нашего же снаряда. Орудие дало осечку; он поторопился открыть створку, в это время последовал выстрел.

10 часов 45 минут вечера. На позициях обычная перестрелка. Бомбардировка гавани все еще не прекращается. С четверть часа тому назад Золотая гора выстрелила и снаряд снова

разлетелся [343] кусками по городу. Вот напасть! Всегда нам приходится более опасаться своих снарядов, чем неприятельских. Это сильно удручает.

Досадно, что, когда разговор коснется снарядов, приходится слышать, что по осколкам легко узнать, чей снаряд.

— Если осколок из хорошего металла, то несомненно японский, если же дрянной чугун, то непременно наш {203}...

Обидно, но это правда.

14/27 октября

12 часов 35 минут утра. С полуночи начался снова сильный ружейный, пулеметный и противоштурмовой огонь — все в том же направлении. Минут через 15–20 наступило первое затишье.

1 час 5 минут утра. Вот уже прекратилась третья атака. Наступают ли снова японцы, или же это контратаки наших, этого нельзя знать.

В промежутках стреляли и крупные орудия; сегодня благодаря особому состоянию атмосферы, вероятно, ветру в ближних слоях атмосферы, снаряды воют в воздухе как голодные волки. Ясно слышно, как они разрываются, достигнув цели.

В 7 часов утра 7° тепла.

Лег спать в 2 часа утра, не слышал, чтобы атаки еще повторились.

Первые сведения, будто японцы наступали вчера целой дивизией на форт III, но отбиты.

Ни форт III, ни укрепление № 3 не были в руках японцев. Будто колонны прорывались в овраг, но были уничтожены.

Позднее получил точные известия: японцы атаковали окопы перед фортом III и укреплением № 3, окоп впереди форта III занят окончательно; начали венчать гласис, окоп у укрепления № 3 занят лишь частью. Потери японцев во вчерашнем бою около 2500 человек убитыми, число раненых неизвестно. Наши потери 75 человек убитыми и около 100 ранеными. Небывало высокий процент убитых в сравнении с ранеными доказывает, что дрались ожесточенно. [344]

8 часов 30 минут вечера. С 12 часов 40 минут дня японцы начали сильно бомбардировать город, побережье и гавань 120-миллиметровыми и 6-дюймовыми орудиями, как бы в отместку за понесенные потери. Около 3 часов дня орудия замолчали точно лишь для того, чтобы народ задвигался по улицам, предполагая, что бомбардировка прекратилась — и вдруг, залпами из 5–6 орудий, осыпали город в разных местах снарядами. При первом же залпе убит на Саперной улице телеграфный рассыльный.

В Сводный госпиталь попали два снаряда.

Стрельба продолжалась до вечера; а с 6 часов начали посылать из двух орудий 11-дюймовые снаряды — из одного в гавань, а из другого по портовым сооружениям. Недавно перестали.

За дворцом наместника загорелось какое-то здание.

10 часов 30 минут. Было вышел погулять на чудном вечернем воздухе, при ярком лунном освещении, встретил гуляющих знакомых, как вдруг японцы снова начали бомбардировку мелкими орудиями района Военной горы. Вероятно, заметили пожар и метили по нему. Стреляли около часа времени.

Сообщают, что генерал Стессель ездил сегодня на Зубчатую батарею и получил там царапину в голову не то камнем, не то осколком.

15/28 октября

В 7 часов утра +6,5°; ветер, грозящий перейти в бурю, носит по улицам облака пыли.

Сегодня достал несколько приказов генерала Стесселя:

«№ 769 [14 октября). Объявляю благодарность фельдшеру 4-й роты 7-го Запасного батальона Иосифу Сенетовскому, сделавшему мне сего числа перевязку под Зубчатой батареей».

«№ 772 (15 октября). Младшие Инженер-Механик Эскадренного броненосца «Полтава» Лосев за отличие в делах против неприятеля и за отлично выполненное поручение в ночь на 15-е октября, когда он пробрался с охотниками в окоп противника и, бросая ручные бомбы, выгнал из окопа японцев, награждается мною Орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом». [345]

«№ 773. Бывший Градоначальник г. Дальнего Инженер Штабс-Капитан Сахаров 13-го числа скончался в Мариинской общине. На руках этого офицера могут быть документы, суммы и прочие отчеты по постройке Дальнего, а потому я, как Начальник Квантунского Укрепленного района, куда входит и город Дальний, назначаю комиссию под председательством Начальника Жандармской команды Ротмистра Князя Микеладзе и членов Судебного пристава Порт-Артурского Окружного суда Скалзуб, Саперной роты Поручика Селунского, бывшего Полицмейстера г. Дальнего Меньшова, Прапорщика запаса флота Курилова и бывшего Бухгалтера при судостроительстве Герцог для описи и приведения всего в ясность Комиссии вменяется в обязанность через опрос бывших служащих в г. Дальнем выяснить все необходимое, осмотреть и описать все имущество, деньги и документы».

С 6 часов утра начали грохотать на позициях орудия, ветер и пыль мешают разобрать, но кажется, что обстреливают район форта II и батареи литера Б.

С 8 часов утра японцы начали бомбардировку города и вновь залпами из 5–6 орудий.

К 11 часам дня бомбардировка прекратилась.

В помещения «Нового края», как сообщают, попадают теперь чуть не ежедневно снаряды, сегодня вновь разбита газетная кладовая, где хранились запасные номера. От бомбардировки загорелся дом лесопромышленного товарищества на Банковской набережной, но вследствие бури и пыли японцы, должно быть, не заметили пожара, иначе они не прекратили бы бомбардировки, а усилили бы ее.

Брандмейстер Вейканен показывает всем при тушении пожаров пример неустрашимости — работает во время даже сильного обстрела, как будто он не видит рвущихся кругом снарядов. И удивительно, что при тушении уже многих пожаров ранены всего 2 пожарных.

По сообщению солдат, японцев в данную минуту под Артуром «видимо-невидимо», это привычное выражение солдат, не дающее нам никакого понятия о количестве неприятельских сил. [346]

Полагают, что прибыли остатки армии Нодзу и Оку; но если это так, то вслед за ними идет армия Куропаткина к нам на выручку.

Говорят — чем больше беда, тем ближе Бог.

7 часов 5 минут вечера. С 12 часов 30 минут японцы начали снова бомбардировать город, и в то же время зарокотали орудия на позициях и по позициям, этот рокот сегодня своеобразный — если так можно выразиться, круглый, похожий на гром. Часто приходится отмечать, что звуковые эффекты зависят от состояния атмосферы и поэтому очень разнообразны.

Бомбардировка города прекратилась в 3 часа. С 6 часов вечера началась бомбардировка 11-дюймовками. На позициях канонада почти не прекращалась.

8 госпиталя мне сообщили, что вчера генерал Смирнов был на форту II, лазил в минную галерею, слушал подземные работы японцев и взорвал электрическим током заложенный

заряд. Говорят, что при взрыве полетели вверх люди, брусья, плахи, а дым еще долго выходил в сторону японцев из входа в их минную галерею. Раненые офицеры допускают, что наши потери за эти дни достигают 300—400 человек убитыми и ранеными, зато японские потери не меньше чем в десять, если не в пятнадцать раз больше наших.

Вчера интендантский чиновник К-ко рассказывал у Т-ча, будто в штабе района решено отступление на Тигровый полуостров. Что-то невероятное! Быть может, решено, ввиду усилившейся бомбардировки города, увезти все важные бумаги казенных учреждений в безопасное место?

Вечер очень темный; луна взойдет лишь часа через два. При наблюдении за боем выстрелы наших орудий на позициях, взрывы неприятельских бомб и шрапнели очень утомляют глаза.

12 часов ночи. После восхода луны ружейная и орудийная перестрелка на позициях заметно затихла, лишь изредка усиливаясь на короткое время.

Недавно 11-дюймовые снаряды перестали летать в гавань. Сегодня стрельба ими прошла замечательно счастливо для нас — взорвались всего 2 снаряда, остальные легли безмолвно, вероятно в воду. [347]

16/29 октября 5 часов утра

С 4 часов утра на позициях усиленная ружейная перестрелка то разгоралась до того, что, казалось, начинался штурм, то затихала. Должно быть, идет так называемая окопная драка.

В 7 часов утра 6° тепла; ветер стих.

Сообщают, что японцы, подошедшие тихой сапой вплотную к форту II, взорвали посредством минной галереи потолок капонира и вошли в него, но были выгнаны оттуда, и отверстие заложено мешками. Подземная битва была беспощадная, люди озверели — били друг друга чем попало, душили руками, кусали зубами.

Раненые матросы, пришедшие с позиций, сообщали, что наши ночные вылазки были довольно удачны, они застали японцев в ближайших окопах спящими и перекололи всех штыками, у второго окопа дело было рукопашное, и оттуда вышибли японцев с ничтожным уроном с нашей стороны.

С 8 часов утра японцы бомбардируют Перепелочную батарею, мешает она им сильно. Снаряды ложатся так близко, что, кажется, подбирают они все орудия.

Сегодня была обыденная бомбардировка города. Канонада на позициях продолжалась целый день и охватывала весь фронт, орудия рокотали и на крайнем правом фланге, чего не было давно. Японцы развили особенно сильный артиллерийский огонь по району форта II, обстреляли и Большую гору. Под вечер вдруг заговорила вновь Перепелочная батарея, мы думали, что она сбита, вероятно успели исправить повреждения.

В 6 часов 30 минут вечера снова зашипели над нами японские «тележки», как называют 11-дюймовые снаряды.

По дороге в Красный Крест встретил знакомого нестроевого офицера, который прежде малодушествовал и все говорил, что Артуру не устоять. Сейчас у него спокойной уверенности хоть отбавляй, часто посещает батареи и наблюдает там за ходом боя.

Говорит, что все успехи японцев нужно приписать лишь тому, что у них техническая сторона сильнее нашей — артиллерия и саперных войск много, ни в снарядах, ни в инструментах, ни в материалах нет недостатка, все можно подвезти. Будь мы в таких же условиях, заключает он, успехи японцев на Квантуне [348] и под Артуром были бы совсем мизерны при тех же колоссальных потерях.

Пока вечером было темно, то и дело взвивались боевые ракеты, освещали местность. Когда взошла луна, то перестрелка почти прекратилась, но дым собрался над позициями в виде

облака и держится так в холодном воздухе.

17/30 октября

В 7 часов утра только 3° тепла.

В пятом часу утра слышна была орудийная пальба по направлению к форту II, затем она затихла.

С 6 часов 20 минут японцы начали усиленно бомбардировать позиции правого фланга. Шрапнель рвется и над Большой горой.

Около полуроты стрелков прошли с двуколками на правый фланг.

С 7 часов утра японцы перенесли огонь на район форта III.

Перепелочная батарея начала усиленно стрелять, и японцы бомбардируют ее и крупными и мелкими снарядами.

Японцы прошлой ночью вновь взорвали потолок капонира{204} форта II, завладели частью капонира и укрепились в нем.

4. Новые штурмы

8 часов 50 минут утра. Был момент, когда казалось, что артиллерийский огонь утихает, в это время кто-то из трусливоно-ющих пустил слух, что форт III взят японцами. Поднимается северный ветерок; небо застлалось облаками. Бомбардируемый фронт крепости окутан дымом.

10 часов 55 минут. Страшный артиллерийский огонь продолжает вспахивать все вершины фронта, целые тучи дыма и пыли от взрывов закрывают наши укрепления, иногда порывом ветра сносятся эти тучи в овраги, и лишь на момент видим знакомые сопки, затем они вновь покрываются клубами грязного дыма, будто вырывающегося из-под земли. Рокот сливается в какое-то рычание. На момент увидал контур форта III, он обезображен, взрыт. [349]

Перепелочную батарею все еще усиленно бомбардируют И-дюймовыми снарядами. В то же время идет бомбардировка гавани. Не подлежит сомнению, что готовится штурм.

11 часов 40 минут. По всему фронту слышен среди орудийного гула ружейный штурмовой огонь; адский артиллерийский огонь нисколько не уменьшается.

В гавани затоплены бомбардировкой госпитальное судно «Ангара» и торговый пароход «Новик», капитан последнего Михельсен убит наповал, также потоплено несколько шаланд. Сейчас обстреливают госпитальное судно «Казань».

В эти ужасные минуты, откуда ни возьмись, всплыли вновь ободряющие слухи: 1) по сообщению китайцев, японцы должны скоро уйти из-под Порт-Артура и поэтому напрягают последние усилия; 2) генерал Куроки будто покончил с собой, Оку окружен, а Нодзу идет на Артур; 3) от Куропаткина прибыл китаец, его увели в штаб района, но какие он принес известия, пока не известно и 4) будто джонки с припасами прибывают ежедневно в Голубиную бухту.

12 часов 15 минут дня. Артиллерийский и штурмовой огонь на позициях ужасающий, небывалый. Центр тяжести атаки в данную минуту в район форта II и батареи литера Б — Залитерная гора порой совершенно заволакивается дымом и пылью, в которой беспрестанно появляются красиво-белые дымки японской шрапнели.

Перепелочная, Электрический утес и прочие береговые батареи, а также «Ретвизан» стреляют усердно.

Японцы бомбардируют Перепелочную батарею, пока все еще благополучно, все недолеты и перелеты.

2 часа 30 минут. Бой все еще не прекращался ни на минуту, в воздухе стоит рокот орудий, вой снарядов, визг шрапнели, рвущейся целыми пучками, посылаемой залпами и поодиночке непрерывно; среди всего этого то и дело слышен «крах» взрывающихся фугасных снарядов и переливается трескотня ружейных выстрелов — словно горох сыплется из мешка.

Впечатление усиливается еще тем, что весь боевой горизонт покрыт густым дымом, как бы завесой, и мы не знаем, что увидим там, когда завеса эта спадет. Нервы надрываются при одном [350] наблюдении издалека, сердце сжимается. Но каково быть там, среди самого этого ада!

3 часа дня. Наконец бой начинает все более и более стихать. Нужно полагать, что самый отчаянный натиск неприятеля отброшен или же... Об этом не хотелось бы думать! Впрочем, если бы японцам удалось прорваться, то бой не утихал бы.

По тому, что на наших батареях все еще взрываются неприятельские снаряды, можно судить, что они все еще в наших руках, что японцам не удалось завладеть ими.

Что творится около форта II — не видать, и об этом судить трудно. Но на душе стало легче, чувствуется, что опасность миновала. Ветром разогнало не только дым, но и тучи на северном небосклоне, прояснило. Слово и природа участвовала в этих ужасах, прикрывая их, ужасы окончились — и она снимает свою завесу, свою траурную пелену.

4 часа 20 минут. Стрельба затихает все больше и больше, лишь изредка учащаясь — точно хищный зверь щелкает зубами издыхая, в последних судорогах.

Появились устные депеши о результатах боя, пока весьма сомнительные: 1) будто японцы сожгли форты II и III, забросали их минами и 2) будто японцы взяли укрепление № 3 и какой-то редут, предварительно уничтожив защитников минами. Но так как форты не могут быть сожжены, ибо там нечему гореть, и на этом фронте у нас нет никакого редута, считаем сведения эти фантазией.

Японцы штурмовали укрепление № 3, форт II, Куропаткин-ский люнет и батарею литера Б, взобрались было уже на Куро-паткинский люнет, но выбиты.

Не завладели ровно ничем. Во время штурмов они поддерживали сильный ружейный огонь вдоль всего фронта — от железной дороги до батареи литера А — будто вот-вот бросятся на штурм. Этим они отвлекали на себя огонь нештурмуемых укреплений, не давали им помогать в отбитии штурмов фланговым огнем, что, конечно, удалось им лишь настолько, насколько удавалось обмануть наши войска, уже знакомые с этой хитростью.

Встречаю раненых, идущих, несомых и везомых с позиций. [351]

Все бодры духом, рады, что удалось отбросить и на этот раз японцев, которые не столько штурмовали, сколько громили артиллерией. Говорят, что наш урон значителен, но японцев уложили тьму. Подпускали шагов на 50 и били наверняка; впереди укреплений остались груды тел, пути штурмовых колонн устланы трупами — черным-черно. Японцы шли на штурм, вооружившись и шашками пироксилина, но использовать их не удалось. Лезли на укрепления лениво, понуждаемые сзади своей шрапнелью; теснились как стадо, гонимое на убой; лишь офицеры шли бодро впереди.

Сегодня японцы, видимо, хотели взять позиции артиллерийским огнем, усилив его до невероятного, прошлые штурмы доказали им, что недостаточная подготовка артиллерии влечет за собой большие потери в штурмующих войсках. Но и на этот раз они, так сказать, не дорассчитали и ошиблись; засыпав позиции и дороги действительно адским огнем, они послали на штурм недостаточно войск, как бы полагая, что им легко удастся занять позиции, защитники которых перебиты. Но не тут то было. Гарнизоны позиций пострадали, конечно,

значительно, растаяли; но когда пришли штурмовые колонны, то уцелевшие встретили их сильным огнем и дружным ударом в штыки, подтянутые к позициям резервы подоспевали всюду вовремя.

Говорят, что японцы побывали сегодня и на Куропаткинском люнете и на батарее литера Б, но отовсюду отброшены. Со слов участников боя можно заключить, что если бы японцы штурмовали сегодня настолько же интенсивно, насколько они развили артиллерийский огонь, они могли бы иметь некоторый и, пожалуй, не малозначительный успех.

Когда я наблюдал за боем с Военной горы, меня порой брало сомнение — устоит ли сегодня крепость. Мне казалось, что японцы должны попытаться прорваться в тыл наших позиций и что им это удастся, если пойдут непрерывной колонной по оврагу между Куропаткинским люнетом (миновав форт II по мертвому пространству или по траншее, ведущей к люнету) и батареей литера Б — взять в этом месте китайскую стенку. При этом они оказались бы сразу в тылу батарей Малой Орлиной, литера Б и Залитерной и могли бы фланкировать китайскую стенку и дороги. Если бы этот прорыв случился днем, то, конечно, [352] наши батареи (морские скорострельные) на кряже над Китайским городом и на другом кряже под Большой горой, составляющие в этом месте вторую линию обороны (не имеют ни окопов, ни прикрытия пехотой), могли уничтожить прорвавшихся; если же прорыв этот был бы подогнан к ночи, то дело наше оказалось бы не только плохим, но и проигранным, бесповоротно проигранным.

Мы было считали августовские штурмы безумием со стороны японцев — безумием пытаться взять крепость штурмом, не подготовив себе успех артиллерией и саперными работами. Но это не совсем так, если принять в расчет, что долговременная осада стоит не меньше, если не больше человеческих жертв, хотя бы вследствие одних болезней, развивающихся при ненормальных условиях жизни армии и что, кроме того, постоянный огонь со стороны защитников крепости, вылазки и все такое прочее требуют массы жертв, а осадные работы требуют массы труда и средств, и при всем этом нужно потратить много времени; от успешности же операций зависит всегда конечный результат и цель войны. Если же обратим внимание на то, что во время августовских штурмов японцы на левом фланге завладели Угловыми горами, продвинулись к Высокой горе, завладели частью Панлуншаня — подошли к Кумирнскому и Водопроводному редутам и заняли редуты № 1 и 2, то уже нельзя признать эти штурмы ни безумными, ни безуспешными. Если же вспомним, что 11 августа им почти удалось прорваться (нас спасла лишь бдительность и решительность, а их успеху помешал лишь педантизм и нерешительность), то ясно, что японцы действовали с верным расчетом. Но у них все как бы чего-то не достает. Главное, что помешало им использовать свой относительный успех, заключается, по мнению более компетентных лиц, в том, что японцы не знают, так сказать, центра тяжести штурма, или же они по своим физическим или же нравственным особенностям не способны нанести противнику тот стремительный штыковой удар с той силой, которая обеспечивает окончательный успех.

Сегодняшние штурмы как бы подтвердили этот вывод; когда японцы взобрались было на Куропаткинский люнет и батарею литера Б, они старались расстрелять уцелевших защитников, [353] последние отбросили их штыками, а тем временем подоспели резервы и в результате — напрасная потеря в людях.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы японцы не имели сегодня ровно никакого успеха, весьма возможно, что они кое-где, так сказать, присосались, и пока штурмовые колонны погибали в одном и другом месте, они могли укрепиться, засесть прочно.

Сообщают, будто взятый сегодня в плен раненый японец сказал: «Нас мало, но снарядов у нас много!»

10 часов 50 минут вечера. На позициях очень редкая перестрелка. Все утомились. И прожектор глядит, как бы борясь со сном.

18/31 октября

Утром 7° тепла.

С 5 часов утра началась в направлении Курганной батареи атака, продолжавшаяся недолго; потом снова обыденная перестрелка, а около 7 часов полное затишье.

С 8 часов 30 минут японцы начали бомбардировку города и гавани 120-мм снарядами.

Узнал, что в ночь с 16-го на 17-е японцам удалось внезапно занять горку у малой Голубиной бухты, охранявшуюся небольшим отрядом стрелков. В прошлую ночь отряд 28-го полка отбросил японцев на их прежние места и вновь укрепился на этой горке. Руководивший контратакой подпоручик Крумин представлен к награждению орденом Св. Георгия IV степени. Это тот же молодой офицер, который в свое время представил проект устройства батарей на Ляотешане.

Вчера во время боя у генерала Горбатовского, обходившего позиции для того, чтобы убедиться, где необходимы резервы, оторвало осколком полу шинели и пробило пулей фуражку, но сам он остался невредим.

Новый слух: Куропаткин решил пойти прямо в Корею, а оттуда в Японию; если же Артур не устоит, то все равно при заключении мира японцы будут принуждены вернуть нам эту крепость. Другие уверяют, что скоро должна прибыть к нам выручка, так как наместник настаивает на том, что нельзя допустить падение Артура. [354]

4 часа 55 минут пополудни. Сегодня японцы усиленно бомбардировали город мелкими (120-мм) и крупными (11-дюйм.) снарядами; дали всего около часа передышки.

Это обычное явление после неудачного штурма. По этому поводу смеются, что японцы, не имея успеха на позициях, воюют с мирными жителями.

Сегодня много попаданий по побережью бухты Таучин; на южном склоне Перепелочной горы загорелся чей-то дом, а позднее снарядом подожгло кладовые фирмы «Чурин и К°»; подул ветер и сейчас уже догорают магазин и все здания фирмы, огонь охватил и склад материалов Кондакова; с трудом отстояли дома Ефимова и товарные склады Тифонтая.

У Чуриных сгорело много товару и съестных припасов. Около 3 часов 30 минут началась по направлению форта II частая ружейная стрельба — огонь, похожий на штурмовой, продолжавшийся около часу. Сейчас там обыкновенная перестрелка.

В госпитале сообщили мне, что японцы штурмовали сегодня форт II, штурм отбит, но они засели на гласисе и что теперь начнется там настоящая минная война.

Кто-то принес известие, что поручик Афанасьев, командовавший ротой Квантунского флотского экипажа, убит. В Красном Кресте умер раненый вчера на Куропаткинском люнете подпоручик крепостной артиллерия Корзун.

Сегодня Т. М. Д-ва нашла своего мужа уже раненым в городской больнице.

Пожарище все еще догорает, освещая Перепелку, Военную и даже Золотую гору. Японцы не стреляют по пожарищу; надо полагать, что японские артиллеристы утомились стрельбой два дня подряд, или же у них вышли снаряды.

Говорят, что один японский 11-дюймовый снаряд попал сегодня в «Палашу» (так иногда называют крейсер «Палладу»); думали, что пойдет ко дну.

19 октября

(1 ноября). В 8 часов утра всего 5° тепла, небольшой ветерок.

Сегодня, с восьмого часа утра, японцы обстреливают расположение торговых пароходов в западном бассейне гавани. «Зея», «Буря» и «Цицикар» уже потоплены. [355]

Приказы генерала Стесселя от 18 октября:

«№ 776. По сведениям, мною полученным, армия Куропаткина движется с успехами, причем один японский старший генерал взят в плен (!); а здесь 13 или 14-го числа сего месяца тоже один старший японский генерал лишил себя жизни — (?!). Взятый в плен японский солдат при опросе почти не отвечал, но все таки показал, что они потому торопятся, чтобы взять форты к 21-му числу, ко дню рождения Микадо, нам же известно, что 21-го числа сего месяца день Восшествия на Престол нашего Великого Царя. Я Вас знаю и не сомневаюсь, чья возьмет, осталось два дня».

«№ 779. 14-го сего октября, находясь в окопах 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка у Зубчатой батареи, я был ранен неприятельскою пулею из окопов внизу временного укрепления № 3 в правую теменную область с повреждением кожного покрова и ушибом теменной кости. — Поранение это внести в мой послужной список{205}.

Основание: Перевязочное свидетельство за № 20 и ст. 901 кн. VIII Св. Воен. Пост. изд. 1892 года».

«№ 780. Слава Богу, пока все отбито. Японцы в некоторых местах присосались, и разумеется теперь, что может быть? Возьмут человек 10–20, полезут ночью, а гарнизон утомлен и спит, вот что Боже сохрани; когда лезут на штурм, это не страшно, вы их отобьете, а вот когда вы заснете сном богатырей, ну тогда вас, сонных, хоть руками бери; а потому надо этого не позволять, да не на словах, а на деле. Предписываю следующее: 1] Гарнизон каждого форта и батареи поделить на 3 смены, одна смена должна быть на ногах и в полной боевой готовности, и менять через 2 часа, начиная с 6 часов вечера и до 6 часов утра. Если два офицера, то ночь пополам. 2] Для поверки сего, так как без поверки ничего не будет, кроме начальников участков, поверку возлагаю на следующих [356] Старших начальников: генерала Никитина, генерала Церпиц-кого, полковника Рейс и полковника Савицкого, подполковника Хвостова и подполковника Некрашевич-Поклад. Старшим назначаю генерала Никитина, коему и установить очередь поверки и указать участки и время, все это предоставляю генералу Никитину»{206}.

На днях будто был принесен в штаб найденный при убитом японском офицере приказ генерала Ноги о том, что микадо повелел взять Артур к 1 ноября.

По новому стилю сегодня 1 ноября.

6 часов 15 минут вечера. Ходил в Новый город. Когда шел по Перепелочной набережной к Мертвому углу{207}, заметил, что одну из больших пушек «Ретвизана» поднимают — значит, готовятся к выстрелу; чтобы не быть оглушенным, решил открыть рот и шел не спуская глаз с пушки, чтобы увидеть выстрел. Дошел до самого Мертвого угла, как вдруг близко над головой просвистел неприятельский снаряд. Невольно шарахнулся, повернулся посмотреть, куда попадет снаряд. В это время грохнул выстрел с «Ретвизана», напором воздуха отбросило меня к скале и совершенно оглушило, так как в данный момент забыл про поднятую пушку и закрыл рот. [357]

Дальше прошел благополучно; дорогой догнал раненого солдата, плетущегося в госпиталь, который сообщил, что японцы повели ночью две атаки, но отбиты.

— Все ничего, — говорит он, — но, проклятые, бросают эти бомбочки — это скверно. А так, выходи по-честному, нисколько не боимся!

В Новом городе узнал, будто в штабе готовят второй приказ для гарнизона, в котором говорится, что отряды Куропаткина уже около Санпшлиту.

Точно на самом деле такими приказами можно отразить штурмы! Другая новость — будто 17-го числа, во время штурмов, международный (?) флот держался на горизонте, чтобы предупредить резню в случае, если японцы завладеют крепостью. Не знаешь, верить или не верить, хотя говорят это люди серьезные.

Узнал, что генерал Стессель был в первых числах октября на форту II. Первому сообщению об этом и даже его приказу никто не хотел верить.

Оказывается, что генералы Смирнов и Кондратенко, встретившись у генерала Стесселя, решили, что нужно обследовать новую японскую траншею в мертвом пространстве форта II и предложили ему, сперва шутя, а потом более настойчиво, проехать с ними на форт, чтобы решить вопрос на месте. Он сначала отговаривался, что не может быть полезным, что не к чему ему ехать туда; но когда ему сказали, что решено поехать туда на заре, в то время когда японцы сменяют свои части, дежурившие ночью, когда на время стрельба совсем прекращается, и что туда же поедет адмирал Вирен и еще кое-кто, тогда решился ехать и генерал Стессель, вопреки желанию и просьбам своей супруги.

На следующее утро он действительно поехал, побыл на форту, полез даже на бруствер, но когда японцы начали стрельбу, поторопился уехать, отказался пойти рассматривать траншею с Куропаткинского люнета и батареи литеры Б, откуда она была видна. Об этом своем пребывании на форту II изданы им уже два приказа, по которым кажется, будто генерал Стессель бывает на форту нередко, и распоряжается там. [358]

20 октября

(2 ноября). В 4 часа утра температура воздуха +3,5°, в 9 часов утра +10° Реомюра. Утро великолепное, солнышко светит и греет. На позициях ни звука — будто войны и нет.

Дружинники были ночью на работах, копали окопы сзади форта III и Орлиного гнезда — вторую линию обороны.

Сообщают, что для более успешного производства инженерных работ на атакуемом фронте подполковник Рашевский назначен заведующим этими работами на северо-восточном фронте крепости, а капитан Шварц его помощником. Первый наблюдает за крайним правым флангом, а второй за участком от железной дороги до Орлиного Гнезда. Кроме них на атакуемом фронте следующие инженеры: на форту II Зегденидзе, на форту III Добров, а на укреплении № 3 Затурский.

Сообщают слух, будто международный флот собрался в Чифу... С другой стороны, уверяют, что в эти дни виднелись на горизонте до 15 японских судов.

1 час 45 минут дня. Вскоре после 10 часов произошел за Саперной импанью взрыв и что-то загорелось, в течение часа времени произошли там же еще два сильных взрыва, дым подымался огромным белым столбом и долго держался в виде гриба над местом катастрофы. Несчастье произошло в одной из лабораторий, где было много пироксилину и пороху, заготовленных для фугасов. По месту взрыва японцы открыли огонь, стреляли даже И-дюймовыми бомбами и шрапнелью. Один 11-дюймовый снаряд упал между зданиями Красного Креста и мельницей Тифонтая, взорвался и страшно переполошил всех раненых. В каждую минуту такой снаряд мог попасть и в здание Красного Креста, но этого не случилось. Снаряды ложились, кроме того, в окрестности театра Тифонтая.

На месте катастрофы погибло 50 и ранено 12 человек, из которых 2 уже умерли. Говорят, что и там отличилась отвагой наша пожарная команда и брандмейстер В.

Причина несчастья — та же непростительная халатность, отсутствие опытных рабочих-лаборатористов и невозможность усмотреть за ними.

Сообщают, что и на левом фланге была сегодня подобная же катастрофа, лишь в меньших размерах и с меньшим числом человеческих жертв. Там матросы принесли пироксилиновые [359] шашки для изготовления ручных бомбочек и та же неосторожность.

Новый слух, будто японцы увозят свои тяжелые орудия и наши стреляют им вдогонку; отряды Куропаткина прошли уже Кинчжоу и на Зеленых горах был уже бой.

9 часов 45 минут вечера. В Красном Кресте узнал, что комендант форта I капитан 25-го полка

Резанов ранен; не решился пойти к нему, думаю, ему нужен некоторый отдых после пережитых тяжких дней.

5. Сравнительное затишье

21 октября (3 ноября)

В 7 часов утра 9° тепла, южный, не особенно сильный ветер. Здесь это обычное явление: при южном ветре лето, а при северном — зима, насколько часто меняется ветер, настолько же часты резкие перемены температуры воздуха.

До 11 часов утра изредка раздавались орудийные выстрелы на позициях; наши суда выстрелили несколько раз. Ровно в

11 часов японцы открыли огонь залпом из 8–10 орудий по городу и стреляли до того часто, что снаряды свистели беспрерывно. В 11 часов 50 минут загорелся инженерный склад материалов; должно быть, горят смола, масло. Вслед за тем загорелась городская читальня и наборная «Нового края». Только в 12 часов 30 минут японцы прекратили небывалый по городу огонь. Японцы еще никогда не выпускали столько снарядов в такое короткое время по городу. Пожарища догорают, дым стелется благодаря ветру низко, и его уносит в море.

У нашего соседа убита снарядом лошадь, о человеческих жертвах не слышно.

Сообщают, что сегодня, в то время когда у нас был парад по случаю 10-летия восшествия на престол государя, японцы праздновали парадом день рождения микадо. В это время «Ретвизан» и «Полтава» или же «Пересвет», а также и Перепелочная батарея послали несколько снарядов по адресу японского парада; по сообщению наблюдательных постов снаряды взорвались среди войск. Этим объясняют жестокую бомбардировку города. [360]

Слух: Балтийская эскадра, состоящая из 90 миноносок, 12 крейсеров и т. д., прибыла во Владивосток.

9 часов 20 минут вечера. По направлению форта II слышна сильная ружейная и пулеметная перестрелка и редкие пушечные выстрелы; быть может взрывы бомбочек.

9 часов 40 минут. Атака прекратилась. Это была или вылазка, или же какое-нибудь демонстративное наступление неприятеля. Сейчас взрываются боевые ракеты.

Пожарища все еще догорают, но благодаря ясному небу зарева не видать.

М. принес известие, будто прошлой ночью мичман Дмитриев и прапорщик Морозов (говорят, что он инициатор и главное действующее лицо этого предприятия) с «Ретвизана» предприняли вылазку на вооруженном катере, удачно подошли за бухтой Тахэ к японскому контрминоносцу и попали в него миной Уайтхеда. Катастрофа так переполошила японский отряд миноносцев, что те поспешили спасти команду погибающего судна и не заметили уходящий катер; должно быть полагали, что миноносец наварвался на плавучую мину. Катер вернулся незамеченным. Дело молодецкое и должно вызвать новых охотников на такие предприятия.

22 октября (4 ноября)

В 7 часов утра +3,5° по Реомюру. Ночь прошла спокойно.

Вчера прибыла джонка с небольшой почтой. Китайцы-Джо-ночники будто ничего не знают ни о делах на севере, ни о Балтийском флоте. Быть может, скрывают от нас приятные известия. Они сообщают, будто японский консул в Чифу кормит всех бедняков-китайцев, прибывающих из Артура, между которыми будто есть много японцев, отравивших себе косы и носящих китайскую одежду; он, будто, присутствует при ревизии каждой джонки, прибывающей из Артура. Японцы укрепляют окрестности города Дальнего.

Пришедший с позиции Р-в говорит, будто взятый вчера в плен японский гвардеец говорит, что Куроки с остатками своей армии здесь, под Артуром. Оку разбит. Будто японцы оставляют свои передовые окопы. Будто какой-то офицер с Ляотешаня сообщил, что в подозрную трубу видно, как над Кинчжоу рвется шрапнель... [361]

Многие высказывают мнение, что японцы стали стрелять по городу особыми зажигательными снарядами — брандскугелями. Что-то не верится. Кажется, что пожары возникают потому, что дождя не было давно, все высохло и загорается легко, а главное, некому во время бомбардировки затушить пожар в самом его начале. Поэтому не верю ни в какие брандскугеля доброго старого времени, которые начинались чуть ли не смоленой паклей. При той силе взрыва, какую обладает порох, шимоза, меленит, лиддит и прочие, едва ли может спокойно загореться что-либо такое. Наблюдая за бомбардировкой, не замечал никаких особых взрывов. Впрочем, это дело специалистов.

10 часов 45 минут вечера. Японцы бомбардировали сегодня город и гавань всего в течение двух часов, в два приема, но сравнительно редким огнем.

23 октября (5 ноября)

Утром 5° тепла; сильный северо-западный ветер, вернее, NWW.

В. узнал, будто вылазка мичмана Дмитриева имела целью взорвать японский (бывший китайский) броненосец «Чин-Иен», державшийся в последнее время в бухте Тахэ. Оказалось, что он освещает вокруг себя прожектором, и его стерегут три миноносца. Луч прожектора скользнул по катеру, но его не заметили. Подойти к броненосцу было почти невозможно, поэтому Дмитриев предпочел потопить миноносец, не рисковать собой и катером без надежной цели.

Л. говорит, что получил из штаба полковника Семенова следующие сведения: японцы увозят куда-то свою полевую артиллерию, также некоторые осадные орудия, вчера ушла с левого фланга вся японская кавалерия.

Что это такое? Все уверяют, что что-то такое есть... Но никто не может сказать, что именно это такое.

Вот горе — наступают холода и темные ночи, а ни топлива, ни света, ни угля, ни керосина нет, и не знаешь, где купить. Свечи пока еще удавалось приобретать, а что будет дальше, не знаем. Съестные припасы все на исходе, много их сгорело в складах Гинсбурга и Экономического общества, у первого было много сгущенного молока и прочего, но он не продавал частным лицам, снабжал лишь портовое начальство. И у Чурина погибло кое-что из съестного. [362]

В городе нет сахара, которого в начале войны много увезли в Маньчжурию. Сегодня хотел купить для раненых карамель или монпансье, нигде не нашел. Рис на исходе, и не знаем, удастся ли еще купить. Недостатка нет лишь в винах и водках. Позор!

У многих, конечно, есть еще огромные запасы солонины и консервов, но ныне все стали черствыми эгоистами и не думают помочь другому даже при явном избытке. Говорят, что интенданты устраивают еще лукулловы обеды и снабжают своих друзей. Но этого мало, большинство нас питается впроголодь. Тут еще наступает холод. Кто-то высказал предположение, что японцы разрушают бомбардировками город потому, что не надеются занять в нем зимние квартиры. Мы радуемся этому как дети, но мы не должны забывать, что японцы все таки еще попытаются завладеть Артуром, 9 ноября будет годовщина первого занятия японцами Артура в японско-китайскую войну, к тому времени нужно ожидать новые штурмы, ужасов будет еще довольно.

А там, в Петербурге, о чем-то философствуют — и до сей поры нет Балтийской эскадры!

Сегодня выпал первый снежок, но это не то что в России, когда там идет снег. Буря с песком

и снегом бьет в глаза, снег забивается где сугробиками, а где и совсем его нет. Оказывается, что раненый комендант форта II капитан Резанов застрелился, он вообразил, что лишится ноги, и ему не хотелось быть калекой, оставил записку, что он никуда не годен, а потому и желает покончить с собой.

Жаль офицера, геройство которого уже было доказано многократно. Надо полагать, что это последствия переутомления, перенапряжения нервов в постоянном бою и перестрелках. Случаи, подобные этому, уже бывали.

24 октября (6 ноября)

В 7 часов утра 0,5° мороза; утро ясное, буря стихла, небольшой ветерок.

Получил два приказа генерала Стесселя:

«№ 786. 28-го полка Подполковнику Киленину объявляю выговор за неумение представить Церковный парад. Прошу Начальника [363] 7-й Дивизии проследить, чтобы Штаб-Офицер сей постоянно был в строю в должности Командира батальона».

«№ 787. Генерал-Майор Никитин доложил мне об отличном порядке, установленном Комендантом форта № 2–25 Восточно-Сибирского стрелкового полка Поручиком Флоровым на вверенном ему участке и об отличном состоянии людей как у Поручика Флорова, так и у Штабс-Капитана Курдюкова.

Приятным долгом считаю объявить благодарность отличным боевым офицерам 25 Восточно-Сибирского стрелкового полка Штабс-Капитану Курдюкову и поручику Флорову за отличное состояние и геройский дух их команд. Разумеется, люди берут пример со своих Начальников, и, видимо, на форту № 2 не забывают указания Капитана Резанова».

С 9 часов 15 минут утра «Ретвизан» и Электрический утес постреливали. Японцы же бомбардировали Заредутную или же Волчью мортирную батарею И-дюймовыми бомбами и шрапнелью.

С 12 часов 37 минут дня начали бомбардировать гавань 11-дюймовыми и город 120-мм (4-дюймовыми) снарядами.

Сегодня исполнилось 3 месяца с тех пор, как японцы бомбардируют город с суши; а завтра вечером будет 9 месяцев с начала войны. Время идет незаметно, не останавливаясь от того, что на одном из клочков земли совершаются ужасы, что там люди стараются пролить возможно больше крови. Мы так втянулись в эту ужасную жизнь, что будто и не заметили, как прошло время; вот оглянулись и приходится удивляться: неужели прошло уже так много времени? Чередующиеся все новые и новые события и дело, которое удается делать лишь урывками, совершенно исключили возможность скуки.

Пришедший с позиции Н. И. уверял, что «Ретвизан» стрелял по отступающим японцам, а штаб воспретил ему продолжать эту стрельбу — надо-де беречь снаряды для наступающих, а если отступают — пускай, с Богом!..

Слух: новый русский броненосец «Петербург» (?) погиб, он сел где-то около Чемульпо на мель, там атаковали его японские миноносцы; но прежде чем пойти ко дну (на мели-то!), он потопил 20 миноносцев... Здорово! [364]

Никто не может объяснить, чего этому броненосцу нужно было искать в Чемульпо... Но полагают, что это один из чилийских или аргентинских броненосцев{208}...

Сегодня что-то загорелось в арсенале от неприятельского снаряда, сообщают, что там много раненых среди команды, самоотверженно спасавшей боевые припасы.

Вечером зашел С. и говорит весьма самоуверенно, что японцы раньше чем окончательно отступить из под Артура, постараются основательно разрушить город.

25 октября (7 ноября)

В 7 часов утра +3°, утро ясное, тихо. Дым из гавани стелется низко и вместе с туманом застилает северный горизонт — наши позиции.

Вчера говорили, что броненосец «Севастополь» собирается выйти в бухту Тахэ и обстрелять японцев во фланг. По густому дыму из гавани я подумал, что на самом деле некоторые из судов эскадры собираются выходить, и полез на Военную гору посмотреть, что творится в гавани. Там не заметил никакого движения, суда стоят все на своих местах и коптят себе небо.

Многие переезжают на житье в Новый город. В Старом остаются большей частью те, кому некуда переехать и нечего там делать.

8 часов 45 минут вечера. С четверть часа началась небольшая атака в направлении форта II, казалось, что бросают ручные бомбочки — много вспышек, но нет орудийного гула. Вслед за тем очень оживилась перестрелка и в направлении форта III и укрепления № 3. Сейчас все затихает. Должно быть, вылазки.

Прошлой ночью не стало капитана Владимира Федоровича Линдера. Он начал было даже поправляться от раны, а умер от отека легких.

26 октября (8 ноября)

В 7 часов утра +5°, утро великолепное.

Сообщают, что вчера вечером японцы наступали маленькими отрядами, человек по 5–6; тревожили наши передовые [365] посты, быть может, отвлекали внимание во время перевозки осадных орудий на более близкие позиции.

С восьмого часа Перепелочная батарея открыла огонь по замеченному передвижению неприятельских сил. Вскоре японцы начали обстреливать Золотую гору и вход в гавань 11-дюймовыми мортирами.

М. рассказывает, что на днях один китаец указал ему на двух празднующих по Новому городу китайцев: «Эти люди — худо есть!..» Их арестовали. Вскоре японцы начали обстреливать батареи шрапнелью. По всему вероятно, эти китайцы были присланы японцами для наблюдения за разрывами шрапнели, чтобы пристреляться ею наверняка. Что стало с арестованными и оформлено ли дело так, чтобы их зря не выпустили — не знаем. Если их освободят, то они отомстят доказчику и будут сами впредь осторожнее. Не подлежит сомнению, что китайцы-шпионы сообщают обо всем японцам, их никак не переловишь. Некому наблюдать за ними.

Интересные данные передал нам подполковник Ш., прекрасно знающей подпоручика Крумина, который ранен и находится в госпитале; он его только что навестил. Этот молодой человек, прибывший 25 января в Артур, усердно наблюдал за всем происходившим с самого начала войны, обследовал местность и взвешивал все обстоятельства по своим еще не забытым со школьной скамьи военно-научным теориям, старался приложить эти теории на деле. 27 января он видел проехавших на Ляотешань верхом японца и китайца. Это дало ему повод для всестороннего обследования Ляотешаня, и он пришел к заключению, что японцы прекрасно подготовились для войны на Квантуне, организовали шпионство и прочее, что если охрана берега не будет усилена, то японцы могут легко высаживаться небольшими отрядами, занять Ляотешань, укрепиться и напасть на наши батареи с тылу, с оврагов, которые застроены кирпичными сараями, точно руками японцев. Когда он сообщил о своих наблюдениях старшим офицерам, его просмеяли, лишь подполковник К. одобрил некоторые его соображения. Но когда он стал указывать на то, что на Ляотешане необходимы батареи, притом не около маяка, где их легко сбить, а на высших пунктах кряжа, то ему сказали, [366] что это невозможно, и внушали ему не заниматься делами, не подходящими под его компетенцию.

Он, тем не менее, не переставал обследовать Ляотешань, Угловые и даже Волчьи горы. На многих вершинах, которые могли служить хорошими наблюдательными пунктами или же для установки орудий для далекого обстрела, он нашел сложенные кучи камней, как бы условные метки. Снова возникли у него сомнения — не сложены ли эти кучи камней японцами для ориентировки во время войны? Обо всем он доложил полковнику М. письменно. Тот одобрил проектируемые подпоручиком меры и обещался доложить обо всем генералу Кондратенко, начальнику дивизии. Но время шло, и ничего не предпринималось.

Тогда он решился написать обо всем рапорт коменданту крепости, доказывая, что если мы не будем иметь на Ляотешане дальноточные орудия, то японцы могут завладеть им, поставить там свои орудия, и тогда форт VI и прочие лежащие под Ляотешанем укрепления потеряют всякий смысл, могут быть расстреляны сверху весьма легко и не будут в силах оказать какого-либо сопротивления.

Этот рапорт имел успех, на другой же день была назначена комиссия с генералом Кондратенко во главе. Он представил генералу кроки главной дороги к вершине Ляотешаня. Работы начались и велись энергично под руководством самого Кондратенки, а охрана горы, недопущение китайцев на вершину были вверены им подпоручику Крумину, указавшему в своем рапорте на необходимость этой строгой охраны и производство работ без присутствия рабочих-китайцев, чтобы то, что делалось на вершине, так и осталось загадкой для всех желтолицых, которым доверять было нельзя. Никто из них не был допущен ближе чем на версту от вершины{209}. Этим отчасти можно объяснить то, что японцы и по сей час держатся в почтительном отдалении от Ляотешаня и, видимо, не думают атаковать его.

Это небольшой пример того, что совсем молодой офицер, не увлекающийся ни вином, ни картами, ни женщинами, а лишь [367] своим делом, сколь узка бы ни была его компетенция, может принести делу некоторую пользу, может усмотреть то, что ускользает от внимания других, старших, в массе других вопросов. Можно сказать, что если бы каждый офицер обследовал окрестности крепости настолько же усердно, то дело от этого выиграло бы много.

Японцы обстреливали и мелкими, и крупными снарядами вход в гавань, стоявшие там сторожевые суда, их уводили за Маячную и за Золотую гору; один 11-дюймовый снаряд попал в канонерскую лодку «Отважный», другой попал в затопленный брандер, причем взрыв был ужасен; должно быть, в нем взорвалась (детонировала) заложенная японцами мина.

Все еще сообщают, будто полковники И. и С. уверяют, что японцы увозят свои осадные орудия за Волчьи горы.

Балтийский флот будто вышел лишь 20 сентября.

27 октября (9 ноября)

Утро великолепное, теплое.

Т. провел прошлую ночь на форту II; там ожидали новый пролом — приготовились, ночь прошла очень тревожно, но ничего не было.

Узнал интересную новость. Снарядов к мортирам (11-дюйм.) на Золотой горе осталось всего несколько десятков, поэтому решили пускать в ход японские невзорвавшиеся, которых валяется везде много. Приспособили и попробовали — удачно. Теперь занялись этим серьезно; собрали около 300 японских снарядов, отвинчивают ударные трубки, исправляют, налаживают пояса и стреляют ими.

Будто только один из них не взорвался в расположении японцев, у Кумирнского редута. Сейчас японцы могут узнать, по клеймам на донышке, что их обстреливают ихними же снарядами.

28 октября (10 ноября)

В 7 часов утра +8,5° по Реомюру, пасмурно.

Сегодня «Новый край» вышел вновь. Оказывается, что при катастрофе одна небольшая ножная печатная машина — американка уцелела настолько, что оказалось возможным ее исправить. Где-то в портовых мастерских исправили ее. Из разбитого [368] и рассыпанного шрифта собрали столько, что хватит на газету небольших размеров. Редакция перебралась в Новый город, нашла там себе помещение в новом, не совсем достроенном доме. Хотя в газете и нет ничего нового из внешнего мира, все же есть что почитать; описываются события, которые немислимо подвести под статью «военная тайна», помещаются некрологи павших офицеров и все то, о чем имеются сведения и о чем разрешается писать. Она оживляет жизнь осажденных. Японцы обстреливали сегодня Соборную гору, гавань, город, укрепления левого и правого фланга с 10 часов утра до сумерек, но довольно редким огнем.

29 октября (11 ноября)

В 7 часов утра всего 2° тепла, легкий, низко стелющийся туман; дым клубится и расстилается в этом тумане над городом, словно над огромным пожарищем.

Японцы бомбардировали город и порт до полуночи; иногда снаряды падали совсем близко — земля вздрагивала. В полночь лег спать и уснул крепко, как ни в чем не бывало.

Сообщают, что японцы ночью опять наступали человек по десять — тревожили наших, и наши отвечали тем же.

С 8 часов 30 минут утра японцы начали сильно обстреливать Золотую гору, должно быть, обозлились на нее за то, что она посылает им японские же 11-дюймовые бомбы. Много снарядов рвалось на северном склоне горы, все выше и выше к батарее и сигнальной станции; но когда по ходу пристрелки должны были начаться попадания, снаряды стали перелетать через гору, падали в море. Не слышать, чтобы были попадания на самой горе. Очевидно, очень трудно попадать в небольшую площадь вершины.

Пепелочная и Крестовая батареи усердно отвечали японцам.

Потом японцы обстреляли Перепелку и склон ее к Мертвому углу и в то же время западный бассейн, стоящие там пароходы и берег около минного городка. На одном из пароходов начался от попавшего снаряда пожар; несмотря на сильный обстрел, пожар потушили вскоре, видно было, как там сустились люди, а кругом то и дело вздымались огромные красивые столбы воды от падения и взрывов 11-дюймовых снарядов. [369]

Японцы, вероятно, подбираются стрельбой к лабораториям на Тигровом полуострове.

Н. И. Р., пришедший с позиций, говорит, что солдаты страшно измучены работами: нужно заготавливать ручные бомбочки, копать окопы, строить блиндажи и нести сторожевую службу. В мирное время ничего не подготовили. Люди ослабли от плохого питания.

В последнее время во время бомбардировок на Золотой горе стали вывешивать флаги, указывающие, в каком районе падают неприятельские снаряды.

6. Начало подготовки к сдаче

30 октября

(12 ноября). В 8 часов утра Н» тепла, пасмурно. Ночь прошла совсем спокойно, утром на позициях совершенно тихо.

На днях один из офицеров 13-го полка, находившийся все время на передовых позициях, сказал товарищам, что он намерен покончить с собой — надоело, но чтобы самому не стреляться, влез на бруствер, и японские пули сразили его наповал. Товарищам, не поверившим его намерению, пришлось лишь констатировать уже совершившийся факт. Нервы надорваны постоянными картинами смерти, увечья и крови, бессонницей, всегда

тревожным состоянием.

Ш. рассказывает, что были случаи, когда весь груз джонки — муку и прочее — забирали и не уплачивали ни гроша. Вот почему к нам не приходят джонки с припасами.

Сегодня мне опять говорили, что иногда матросы и солдаты начали мародерствовать; орудут пока по пустым, брошенным хозяевами квартирам и складам. Впрочем, говорили, что чины полиции занимаются этим давно; не знаю, насколько тут правды.

Одновременно с проявлением все большего мужества, равнодушия к ужасам, встречаются и противоположные явления — беспричинная трусость, какая-то полная безнадежность. Так, сегодня встретил знакомого М. — он бледен, растерян, подавлен или очень нездоров. Спрашиваю, что с ним такое? [370]

Говорит, был в штабе генерала Стесселя, там какая-то ерунда — уже четвертый день, как заготавливают все бумаги к уничтожению...

— Вздор! — говорю ему, — это еще ничего не означает. Давно следовало приготовиться на всякий случай, прибрать, припрятать важные бумаги, закопать их в землю, но не уничтожать. Этого быть не может.

Молчит и смотрит тупо в землю.

Говорю, что он напрасно видит в этом что-то особенное.

— А вы разве верите, что японцы не возьмут Артур? — спрашивает он меня полупшепотом, как бы не доверяя сам себе.

— Верю! Почему же не верить?

— А что же они там, в штабе, трусят?

— Что вы на них там смотрите! Они там трусили уже сколько раз...

М. пошел дальше, будто успокоившись.

Зато мне пришлось задуматься: что же это такое? Они там должны лучше знать положение дел. По-моему, Артур устоит, должен устоять, пока откуда-нибудь не подоспеет помощь, покуда есть возможность держаться; японцы еще ничем таким не овладели, что могло бы грозить крепости падением.

Факт, характеризующий штаб района и генерала Стесселя, храбrivшегося только на бумаге, на самом же деле уже начавшего готовиться к сдаче крепости. Факт этот обрисовался мне еще ярче, когда я впоследствии добыл записку генерала Фока от 21 октября, поданную им генералу Стесселю и доказывающую необходимость начать постепенно отдавать крепость неприятелю, очищая укрепление за укреплением. Записка очень длинная, какие генерал Фок обыкновенно любил составлять, поэтому привожу лишь часть ее, достаточную для того, чтобы ознакомиться с характером ее автора и с его талантом освещать дело так, чтобы его мнение казалось дельным и честным.

«21 октября 1904 г. Кр. Артур. ЗАПИСКА

Осажденную крепость можно сравнить с организмом, пораженным гангрену. Как организм, рано или поздно, должен [371] погибнуть, так равно и крепость должна пасть (?) {210}. Доктор и Комендант должны этим проникнуться с первого же дня, как только первого позовут к больному, а второму вверят крепость (!). Это не мешает первому верить в чудо, а второму в изменение к лучшему хода внешних событий. Вера эта для Коменданта еще более необходима, чем для доктора, лишь бы она не усыпляла его деятельности с первого момента. Гангрена поражает организм с его конечностей, например с пальцев ног. Доктор должен своевременно удалить пораженную часть.

Задача доктора сводится к тому, чтобы продлить существование организма, а коменданта —

отдалить время падения крепости. В этом весь трагизм [?!] их положения, особенно последнего.

Доктор не должен допустить скоропостижной смерти, равно как комендант — неожиданного падения крепости, по непредвиденной случайности. Организм должен погибать постепенно, начиная с оконечностей; так равно падение крепости должно идти постепенно, начиная с ее внешних верхов. Успехи, как первого, так и второго будут зависеть от того, насколько первый своевременно удалит поврежденный член, а второй оставит атакованную часть (?!). Задача эта не из легких — доктору надо иметь верный взгляд, чтобы определить тот момент, когда орган для организма делается более вредным, чем полезным; но этого одного еще недостаточно, так как в этом надо убедить и организм, без согласия его ведь нельзя произвести операцию (?!). Кому хочется расстаться с ногой, глазом; другому кажется лучше расстаться с жизнью, и доктору надо убедить, что и без ноги можно обойтись и даже с американской искусственной ногой и плясать будешь (!). Коменданту не легче; ему надо также иметь верный взгляд, чтобы он мог вовремя оценить, чтобы данный пункт выжал все, что он мог выжать от атакующего и что с той минуты перевес переходит уж на сторону врага, что наступает время его жатвы. Искусство и состоит вовремя уйти от подготовленного им удара и тем самым дорого продать ему его успех [?!]. Надо помнить, что бои в крепости должны носить на себе дух боев [372] арьергардных {211}, что однако не всегда и не всеми сознается, тем более, что итоги этих ошибок подводятся не тотчас же, как в поле, а, как говорится, когда приходится строиться к расчету. Но, кроме глаза, Коменданту надо иметь и характер и, пожалуй, более, чем доктору, которому приходится побороть другого, а Коменданту самого себя, — а что может быть труднее этого? Ум и совесть говорят «оставь», а самолюбие и азарт [!] говорят «дерись»; а еще и то видишь, что теряешь, не знаешь, чем его заменить, какой американской ногой {212}. В докторском каталоге все это есть, а в Комендантском нет ничего; надо брать все из своего ферштанда (?!).

Доктор отделяет пораженные органы, чтобы не потратить на них напрасно жизненные соки, приберегая их для сердца (?!). Комендант оставляет постепенно периферию крепости, чтобы сберечь силы для ядра [?]. Длина оборонительной линии должна соответствовать силе гарнизона...

Ни один доктор не станет пытаться удаленный им орган, будь это хоть зуб, по ошибке вырванный, вновь приобщать к организму. Так равно ни один Комендант не будет тратить силы гарнизона для того, чтобы отбить отданное противнику укрепление, хотя бы оно было отдано и не по воле Божьей, а по беспечности (!). И это по одному тому, что не было примера, чтобы такого рода попытка увенчивалась успехом (?!). Под Севастополем крепко держались за то, что имели; но раз отдавали, отбивать не пытались: редуты Камчатский, Селенгинский и Волынский тому могут служить примерами. Осман-паша, знаменитый защитник Плевны, тоже ничего не отбивал, а только, теряя одно, спешил подставить под наши удары другое; так, зная, что мы возьмем Гривицкий редут, он подготовил для нас такой же другой, окрестив его именем Гривца № 2, чем и отбил нашу охоту к атакам {213}. Долго ли держался бы Осман-паша, если бы пытался со своею сорокатысячною армией отбивать от нас свои редуты? Он берег людей, и они отслужили ему службу лопатою. [373]

Доктору, чтобы с успехом выполнить свою задачу перед организмом, недостаточно иметь верный глаз и руку, и ему надо уметь заставить своих ассистентов строго относиться к своим обязанностям, а также знать до мелочи их черную работу и уметь руководить ими во время этих работ. К чему послужит отлично сделанная операция, если ассистенты неумело ее зашьют, или, по оплошности, забудут вынуть из раны нитку или кусочек ваты. Тут обыкновенно один конец — смерть {214}.

Тоже и коменданту недостаточно выбрать место для укрепления и указать род самого укрепления; ему надо знать и черную работу. К чему послужит укрепление, если его бойницы не приспособлены для успешной борьбы с ружейным огнем противника, если эти

бойницы не прикрывают стрелка, а, напротив, выдают его. Немцы смотрят, что при нынешнем огне можно идти летучею сапою только до 800 метр. Раз бойницы устроены дурно, они обыкновенно закладываются камнями и завешиваются тряпками; правильного ружейного огня из укрепления не ведется (?!). Стреляют обыкновенно только любители; стреляют поверх бойниц, для чего им приходится чудно примачиваться, чем они и обращают на себя общее внимание и делаются знаменитостями. Мне пришлось видеть так чудно примостившегося матроса, который на одной ноге и на одном локте более часа вел стрельбу, — дал за такой фокус [?!] рубль.

На любителях не выедешь. Весь гарнизон обращается в пассивное оружие, так сказать, орудие противостурмующее, т. е. гарнизон начинает действовать, когда противник прекращает огонь и бросается в штыки. Таким образом укрепление далеко не выполняет своего назначения, так как дает возможность безнаказанно подойти противнику [?!] на 30 м, чего не было и при гладкоствольном оружии, а не говоря про штуцера. В Севастополе{215} враг более 60-ти саженой не подходил»...

И так далее, радея в том же роде, посредством которой он пытается убедить, что пора отдавать укрепление за укреплением [374] и сдать всю крепость потому, что генералу Фоку надоело воевать...

Замечательно ловко указывает он на необходимость подготовить к этой операции гарнизон, без согласия которого это немыслимо, тем более, что солдаты уже возмущались не раз:

— Не хочет ли начальство уже отдать крепость японцу?..

От внимания солдат не ускользнуло двусмысленное поведение генерала Фока и его покровителя Стесселя, начиная с Кинчжоуского боя, вплоть до несвоевременной присылки резервов во время августовских штурмов.

Мне передают из верного источника, что генерал Стессель имел эту записку Фока при себе на многих заседаниях военного совета, но не решился доложить ее, чувствуя, что она не встретит одобрения со стороны подавляющего большинства (за исключением присных Стесселя). Он знал, что если он предложит начать сдавать крепость, то комендант и Кондратенко могут арестовать его как изменника.

Но раз Фок убеждал в необходимости сдавать крепость, то, несомненно, грозила опасность. Так думали у Стесселя и в его штабе. Тем, кто получил — ни за что, ни про что — высокие награды, не хотелось быть убитыми.

К чему тогда все награды, слава героев?

Генерал же Смирнов уже высказался, что крепость должна держаться, хотя бы всем генералам пришлось положить свои головы за Отечество... А Кондратенко говорил все одно — драться до последнего патрона, до последнего штыка.

Вот почему в штабе трусили, как о том передал М.

7. Мелочи и совсем не мелочи

Еще инцидент с газетой. Вчера адмирал Григорович прислал в редакцию «Нового края» письмо, в котором ставит на вид, что в газете печатается зачеркнутое им как цензором морского района, в «известиях «Нового края» (сведения о ходе событий для этого отдела даются начальником штаба генерала Стесселя полковником Рейсом, т. е. они из официального источника), что уже неоднократно печатались вредные (?) для нас сведения... [375]

Что в этих сведениях вредного, так и осталось тайной для всех. Ясно, что при таком усердии господ цензоров двух ведомств в газете можно будет печатать лишь всегда одну и ту же фразу: «Все обстоит благополучно»...

П. передает маленький инцидент из штаба генерала Стесселя. Так как в последнее время генерал Стессель воспретил производить вылазки без его разрешения, то каждый раз предварительно докладывают ему о задуманном предприятии. На этот раз генерал Горбатовский объяснял ему на плане готовящуюся вылазку. Генералу Стесселю вздумалось изменить план действий по своему усмотрению.

— Нет, ваше превосходительство, — будто сказал на это Горбатовский, — так нельзя. Пальцем по плану можно произвести все как угодно, а на деле только так, как я о том сейчас доложил вашему превосходительству...

Пришлось согласиться.

31 октября

(13 ноября). В 7 часов утра +8° по Реомюру; пасмурно, ветер, дождь тучами, но лишь порывами.

Сообщают, что ночью была удачная вылазка около укрепления № 3, наверное, вышибли японцев из ближайшего окопа и засыпали его. Такие дела большого значения не имеют, но все же замедляют осадные работы японцев, наносят им урон.

Около 6 часов утра оживилась канонада и перестрелка в том же направлении, но ненадолго.

Рассказывают, что третьего дня один наш миноносец, выходявший в море, наскочил на японскую мину, ему оторвало всю корму. Притащили на буксире в гавань.

Получил несколько приказов генерала Стесселя. Из них интересны в том или ином отношении следующие.

«№ 797(27 октября, экстренно). Объявляю глубочайшую благодарность инженеру Подполковнику Рашевскому за его беззаветную деятельность на самых опасных местах атакованного фронта».

«№ 798. Вновь указываю и приказываю, чтобы на всех участках инженеры жили, а на атакованном фронте на вр. укр. № 3, фортах № 2 и 3 постоянно жили инженеры и давали все решительно [376] указания и вели бы работы постоянно, а не приходили бы как гости. — Наши строевые офицеры не специалисты и, разумеется, не могут справиться с задачами без постоянных указаний, теперь же каждый час дорог, вы видите, что теперь японцы стреляют мало, что это значит? Значит это, что у них еще не подвезены снаряды, надолго ли? Нам это неизвестно, а потому и гоните работы, пока возможно».

«№ 811 (31 октября). Ввиду незначительного количества консервов, предписываю крепостному Индентанту: 1) Отпуск консервов в войска прекратить с 30-го октября; 2) Имеющиеся консервы отпускать только для больных в госпиталях по расчету 1/2 банки в день на человека в течение пяти дней в неделю и два дня конское мясо по 1/4 фунта на человека, г.г. Офицерам, находящимся на позициях, отпускать ежедневно 1/2 банки на человека; 3) На довольства остальных нижних чинов выдавать конское мясо четыре раза в неделю по 1/4 фунта на человека».

Кто-то сказал крылатое слово, которое слышишь теперь всюду:

— У японцев Того, а у нас никого... {216}

СИ часов дня ветер перешел в бурю и стало прохладнее, под вечер пошел дождик. Весь день был слышен редкий грохот орудий, но трудно сказать, стреляли ли японцы по городу и гавани. Буря не давала различать, кто и куда стреляет. Быть может, стреляли и по городу.

Пришла Т. М. и рассказывает про порядки, вернее — про отсутствие таковых в № 8 запасном госпитале (бывшей городской больнице), в котором лежит ее раненый муж. Там недостает многого, самого необходимого для ухода за тяжелоранеными, например, в палатах для нижних чинов нет ни одного подкладного судна, всего там одна сиделка, и та приходит лишь

на ночь, в остальное время раненые сами помогают друг другу, насколько в силах. Два слабосильных солдата, раны которых [377] уже зажили, но которые неспособны к строевой службе, ухаживают за другими особенно усердно, но утомляются при этом в такой степени, что когда они уснут, то уже не слышат стонов и криков тяжелораненых.

Порядки в наших полевых госпиталях заставляют желать много лучшего. На должной высоте находится лишь Красный Крест. Лучше других казенных госпиталей поставлен Сводный госпиталь и, пожалуй, еще № 10 (бывшая городская гостиница); впрочем, о том, где лучше и где хуже, могут верно судить лишь специалисты. Говорят, что везде худо. Сравнительно хорошо обставлен офицерский госпиталь морского ведомства.

Думается, что государство, если оно не может поставить военно-медицинское дело на должную высоту, не должно бы вообще воевать; это нужно бы обусловить международным соглашением. Впрочем, таким же соглашением следовало бы вменить в обязанность воюющих держав полное обеспечение после войны всех искалеченных на войне, лишившихся трудоспособности. Это обеспечение должно было быть оказано не в виде какой-то милости, снисхождения, подачки, а стать должным и бесспорным правом каждого, имеющего на то причины. Это обеспечение — сознание солдата наперед, что если он будет искалечен, то все же ему не будет грозить в будущем крайняя нужда и даже голодная смерть, — придавало бы каждому из них более нравственной стойкости, готовности жертвовать собой для Отечества.

Мне могут возразить на это, что во время боя не приходится задумываться над этим, что русский солдат и без того охотно жертвует собой. Но это-то обстоятельство, по-моему, еще сильнее подчеркивает долг государства пред теми, кто стал жертвой войны, хотя и остался в живых. Семьи же павших на войне, лишившиеся кормильца, должны быть также обеспечены{217}.

Следовательно, всякое государство, прежде чем решиться на войну, должно бы взвесить, в силах ли оно не только дать на [378] войну необходимый материал людьми, оружием и прочим, но в силах ли оно, кроме того, обеспечить существование всех тех, которые так или иначе могут быть обездолены войной. Если нет, то оно не имеет права разрешать свои споры посредством войны.

Помимо недостатка в пищевых продуктах нам приходится привыкать к попортившимся продуктам. Первое явление было — затхлый в большей или меньшей степени хлеб, потом пришлось довольствоваться и прогоркшим маслом и мясом, и солониной с душком; теперь и рис, и манная крупа пахнут плесенью. Как еще Бог хранит здоровье!

8 часов 40 минут вечера. На дворе темень, буря воет и стучит по крышам и заборам оторвавшимися досками; таких оторвавшихся досок везде вдоволь, где они оторваны снарядами, а где здания и заборы требуют починки, разваливаются; теперь некому их починять, да и к чему?

На позициях идет редкая орудийная пальба, видны вспышки, но не знаешь, что там творится. Быть может, там под покровом темноты и пыли, несомой бурей, творятся ужасные вещи — идет жестокая рукопашная борьба, а ручные бомбочки и фугасы, быть может, довершают там этот ад. Не дай Бог, если бы японцам вздумалось сейчас серьезно наступать одновременно в разных местах! Впрочем, холод, темень и буря и им непривычны.

Пришел С. и сообщает, что по направлению Пресного озера только что просвистел 11-дюймовый снаряд.

Не слышать ни свиста, ни падения, ни взрывов. Так-то лучше — будто нет ничего.

1/14 ноября

В 7 часов утра — 0,5° по Реомюру. Буря утихла к полуночи, утром было совсем тихо; сейчас поднялся небольшой ветерок, но прямо с севера и режет холодом лицо.

Снова пронесся слух, что будто около Кинчжоу происходит бой. Говорят, что, по сообщению какого-то очень правдивого китайца (имеющего уже медали за оказанные нам услуги), японцы укрепляли в последнее время Тафашинские высоты. Одни допускают полную возможность этого боя, другие сомневаются. [379]

Пришедший с форта III артиллерист уверяет, что сейчас японцы не в силах взять Артур.

Сообщают, что какие-то китайцы принесли депеши в бамбуковых палках, но не могут сказать, что в этих депешах.

Г. говорит, что на днях пострадал не один, а несколько миноносцев. Говорит, что достоверно то, что «Скорый» погиб, а у «Сильного» оторвало корму. На последнем будто погибли спасенные с первого раненые: мичман Соколов, механик Носович и трое матросов, помещенных в кают-компанию.

Ко мне зашел по делу артиллерийский фейерверкер, участвовавший 17 октября в отбитии штурма на Куропаткинский люнет.

— Ох, и поливали они нас тогда артиллерийским огнем, — рассказывает он, — не знаю, как мы еще уцелели; положим, не много нас осталось. Когда начальник скомандовал «по местам», я должен был стать у скорострельного орудия, заряженного картечью. Гляжу — японцы уже у проволочного заграждения; офицер ихний машет шашкой и кричит что-то. Я — раз — и как под метелочку... Но уже другая колонна тут как тут, успевай только заряжать и стрелять. Положили их там множество, тем временем японцы налегали на другой угол люнета и было уже взобрались там на бруствер, с ними разделались штыками. Тогда они оставили нас в покое, но, глядим, другие колонны лезут на Литербу{218}; начальник скомандовал винтовками к брустверу; пушку мою увезли к форту III отбивать там штурмовые колонны. Мы залегли и расстреливали их; пока колонна дошла до бруствера, уцелевших было не больше 15 человек. Их оттуда вышибли штыками. Вся дорога к батарее устлана трупами. Убегавших назад мы также расстреливали.

Он рассказывает ровным, спокойным голосом, как будто в этом не было ничего особенного:

— Как под метелочку!.. [380]

Ужасно! Десятки, сотни людей были сметены картечью в один миг с лица земли, вычеркнуты из книги života, корчились там в предсмертных судорогах. Но не до них было солдату, а знай только заряжай — и снова «раз»!

Массы людей лишаются в миг драгоценнейшего их достояния — жизни — из-за того, что государства не могут разрешить свои споры мирным путем, — потому, что их интересы диаметрально противоположны; а это происходит оттого, что на свете еще преклоняются пред правом сильнейшего, — что человечество еще не развилось нравственно до такой высокой степени, чтобы презирать это гнусное «право», — чтобы преклоняться лишь пред справедливостью.

А мы воображаем себя нередко чуть не полубогами!..

2/15 ноября

В 7 часов утра +1° по Реомюру. За ночь выпал снежок.

Сегодня объявлены два экстренных приказа генерала Стесселя:

«№ 814. 26-го В. С. Стрелкового полка 4-й роты стрелок Егор Третьяков убит на Укреплении № 3 вчера 31-го октября с. г.

Я помню Егора Третьякова; он бежал из своего Звенигородского полка, пробрался в Артур и за побег из полка был переведен в разряд штрафованных. Я недоверчиво отнесся к его заявлению о том, что он, желая драться, убежал. Служба его, полная отваги, показала, что он говорил правду, штраф ему был прощен; командир полка полковник Семенов уже представил

его к Георгиевскому кресту, и, разумеется, он бы по заслугам носил его, но Бог распорядился иначе, вчера, 31-го октября на Укреплении № 3 вражеская пуля уложила молодца на месте. Царство тебе Небесное, Герой Егор Третьяков, об упокое души твоей будем молиться Богу, а грехи человека ты искупил своей геройской смертью. По предоставленной мне Высочайше власти я пожаловал тебя еще 30-го октября знаком отличия военного ордена 4-й степени, но ты об этом не узнал{219}. Родные и родина [381] будут тебя чтить, а славные Звенигородцы простят твой поступок, за тебя я прошу у них прощения».

«№ 816. По полученным сведениям японцы занимают Ляоян, но южнее Ляояна на запад от Ташичао находится значительный отряд нашей кавалерии, а на юг от Ташичао по направлению к Порт-Артуру движется значительный наш отряд из пехоты и артиллерии. Японцы намерены еще атаковать Порт-Артур, а потому нам надо не зевать и тщательно готовиться, дабы, при помощи Божьей, вновь дать славный русский отпор, учить Вас этому нечего — я только напоминаю».

Последний приказ нам очень благоприятен; но к нему относятся скептически.

В одной телеграмме, опубликованной в полученной из Чифу иностранной газете, сообщается из Петербурга, что адмирал Вирениус настаивает на необходимости освобождения Артура посредством флота. Это как бы противоречить приказу, ибо если предпринято освобождение с суши, то помощь с моря Артуру пока не нужна. Было бы другое дело, если бы было сказано, что нам необходимо завладеть морем и флот посылается только для этой цели.

Разбираемся с этим вопросом на все лады. Кто-то говорит, что пока придет флот, это такая долгая история, что до той поры можем все успеть помереть с голоду и что ему думается, что адмирал Алексеев все еще настаивает на необходимости скорейшего освобождения Артура. Нельзя же допустить падения крепости! Другие возражают, что таким настаиваньем можно лишь расстроить весь разработанный план кампании Куропаткина, который знает, что он делает... Говорят, что даже не важно, если бы пал Артур, а тем временем была бы выиграна сама кампания.

— Положим, — говорит с раздражением в голосе полковник П., — я не знаю, какой это там у Куропаткина разработан план, но весь ход событий пока не утешает меня нисколько. Когда Куропаткин прибыл в армию, то первым долгом отступили из Кореи, потом отступили с Ялу, далее с Фынхуанчена, с Инкоу, с Ташичао и — наконец — с Ляояна. Докуда мы будем отступать, не понимаю; также не понимаю, как можно побеждать [382] посредством отступления! Например, и у нас все отступали: с Кинчжоу, с Зеленых и Волчьих гор, но я не вижу, чтобы этим улучшилось наше положение. Еще одно отступление Куропаткина и — нечего думать о какой-нибудь выручке Артура.

Ему возражают, что очень может быть, что понадобится и пожертвовать Артуром...

— Как вам угодно, — разводит П. руками, — но в таком случае мы потеряем весь свой престиж на Дальнем Востоке; японцы укрепятся здесь и на Кинчжоуском перешейке так, что их ничем не сшибешь с места — укрепятся не по-нашему и ни за что не отдадут нам Артура.

— Но Куропаткин же знает, что он делает!

— Эх, не слушал бы! — горячится старик. — Мы не знаем, знает он что или не знает. Я говорю, что его тактика не нравится мне с самого начала, и я не верю в нее! Но вот чему я удивляюсь: я знаю, что наместник высказался с самого начала войны, что не следует японцам уступать ни пяди земли без самого упорного сопротивления; знаю, что он не только знает значение Артура, но и любит его. Но почему он не мог настоять на подаче помощи нам, не могу понять — он все же главнокомандующий!

— Не забудьте, что Куропаткин — самостоятельный командующий армией и не особенно-то подчинен наместнику, — замечает Л., ярый поклонник Куропаткина. — Не может же он подчиняться адмиралу! Это само собою разумеется.

— Ничего не вижу тут самого собою разумеющегося, — огрызается П. с нескрываемым сарказмом. — Быть может, что моя башка отказывается мыслить, но я до сей поры не могу понять таких вещей, как самостоятельный командующий, который все еще не проявил ровно никакой активной инициативы, не подчиняется главнокомандующему, у которого несомненно больше энергии. Не понимаю также, как и то — почему понадобилось поставить здесь над комендантом высшего начальника, не предусмотренного никакими законоположениями. Все это вне закона!

Китайцы сообщают, что японцы разгружают в бухте Луизы какие-то пароходы и джонки. Быть может, эти суда были предназначены нам и перехвачены японскими миноносцами. [383]

Впрочем, и они сами могут подвозить провиант и снаряды прямо сюда, чем возить через Дальний.

Японцы обстреливали сегодня город и гавань с 1 часу до 4 часов, не слышать, чтобы что-нибудь набедокурили.

3/16 ноября

В 7 часов утра — 0,5°, облачно, но иногда проглядывает и солнце. Снег пристыл.

Встретил солдата с позиции. Говорит, что японцев осталось здесь очень мало; на левом и правом фланге почти совсем пусто. И орудий осталось у них здесь всего несколько; из них-то и стреляют по городу и гавани. Но он не вполне доверяется этому. Как бы, говорит, не кинулись вдруг в такое место, где их не ожидают.

Был в Новом городе и попал там под бомбардировку. Первый снаряд пролетел так низко над головой, что, казалось, чуть не задел шапку. Пришлось стать под ближайшую стену. Стал неудачно — шагах в 30 упал снаряд и разорвался. В этот момент вспомнилось, будто следует лечь на землю, чтобы осколки не задели. Какой вздор! Покуда ляжешь — это уже поздно.

В течение 55 минут японцы пустили по городу 19 снарядов, а потом перенесли огонь на Старый город и обстреливали его довольно долго.

Передают, что в госпитале на Тигровом полуострове (кажется, № 11), куда в последнее время перевели большинство больных дизентерией, тифом и цингой, умирают ежедневно не меньше 15 человек. Обстановка и порядки, говорят, там незавидны, чтобы не сказать из рук вон плохи.

Вес эти ужасные болезни, пожирающие столько жертв, происходят главным образом от плохого питания.

Дизентерия началась первой. И мудрено ли, когда солдат стали кормить даже прогоркшим бобовым маслом, как это было видно из одного из приказов генерала Стесселя.

Говорили, что среди войск появился брюшной тиф; врачи же утверждают, что это не что иное, как голодный тиф.

Цинга возникает также главным образом на почве недостаточного питания и отсутствия растительной пищи. С ней бороться легко при помощи того же питания, которого у нас недостает. [384]

За что, спрашивается, гибнет такая масса людей, за что крепость лишается стольких защитников?

Ответ на это один — из-за наших порядков, из-за того, что начальство наше не заботится, не желает заботиться об интересах дела, заботится лишь о своих личных делишках и выгодах!

4/17 ноября

В 7 часов утра 2° мороза, утро солнечное, ясное. Военный корреспондент Е. К. Ножин

отправился на днях на миноносце «Расторопный» в Чифу, ему помогли в этом комендант и морское начальство, чтобы ему избавиться от преследования со стороны генерала Стесселя. В последние дни его усердно разыскивали жандармы. Генерал Стессель, чтобы обезвредить этого корреспондента, который может написать сообщения, далеко не благоприятные для первого, обвиняет его чуть ли не в шпионстве. Будто этим путем вся ложь сразу станет правдой и правда ложью!..

Готовы, кажется, повесить человека, лишь бы он не сообщил о том, что было на самом деле.

Вчера во время бомбардировки Нового города ранен офицер и контужен священник 5-го полка.

Кажется, уже в сотый раз повторяются слухи о том, что Балтийская эскадра прошла во Владивосток и — что порт-артурская эскадра получила приказание выйти к Кинчжоу.

Говорят, будто крейсер «Всадник» или другая такая же малоценная «посудина» ушел в Чифу, значит, решили в случае чего пожертвовать им. Но не понимаю, что за нужда жертвовать даже таким судном. Ушел же на днях в Чифу «Расторопный» и увез официальную почту!

Зашел М. А., он слышал, будто прапорщик флота Дейчман вернулся из Чифу и привез известия, подтверждающие приказ от 1 ноября о том, что Куропаткин наступает.

Японцы обстреливали батареи левого фланга и Перепелоч-ную, наши батареи стреляли целый день. По направлению форта V, будто к Голубиной бухте, одно время была слышна частая пальба из мелких, полевых или горных пушек. Что там творится, не знаю.

С конца октября отряду крайнего левого фланга (капитана Романовского) приказано сильно укрепиться на горке между [385] большой и малой Голубиной бухтами и оказать самое упорное сопротивление, так как левый наш фланг вообще ослаблен и нужно предотвратить прорыв в этом месте японцев, противопоставить им хотя что-нибудь. Хорошо, что они еще серьезно не наступали в этом месте. Форт V все еще не совсем достроен, а про форт VI и говорить нечего.

Когда я вернулся в Старый город, то узнал, что здесь была сегодня довольно жестокая бомбардировка до самых сумерек. Разрушено несколько фанз. В соседстве нашем, за греческой столовой, снаряд попал во вход в блиндаж, убил одну женщину и ранил трех человек. В типографию Иогансона попал опять снаряд, это уже в который раз — только успеете убрать развороченное, заколотить окна и крышу, как снова попадает снаряд и превращает все в груды обломков.

Вечером был в госпитале и беседовал с участниками боев на Зеленых горах. Разговор коснулся и отступления капитана Лопатина с Куинсана.

В то же время, оказывается, на горе Уайцелаза была охотничья команда под начальством прапорщика запаса Диатроптова{220}. Японцы начали наступать по долинам в больших силах и, таким образом, отряд на вершине Уайцелазы был обойден ими с двух сторон. Положение было таково, что горсти людей нельзя было и думать оказать сопротивление. Отряд этот считали уже погибшим, когда генерал Кондратенко получил записку Диатроптова, чтобы ему разрешили отступить. Конечно, Кондратенко послал тотчас приказ отступить, но не надеялся, чтобы это удалось. Диатроптову удалось организовать отступление так, что он не потерял при этом даже ни одного человека.

Говорят, что положение отряда капитана Лопатина на Ку-инсане было тождественно с отрядом Диатроптова на Уайцелазе, но он не должен был отступить, не получив на то приказания. Юридически это так. Вину Лопатина увеличивало то, что Куинсан оказался ключом позиций, чего не признавало до этого наше начальство... А разница в этих двух случаях та, что отряд Диатроптова был в районе генерала Кондратенко, который распоряжался быстро и точно, а отряд Лопатина — в район генерала [386] Фока, от которого он не получил, как говорится, ни ответа ни привета на свои донесения о необходимости или

дать помощь, или же разрешить отступить {221}.

Дело прошлое и теперь уже не важно, прав или не прав был покойный Лопатин, отступая с Куинсана; но разговоры эти выяснили мне разнородное отношение наших генералов к делу.

Генерал Кондратенко был искренно обрадован, когда Диатроптову удалось вывести отряд невредимым; генерал же Фок кричал, рвал и метал, собирался расстреливать и предал суду Лопатина, который отступил с большими потерями.

5/18 ноября

В 7 часов утра +6,5° по Реомюру, пасмурно.

Слух: будто 3 солдата из Северной армии прибыли ночью на лодке в Голубиную бухту и тотчас сообщили по телефону генералу Стесселю о своем прибытии.

Сообщения с позиции: колонны японской пехоты двигаются к Артуру; вчера было замечено передвижение японцев против Высокой горы. Вчера и сегодня наши батареи стреляли по замеченным войскам неприятеля. Прошлой ночью будто очень удачно взорвали у форта II минную галерею, направленную против работ японцев. Японцы, видимо, заложили тоже заряд — у них получилась детонация, и все обвалилось в их сторону; это застало их врасплох. Занятый ими капонир вновь в наших руках.

Навестил М. Л. в морском госпитале; ему предстоит еще одна операция. Он передал мне, что недавно ушел на миноносце в Чифу доктор Штернберг, вызвавшийся доставить сведения извне. Главная его задача, наверное, состоит в том, чтобы приобрести для Артура перевязочный материал. Он еще не вернулся.

Миноносцу приказано в случае чего взорваться {222}.

И он слышал о гибели будто четырех наших миноносцев. [387]

Удивительно трудно добыть сведения хотя бы только об убитых в бою и умерших от ран офицерах. Редакция «Нового края» печатает начиная с 11 августа чуть ли не ежедневно большое объявление, посредством которого она просит товарищей погибших сообщать редакции необходимые для некрологов материалы, чтобы ими почтить память павших за Отечество печатным словом.

Но, как ни странно, сведений этих не поступает. Казалось бы, в такое время, где каждый из нас может стать в любую минуту жертвой войны, можно бы удосужиться на сообщение этих кратких данных об уже умерших товарищах.

Явление это объясняют двояко: во-первых, будто много офицеров озлоблено на «Новый край» за то, что в статьях военных корреспондентов Купчинского и Ножина, а также и в других случайных статьях и сообщениях будто давались не вполне правдивые сведения о ходе событий и о подвигах — сообщая об одних, умалчивают о других, как будто в этом возможно найти умысел {223}; во-вторых, говорят, будто начальство воспрещает давать какие-либо сведения для газеты.

Сегодня японцы бомбардировали город и гавань недолго. Говорят, что японцы начали на днях бомбардировать Новый город потому, что туда перевозят наши интендантские запасы.

Вернулся из Нового города к 6 часам вечера при чудной погоде. Солнце закатилось уже давно, но на западе багровая вечерняя заря; высоко в зените луна в половинном фазисе. Поэтому сумерки не сгустились, а царил какой-то полусвет. На западе, на фоне яркой вечерней зари резко выделялись Ляоте-шань, Высокая гора и укрепления; севернее контуры гор сливались с небосклоном, на котором редкие облачка. К луне сперва стягивались облака в виде длинных прядей волос, постепенно покрывших ее прозрачной пеленой, в это время вокруг луны образовалось желтовато-красное кольцо, на наружных краях его были слабо заметны и остальные цвета радуги. Заря угасала больше и больше, и получился какой-то

фантастически прекрасный полумрак. Вокруг все тихо. Вдруг с батареи Золотой [388] горы вылетает огромный сноп огня, посыпались большие искры, словно от ракеты. Вздывается колоссальный столб дыма, верхушка которого отделяется в виде широкого кольца; раздается выстрел, повторяющийся многократным эхом в окружающих горах. Другой выстрел — та же картина и тот же красивый грохот — и все смолкло. Снаряды поднялись ввысь бесшумно и улетали куда-то вдаль. На позициях засверкали огоньки — затеялась редкая орудийная перестрелка; защелкали и ружья, и пулеметы.

Тотчас забыл про поэзию вечерней тиши и чудных атмосферических явлениях.

8. Известие об уходе наместника

6/19 ноября

В 7 часов утра +1,5° по Реомюру, северный ветер, небо покрыто облаками, но просвечивает и солнце.

Первое известие, полученное мной сегодня: на днях появилась под Артуром японская эскадра в значительных силах, разделилась на две части и ушла, одна часть по направлению к Инкоу, а другая по направлению к Дальнему. Это ставят в связь с движением на Квантуй нашей Северной армии.

Кроме того сообщают, будто купленные в Америке крейсера прибыли во Владивосток и Владивостокский отряд крейсеров вышел с ними в море на новые предприятия. Будто видели наши крейсера вблизи Курильских островов. Не понимаю, чего бы они туда пошли? Разве только для пресечения окончательного расхищения наших котиковых промыслов? Это едва ли уже не поздно. Казалось бы, нам сейчас не до котиков и камчатского бобра.

Второе известие: наместник, адмирал Алексеев отозван в Петербург, а вместо него назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами генерал Куропаткин.

Эта весть встречена двояко — одни радуются перемене главнокомандующего, а другие говорят, что пока радоваться нечему, что одинаково ненормально то, что главнокомандующим сухопутными силами был адмирал, так и то, что сейчас главнокомандующим над морскими силами является сухопутный генерал. [389]

В доме одного знакомого собралось большое общество, заинтересованное этим известием. Тут я встретил людей разного рода оружия, разного положения и возраста. Зашедший случайно весьма почтенный штаб-офицер узнал здесь впервые это известие. Он опешил — сперва было не поверил этому. А когда убедился, что речь идет о совершившемся уже факте, сел и, махнув рукой, сказал со вздохом:

— Ну, теперь Артуру — крышка {224}!..

Он посидел недолго, угрюмо молчал и вскоре ушел, не вступая в наши споры.

Начались оживленные дебаты. Явные сторонники наместника сваливали всю вину во всех неудачах на Куропаткина как на бывшего военного министра, не позаботившегося об укреплении Артура и о приготовлениях к войне, когда она была, очевидно, на носу.

— Проезжал же он через Артур, осматривал все, ему докладывали обо всем своевременно! — говорят они. — Разве его путешествие на Дальний Восток, стоившее России сотни тысяч рублей, имело целью лишь удовольствие генерала, смакование оаций, устраиваемых ему всюду?

— Почему же адмирал Алексеев уверял всех, что дело обойдется без войны? — спрашивают поклонники Куропаткина, которых в данное время у нас больше, чем первых. — Почему же наместник не настаивал энергично на необходимости усиления войск в Маньчжурии и на тому подобном? — Почему же у него не хватило гражданского мужества поставить вопрос ребром: или пусть дадут все то, что необходимо, или же он уходит?

Им отвечают, что наместником проявлено много этого мужества именно тем, что он, назначенный сюда самим государем помимо партий и течений, не покинул своего поста тогда, когда в Петербурге многие желали этого ухода, и потому только тормозили все его ходатайства, и что он не уходил потому, что знал, что все, что он сделал для Дальнего Востока вообще, а особенно для Артура, что все это пойдет сейчас насмарку, всему будет поставлен крест, и не потому, что этого [390] требуют интересы государства — нет! — только потому, что это сделал Алексеев...

Кто-то высказал уверенность в том, что будто сам Куропаткин метил в наместники Дальнего Востока, что, будучи здесь, в Артуре, он вполне сознал всю опасность положения и необходимость усиления наших военных сил, но когда узнал о назначении наместником адмирала Алексеева, то, раздосадованный этим, по прибытии своем в Петербург высказал в своем докладе совершенно противоположное.

Мы — так называемые «куропаткинисты» — возражаем на это, что и Куропаткин мог быть хорошим наместником, что командовал же он Закаспийской областью и доказал там свои дипломатические таланты... Но, говорим, чтобы адмирал, не участвовавший даже ни в одном морском бою, мог командовать армией и вмешиваться в дела этой армии, тем более, что во главе ее стоит сам Куропаткин — это явный абсурд, который никак не может принести пользы делу...

Наконец, и приверженцы адмирала сознают, что он был неправ, оставляя командовать эскадрой совершенно неспособных к тому начальников. Но они все-таки уверяют, что главные недоразумения между наместником как главнокомандующим и Куропаткиным как командующим сухопутными силами произошли потому, что адмирал требовал с самого начала активных действий против японцев, упорной обороны правого берега Ялу, недопущения беспрепятственной высадки японских войск, требовал не допускать, чтобы отрезали Квантуй, требовал усиления гарнизона Артура и войсками, и боевыми запасами; наконец, настаивал на скорейшей подаче помощи крепости с севера, заявлял, что он коренным образом не согласен с системой вечных отступлений. Они уверяют, что из-за одного того, что адмирал любит Артур, им устроенный, устроенный на широких началах — вплоть до открытия в нем женской гимназии и реального училища, — он считал невозможным подвергнуть крепость опасности быть взятой неприятелем — не считая еще того, что после падения крепости все меньше и меньше шансов на удачный исход всей кампании.

Мы разбиваем стремительно все их доводы тем, что «Куропаткин знает, что он лелеет», что если он допустит падение крепости, [391] то лишь с верным расчетом разбить наверняка главные силы японцев, выиграть войну и, если не отобрать Артур силой, то заставить при заключении мира уступить его нам обратно добром...

После этого споры утратили свою остроту, перешли в пикировку.

Мы упрекаем адмирала Алексеева в том, что он назначил генерала Стесселя начальником укрепленного района; его сторонники уверяют, что Куропаткин — друг Стесселя, и поэтому он назначил его, изобрел для него должность, не предусмотренную никакими законами.

Главным козырем у нас осталась фраза:

— Куропаткин знает, что он делает {225}!

Сторонники же наместника остались при том убеждении, что Куропаткин может допустить

падение Артура, хотя бы только ради того, чтобы доказать, что все то, что сделано адмиралом Алексеевым, плохо. Но они сомневаются в том, чтобы после того, как сделано столько оплошностей, еще удалось поправить дело и выиграть войну. Мы же мечтаем вслух о том, что после войны наместником будет здесь Куропаткин. Наши оппоненты сознают, что в случае, если Куропаткин выиграет теперь дело, все бывшие до сей поры неудачи падут на голову адмирала Алексеева.

Мы же допускаем, что Куропаткиным, быть может, до сей поры и руководило отчасти нежелание делить лавры победы с наместником; но мы уверены в том, что теперь, когда он стал господином положения, когда он имеет полную свободу действий, он не преминет осуществить по всем пунктам свой грандиозный план кампании, о котором даже все иностранцы отзываются с благоговением...{226}

Сегодня, куда не повернись, все обсуждают уход наместника. Можем констатировать факт, что на нашей стороне, т. е. поклонников Куропаткина, подавляющее большинство. [392]

Все говорят с видимым облегчением:

— Наконец-то, додумались!

Но удивительно то, что явные приверженцы генерала Стес-селя, близкие ему люди, воздерживаются от всяких суждений по этому поводу, они ни за, ни против кого-либо.

Это, должно быть, требуют тонкие дипломатически расчеты — выждем-де, что из этого выйдет, а тогда будет видно, чью сторону принять больше расчета. В этом секрет карьеры...

С обеда батареи северного участка нашего левого фланга постреливали довольно усердно. С 1 часа дня японцы бомбардировали город и порт, особенно много снарядов падало у подножья Золотой горы, где склады угля; должно быть, хотели вновь вызвать там пожар.

Сейчас, вечером, идет перестрелка вдоль всего правого фланга до батареи литеры Б, видно много шрапнели, рвущейся над нашими позициями. Орудийный рокот иногда довольно сильный.

Вчера удалось вымыться в ванне. И это по нынешним обстоятельствам — роскошь. Это наш «водоноса» постарался.

9. Ноябрьские штурмы

7/20 ноября

В 7 часов утра +4,5°; в 8 часов +6°, утро великолепное, ветерок с юга.

На рассвете рокотали где-то орудия.

Около 8 часов стреляли где-то на левом фланге.

9 часов утра. Японцы начали обстреливать отдельные наши укрепления на правом фланге залпами из нескольких орудий — одновременно рвется на них по несколько снарядов почти рядом и вздымают букеты пыли и дыму.

Нельзя не отметить, что в последнее время японцы стреляют преимущественно с левого фланга, когда раньше стреляли более всего с правого и с фронта. Быть может, они перенесли туда большинство своих орудий.

Не таится ли в этом обстоятельстве причина уверений, будто японцы увозят свои орудия?

Сейчас нельзя вспоминать без возмущения о том, чего-чего только не писали «знатоки» в начале войны о японских войсках, [393] по их описаниям, японские войска имели слишком много недостатков и очень мало положительных качеств. Между прочим, уверяли, что японцы лезут на штурм без предварительной артиллерийской подготовки местности. На деле же получилось совершенно обратное.

Будто эти «знатоки» нарочито усыпляли уверениями, что японцев нечего опасаться!

Теперь уже ясно, что или наши военные агенты в Японии совершенно не знали, что представляет из себя японская армия, или же им не верили, когда они сообщали об истинном положении вещей.

Как люди менее сильные физически, японцы, естественно, должны были рассчитывать более на технически успехи — и к этому они подготовились основательно. Артиллерия у них всегда превосходит нашу числом орудий, их скорострельностью и умением стрелять. Командующий артиллерией играет у них будто на клавишах точно настроенного инструмента. Пристреливаются они лишь из нескольких орудий, а затем направляют всю силу огня на какое-либо место будто из одного орудия, в другой момент весь огонь перенесен на другое место или же распределен равномерно по разным пунктам и т. д. Видать, что люди знают свое дело в совершенстве.

Как маленький пример, приведу такой случай.

Еще во время августовских бомбардировок японцы заметили, что откуда-то сзади линии фортов стреляют по ним очень удачно{227}. Они заподозрили местом этой батареи угол кряжа над Китайским городом (на котором лишь много позднее были установлены морские орудия). В один момент угол кряжа скрылся с глаз за облаком пыли и дыма от массы попадающих в него снарядов и, покрытый до этого ровной зеленью, был основательно вспахан, обсыпался весь, побурел, таким он остался посеячас, хотя я не видал, чтобы японцы обстреливали его еще [394] раз. Через несколько минут японцы перенесли огонь опять на позиции, а впоследствии их снаряды ложились и поблизости действительного расположения разыскиваемой батареи{228}. Мне казалось, что точность стрельбы объясняется лишь массой наблюдателей-шпионов. Но нельзя отрицать того, что в такой стрельбе виден огромный опыт, что люди обучались действительной стрельбе, когда у нас этого не делалось, — не знаю, в видах ли экономии снарядов, или же в видах сбережения орудий.

Инженерное дело поставлено у них прекрасно, если японский солдат или рабочий не в силах выработать такой урок (например, целый куб земли), как наш, зато у них частые смены — и работа подвигается безостановочно вперед и вперед. Их окопы куда лучше наших, они много глубже и с отвесными стенами, наши же безобразно мелки, и нередко помимо земли, выбрасываемой из окопа на край, обращенный к противнику, вначале накладывали камни. Результаты оказались самыми пагубными: во-первых, окопы эти были издали заметны японцам, следовательно, выдавали им место нахождения наших цепей, и во-вторых, при обстреле этих окопов артиллерийским огнем гибло больше людей от своих же камней, чем от самих снарядов. Разобрались мы в этом лишь по опыту; японцы же знали с самого начала, какие нужны окопы для того, чтобы люди в них терпели возможно меньше поражения{229}.

Телефоны функционируют у японцев великолепно. Это видно уже по одному тому, как у них — о чем я говорил выше — начальник артиллерии играет огнем своих батарей словно на клавишах, схватывая на них в любую минуту любой аккорд. [395]

У нас телефонная сеть, несмотря на то, что мы в крепости, которой владеем уже седьмой год, далеко не так поставлена. Провода преимущественно воздушные (редко где подземный кабель), и их постоянно перебивают артиллерийским огнем.

Эх, даже больно перечислять все наши дефекты!

Сигнализация у японцев действует исправно, наша же... Виноват, тут я должен сказать, что на

суше видел лишь матросов-сигнальщиков, передающих посредством своих красных флажков сведения о падении судовых снарядов. Сигналы эти можно разобрать лишь при помощи хорошего бинокля. Думается, что если уже нельзя при этом пользоваться телефонным проводом, чтобы скоро и без ошибок сообщать наблюдения, то целесообразнее было бы пользоваться гелиографом, который оказал англичанам в трансваальскую войну несомненную услугу. У нас в Артуре я его не видал вовсе{230}.

Досадно то, что сколько писалось и говорилось обо всем до войны — чего-чего только у нас не было тогда! Мы ничем не отстали от прогресса в военном искусстве... Но теперь оказалось, что все это не шло дальше отдельных опытов и маневров и что у нас на деле ничего нет. Мы отстали своими познаниями и обстановкой от японцев по крайней мере на столько же, насколько наши войска и снаряжение оказались отставшими от европейцев во время Крымской войны.

За все недостатки нашей техники и опыта отдувается тот же солдатский лоб, тот же солдатский горб — и вместо победы мы терпим поражение за поражением. У нас говорят одно: Бог да Николай Чудотворец!..

Получены будто бы официальные известия, что в Маньчжурии образованы три отдельные армии, что наш Балтийский флот прошел южные берега Испании и что приняты самые энергичные меры, чтобы доставить Артуру снаряды и провиант.

Вчера опубликован приказ генерала Стесселя: [396]

«№ 837. Ввиду того, что за все время войны наши зауряд-прапорщики в огромном большинстве показали себя истинными героями, вполне достойными с честью носить всегда Офицерский мундир, я предполагаю ходатайствовать о даровании права оставаться защитникам Артура Зауряд-Прапорщикам в рядах полков Офицерами. Ныне же для того, чтобы более резко оттенить их службу, при пожаловании знаками Отличия Военного Ордена предлагаю входить о них с представлением по форме, для господ Офицеров установленной. Также и для производства их в Подпоручики».

Этот приказ признается всеми данью справедливости. Мне говорили многие офицеры, что каждый зауряд-прапорщик — несомненный герой. За убылью офицеров они всюду замещают первых; мало того — почти всеми рискованными предприятиями руководят зауряд-прапорщики.

Солдаты, несомненно, ценят выше храбрых зауряд-прапорщиков, чем менее храбрых офицеров, и идут с ними, так сказать, в огонь и в воду{231}. Говорят, что у каждого ротного командира имеются всегда на примете кандидаты в зауряд-прапорщики, чтобы за убылью одного, — а гибнет их сравнительно больше, чем офицеров, — можно было бы заменить его другим.

Но если они несут теперь всю тяжесть службы, то было бы грешно выталкивать их из армии после окончания войны. Справедливость требует дать им недостающее образование, чтобы они могли занимать хотя бы низшие офицерские должности и в мирное время.

Мы не должны забывать, что в прежние времена во всех почти армиях имелись даже генералы, начавшие службу простыми солдатами. Таких генералов было немало и в победоносной армии Наполеона I.

Но, как ни странно, именно среди офицерства находим противоположные этому мнения, тогда как из общих наблюдений [397] вовсе не вытекает, что для поддержания престижа в армии непременно необходима «белая кость».

Кстати, нельзя не отметить и то, что нижние чины прекрасно оценивают личную храбрость офицера, а противоположные качества называют своим именем в глаза виновному и за глаза. В этом нельзя не усмотреть самый опасный вид подрыва дисциплины.

Мне известен такой случай.

Еще во время первых боев на левом фланге один из батальонных командиров Квантунского флотского экипажа получает приказание генерала Кондратенко послать одну роту на Мертвую сопку {232}. Рота вызвана. За неимением офицеров командир велит фельдфебелю вести роту в атаку. Рота двинулась, но шагов через десять она остановилась и оглянулась на батальонного командира, остающегося при генерале Кондратенко. Этого взгляда было достаточно для того, чтобы командир, нисколько не задумавшись, сказал: «Ну, хорошо, ребята, я поведу вас!..» И повел. В бою матросы старались загородить командира, пошедшего с ними, своей грудью, заботились больше о нем, чем о себе.

Еще одно-другое рискованное предприятие под его личным руководством — и команды забыли всякое свое прежнее недовольство им за его вспыльчивость. Когда этого офицера сменили по каким-то не совсем понятным соображениям от командования батальоном на позициях и он прощался со своими боевыми товарищами-матросами, те не удержались от слез, прослезился и командир... {233}

А это не чересчур обыденное явление в отношениях подчиненных к начальнику. [398] И, наоборот, бывали случаи, что команды отступали только потому, что командовавший ими офицер поспешил отступить первым... чего с зауряд-прапорщиками не слыхать чтобы случалось.

Если зауряд-прапорщики оказались в бою нередко выше многих офицеров, то почему же не дать им возможности быть в мирное время хотя бы среди последних?

5 часов 10 минут дня. Японцы бомбардировали сегодня город и гавань с 9 часов утра до 12 часов дня довольно свирепо. Наши суда и батареи усиленно стреляли все время. Перепелочная батарея работает лихо; ее бомбардируют японцы с разных сторон — все перелеты да недолеты; она продолжает свое дело как ни в чем не бывало.

8 4 часа 20 минут начался штурмовой огонь по направлению форта III, но он продолжался не особенно долго; атака, нужно полагать, отбита. Артиллерийский огонь и перестрелка продолжается по всему фронту, японская шрапнель рвется над батареями и окопами целыми букетами, японских фугасных бомб сегодня сравнительно меньше. Должно быть, мало подвезли или же экономят.

5 часов 25 минут. На позициях стало совсем тихо; там идет лишь обычная, очень редкая перестрелка.

9 часов 40 минут вечера. Был в госпиталях. Узнал, что японцы пытались штурмовать форт III и укрепление № 3 всего двумя ротами, но лезли отчаянно и натащили в ров фашины. Эти две роты японцев истреблены, а фашины собираются полить керосином и сжечь. Наши потери ранеными и убитыми всего человек 30; ранены два офицера.

Штурм этот не особенно понятен; он скорее похож на демонстрации. Это или хитрость какая-нибудь, или же кто-нибудь из японских начальников надеялся воспользоваться нашей оплошностью, полагал, что изнуренные ночными перестрелками войска ослабят днем свою бдительность и готовность к бою.

В госпиталях оживленно комментируются официальные известия и сведения из письма одного моряка из армии генерала Линевича. По этим сведениям, часть армии генерала Оку проскользнула в Корею; Линевичу не удалось преградить ей путь. [399]

Кто-то вспомнил едва ли бывавший где-либо и когда-либо случай, тем не менее происшедший у нас.

Генерал Стессель, недовольный будто бы тем, что прибывшая лишь после начала войны крепостная жандармская команда занималась больше наблюдениями над нашими же офицерами и розысками в крепости за политически неблагонадежными, чем за шпионами,

борьба с которыми требовала многого лучшего, предписал этой команде во главе с ротмистром князем Микеладзе выселиться за Ляотешань, в китайские деревни, для надзора за китайцами-сигнальщиками и будто воспретил им приезд в город без особого на то разрешения...

Ныне жандармы руководят уборкой трупов на боевых позициях и участвуют даже в вылазках и других отважных предприятиях, т. е. несут все тягости осады наравне с гарнизоном, и не слышать, чтобы сейчас кто-либо чуждался их как жандармов.

Очевидцы передают, что сегодня под Золотой горой рвалась японская шрапнель.

Сообщают, что будто кто-то предлагает провести всю воду из водопровода на форт III, чтобы там этой водой «вымывать» японцев из занятых ими окопов.

Проект теперь едва ли осуществимый. Но, может быть, в известных условиях возможно применить и такой способ борьбы с неприятелем.

Еще одна сказка про «геройство» генерала Фока. Один из капитанов дивизии Фока (4-й) рассказал мне, будто при отступлении от Кинчжоу генерал Фок ловко надул японцев. Он приказал двум батальонам (шесть ротам — в каждой около 300 чел.) многократно переваливать через один и тот же хребет. Роты возвращались назад долиной и вновь переваливали видный японцам кряж, выходило, что отступают целые полчища. Этим он будто задержал насаждение японцев на наши небольшие силы и заставил их дать нашим войскам оправиться.

Другие же офицеры уверяют, что ничего подобного не было и что японцы даже не думали насаждать. Опыт войны доказал, что японцы очень осторожны; завладев чем-нибудь, они сперва укрепляются там, производят дальнейшие разведки и лишь потом наступают дальше. [400]

Следовательно, если что-нибудь подобное было, то этим Фок несколько не надул японцев, а лишь замучил понапрасну своих солдат.

Приходится сомневаться, чтобы даже что-либо подобное имело место на самом деле. При отступлении от Кинчжоу вечером, в потемках, японцы не могли видеть этот маневр; генерал Фок уехал первым в Артур, а на следующий день войска были так далеко от японцев, что те не могли наблюдать, как наши отряды переваливают через хребты! Отмечаю этот рассказ для того, чтобы кому-нибудь не вздумалось преподнести его читателю под видом факта.

8/21 ноября

В 7 часов утра +3°, северный ветерок, утро солнечное.

Ночь прошла спокойно; на рассвете, по обыкновению, грохотали где-то орудия.

Вчера на укреплении № 3 убит поручик Эсаулов.

После обеда встретил в аптеке подполковника Вершинина. Затеялся разговор по вопросам административного устройства наших окраин.

Он говорит, что с нашей стороны большая ошибка — не считаться с обычным правом инородцев, что администрация должна ясно сознавать все свои задачи, а не бродить в потемках, как это нередко видим на деле. Для того чтобы, например, китайцы мирились с русским владычеством над ними, необходимо широко согласовать наши законы с их обычным правом.

Далее наш гражданский комиссар сетовал на то, что сейчас ему приходится работать при невозможных условиях.

Когда он приказал Дальнинской пожарной команде снабжать бесплатные солдатские чайные водой, то начальство приказало пожарным этим возить воду только на позиции, как будто

чайные могут обойтись без воды. Главное затруднение в том, что ни лошадей, ни мулов неоткуда взять. Сейчас он занят устройством приютов для солдаток, бесприютных женщин и детей и для бедняков вообще — для некоторых хотя бы ночлежные помещения. Но все это нужно делать скрытно, чтобы об этом не узнал генерал Стессель, чтобы он не нашел нужным [401] приказать освободить эти помещения под другие надобности, как он уже приказал очистить дом гражданского управления под госпиталь, несмотря на все его неудобства для этой цели. В данное время переводят в Новый город большинство госпиталей, забота об ассенизации их лежит на гражданском правлении, 7 лошадей и мулов из без того уж недостаточного ассенизационного обоза убито снарядами, взамен их не дают из войсковых лошадей, ненужных в данную минуту, например артиллерийских, так как артиллерия почти не передвигается с занятых ею мест{234}. А требования ставят ему всевозможные, и диктуются разные выговоры.

Пока я был в Новом городе, там все думали, что японцы бомбардируют Старый город; оказывается, что здесь думали, что сегодня японцы бомбардируют Новый город, а на самом деле они сегодня вовсе не обстреливали ни город, ни гавань. На батареях целый день грохочут пушки, и ветер наносит эти звуки; слышен вой и свист снарядов, будто они летают над головой.

8 часов вечера. Все еще артиллерийский огонь на батареях не затихает, он оживленнее обыкновенного. Все еще слышны характерные разрывы шрапнели — «тиунинь».

Неужели японцы пристреливаются с заново установленных батарей?

Кто-то высказал предположение, что японцы, быть может, завтра попытаются взять Артур штурмом, так как завтра годовщина взятия ими крепости в японско-китайскую войну.

9/22 ноября

В 7 часов утра +0,7°, ясно, северный ветер.

Вечером канонада и ружейная перестрелка была чаще обыкновенного и простиралась по всему боевому фронту правого фланга, до литеры Б; и на левом фланге была перестрелка, хотя, казалось, редкая.

Утром, с половины седьмого, началась орудийная стрельба на укреплениях; ветер мешает расслышать кто и куда стреляет. [402]

С 12 часов японцы открыли огонь по подошве Золотой горы; с первых снарядов там возник пожар в складе смазочных средств, оттуда подымается огромный черный дым; японцы усиленно обстреливают пожарище и город.

Сообщают, что против Ляотешаня подошел торговый пароход и просит сигналами встретить его; об этом дали знать на Золотую гору. Выслали ли миноносец и что это за пароход — пока неизвестно.

Чиновник гражданского управления Бадмажапов, отправившийся на катере в Чифу, будто попал в плен и сейчас находится в Дальнем, так сообщают китайцы.

Меня спрашивали, правда ли, что на днях наши охотники взяли у японцев на левом фланге орудие? Ничего подобного не слышал, и что-то не верится. Японцы очень бдительны.

Знакомый штаб-офицер рассказал мне, что начиная с тесной обороны, пока еще Дагушань и Сяогушань были в наших руках, в передовых отрядах происходили неприятные недоразумения. Если на одном участке оказались отряды разных частей войск, то начинались споры, кто кому подчинен и кто ответствен за участок. Начальник обороны генерал Кондратенко принимал в этих случаях энергичные нравственные меры. Чтобы устранять и теперь недоразумения и возложить на определенные части ответственность за оплошность, недосмотр или отступление, известный участок обороны поручается отряду одной части. А при спутанных отрядах всегда одни валили вину на других.

8 часов вечера. Японцы все еще изредка стреляют по пожарищу. Когда мы возвращались вечером из Нового города, то остановились на дамбе за железной дорогой наблюдать. Вспышки появлялись все в стороне Панлуншаня, и вслед за ними снаряды свистели через нас к пожарищу.

Будь у нас довольно снарядов, можно было бы сбить японские батареи, а у нас нечем их сбивать.

Японцы давно не стреляли по городу и гавани из 11-дюймовых мортир; говорят, что увезли их на Тафашинские высоты, навстречу Северной нашей армии.

Ветер стих, стало холоднее.

На позициях обыкновенная редкая перестрелка. [403]

10/23 ноября

В 7 часов утра +4°, ветер более западный, стало теплее.

Говорят, что японцы стреляли по пожарищу до полуночи. Там, говорят, еще многое будет гореть и есть чему гореть. Хотя бы дали уголь жителям на топливо, а то и так сгорит!

Узнаю новость дня: два японских миноносца взяли вчера подошедший против Ляотешаня пароход «под жабры» и увели к себе.

Передают невероятные вещи, которым не знаешь, верить или не верить. Дело будто было так: когда получили сообщение с Ляотешаня, что прибыл какой-то пароход и просит его встретить, адмирал Григорович будто предлагал адмиралу Вирену выслать навстречу пароходу броненосец «Ретвизан», адмирал Вирен будто ответил, что невозможно посылать броненосец, а нужно послать миноносцы, будто Григорович этого не захотел{235}...

Но как бы там ни было, факт тот, что японцы подошли к беспомощному пароходу и забрали его, а мы опять — при пиковом интересе! Никто не может сказать, чей, откуда и с чем этот пароход. Но с чем бы он ни был — разве мы не нуждаемся во всем? Разве можно пренебрегать приходом такого парохода{236}? Говорят, что это уже не первый случай.

Обо всем, что нам посылалось, узнаем разве только после войны{237}.

Сообщают, что из-за отъезда корреспондента Ножина на миноносце «Расторопный» в Чифу, между генералом Стесселем, обвиняющим Ножина в шпионстве, и между морским начальством возникли крупные неприятности.

Японцы стреляли сегодня с 12 до 4 часов дня по городу и гавани, в овраг за Новым городом упали два крупных снаряда. То ли пристрелка, то ли перелеты через батареи. [404]

Около 5 часов вечера начался штурмовой огонь по направлению форта II и батареи литеры Б; Золотая гора, Электрический утес и прочие береговые батареи стреляли усердно. Штурмовой огонь продолжался около часу. Порой казалось, что ружейная стрельба идет на самой литературе Б или даже на Залитерной горе.

9 часов 15 минут вечера. Перестрелка по направлению литеры Б все еще продолжается, хотя довольно редкая, но выстрелы кажутся более близкими, чем когда-либо. Неужели японцам удалось что-нибудь там занять и засесть?

11 часов вечера. Сообщают, будто японцев отбросили с большим уроном, ничего не осталось за ними.

11/24 ноября

В 7 часов утра — 0,5°, туман, тихо.

Сведения о вчерашнем штурме: штурмовали Куропаткинский люнет{238} и батарею литеры Б, где-то японцы забрались на бруствер — 2 офицера и 9 солдат, из них одного офицера взяли

в плен, а прочих уложили на месте. Ночью повторили штурм, но также отброшены. Японцы будто потеряли до полутора тысяч человек, наши потери — убиты 2 зауряд-прапорщика и 16 нижних чинов, ранен (очень тяжело) прапорщик Сакен и около 100 нижних чинов. По другим сведениям, ночью не было штурма, а лишь бой из-за окопов. Японцы заняли часть окопа среди двух наших рот и притащили с собой бревна, щиты и козлы, чтобы тотчас устроить траверсы. Посланные на помощь матросы и, кажется, 10-я рота 27-го полка перебежали молча, без всякого «ура» (которое ныне нередко оказывалось неуместным) впереди лежащую местность и моментально выбили их штыками — вернее, перекололи. Все попытки японцев завладеть еще раз окопом оказались тщетными.

П. передает, будто адмирал Григорович воспрещал «Севастополю», стоящему в восточном бассейне, стрелять потому, что при его стрельбе вылетают в порту все стекла из окон. Командир «Севастополя» Эссен будто ответил, что он не салютует [405] для удовольствия, а занят боевой стрельбой, не может смотреть на такие пустяки — и подал об этом рапорт адмиралу Вирену.

Жандармы будто еще на днях разыскивали корреспондента Ножина по всем закоулкам, особенно тщательно искали его на Тигровом полуострове.

Сегодня японцы стреляли по городу и гавани с 11 часов 45 минут до 4 часов дня, гавань обстреливали опять И-дюймовыми. Один из таких снарядов будто попал в «Ретвизан», под 12-дюймовую башню.

Вечером был в Красном Кресте, там узнал, что утром умер от брюшного тифа поручик Новоселов. Говорят, что капонир и боковая галерея форта II в руках японцев, японцы «присосались» и к форту III.

Зашел к Б. Он по обыкновению смотрит на дело очень пессимистически. Уверяет, что первые неудачи и нерешительность японцев можно объяснить лишь тем, что нам удалось обмануть японцев, как говорится, удалось «втереть им очки» нашей беспечной самоуверенностью. Они, как люди более серьезные, не могли поверить, что такое преступное легкомыслие возможно вообще, и поэтому подозревали, что у нас что-то не так, как им кажется, что у нас, наверное, имеются в руках какие-нибудь хитро спрятанные козыри.

С ним нельзя не согласиться в этом. Другой раненый офицер, его сосед, говорит, что теперь, когда он побыл во многих боях, видел массу смертей и прочих ужасов, он все-таки не может забыть паники среди отступающих от Кинчжоу в ночь на 14 мая войск. Это, говорит, был сплошной ужас, что-то неопишное — стихийное. Японцы и не думали преследовать отступающих, но наши отряды стреляли один по другому, принимая друг друга за японцев. И все это только потому, что «герой» Фок поспешил уехать со своим штабом в Артур, приказав немедленно отступить.

Уже который день слышна орудийная перестрелка и на левом фланге.

12/25 ноября

В 7 часов утра +6°, ветер с юга, тепло. Около 6 часов утра обычный орудийный рокот. С 8 часов японцы начали [406] стрелять со стороны Панлуншаня 11-дюймовыми бомбами по Курганной батарее и укреплению № 3.

По дороге в Новый город встретил Б. С. Он говорит, будто вчера ожидали какой-то пароход. Про захваченный на днях японцами пароход говорит, будто Ляотешанская батарея стреляла по нему, три наших миноносца вышли к нему, но слишком поздно, японцы увели его в бухту Луизы.

Вот уже который день едим конину вплотную, начали с осятины и мулятины, теперь и конина — ничего. Будь у нас лук, чеснок и прочая зелень, было бы совсем недурно. Пока все еще не решались взяться за конину, а голод брал свое, купил у китайца колбасу, он уверял, что из конины. Поели — на здоровье. Потом нас уверяли, что китайцы делают эту колбасу из

собачины. Больше не покупал.

Наконец-то городское управление получило от морского ведомства уголь для нужд жителей. Не дешево. Но хорошо, что можно достать. А то было не на чем кушанье готовить.

Наша жизнь все чем-нибудь да осложняется. В блиндаже, в котором ночуем, в котором жена проводит большую часть дня (там же у нас все необходимое по хозяйству и припасы; там у ней швейная машина, на которой работает белье для солдат), завелись крысы. Должно быть, холод загнал их туда. Ночью бегают они по полкам, даже по спящим людям, сыплют песок с потолка, поедают нашу провизию. Словом, мало удовольствия от этих противных животных. Поэтому теперь изобретаем всевозможные способы, чтобы избавиться от них.

Ночевки в блиндаже вообще не доставляли и до сей поры много удовольствия. Сперва было в нем страшно сыро и донимал комар. Пришлось разводить костры — сушить таким способом стены. Потом стало холодно. Сперва завесили вход циновкой, затем пришлось добавить к ней шерстяное одеяло. Моя лампа «молния» служит там и светочем, и печкой — дает много тепла. Но керосин очень дорог, и скоро неоткуда будет взять.

Наш блиндаж имеет три вентиляционных трубы, а у других нет ни одной. Удивляемся людям, которые проводят целые дни в блиндажах — боятся высунуться из них. Положим, они исхудали, очень бледны, похожи на больных. [407]

До бомбардировки 11-дюймовыми бомбами можно было чувствовать себя в блиндаже вне опасности, теперь же ничуть — если попадет, то погребет всех под землей. Одна надежда — авось не попадет!

7 часов вечера. Сегодня пришлось возвращаться из Нового города при полной темноте. Сильный ветер со снегом и песком не давал раскрывать глаза. Неприятно было брести в потемках по знакомой дороге. На левом фланге началась оружейная и ружейная перестрелка. Кругом видны вспышки; думаешь — вот прилетит снаряд! Но нет — по городу не стреляют. По городу и гавани стреляли с половины двенадцатого дня до сумерек.

Когда добрался до стены под Соборной горой, мог полюбоваться прожекторами с Электрического утеса и Белого Волка, то скрещивающимися на рейде, то раздвигающимися в разные стороны. С дамбы видны наши прожектора на левом фланге сухопутного фронта, кажется на форту IV и Зубчатой батарее.

Сегодня навстречу мне везли и несли много раненых; насчитал 8 человек.

Перестрелка идет и на правом фланге.

9 часов вечера. Перестрелка прекратилась после восхода луны. Узнал, что 10-го числа убиты: на Сигнальной горе поручик Лызлов, а на литере Б — зауряд-прапорщик Палазов.

10. Новые штурмы правого фланга

13/26 ноября

В 7 часов утра +3°, облачно, но солнце светит, небольшой ветерок с севера.

Всю ночь гремели пушки. Оказывается, что ночью японцы штурмовали Панлуншанские окопы, Высокую гору и горку между Малой и Большой Голубиными бухтами. На Панлуншане и Высокой отбиты, у Голубиной бухты завладели передним окопом; во время контратаки убит штабс-капитан Соловьев, начальник охотничьей команды. Был очень дельный и храбрый офицер{239}. Потом японцы повели атаку большими силами на самую горку, но отбиты с большими потерями. Японский офицер взят в плен и собрано больше 100 японских ружей. [408]

С 8 часов утра японцы начали обстреливать участок правого фланга от литеры А до литеры Б.

С 9 часов начали бомбардировать гавань залпом из трех орудий. Ляотешанские батареи стреляют усиленно. Началась бомбардировка всего фронта.

В 10 часов 5 минут загорелся шведский пароход «Sentis» в Западном бассейне, его обстреливают еще сильнее.

10 часов 35 минут. Японцы все еще обстреливают горящий пароход. Из Минного городка пошел катер прямо к пожарищу, так и казалось — погибнет. Но нет — прошел линию обстрела и ушел себе к импани под Маячной горой.

Сплошной орудийный рокот на позициях; слышен вой снарядов и как бы жужжание осколков.

Как притупились нервы! Этот ужасный рев и вид пожара не производит никакого впечатления — занимаемся спокойно, как будто ничего нет.

6 часов вечера. К обеду еще усилился артиллерийский огонь по батареям; сильно обстреливали Перепелочную батарею, но она не переставала лихо отвечать им. На правом фланге был слышен штурмовой ружейный и пулеметный огонь. Над укреплениями стояли облака дыма от рвущихся бомб и шрапнели.

К 2 часам огонь начал затихать, а к 3 часам настало почти полное затишье. Какой-то солдат сказал, что форт III взят японцами. Не верим.

Около 4 часов японцы еще раз обстреляли батареи левого фланга.

Когда возвращался из Нового города, встретил много раненых: кто на рикшах, а кого и несут. Особенно жалкий вид имел молодой безусый солдат в рваном полушубке — у него вся голова укутана бинтами, сквозь которые просочилась кровь; кроме него очень много раненых в голову.

— Шрапнелька проклятая!..

Спросил более бодрых раненых, что сегодня было и чем дело кончилось.

Оказывается, что японцы штурмовали весь фронт от укрепления № 2 до Курганной батареи включительно, главным образом они наседали на батарею литера Б, на форт II, капонир [409] № 2, форт III и Курганную батарею, местами атаковали по 4 и 5 раз, но отовсюду блестяще отбиты.

Говорят, что уложили множество японцев — человек по 50 на брата, ни пяди земли не осталось за японцами.

Перепелочная батарея стреляла сегодня преимущественно по обозам и колоннам.

У нас выбыло сегодня из строя около 400 человек убитыми и ранеными.

Со стороны Волчьих гор потянулись к Артуру значительные силы неприятеля, поэтому ожидают новых штурмов ночью, завтра или послезавтра.

12 часов 18 минут ночи. В половине восьмого часа японцы начали снова обстреливать Перепелку, по направлению к центру началась усиленная ружейная стрельба; все это затихло к 8 часам.

С 8 часов 40 минут началась бомбардировка Старого города 120-миллиметровыми, 6- и 11-дюймовыми снарядами.

В 9 часов 25 минут ружейный огонь вновь усилился вдоль всего фронта, но вскоре опять затих.

Все это время японцы усиленно бомбардировали город. Это обычное явление после каждого отбитого штурма; японцы вымещают свою военную неудачу на мирных жителях.

Огонь по городу был ужасный; ежеминутно рвались кругом снаряды, при падении которых

земля вздрагивала. Осколки — эти противные куски рваного железа, чугуна и стали, уничтожающие по своему пути все живое, разрывающие тело, перебивающие кости, обращающие человеческое тело в какую-то кровавую массу, пробивающие даже каменные стены — жужжали, пели непрерывно в воздухе то целыми аккордами, то густым басом, то отдельными высокими нотами.

Всякий из нас сознает, что опасность велика — если 11-дюймовый снаряд попадет в каземат, он похоронит всех; надежда на то, что не попадет прямо, а немножко дальше или в сторону... [410]

VII. Последний период борьбы крепости

1. Штурмы Высокой горы

14/27 ноября

В 7 часов утра +6°, облачно, ветерок. Сегодня воскресенье, можно отдохнуть дома — нет надобности путешествовать в Новый город на занятия — с лишком три версты по дороге вдоль Мертвого угла. Дорога эта обстреливается и в других местах, по всему ее протяжению. Счастье уцелеть при этом заключается в том, если человек не на том месте, где падает и взрывается снаряд в самый момент падения и взрыва, то он, вернее всего, уцелеет, через момент то же самое место, где грозило ему смертью, становится вновь столь же безопасным, как остальное пространство. А так как пространства много и в осажденной крепости, а моменты бывают роковыми лишь в каком-нибудь месте, на сравнительно маленькой площади — этим легко объясняется то, что из среды мирных жителей пока убитых не много. И в прошлую ночь японцы лезли на горку между Большой и Малой Голубиными бухтами на крайнем левом фланге, но также отбиты.

Сообщают, что вчера, во время бомбардировки города японцы еще пытались завладеть Курганной [411] батареей; по другой версии будто они пытались занять Казачий плац. Четыре колонны, по батальону каждая, истреблены стрелками, пограничниками и матросами.

Вчера пали в бою капитан 2 ранга Бахметев, капитаны 16-го полка Кантиник и Берзе и прикомандированный к 16-му полку поручик Валуев. Говорят, что погиб и комендант укрепления № 3 штабс-капитан Шеметилло, очень хороший офицер. Ранен поручик артиллерист Федоров.

На Лаперовской горе (в тылу форта III и укрепления № 3) тяжело ранен командир батареи капитан Али-Ага Аликазак-оглы Шихлинский. Храбрый, как кавказцы вообще, он участвовал в боях на Кинчжоу, на Зеленых и Волчьих горах, в начале августа был со своей батареей на Высокой горе, а с 10 августа бессменно находился на Лаперовской, откуда обстреливал подступы к укреплениям, помогал отражать штурмовые колонны и боролся с неприятельской полевой артиллерией {240}.

Сообщают, что госпитали переполнены ранеными и что поэтому некоторым раненым пришлось пропутешествовать всю ночь из одного госпиталя в другой — нигде не принимают.

С 6 часов 40 минут утра японцы начали обстреливать Перепелку; до этого орудия грохотали только по позициям. И на левом фланге слышен гул орудий, среди которого особо выделяется рокотание ляотешанских батарей, устроенных высоко над уровнем моря.

Встретил двух знакомых, с которыми давно не видался; это теперь не редкость, весь город живет в данное время особой жизнью — каждый занят своим делом, пока возможно, отдыхает во время бомбардировок и когда спит; в парках давно уже не играет музыка и никто

там не гуляет, музыканты частью перебиты, ни клубов, ни вечеров в частных домах теперь нету. Встречаемся редко и только случайно.

Один из них, вспоминая адскую бомбардировку города прошлой ночью, говорит, что японцы, наверное, исполнят свое обещание — разрушат перед своим уходом город совершенно... [412]

— Ведь все еще не было одновременной бомбардировки города с суши и с моря {241}!..

Другой говорит, что при нынешних способах ведения войны «зловещей тишины» уже не полагается «по штату»; ныне ее заменяет «зловещий рокот, рев орудий».

Рассказывают разные эпизоды вчерашнего боя. Все восторгаются храбростью японских офицеров; они всегда впереди своих отрядов, которые не всегда охотно идут за ними — остаются в лощинах, в вымоинах, за офицером идет иногда лишь горсть людей. Они вчера многократно взбирались на брустверы, но их тотчас же сбрасывали назад. Один офицер вскочил на бруствер, лихо взмахнул шашкой, крикнул что-то вроде «за мной» и тотчас полетел обратно мертвым.

Никто пока не видел, чтобы японцы убрали с поля битвы своих раненых {242}.

Положим, и смотреть некому, во время штурма не до того. Кроме того, среди штурмующих всегда больше убитых, чем раненых.

3 часа 53 минут дня. Уже с полчаса японцы более усиленно обстреливают позиции от форта III до литеры Б.

Гул артиллерийского огня слышен и на левом фланге. [413]

4 часа 30 минут. Признаки готовящегося штурма: слышны ружейные залпы и татакание пулеметов, орудийный огонь иногда учащается, шрапнель рвется пучками. Сейчас центр огня между укреплением № 3 и Орлиным Гнездом — будто японцы собираются штурмовать форт III, Скалистый кряж, Заредутную батарею.

5 часов 40 минут. Огонь на позициях правого фланга то затихает, то вновь оживляется, но штурма как будто нет.

Получено известие, что японцы штурмуют с 4 часов дня Высокую гору на левом фланге. В том направлении все еще слышен сильный орудийный рокот. В направлении Китайского города и интендантских складов просвистело несколько снарядов. Город и гавань бомбардировали сегодня с 11 часов утра, часа полтора подряд, не особенно сильно.

5 часов 50 минут вечера. Ружейный огонь усилился и распространяется до батареи литеры А; самый частый около литеры Б. По направлению Куропаткинского люнета и форта II взвиваются боевые ракеты; японский прожектор направлен на форт III.

6 часов 12 минут. Ружейный и орудийный огонь на позициях правого фланга затих, ведется лишь оживленная перестрелка.

По направлению Высокой горы слышен рокот орудий и виднеются боевые ракеты.

15/28 ноября

В 7 часов утра — 2°, холодно, но солнечно, тихо.

И. говорит, что вчера японцы вовсе не наступали на наш правый фланг, а развили лишь демонстративный огонь, чтобы стянуть сюда наши резервы, тем временем они направили свои атаки на Высокую гору с особенной силой. Сегодня атаки там возобновились с самого утра.

С 7 часов начали стрелять наши крупные орудия.

Когда я шел в Новый город, то далеко впереди меня на дороге, сзади госпиталя № 10

(бывшей городской гостиницы) разорвался японский снаряд, должно быть перелетный. Больше не видал сегодня попаданий в город. Зато все наши позиции левого фланга сильно бомбардируются японцами. С Высокой горы так и не сходит дым от рвущихся на ней фугасных [414] снарядов, в том числе 11-дюймовых, и от рвущейся над ней шрапнели. Гул орудийных выстрелов сливается в бесконечный рокот. Наши батареи отвечают усиленно, стреляет и Ляотешань, и Суворовская батарея на Тигровке.

Сообщают, что японцы ведут наступление двумя дивизиями, а третья у них подтянута в резерв. 4 часа после обеда. По направлению Высокой и Плоской горы сильный ружейный огонь, и артиллерия не перестает громить эти вершины.

Ходил в магазин «Чурин и К°» за покупками, из этого магазина прекрасно видна вся Высокая гора как на ладони, но невооруженным глазом не видать там никакого движения. Говорят, что она более двух верст от Нового города.

Когда шел обратно на занятия, через голову пропел густым басом осколок — видно, с 11-дюймового снаряда, попавшего в так называемую Барбетную, или Саперную гору. Упал он где-то ниже, в городе.

Когда я шел домой, в Старый город, вдруг вой снаряда вблизи заставил меня инстинктивно оглянуться в ту сторону, откуда приближался этот противный вой. Выше меня, шагах в тридцати по параллельной тропинке 4 солдата несут тяжелораненого, пятый идет рядом с ними, как бы взятый на смену. В этот момент снаряд ударяется тут же за ними. Солдаты присели, казалось, что в следующий момент все эти 6 человек будут корчиться в предсмертных судорогах. Но нет — за ними поднялось огромное облако пыли и дыму, они встали и понесли раненого дальше. В это время посыпались на меня мелкие камешки — щебень. Пошел посмотреть, как это случилось, что и солдаты уцелели, и я остался невредим, когда по направлению полета снаряда, казалось, не было для нас спасения.

Оказалось, что снаряд попал тут же, за солдатами, за сложенный для постройки кубической полусаженью камень, в земле около камня воронка, а осколки, видно, все ушли в землю и в сложенный камень.

В Старом городе зашел ко мне врач Г.

Он ходил во время последнего штурма на правый наш фланг, по позициям, с И.П. Балашовым, который в это время [415] навещает перевязочные пункты {243}. Г. говорит, что если японцы также будут штурмовать и впредь, то не взять им Артура — уж больно много их убивают. Так, говорит, можно надеяться, что недели через 3–4 будем освобождены от осады.

Ходил в Красный Крест, там узнал, что убит поручик 5-го полка Глеб-Кошанский. Ранены капитан 13-го полка Высоцкий (шрапнельной пулей, зашедшей в легкие) и 14-го полка поручик Трофимов. Встретил там врача Свирелина, заведующего перевязочным пунктом № 2 (где-то около Залитерной горы). От него узнал, что 13-го числа через его пункт прошло 603 человека раненых. И перевязочный пункт не гарантирован от артиллерийского огня. Там убиты 6 лошадей, переранены 15 человек раненых, в том числе подполковник Даль в руку, ранены два санитары, снарядом сворочена труба.

Он говорит, что к японцам подошли лишь свежие войска и что слухи о том, что японцы собираются уходить — вздор.

Потери японцев за 13-е число он считает, минимум, в 5000 человек. Он очень хвалит усердную деятельность наших велосипедистов-санитаров.

При нем же получилось известие, что сегодня под Высокой горой ранен пулей велосипедист Любимцев.

13-го числа при первых атаках на Высокую гору будто бы пропал без вести инженер-механик флота Ознобишин. На литере Б убит мичман Соколов. В госпитале умер от ран лейтенант Дворжецкий-Богданович.

16/29 ноября

В 7 часов утра — 2,5° по Реомюру, небольшой северный ветерок, кажется, очень холодно.

Вчера не бомбардировали ни город, ни гавань.

Узнал, что 13-го числа вечером мичман Унковский с десантной полуротой с «Полтавы» прибыл на батарею литеры Б в то время, когда японцам удалось оттеснить стрелков, засесть в наш окоп и соорудить траверсы, он тотчас бросился в атаку, забросал сперва японцев ручными бомбочками, потом выбил остатки их штыками и будто захватил два неприятельских [416] пулемета, за что представлен к ордену Св. Георгия IV степени.

Замечательно то, что мало того, что у японцев много пулеметов, но каждый раз, лишь только им удастся занять какой-нибудь окоп, они устанавливают в нем свои пулеметы, и тогда уже очень трудно с ними бороться. Пулемет ужаснее целого отряда стрелков — сметает людей словно метлой. Если бы мичман Унковский не кинулся тотчас в атаку или же прибыл на полчаса позже на батарею, японцы успели бы устроиться с пулеметами, и тогда едва ли удалось бы выбить их из занятого окопа.

Утверждают, что у японцев с каждой наступающей ротой по крайней мере два пулемета. Этим они сильны.

Только сегодня узнал, что в ночь на воскресенье, во время небывалой бомбардировки города несколько снарядов попало в старую импань Красного Креста, в которой живут И.П. Балашов, его помощник мсье А.Л. Тардан и врачи; здание и имущество пострадало, но из людей никто.

Сообщают, что ночью японцы пытались овладеть фортом III, но отбиты. Все эти атаки на правый фланг имеют сейчас, вероятно, более демонстративный характер, пока серьезно штурмуют и бомбардируют Высокую гору.

Будто генерал Стессель приказал послать дружинников в окопы впереди форта IV, а генерал Смирнов воспротивился этому, так как он не видит от этого пользы — все же нельзя дружинников приравнять к солдатам, они могут в случае атаки растеряться и отступить; ведь это лишь любители-воины — и то по приказанию, а не по доброй воле. А так как генерал Стессель не слушает ни доводов, ни советов коменданта, то тот послал, как обыкновенно, генерала Кондратенко «уломать» упрямого в своих затеях начальника района — посоветовать ему послать лучше на позиции все госпитальные команды, а на место их распределить дружины по госпиталям, где они принесут несомненно много больше пользы, чем в строю.

Согласился. Уже написан приказ.

Когда я пошел в Новый город, то у бивуака 1-й дружины остановил меня дружинник, приказчик Х-н, отец большого семейства, которое осталось здесь же, в Артуре. Подошли еще и другие дружинники. [417]

— Благословите нас на смертный бой! — говорить Х-н, а сам бледен, еле сдерживает слезы. — Нам приказано отправиться.

Говорю, что приказ этот уже отменен и что их раскомандируют по госпиталям.

Не верят, говорят, что часть дружины уже ушла и, наверное, уже заняла окопы.

Уверяю их, что вернут и тех.

Рады, но все еще сомневаются.

Когда я пришел в Новый город, на Высокой горе не было видно рвущихся снарядов — будто

все тихо. Где-то редкий орудийный грохот.

Там сообщили мне слух, будто генерал Линевиц у Кинчжоу, и там уже второй день идет бой, а поэтому японцы полезли на нас здесь так отчаянно. Об этом рассказывают и на позициях; известие это будто принес китаец, который сказал, чтобы его арестовали, если не верят ему, а если окажется, что он лжет, то пусть отрубят ему голову...

По дороге встретил двух раненых с Высокой горы, которые говорят, что японцев отбросили ручными бомбочками и чем могли; гора за нами.

8 11 часов 15 минут зашел К-в и говорит, что японцы все еще обстреливают редким артиллерийским огнем Высокую гору, выводят этим много людей из строя, а при наступлении ничего не могут сделать.

9 часов 32 минут вечера. Японцы сегодня не стреляли ни по Новому, ни по Старому городу; в 3-м часу стреляли по гавани, но без успеха. Лишь под вечер они развили более сильный артиллерийский огонь по Высокой горе, но дым не окутывал ее так, как вчера.

Перепелочная батарея начала вечером стрелять; японцы послали по ее адресу лишь три шрапнели, которые рвались на большом недолете — над Казачьим плацем.

Вероятно, их орудия сосредоточены теперь против Высокой горы.

По дороге из Нового города встретил дружинника Гауса. Говорит, что дружины раскомандированы по госпиталям, он назначен в госпиталь № 10, где сравнительно лучшие порядки, [418] чем в прочих военных госпиталях {244}. Посланных на позиции вернули.

Ходил в Красный Крест. Там узнал, что прошлой ночью убит поручик 16-го полка Энкович. Умерли от ран зауряд-прапорщики Сакен и Попов.

В прошлую ночь японцы 8 раз атаковали Высокую гору, но отбиты.

За последние дни взорваны 18 фугасов; считают, что на каждом из них погибло 50–60 человек.

В глубокие воронки от 11-дюймовых снарядов наши саперы закладывают мины; японцы собираются во время наступления, при встрече их сильным огнем, в эти воронки-ямы, укрываются от пуль и противострелковых пушек и — гибнут там на фугасах.

Солдаты приносят с позиций своим раненым офицерам разные японские вещи — шашки, флажки из белой материи с красным кругом посередине, складные японские пилы, походные письменные приборы, печати и открытые письма. На этих письмах изображены преимущественно военные трофеи — пушки, взятые у Тюренчена и на Кинчжоу.

Ловкие рекламисты!

У нас, пожалуй, не сумели бы оценить такую рекламу в глазах мира и, чего доброго, не разрешили бы продавать и рассылать такие открытки, опасаясь чего-то непонятного, как это нередко бывает.

Мне передали рассказ, сообщенный с позиции, достоверность которого оставляю под некоторым сомнением. Во время последних боев один наш офицер догоняет убегающего японца и занес уже руку, что бы его зарубить, как тот бросает ружье, заплакал и что-то закричал по-японски, что называется благим матом, наверно просил о пощаде. Взяли в плен. Оказался мальчиком лет 14–15.

Бывший при этом стрелок, знающий пару слов по-японски, торжественно объяснял товарищам, что японец крикнул офицеру: «Дяденька, не убивай! Никогда больше не буду!». [419]

Раненый на Куропаткинском люнете поручик Ховрин рассказывал, со слов капитана В-нова с левого фланга, что до последних штурмов японские войска объезжал кто-то, увешенный

орденами и сопровождаемый большой свитой. Подъезжал будто даже к окопам (удивляются, почему наши батареи не стреляли по нему шрапнелью). Полагают, что это тот принц, который, по словам китайцев, приехал удостовериться, почему нельзя взять Порт-Артур. Он будто наблюдает за ведением настоящих штурмов. Подпоручик Корсаков ранен вторично, на этот раз в лоб, над глазом, но легко.

Сегодня в Красном Кресте японская пуля пробила окно и отщепила у деревянной дощечки бювара край. Следовательно, тоже могла убить человека наповал.

На позициях правого фланга редкая перестрелка.

17/30 ноября

В 7 часов утра — 3°, ночью было 4° холода. Небо ясное.

С седьмого часа утра слышен сильный орудийный рокот по направлению Высокой горы.

Все эти ночи японцы атакуют и горку у Голубиной бухты, но пока без успеха, а лишь с большими потерями для них.

Вчера на Высокой горе убит прапорщик запаса флота Дейчман, имевший уже золотой Георгиевский крест (IV степени).

Наши суда и Перепелочная батарея стреляют.

2 часа дня. Когда я шел в Новый город, Высокая гора и форт V постоянно укутывались дымом от рвущихся на них снарядов, на прочих вершинах взрывались отдельные бомбы, потом орудийный огонь стал реже, и стал слышен штурмовой ружейный и пулеметный огонь.

До сей поры идет бой в направлении Высокой горы. Везут массу раненых. Сообщают, что левее горы, в долине, куда японцы двинулись в обход, три раза сходились в штыки. Японцы не устояли, хотя налегали большими силами. Видно, что этим способом они не могут меряться с нашими войсками — на нашей стороне больше физической силы и роста.

Вспоминаются слова подпоручика Кальнина:

— Нас, артиллеристов, быть может, перебьют до единого. Но пока у нас будут штыки в окопах, японцам не взять Артура! [420]

Хотелось, чтобы последнее исполнилось на деле. Эта мысль ободряет в то время, когда там, почти на виду, идет непрерывный отчаянный бой, когда сознаешь, что наших сил горсть в сравнении с японцами, получающими все новые и новые подкрепления. Сообщают, что передние окопы переходят из рук в руки, японцы лезут большими массами. Орудийный огонь стал реже, но ружейный не затихает.

8 часов 10 минут вечера. Под вечер бой постепенно затих. Сообщали, что японцы всюду отброшены. Когда я возвращался из Нового города, то уже не видал, чтобы несли раненых.

Стреляли наши суда и батареи левого фланга по направлению Высокой горы.

Около моста у Соборной горы встретил отряд матросов во главе с мичманом. Это резерв, подтягиваемый к Высокой горе.

По направлению форта III редкая перестрелка.

Дорогой встретил К., который только что был в штабе. Поделится новостями. Сегодня на Высокой горе сильно контужен в голову и в грудь командир 5-го полка полковник Третьяков, начальник боевого участка; остался в строю. Ему советовали уйти с горы.

— Там, где умирает мой полк, там должен умереть и я! — сказал он совершенно спокойно и остался. Из его полка уцелело очень мало людей.

На правом фланге сегодня контужен генерал-майор Горбатовский, начальник Северо-Восточного фронта. Также остался в строю.

К форту III будто двигаются отряды японской пехоты. Могут начаться и тут новые атаки.

Китаец будто сообщил, что сам генерал Линевиц у Кинчжоу; гора Самсон уже в руках русских.

Вчера должна была уйти джонка с донесениями в Чифу.

Сегодня японцы не бомбардировали ни гавань, ни город; зато они из своих 11-дюймовых мортир, стоящих против нашего правого фланга, стреляют по направлению к Высокой горе, вернее, по другим укреплениям нашего левого фланга.

Весь вечер слышен на левом фланге сильный ружейный огонь. [421]

18 ноября

(1 декабря). В 7 часов утра +3°, южный ветер, солнечно.

На правом фланге ночь прошла спокойно. На левом фланге канонада и ружейный огонь. В восьмом часу начали раздаваться за Перепелкой характерные «крахи» — на ближайших батареях левого фланга рвутся неприятельские снаряды.

П. сообщил слухи, идущие из штаба района: Самсон на самом деле взят уже русскими войсками, к нам на выручку идут генерал Церпицкий с казаками и отряд Линевица, вчера японцы пускали в ход последние свои резервы (?!).

По дороге в Новый город встретил старика — газетного разносчика. Спрашивает, правда ли, что Самсон в руках наших? Говорю, что слышал об этом вчера и сегодня — должно быть это правда. Крестится: «Слава Богу, слава Богу!».

Спрашиваю, не слыхал ли, как дела наши на левом фланге? И там ничего не взяли — слава Богу!..

Далее встречаю поручика В.

— Ну как? Устоим?

— Кажется, — говорит, — что помаленьку начинаем уже терять Высокую гору...

Это покорило меня. Нет, думаю, неправда! В. смотрит всегда на дело пессимистически.

Иду дальше. Около госпиталя № 10 догнал жандарма, конвоирующего китайцев-рабочих на уборку трупов. Спрашиваю, правда ли, что уже отдаем Высокую?

— И не думали еще отдавать что-либо!..

Дальше встречаю матроса, идущего со стороны Высокой горы, задаю тот же вопрос. Ничуть не бывало! Слава Богу, стало полегче, уже так не напирают, не лезут — дали оправиться. Сейчас там только перестрелка. Они, подлецы, иногда как заорут в своих окопах «ура», чтобы наши выскочили, а сами не идут. Ну, понятно, нас не надует! И ничего не выходит... Стреляют себе теперь по горе 11-дюймовыми.

Зашел Л. и сообщает, что его вчера штабс-капитан К-в напугал тем, что Высокая гора уже взята японцами.

Позднее сообщили мне другие, что вчера были на Высокой горе минуты в высокой степени критические. Японцы неоднократно занимали было уже левую вершину горы, но их вновь [422] отбрасывали отчаянными контратаками. При этом отличились поручик 5-го полка Васильев и инженер-механик флота Лосев, заменивший тяжелораненого командира десантной роты с «Севастополя»; Лосев затем, во время вылазки, тяжело ранен осколком 11-дюймовой бомбы.

Вчера умер в госпитале зауряд-прапорщик 15-го полка Савилов, раненый 16-го числа на Высокой горе тремя шрапнельными пулями, пронизавшими ему насквозь живот и грудь.

Б. говорит, что нижний окоп Высокой горы занят японцами; но там они довольно безопасны.

10 часов вечера. На обратном пути из Нового города меня догнали фельдшер 15-го полка и матрос, идущие с Высокой горы.

Рассказывают, как японцы идут на верную смерть — надвинут шапки на лоб и прут себе вперед, пока их не убьют. По их мнению, за эти дни уложили до 15 тысяч японцев под одной Высокой горой. Сейчас будто около 3 полков японцев продвигаются к нашему правому флангу — вероятно, на отдых. На Высокой горе идет сейчас редкая перестрелка.

Сегодня убит там поручик 15-го полка Антонов.

Фельдшер говорит, что у нас за эти дни одних раненых свыше 2 тысяч человек; сколько убитых — не знает.

Вчера генерал Смирнов был целый день у самой Высокой горы и собственноручно награждал более отличившихся Георгиевскими крестами.

Сегодня днем японцы не бомбардировали ни город, ни гавань; лишь вечером начали посылать нам свои 11-дюймовые подарки — прямо по Старому городу, по району Военной горы. Рвались они довольно близко; по крышам стучали иногда камни и, быть может, осколки. В каземат набралось много народу. Одна дама прибежала в слезах от испуга; вблизи ее дома ударился 11-дюймовый снаряд с такой силой, что у ней не только вылетели все окна, но даже обсыпались и потрескались стены.

Стреляли через большие промежутки и вскоре перестали.

19 ноября (2 декабря)

В 7 часов утра +4°, тихо, солнечно.

Вчера в 4 часа после обеда, в Минном городке на Тигровке, в лаборатории, где изготовляли ручные бомбочки, произошел взрыв, убиты 6 минеров. [423]

Прошлой ночью человек 80 из гарнизона форта III сделали вылазку на ближайший японский окоп; нашли там всего около 20 японцев, вышибли их и засыпали окоп. По уверениям солдат, в японских окопах — новобранцы, которые и стрелять-то не умеют, а все палят в белый свет как в копейку...

— Должно быть, так им приказано.

Сегодня опять сообщают, что японцы оттягиваются к правому флангу и надо ожидать там штурма; по другой версии они уходят за Дагушань, к Лунвантаню и Сяобиндао — на отдых.

По дороге в Новый город обогнал меня комендант крепости генерал Смирнов, проскакавший на левый фланг.

С тех пор, как на левом фланге идут штурмы и бомбардировка укреплений, не видал, чтобы туда проезжал генерал Стес-сель. Он ездил туда в то время, когда японцы штурмовали правый фланг.

На позициях всюду небывалая тишина. Встречаю велосипедистов. В Артур ли мы, спрашивают они с сияющими лицами. Такая тишина! Едут сдавать велосипедные рамы-носилки, так как раненых нет. Говорят, что ротмистр Познанский сказал кому-то, что Кинчжоу уже взят казаками-бурятами (забайкальцами), сюда будто проскочили 15 казаков-бурят, переодетых в японскую форму, японцы будто очистили Высокую и Плоскую горы...

Обрадовался и я.

Дальше встречаю матроса. Говорит, что японцы и не думали отступать от Высокой горы, укрепились в занятых ими окопах. Возможно, что излишние силы отошли на отдых или заменены свежими.

Преждевременная радость рассеяна.

Около магазина «Кунст и Альбере» встретил мичмана М.; он надел палаш, чтобы показать полученный недавно английский темляк — «клюкву», как его обыкновенно называют офицеры. Говорит, что отступившие полки неприятеля заменены уже свежими. Он сейчас из штаба 4-й дивизии — должно быть, знает.

10 часов 42 минуты утра. Начинается канонада. Н. Н. говорит, что это стреляют мортиры капитана Моллера.

12 часов дня. Японцы бомбардируют гавань и Перепелочную набережную. Около Мертвого угла убило снарядом лошадь, запряженную в двуколку, солдата ранило. [424]

Подполковник Шишко (комендант города) сообщил, будто на днях на Высокой горе, когда наши стрелки дрогнули и начали отступать, полковник Третьяков крикнул им:

— Братцы! Я не отступаю. Неужели вы бросите меня, старика, здесь?

Стрелки вернулись, отбросили неприятеля и остались в своем окопе.

6 часов вечера. С 5 часов японцы начали вновь обстреливать Высокую гору 11-дюймовыми снарядами.

Когда я возвращался из Нового города, по направлению к Высокой горе прошла рота стрелков.

После одного выстрела с Моллеровской мортирной (9-дюймовой) батареи (на Обелисковой горе) снаряд поднялся ввысь с таким своеобразным визгом, будто завизжала целая свора щенят, или будто вдали завывала стая волков, как это слышно в Сибири в ясную морозную ночь около Рождества. Если бы не характерный столб дыма над мортирой, не знал бы, что это за шум. Разное состояние атмосферы и направление ветра в ее слоях придают полету снарядов всевозможные звуковые оттенки.

По дороге догнал я усталого матроса с Высокой горы. Он был несколько дней подряд там и участвовал в штыковых боях. Я попросил его рассказать мне по душе первые его впечатления в штыковой схватке.

— Как вам сказать, чтобы не соврать... Сидим себе в окопе и наблюдаем; голова ни о чем не думает. Рвущиеся кругом снаряды и осколки не дают думать, да что и думать — разве мало было времени передумать все, что есть на душе. Тут перед тобой один конец. Полезли японцы — знай отстреливайся, пока тебя не убили. Но вот полезли они как ошалелые. Думаю, придется побороться, попробовать силу; но вышло совсем не так. Лезет он на меня и хочет ткнуть меня своим штыком-тесаком; я отшиб его штык в сторону и ткнул его сам. Он и упал. Сперва я не сообразил, отчего он упал, а когда со вторым и третьим то же самое случилось, тогда я понял, что штык проходит в тело, как в кашу — и не слышишь. Они (т. е. японцы) не могут дать нам на штыках никакого сопротивления... А так-то нашему брату-матросу там труднее, чем стрелку, приходится сидеть там [425] почти без пищи, потому, что самому сходить поесть некогда, а когда принесут нам туда пищу, она уже остывшая. Солдат же во время сражения лучше кормят — и пища у них горячая, и консервы раздают...

2. Мирные встречи

Зашел А.Д. Горловский; он досадует, что не был свидетелем интересной сцены, которая происходила на нашем правом фланге. Там сегодня японцы выкинули из окопа белый флаг, предлагая переговоры; наши согласились и подняли такой же флаг. Тогда выскочили из окопов с той и другой стороны парламентареры. Японцы просили дать им убрать свои трупы с известного пространства. Наше начальство согласилось на это. Тогда явились человек 50 японских солдат и стали убирать трупы и куски тела, разбросанные взрывами бомбочек. Наши солдаты оттаскивали им трупы от наших окопов и подносили даже до японских

окопов.

Встреча не имела и тени враждебности — все здоровались как старые знакомые, давно не видавшиеся. Было условлено, что можно убирать только трупы; оружие и невзорвавшиеся бомбочки должны остаться на спорной территории. Некоторые наши солдаты, усердно помогая японцам, все-таки притащили к себе в окоп по несколько невзорвавшихся бомбочек и даже великолепную японскую офицерскую шашку.

Японцы вели себя в высшей степени корректно и не расспрашивали ни о чем. Говорили, что и им надоело воевать {245}.

После него зашел С. и принес несколько приказов генерала Стесселя. Привожу характерные. [426]

«№ 863 [17 ноября). Смотритель Полевого Запасного № 11-го госпиталя Губернский Секретарь Коробков — отрешается мною за полное бездействие от занимаемой им должности; а назначается Смотрителем такого важного госпиталя бывшие Полицмейстер г. Дальнего, Коллежский Ассессор Меньшов; полагаю, что он оправдает мое доверие, на него возложенное, и приведет все в полный порядок, дабы больные не умирали там от недостатка всего по бездействию власти».

«№ 865 (19 ноября — экстренно). Сейчас вернулся от Полковника Ирмана. Высокая вся наша! Ура Вам, герои! Помолимся Богу, Вы сделали невозможное, которое оказалось возможным только для таких героев, как Вы; начиная с 7-го числа сего месяца по 19, т. е. в продолжении 12 суток, от Лит. А, на Лит. Б, Куропаткинский люнет, форт № 2, Китайскую стенку, форт № 3, Вр. Укрепление № 3, Курганную батарею, Полуншан и кончая Высокой и позицией на Голубиной бухте, т. е. от моря до моря, противник посылал и посылал свои войска на штурмы; шли они и дни и ночи, шли, не жалея себя; ложились они под Вашими ударами массаами, но Вы не дали им пяди земли. Что было у нас до 7, то и осталось после 18-го. Осмеливаюсь от имени Государя Императора, как его Генерал-Адъютант, объявить Вам благодарность Его Императорского Величества. Вы порадовали Батюшку Царя, Да Здравствует Наш Отец. Ура».

«№ 867. Брандмейстер пожарной команды Вейканен укрывал у себя бывшего корреспондента Ножина вопреки приказу Коменданта Крепости 1903 года за № 34; давал для поездок Ножина по городу пожарных лошадей, за что: 1] отрешается от должности; 2) предписываю Полицмейстеру привлечь его к суду за неисполнение приказа и 3) за незаконное пользование казенными лошадьми».

«№871.12-го В. С. Стрелкового полка стрелок Ефим Про-визион, получив приказание явиться ко мне, не исполнил сего, сказав, что болен и идти не может и явился только по второму требованию. За подобное поведение вышеупомянутый стрелок переводится в разряд штрафованных».

По поводу приказа № 865 кто-то из наших собеседников высказал сомнение — был ли генерал Стессель на самом деле у [427] полковника Ирмана, штаб которого находится у подножия Высокой горы? Говорят, что был. Объясняют это тем, что генерал Смирнов ездит к Высокой горе, а генерал Стессель не хочет дать коменданту в чем-нибудь какое-нибудь преимущество. Чуть ли не на заре, когда стрельба прекращается, он прискакал к штабу полковника Ирмана и будто не слез еще с лошади, как вблизи упал, но не разорвался неприятельский И-дюймовый снаряд. Оглянулся — и был таков {246}.

Приказ о брандмейстере Вейканене возмущает всех. Никто еще не забыл, как генерал Стессель угощал иностранцев-корреспондентов, прибытие которых в Артур оставляло за собой основательные подозрения. А тут такие гонения на русского корреспондента и даже на человека, осмелившегося приютить этого корреспондента! Чем можно оправдать такие поступки? Если даже допустить, что корреспондент Ножин освещал многие события в своих

корреспонденциях односторонне, возвеличил подвиги одних и умалил этим подвиги других частей и отдельных лиц, то это нужно приписать или его неопытности, или влиянию тех из участников сражений, со слов которых он описывал эти события. Такие ошибки всегда возможны, тем паче что и среди самых участников боя возникали споры о лаврах и о причинах неудач. Эти споры грозили одно время разразиться в нескончаемой полемике на страницах «Нового края», которую прекратило высшее начальство, находя ее неуместной и недисциплинарной.

В таких ошибках не следует искать чего-либо злонамеренного, особенно после того, как стало известным, что некоторые господа офицеры намеренно извращали факты и сами рассказывали небылицы, чтобы посмеяться над попавшим впросак корреспондентом. Если не все было так, как следовало быть, то в этом меньше всего виноват корреспондент, введенный в заблуждение в мелочах. Факты остались фактами, и последствия их видны и теперь.

Начальник Квантунского укрепленного района приказал объявить: [428]

«№ 78(19 ноября). Главный врач запасного госпиталя № 9 Коллежский Советник Крживец ввиду недостатка перевязочного материала с большим успехом взамен гигроскопической ваты применяет подушечки из стерильной морской травы, им приготовляемые. Способ приготовления такой: отборная морская трава моется и вываривается в мыльной воде, затем высушивается; мелко изрезанная трава (это обязательно) набивается в мешочки из марли или, за неимением ее, из ветоши разной величины, простегивается в виде матраца и поступает в стерилизатор, а потом для перевязки. Раны сильно гноящиеся лучше перевязывать влажными мешочками, смочив их борным или другим антисептическим раствором. Для подкладки в шины стерильную траву можно брать как она есть, а чтобы не колола нежных частей тела, на последние накладывать куски ветоши.

Корпусный хирург Статский Советник Гюббенет ввиду недостатка перевязочного материала одобрил предлагаемые Коллежским Советником Крживцем подушечки из морской травы, как суррогат перевязочной ваты и лигнина.

Начальник укрепленного района приказал изготовлять в госпиталях предлагаемые Коллежским Советником Крживцем подушечки из морской травы для перевязки раненых, равно как щипанную паклю из осмоленного каната, который можно достать у торговцев.

Образцы подушечек из морской травы в старом городе можно видеть в Штабе района у Корпусного Врача 3-го Сибирского армейского корпуса. Подписал: Начальник штаба полковник Рейс».

Ходил в госпиталь навещать раненых друзей. Там говорят, что и адмирал Григорович получил известие через китайцев, что наши войска у Кинчжоу и что в Дальний пришли 6 пустых японских транспортов, якобы для перевозки войск в Корею.

Прошлой ночью и сегодня японцы будто производили лишь небольшие наступления на Высокую гору отрядами человек в 50; они, должно быть, заметили, что наши резервы оттянулись.

20 ноября (3 декабря)

В 7 часов утра — 0,5° по Реомюру, небо заволакивает тучами, и, кажется, будто стало теплее. [429]

Около 6 часов утра обычный утренний грохот орудий.

С 7 часов наши суда стреляют на левый фланг, по направлению Высокой горы, по расположению японцев. Меня, когда я шел в Новый город, оглушали эти выстрелы из 12- и 10-дюймовых орудий.

Оказывается, что вчера под вечер японцы обстреляли 11-дюймовыми снарядами

артиллерийские казармы за Новым городом; они предполагали, что там сосредоточены наши резервы.

Встретил Бориса Степановича Белецкого. Он говорит, что и сегодня предстоит уборка японских трупов на правом фланге. Он ездил опять к Голубиной бухте закупать продукты; говорит, что ему везет — все что-нибудь да купит.

Китайцы, переехавшие на время осады к Ляотешаню, очень довольны гибелью японского броненосца береговой обороны «Сайен» (бывшего китайского), рассказывают и хохочут.

— Наша{247} пали, пали. Ипэнска палоллод (показывают руками, как он опрокинулся) — турун, турун, турун!.. Совсем ломай — мею!..

Китайцы говорят это, конечно, не из особых к нам симпатий, но они не предвидят ничего хорошего и в случае, если японцы бы взяли Артур. И им надоела война хуже нашего, они страдают тут совсем из-за чужих интересов, война эта для них буквально «в чужом пиру похмелье». Едва ли кому придет в голову вознаградить их за то разорение и за те убытки, которые они несут. Они — народ в высшей степени покорный судьбе — не ропщут; тем более они имеют неоспоримое право на вознаграждение.

Б. С. рассказал, что во время последних ночных боев один раненый в голову стрелок, не будучи в силах разобраться, в чем суть и куда он идет, залез в японский окоп и сел. Но когда он почувствовался и услышал вокруг себя японский говор, то выбрался опять благополучно из окопа, доплелся до своих, а потом и до перевязочного пункта.

Там доктор спрашивает его, страшно ли было ему, когда убедился, что попал к японцам? [430]

— Так что, ваше высокоблагородие, не то что страшно было, а смешным показалось, чуть не захохотал...

Сегодня 8 японских судов прошли по горизонту к западу.

Слух, будто японцы тронулись назад с левого фланга, оттягиваются.

С 10 часов 30 минут флаги на Золотой горе — значит, идет бомбардировка гавани и Старого города. З. сообщает, что одним снарядом около Мертвого угла сбросило с ног двух человек, должно быть убило; не видел, чтобы встали.

Сообщают, что на Высокой горе ранен (сперва говорили, что убит) полковник Третьяков, будто командовавший сегодня там взводом своих стрелков; он ранен не опасно.

На днях убиты: поручик 16-го полка Энкович (на правом фланге) и штабс-капитан 26-го полка Здановский.

Наши судовые орудия большого калибра сильно помогают обороне. «Ретвизан» обстрелял сегодня удачно японские окопы, и потом все суда обстреливали японские 11-дюймовые батареи. Поэтому они начали бомбардировку гавани.

Во время занятия зашел к нам А. И. и говорил, что генерал Стессель намеревался расформировать гражданское и городское управления — затребовал именные списки служащих этих учреждений, надеясь, наверно, что там десятки чиновников. Но когда оказалось, что в городском управлении всего 2, а в гражданском управлении, вместе с воинским присутствием, всего 3 человека, то, вероятно, мысль эту бросили.

А расформируй он эти учреждения, говорит А. И., в жизни города могло возникнуть много замешательства.

Он будто предлагал переименовать дружинников из госпитальной прислуги в «добровольных братьев милосердия», чтобы этим дать некоторое нравственное удовлетворение людям, несущим эту тяжелую службу, смягчить обиду за то, что всюду их понукают приказами —

так, приказали им вступить в вольные дружины, когда на самом деле люди сделали бы это охотнее по доброй воле. Разумеется, его предложение отклонили.

Ему стоило массу хлопот исходатайствовать у генерала Церпицкого, заведующего санитарной частью, чтобы оставили одного человека-европейца для присмотра за городской столовой. Нужно ежедневно кормить массу людей, а за китайцами [431] присмотреть некому. Китайцы-повара народ избалованный, надеяться на них нельзя.

Когда вечером возвращался из Нового города, встретил артиллериста-подпоручика Кальнина. Он совсем оправился от ран, глядит опять молодцом. В последнее время он командовал тремя разнородными и разнокалиберными орудиями (мортирой, 6-дюймовой пушкой и скорострельной полевой), очень удачно установленными в одной из ложин впереди форта IV. Все время удачно бил японцев во фланг и в тыл, а его батарея осталась неуязвимой, особенно пришлось его орудиям поработать 13 ноября, когда японцы лезли густыми колоннами на укрепления нашего правого фланга, когда они 4 или 5 раз наседали на Курганную батарею. Это, говорит, был не бой, а истребление людей. Тогда японцы, несмотря на огромные потери, без малого было завладели Курганной, лишь подоспевшие матросы с «Полтавы» опрокинули их окончательно.

Сейчас он отправляется по приказанию полковника Ирмана с одной 6-дюймовой пушкой к Голубиной бухте, чтобы за ночь доставить и установить эту пушку, а с рассвета начать обстрел японцев под Высокой горой — с тыла.

По его мнению, сейчас становится очень трудным удержать эту гору в наших руках, гарнизон ее несет страшную убыль от артиллерийского огня, а японцы, видимо, подтянули свежие силы.

На мой вопрос, что повлечет за собой падение Высокой горы для общего хода обороны крепости, он высказался, что Высокая гора нужна японцам только как наблюдательный пункт, при помощи которого можно будет руководить стрельбой по судам в гавани и по видимой части города до мельчайших подробностей; отдать Высокую гору — значит предоставить японцам уничтожить наши суда и разрушить всю видимую часть города, если японцы этого пожелают. Атак, говорит, падение Высокой не имеет особого значения на ход обороны. Другое дело, если бы японцы завладели ею во время августовских штурмов, тогда бы вся сила японских атак обрушилась на более слабый наш левый фланг, и крепость могла бы не устоять.

На вопрос, как он чувствовал себя во время октябрьских штурмов на форту III, он говорил, что эти штурмы ужасно [432] действовали на нервы потому, что ему пришлось с револьвером в руках удерживать стрелков от отступления из окопа — за отсутствием стрелковых офицеров. Говорит, что комендант форта капитан Б., прекрасный человек в мирное время, а во время штурма растерялся окончательно [248]. Эта беспомощность в критическую минуту, говорит, угнетает сильнее всего. Солдаты без офицеров поддаются иногда панике и тогда, когда опасность невелика.

Вечер звездный, тихий, на позициях обычная редкая перестрелка.

В.Н. Никольский рассказал мне, как ловко японцы организовали сигнализацию при помощи китайцев во время бомбардировки порта. Три китайца недалеко друг от друга собирают устрицы и прочие раковины на Тигровом хвосте — занимаются обыкновенным невинным делом. Но после каждого попадания японского снаряда в порт — если недолет, то один, а если перелет, то другой подходит к среднему китайцу. В тоже время под Золотой горой, у Артиллерийского городка, откуда не видно попадания снарядов, три других китайца повторяют точь-в-точь тот же маневр, как те, что на Тигровом хвосте. Нескоро заметили этот маневр, повторявшийся во время каждой бомбардировки. Объясняется это дело так: три китайца на Тигровке наблюдают за падением снарядов и показывают своими передвижениями перелет или недолет, т. е. корректируют стрельбу, но их не видно с

расположения японцев. Поэтому другие три китайца, которые сами не могут видеть падения снарядов, но которых видно при помощи подзорной трубы со стороны Панлуншаня или другого пункта расположения японцев, повторяют тот же маневр, и японцы тотчас же знают, как направить следующий выстрел. Замечательно остроумный и незаметный способ передачи сигналов{249}. [433]

В другой раз один китаец передает эти же сигналы так: с одной стороны ставит он ведро, выкрашенное в красный цвет, а с другой — свою курму (синюю куртку); в случае, например, недолета, он подходит к ведру, а в случае перелета — к своей курме. В ожидании следующего выстрела он что-то собирает, чем-то занят, так что его поведение отнюдь не бросается в глаза. Все вариации такой сигнализации трудно подметить, их может быть множество.

Японцы, имея всюду своих обученных и очень аккуратных сигнальщиков, прекрасно осведомлены о том, что делается у нас, а мы не знаем ровно ничего о том, что делается у них{250}.

Несколько приказов генерала Стесселя.

«№ 873 (20 ноября). Священники 5-го В. С. Стрелкового полка отец Василий Слюнин. 27-го В. С. Стрелкового полка О. Антоний Мшанецкий, эскадренного броненосца «Победа» иеромонах О. Никодим и крейсера 1-го ранга «Баян» О. Анатолий Куньефт — 18 и 19-го сего ноября во время боя на Высокой и Плоской служили в редутах и окопах молебны, обходили войска, кропили их Святой водой и давали прикладываться ко Кресту. Своим появлением и своими действиями они утроили дух гарнизона. — Моя слабая благодарность и испрошение наград, разумеется, может только быть слабым воздаянием сим достойнейшим Пастырям — Бог Всемогущий Один может наградить достойных Священнослужителей».

«№ 874. Зауряд-Прапорщик 5-го В. С. Стрелкового полка Александр Агапов за мужество и храбрость, которые он проявлял, начиная с Цыньжоуского боя, и участвуя в боях по сие время с отменной отвагой, награждается мною Знаком Отличия Военного Ордена 1-й степени».

«№ 875. Уборку японцами их убитых и раненых производить не иначе, как всякий раз с моего разрешения, для этого должно быть официально установлено перемирие между обеими воюющими сторонами и на известное определенное время, иначе они имеют возможность переводить войска на другие фронты. Если они будут просить — сейчас же мне докладывать». [434]

«№ 878. На Высокой у нас потери от полного разрушения 11-дюймовыми бомбами закрытий. Прошу инженеров измыслить устройство закрытия, которые бы могли быть сделаны немедленно, хотя бы обрубить наклонно участки горы, чтобы можно было затаиться за этой наклонной стенкой».

Не трудно, конечно, написать такой приказ, но, спрашивается, как его исполнить? Мне говорят, что когда комендант или генерал Кондратенко было распорядились заблаговременно укрепить получше Высокую гору, то этому воспротивился генерал Стессель.

Теперь же он требует «обрубить наклонно участки горы» — будто стоит лишь захотеть этого, и оно уже будет готово.

И этот приказ, кажется, опоздал.

21 ноября (4 декабря)

В 7 часов утра — 2,5°, который уж день иней, так называемые утренние заморозки. День обещает быть хорошим.

На заре орудийный грохот, более на левом фланге. Наши суда стреляют тоже на левый фланг.

В 8 часов 50 минут с музыкой провезли хоронить тело поручика 7-го артиллерийского дивизиона Соколовского, убитого 19-го числа.

Сегодня воскресенье; не нужно идти в Новый город на службу, можно отдохнуть.

Все делается у нас не так, как бы следовало. Гаолян остался нескошенным, зато мы вырубili насаждения у велосипедного трека — у северного подножья Перепелки и вокруг арсенала, где они никому не вредили, а скорее могли принести некоторую пользу. Оказывается, что по приказанию генерала Стесселя вырублен весь питомник — сотни тысяч молодых деревьев, когда и там неприятеля нет вблизи{251}.

Интересно бы услышать по этому вопросу мнение специалистов военного дела. Помнится, что прикрытие растительностью укреплений и окопов считается весьма желательным. А у нас получилось наоборот: то, чем японцы могли воспользоваться [435] как прикрытием (гаолян), мы оставили, а то, что прикрывало нас, вырублено дочиста. Думается, что и в военном деле никогда не мешает посоветоваться с простым здравым смыслом.

3. Последние дни Высокой горы

10 часов 18 минут вечера. На левом фланге вновь оживляется орудийный огонь и слышна ружейная залповая стрельба.

Ходил в Красный Крест.

Там передавали мне, со слов статского советника Р., что за последние дни у нас убитых около 2, а раненых около 7 тысяч человек. В госпиталях будто сейчас 11 тысяч человек.

Л. С. Б-в острит по обыкновению едко о настоящем нашем положении. Он говорит, что зло могло быть еще большим, если бы, например, начальником укрепленного района был не генерал Стессель, а Фок. Нельзя себе представить, говорит он, что бы тогда можно было бы считать невозможным!..

Этот генерал навестил сегодня раненых офицеров и высказал, между прочим, что все русские — идиоты, а он, слава Богу, не русский! В Петербурге пишут только уставы, а он, Фок, слава Богу, никогда еще не написал никакого устава... И так далее, в том же духе.

Японцы штурмовали Высокую гору в последние дни 24 раза! И наши войска отбили эти 24 штурма! Число внушительное. Человеку, не бывавшему на войне, трудно себе представить, что это за титаническая борьба.

С. З. говорит, что японцы выказали себя просто небывалыми героями: столько раз идти на штурм без успеха, а главное, идти по грудам трупов — это просто небывалое! Мы, дескать, штурмовали Плевну три раза и бросили штурмовать, предпочитая выморить турок голодом.

11 часов 12 минут вечера. На левом фланге все еще слышен оживленный ружейный огонь; на правом почти совсем тихо.

22 ноября (5 декабря)

В 7 часов утра — 2,6° по Реомюру, тихо, ясно.

Почти всю ночь был слышен редкий грохот пушек на левом фланге. [436]

С восьмого часа наши суда усердно стреляют на левый фланг; там артиллерийская стрельба усилилась.

Ровно в 9 часов утра, когда я только что прошел Мертвый угол и мост в Новый город, японцы начали обстрел дороги и судов.

Когда я дошел до госпиталя № 10, откуда видна Высокая гора и прочие укрепления левого фланга, то увидел, что все они дымятся от рвущихся на них неприятельских снарядов и от собственных выстрелов.

Рокот орудий и рев снарядов сегодня ужасен, то все словно варится и клоочет в исполинском котле, то залпы громовыми раскатами отдаются в скалах Тигровки и Ляотешаня и повторяются как бы отдаленным эхо. Порой казалось мне, что и на море, на юге, идет бой; это же утверждали и другие. Позднее сообщали, что японские канонерки стреляют из бухты Луизы по Высокой горе.

11 часов. По направлению Высокой горы слышен штурмовой ружейный огонь; орудийный огонь стал реже. П. А. виделся с командиром порта. Тот рассказывал ему, что японский броненосец (бывший китайский) «Чин-Иен», который все держится вблизи острова Кеба, стрелял из крупных орудий по направлению Дальнего, а затем открыл с бортов беглый огонь. Сообщавшие об этом ему матросы предполагают, что наша Балтийская эскадра должна вскоре прибыть.

Кроме этого, он сказал П. А-чу особенно таинственно, что 27-го числа все будет кончено. А что и как, это он скажет лишь накануне. Говорит, очень весело настроен.

Но из всего этого ничего не можем понять.

11 часов 15 минут. Японцы усиленно обстреливают Перепелочную батарею 11-дюймовыми снарядами. Тем не менее, батарея посылает им в ответ снаряд за снарядом. Все восхищаются молодцеватостью лейтенанта Сухомлина, который находится там безотлучно. Его супруга тоже там; она перевязывает раненых, ухаживает за ними и больными до тех пор, пока представится возможность отправить их в госпиталь. Сообщение Перепелочной батареи с городом возможно лишь по ночам. В это время доставляются туда снаряды, питьевая вода, припасы и все необходимое. [437]

2 часа 20 минут дня. Наблюдали с выступа скалы за Новым городом за ходом боя на Высокой горе. Кроме взрывов снарядов и шрапнели не видать ничего; слышен ружейный и пулеметный огонь. Огонь то усиливается, то стихает; снаряды рвутся почти на всех наших батареях.

К Высокой горе отправилась рота матросов растянутым строем. Люди идут бодро, спокойно — на почти верную смерть.

Бомбардировка Перепелочной батареи и гавани все еще продолжается.

Звук взрыва заставил нас оглянуться на гавань. Там над броненосцем «Полтава» поднялся огромный клуб желтовато-бурого дыма. Вероятно, неприятельский 11-дюймовый снаряд попал в пороховой погреб судна.

4 часа 18 минут. Пришел П. и говорит, что японцы уже на самой вершине Высокой горы.

Не верится. Не хотелось бы верить! Орудия не перестают грохотать.

Сообщают слух, что около Формозы был морской бой, причем японцы разбиты{252}. Этот же слух пронесся как-то уже раньше.

6 часов 20 минут вечера. На Высокой горе упорный штурмовой ружейный огонь.

Когда я проходил «Полтаву», на ней все еще что-то дымит; она погрузилась ниже обыкновенной ватерлинии.

Рассказывают, что к японцам приехал из Северной армии генерал Нодзу и сказал, что Высокую гору нужно взять во чтобы то ни стало, что иначе ничего не выйдет...

7 часов 30 минут. На левом фланге затишье. Зато на правом, между фортами II и III, перестрелка и масса вспышек, должно быть бомбочки — похоже на вылазку или частичное наступление неприятеля.

8 часов 23 минуты. Перестрелка на правом фланге продолжалась недолго. На левом поднялся вновь ружейный огонь, продолжающийся посейчас. [438]

По Старому городу сегодня японцы стреляли до половины четвертого часа. В городе убиты снарядами 2 солдата, один матрос и одна женщина.

9 часов 45 минут. По направлению Высокой горы адский ружейный огонь. Значит, японцы лезут, лезут и лезут...

23 ноября (6 декабря)

В 6 часов 30 минут утра — 0,5°; в 7 часов — 0°; в 7 часов 30 минут +1°; в 8 часов +2° по Реомюру, солнечно, тихо.

Вечером японцы наступали на Китайскую стенку на правом фланге всего одной полуротой; их тотчас отбросили. Конечно, атака лишь демонстративная.

Но что самое важное — около полуночи остатки наших отрядов очистили Высокую гору; очистили и Плоскую. Не было возможности на ней держаться {253}. Оказывается, что они еще вчера завладели левой вершиной горы, затащили туда пулеметы, усилились резервом и пошли на штурм правой вершины. Наши солдаты и матросы дрались отчаянно, умирали, но не отступали. С горы вернулось не много людей. Говорят, что за эти дни наши потери около 4500 человек.

Дорого стоило японцам овладеть этой горой — не менее 15 тысяч человек. Но будь на ней выстроен в мирное время форт или устроены глубокие туннели в скалах, куда бы могли спастись люди от артиллерийского огня, никогда бы не взять японцам горы, и наш левый фланг остался бы неуязвимым. Жалко, обидно. Но что делать? Людей мало, наша артиллерия не оказывает ту помощь пехоте, которую она должна бы оказать, будь у нас вдоволь снарядов. Нет у нас людей, чтобы послать их умирать на Высокую гору...

Недавно перечитывал «Войну и мир» Л.Н. Толстого и удивлялся, зачем наши полки стояли на полях Бородина под снарядами неприятеля и, казалось, погибали зря. Но сущность умения умирать под снарядами, не отступая назад, осталась и поныне та же: пока было кому стоять на Высокой горе под снарядами — она была наша. Разница с прежними войнами, в главных [439] чертах, лишь та, что ныне снаряды стали более ужасными, требующими и от войск больше силы воли и физической выносливости и много больших жертв.

Гарнизон доказал в эти дни, уже в сотый, быть может, раз, что он умеет умирать за интересы Отечества. Лишь высшее начальство {254} не сумело предусмотреть все то, что необходимо для того, чтобы крепость могла сопротивляться дольше.

Не помог и приказ генерала Стесселя за № 878 (от 20-го числа), не помогли жалкие слова там, где нужны дела, где в течение почти двухмесячного затишья на левом фланге можно было сделать хотя бы что-нибудь.

В 9 часов 48 минут прошипел к гавани первый 11-дюймовый снаряд, началась бомбардировка.

Броненосец «Полтава» сел за ночь на дно гавани, борт кормовой части во время отлива еле над водой. Вчера во время тушения пожара на «Полтаве» ранен осколками в ноги и в голову адмирал Вирен, распорядившийся тушением, раны не опасные.

12 часов дня. В гавани снаряды ложатся очень близко около «Пересвета», говорят, были уже попадания.

Н. Н. говорит, что японцы оставят нас на несколько дней в покое, а потом начнут громить

батареи и Новый город, полагая, что тут имеются еще резервы.

В. А. сообщает, что еще вчера на совете было решено очистить Высокую гору и вообще беречь людей — держаться лишь на основных укреплениях{255}. Генерал Фок говорит всем и каждому, что Высокая гора хуже Шипки, стоила больше жизней. Но он говорит это не потому, что гордится геройской защитой Высокой горы, гарнизоном и не считается с тем, сколько стоило [440] жизней овладение Высокой горой японцам, он говорит это с укоризной по адресу генералов Смирнова и Кондратенко, якобы не жалеющих людей{256}.

Только что узнал, что когда в первые дни августовских штурмов генерал Кондратенко послал полковника Ирмана остановить начавшееся отступление наших отрядов с одного из кряжей предгорья (и последний остановил это отступление, следовательно, задержал наступление японцев в этом направлении), причем было убито с нашей стороны около 300 человек, то генерал Фок разослал по штабам всех полков письмо-пасквиль, в котором говорил, что вот как полковник Ирман пьет кровь солдат и матросов из-за никому не нужного кряжа...

На самом деле тут не важен был кряж сам по себе, а важно было задержать наступление японцев во фланг Угловой горы, пока у нас на этом фланге не были заняты другие позиции, чтобы не отдать японцам Угловой горы даром и не дать им продвинуться далеко вперед. Записка была оскорбительная, и полковник Ирман просил высшее дачальство уволить его от должности начальника боевого участка, если он не достоин быть им. Его, конечно, попросили остаться на своем. Генерал Фок, сознающий за собой заступничество генерала Стесселя, объяснил, что Ирман тут ни при чем{257}, что в кровопролитии он не виновен, если его послало на то его начальство, т. е. генерал Кондратенко, что полковник Ирман как лицо подчиненное не должен обижаться.

Узнаем, что вчера около перевязочного пункта ранен в голову генерал-майор В. В. Церпицкий, заведывавший госпиталями и перевязочными пунктами, говорят даже, что он уже скончался. [441]

Вчера и третьего дня убиты штабс-капитан артиллерии Корнилович, капитан 26-го полка Веселовский, штабс-капитан Здановский, поручики Оболенский, Рафалович и Бородич, сегодня умер тяжелораненный вчера подполковник пограничной стражи Петр Дмитриевич Бутусов, командовавший Высокой горой после ранения полковника Третьякова, очень храбрый офицер. Ранен между прочими поручик минной роты П.Р. Рейнбот. Над головой полковника Тахателова вчера разорвалась шрапнель, осыпала все вокруг него градом пуль, но он остался невредимым. Рассказывают, что он вчера попал вторично под снаряды, проезжая по Перепелочной набережной (где Мертвый угол) в экипаже, в то время как японцы усиленно обстреливали дорогу. И впереди, и сзади него рвутся снаряды, кучер спрашивает, куда ехать.

— Конечно, вперед! — говорит он. — Всегда нужно ехать вперед. Не может же полковник поворачивать обратно потому, что по дороге рвутся снаряды!

Так и проехал.

4. Расстрел судов

2 часа дня. С 12 часов японцы начали бомбардировать гавань 11-дюймовыми снарядами целыми залпами из нескольких орудий.

Сообщают, что и «Ретвизан», и «Пересвет» уже затонули, т. е. сели на дно гавани.

— Это начало конца! — говорит с горестью Н. Н.

Снова тяжелое, давящее чувство овладевает тобой — работа не клеится, не хотелось бы верить, что нет другого исхода, что наши суда — десятки миллионов государственных денег, народных грошей — истребляются, то, во что мы верили как в грозную силу, в могущественный оплот, что все это превращается в развалины, в ничто, но внутренний голос

твердит одно: нет исхода, нет спасения.

С горестью вспоминается 28 июля. Не погиб бы тогда адмирал Витгефт — он провел бы флот во Владивосток, а если бы при этом погибло много наших судов, то не уцелели бы и японские. Если он и не был флотоводцем, то, во всяком случае, он [442] был человеком умным, честным и был добросовестным исполнителем долга. Последуй все остальные его примеру — дело не могло бы остаться без успеха. А адмирал князь Ухтомский привел суда обратно в Артур на бесцельную гибель, и то — не привел, а растерял их {258}. Не могло спасти суда и позднее назначение адмирала Вирена командующим. Думается, что дело обстояло бы совсем иначе, будь в бою 28 июля младшими флагманами, командирами отрядов Вирен, Эссен или Щенснович. Нужды нет, что они люди сравнительно молодые, они доказали с первых дней войны, что умеют сражаться, не ставят спасение своей жизни выше всего.

Горестно вспомнить адмирала Макарова. Будь он жив, все было бы не то, все вышло бы не так!

Пройди хоть половина, хотя бы третья часть нашей эскадры во Владивосток, то все сообщение японской армии было бы затруднено, находилось бы под постоянной угрозой нападения наших владивостокских судов, которые уже и так подкреплены аргентинскими крейсерами {259}.

А здесь наши суда расстреливаются одно за другим.

Одно утешение, что пушки с этих судов (до 6-дюймового калибра) и все морские команды усилили крепость, что без помощи матросов Высокая гора не держалась бы так долго и что всюду резервы из моряков оказывали самые ценные услуги — отбрасывали японцев с такой стремительностью и силой, какой и требовать нельзя от изнуренных постоянным нахождением на позициях и плохим питанием стрелков. Сила последних выражается в данное время более в стойкости и беспрестанной обороне, чем в активных действиях, конечно, не без исключений.

Батареи левого фланга стреляют по Высокой горе, чтобы не дать неприятелю возможности установить на ней свои орудия. [443]

2 часа 40 минут. П. А. сообщает, что только что проехали к японцам к Высокой горе парламентарии: прапорщик Загоровский, один офицер-моряк с несколькими солдатами — с белым флагом впереди. Цель поездки: переговорить об уборке наших трупов с Высокой горы.

«Ретвизан» сел на дно, но так как его корпус выше, чем у «Полтавы», то кажется, что он еще не совсем затонул; «Пересвет» стоит дальше от берега и поэтому трудно сказать, держится ли он над водой или тоже сидит на дне неглубокой нашей гавани.

12 часов 20 минут ночи. Был в гостях у артиллеристов. Там сказали мне, что японцы разыскивают на нашем правом фланге какой-то дорогой им труп; полагают, что это принц {260}.

Полковник И. А. говорил, что мы уже почти отрезаны от Голубиной бухты, так как местность подлежит обстрелу с Высокой горы.

Когда я возвращался домой, японские И-дюймовые снаряды все еще изредка летали по направлению к гавани.

24 ноября (7 декабря)

В 7 часов утра — 1° по Реомюру, пасмурно, ветер с севера, редкие порошины снега.

Узнаю, что японцы не согласились на уборку наших трупов с Высокой горы{261}. Значит, они решились на это здесь, на [444] правом фланге, лишь из-за того, чтобы разыскать дорогой им труп и ради нравственного воздействия на гарнизон. Сущность самой уборки трупов их интересует меньше всего.

Отправился сегодня в Новый город, по совету П., вокруг Перепелки, через Казачий плац, чтобы ознакомиться с этой дорогой на случай, если из-за бомбардировки гавани и дороги нельзя будет пройти в Новый город по Перепелочной набережной. Но эта дорога и длиннее, и хуже, хотя можно проходить неглубокими окопами. Здесь рискуешь получить пулю из передовых японских окопов.

В Новом городе мне сообщили, что в ночь на 23-е число к гавани подходила джонка, по ней усердно стреляли с «Отважного», джонка будто оказалась совершенно пустой. Что это такое? Одно из двух: или японцы испытывали бдительность сторожевых судов, т. е. нельзя ли пробраться на миноносцах в гавань, или же команда джонки, быть может, везшая к нам почту, спасалась на шлюпке и, быть может, пущена снарядом ко дну{262}.

Оказывается, что японцы обстреливали с 12 часов ночи до 3 часов утра Новый город. Особых разрушений не заметно, но снаряды ложились по всем направлениям. Вчера вечером наблюдали на Высокой горе около десятка огней. Никто не может сказать, что бы эти огни означали — праздновали ли японцы победу, сжигали ли они там свои трупы, или же просто потешались над нами. Наша артиллерия не выпустила по этим огням ни одного снаряда — все экономят. А кажется, можно бы внезапно обстрелять Высокую и Плоскую горы, чтобы не дать им там установить орудия для расстрела Нового города.

Говорят, что вчера был морской совет для обсуждения вопросов, что делать. Обсуждался и вопрос, не открыть ли у всех судов кингстоны — не лучше ли самим затопить суда, чем дать их расстрелять. Но не пришли ни к какому решению, кроме того, что суда спасти нельзя.

1 час 54 минут. С одиннадцатого часа японцы бомбардируют гавань 11-дюймовыми снарядами. Бедные наши суда! [445]

7 часов вечера. Ветер давно перешел в бурю, которая рвет и мечет. Холодно.

На обратном пути из Нового города видел в потемках, что броненосец «Победа» и крейсер «Паллада» накренились и сидят будто глубже в воде.

Был в Красном Кресте. Зашел и к полковнику Третьякову, он уже поправляется. Говорит, что потеря Высокой горы не грозит ничем иным, как расстрелом судов и, пожалуй, Нового города и что лишь теперь начинается для левого нашего фланга более тесная осада.

Видел у Верховского японскую карту, найденную при убитом японце, на которой нанесена проектируемая японцами железная дорога Фузан — Сеул — Ийджу — Инкоу и дальше по Китаю на юг. Вот где причина войны — мечта японцев, ради которой они решили поставить на карту все, что они имеют!

Их заветная мечта завладеть Китаем, начиная с Кореи и Южной Маньчжурии — провести туда свои железные дороги. А этому мешает Россия.

На дворе холодно, на позициях редкая перестрелка.

25 ноября (8 декабря)

В 7 часов утра, — 2°, облачно, ветер стих. С 8 часов 30 минут утра началась бомбардировка гавани 11-дюймовыми снарядами. Но пока я шел в Новый город, не было ни одного попадания в суда — все в воду, лишь вздымались огромные столбы воды. Потом начали обстреливать и Золотую гору, один снаряд взорвался немного ниже Сигнальной станции, в стороне салютной батареи, все недолеты. А перелеты должны падать в море. Два снаряда взорвались у подножья Золотой горы и подняли такую массу черного дыма, что, казалось, снова возникнет там пожар, но нет. Должно быть, попали в мелкий уголь.

И прошлой ночью были видны огни на Высокой горе.

В 9 часов 13 минут появились на горизонте со стороны Дальнего какие-то суда, идущие на всех парах. Наши миноносцы вышли за Маячную гору. Не наши ли эти суда? Не выходят ли миноносцы навстречу им? То-то будет радости! Мы встрепнулись, напрягаем зрение. Суда уходят на юг, а миноносцы, видимо, вышли спасаться за Тигровым полуостровом от расстрела. [446]

Сообщают, что японцев просили не стрелять по Новому городу, в котором много госпиталей, а они ответили, чтобы мы вывели из него наши войска — тогда не будут стрелять по нему. Они не верят, что здесь нет у нас никаких войск.

9 часов 5 минут вечера. Сегодня бомбардировали Старый город целых четыре часа подряд, в район города упало не меньше пяти-шести 11-дюймовых снарядов; разрушили несколько домов.

«Пересвет» потоплен, потоплена и канонерская лодка «Гиляк», ставшая у берега против вокзала. Говорят, что потоплен и «Баян».

Когда я шел из Нового города, японцы обстреливали госпитальное судно «Монголия», будто было попадание в корму. Больных свезли уже всех на берег.

Вечером был у Г. Он уверен, что выручка подоспеет к нам еще вовремя. Говорит, что генерал Куропаткин должен выручить Артур во что бы что ни стало. У меня нет этой уверенности. Например, сегодня видели на горизонте до 14 больших судов и миноносцев — целую эскадру. Если бы наши северные войска угрожали Кинчжоускому перешейку, то эскадра эта должна была быть там, помогать сухопутным войскам. Или же эта эскадра должна не допускать Балтийскую эскадру в Артур. А мы не знаем, где она. Один пленный японский офицер будто сказал, что Балтийская эскадра уже в японских водах. Можно ли ему верить?

А.Л. Тардан говорит, что нам следует ожидать еще более ужасных дней — бомбардировок и штурмов. Это не ново. Ужасы все увеличиваются, и трудно судить, до какой степени они могут дойти.

9 часов 55 минут. На позициях совсем тихо, лишь изредка щелкнет отдельный ружейный выстрел.

После почти непрерывного грохота орудий и шипения крупных снарядов каждому приятна эта тишина, хотя бы одним тем, что уж вообще нервы могут немного передохнуть. Конечно, это не тишина мирного времени, ибо хотя и очень редкие, но выстрелы, и куда не взглянь, большие или меньшие разрушения напоминают нам горькую действительность, напоминают нам, где мы находимся и то, что может ожидать каждого [447] из нас не только завтра, послезавтра, а вот сейчас, в любую минуту...

Передают, что генерал Церпицкий был вторично ранен по дороге в госпиталь и вскоре умер. Это был скромный, добрый человек.

Говорят, что адмирал князь Ухтомский собирается уехать в сопровождении доктора Ястребова в Чифу на миноносце.

26 ноября (9 декабря). В 7 часов утра +4,8°, облачно, ветер с юга, кажется, совсем тепло.

Вчера был военный совет, созванный генералом Стесселем для выяснения вопроса — может ли крепость еще держаться {263}. Комендант, генерал Смирнов, сказал, что крепость может держаться по крайней мере до января месяца. Генерал Кондратенко сказал, что пока он командует дивизией, он намерен драться до последнего солдата. Кто-то будто поднял вопрос, не следует ли сузить линию обороны очищением Ляотешаня {264}. По другой версии, было предложение отступить всем на Ляотешань и держаться на нем. Говорят, что эти предложения исходили из штаба Стесселя и чуть ли не по мотивам Фока. Предложения отвергнуты как не выдерживающие критики. Тогда будто полковник Рейс поднял вопрос, с

какого же момента нужно считать крепость не способной более держаться? На это ответили Кондратенко, полковник Ирман и другие, что с того момента, как у нас не будет уже ни патронов, ни штыков... Говорят, что у генерала Стесселя была какая-то бумага, которую он все-таки не прочел совету, а положил обратно в карман.

Вчера вечером броненосец «Севастополь», пока уцелевший от бомбардировки, вышел на рейд и стал около Белого Волка. Говорят, что адмирал Вирен не соглашался по этому вопросу с командиром «Севастополя», капитаном 1 ранга Эссеном, потому что на рейде броненосец может быть потоплен неприятельскими миноносцами и погибнуть окончательно, а суда, затопленные в гавани, могут быть подняты и исправлены. Эссен [448] же остался при своем, что лучше быть потопленным на рейде, чем здесь дать себя расстрелять. Притом он надеется погубить не один из атакующих неприятельских миноносцев и иметь еще возможность стрелять по позициям неприятеля из своих башенных орудий. Вирен все еще верит, что неприятелю не взять Артура или что подоспеет выручка; Эссен плохо верит всему этому и опасается худшего.

Выход «Севастополя» на рейд произвел хорошее впечатление на всех.

Вчера Золотая гора стреляла по Высокой горе, но, говорят, снаряды не долетали.

Прошлую ночь опять виднелись огни на Высокой.

Сообщают, будто утром пришла джонка.

Рассказывают, будто к нашим окопам где-то прискакал казак-вахмистр из Северной армии и свалился в наш окоп мертвым. Указал на свой сапог, в котором нашли зашитыми бумаги для штаба. Поэтому носится слух, что наши войска всего на расстоянии верст 30 от нас. Будто штабом получены донесения из разных пунктов о том, что с моря — с севера и с юга — слышен рокот крупных орудий. Не знаешь, чему верить и чему нет, а поэтому уж не веришь ничему.

С 9 часов утра началась бомбардировка гавани 11-дюймовыми; стреляли до сумерек. Город не бомбардировали сегодня вовсе.

Сегодня канонерская лодка «Гиляк» разбита снарядами вовсе и перевернулась набок, во время прилива она почти совсем под водой.

Кто говорит, что у всех наших судов открыты кингстоны — они затоплены самими и что машины у них целы, а кто уверяет, что в каждое судно попало не меньше двадцати 11-дюймовых снарядов.

Получил два приказа генерала Стесселя:

«№ 900 (25 ноября, экстренно). По всем донесениям от разведчиков и с наблюдательных постов видно, что как от 11-й версты, так и от Луизы сегодня прибыли к японцам войска. Следует ожидать штурма. Часть войск от 11-й версты поместилась где-то за Волчьими горами, другая часть против Западного фронта. Я полагаю, что прибыло около дивизии. [449]

Надо быть наготове».

(И это предсказание генерала Стесселя не сбылось.)

«№ 904 (26 ноября). В случае прибытия к побережью шаланды с чем бы то ни было, ближайшая застава или жандармский пост обязаны принять все меры к постановке шаланды в безопасное место и установлению надзора за тем, чтобы прибывшие на шаланде ни с кем не имели сообщений. О прибытии шаланды немедленно доносить в штаб района, откуда и ожидать распоряжения. Всю найденную корреспонденцию тотчас же отправлять в Штаб района. Отходить от занятого нами побережья шаланды могут не иначе, как с разрешения Штаба района, такое же разрешение должны иметь и все отъезжающие на шаландах лица, о чем уже приказывалось. Отправление с шаландами какой бы то ни было корреспонденции

помимо Штаба района безусловно воспрещается. Шаланды перед отправлением будут тщательно осматриваться, и вся найденная корреспонденция будет конфискуема, а виновные будут привлекаться к ответственности).

На позициях редкая ружейная перестрелка. Небо облачно. Наши прожектора пытаются осветить облака и как бы затевают переговоры, как по гелиографу — в надежде, не ответят ли нам с севера, со стороны Кинчжоу, тем же, т. е. нет ли там наших войск, которые идут на выручку.

Наблюдал за этим долго, но не видал на севере ничего такого, что могло бы увеличить наши надежды.

9 часов 18 минут. Опыты с прожекторами все еще продолжаются.

Д. говорил мне, что после падения Высокой горы японцы начали сильнее обстреливать тыловые подступы к нашим позициям правого фланга, наши дороги за линией обороны, которые видны с Высокой горы. Приходится делать новые крытые ходы сообщения — копать окопы рядом с дорогой, так как пользоваться самой дорогой стало невозможным.

27 ноября (10 декабря)

В 7 часов утра $+4,8^{\circ}$, в 8 часов всего $+1,5^{\circ}$, подул сильный ветер с севера.

Сегодня два слуха: 1) будто Балтийская эскадра бомбардирует Кинчжоу и 2) будто два офицера прибыли на джонке, [450] пристали к батарее № 22 (на крайнем правом фланге); туда послали катер с «Цесаревича» (?), и сам генерал Стессель поехал туда, им навстречу {265}.

С 10 часов 35 минут слышны орудийные выстрелы, должно быть, бомбардируют гавань; ветер, превратившийся в бурю, мешает разобраться, куда стреляют.

Все ожидают штурма и непременно на левый фланг. Некоторые торговые фирмы собираются сдать свои документы на хранение в Красный Крест.

9 часов 13 минут вечера. Температура — 5° , буря бушует по-прежнему. На позициях слышна лишь слабая перестрелка.

Холод, пожалуй, помешает японцам штурмовать, но их ожидают повсеместно.

Вот когда военная служба тяжелее тяжелой — и смерть-то каждую минуту, так сказать, на носу, и колей от холода в такую бурю, и желудок пустой, напихан всякой дрянью, и то не досыта. При сытом желудке и холод не чувствовали бы так сильно.

Наша жизнь в городе, несмотря на все недочеты, куда лучше жизни на позициях, сравнительно — удовольствие.

28 ноября (11 декабря)

В 7 часов утра — $8,5^{\circ}$, легкий северный ветер, очень холодно.

Сегодня воскресенье; можно опять отдохнуть.

После отдачи Высокой горы и потопления судов в гавани общее уныние в городе возросло: никто уже не хочет ни во что верить — ни в выручку с суши, ни с моря, ни в то, что крепость устоит, но не хочет верить и в то, чтобы японцам удалось взять Артур... Все что-то готовится «на всякий случай», но ни у кого ни на что не поднимаются руки. Все ожидают новых штурмов и всяких новых ужасов.

8 часов 50 минут вечера. По городу и гавани стреляли сегодня с 10 часов утра. Снаряды падали в порту около крейсера «Баян»; несколько снарядов упало вблизи штаба района и квартиры генерала Смирнова. С обеда начали обстреливать Новый [451] город мелкими снарядами, попали там в Дальшшский госпиталь и переранили раненых. Стреляли и по

судам в западном бассейне гавани. П. видел, как И-дюймовый снаряд попал в «Полтаву», а другой попал тут же в воду. Одно время орудейный огонь оживился и на позициях, но ненадолго, и наступления не было.

Был в Красном Кресте. Полковник Третьяков говорит, что японцы не скоро будут штурмовать — быть может, опять через месяц.

5. Пришел пароход!

29 ноября

(12 декабря). В 7 часов утра — 9°, утро ясное, солнечное, еле заметный северный ветерок.

Когда я шел в Новый город, видел на рейде наши миноносцы и катера, занятые тралением мин. Значит — ожидают Балтийскую эскадру, прочищают ей путь.

Сообщают, что «Севастополь» выдержал прошлой ночью атаку неприятельских миноносцев.

10 часов 12 минут утра. Д. сообщает по телефону, что с час тому назад пришел полным ходом пароход с полным грузом и стал на якорь около Белого Волка. Привез много муки и еще что-то. В муке у нас пока недостатка не было, а всех особенно интересует это «еще что-то». Быть может, это оружейные снаряды, которые нам так нужны!

Известие это заставило даже привскочить с радости — значит, прорвать блокаду не невозможно!

10 часов 50 минут. Японцы начали стрелять по Новому городу. Облако пыли поднялось около недостроенного дома вблизи склада «Чурин и К°».

2 часа 17 минут. Все время стреляют и все в том же направлении, то дальше, к «Звездочке», то будто обстреливают дорогу к госпиталю № 10. Из моего окна хорошо видна пыль, поднимаемая снарядами. Кто-то ехал и завернул за серый строящийся дом (кажется, Эльвангера); тотчас вклепили снаряд прямо в этот дом.

Л-р говорит, что видел, как два снаряда попали в один из госпиталей (кажется, № 9). [452]

4 часа 10 минут. В складе фирмы «Чурин и К°» что-то загорелось, горит сильно и с большим дымом, японцы стреляют по пожарищу.

6 часов вечера. Только что вернулся из Нового города. Пожарище все еще догорает. Мелкие снаряды летали, казалось, невысоко над головой с особым шуршанием, без свиста и шипения, как это бывает при более крупных. Кто-то уже успел прозвать эти снаряды «воробьями».

Шли мы более верхней дорогой, так как нижнюю японцы обстреливали, вероятно, из горных или полевых орудий. Снаряды рвались все будто не ближе 1/4 версты, а осколки падали совсем близко. Снаряды эти рвутся, видно, на мелкие куски — так и сыплются кругом; осколки, ударяясь в землю, поднимают пыль, поэтому видать, куда они попадают. Впрочем, как бризантные, так и фугасные снаряды у японцев хороши.

Здесь узнал, что пришедший пароход — английский «King Arthur», Bombay, привез он 50 000 кульков пшеничной муки, по пуду в кулке. Загадочное «что-то еще» грозит оказаться десятками окороков и несколькими пудами колбасы, из которых на долю госпиталей, гарнизона и мирных жителей едва ли что придется — съедят в штабах. Полагают, что под мукой есть «еще что-то», но в этом не уверены.

От капитана, говорят, нельзя узнать никаких интересных новостей — человек выпил для храбрости и выпивает еще теперь. Привез несколько номеров старых газет, в которых ничего нет, и уверяет, что ничего нового не случилось на свете.

6. Расстреливание госпиталей

30 ноября (13 декабря)

В 7 часов утра — 4,5°, тихо, облачно, но порой просвечивает солнце.

Ночью японские миноносцы атаковали вновь «Севастополь», но тот отбивается от них хорошо.

В Новом городе узнал ужасную вещь.

Вечером, когда стемнело, к пожарищу склада «Чурин и К°» стали собираться солдаты и матросы и даже раненые из госпиталей, взламывать ящики с вином, пить и закусывать зажарившимися в пожарище лошадьми фирмы, убитыми снарядами. [453]

Говорят, что покрали и куски мануфактуры и поразбили сундуки служащих с их имуществом. Но главным образом пили водку и закусывали даровым жарким. Очевидцы говорят, что это была какая-то озверелая от голода толпа — жаль было смотреть на них.

Ясно, что это не обыденная картина, чтобы люди пили и закусывали полусырым мясом убитых, обгорелых лошадей в то время, как японцы не переставали стрелять по пожарищу.

Передают, что кто-то кричал в исступлении:

— Это полная деморализация! Расстрелять их!

С этим нельзя согласиться. Никакой тут деморализации нет, пировали, отводили душу страдавшие, изголодавшиеся люди — забылись на это время. Непристойно говорить о расстреле в такое время и при таких обстоятельствах. Хорошо рассуждать нам, когда мы все-таки и более сыты, и менее перенесли непосредственной близости смерти, когда мы не перечувствовали той оргии другого свойства, которая, например, длилась десять дней подряд на Высокой горе.

Поступок этот можно бы назвать деморализацией и поднимать вопрос о расстреле можно было бы лишь в том случае, если бы нижние чины, не нуждаясь ни в чем, бесчинствовали, если бы они, что называется, бесились с жиру.

Сообщают, что впереди форта V взят в плен японский солдат-перебежчик, но может быть, что это ловкий разведчик, прикинувшийся в критический момент перебежчиком. Он очень изнурен, руки его покрыты мозолями и трещинами, из которых сочится кровь. Будто говорит, что работы много, а пищи недостаточно — очень тяжело. Может быть и на самом деле перебежчик, нравственное состояние которого надломлено непосильным физическим трудом.

3 часа 15 минут дня. Бомбардировка началась сегодня с 10 часов. И батареи нашего левого фланга открыли довольно сильный огонь.

Здесь, в Новом городе, стреляют опять по тому же району — по окрестностям склада «Чурина и К°» и по дороге.

Около 12 часов японцы участвовали огонь по Новому городу по разным направлениям.

Стреляют со стороны Высокой горы. Сообщают, что они установили свои орудия за Высокой горой — на Плоской или [454] на другой возвышенности. Наши батареи стараются сбить эти орудия.

Но как их собьешь, когда не знаешь, где именно они установлены? Во втором часу загорелся торговый пароход «Амур», стоящий рядом с госпитальным судном «Монголия» в западном бассейне, в это же время обстреливали и Минный городок на Тигровке. Золотую гору обстреливали 11-дюймовыми, но попадания были видны только до середины горы — не достигали батареи и сигнальной станции — и у подножия горы. Сейчас стрельба затихла.

8 часов 30 минут вечера. Под вечер пошел мелкий снежок. Японцы перестали стрелять, должно быть, потому, что снег мешал наблюдать за падением снарядов. По дороге из Нового города встретил подполковника Трентовиуса. Он уверяет чество, что наши дела совсем не так плохи, не так безнадежны, как многие об этом думают. Говорит, что свободно продержимся до прибытия выручки.

Когда я пришел в Красный Крест и рассказал это полковнику Третьякову, тот улыбнулся своей добродушной улыбкой.

— А почему же вы не поверили мне, когда я говорил вам то же самое?

Говорю, что он и ранен, и контужен, и уже несколько времени в госпитале, мог не знать всей обстановки.

— Я же слежу за всем внимательно.

Тут я должен заметить, что полковник Третьяков проводит большую часть времени сидя и как бы в забытии, с закрытыми глазами. Голова у него забинтована, кажется, что он переносить тяжелые боли и не способен даже думать.

На вопрос, как он себя чувствует, говорит:

— Пустяки! Скоро оправлюсь совсем. Но жаль тех прекрасных людей и офицеров, которые погибли и искалечены в то время, когда я отделался так легко! Я-то что ж, я ничего, но они принесли много пользы делу.

Далее он разъяснил мне, что если у нас имеются 2 миллиона патронов ружейных, как ему сообщали{266}, то ими можем мы [455] отбить три общих штурма по всему фронту. А японцы не в силах производить такие штурмы без большой передышки, без оправки. Притом, говорит он, собственно говоря, не было еще ни одного общего штурма.

В Красном Кресте мне говорили, что ожидается еще пароход, нагруженный снарядами и патронами.

9 часов 30 минут. Около 9 часов перестрелка на позициях усилилась, загрохотали и орудия. Казалось, что начнется штурм. Но вскоре все затихло, должно быть, небольшая вылазка.

1/14 декабря

В 7 часов утра — 2°, тихо, за ночь выпал довольно глубокий снег.

Около 7 часов утра японцы пустили 5–6 снарядов по району моста около базара, это уже которое утро обстреливают район базара. Эти снаряды предназначены прямо для мирных жителей, закупающих в это время конину и прочее, что случайно подвернется из съестных припасов.

Сообщают, что ночью была вновь сильная минная атака на «Севастополь» и на пароход, привезший нам муку. При этом будто потоплены два неприятельских миноносца{267}.

10 часов 25 минут утра. Только что пришел в Новый город (9 часов 30 минут), японцы начали обстрел Русско-Китайского банка и госпиталя № 6 (здания областного штаба), снаряды ложатся и дальше этого района в разных направлениях. Все эти дни японцы стреляют как бы нарочито по госпиталям, несмотря на то что на них развеваются огромные белые флаги с красными крестами. С Высокой горы, с японского наблюдательного пункта, при помощи бинокля видны все эти флаги.

Идет редкий снежок, местами держится туман.

11 часов 57 минут. Все время стреляют по госпиталям. Слышишь выстрел и вскоре вслед затем видишь, как снаряд пробивает стену того или другого госпиталя — облачко пыли, и когда оно сойдет, то видно закоптелое отверстие в стене. Что снаряд натворил там, внутри здания — этого нам не видно. [456]

Заходил Ш. и рассказал, как вчера японцы обстреляли офицера, ехавшего отсюда по направлению к Старому городу. Снаряды рвались то впереди, то сзади едущего, и как кучер ни погонял лошадей, снаряды рвались все поблизости их. Насчитал 12 снарядов. Говорит, что уехали благополучно. Не знает, кто это был.

Вчера же будто в госпиталь № 9 влетел снаряд в комнату, в которой врач и сестра милосердия пили в это время чай. Ворвался сквозь одну стену, прошиб и другую и разорвался где-то на улице, не ранив никого.

Этот случай не особенно рекомендует наши постройки, но в данном случае тонкие и рыхлые стены спасли людей от гибели.

Ш. говорит, что вчера по просьбе генерала Стесселя егермейстер Балашов ездил к японцам с просьбой, чтобы те не стреляли по госпиталям. Будто изготовлены даже карты, по которым японцы могут знать расположение госпиталей. Результаты пока неизвестны.

6 часов вечера. Тяжелый был сегодня день. С 1 часа 30 минут японцы начали стрелять с правого фланга в Новый город 11-дюймовыми снарядами. Сперва снаряды падали на незастроенной площади и около дороги из Старого города; многие снаряды не рвались, вероятно, попадая в мягкую землю или падая на землю боком. Но затем они стали попадать все ближе и ближе к зданию Русско-Китайского банка и госпиталя № 6. Удары о землю 16-пудовых снарядов и взрывы сотрясали почву на далекое расстояние, осколки летали по всему городу. Через каждые 2 минуты один такой снаряд.

В то же время продолжали стрелять по району госпиталя № 9 более мелкими снарядами.

Около 3 часов дня начались попадания 11-дюймовыми снарядами. Раненые и больные улепетывают, кто как и куда может из госпиталя № 6 — стараются уйти из сферы обстрела, которых уносят товарищи или же санитары.

Беспрестанно взрыв за взрывом через каждые 2 или 3 минуты; земля вздрагивает, письменный стол трясется. Нервы напрягаются — шипение и взрывы снарядов действуют подавляюще на слух, занимаешься с трудом — постоянно вскакиваешь [457] и глядишь в окно, куда попал последний снаряд, будто от этого легче, будто в этот момент не может прилететь осколок и провести через твои расчеты жизни крест...

Последний снаряд взорвался в 4 часа 47 минут, стало темнеть.

На обратном пути в Старый город пошел посмотреть, что наделали 11-дюймовые чудовища.

В госпиталь № 6 попало прямо сверху несколько; рвавшиеся снаружи испестрили стены осколками, окна все выбиты. Говорят, что в госпитале погиб лишь один тяжелораненый, почти безнадежный; остальные спаслись и будут размещены по другим госпиталям.

На площади и по дороге впереди госпиталя и банка огромные ямы — воронки, произведенные взрывами; но банк пока невредим — лишь окна вылетели.

Когда вернулся в Старый город, то узнал, что гавань сегодня не бомбардировали вовсе; но зато обстреляли город, дороги и помещение штаба района, инженерного управления и квартиру коменданта крепости.

В то же время узнал, что генерал Стессель и его штаб переехали еще вчера в распоряжение 10-го полка, куда японцы до сей поры не стреляли{268}. Генерал Стессель поместился в дом полковника Селинена.

Привожу приказы его по этому поводу, которые интересны и в других отношениях.

«№ 911 (30 ноября, экстренно). Все Офицерские вещи Г.г. Офицеров, убывших из Артура, Г.г. Командирам полков и Начальникам команд приказать немедленно не позже 3-го Декабря запаковать, опечатать и сложить в полковые цейхгаузы, а всех денщиков, сидящих при вещах, немедленно в строй. Вы посмотрите, что у них делается, например, в доме Полковника

Селинена, это ведь клуб, а дом запаковали до мерзости». [458]

«№ 912. Штаб вверенного мне Корпуса перейдет в казармы 10-го В.-Сиб. Стрелкового полка, ввиду полного разбития снарядами офицерского дома {269}».

«№ 913. Сего числа я совместно с Генерал-Лейтенантом Фок был у Лейтенанта Хоменко {270}. Редко можно видеть такое устройство всего и заботливость, как там. По долгу службы объявляю сердечную благодарность Лейтенанту Хоменко, гг. Офицерам и молодцам матросам».

Следующему приказу не знаешь, верить или нет: что это — действительно ли данные, полученные извне, или же уже набивший оскомину способ подбадривания гарнизона перед новыми штурмами.

«№ 915(1 декабря, экстренно). По сообщению китайцев. На севере дела у японцев очень плохи. На север от Ляояна недели две тому назад было жестокое сражение у русских с японцами. Японцы разбиты, причем у них выбыли из строя от 40 до 50 тысяч человек убитыми и ранеными. У русских потери также значительны, но меньше японских. 1) Японцы отступают частями на Фын-хуан-чен и на Гайчжоу. Русские преследуют их по пятам. 2) Инкоу будто бы уже занято русскими; а также и Даши-цяо. Ляоян также очищен японцами. Среди японских войск на севере паника. 3) Войска японские, предназначавшиеся под Порт-Артур, направлены, ввиду изменившегося положения дел, на север. Но под Порт-Артуром их все-таки осталось не менее 30 тыс. человек, особенно на левом нашем фланге (!). С этими силами японцы не осмелятся пытаться брать Порт-Артур, хотя штурм отдельных участков они все-таки думают производить. 4) Взять Порт-Артур японцы считают теперь уже для себя необходимым по тому соображению, что, взяв Порт-Артур, они надеются на возможность заключения мира с Русскими. Если же Порт-Артур они не возьмут, то им придется поспешить убираться восвояси в Японию» {271}. [459]

В госпитале мне передали, что во время последних штурмов на укрепление № 3 японцы забрались в ров укрепления и принесли с собой штурмовые лестницы. Поручик 16-го полка Бурневич привязывал к длинной палке пироксилиновые шашки, зажигал шнуры и старался так взорвать эти лестницы; взорвал 3 лестницы. Но тут японцы бросили ему в лицо пироксилиновую шашку или бомбочку, и ему опалило лицо и глаза.

11 часов 25 минут вечера. С 11 часов началась снова пальба на море за Тигровым полуостровом; должно быть, новая минная атака на «Севастополь», который там японцам как бельмо на глазу. Пальба длилась с четверть часа.

7. Тяжелая утрата

2/15 декабря

В 7 часов утра +0,5°, в 8 часов +1°, пасмурно, идет крупа и порой снег лопухами, старый снег тает, делается грязь.

Ночью японцы стреляли еще по Новому городу 11-дюймовыми снарядами. Два из них попали в угол банка и произвели внутри здания большие разрушения.

Прошлую ночь были целые три минные атаки на «Севастополь», участвовали и мелкие миноносцы или катера, один из них будто потоплен. Японцы выпустили по «Севастополю» 21 или 22 минуты; 8 из них взорвались о камни вблизи «Севастополя», а остальные выловлены нами «живьем» и пригодятся еще для атак, но на сей раз против японцев...

Передают, что случай с японскими миноносцами прошлой ночью произошел так: один из ищущих спасительную даль японских миноносцев наскочил на скалу Лютин-рок и не мог сняться; другой пошел ему на помощь; их схватили прожектора в свою световую преграду и в это время береговая и судовая артиллерия расстреляла оба судна. Часть команды этих

миноносцев будто взята в плен и помещена на гауптвахте.

С 10 часов японцы начали редкий обстрел города мелкими снарядами; с 1 часа 40 минут зашипели и 11-дюймовые — по направлению штаба и порта. Стреляли до третьего часа.

После обеда довольно сильно обстреляли Новый город; там повреждено много домов в той местности, где до сей поры не падали снаряды. [460]

Сообщают, что впереди форта V вновь взят в плен японец, как бы нарочно отставший от своего отряда.

Мне принесли интересный приказ генерала Стесселя:

«№ 819 (2 декабря, экстренно). Сего числа, проезжая под Электрическим утесом к Лагерной батарее, я был остановлен каким-то матросом, который кричал, чтобы я здесь не ездил, что Адмирал не приказал. Кто может устанавливать здесь караулы? Устав о службе в Гарнизоне ясно это указывает. Командир Порта на территории Порта может, но полагаю, что ему должно быть известно, что в районе Крепости он не может нигде распоряжаться. Что же это за самоуправство? Вся территория, где поставлены дачи, принадлежит Военно-Сухопутному Ведомству и составляет район крепости. Предписываю Коменданту крепости генерал-лейтенанту Смирнову произвести расследование о том, чьим распоряжением учрежден караул, и немедленно все это снять, и мне донести».

Из этого приказа узнаем, что контр-адмирал Григорович, переселившийся с начала бомбардировки 11-дюймовыми снарядами из порта на Дачные места, учредил там особый караул, Бог весть для чего.

Говорят, что там у него устроен прекрасный блиндаж, пробить который не в силах и 12-дюймовый снаряд.

10 часов 5 минут вечера. На дворе — 4,5°.

С 9 часов на позициях более оживленный грохот орудий.

3/16 декабря

В 7 часов утра — 4,5°, выпало немного снега, подымается ветерок.

«Севастополь» еще утром отстреливался от неприятельских миноносцев.

В 9 часов зашел Л. и принес удручающую весть: вечером на форту II неприятельским снарядом убит генерал-майор Роман Исидорович Кондратенко.

Он принес и приказ генерала Стесселя по этому случаю.

«№ 920 (3 декабря, экстренно). День 2-го декабря есть день печали для всех нас защитников крепости. В 9 часов вечера на [461] форту № 2, в офицерском каземате, убит 11-дюймовой бомбой. Наш герой, наша гордость, командующий 7-й В. — С. Стрелковой дивизией генерал-майор Кондратенко, а с ним вместе убиты и выдающиеся деятели: Командующий 28-м В. — С. Стрелковым полком Генерального Штаба подполковник Науменко, инженер-подполковник Рашевский, беззаветный работник и даровитый инженер, Инженер-капитан Зедгенидзе; 26-го В.-С. С. полка поручик Синькевич, 28-го В.-С. Стрелкового полка штабс-капитан Калицкий, 7-го запасного батальона шт.-капитан Триковский; 25-го В.-С. С. полка зауряд-прапорщик Смолянинов. Мир праху вашему, герои-защитники православной веры и Русского дела. Ранено 7 офицеров и в числе их и комендант форта № 2 поручик 25-го В.-С. Стрел, полка Фролов».

«№ 921. Назначаются. Начальником Сухопутной обороны начальник 4-й В.-С. Стрелковой дивизии генерал-лейтенант Фок, Вр. командующим 7-й В.-С. Стрелковой дивизией командир 2-й бригады 4-й В.-С. Стрелковой дивизии генерал-майор Надеин; Вр. Командующим 28-м В. — С. Стрелковым полком того же полка подполковник Глаголев».

Зашли еще кое-кто из знакомых обменяться мыслями, разделить горе.

Все мы удручены смертью энергичного и очень деятельного начальника сухопутной обороны; у всех свежи в памяти рассказы о том, как он горячился на последнем военном совете после вопроса — когда, с какого момента нужно считать крепость неспособной дольше держаться. Сообщали, будто генерал Кондратенко стучал по столу кулаком и кричал, что не должно быть и разговоров о сдаче, что все должны драться до последнего штыка{272}.

Говорят, что в последнее время он окончательно стряхнул с себя всякое влияние генерала Фока и что его отношения к генералу Стесселю и его штабу сильно изменились.

Не меньше того угнетает нас назначение генерала Фока начальником сухопутной обороны — заместителем генерала Кондратенко. [462]

— Вот где начало конца! — говорит Т.

Говорят, что генерал Смирнов хотел взять на себя и обязанности начальника обороны, но генерал Стессель сказал ему, что он уже назначил генерала Фока и что он своих приказов не отменяет. Многие полагали, что на место Кондратенко будет назначен Горбатовский.

П. говорит, что можно было бы назначить начальником обороны генерала Никитина, который если и не принес никакой пользы обороне и считается другом Стесселя, — то, во всяком случае, никогда еще не мечтал о сдаче крепости и не стал бы нарушать порядки, установленные Кондратенко.

Б. говорит, что Горбатовского следовало бы назначить командиром 7-й дивизии, что он это вполне заслужил и что старшинство тут ни при чем.

10 часов 35 минут вечера. Сегодня японцы обстреливали лишь торговые и госпитальный суда в западном бассейне гавани и Тигровку.

Гибель генерала Кондратенко и стольких хороших офицеров угнетает всех. Подполковник Рашевский и капитан Зедгенидзе считались из числа лучших инженеров, а у нас таких не очень-то много.

Начальником инженеров боевого фронта правого фланга теперь капитан Шварц, к которому покойный генерал Кондратенко относился с большим доверием. А это хорошая рекомендация, так как покойный генерал относился к некоторым с нескрываемым презрением.

Он ненавидел тех, кто соблюдал личные выгоды и заботился о своей личной безопасности в ущерб делу.

На позициях почти тихо, редкая перестрелка.

4/17 декабря

В 7 часов утра — 5,2°, северный ветер.

С раннего утра грохотали пушки то на правом, то на левом фланге; порой казалось, что за Белым Волком, т. е. что «Севастополь» отражает атаки.

Пришел Д. с дежурства с моря и рассказывает, что во время недавней сильной атаки на «Севастополь» две мины взорвались около «Севастополя» и получены две, хотя небольшие пробоины; в то же время одному нашему миноносцу оторвало миной [463] нос. «Севастополю» подвели тотчас пластыри и его пришлось приткнуть к мели, так что он сидит теперь частью на мели, но вне всякой опасности. При этой отчаянной ночной работе, при продолжавшихся атаках неприятеля будто отличились лейтенанты А.М. Басов и П.В. Волков{273}, в общем много поработавшие за время войны по минному делу — по постановке своих мин, по тралению неприятельских и пр. Они же устроили боновое и сетевое ограждение «Севастополя» — посредством сетей, снятых с затопленных судов.

Д. не ручается за верность описания ему другими моряками приключений той ночи, но говорит, что все возможно. По этим сообщениям командиры миноносцев упростили командира «Севастополя» не освещать этой ночью море прожекторами броненосца и дать этим возможность, в случае нападения японцев, произвести контратаку. Так и сделали. Сидели впотьмах и ожидали неприятеля. Вдруг на море началась какая-то стрельба — ложная атака японцев и все обратили туда свое внимание. В это время подкравшийся вдоль берега японский минный катер выпустил мину по ближнему миноносцу, вторую по «Севастополю» и, воспользовавшись переполохом, благополучно ушел.

Не вижу в этом ничего невероятного. Похоже на случай с «Лейтенантом Бураковым». Опростоволосившиеся, разумеется, не пожелают сознаться в этом. Досадно, но нужно признать, что японцы большие мастера на всевозможные хитроумные маневры.

Зашел Р. и сообщил факт, как японцы злоупотребляют флагом Красного Креста. 1 декабря он был на Митрофаньевской горе, нужно было пристрелять одну морскую пушку.

Вскоре японцы выкинули флаг и начали переговоры об уборке трупов. Стрельба была прекращена. В это время заметили с Митрофаньевской, что японцы везут по оврагу за укреплением № 3 пушку... Что делать? Доносить начальству? Тем временем японцы довезут пушку до мертвого пространства. Стали стрелять на свой риск; попали как раз в упряжь. Японцы отступили с пушкой обратно в укрытое место... [464]

В то же время, как узнали, японские парламентарии, переговаривавшиеся об уборке трупов, спросили с беспокойством:

— Что это ваши стреляют? Скажите им, чтобы не стреляли. Их уверили, что это какое-нибудь случайное недоразумение. Можно полагать, что японцы знали лучше наших, что это за недоразумение.

При этом вспомнился случай, когда в самом начале осады наш снаряд попал в японский санитарный фургон и в нем произошел огромный взрыв... В них подвозили боевые запасы.

Далее он рассказал некоторые подробности о гибели генерала Кондратенко.

В этот день японцы выкуривали наших из капонира форта II какими-то ядовитыми веществами; пришлось через две минуты менять людей. Но и японцы не могли нападать при этих ядовитых газах и потому ничего не взяли.

В девятом часу вечера генерал Кондратенко прибыл на форт и зашел в капонир, который наполовину в руках японцев, чтобы лично убедиться, в каком положении дела. Один из бывших там солдат будто ответил на привет генерала громковато: «Здравия желаем ваше превосходительство!..». Японцы тут же, за траверсом из мешков, наверно, слышали это и сообщили своему начальству, что какой-то генерал пришел на форт. Тотчас начали стрелять по форту из 11-дюймовых мортир и стреляли довольно долго, но после катастрофы вскоре прекратили огонь.

Кроме перечисленных в приказе лиц, одновременно с генералом Кондратенко погибли еще фельдфебель — зауряд-прапорщик Дюков и три солдата.

Сегодня будут хоронить всех под Крестовой батареей.

С 10 часов 35 минут утра началась бомбардировка города и местности около бывшего штаба района. Особого вреда нигде не причинили.

Говорят, что генерал Смирнов сказал:

— Все равно не перееду в другое место. Пусть стреляют сколько им угодно!

Утром японцы сильно обстреливали форт V. Вечером собралось довольно большое общество. Тема разговоров одна — утрата генерала Кондратенко. [465]

Б. говорит, что уже теперь видно, что генерал Фок поведет дело совсем иначе. Будто уже приняты две меры, которые не могут принести пользы: установленный генералом Кондратенко порядок, чтобы известная часть войск отвечала за свой участок, уже сводится к нулю — отдельные части перетасовываются; сосредоточенные в окопах поблизости более угрожаемых мест постоянные резервы — чтобы в нужную минуту сразу оказать необходимую поддержку — генерал Фок отодвигает, будто в интересах сбережения людей, но тем ослабляет фронт. Третий явный минус тот, что генерал Фок приказал на фортах и укреплениях заложить мины; этим двояко подрывается стойкость гарнизонов укреплений: во-первых, привита мысль, что в трудную минуту можно отступить и взорвать свои мины, и, во-вторых, каково гарнизону сознавать, что неприятельский 11-дюймовый снаряд может в любую минуту взорвать наши мины и уничтожить, так сказать, своими средствами весь гарнизон. После этого естественно, что каждый будет думать лишь об одном — как бы поскорее убраться с форта. Лучше сидеть в любом окопе, чем на форту между двух огней.

При этом вспомнили, что эта дикая идея появилась у генерала Фока еще на Кинчжоу. Полковник Третьяков и инженер Шварц воспротивились ей. Тогда был прислан из Артура для закладки мин под батареи и редуты особый офицер, но тому не удалось ничего сделать, так как японцы начали бой.

Кто-то поднял вопрос — кого мы потеряли в лице генерала Кондратенко.

Этот вопрос вызвал очень оживленный обмен мнений. Взвешивались все мелочи. Порешили на том, что назвать Кондратенко душой всей обороны, пожалуй, не совсем точно.

Кто-то предложил такую формулу: генерал Кондратенко — сердце, импульс обороны, генерал Смирнов — наблюдающий, комбинирующий центр, а генерал Стессель — произвольные и непроизвольные, аффективные движения, да и все такое прочее. Мнения относительно роли генерала Фока разделялись по формулировке, но не по существу; не помню, какие положительные стороны были приписаны ему...

Порешили не спорить об этом, так как тут можно смотреть с разных точек, с разных углов зрения на весь многосложный [466] ход обороны. Лучше считаться с фактами. Все признали, что Кондратенко был лучшим начальником обороны и лучшими его помощниками боевых фронтов на правом — генерал Горбатовский и полковник Мехмандаров, а на левом — полковники Ирман и Третьяков, составляющие собой также заметные частицы «души» обороны.

Но так как генерал Фок не может достойно заместить генерала Кондратенко и, кроме того, он в свое время резко отзывался о действиях Горбатовского и Ирмана, то нужно опасаться, что он пожелает теперь доказать, что он стал их непосредственным начальником.

Генерал Смирнов потерял в лице Кондратенко самую сильную свою опору в борьбе со Стесселем.

Никто не видит во всем этом чего-либо утешительного. [467]

VIII. Последние дни крепости

1. Начало конца

5/18 декабря

В 8 часов утра — 7°, небо ясное, тихо. Утро великолепное — лишь холодное.

Всю ночь был слышен грохот пушек. Оказывается, что японцы обстреливали ночью гавань и Новый город.

10 часов 35 минут. Перепелочная батарея усиленно стреляла некоторое время. Должно быть, заметили передвижение неприятельских колонн, обозов или артиллерии.

1 час 39 минут дня. С часу началась бомбардировка гавани. Около четверти часа тому назад началась довольно сильная канонада и слышен был ружейный огонь по направлению форта II; сейчас он уже стихает, но японские снаряды рвутся еще на Залитерной горе.

5 часов вечера. Артиллерийский огонь по фронту от форта III до батареи литера Б все еще продолжается.

9 часов вечера. Был в Красном Кресте. Там узнал, что японцы сегодня начали бомбардировать форт II, взорвали там бруствер и капонир и хотели воспользоваться брешами для того, чтобы завладеть фортом, но это им не удалось. [468]

Пришедший с форта II солдат, у которого врачи вырезали осколок из затылка, говорит, что была рукопашная схватка — сверкали и офицерские шашки, и штыки; более точных сведений он не мог дать. После перевязки врачи хотели уложить этого солдата в палату, но он на это не согласился.

— Что же я лягу с такой пустяшной раной, когда товарищи там дерутся!..

Ему дали перевязочное свидетельство, на основании которого он должен получить Георгиевский крест как вернувшийся в строй, и он ушел обратно на форт{274}.

Мне сообщили, что взрыв на форту II произошел как раз в то время, когда егермейстер Балашов имел переговоры с японцами о том, чтобы они не стреляли по госпиталям. Японцы объясняют попадания в госпитали тем, что их орудия расстрелялись и что поэтому уклонения снарядов возможны{275}.

Поэтому будто решено перевести все госпитали в Старый город, в места, точно указанные японцам на особой карте.

На левом фланге японцы будто было захватили одну промежуточную гору между Высокой горой и фортом V, занятую всего одним взводом стрелков; ее взяли обратно.

Зашел и к птенцам доктора Миротворцева, т. е. в офицерскую палату Мариинской общины. Сергей Романович делал в это время свои вечерние визиты раненым совместно с сестрой Ивановой. Отношения врача и раненых носят чисто семейный, душевный характер — не тени деловой сухости, торопливости. В сердечности обращения с ранеными врачи Красного Креста вообще выше всяких похвал; притом вся обстановка и продовольственная сторона Красного Креста отличается почти роскошью в сравнении с бедными военными госпиталями, где во всем ощущается лишь недостаток и где врачам приходится работать в значительно более невыгодных условиях, где они не имеют простой физической возможности уделить столько времени [469] каждому больному. Поэтому не удивительно, что каждый раненый мечтает о том, как бы попасть в Красный Крест; но всех не поместишь туда при лучшем желании.

Военно-медицинская часть нуждается у нас во многих улучшениях. С точки зрения полной объективности государство, которое не в силах обеспечить всем искалеченным войной людям немедленную и полную помощь, не имеет нравственного права воевать. Это диктуют нам

принципы человеколюбия, это вытекает из смысла самопожертвования в пользу государства.

Думается, что военным врачам нелегко сознавать, что они, несмотря на всю их готовность и даже труд до изнеможения, не в силах дать раненому тот уход, какой требуют его ранения.

Передают, что генерал Никитин был в Красном Кресте и говорил, что под вечер по Мандаринской дороге японцы придвинули к крепости около дивизии пехоты и что нужно ожидать штурма.

Мсье Тардан не верит этому и говорит, что ему приходилось не раз, как в прежние войны, так и ныне, обличать наблюдателей в сильном преувеличении сведений о силах неприятеля. Большинство убеждено, что японцам не взять Артур.

Н. В. В. сообщает, что с 3 декабря японцы начали стрелять новыми 11-дюймовыми снарядами. Снаряды эти длиннее обыкновенных, тонкостенные и начинены пироксилином, фугасные действия такого снаряда очень сильны, но они часто рвутся на воздухе, не причиняя почти никакого вреда. Он будто видел два таких разрыва в воздухе и пришел в недоумение — что это за исполинская шрапнель? Полагает, что это опыты, и не совсем удачные.

Сообщают, что амикошонство среди наших и японских офицеров в боевой линии переходит пределы желательного. Иногда будто приостанавливают перестрелку и посылают: наши по бутылке водки, а японцы рому.

Одна из искоемых японцами «дорогих» сабель будто возвращена им, а другая еще нет. Японцы будто из благодарности за возвращение сабли и обещание вернуть и другую передали мешок писем, перехваченный японцами с джонки, идущей в Артур. По другой версии, они на настояния егермейстера Балашова не стрелять по госпиталям — чем нарушается Женевская [470] конвенция — любезно преподнесли ему мешок почты и все-таки уклонились от прямого ответа по обстрелу госпиталей. Расстрел своих орудий (потерю меткости) они любезно объясняют упорной героической защитой крепости — комплиментом, позолотой пилюли.

Все увертываются.

Горка под батареей № 20, на которой сегодня похоронили генерала Кондратенко, подполковников Рашевского и Науменко, капитана Зедгенидзе и прочих офицеров, убитых одновременно на форту II, названа приказом генерала Стесселя «Романовской» — по имени Романа Исидоровича Кондратенко.

Сегодня на Высокой горе (или за ней) нашим артиллерийским огнем взорван японский пороховой погреб.

6/19 декабря

В 7 часов утра — 7°, густой туман. К 9 часам туман рассеялся, засияло солнце.

Первое, что узнал сегодня: форт II очищен вчера, около 11 часов вечера, по приказанию генерала Фока. Генерал Горбатовский было кинулся туда, чтобы удержать форт, но было уже поздно — уже подполковник Глаголев исполнял приказание. Под сильным огнем неприятеля укрепились, то есть устроили окоп между фортом II и Куропаткинским люнетом. В это время ранен подполковник Глаголев шрапнельной пулей. При отступлении было приказано взорвать форт, но это что-то не удалось. Сведения пока туманны, но что-то похоже на то, что форт мог еще держаться. Говорят, что японцам не удавалось до вечера завладеть брешами, засесть на бруствере и укрепиться мешками, но и у нас будто не нашлось охотников (которых раньше было всегда более чем надо; на форту II караульную службу несли только охотники) заделать брешу. Но, говорят, когда мичман Витгефт привел отряд матросов и хотел тотчас отбросить японцев, уже засевших в брешах, то будто ему сказали, что решено очистить форт II и поэтому не стоит тратить людей. Все соглашаются, что после смерти коменданта форта

капитана Резанова, и после ранения достойного его заместителя поручика Флорова, т. е. со дня смерти генерала Кондратенко, дух стойкости гарнизона форта стал падать, особенно будто подорван этот дух приказанием о закладке фугасов с нашей [471] стороны — на случай чего... Капитан Резанов и поручик Флоров твердили одно: «Умрем, но не отдадим форта!». А тут стало известным пресловутое «на случай чего» — значит, можно и бросить форт, на котором так долго и так цепко держались.

Впрочем, ясно, что генерал Фок придерживается своих теорий, изложенных им в записке от 21 октября. Он считает форты оконечностями крепости, подлежащими возможно скорейшей ампутации во избежание потери крови и заражения всего организма гангреной; другие же считают напротив — форты не оконечностями, а самым существенным организмом крепости и именно отступление — гангреной, способной заразить весь гарнизон. Как бы то ни было, очищение форта не радует никого.

4 часа 32 минуты дня. Тотчас после 9 часов утра Перепелочная батарея послала с десятков снарядов по замеченному неприятелю. С 10 часов 42 минут японцы начали бомбардировку порта и города; стреляли 11-дюймовыми и 120-миллиметровыми по району Военной горы, по направлению квартиры коменданта, бывшего штаба района и инженерного управления, по Тигровому полуострову и Новому городу. Недавно перестали стрелять по городу; и на позициях сравнительно тихо.

Зашли Р., Д. и Ж. Говорят, что генерал Стессель сказал на параде, что он приказал взорвать форт II и отойти за Китайскую стенку, чтобы там укрепиться.

9 часов 7 минут вечера. На позициях редкая перестрелка и редкий орудийный грохот.

7/20 декабря

В 7 часов утра +0,4°, пасмурно.

На позициях очень редкий орудийный огонь.

После того, как я прошел в Новый город, начался обстрел дороги шрапнелью.

В 7 часов 25 минут начали стрелять по Новому городу; стреляли недолго. Затем перенесли огонь на побережье Тигрового полуострова и на место стоянки крейсера «Разбойник» и минного крейсера «Всадник».

Когда вернулся домой, узнал, что до и после обеда обстреливали Саперную импань и казармы 9-го полка, куда предположено перенести госпитали; под вечер стреляли с час времени по городу, причем по Стрелковой улице загорелась фанза. [472]

9 часов вечера. Ходил в Красный Крест. По дороге встретил Г. Вдруг защелкали вокруг нас перелетные японские пули, пришлось спрятаться от них за каменную ограду Красного Креста.

На позициях более нервная перестрелка и более частый грохот орудий по всему фронту.

И. А. рассказал, что вблизи городской больницы какой-то китаец похлопал встречного раненого солдата по плечу и сказал с довольной улыбкой:

— Много, много лусский палохода ходи есть! Много чифан, много солдата есть — шибко холошо-о-о!..

То есть — идет много русских судов, везут они много провианта и войск, скоро освободимся. Верим и радуемся.

Рассказывают, что после взрыва на форту II отбили японцев и они стали забрасывать форт минами. Комендант форта штабс-капитан Кватц не пустил моряков в контратаку, а начал взрывать форт; было заложено всего 8 мин, а взорвались лишь 3; говорят, что для того чтобы взорвать весь форт, нужно было бы заложить мин 18. Будто орудия и пулеметы остались на форту — не успели увести или забыли. Наши потери на форту около 200 человек.

Г. говорит, что ранения от взрывов ужасны — ткани буквально измочалены, всюду нужна ампутация, и она не всегда спасает жизнь, так как много потеряно крови. Жаль, говорит, людей, но ничем не поможешь.

Подпоручик С-ов собирается идти на позиции. Говорит, что это он должен делать из принципиальной порядочности, как офицер, представленный к высшей воинской награде — к ордену Св. Георгия.

Подполковник Т. и Г. высказывают уверенность, что продержимся до прибытия помощи — по крайней мере до января месяца.

Вчера взяты в плен несколько японцев, между ними один, должно быть, из обоза, он без кокарды, с бляхой. Они будто говорят, что под Артуром нет никаких свежих войск и что им приходится очень трудно.

Получил записку от В. В. Г. с Тигрового полуострова; сообщает, что и последнюю его квартиру разбило снарядами и что он сейчас на цыганском положении. Пароход «King Arthur», [473] Bombay, разгрузился и вчера вечером ушел обратно{276}. Сообщает слух, будто Балтийская эскадра имела бой, в котором японцы потеряли два флагманских броненосца и наша эскадра три судна.

Сегодня редактор «Нового края» получил несколько номеров старых русских и колониальных газет. Говорят, что в наших штабах относятся к газетам, по крайней мере, странно — редакция не получила за все время осады ни одной из больших русских газет{277}, хотя они получены из Чифу, ей передают только провинциальные, например «Крымский курьер», «Туркестанские ведомости», «Степной край». И хотя бы одна из этих газет была получена полностью, только отдельные, случайные номера.

Сообщают, что вчера вечером или сегодня утром пришла джонка с почтой и уже ушла обратно с оправдательными документами о гибели наших судов в гавани и донесениями. Говорят, что морское ведомство и штаб района опять, что называется, на ножах. В свое время будто наместник потребовал от генерала Стесселя, чтобы он не разжигал раздора между морским и сухопутным ведомством. Но сейчас он восхваляет молодецкий выход «Севастополя» на рейд, желая этим оттенить остальных. На самом деле моряки заслужили полное уважение сухопутных войск своей храбростью и отвагой, своей помощью в нужную минуту. Следовательно, в данное время раздор существует лишь среди начальства.

Зашел С. и рассказывал, что из артиллеристов на атакованном фронте полковник Мехмандаров (команд, всей артиллерии правого фланга) и подполковник Стольников относятся с удивительным презрением к личной опасности, ходят по батареям во время бомбардировок, будто не замечая рвущихся снарядов, ободряют этим других. Первый из них рыцарски храбр как кавказец, второй же, как бы спокойно, беззаветно покорен судьбе как человек религиозный.

На долю полевой артиллерии здесь главным образом лежит задача отбивания штурмов — уничтожения неприятельских [474] колонн шрапнелью и картечью. Так как крепостные орудия очень пострадали, а полевая артиллерия меняет по надобности позиции, то японцам трудно бороться с ней, а она разит и разит их.

8/21 декабря

В 7 часов утра — 4°, пасмурно, небольшой ветер с севера.

Все утро грохочут пушки.

Когда я шел в Новый город, был слышен орудийный грохот в направлении Ляотешаня или Белого Волка.

В Новом городе узнал, что во время бомбардировки прошлой ночью сгорели лесные склады Восточно-Азиатской компании и «Кунст и Альбере»; пожарище еще дымилось. Должно быть, лесных материалов было там немного.

Сегодня масса слухов: 1) будто в 80 милях от Чифу был морской бой; 2) будто японские суда укрылись в нейтральных гаванях и должны разоружиться; 3) будто войска из армии Куропаткина в больших силах около Дашицао; 4) будто прибыл офицер из Северной армии и сообщил, что Куропаткин в Сеньючене, и 5) будто сегодня видели на горизонте около 30 военных судов — двухтрубных и трехтрубных.

Особенно взбудоражил последний слух, но так и не удалось найти человека, который видел бы своими глазами эти суда.

Сегодня не стреляли ни по Новому, ни по Старому городу, стреляли лишь по батареям и одно время по «Разбойнику».

Когда на обратном пути прошел уже мост, то над дорогой из Нового города разорвалась шрапнель.

Газеты получены не с джонок, а от японцев, одновременно с письмами, среди которых оказались и от 26 сентября. Но из них ничего особенного не видно — ни мировых событий, ни особенного успеха Куропаткина.

9/22 декабря

В 7 часов утра — 4°, все еще северный ветер.

На заре был слышен грохот орудий.

Прошлую ночь обстреливали Новый город редким огнем.

С 9 часов утра японцы обстреляли Тигровый хвост, выход из гавани, а потом в два приема Старый город; и в Новый город упало несколько снарядов во время обстрела побережья Тигрового полуострова. [475]

Вечером слышны отдельные выстрелы и будто шрапнель по направлению Крестовой батареи. Как бы японцы не вздумали обстрелять район казарм 10-го полка. Куда же тогда деваться генералу Стесселю и штабу района, чувствующим себя там в безопасности?

Сообщают, что японцы сильно обстреляли 11-дюймовыми снарядами район форта III и укрепления № 3.

Вечер чудный, лунный; тихо. На позициях редкая перестрелка.

2. Еще один отбитый штурм

10/23 декабря

В 7 часов утра — 7°, ясно.

С 3 часов утра начался редкий орудийный огонь на левом фланге, который достиг к 6 часам значительной степени. С 7 часов начался там и частый ружейный огонь. Орудийный огонь замолк около 8 часов 50 минут, но ненадолго, чтобы снова загрохотать, казалось, с еще большей силой, залпами. Будто штурм по направлению форта V. За это время оживилась перестрелка и усилился орудийный огонь также на правом фланге, но не достиг степени штурмового и уже затихает. Видно, демонстрация для отвлечения внимания и резервов от места атаки на левом фланге.

Электрический утес и Золотая гора начали стрелять.

В 9 часов 35 минут прошипел первый «паровоз» (так прозвали у нас 11-дюймовые снаряды неприятеля) по направлению к Золотой горе или порту.

Первое, что узнал о левом фланге, это то, что вчера нам пришлось очистить промежуточную, так называемую Соловьевскую горку у Голубиной бухты, которая переходила уже не раз из рук в руки. Вчера японцы выпустили по ней одних 11-дюймовых снарядов около 170 штук, когда от роты осталось всего 15 человек, то было приказано отступить. Но когда японцы заняли горку, то наша артиллерия открыла по ней такой сильный огонь, что и японцы не могли удержаться на ней. Поэтому горка осталась сейчас нейтральной.

11 часов 15 минут утра. Японцы бомбардировали порт около часа времени, затем они развили довольно сильный огонь по нашему правому флангу. Наши батареи отвечали, и Перепелочная [476] участвовала одно время сильно огнем. Замечательно, что японцы никак не могут заставить замолчать эту батарею, которая на хребте горы как на ладони.

У знакомого встретил Б., который сообщил очень интересные, хотя печального свойства, сведения.

Пароход «Маньчжурия», взятый японцами 27 января, принадлежит, по его словам, Восточно-Азиатской компании, в которой участвуют, и чуть ли не главным образом, иностранные капиталы, «Маньчжурия» была нагружена боевыми припасами и пушками для крепости и флота, на ней был воздушный парк — три шара со всеми приспособлениями и материалами и, наконец, ремонтная материя на случай повреждения военных судов. Словом, «Маньчжурия» была нагружена самым ценным для нас грузом, который уже нельзя было подвезти железной дорогой и который усилил бы крепость и флот наш в очень значительной степени.

Когда «Маньчжурия» зашла в Шанхай и замешкалась там, несмотря на то что в воздухе уже слишком явно пахло порохом, то командир нашего там стационара, канонерской лодки «Манджур», капитан Кроун {278} потребовал от капитана парохода «Маньчжурии», чтобы он немедленно отправился по назначению, т. е. в Артур. Капитан хотел было отговориться неисправностью машин или котлов, но капитан Кроун назначил комиссию для освидетельствования состояния машин, и «Маньчжурия» вышла в Артур, простояв попусту в Шанхае четыре дня. После нее вышел из Шанхая в Артур пароход «Бари» и прибыл на место до начала военных действий.

По добытым дальше сведениям капитан «Маньчжурии», достигнув мыса Шандуня, застопорил одну машину, и ее начали чистить, тем временем работала только одна машина, и пароход двигался черепашим ходом до тех пор, пока японские суда не взяли его как приз.

История очень подозрительного свойства.

Д. говорит, что даже в том совсем невероятном случае, если бы пароход не мог бы дойти до места назначения лишь вследствие плохого состояния машин, общество обязано возместить [477] все убытки, понесенные нашим государством от запоздания парохода «Маньчжурия» {279}.

Но так как по всем данным тут имеем дело не со «взятием» японцами парохода, а с «отдачей» его — с предательской отдачей его капитаном, — то, по мнению Б., обстоятельное следствие и суд должны раскрыть это дело до мельчайших подробностей, беспощадно произнести свой приговор и этим успокоить общественную совесть {280}.

Не находишь слов, чтобы достаточно полно высказать все свое возмущение, всю досаду, всю обиду, взбужденную вновь этими подробностями. Теперь нам более чем когда-либо ясно то, какое огромное значение имело бы для обороны Артура получение этого груза до начала военных действий.

Бедное наше Отечество! Кто только не наживался на счет твоего благоденствия, на счет твоего престижа!

3 часа дня. Около 2 часов японцы снова обстреляли Старый город и порт, но на этот раз мелкими (6-дюймовыми или 120-миллиметровыми) снарядами. В порту убит 1 русский мастеровой и 3 китайца.

Ко мне зашел С. и говорил, между прочим, что в штабе района невозможная волокита по награждению солдат заслуженными по статуту Георгиевскими крестами, многие уже убиты и умерли от ран, не получивши заслуженной высшей награды солдата.

Говорит, что следовало бы всякое награждение за подвиги упразднить, так как долг каждого воина и гражданина совершать подвиги за Отечество; но раз этот обычай в силе, то злоупотреблять им — преступление.

— Если бы вы видели, — говорил он нам, — как озабочены чины штаба, сами по себе жадные к незаслуженным наградам, как бы только кто из солдат не получил крест без достаточной формулировки. Будто в формулировке подвига вся суть! Скорее [478] наоборот — раз солдат представлен к награждению, то не подлежит сомнению, что он достоин этой награды и если даже формулировка не отличается штабным стилем...

Как доказательство сказанного он показал приказ генерала Стесселя от 8 декабря за № 944, которым (пункты 120, 123 и 124) награждаются фельдшер Токраков и санитары Щербаков и Юрьев за подвиги, совершенные 12 и 13 мая.

Далее он говорил, что японцы не признают красного креста на военных госпиталях и не намерены щадить госпитальные здания, они признают лишь общество Красного Креста как санкционированное Женевской конвенцией и Гаагской конференцией.

Это, конечно, увертка, не делающая чести японцам. Притом они обстреляли и госпитальные суда, в том числе «Монголию», о существовании которой они уведомлены официальным дипломатическим путем.

Сегодня узнал, что в издающейся в Тяньцзине немецкой «Brigadezeitung» в номерах от 10 и 17 сентября намекают японцам, что они могли бы предпринять обходное движение на Синминтин, так как соблюдение Китаем нейтралитета вообще не больше как фарс. Это напоминает японцам в двух номерах подряд — как бы с некоторой настойчивостью.

Германская колониальная пресса вела себя до сей поры корректнее прессы всех остальных стран, но «Brigadezeitung» пожелала составить в этом исключение, забывая, что обеспечение интересов Германии здесь, на Крайнем Востоке, тесно связано с успехом лишь русского оружия.

7 часов 11 минут вечера. В пятом часу вечера изредка тата-кал пулемет на правом фланге, за Опасной горой, в районе, до сей поры серьезно не атакованном.

Узнал от П., что японский штурм на наш левый фланг неудачен. Они начали сегодня усиленной бомбардировкой форта V и прочих укреплений и всех промежуточных вершин между Высокой горой и фортом V, где полковник Ирман соорудил окопы, трудноуязвимые для неприятеля, но расположенные так, что они поддерживают друг друга ружейным огнем. Он был уверен, что японцы попытаются подойти к форту V вплотную, [479] а если это им удастся, то борьба с ними будет очень трудная. Имея в своем распоряжении немного войск, ему нужно было ухитриться расположить их так, чтобы они могли оказать сильное сопротивление натиску неприятеля. Окопы были расположены с таким расчетом, чтобы не уступить японцам даром ни одной вершинки, ни одного бугорка.

Когда японцы двинули сегодня свои штурмовые колонны — несколько батальонов — путем, укрытым от нашего артиллерийского огня, по долинам, на так называемую Рыжую горку, их подпустили очень близко без выстрела. Но когда наши стрелки взяли их под убийственный

перекрестный огонь, то штурмовые колонны вскоре растаяли, не имея ни возможности продвинуться дальше вперед, ни отступить под ужасным градом пуль. Уцелевшие в этом аду остатки отрядов кинулись обратно открытым местом, через так называемую Фальшивую гору, надеясь этим путем избежать уничтожения. Но там встретили их артиллерийским огнем с форта IV и укрепления № 4 и истребили почти всех. Наши потери в этом деле, около 18 человек убитых и 9 раненых на позициях и 2 человека ранены на форту V.

Трудно думать, чтобы японцы еще раз попытались пойти в этом месте на штурм. Еще славная страничка в истории обороны{281}.

Д. пришел с дежурства и сообщил, что начиная с прошлой ночи и сегодня целый день японцы обстреливали с суши броненосец «Севастополь», попаданий пока не было, но нужно опасаться, что они начнут скоро стрелять туда из 11-дюймовых мортир. Во время стрельбы на горизонте виднелись два японских крейсера, которые, вероятно, наблюдали за падением снарядов. На «Севастополе» было приготовили для них 12-дюймовые снаряды, но они не подошли на выстрел.

9 часов 30 минут вечера. На позициях изредка грохочут пушки и редкая ружейная перестрелка.

Поднялся довольно сильный ветер с севера. [480]

3. Довольно крупные мелочи

11/24 декабря

В 7 часов утра — 6°, ясно, тихо. Позднее поднялся небольшой северный ветерок.

С утра японцы обстреливали Новый город и «Севастополь»; будто один снаряд попал в броненосец.

Зашел солдат 28-го полка с крайнего левого фланга, говорит, что японцы обстреливали вчера и их орудийным огнем, но не причинили никакого вреда. Слышать не хочет о том, что японцы возьмут Артур. Пусть, говорит, приведут они еще 100 тысяч войск, тогда, быть может, возьмут, а так-то ни за что!

— Нешто правда, — спросил он, — что будто начальство собирается сдать крепость?..

Сказали ему, что это вздор — что русские крепости не сдаются.

Сегодня кто-то принес сообщенный ему в Русско-Китайском банке слух, будто Балтийская эскадра уже во Владивостоке и собирается вскоре сюда.

После обеда бомбардировка редким огнем гавани и Нового города. Снаряды попали сегодня в офицерское отделение госпиталя № 9 и в отделение «Монголии», т. е. в здание гражданского управления; ранены несколько человек.

Поэтому всех офицеров перевезли в Сводный госпиталь и в Мариинскую общину Красного Креста.

С. передал мне по памяти текст японского ответа на просьбу не стрелять по госпиталям. Ответ составлен в дипломатическом стиле и подписан начальником японского штаба генерал-майором Идзиси. Они оправдывают попадания снарядов в госпитали случайностью и ставят на вид, что здания, в которых кроме госпиталя имеется еще что-либо другое (например, в Новом городе, в доме Егеревы, под околотком магазин), не подлежат пощаде{282}. Японский ответ заканчивается тем, что они считают этот вопрос исчерпанным. [481]

Из беседы с ранеными офицерами узнал еще кое-что про полковника Мехмандарова. Он человек самолюбивый, храбрый и строго требователен по отношению к своим подчиненным,

ставит им в обязанность показывать примеры личного мужества. Будучи человеком горячего темперамента, высказывается довольно резко. Говорит, что ценит лишь людей разумно самолюбивых, которые способны на подвиги и что главная мечта офицеров-карьеристов — сохранить свою жизнь и получить ордена без заслуги. Терпеть не может людей, прикрывающих свою трусость якобы преклонением перед идеями Л.Н. Толстого о непротивлении злу, о том, что не следует убивать, возмущается тем, что такие люди лезут в военную службу.

Боевые товарищи убитого на Высокой горе подполковника Петра Дмитриевича Бутусова говорят, что в лице его мы потеряли одного из лучших офицеров и доброго, милого человека. Он заменил на Высокой горе полковника Третьякова и погиб на своем посту.

Вечер лунный, ветер западный, стало теплее.

12/25 декабря

В 7 часов утра +0,5°, тихо, ветер с юго-запада. Утро великолепное. Воскресенье.

Редкий орудийный огонь на позициях, преимущественно шрапнель.

Узнал, что в шестом часу наши саперы спустили мину в японский окоп у Куропаткинского люнета, взрывом разрушило там блиндаж с пулеметами и завалило вход в минную галерею. Взрыв был ужасен — разные обломки и части тела взлетали на воздух; некоторые обломки падали на люнет. После того наши бросили туда еще светящиеся бомбочки и бутылку керосина — и там загорелось. Японцы растерялись и сильно обстреляли после того Орлиное Гнездо.

Вот когда генерал Стессель решился, так сказать, оформить отдачу форта II — дать официальный отчет по официальным рапортам, конечно, и с официальной тенденцией.

«№ 961 [12 декабря). Начальник сухопутной обороны генерал-лейтенант Фок — при рапорте от 12-го сего декабря за № 20 представил рапорт коменданта форта № 2, 25-го В. С. С. полка [482] штабс-капитана Кватц о порядке очищения форта и копии с записок бывшего командующего 28-м В. С. С. полком подполковника Глаголева к штабс-капитану Кватц. В заключение своего рапорта генерал-лейтенант Фок доносит, что он признает все распоряжения, как подполковника Глаголева, так и штабс-капитана Кватц совершенно правильными. Прочтя рапорт штабс-капитана Кватц от 10-го декабря за № 60 и две служебных записки подполковника Глаголева, я вижу, что мое приказание об очищении форта № 2 было приведено в исполнение генерал-лейтенантом Фок образцово (!), за что долгом и особенным удовольствием считаю объявить его превосходительству сердечную благодарность. Форт № 2 поглотил во все время его обороны массу геройских защитников {283}; сначала капитан 25-го В. С. С. полка Резанов, затем поручик того же полка Флоров и наконец штабс-капитан Кватц исполнили долг на славу, несмотря на громадные потери. 5-го декабря японцы взорвали форт, и защитники форта были принуждены сесть за траверс и казематы: мост был сломан, положение стало отчаянное; не нанося врагу существенного вреда, приходилось, или выводя защитников, взорвать форт и сохранить геройский гарнизон для дальнейшей борьбы с врагом, или сидеть и ждать, когда уничтожат всех: я приказал генерал-лейтенанту Фок вывести гарнизон и затем взорвать форт, так как подготовить к взрыву — давно уже мною было приказано. Все распоряжения генерал-лейтенанта Фок были отлично выполнены, гарнизон в полном порядке (!) выведен, Куропаткинский люнет обеспечен, и когда все было подготовлено, форт взорван, и наши герои-защитники от взрыва не пострадали. Из рапорта штабс-капитана Кватц видно, что в этот трудный период для форта поведение господ офицеров и нижних чинов было геройское, так: «Квантунской крепостной артиллерии поручик Голдин руководил лично стрельбой, оставшись только с тремя нижними чинами, сам наводил орудия и несколько раз удачными выстрелами [483] картечью сбрасывал вскакивающих японцев на бруствер обратно в ров. Один раз, когда группа японцев в несколько человек бросилась на гребень бруствера, он,

скомандовав орудию стрелять, сам схватил винтовку и на моих глазах уложил первого же японца, который во весь рост показался на бруствере.

Мичман Витгефт, придя на форт со своими моряками в поддержку гарнизону и получив от меня указания, где на бруствере поместить своих, лично расставил всех моряков, указал им задачу, лично руководил бросанием бомбочек, а в то время, когда одна из пироксилиновых бомб попала в бруствер и разрушила его, убив около 15 человек, когда люди оглушенные бросились с бруствера, он своим примером, вскочив сам на бруствер, задержал всех, восстановил полный порядок и под его наблюдением бруствер был быстро заделан.

26-го В. С. С. полка подпоручик Витвинский руководил по моему приказанию обороной горжи и, несмотря на убийственный огонь с редутов, все время находился на горже и даже лично указывал цели матросу, который стрелял из 37-мм пушки по японским окопам перед люнетом Куропаткина и разрушил их до основания.

25-го В. С. С. полка зауряд-прапорщик Иван Колосов: в то время, когда одна из пироксилиновых бомб попала в то место бруствера, где стоял пулемет, и завалила его мешками, он, несмотря на то, что сам был придавлен и сильно ушиблен, быстро вскочил, прекратил общее замешательство, приказал вытаскивать пулемет, лично помогая в этом стрелкам, а пулеметчикам приказал тут же его чистить, что и было исполнено, так что в короткий промежуток времени пулемет был поставлен на свое место и начал опять действовать.

Командир 3-й роты 7-го запасного батальона зауряд-прапорщик Трофим Баранов и его младший офицер Михаил Кор-сунов выделялись своей храбростью, все время находясь на бруствере, руководили бросанием бомбочек; оба ранены, отказались идти на перевязочный пункт, а ограничившись перевязкой фельдшера, вернулись обратно на бруствер и ушли только тогда, когда форт был всеми оставлен.

Саперный офицер штабс-капитан Адо пришел на форт приблизительно через 1/2 часа по получении записки. Материалы [484] для взрыва казематов были принесены на форт еще засветло; часть фугасов ко времени прихода штабс-капитана Адо уже была заложена нижними чинами, и оставалось заложить только два фугаса».

Подполковник Глаголев во 2-й записке пишет: «Эти выдающиеся подвиги должны быть в памяти у каждого. Геройское поведение офицеров дало возможность спасти гарнизон форта». С благодарностью вспоминаю память покойного подполковника Глаголева, приношу свою душевную благодарность коменданту форта штабс-капитану Кватц, поручику Голдину, мичману Витгефт, подпоручику Витвинскому, зауряд-прапорщикам Колосову, Баранову и Корсунову и Саперной роты штабс-капитану Адо за своевременное исполнение работ на форту. Прошу немедленно войти с представлением о награждении сих достойных офицеров по их заслугам. Нижним чинам форта № 2 за всю их геройскую службу объявляю мое спасибо и представить немедленно по 5 человек на роту для награждения знаком отличия военного ордена. Ныне мы утвердились на Куропат-кинском люнете и положение наше гораздо улучшилось (!?)».

«№ 962. Японцы начали бросать на Китайскую стенку карточки и все с фотографическими снимками наших пленных, и даже с переводом по-русски, в числе их я узнал трех наших офицеров — двух стрелков и артиллериста, которые были тяжело ранены под Тгаренченом на Ялу. Томятся они под караулом японцев. Зачем они бросают нам это? Вы сами догадаетесь. Не первый раз, а начиная еще с передовых позиций, они восхищают нас прелестями Японии, сначала письменно, разными подметными прокламациями, а теперь уже и картинками; но ошибались вы и вновь ошибетесь. Вы не знаете русских воинов Белого Царя, прохвосты между нами редки, а если и есть, то делают пакости исподтишка(!). Мы уповаем на Господа Бога, на Пресвятую Богородицу и святых угодников и соблазнить русского солдата каким-нибудь хорошим домиком и киримоном никому не удастся. Мы

твердо верим, что если кому на роду написано, то сбудется. Смотреть, разумеется, смотри, но не засматривайся, разума не теряй, на Бога надейся и сам не плошай.

П. П. Начальник Квантунского укрепленного района. Генерал-адъютант Стессель.

С подлинным верно: Начальник штаба, полковник Рейс». [485]

Документы эти говорят за себя.

Непонятно лишь то, кого именно генерал Стессель подразумевает под эпитетом прохвостов, делающих пакости исподтишка?..

Мне сообщают люди, которым нельзя не доверять, что генерал Фок начал задавать солдатам на позициях вопросы: кому будет в плену легче, генералам или солдатам?

Ответ один — конечно генералам!

Это удивительно ловкий маневр и стоит того, чтобы на нем немного остановиться.

Казалось бы, что генерал Фок желает этим заставить солдат драться до последней капли крови. Но так как поведение генерала Фока никогда не склонялось в эту сторону, то ясно, что тут имеется задняя мысль. И она становится осязаемой, если не поддаешься обману дипломатической маскировки.

Генерал Фок приучает замечательно искусно, «исподтишка» этим вопросом солдат к мысли, что не миновать им плена, что не миновать его и генералам...

Это единственный верный способ подорвать стойкость гарнизона в то время, когда среди войск на позициях все более и более возникало и высказывалось сомнение:

— Нешто на самом деле начальство собирается сдать крепость?

Это угрожающее настроение нижних чинов не осталось тайной для генерала Фока, и с этим настроением нужно было рано или поздно считаться.

Едва ли кто может после этого сомневаться в том, что генерал Фок — человек большего ума. Но, к сожалению, этот ум будто болезненно извращен и вместо пользы приносить только вред{284}. [486]

8 часов вечера. С 10 часов утра японцы начали бомбардировать 11-дюймовыми снарядами Курганную батарею и укрепление № 3, поддерживая редкий огонь по всему фронту. С 1 часа 40 минут началась бомбардировка города и порта 120-миллиметровыми снарядами, продолжавшаяся два часа, в это время что-то загоралось в порту, но пожару не дали разгореться.

Сообщают, что сегодня стреляли и по Новому городу, который стали обстреливать каждую ночь. Прошлой ночью были попадания в госпиталь № 9 и в отделение Красного Креста (здание гражданского управления), там ранены 2 человека тяжело и 6 человек легко. Сегодня хотели перевозить всех раненых обратно на «Монголию» и на «Казань». Егермейстер Балашов будто сообщил об этом японцам письмом.

13/26 декабря

В 7 часов утра — 6°, дым стелется низко над городом.

Несмотря на то, что артиллерийский огонь на позициях порой оживлялся, иногда даже заговаривали пулеметы как бы отрывистыми, короткими фразами, казалось, где-нибудь начнется штурм; день прошел спокойно.

Сообщают, что вчера и сегодня японцы обстреливали «Севастополь», но попаданий не было. Человек 50 десанта с «Севастополя» посланы на Ляотешань. Канонерская лодка «Отважный», стоящая вблизи «Севастополя», разоружена; вся команда снята на берег, хотя судно не повреждено ни минами, ни снарядами... Будто командир заявил Эссену, что он не в

силах больше переносить этого...

Появился слух, что в морском бою погибли броненосцы Балтийской эскадры: «Князь Суворов», «Орел» и «Слава» (?) и несколько крейсеров, зато японский флот уничтожен...

Откуда эти сведения?

Утром в Китайском городе загорелся дом, скоро затушили.

Во время бомбардировки порта под Золотой горой, около опреснителя, загорелся какой-то склад масла.

По городу сегодня не стреляли. [487]

Сообщают, что и на левом фланге шла весь день артиллерийская перестрелка.

Ожидают штурма.

10 часов 15 минут вечера. Температура +1°, подымается ветерок.

14/17 декабря

В 7 часов утра — 4,6°, тихо, ясно, дым стелется низко, будто с туманом, потом солнечно.

Ночью японцы взорвали один заложенный ими под укреплением № 3 камуфлет, но очень неудачно — весь заряд вылетел обратно, в их сторону, и это обошлось для них не без потерь; специалисты говорят, что забивка была у них слабая. Все-таки они было полезли на форт, но отброшены, преимущественно бомбочками.

Ночью же снова обстреливали Новый город.

По дороге в Новый город меня вдруг озадачила ружейная пальба в стороне Тигрового полуострова — точно там шла оживленная перестрелка. Я остановился, прислушиваясь, что бы это могло значить: неужели неприятельский десант мог пробраться на Тигровку, или, что еще хуже, японская пехота оттеснила или прорвала за ночь наш крайний левый фланг? Дружинник-санитар Баранов рассеял мое недоумение. Оказывается, что в западном бассейне появилась масса диких уток, и охотники добывают себе свежее жаркое. Словно появление перепелов в пустыне Синая для голодавших израильтян!

Встретил Н. И. Ему сообщил прапорщик запаса Г., что наши суда решено подготовить к взрыванию...

Не верится. Неужели наши дела так плохи?

Дальше встретил Н. Он жалуется, что командир порта не дает пироксилина, которого у морского ведомства очень много, на изготовление ручных бомбочек для сухопутной обороны. Говорит, что приходится вытаскивать из воды те мины нашего заграждения рейда, без которых можно надеяться обойтись, разряжать эти мины и добытый таким способом пироксилин просушивать, просто, на печах...

— Не понимаю, — говорит, — для чего такая экономия{285}. [488]

Он ничего не слышал о подготовке судов к взрыванию и тоже не верит этому.

Наши батареи левого фланга открыли огонь по неприятелю; потом и японцы открыли довольно сильный огонь по нашим батареям.

Л. сообщает, что генерал Фок продолжает беседовать с солдатами на тему — кому будет лучше в плену...

9 часов вечера. Японцы обстреливали сегодня Старый город 11-дюймовыми и более мелкими снарядами. Разрушено несколько зданий, в том числе магазин Офицерского экономического общества, при этом в магазине убиты 1 приказчик и ранены 2 приказчика и 4 покупателя (1 матрос и 3 солдата). Бомбардировка длилась три часа.

«Севастополь» обстреливали сегодня (с суши же) 120-миллиметровыми снарядами с обеда до сумерек.

Вечером побыл среди артиллеристов, у которых завязался интересный спор. Большинство того мнения, что недостаток снарядов произошел из-за теперь уже непоправимой ошибки в расходовании их.

Оказывается, что у нас имеется посейчас еще огромное количество (чуть ли не 70 тыс.) старых китайских снарядов, которыми можно было стрелять из бывших китайских орудий и которые можно было заблаговременно приспособить ко многим нашим орудиям и в свое время израсходовать с большой пользой взамен наших лучших и дорогих снарядов.

Но это нужно было сделать в то время, когда задача артиллерии заключалась не в меткости каждого выстрела, а в возможно большем количестве снарядов, выпускаемых по известной площади, как это было в начале осады. Так, например, по словам их, по Дагушаню и по южным склонам Волчьих гор было выпущена масса лучших наших снарядов, притом до самого крупного калибра включительно — без особой пользы и надобности. Тогда тратились снаряды и расстреливались, утрачивая свою меткость, наши лучшие орудия по невидимой цели — только для того, чтобы держать данную местность под сильным артиллерийским огнем.

Для этой-то задачи могла быть с таким же успехом использована вся масса китайских снарядов; тогда бы у нас остались [489] впоследствии, когда понадобилось разбивать неприятельские осадные батареи и уничтожать их укрепления, все те 12-, 10- и 8-дюймовые снаряды эскадры, 11-дюймовые и 9-дюймовые снаряды Золотой и Крестовой мортирных батарей, а также 10-дюймовые на Электрическом утесе, не считая всех более мелких калибров со всех батарей правого фланга, которые были выпущены по одному Дагушаню 26 и 27 июня только для того, чтобы не дать японцам возможности там укрепиться.

Не знаю я артиллерийского дела, но по слышанным мной мнениям и доводам и у меня зародилось убеждение, что тут совершен огромный промах в ущерб интересам обороны крепости.

Но на этот раз не виноват — стрелочник...

Зашел к стрелкам. И у них свои недовольства.

Говорят, что полки, не имеющие настоящих командиров, а лишь временных командующих, обижены наградами, хотя и отличались, а с другой стороны — такие полки не могут быть столь сплоченными, такой однородной силой, одинаково воодушевленной массой, как полки, которые знают своего командира, который, в свою очередь, знает свой полк, где между командиром и полком установилась известная духовная связь. В таких полках ассимилировались и части, вошедшие в них по мобилизации, — в них нет чужого, все свои. В полках же, имеющих лишь временно командующих, притом меняющихся, нет ни взаимной любви, ни взаимных интересов, ни взаимной заботы — все люди чужие, не знающие друг друга, и весь народ, как будто сброшенный в кучу, расползается, распадается на части, на отдельные кучки.

Как на блестящий пример указывают на 5-й полк, который неоднократно пополнялся из других частей за страшной убылью своих людей, и в данное время едва ли найдется в нем сто человек из первоначального состава полка, а между тем каждый вступивший в него солдат незаметно становился достойным славного имени полка и гордился им, и каждому известно, что на 5-й полк можно всегда надеяться...

Говорят, что даже в 14-м полку лучше других, хотя там командир не пользуется особой любовью. Зато, говорят, кормит хорошо и заботится о наградах. [490]

У нас из 9 стрелковых полков только 4 имеют своих настоящих командиров, а 5 — временно командующих, причем некоторые из них менялись еще во время войны; кажется, тоже самое

и в запасных батальонах.

Сегодня мне особенно повезло на интересные беседы. На пути домой встретил компанию знакомых старожилов и моряков. Они как раз рассуждали о том, что мы многое потеряли от того, что не имели большего дока для исправления броненосцев.

Причиной тому оказывается не что иное, как упорное непонимание в Петербурге того, что нельзя же иметь военный порт без доков, тем паче в случае войны.

Мне сообщают, что с самого занятия Артура были выработаны сметы на необходимые доки и представлены чертежи; осталось только утвердить или рационально изменить эти сметы и ассигновать необходимые средства.

Мало того: оказывается, что строительная контора по гидротехническим сооружениям «Борейша и К°» давно предлагала правительству выстроить большой сухой док на свои средства, на условиях рассрочки платежей. Но и это предложение не встретило сочувствия, в то время как в Дальнем строились гигантские молы и прочие портовые сооружения, стоившие десятки миллионов.

Адмиралу Алексееву будто стоило не меньше трех лет настойчивого ходатайства, пока в столице разрешили начать постройку дока, без которого, казалось бы, немислимо существование простой стоянки военных судов, не только что большого военного порта, главной базы наших морских сил на далекой окраине. Но, кажется, немного поздновато {286}.

И тут, будто, вина не стрелочника...

В заключение встретил Т., возвращающегося на позиции. Говорит, что японцы долбят с 9-го числа форт III, укрепление № 3, Курганную и прочие батареи этого района; из этого он заключает, что теперь они полезут на этот район. Кроме того, они ведут упорно свои минные галереи, и едва ли нашим [491] инженерам удастся помешать их успеху, так как все выгоды на стороне неприятеля, у нас же и в людях, и даже в саперных инструментах недочеты, условия работ самые неблагоприятные.

Заговорили о разных ухищрениях и нововведениях японцев в эту войну, я упрекнул его, что мы ничего нового не придумали. Он говорит, что это не совсем так, что не все наши нововведения не имели положительных результатов. Он указал на удачное применение морских минных аппаратов и мин Уайтхеда в сухопутной обороне; затем рассказал мне, что, помимо всего прочего, солдаты придумали даже расставить впереди укрепления № 3 для неприятеля проволочные силочки (петли), чтобы штурмующие запутывались в них. Первый блин вышел комом — в силочки попали наши охотники при ночной вылазке, и их чуть не расстреляли свои же; но и неприятель запутался в этих незаметных препятствиях и был уничтожен, пока еще не успел выпутаться. Даже панцирь и шлем были испытаны на деле. Железный панцирь, прикрывающей грудь и шлем, были придуманы инженером Шварцем, и ими охотно пользовались часовые на форту II; от снаряда и крупных осколков этот панцирь, конечно, не мог уберечь; зато он прекрасно защищал от шрапнели, ружейных и пулеметных пуль и мелких осколков. Тяжесть панциря не утомляла часовых, которым не приходится много двигаться. Генералом Горбатовским придуманы особые проволочные препятствия.

Он говорит, что не следует забывать, что здесь много приходится придумывать такого, чего в оборудованных крепостях всегда в изобилии. Например, здесь не доставало вытяжных трубок для артиллерии — пришлось приспособляться, изобретать. Таким путем найден неоднократно выход из, казалось бы, безвыходного положения.

4. Успехи японских подрывных работ

15/28 декабря

В 7 часов утра — 3,5°, северный ветер. С 6 часов утра слышен грохот орудий на правом

фланге, все усиливающийся. Обстреливают преимущественно район Заредутной и Волчьей мортирной батареи. [492]

9 часов 30 минут утра. Около 8 часов артиллерийский огонь затих. Когда я шел в Новый город, японцы обстреливали канонерскую лодку «Бобр», стоящую около солеварницы в Западном бассейне. Снаряды ложились близко, были и попадания. Утром стреляли и по Новому городу.

В 9 часов усилился артиллерийский огонь вновь до большой силы на правом фланге; японцы начали усиленно бомбардировать Перепелочную батарею 11-дюймовыми и мелкими снарядами из осадных орудий; начали обстреливать и батареи левого фланга, поддерживая правый фланг своими орудиями. В промежутках стал слышен ружейный штурмовой огонь, были моменты, когда все как в котле варилось, земля вздрагивала. Стреляли и наши батареи, так что у насдребезжали стекла в окнах. Перепелочная батарея отвечала лихо, несмотря на рвущиеся вокруг нее снаряды.

Сейчас все стихает.

10 часов 55 минут. К 10 часам орудийный и штурмовой ружейный огонь вновь разгорелся, порой до какого-то адского клокотания; батареи левого фланга Саперная, Зубчатая (литера В), мортирная Моллеровская и другие — стреляли усиленно, и на них рвались неприятельские снаряды так, что нельзя было разобрать, что это — взрывы ли неприятельских бомб, или выстрелы наших орудий — все сливалось в какой-то рев и какие-то тупые удары.

Мы вышли послушать, что творится на батареях и на правом фланге, трудно заниматься в такие минуты. В это время ниже нас, к центру Нового города раздалась духовая музыка — стройный похоронный марш.

Такие явления производят очень сильное впечатление и едва ли могут быть забыты человеком. Там, на батареях и за ними — хаотический рокот орудий и переходящий в неровную барабанную дробь или журчание трескотов ружейных и пулеметных выстрелов, порой слышно на ближайших батареях даже жужжание осколков... А здесь мирная похоронная процессия — хоронят павших в бою и умерших от ран офицеров и прапорщиков; стройная, гармоничная мелодия.

10 часов 45 минут. Артиллерийский огонь затих, но ружейный все еще продолжается. Пушки грохочут еще там, как бы [493] очень далеко. Порой мелькает мысль, не сражается ли там наша выручка с севера с осадной армией за Волчьими горами? Это иллюзия, рождаемая нашими желаниями.

11 часов 46 минут. Д. принес известие, что японцы взорвали что-то (должно быть, один из своих горнов под бруствером форта) и потом начали штурмовать форт III, но, так как их отбросили, то они теперь передвигаются к левому флангу, и нужно ожидать здесь нового штурма. Никто из нас не слышал большего взрыва, должно быть, пустяки.

2 часа 15 минут дня. Японцы обстреливают Золотую гору и Суворовскую батарею на Тигровом полуострове; много рвется там неприятельских снарядов (6-дюймовых или 120-миллиметровых), но не видать попаданий на батареи.

Сообщают, что «Бобр» уже затоплен. На нем кто-то убит и кто-то ранен из тех, кто спасал более ценное имущество.

Наши батареи стреляют вновь усиленно. Даже одна из мелких батарей на Тигровке открыла огонь.

Каждое появляющееся на горизонте судно дает нам на минуту надежду на выручку — не наши ли суда Балтийской эскадры?.. Сегодня появились сразу два судна и третий дымок за горизонтом. Ждем с нетерпением, что суда эти направятся прямо к гавани, но напрасно.

4 часа 45 минут. Сообщают, что японцы все еще сильно обстреливают наши батареи левого

фланга; на форту IV будто убиты лейтенанты Пеликан и Непенин. Несколько И-дюймовых снарядов упало и в верхней части Нового города; попадание в полицейскую часть.

На Зубчатой батарее (лит. В) будто произошел взрыв порохового погреба, и после того горело минут двадцать. Говорят, что это ничего — бездымного пороха у нас еще много, для крайнего случая у нас много дымного пороха, лишь бы там не погибли люди.

6 часов вечера. Когда я шел из Нового города, японцы все еще стреляли по батареям левого фланга. На правом фланге, около форта III идет довольно сильная перестрелка.

Здесь говорят, что взрыв на форту III не был удачен для японцев и штурмы были отбиты, но они засели во рву, среди своих убитых и раненых, и оттуда никак нельзя их вышибить. [494]

Батареи нашего левого фланга будто сильно били японские колонны с фланга, поэтому японцы обрушились своим артиллерийским огнем преимущественно на эти батареи, чтобы заставить их замолчать.

Наши потери за день около 100 человек убитыми и ранеными, японские — много больше.

Велосипедисты дежурили сегодня под фортом III весь день, но, говорят, раненых было немного.

10 часов вечера. Побыл в Красном Кресте. Часть выздоравливающих офицеров переведена в офицерский флигель Саперной импани. Так как перестрелка около форта III не прекращалась, то в район Красного Креста сыпалось много перелетных пуль, и так как я не знал дороги в импань, а в темноте найти дорогу трудно, то меня провожал туда раненый в ногу поручик Ховрин, пришлось делать перебежки с одного прикрытия до другого, это было довольно трудно моему провожатому, но мы добрались таки благополучно до импани. Полковник Третьяков выписался и находится опять при штабе полковника Ирмана.

Навестил друзей. Некоторые преспокойно дуются себе в карты — винтят. У других идут оживленные дебаты о том, продержимся ли еще долго. Большинство уверено, что продержимся, пессимисты же говорят, что ничего не выйдет, помощи неоткуда ждать, что в один прекрасный день японцы прорвутся в город в том месте, где менее всего ожидают, и пойдет бой по улицам, что при этом должны пострадать и мирные жители, ибо будут стрелять и драться из-за каждой фанзы, из-за каждого угла, постепенно отступая к Золотой горе. Нашлись и такие среди них, которые говорили, что в последнюю минуту можно и сдать крепость.

— Русские крепости не сдаются! — говорит с сердцем капитан В. — Их нужно взять с бою!

Ему говорят, что это положение устарело и что даже Севастополь сдался в последнюю минуту. Другие возражают, что из этого не следует, что в данное время уже пора говорить о сдаче, что еще можно держаться, а той порой да вдруг подоспеет выручка.

Ушел я из Саперной импани с уверенностью, что много надежды на то, что продержимся еще долго. На обратном пути [495] пришлось снова делать перебежки — пули так и щелкали по крышам зданий Красного Креста. Зашел в старую импань Красного Креста навестить врачей. Они довольны, что сегодня немного прибыло раненых, и собрались отпраздновать чьи-то именины. Но кто из них именинник, так и не удалось узнать.

Сообщают, что утром «Севастополь» послал 4 или 5 снарядов из башенных орудий японцам. Его обстреливали вчера и сегодня; были попадания, но особенного вреда не причинили.

16/29 декабря

В 7 часов утра — 2°, северный ветер.

Сообщают, что японцы вчера вечером от 7 до 11 часов и сегодня утром от 3 часов до 8 часов обстреливали Новый город 57-миллиметровыми снарядами. Один снаряд попал в здание, в котором помещается «Новый край». В то же время обстреливали батареи нашего левого

фланга и Перепелочную.

Кто-то сообщил, будто форт III очищен нами, но другие уверяют, что ничего не отдано.

Когда я пошел в Новый город, то затихшая было перестрелка и орудийный рокот возобновились. Но так как ветер превратился в бурю, то нельзя разобрать, кто и куда стреляет. Буря подняла облака пыли и на батареях; порой идет снег и бьет в глаза с песком.

П. Р. говорит, что если придется уступить форт III, то не продержимся дольше двух недель потому, что снарядов у нас мало. П. А. слышал, будто на Золотой горе ставят 12-дюймовые судовые пушки. Б. говорит, что встретил офицера из штаба полковника Ирмана и тот говорил ему, что если японцы возьмут штурмом форт V, то придется эвакуировать Новый город и держаться в Старом до последнего.

Слухи, будто Балтийская эскадра встретила за Чифу с японской эскадрой; последняя уклонилась от боя и пошла себе восвояси, наша пошла за нею, но так как японцы скрылись между своими островами, то прошла себе во Владивосток починиться. 11-го числа она вышла в Артур — следовательно, она может появиться в любой момент на нашем горизонте.

Обычное явление — чем печальнее сведения с боевого фронта, тем радужнее слухи; и хватаешься за них, веришь им и в душе сомневаешься. [496]

3 часа 52 минут дня. К. уверяет, что слышал в штабе, что форт III очищен нами еще вчера вечером, что посланные туда сперва пять, затем четыре и две роты не могли выбросить японцев из форта.

Никто из нас не хочет этому верить.

Сегодня вновь сообщают, что японцы двигаются к левому флангу. Неужели они начнут штурмовать и форт V? Говорят, что они пытались во время каждого штурма на левом фланге завладеть нашей позицией на Панлуншане, но это им не удалось до сей поры; там держатся наши стрелки очень цепко. Это единственное место в районе полковника Семенова (на так называемом Северном фронте), куда японцы направляют свои атаки.

Досадно, если бы японцам удалось взять форт V, когда они вот ничего не могут поделать и с простыми позициями на Панлуншане, где в их руках почти весь хребет {287}.

Зашел Ш. и подтвердил факт, что наши миноносцы дали себя обмануть японцам в то время, как в наш миноносец и в «Севастополь» попали неприятельские мины.

9 часов вечера. Сегодня я запоздал в обратный путь, «на вылазку», как прозвали мои товарищи эти ежедневные путешествия. Было так темно, что не видать ни зги, буря со снегом и песком совсем не давала раскрывать глаза, пришлось идти почти ощупью. Когда я подошел к Мертвому углу, то увидал, что в Новом городе, будто около берега, вспыхнул пожар, должно быть от снарядов; японцы все время постреливали, но нельзя было понять, куда они стреляют, свиста снарядов не было слышно.

На правом фланге, около форта III идет перестрелка; о судьбе форта самые противоречивые сведения — кто говорит, что он отдан, а кто — что это неправда. Поддаваясь своим желаниям, веришь, что форт еще в наших руках {288}. [497]

Сообщают, что снарядом с Электрического утеса взорван за Дагушанем японский пороховой погреб.

Врачи жалуются, что в последнее время с позиции поступают все раненые с признаками цинги и поэтому раны стали очень плохо заживать. Говорят, что прямо не знаешь, чем там питаются наши солдаты — будто какой-то мучной болтушкой да чаем; конину стали давать еще реже, экономят лошадей, которых у нас еще много, но стали давать водку, которую никак нельзя признать питательной. Будь растительная пища, будь запасен лук и чеснок, цинга не свирепствовала бы, могли встретиться лишь отдельные легкие случаи заболевания ею.

А солдаты все еще не хотят слышать о сдаче крепости.

5. Сведения о положении обороны

17/30 декабря

В 7 часов утра — 6°, ветер стих, ясно. Всю ночь грохотали пушки на правом нашем фланге, сейчас довольно тихо. [498]

Сообщают, что в Новом городе горели опять какие-то склады и канонерская лодка «Бобр» и японцы стреляли только по пожарищу.

3 часа дня. Около 9 часов утра ненадолго загрохотали на позициях орудия. Около 10 часов японцы начали долбить Курганную батарею и укрепление № 311-дюймовыми бомбами. С 12 часов 20 минут до 3 часов бомбардировали Золотую гору, порт и Старый город. И наши батареи стреляли все это время.

Встретил Р., Ж. и К-ва. Пристал к ним с расспросами, правда ли, что сдан форт III и как наши дела вообще.

Говорят — правда, но вчера на военном совете решено держаться до крайней возможности и не затевать никаких переговоров о сдаче — не посрамить имени русского.

Узнал интересные подробности об этом совете, который состоялся вчера после обеда, в шестом часу. На совете открыто выступил за сдачу один полковник Рейс, уверяя, что так как эскадра наша погибла, то не для чего стало держать крепость, а нужно позаботиться о том, чтобы на улицах города не произошло резни, чтобы не гибли при этом мирные жители {289}. Замечательно то, что офицеры дивизии генерала Фока (4-й) высказывались, что наступил большой недостаток снарядов, что состояние крепостных верков плохое и солдаты изнурены, что оборона становится очень трудной. Офицеры же дивизии генерала Кондратенко (7-й), артиллеристы, инженеры, саперы, минеры и моряки — все твердо высказались за то, чтобы держаться до последней крайности, не отдавать даром ни пяди земли. Из генералов: Смирнов, Горбатовский, Надеин, Никитин и Белый стояли за оборону. При этом выяснилось, что у нас хватит еще снарядов на два общих штурма, а патронов того больше (миллионов 5 или 6).

На вопрос, ухудшилось ли положение нашей артиллерии с падением форта III, полковник Мехмандаров ответил, что он не находит никакого ухудшения, что форт III не имеет никакого влияния на артиллерийскую обстановку. Только генерал Фок уклонился от прямого ответа — наговорил много слов, из которых [499] нельзя было вывести никакого заключения. Когда очередь дошла до генерала Стесселя, то он встал и сказал приблизительно следующее:

— Итак, господа, вы высказываетесь почти единогласно... что тут, скажем единогласно, за защиту крепости до крайности. Благодарю вас за это. Другого решения я и не мог ждать от русских офицеров.

На том и закончилось заседание совета. Мои собеседники думают, что полковник Рейс высказал мнение своего патрона, так сказать, зондировал почву. Они сообщили, что уже с 12-го числа мастеровые 14-го полка работают в доме генерала Стесселя по упаковке имущества, на всякий случай...

На вопрос, как дела на позициях, сказали мне, что с месяц еще можно будет продержаться; будто комендант надеется, что даже больше {290}. [500]

Когда я возвращался домой, то по направлению арсенала разгорался пожар, началась трескотня, похожая на частую перестрелку — вероятно, в арсенале взрываются хранящиеся там китайские патроны; между трескотней слышны не то выстрелы, не то взрывы чего-то более крупного. Взрывы все учащаются, будто идет отчаянный штурм. Белый, красиво клубящийся [501] дым, как вата, освещен заревом, но картина эта удручает: знаешь, что где

уж и так тонко, там и рвется.

Сообщают, что будто сами зажгли в арсенале склад с китайскими снарядами и патронами, а теперь японцы стреляют по пожарищу.

5 часов 40 минут. Трескотня прекратилась.

6 часов 35 минут. Сейчас по направлению арсенала произошел протяжный взрыв — тррррр!.. Поднялось большое облако белого дыма — будто взорвался пироксилин или порох.

7 часов 13 минут. Взрывы, более или менее короткие, продолжают все еще через некоторые промежутки времени.

Говорят, что там рвутся старые китайские снаряды.

Сообщают, что около 4 часов японцы атаковали Китайскую стену и Скалистый кряж (между фортом III и Заредутной), атаки отбиты, но японцы засели под Скалистым кряжем и фланкируют Китайскую стену.

9 часов 56 минут. Пожарище догорает, взрывы прекратились. Изредка грохочут пушки, редкая перестрелка.

12 часов ночи. Стрельба на позициях то затихает, то снова возгорается, но ненадолго.

6. Тяжелый день

18/31 декабря

В 7 часов утра — 3°, тихо, солнечно.

Редкий артиллерийский огонь около батареи литера Б и правее.

Сообщают, что кроме пожара в арсенале вчера взорвался пороховой погреб около пивного завода Ноюкса, за бухтой Лун-хе; там, кроме пороха, погибли и снаряды. В арсенале погибли китайские маузеровские (или манлихеровские) патроны и снаряды.

Вчера сильно обстреляли «Севастополь»; утром бомбардировали мелкими снарядами Новый город, но не слышать ни про человеческие жертвы, ни про особые разрушения.

Слух будто 15-го числа было морское сражение.

9 часов 40 минут утра. Пошел в Новый город горной дорогой — через Соборную гору и овраг с резервуарами-водоемами, мимо штаба полковника Семенова; эту дорогу я нашел в [502] последнее время более интересной, так как с нее видно больше морского горизонта, чем с нижней дороги, и хотелось бы скорее увидеть суда Балтийской эскадры... Кроме того, морская даль действовала всегда успокаивающе на нервы в противовес тесному кольцу обложения с суши; шествуя этой дорогой, забывал об осаде, любовался красивым видом.

Не успел еще дойти до штаба полковника Семенова, как вдруг совсем близко в воздухе тиукнула неприятельская шрапнель. Пошел поближе вдоль домов, чтобы не получить шальную пулю. Другая, третья... Что это такое?

Но только что минул я штаб, как вдруг открылась адская бомбардировка всех батарей Северного фронта левого фланга. Вынул часы, посмотрел — ровно 9. Заговорили и наши орудия, зарокотало также на правом фланге.

Мелькнул вопрос: что нам грядущий день готовит?

Начался ужасный хаос звуков, сливающийся в непрерывную, отвратительную, леденящую какофонию; выстрелы наших орудий, дальше выстрелы неприятельских, шипение, вой и взрывы бомб, таканье шрапнели, жужжание на разные лады осколков... Только что повернул за угол — дорога вела еще с полверсты вдоль батарей по открытому месту, так как тут нет домов, за которыми находишь хотя бы некоторое прикрытие.

Вновь испытал то же самое чувство, как 27 января во время первой бомбардировки — во всем теле почувствовал холод. Но тогда подавляли звуковые эффекты и некоторые взрывающиеся вдаль снаряды, а сейчас снаряды рвались тут же, вблизи, на батареях и перелетные, шрапнель фукала почти над головой, а осколки то и дело шуршали и жужжали через дорогу по всем направлениям и падали, подымая пыль, то там, то сям. Бежать ото всего этого вниз, без дороги, по круче и рытвинам не хотелось, так как в этом не было смысла — опасность была всюду одинаковая. Прошел спокойно по дороге, сознавая, что в любой миг могут быть покончены все расчеты с жизнью; с этой мыслью пришлось мириться ежедневно, начиная с 25 июля, и она уже не вызывала новых чувств. «От судьбы не уйдешь» — это поддерживало некоторую бодрость. Пока шел вдоль батарей и видел все, что творится, не было так жутко, как тогда, когда дорога повернула в [503] город и пришлось идти спиной к батареям. Думаешь — вот-вот хватит тебя сзади кусок чугуна или стали и изуродует или положит на месте, а то шрапнельная пуля пронижет череп... В это время невольно пощупал шапку и убедился... что она не может защитить. Казалось, что прошло много времени, пока я вышел из сферы огня; вздохнул свободно лишь тогда, когда дошел до цели и сел за свой стол.

Бомбардировка продолжается с той же силой.

Здесь П. А. говорит мне, будто катера и миноносцы стоят под парами, чтобы встретить Балтийскую эскадру, и что сегодня, наверное, будут штурмовать район батареи литеры Б, на правом фланге.

«Бобр» все еще дымится. Удивляешься, что могло там гореть так долго; говорят — краска, остатки смазочных жиров и уголь.

До сей поры забыл отметить, что во время каждой сильной бомбардировки борется во мне — думаю, также и в других, — уверенность, что уцелею, с сомнением — работаешь, записываешь все, что видишь и узнаешь, а вдруг... что-то такое, еще не испытанное: тупой ли удар, жгучая ли боль, или тебя раздерет на клочья и... все кончено. Вероятность эта становится с каждым днем больше и больше, но и привыкаешь к ней, сам того не замечая.

10 часов 16 минут. Канонада на батареях сильно поредела, но слышны взрывы снарядов в городе.

10 часов 44 минуты. Снова наступило сравнительное затишье — пушки грохочут изредка.

11 часов 17 минут. Бомбардировка батарей левого фланга будто совсем прекратилась. Зато на правом фланге, по направлению Курганной батареи слышен рокот орудий и непрерывный ружейный и пулеметный трескоток{291}.

Электрическая и Крестовая мортирные батареи, которые отсюда хорошо видны, стреляют усердно.

11 часов 30 минут. Наступило почти полное затишье, редко где то вдаль грохнет орудие. [504]

К. принес известие, будто в 9 часов японцы взорвали бруствер укрепления № 3, при этом будто детонировали наши фугасы или минные галереи; погиб весь гарнизон укрепления, спаслось всего 8 человек, и те ранены...

В то же время японцы сильно бомбардировали Перепелочную батарею 11-дюймовыми снарядами; на ней в половине десятого взорвался пороховой погреб и она замолчала.

Сейчас будто штурмуют Курганную батарею.

Это известие произвело на всех тяжелое впечатление: брешь в первой линии обороны, образовавшаяся после падения форта III, становится шире; в этом районе остается лишь вторая и третья линии обороны.

Полковники Ирман и Третьяков говорят, что можно еще и в таком случае держаться и что это еще не значит, что японцы уже взяли крепость.

В редакции «Нового края» не получено никаких точных о положении дел. Там показали мне присланный В. Ж-ко некролог генерала Кондратенко, возмутительный по своей тенденции; это скорее дифирамб генералу Стесселю, чем некролог нашего славного начальника обороны. Из этого «некролога» вытекает, что если и Кондратенко заслужил лавры героя, то только благодаря ближайшему руководству им со стороны генерала Стесселя... До чего может дойти искусство подслуживанья!

Решил отправиться в Морской госпиталь, навестить М.Л. Делакура. Иду по улице вниз, гляжу — то тут, то там так и блестят свежие мелкие осколки. На тротуаре городского управления несколько таких осколков. Спрашиваю сторожа, когда стреляли сюда. Говорит, что совсем недавно, должно быть, в то время, как я пробирался обедать.

З. увидел меня и кричит мне издалека, чтобы я не шел в Старый город, так как дорога сильно обстреливается шрапнелью. Сказал ему, что иду совсем в другую сторону.

На базарной площади и около казарм всюду видны осколки от мелких снарядов. Набрал было горсть более интересных, но потом бросил — ну их!

Михаила Львовича сегодня вновь оперировали; его только что принесли из операционной и нужно было не давать ему заснуть, пока не пройдут пары хлороформа. К нему пришел еще [505] гость — капитан 2 ранга князь Кекаутов; и товарищи по палате старались не давать ему уснуть. Он больше того огорчился тем, что ему не давали и курить. Шутит, что теперь у него останется большая экономия — не придется покупать обуви, потому что не на что ее надевать (у него ампутированы обе ноги) и жалуется, что у левой ноги часто чешется пятка, а ее нету {292}.

В 2 часа отправился обратно на занятия. Полубовался красиво-страшным зрелищем бомбардировки. Снаряды рвутся недалеко от наших батарей, но попадания не видать; батареи стреляют почти непрерывно. Японцы особенно стараются потушить Моллеровскую мортирную на Обелисковой горе, но батарея хорошо установлена за кряжем — недолеты ударяются в гору со стороны неприятеля, а перелеты попадают в ложбину между батареями и коммуной Ч. Мортиры на батарее то и дело изрыгают белые столбы дыму — посылают свои 9-дюймовые бомбы неприятелю. По направлению Курганной батареи слышны порой пулеметы и ружейный трескоток, но ненадолго — не настоящий штурмовой огонь.

Стреляют и наши береговые батареи от Суворовской до Крестовой. Неприятельские снаряды рвутся на всех возвышенностях, где только поставлены орудия. Под Золотой горой вновь что-то загорелось.

Позанимался около часу времени. Вдруг — крах! — сильный взрыв совсем близко, гляжу — не пробьют ли вновь осколки изрешеченные стены нашего дома {293} — но нет. Оказывается, что снаряд попал в скалу шагах в 20 за домом. Успокаиваю себя тем, что это случайный перелет. Прошло несколько минут и снова — крах! Но на этот раз под самым окном леса, еще не снятые потому, что дом еще не достроен, повалились, поднялась пыль, что-то посыпалось и забарабанило по окнам. Гляжу — которая из стен повалится на меня, чтобы попытаться спастись. Ничего не повалилось, но слышу, что все жители дома быстро [506] выбегают из дому. Инстинктивно схватываю пальто и шапку, бегу вниз по лестнице и — бегом за прочими, убегаящими из сферы огня.

— Нас бомбардируют 11-дюймовками! Куда деваться? — кричит мне заведующий книжным магазином «Нового края», переведенным в дом Бурхановского.

— Убраться пока из сферы огня! — кричу ему и бегу к дому Левтеева, хотя пробитому снарядом, но солидной постройки. Он пошел обратно в дом. В это время раздается вой снаряда. Оглянулся по направлению звука и вижу что-то черное, совершенно круглое падает на скалу, через которую только что пробежал, впереди дома Бурхановского. Зная, что при взрыве все осколки должны полететь вперед, то есть вдогонку мне, напряг все усилия, чтобы

скрыться от них за угол дома Левтеева. Взрыва не последовало, а что-то прошуршало сзади мимо меня, обсыпав меня известковым мусором, что-то ударилось в противоположный домик, бывший перевязочный пункт или околоток, там затрещало, а далее раздался взрыв. Кучка сбежавшихся за угол дома Левтеева людей уцелела.

Не мог сразу отдышаться и разобраться в мыслях, как это все случилось — почему мне ничего не сделалось, когда 11-дюймовый снаряд обломал леса у дома греков Корфиаса и Мавро-мараса, что такое круглое там упало, когда ныне уже круглыми бомбами не стреляют и как это меня обсыпало только известковым мусором. Приходько, не успевший войти в дом в то время, как раздался вой снаряда, видел, как 11-дюймовый снаряд упал на ребро скалы боком{294}, полетел рикошетом за мной, обсыпал меня известкой с ограды дома Левтеева, которую он задел, затем пробил дальше домик и взорвался в яме за ним, среди сложенного камня. Снаряд под окном, обломавший леса, ушел, не взорвавшись, в землю.

Куда же пойти, чтоб чувствовать себя вне опасности, чтоб немного отдохнуть? Район морских госпиталей в данную минуту вне опасности, но туда далеко, и могут перенести огонь и туда. [507]

Пошел в госпиталь № 10. Если дойду, думаю себе, то там передохну. Дошел, хотя перелетные снаряды рвались по направлению госпиталя на склоне горы. Когда зашел в палаты, то бодрый вид раненых солдат сразу успокоил меня.

— Ну что, — спрашивают они, — японцы не прорываются нигде?

Говорю, что нет.

— Где им! То-то они осерчали. Они только и знают, как бомбардировать — благо снарядов у них вдоволь. Нас этим не удивишь!..

Когда я вышел из госпиталя, было уже 4 часа 10 минут, по батареям лишь редкий грохот орудий{295}. К 5 часам стрельба почти совершенно стихла.

По пути в Старый город встретил прапорщика запаса флота Курилова, командующего морскими орудиями на Соборной горе. Говорит, что ему хорошо было видно, как японцы штурмовали сегодня Курганную батарею, три раза они пытались завладеть батареей, но отброшены и устлали все подступы своими трупами. Видел даже лихость выскакивавших вперед японских офицеров и как они возвращались к своим командам, не желавшим выходить из-под прикрытия под смертоносный огонь, и как офицеры эти били шашками своих солдат. Но кто выскочит, того скашивали пули и снаряды.

5 часов 30 минут вечера. По старому городу стреляли сегодня только мелкими снарядами, но почти целый день; по порту и Золотой горе стреляли и 11-дюймовыми, а дорогу обстреливали целый день мелкими снарядами и шрапнелью. Но не слышно, чтобы были человеческие жертвы.

Сообщают, что укрепление № 3 не сдано и не взорвано, но только отрезано, в нем будто около 400 человек гарнизона.

Будто сегодня в порту отслужили молебен по поводу того, что Балтийская эскадра вышла сюда из Владивостока.

Будто японцы по случаю того, что завтра у них Новый год, попытались завладеть сегодня крепостью, но когда это не удалось, [508] они просили не стрелять по ним два дня. За это они обещают и нам дать 2 дня праздника. Будто даже приглашали генерала Стесселя в гости на праздник в город Дальний...

6 часов вечера. Минут 20–25 был слышен по направлению форта III, Скалистого кряжа и Заредутной батареи довольно сильный штурмовой огонь. Затем он перешел в обычную перестрелку.

Говорят, что японцы сегодня так сильно бомбардировали район Курганной батареи и укрепления № 3, что порой все было окутано дымом от рвущихся снарядов.

9 часов 35 минут вечера. Узнал, что укрепление № 3 сдано. Взрыв был ужасен, склады наших бомбочек, пироксилина и прочего детонировали, завалили выходы из казематов. Комендант укрепления штабс-капитан Спредов кинулся с командой человек в 200 подземным ходом, чтобы не дать японцам занять воронку на бруствере и чтобы отбить ожидаемый штурм на образовавшуюся брешь, но в это время последовали новые взрывы (детонации) и все храбрецы нашли свою могилу в подземной палатке, которая обвалилась. Остальной гарнизон завален в каземате, много там убитых и раненых. Только двоим офицерам, унтер-офицеру — саперу Симонову и нескольким нижним чинам удалось выбраться через окошко каземата и пробраться через сильно обстреливаемую ложбину к своим на Курганную; человек 40 или 60 уцелевших попали в плен. Японцы залегли на укреплении и не давали возможности пододвинуть резерва{296}. На укреплении будто уцелел телефон, [509] и когда оттуда сообщили генералу Стесселю, что выход отрезан, то он приказал уцелевшим людям сдаться в плен. Выкинули белый флаг. В шестом часу японцы штурмовали Скалистый кряж, но отбиты.

Кто-то принес известие с позиции, будто сегодня между генералом Фоком и полковником Мехмандаровым произошел серьезный спор. Фок уверял, что крепость уже не может держаться, а Мехмандаров доказывал, что падение отдельных укреплений пока не означает, что уже пришел конец крепости, что на второй линии обороны можно еще держаться.

На позициях редкая перестрелка. Темно. По направлению форта III или Скалистого кряжа видны какие-то красные фонари. Говорят, что они указывают нашим санитарам, где перевязочные пункты.

Чувствую сильное утомление, поэтому ложусь сейчас спать.

7. Неожиданный известия

19 декабря 1904 г. (1 января 1905

г.) В 7 часов утра — 4°, туман с дымом, тихо. Сегодня воскресенье, остаюсь дома.

Рано утром грохотали пушки на правом, в направлении батареи литера Б, и на левом фланге.

9 часов 30 минут. С 7 часов начался редкий обстрел позиций. С половины девятого слышен свист отдельных снарядов по направлению Золотой горы, высоко над городом. С девяти часов порой слышен оживленный ружейный и пулеметный огонь по направлению Заредутной батареи, но не в больших размерах и непохожий на штурмовой; грохот пушек довольно редкий, и будто стреляют только мелкими калибрами.

Сообщают, что вчера читали на позициях солдатам телеграмму о том, что Балтийская эскадра находится всего в 100 верстах от Артура. Солдаты не поверили, ругались, говорили, что нечего их обманывать каждый раз, когда ожидается наступление неприятеля.

— Разве мы и так не деремся, что ли!.. Нас обманывают, а у самих Бог знает что на уме...

Не удалось узнать, чье изобретение эта «телеграмма» — генерала Стесселя или Фока. [510]

Кажется, было бы многим лучше сказать с самого начала осады: «На выручку нечего рассчитывать. Нам нужно надеяться только на самих себя. Умрем, но не отдадим нашей крепости! А если японцы при такой нашей решимости все-таки в конце концов одолеют нас, то победа эта будет стоить им баснословных жертв. Если же мы так будем держаться, то, может быть, подоспеет к нам и выручка».

Но мало сказать это, нужно показывать примеры стойкости, а не приучать войско лишь к отступлению с ненужными бессмысленными жертвами! Не нужно было подрывать всеми способами в солдате веру в справедливую оценку заслуг каждого, кто бы он ни был. Не нужно было строить все на лжи и обмане. Не нужно было давать право солдату сказать:

— Полно врать-то! Мы не маленькие...

10 часов утра. Узнал, что еще вечером наши войска отступили от Скалистого кряжа, Китайской стенки и Заредутной батареи на Орлиное Гнездо и вторую линию обороны: Митро-фаниевскую, Владимирскую и Лаперовскую горы. Курганная батарея осталась за нами.

Говорят, что и тут можно еще держаться.

Тяжелое известие, оно угнетает. Спрашивал, почему отступили, когда штурм был отбит? Говорят, что было приказано отойти под покровом ночи, чтобы не было потерь. Но какой-то пьяный офицер зажег оставленный блиндаж и при зареве пожара японцы увидели, что наши отступили.

Теперь стало мне ясным, почему японские снаряды и шрапнель как бы делают перелеты, как бы ищут резервов — рвутся на более близких к нам вершинах. Теперь понял, почему, когда, до получения этого известия, я полез на Военную гору, чтобы посмотреть оттуда на наш ближний боевой фронт, вдруг через мою голову прошуршал «воробей» (мелкий японский снаряд) и впелся в гору. Японцам хорошо видна Военная гора с занятых ими теперь позиции.

Довольно оживленный ружейный огонь, все еще продолжается с некоторыми перерывами; одно время была слышна стрельба за Курганной батареей или впереди кладбищенской импани — на Панлуншане. И на левом фланге слышен рокот орудий. Говорят, что «Севастополь» стреляет своими большими пушками по японским позициям против нашего правого фланга. [511]

2 часа дня. Все то же самое — довольно оживленная, иногда усиливающаяся перестрелка вдоль всего боевого фронта правого фланга. Ближайшие батареи нашего левого фланга и берегового фронта стреляют по бывшим нашим позициям.

2 часа 47 минут. Ровно в половине третьего за горой, заслоняющей Орлиное Гнездо, после нескольких японских орудийных залпов взвился характерный дымовой гриб — что-то взлетело на воздух — или пороховой погреб, склад пироксилина или же фугас большого заряда{297}.

Артиллерийский огонь неприятеля усиливается и сосредоточен на районе от Скалистого кряжа до батареи литеры Б; рвется масса шрапнели. Видимо, готовят в этом районе штурм.

Наш артиллерийский огонь слишком редок в сравнении с неприятельским. Чувствуется как бы бессилие. Усиленно стреляют лишь наши морские орудия.

Японские снаряды вновь вспахивают вершины фронта, поднимая много пыли; кажется, нет там целого места.

3 часа 30 минут. Бой продолжается, но перерывы становятся все больше, будто стихает. Сейчас сильно обстреливают Большую гору 11-дюймовыми бомбами и шрапнелью.

4 часа 30 минут. Стрельба все еще продолжается, хотя в значительно меньших размерах.

Зашел Г. и сообщает, что с полчаса тому назад приехал какой-то офицер с парламентерским флагом к Казачьему плацу. Подозревает, что генерал Стессель хочет начать переговоры о сдаче крепости. Не верится.

8 часов 48 минут вечера. Начиная с сумерек на позициях была лишь редкая ружейная

перестрелка. Сейчас почти мертвая тишина. Редкий грохот орудий как бы по направлению левого фланга.

Зашел Р. и говорит, что, по собранным им сведениям, вчера оставили лишь укрепление № 3, потом вечером взорвали сами Волчью мортирную батарею и Китайскую стенку до Заредутной батареи. Говорит, что хотя и трудно, но все еще можно держаться. Японцы лезли сегодня на Орлиное Гнездо, но отброшены. Он ничего не знает о парламенте. [512]

9 часов 10 минут. Пришел Д. и говорит, что грохочут там не пушки, а взрывают свои суда, — «Баян» горит, минный городок взорван. Взрывают уже с 7 часов 50 минут, начали с батарей берегового фронта... Крепость сдается.

Грустно, очень грустно. Просто отчаянье берет, как подумаешь, что рухнули все надежды, все наши упования на то, что крепость устоит, пока подоспеет помощь. Теперь что? Погиб русский Артур. Едва ли когда-либо Россия будет им еще владеть. Японцы ни за что не отдадут нам крепость, купленную столь дорогой ценой.

Пришел П. Р. и говорит, что решено сдать крепость. Отступили на вторую линию обороны.

К Ч-м пришли полицейские и объявили им, что приказано уничтожить все спиртные напитки; разрешается оставить лишь виноградное вино. Кажется, обязали подпиской немедленно разбить все бутылки с водкой и пр. Мера, конечно, разумная, которую, пожалуй, можно было осуществить и раньше без ущерба для обороны.

Все это как бы сгущает над головой мрачный непроглядный туман, видишь и слышишь это как во сне. Голова отказывается работать, мысли будто упираются во что-то неприятное и съеживаются, не желают двигаться дальше.

12 часов 43 минуты. Все еще изредка раздаются взрывы; они отдаются с болью, в голове ли, в сердце ли, неохота и разбираться в этом. Но отдаются они особенно неприятно, чего раньше при бомбардировках не чувствовалось — словно удары молотка в крышку гроба... В них слышится бессилие, судороги агонии.

На флангах наших позиций слышна ружейная перестрелка, иногда будто щелкнет ружье и в центре.

На Залитерной горе и по эту сторону ее, правда, что-то горит. Если все это брошено нами, если и там отступили, то весь город открыт японскому обстрелу как на ладони — тогда нет спасения.

Смерть генерала Кондратенко, отсутствие его энергии чувствуются теперь особенно сильно.

Из всего пережитого в последние, хотя, тяжелые дни, не вынес я впечатления, что силы крепости окончательно иссякли. [513]

Раненые солдаты и офицеры возвращались в строй, чтобы не уступать позиции неприятелю... А где же решение военного совета, давно ли это было? Всего три дня тому назад. Должно быть, мне не сообщили тогда правды, или же теперь случилось что-то особенное?

Что будет с нами завтра — знает Бог. Опасности для жизни, кажется, нет никакой, а что-то еще худшее висит над нами. Имя ему — позор плена, утрата всего того, чем мы до сей поры жили, дышали; вера в то, что Россия выйдет победительницей из этой тяжелой войны, вера эта как бы надломилась.

Один из пришедших с позиции офицеров, долго угрюмо молчавший, рассказал нам характерные наблюдения.

Раньше, т. е. до войны, говорит он, генерал Стессель был очень популярен среди солдат, бывшие в китайском походе с ним солдаты восторгались тем, что во время переходов в знойную пору он объезжал колонны, покрикивая:

— Куриным шагом, ребята! Куриным шагом...

Он не утомлял переходами, а вечерами, на биваках, разрешал реквизицию по соседним китайским деревьям.

— Кто тащит курицу, кто утку, кто поросенка... А нынче что?..

Так говорили проголодавшиеся солдаты со вздохами сожаления.

— После того как генерал получил аксельбанты и Георгия на шею и вновь заговорил в приказах вычурными фразами, — продолжает рассказчик, — нам очень хотелось узнать, какое впечатление оставляют на солдат эти приказы. К тому времени много было уже убиты в рядах, и большинство составляли пришлые войсковые части, сибиряки-запасные и молодые солдаты, не знавшие прежних «боевых традиций». С виду казалось, что приказы им безразличны — воодушевления не видать никакого, скорее апатия рисуется на лицах солдат, слушающих приказ.

Говорят, что сегодня на крайнем левом фланге, у Голубиной бухты, были схватки, в которых японцам досталось; неприятельская артиллерия обстреливала форт V и прочие укрепления. И на крайнем правом фланге что-то все еще стреляют. [514]

IX. Сдача крепости и эвакуация

1. Очень тяжелый день

20 декабря (2 января)

В 7 часов утра — 2°, в 8 часов — 1,5°, а в 9 часов 0°, тихо, какой-то молочно-белый туман.

Ничего кругом не видно, как не видно того, что ожидает нас в будущем.

Всю ночь были слышны взрывы, спалось плохо. В пятом часу особенно сильный грохот; говорят, взрывали минный транспорт «Амур», втащенный в док. Сейчас на позициях полное затишье. Должно быть, заключено перемирие.

С трудом удалось собрать сведения о боях, происходивших вчера и ночью. На левом фланге японцы наступали сперва безуспешно, но когда получено было приказание не оказывать большего сопротивления, то наши отряды отошли к подножию Ляотешаня. На правом же фланге японцы атаковали большими силами Сигнальную горку у бухты Тахэ, но отброшены.

Про вчерашний бой в центре, об отступлении на вторую линию обороны, об очищении неатакованных позиций: Малого Орлиного Гнезда, Куропаткинского люнета, батареи литеры Б и Залитерной горы — не удалось добыть никаких [515] сведений. Будто никто ничего не знает или же не хочет говорить.

Сообщают, что «Севастополь» потоплен в глубоком месте рейда; семь наших миноносцев ушли в море, неизвестно куда.

10 часов 30 минут. Со стороны штаба проехали два офицера в коляске, в сопровождении нескольких офицеров и конвоя, впереди у одного конвоира свернутый белый флаг, проехали они к Казачьему плацу. Несомненно, что ведутся переговоры о сдаче.

10 часов 51 минута. Солнце рассеяло окончательно туман — мы увидели на Залитерной горе водруженный японский флаг... и разгуливающих по горе японских солдат. При помощи бинокля хорошо видно, как они там собираются кучками и наблюдают за жизнью в городе.

Там видны пушки, повернутые дулами на город, наверно, и пулеметы...

День великолепный, теплый, светлый {298} — торжественный... но не для нас, а для японцев. Вчерашний день был серый, холодный, неприятный.

Нервы напряжены до крайности, как струны, вот-вот готовые лопнуть.

— Помоги нам, Боже, перенести все это!

11 часов 26 минут дня. Китайцы, которых у Ч. около десятка, испуганно перешептываются, они узнали о том, что решена сдача, и теперь помышляют бежать, но сами не знают куда. Поговорил с ними; они опасаются, что японцы исполнят свою угрозу — начнут казнить всех китайцев, оставшихся в Артуре {299}. Успокоил их, что японцы этого не сделают и что угроза относится лишь к тем, которые служили нашими шпионами; прислугу и мирных жителей не тронут. Кажется, убедил. До сей поры они не верили, что японцы возьмут крепость или что она [516] будет сдана; они все говорили, что японцы скоро все будут «помирай», что это не то, что с китайцами воевать...

Жаль людей, стойко веривших в нашу непобедимость. А у самого на душе такое гадкое чувство, будто в чем-то провинился, будто самому себя стыдно. Иногда внутренний голос говорит: все-таки ты и твоя семья уцелела!.. Но это не может подавить сознания, что Артур потерян навсегда, что этот факт подымет дух японских войск до неимоверного и угнетет не только всю Россию, но и нашу Северную армию; потеряно слишком много, а возместить эти потери нечем. Все еще то там то сям появляются характерные облачка дыма — все еще взрывают...

2 часа дня. Пытался немного уснуть, так как ночью спал мало и плохо, но не спится. Что-то давит, беспокоит.

Сообщают, что остаток снарядов Электрического утеса бросили в море; на Лагерной батарее будто осталось 150 снарядов.

Еще не известно, как идут переговоры, но нет сомнения, что крепость сдана, что раз уже послан был парламентар и очистили Малую Орлиную, Куропаткинский люнет, литеру Б и Залитерную без боя, то и речи не может быть о том, что еще можно держаться, а более отстоять крепость.

Д. принес несколько приказов генерала Стесселя от 17 декабря, из которых видно, что, несмотря на решение военного совета от 16-го числа держаться до последней крайности, ожидалась скорая сдача или падение крепости и — какое было питание гарнизона.

«№ 974. Находящимся на позициях нижним чинам прибавить еще раз в неделю по 1/4 фунта мяса, значит, будет 5 раз; по 1 фунту хлеба белого, взамен 1/2 фунта сухарей, значит, всего 3 фунта со ржаным; и давать им водку в размере не 1/3 чарки в день, а по полной чарке, давая 1/2 чарки на обед и 1/2 чарки на ужин {300}». [517]

«№ 975. Полевому Казначее разрешаю производить выдачу денег золотом».

«№ 976. По всем частям разрешаю выдать в декабре гг. офицерам все содержание, т. е. выдать и столовые за январь».

«№ 977. Разрешаю для уплаты Торговым Домам за забранные в полки продукты, дабы долг не перешел на Новый год, выдать в каждый полк авансами по 10 тыс. рублей и затем вести по этим деньгам авансовые счета».

«№ 978. Выдать обязательно нижним чинам жалованье за последние 2 месяца. Выдачи по № 976, 977 и 978 произвести из Корпусного Казначейства».

Остальные два приказа от 18 декабря свидетельствуют, что в гарнизоне всегда находились охотники на опасные предприятия, что ни продолжительность осады, ни жизнь на холоду и впроголодь, ни болезни не успели сломить богатырский дух русского воина.

«№ 981. В ночь с 14-го на 15-е сего декабря около 11 часов ночи стрелки 2-й роты 28-го В. С.

Стрелкового полка Иван Быков, Аркадий Какайлов, Петр Морозюки Миний-Сизей Бик-боев вызвались прогнать японцев, которые, прикрываясь щитом, стреляли из блиндажа, находящегося в окопе на левом фланге Куропаткинского люнета, что и сделали с успехом, четыре японца бежали, унося пятого; стрелки преследовали их бомбочками и затем вошли в блиндаж, в котором находились эти японцы, бросили щит и разбросали землю. По разбрасыванию земли приняли участие спустя несколько времени еще 1 сапер Савелий Сотников и 5 матросов 4-й роты Морского десанта 1 ст. Яков Васин, Евдоким Вяткин, Лаврентий Мартынюк, Николай Тропин и 2 ст. Яков Шуненко; объявляю им благодарность, а вышеупомянутых стрелков 28-го полка сердечно благодарю за отвагу и молодечество, и все четверо жалуются, по Высочайше предоставленной мне власти, Знаками Отличия Военного Ордена 4-й степени. Командиру роты поручику Падейскому по долгу службы объявляю благодарность за отличный дух роты и за молодецкое направление. Из шести человек, т. е. одного сапера и 5 матросов, по выбору их самих, представить одного для награждения Знаком Отличия Военного Ордена». [518]

«№ 982. Сейчас в 7 1/2 часов вечера ко мне явился со взятого после взрыва Вр. Укр. № 3 старший унтер-офицер Саперной роты Иван Симонов, который избежал плена только благодаря своей необыкновенной отваге. В потерне, где остались раненые и убитые, японцы уже выносили их и очищали потерну, но Симонов с матросом с «Паллады» и с унтер-офицером 25-го В. С. С. полка, фамилии коих мне донести, решили бежать и где ползком, где бегом убежали под градом огня на Курганную батарею к своим. Симонову за его геройский поступок по Высочайше предоставленной мне власти жалую Знак Отличия Военного Ордена 2-й степени, как имеющейся (!) уже 3-й степени».

6 часов 30 минут вечера. Вернулся с прогулки, предпринятой для того, чтобы рассеять угнетающее чувство, чтобы освежить голову новыми впечатлениями. Каждый раз, когда наступали новые ужасы, замечал за собой, что как бы терялся, пока не освоился с новой мыслью, пока не примирился с фактом; особенно тяжело было в первый день бомбардировки города с суши. Сейчас, когда все опасности миновали, когда, очевидно, сдача крепости состоялась и стрелять уже не будут, казалось бы, должен был сразу успокоиться тем, что потерянное не вернешь и т. д.; но нет — блуждаешь в каком-то лабиринте вопросов, на которые сам не в силах ответить — не находишь утешительного выхода из этого лабиринта.

Около 3 часов дня вдруг раздался рокот по направлению Ляотешаня — словно орудийная пальба. Все мы встрепнулись: что это такое?.. А вдруг да пришла Балтийская эскадра!.. Но и эта мысль не могла радовать: если бы она и пришла, то было бы уже поздно помочь нашему горю.

Должно быть, взорвали что-то на Тигровом полуострове.

Подавленность, отсутствие воли не дали мне пойти узнать, что там такое творится.

Прошелся вдоль порта и набережной. Идешь как во сне; разрушения, произведенные бомбардировками, не вызывают уже прежних чувств сожаления, а скорее наоборот — какую-то досаду, что все это слишком мало разрушено и японцы все это исправят. Не хочется ни на что смотреть — будто все это чужое, до чего мне нет никакого дела. [519]

Жаль лишь красивых гор, красивой морской дали, чудного южного неба, на котором мирно плывут легкие облака, освещаемые опускающимся к закату солнцем. Мы должны покинуть Артур, в котором проведено столько ужасных, но великих дней. Не жаль того Артура, который до войны тонул в каком-то непробудном разгуле, банальном шике и блеске — тогда он не был привлекателен, скорее отталкивал человека, еще не завязнувшего в этом омуте. Жаль, несказанно жаль того Артура, который вот уже 11-й месяц принимал на себя удар за ударом, который страдал и боролся героически, который обливался кровью, который стонал от орудийного рокота, замирал при нескончаемой трескотне ружей и пулеметов... и жил спокойно, переносил терпеливо свою судьбу. Жаль великого Артура, великого своей

самоотверженностью при всей его беспомощности. Жаль всех жертв, принесенных на алтарь Отечества, — тех тысяч богатырей, которые пали в бою, особенно тех, которые искалечены, переносят мужественно свои физические страдания и теперь лишены внутреннего удовлетворения. Все, все хорошее подернулось какой-то серой, мутной пеленой — неожиданной сдачей, тем, что борьба не доведена до конца, оборвана вдруг.

Все понапрасну!.. Вот что угнетает до того, что больно подумать о всех напрасных жертвах, о той бездне разочарования, перед которой мы очутились внезапно.

— Зачем все это случилось так, а не иначе? Почему про нас как бы забыли и дали нам дойти до такого конца? А дальше что?..

На все это не находишь ответа и рад бы ни о чем не думать, все позабыть...

Когда я возвращался с набережной, встретил К., идущего из штаба. Говорит, что сдача состоялась. Сообщение это не произвело на меня уже никакого нового чувства.

Дальше встретил Алексея Дмитриевича Поспелова, начальника нашей почтовой конторы. Говорит, что надо пойти в штаб, чтобы узнать, что будет при сдаче с его конторой, с той массой корреспонденции, которой загромождены помещения почты (в том числе множество писем от погибших защитников крепости к родным); он думает, что почтовые чины как служащие международному ведомству не подлежат плену и что корреспонденция [520] должна быть отправлена до ближайшей русской или нейтральной конторы, что корреспонденция ни в коем случае не должна стать «военной добычей» и что все это, наверно, предусмотрено в условиях капитуляции {301}.

8 часов 30 минут вечера. У К. собралось много знакомых, рассказывали злободневные новости.

Все утверждают, что генерал Стессель послал вчера парламентаря, вел сегодня переговоры и сдал крепость, не спросив на то согласия ни военного совета, ни коменданта, ни прочих начальствующих лиц, ни гарнизона. Полагают, что сдача решена [521] им заранее совместно с генералом Фоком; полковник Рейс, разумеется, являлся главным уполномоченным по заключению капитуляции, им же были выработаны условия, предлагаемые с нашей стороны {302}. [522]

Надеются, что гарнизон будет отпущен в Россию, под условием не принимать участия в этой войне.

Передают, что сдача произвела на подавляющее большинство гарнизона и офицеров удручающее впечатление. (Из дневника сестры милосердия О.А. Баумгартен видно, что известие о сдаче произвело в госпитале на раненых очень тяжелое впечатление — многие плакали). Только те части, которые истомлены боем самых последних дней, говорят, отнеслись к факту равнодушно; бывали, хотя редкие, но случаи, когда тот или другой высказал довольство тем, что наконец кровопролитие прекратилось. То же наблюдается и среди мирных жителей. Вернее, думается мне, что мы еще не успели вполне взвесить совершившийся факт и его последствия. В эту минуту преобладает еще в нас чисто шкурный вопрос — мы уцелели, и слава Богу.

Сообщают, что наши и японские офицеры и солдаты на передовых позициях ходили сегодня друг к другу в гости по-мирному. [523]

Говорят, что и японцы рады, что кончились нескончаемые бои... Еще бы! Как им-то не радоваться!

Р-в уверяет, что он уже видел в городе японских офицеров, разъезжающих на извозчиках с нашими офицерами; хотя все выпившие, но предупредительно приветствуют встречных офицеров и отвечают отдающим честь нижним чинам.

Группы наших солдат и матросов шныряют по городу и разыскивают водку, ее за прошлую

ночь и за день перебито огромное количество бутылок; местами лужи крепких напитков, канавки переполнены, но, говорят, еще не успели истребить все запасы. В Новом городе будто где-то нашли еще водку, перепились и устроили скандал.

Собирался пойти в Красный Крест или к кому-нибудь, от кого можно было бы узнать, как происходил бой последнего дня (19-го), как очистили позиции по приказанию и т. д., но подавленность, отсутствие воли помешали этому. [524]

Сижу себе дома и роюсь в своих несвязных мыслях. Из всего передуманного нашел одну немного утешающую мысль: если мы остались живы, то должны раскрыть истину, почему Артур пал несвоевременно, почему у нас многое не так, как следовало быть.

Вспомнилось, что как-то, вскоре после гибели японских броненосцев «Хацусе» и «Ясима», зашел ко мне мичман М. и удивил меня неожиданной фразой:

— Наше счастье, что адмирал Макаров погиб! Меня это поразило немало.

— Да, да, — продолжал он, — не погибни адмирал Макаров, он разбил бы японскую эскадру, покрыл бы нашу морскую гниль и плесень славой... и нам нельзя было бы надеяться на реформы, на лучшее будущее!

Хотелось бы сказать: слава Богу, что Артур пал именно так — он будет для нас ценным уроком!.. Но и это не веселит; что-то не верится{303}. 11 часов вечера. Зашел Б. И. Он какой-то угрюмый.

— Знаете что? — обращается он ко мне после долгого молчания. — Узнал интересную вещь — пакость: оказывается, что 13 мая генерал Фок обманул генерала Стесселя, полагавшегося на него больше, чем на себя. Он сообщил Стесселю, что был сам на позиции, видел, что все батареи разрушены и все пушки подбиты неприятельскими снарядами!

Б. уставил на меня свои широко раскрытые, злобно сверкающие глаза, как бы любуясь моим удивлением.

— Да, да! Стессель ответил ему, что если это так, что если уж нет возможности держаться, то разрешает отступить. Каково! Притом мне сообщили, что там остался неразгруженный вагон со снарядами, прибывший накануне, вечером... Делеши эти имеются, кажется, у подполковника Романовского.

Вот как мы дошли до сдачи крепости.

2. Совершившейся факт

21 декабря (3 января)

В 7 часов утра — 3°, ясно, тихо.

Сегодня все говорят о состоявшейся сдаче, условия которой не объявлены. [525]

Ночью уснул крепко и поэтому чувствую себя бодрее.

2 часа дня. Ходил собирать сведения о положении вещей. Сперва узнал, будто по условиям капитуляции все офицеры остаются при оружии и отпускаются домой под честным словом не участвовать в этой войне против японцев, нижние чины будут перевезены в Японию и должны пробыть в плену до окончания войны, мирным жителям свободна дорога на все четыре стороны...

Каким-то режущим диссонансом звучит условие: офицеры с оружием домой, а нижние чины одни в плен! Не верится, чтобы такое условие было принято.

Наконец-то удалось собрать кое-какие сведения о ходе боя 19-го числа на атакованном фронте.

С самого утра японцы открыли артиллерийский огонь по Орлиному Гнезду и второй линии обороны, поддерживая огонь и по прочим укреплениям фронта. Затеялась ружейная перестрелка; японцы пытались атаковать вторую оборонительную линию, вышли из форта III и двинулись к Владимирской горе, но были тотчас же отбиты.

На Орлином Гнезде в последнее время были устроены прочные блиндажи — углубления в скале, но в них не мог быть укрыт большой отряд, притом артиллерийский и ружейный огонь все находил свои жертвы. Японцы, занявшие оставленный нами Скалистый кряж и Заредутную батарею, обстреливали ходы сообщения с Орлиным Гнездом, не давали подавать туда помощи. Затем японцы начали штурмовать Орлиное Гнездо с северной стороны.

Интересен факт, что утром начальник обороны генерал Фок поблагодарил (чуть ли не в первый раз) инженеров за то, что на правом (восточном) склоне Орлиного Гнезда окопы устроены прекрасно, но когда японцы начали штурмовать Орлиное Гнездо, то окопы эти оказались уже в руках японцев. Значит, генерал Фок, вероятно, забыл послать в эти окопы наших солдат или матросов... и они были взяты без боя.

Когда комендант Орлиного Гнезда капитан Голицинский сообщил, что необходимо прислать патроны и резервы, матросы десантной роты под командой лейтенанта Темирова вызвались охотниками доставить на Орлиное Гнездо патроны и были посланы в помощь капитану Голицинскому. Несмотря на адский [526] неприятельский огонь, матросы смело карабкались по ходу сообщения к вершине Орлиного Гнезда, обстреливаемому японцами, много легло их по пути туда, лейтенант Темиров был тоже ранен в это время, но они дошли.

Шесть раз японцы были отброшены, но они продвигались вперед при помощи летучих сап и достигли наконец вершины горы. К тому времени все защитники горы были или перебиты, или переранены, не имея никакого прикрытия, так как взрывом склада бомбочек оно было уничтожено, и, не получая больше поддержки, уцелевшие несколько человек отступили.

Все это время генерал Горбатовский просил по телефону то генерала Фока, то генерала Смирнова, то генерала Стесселя о скорейшей присылке резервов, сообщал, что иначе не удержать Орлиное Гнездо, но без результатов{304}. Люди таяли и в окопах второй оборонительной линии, вспахиваемых неприятельскими снарядами{305}. В присылке резервных частей произошло какое-то замешательство; своевременной помощи не было подано.

Около 3 часов дня начальник обороны участка подполковник Л-ский доносил по телефону генералу Горбатовскому, что японцы начали обстреливать его участок (восточнее Орлиного Гнезда) во фланг и что поэтому трудно держаться.

Генерал Горбатовский приказал соорудить траверсы и держаться.

Некоторое время спустя после оставления Орлиного Гнезда, подполковник Л-ский донес генералу Горбатовскому, что им получено приказание генерала Фока очистить весь участок от Орлиного Гнезда до укрепления № 2 (т. е. Малое Орлиное, Куропаткинский люнет, литеру Б, Залитерную гору и промежуток до укр. № 2).

Генерал Горбатовский приказал ему не смей исполнять ничьих распоряжений, кроме тех, которые даются непосредственно им как начальником фронта. [527]

В шестом часу вечера к генералу Горбатовскому явился капитан Голицинский (или лейтенант Темиров) и доложил, что Орлиное Гнездо очищено за невозможностью держаться, за отсутствием всякой помощи... и упал в обморок. Бывший тут доктор Кефели привел его в чувство и отправил в госпиталь. Вид его был ужасен — вся одежда на нем была изодрана, при взрыве порохового погреба придавило его камнями и мешками, еле освободили его из-под них, кроме того, он был контужен, оглушен и, кажется, ранен.

Очевидец, передавая мне все это, говорит, что это подействовало на всех удручающе; все видели, что этот человек показал даже сверхчеловеческую стойкость и что дело обороны при

таких условиях становится незавидным.

В это время кто-то крикнул, что стрелки стали отступать со второй линии обороны. Генерал Горбатовский кинулся, чтобы удержать их на местах. Как раз мимо перевязочного пункта проходит по направлению в город какой-то офицер в сопровождении стрелка; его догнали, остановили. Оказалось, что это 14-го полка капитан К-в, он ранен и отправлялся в госпиталь. Его спрашивают, кому он передал начальство над его участком. Отвечает, что никому...

Горбатовский послал к отступающим стрелкам двух офицеров, которые вернули их на свои места.

Очевидцы говорят, что положение было удручающее; все будто расползалось по швам, сдерживалось с трудом. Начатая уступка позиции подорвала снова стойкость изнуренного гарнизона.

Зато очевидцы с другой стороны, с Куропаткинского люнета, передают, что обидно, досадно было смотреть, как японцы почти безнаказанно подвигались с северной стороны при помощи летучей сапы все выше и выше к вершине Орлиного Гнезда; говорят, что было бы по-прежнему достаточно одной роты, чтобы совсем отбросить японцев. Они там все ожидали, что к нашим подоспеет еще помощь и что гора останется за нами{306}. [528]

Вскоре после этого генерал Горбатовский получил письмо от начальника штаба генерала Фока — подполковника Дмитревского, сообщающее о том, что к японцам послан парламентар.

Это все-таки не убедило генерала Горбатовского в необходимости очищать неатакованный в этот день фронт, и он не отменил приказания, данного подполковнику Л-скому. Утомленный волнениями тяжелого дня, генерал передал начальство над фронтом полковнику Мехмандарову, при котором остался капитан Генерального штаба Степанов, и лег спать с тем, что с 2 часов ночи он и инженер-капитан Шварц сменят их, дадут им уснуть.

Однако генерал Горбатовский только что успел лечь, как было получено приказание генерала Фока как начальника всей сухопутной обороны крепости о немедленном очищении фронта до укрепления № 2 — с пригрозой отдачи под суд...

Только после этого наши войска отошли, и японцы вскоре заняли без выстрела брошенные наши места. Но, заняв Залитерную гору, они начали заходить в тыл укрепления № 2, так что почти пришлось бросить и его{307}...

Сообщают, что с 9 часов утра должна была начинаться формальная сдача крепости и при этом имела состояться какая-то церемония на Казачьем плацу, но туда посторонних не пускали.

11 часов 30 минут. Говорят, что в городе появились уже японские солдаты.

Мы перебрались окончательно в свою квартиру; оказывается, что понемногу, по мере надобности, многое из домашнего скарба, необходимое жене для обихода и работы, было перетаскано в каземат.

На улицах встречается много пьяных.

2 часа дня. На углу Цирковой площади увидел первых в городе японских солдат; это отряд телефонистов, устраивающих [529] в доме Трофимова телефонную станцию. Народ далеко не такой мелкорослый, как мы привыкли за время осады о них думать, — молодые, коренастые, упитанные, хорошо одетые. При них несколько обозных двуколок, очень легких и удобных для подвоза провианта и амуниции по ходам сообщения и окопам{308}. В них запряжены мелкорослые, но, кажется, шустрые австралийские лошади, что-то среднее между лошадью и пони. Видел несколько кавалеристов или же тех же телефонистов верхом, некоторые сидят в седле неважно, но, в общем, недурно, некоторые же просто молодцами.

Говорят, что и у японцев много заморенных работой и боевой жизнью людей с обносившейся одеждой — просто оборванцев, но их они нам, наверное, не покажут.

Наши нижние чины, рабочие и мирный люд, как очумелые шатаются праздно, большей частью подвыпившие, ищут случая поглазеть на японцев. Поведение этих первых в городе японцев в высшей мере корректно — они нигде не останавливаются, чтобы полюбоваться разрушениями, произведенными бомбардировкой; на их лицах видна лишь серьезная сосредоточенность, озабоченность исполнением своей прямой задачи, ни тени надменности или злорадства.

Трудно допустить, чтобы мы сумели так себя вести в роли победителей.

Недавно забежал ко мне артиллерист В. А. В.

— Еду, — говорит, — в Японию, в плен. Как же иначе! Какими же глазами я могу смотреть в глаза России, если мои солдаты будут в плену, а я вернусь домой?..

Бывший при этом иностранец — Л. привскочил с места:

— Вот, это благородно, справедливо!

Меня очень обрадовало решение В. А. разделить участь гарнизона, сколь тяжела она бы ни была.

Оказывается, что по вопросу о плене образовались два течения. Одно исходит из сферы штаба генерала Стесселя, доказывает бесполезность ухода офицеров в плен, и это мотивируется тем, что ныне всякий офицер может принести пользу родине, [530] занимая хотя бы мирно-гарнизонные должности, заменяя тех, которые должны отправиться на войну{309}. Перспектива увидеть родину и своих близких соблазняет многих и не дает им задуматься над тем, что за задний смысл имеет эта коварная статья японского великодушия по отношению гарнизона героической крепости и как при этом опростоволосились те, кто заключал капитуляцию.

Цель отпуска офицеров домой с оружием в то время, когда весь гарнизон должен пойти в плен, ясна — желание довести нас до полного разрыва связей между офицерами и нижними чинами, деморализовать этим не только артурский гарнизон, но и всю нашу армию в Маньчжурии и России, образовать между офицерами и нижними чинами пропасть...

Другое течение, исходной точкой которого была, кажется, среда молодых артиллеристов во главе с полковниками Мех-мандаровым и Тохателовым, предвидит вышесказанное или же руководствуется просто чувством порядочности, остатками некоторого рыцарства. Артиллеристы будто высказались первыми за уход в плен, и они собираются чуть не поголовно ехать в Японию одновременно с нижними чинами{310}. Оно мотивируется тем, что порядочный человек, давший честное слово японцам не участвовать в течение этой войны ни в чем во вред интересам Японии, нарушает свое слово уже тем, что он заменяет [531] офицера, отправляющегося на войну, а главное, что бросить гарнизон, перенесший за время осады больше, чем сами офицеры, в такое тяжелое для него время, недобропорядочно, не по-товарищески.

Это течение находится только в периоде возникновения, и поэтому еще трудно сказать, возьмет ли оно верх над соблазном скорее вернуться на родину, быть встреченным с овациями, фигурировать в качестве героя, перенесшего столь тяжелую осаду и т. д. Соблазн очень велик, а долг совести обещает пока лишь трудноопределимую вереницу сереньких дней, недель, месяцев, а может быть, и лет.

Среди мирных жителей оживленно обсуждается вопрос, как выехать в Россию; оставаться здесь, когда крепость будет в руках японцев, никому не хочется, да и смысла нет. Но если японцы отправят нас по железной дороге к Мукдену, то понадобится теплая одежда и обувь, которой здесь нет; в Сибири теперь самые большие морозы. Перспектива не из розовых.

Если же дадут нам возможность выехать в Чифу или Шанхай, тоже горе — морской путь далекий, и редко у кого хватит на то средств. Притом все мы оборвались, обносились за время осады так, что стыдно будет показываться в Россию, если не удастся приодеться дорогой. Морской путь страшит всех мало бывавших на море своим зеленым призраком — морской болезнью.

3. Мрачные размышления

Навертываются невеселые думы: теперь уже знают и в России, что Артур сдан; известие произвело, наверное, потрясающее впечатление.

Все, у кого здесь близкие, родственники, сгорают нетерпением узнать что-нибудь о судьбе своих. Многие из них так и не дождутся радостной вести.

11 часов вечера. Не спится, и нет возможности чем-либо заняться; какое-то отвращение ко всему. И думать-то не хочется. Поздно вечером зашел П. Р. и сообщил, что и он едет в плен, но говорит, что и в инженерных войсках большой разлад по вопросу о плене; многие собираются уехать в Россию. [532]

Слышал, будто несколько стрелковых офицеров, бывших до последних дней на боевых позициях, застрелилось — не находя возможным перенести позора сдачи крепости и плена, а также не желая дать японцам честное слово. Говорит, что офицеры эти, кажется, из состава 27-го, 28-го и 5-го полков; фамилии их не знает{311}.

Все это не вызывает яркого, определенного чувства, а увеличивает лишь сумбур в голове, будто налитой свинцом.

Переболело сердце об Артуре и о том, что Россия, великая Россия оказалась столь слабой, столь неподготовленной к давно готовившемуся удару. Порой вскипает зло, и винишь в этом весь государственный строй, весь уклад нашей жизни; то примешься рыться в причинах, создавших и удержавших такой строй, и находишь, что многие из людей, захвативших власть или облеченных ею, меньше всего думают о пользе государства, не понимают или же не желают его понимать...

Сегодня вышел № 247 «Нового края» — последний в Артуре. Газета исполнила свой долг по мере условий, в которых она находилась, — просуществовала всю осаду крепости.

Кажется, что это первый такой случай в мировой истории.

Редакция обещает возродить газету в другом месте, но когда и где — пока неизвестно{312}.

В этом номере газеты опубликованы два приказа генерала Стесселя о сдаче крепости. Документы характерные, поэтому привожу их здесь целиком.

«Приказ по Войскам Квантунского Укрепленного района. Кр. Порт-Артур.

№ 984 (20 декабря 1904 г.). Герои защитники Артура. 26-го Января сего года Артур впервые был потрясен выстрелами неприятеля: это миноносцы атаковали нашу Эскадру, стоявшую на рейде: с тех пор прошло 11 месяцев. Сначала бомбардировки Крепости с моря, затем, начиная с начала Мая бои уже на сухопуте, геройская оборона Кинчжоуской позиции получила [533] справедливую оценку по заслугам [?]. По оставлении нами Кинчжоуской позиции начались знаменитые (!) бои на передовых позициях, где не знаем, чему удивляться, упорству или настойчивости противника, сосредоточившего против нас большое превосходство сил и особенно артиллерии, или Вашей необыкновенной отваге и храбрости и умению нашей полевой артиллерии. Позиции у Суайцангоу, Талингоу, Юпилазы, Шининзы, высоты 173,163,86, Зеленые горы всегда останутся в памяти нас, участников и потомства. Все будем удивляться, как отбивались и погибали на Юпилаз и других позициях. Начиная с середины Мая и до 17-го июля, вы держали{313} противника вдали от Крепости, и только с конца шля он мог начать обстреливать верки Крепости. Приказ не может указать всех тех

героических подвигов, всего того героизма, который проявлен Гарнизонам с 26-го января и проявляет по сие время; и подойдя к Крепости, к нашим ближайшим позициям: Дагушань, Сяогушань, Угловая. Кумирнский, Водопроводный № 1 и 2 редуты, Вы долго сдерживали противника перед Крепостью; а Высокая, сколько она оказала заслуг и героизма. Иностранцы уже в сентябре диву давались, как мы держимся, не получая ничего извне. Да действительно это беспримерное дело. Громадное число убитых и умерших указывает на то упорство, которое проявили войска, и на тот необычайный, нечеловеческий труд, который вы несете: только вы, славные воины Белого Царя и могли это вынести. 11-дюймовые бомбы, этот небывалый фактор войны, внесли страшные разрушения, лучше сказать, уничтожение всего; еще недавно, 2-го Декабря наш герой Генерал-Майор Кондратенко с 8-ми славными офицерами был убит наповал разрывом подобной бомбы, разорвавшейся в соседнем (?) каземате 2-го форта; никакие преграды и закрытия не спасают от 15–18 пудовых бомб. Все наши госпитали и больницы ныне расстреляны (?). Суда эскадры, через 3–4 дня после занятия Высокой тоже расстреляны. Бетоны на фортах и орудия подбиты. [534]

Снаряды почти иссякли или уничтожены [!]; кроме того еще — цинга, враг этот тоже неумолимый и беспощадный. При всем том если ваша храбрость, мужество и терпение не имеет границ, то всему есть пределы, есть предел и сопротивления. По мере сближения неприятель подводил и батареи, и наконец Артур был опоясан кольцом и начались штурмы, начиная с августа, сентября, октября, ноября и декабря. Штурмы эти не имеют ничего похожего во всей военной истории; на этих штурмах о ваши груди, как об скалы, разбилась многочисленная армия храброго врага. Пользуясь превосходством огня на самых близких расстояниях, артиллерия наносила нам всегда огромный вред. Наконец все порасходовали и главное защитников: из 40 т. гарн. на 27-верстной обороне осталось менее 9 т. и то полубольных [?!]. При таких обстоятельствах и после взятия противником главнейшего форта № 3. Укрепл. № 3, Всей Китайской Стены, Куропаткинского люнета, Батареи Лит. Б, т. е. почти всего Восточного фронта (!) и на Западном — до Ляотешаня (!) продолжать оборону значило бы подвергать ежедневно бесполезному убийству войска наши, сохранение (?) коих есть долг всякого Начальника. Я с полным прискорбием в душе (!), но и с полным убеждением, что исполняю Священный долг, решил прекратить борьбу и установив наивыгоднейшие (!) условия очистить Крепость, которая теперь уже с потоплением судов эскадры не имеет важного значения (?) — убежище флота, так как флота нет. Второе важное значение: оттянуть силы неприятеля от главной армии: мы выполнили это, более 100 т. армии разбились о ваши груди. Я с сокрушением в сердце, но и с полнейшим убеждением, что исполняю Священный долг перед Царем и Отечеством, решил очистить (!) Крепость. Славные герои, тяжело после 11-ти месячной обороны оставить Крепость, но я решил это сделать, убедившись, что дальнейшее сопротивление даст только бесполезные потери воинов, со славой дравшихся с 26-го Января. Великий Государь наш и дорогая родина не будут судить нас (!). Дела Ваши известны всему миру, и все восхищались ими. Беру на себя смелость, как Генерал-Адъютант ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА благодарить Вас именем ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА за Вашу беспримерную храбрость и за беспримерные труды во все время тяжелой осады, осады, вырвавшей [535] из строя более... защитников (!). С чувством благоговения, осенив себя Крестным Знаменем, помянем славные имена доблестных защитников на полях брани за Веру, Царя и Отечество, живот свой положивших, начиная от Генералов до рядовых борцов. Великое спасибо Вам, дорогие, храбрые товарищи, за все Вами содеянное. Долгом почитаю принести мою благодарность доблестным Начальникам Вашим, моим сотрудникам в боевых делах. Благодарю беззаветных тружеников: Врачей, Ветеринаров, Красный Крест и Сестер. Благодарю всех тех, кои оказали обороне услуги: Велосипедистов, извозчиков и др. {314}

Объявляя заслуженную благодарность оставшимся в живых и достойным Начальникам Вашим, — почтем, боевые товарищи, память павших со славою и честью во всех боях и битвах сей кровопролитной кампании. Да ниспошлет Господь мир праху их, а память о них

вечно будет жить в среде благодарного потомства. Условия передачи будут объявлены в приказе. Ныне и впредь, до возвращения на родину, Вы поведете себя как достойным воинам надлежит, и в годину нашего тяжелого испытания будете молиться Господу и не омрачите славного своего имени никаким недостойным поступком, помня, что на Вас смотрит Царь, Россия и все державы. Надо, чтобы знали и ведали, что русский воин тверд и в счастье и в тяжелом Богом посылаемом испытании».

«№ 975 (экстренно). Так как условия капитуляции заключены, то для передачи фортвов японцам предписываю исполнить следующее: 1] Завтра к 9 часам утра должны быть выведены гарнизоны всех фортвов, батарей и укреплений между Лун-хе и Укреплением № 5, т. е. пехота, артиллерия скорострельная и запряжка, прислуга крепостных и прочих орудий. 2) Остается для передачи Комендант форта с двумя нижними чинами. 3) По очищении указанных фортвов морские команды выделить от сухопутных и тотчас передать в ведение их морского Начальства по принадлежности. 4) Начальники участков и фортвов обязываются наблюдности за полнейшим порядком всего изложенного. 5] Казачья сотня, а затем охотничьи конные команды под [536] общим начальством Генерального Штаба Капитана Романовского, тотчас занимают позади в Новом и Старом городах заставы для наблюдений за исполнением всех установлений, за полным порядком и благочинием в городе и в недопущении безобразия, памятуя, что всякий безобразный поступок какого-либо негодяя может вызвать резню на улицах и истребление больных и раненых. 6) Приведение всего этого в исполнение возлагаю на Коменданта Крепости, в помощь ему назначается Начальник 7-й В. С. С. дивизии Генерал-Майор Надеин. 7) Прошу Гг. Адмиралов и Командира Экипажа усилить во всю (!) наблюдение за морскими командами, назначая для сего офицеров с патрулями; необходимо не допускать производство беспорядков. 8) Коменданту города и Полицеймейстеру иметь за порядком самый строжайший надзор. 9] Гарнизон очищенных фортвов отвести в казармы и никуда не расходиться.

П. П. Начальник Укреплен, района, Генерал-Адъютант Стессель.

С подл, верно: Начальник Штаба, Полковник Рейс».

10 часов утра. Сегодня сообщают мне, что все офицеры, не исключая генералов Стесселя и Смирнова, поедут в плен вместе с войсками. На завтра назначен вывод войск к форту V. В Голубиной бухте будто уже ожидают японские пароходы.

Наши матросы и солдаты все еще ищут случая напиться, побезобразить — разгуляться.

Офицерам будто разрешается взять с собой лишь 45 фунтов багажа; больше не возьмут перевозить и за плату.

И нам приходится осваиваться с мыслью, что придется взять с собой лишь крайне необходимое, а все остальное бросить, т. е. оставить победителям. Не правда ли, не особенно-то благородный прием присвоения себе чужого имущества! Хотя юридически это нельзя назвать грабежом...

9 часов вечера. По дороге в Новый город встретил отряд японских матросов, предводительствуемых офицером. Тип лица заметно разнится с типом сухопутных войск, лица более смуглые и скуластые. Их гримасы уже не чета вчерашним корректным телеграфистам — улыбаются злорадно во все лицо, поглядывая на затопленные в гавани наши военные суда и на [537] нас, встречающих. Встретил и сухопутного офицера верхом, и в нем не заметил скромного величия.

По всей дороге, всюду валяются разорванные патронташи и патроны поодиночке, обоймами, пачками... Наши солдаты разбросали этот ненужный им теперь хлам, чтобы он не достался неприятелю. По ним идут, едут, говорят, что были уже случаи, что патроны эти взрывались под копытами лошадей и под колесами телег. При этом могли бы случиться и ранения.

У моста дамбы, ведущей в Новый город, видна в воде во время отлива масса патронов

целыми ящиками; там же навалено много унитарных артиллерийских патронов 47–57-миллиметрового калибра. Говорят, что и в других местах в бухту сброшено много патронов и даже ружей. Полагают, что, пролежав в морской воде, эти патроны испортятся.

4. Условия сдачи

Встретил капитана А. П. Г-ва. Он удивлен, почему генерал Стессель не нашел нужным поручить выработать условия сдачи и участвовать в заключении капитуляции ни одного ни военного, ни гражданского юриста. Он как бы нарочито обошел всех юристов, которых у нас в крепости далеко не малое число. Г. сомневается, был ли Стессель вправе игнорировать в данном случае людей специально образованных, тем более потому, что за время осады как он, так и начальник его штаба полковник Рейс многократно доказали незнание тех законов, которые было необходимо им знать на каждом шагу. Капитуляция же крепости очень сложная вещь, и в ней следовало бы предусмотреть многое.

Но, как оказывается, все это «обделано» штабом генерала Стесселя и под строгим секретом{315}.

Характерно, что сегодня высказали мне Н. Н. В. и С. З. В., живущие в разных концах города, занимающие совершенно разные житейские положения и совершенно незнакомые между собой, одну и ту же мысль и почти теми же словами: [538]

— В сдаче крепости, после того как мы уже съели добрую половину лошадей, мулов, ослов и даже собак, — много позорного, много обидного для «славы русского оружия» и для сердца русского. Будь крепость взята подавляющей силой, не было бы этой обиды. Не все еще силы истощены, не все еще использовано до конца, не говоря о том, что ничего не сумели использовать с самого начала и этим сами приблизили конец...

На каждом шагу встречаю знакомых; впрочем, проживши в осажденной крепости чуть не год, мало кого совсем не знаешь. Все спрашивают, что будет с нами — мирными жителями, — когда, куда и как отправят нас из крепости. Всем один ответ: не знаю.

Это заставило меня приложить все старания к тому, чтобы узнать условия сдачи. После некоторого усилия получил возможность списать копию с официально заверенного документа. Привожу здесь все статьи и разъяснения капитуляции целиком, без пропусков:

«КАПИТУЛЯЦИЯ ПОРТ-АРТУРА

Ст. I. Русская армия, флот, охотники и должностные лица в крепости и в водах Порт-Артура становятся военнопленными.

Ст. II. Все форты, батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружие, амуниция, лошади и все другие предметы войны, равно как и деньги и другие предметы, принадлежащие русскому правительству, должны быть переданы японской армии в том виде, в котором находятся в данный момент.

Ст. III. Если две предыдущие статьи будут приняты, то, в виде гарантии за точное исполнение, русская армия и флот должны вывести все гарнизоны из всех фортов и батарей на Итцушане, Шуаныишане и Тайяншишане и со всей цепи холмов на юго-восток от вышепоименованных гор и передать форты и батареи японской армии 3-го января до полудня.

Ст. IV. Если будет замечено, что русская армия и флот разрушают и каким бы то ни было способом изменяют настоящее состояние предметов, указанных в ст. II, после подписания капитуляции, японская армия прекратит всякие переговоры и будет иметь свободу действий. [539]

Ст. V. Русские военные и морские власти должны выбрать и передать японской армии планы и укрепления Порт-Артура и карту, с указанием мест фугасов, подводных мин и других

опасных предметов, таблицу организации армии и флота, находящихся в Порт-Артуре, номенклатуру военных и морских офицеров, определяющую их чины и обязанности; то же самое относительно военных и гражданских чиновников; то же самое о броненосцах, кораблях и лодках с номенклатурой экипажей; таблицу, показывающую число, пол, расу и профессию мирных жителей.

Ст. VI. Все оружие, включая носимое частными лицами, амуниция, предметы, принадлежащие правительству, лошади, броненосцы, корабли и лодки со всем находящимся на них имуществом, кроме частного, должны содержаться в порядке на прежних местах. Способ передачи их должен быть решен русско-японским комитетом.

Ст. VII. В воздаяние почести храбрым защитникам Порт-Артура, русским военным и морским офицерам и чиновникам разрешается носить холодное оружие и иметь при себе предметы, необходимые для их жизни. И решено, что те из офицеров, охотников и чиновников, которые дадут письменное обещание не братья снова за оружие и ни в каком случае не действовать против интересов Японии во время настоящей войны, могут отправиться на свою родину. Каждый офицер имеет право иметь одного денщика, который, как исключение, освобождается от письменного обещания.

Ст. VIII. Обезоруженные унтер-офицеры, солдаты и моряки русской армии и флота, а также охотники должны двинуться целыми частями под командой их непосредственных офицеров к месту сбора, указанному японской армией, в присвоенной им форме, имея при себе походные палатки и собственные вещи первой необходимости. Детали этого будут указаны японским комитетом.

Ст. IX. Для ухода за больными и ранеными и для обеспечения пленных, санитарный персонал и интендантская часть русской армии и флота в Порт-Артуре должны оставаться до тех пор, пока японская армия считает их необходимыми, и оказывать услуги под управлением японских санитарных и интендантских чинов. [540]

Ст. X. Размещение частных жителей, передача административных дел и финансов города, вместе с документами относительно последних и другие дела, связанные с исполнением настоящей капитуляции, должны быть рассматриваемы в дополнении, которое имеет такую же обязательную силу, как статьи капитуляции.

Ст. XI. Настоящая капитуляция должна быть подписана уполномоченными обеих сторон и вступить в силу тотчас же после подписания».

К этому соглашению последовало следующее дополнение:

«Разъяснение 1: Для исполнения капитуляции должны быть назначены японскими и русскими властями следующие комитеты: во-первых, комитет относительно шестой статьи капитуляции, состоящий из подкомиссии, для фортов, батарей, оружия, амуниции и пр. на суше. Подкомиссия для броненосцев, кораблей и лодок; подкомиссия для провиантских складов; подкомиссия для удаления опасных предметов. Во-вторых, комитет относительно восьмой статьи капитуляции; в-третьих, комитет относительно девятой статьи капитуляции; в-четвертых, комитет относительно десятой статьи капитуляции.

Разъяснение 2: Комитеты, упомянутые в разъяснении первом, должны быть в Шуйшиине ровно в 9 часов утра 3-го января и приступить к исполнению возложенных на них обязанностей.

Разъяснение 3: Армия и флот, находящиеся в крепости Порт-Артур, должны выступить по частям, согласно установленного японской армией плана, так чтобы голова колонны прибыла к восточному концу Кокоси ровно в 9 часов утра 5-го января для получения приказа от комитета согласно восьмой статьи капитуляции. Только офицерам и чиновникам позволено иметь холодное оружие. Унтер-офицерам, солдатам и матросам не разрешается иметь никакого оружия. Все лица ниже офицеров должны иметь при себе провизии на одни сутки.

Разъяснение 4: Русские должностные лица, не принадлежащие к армии и флоту, должны образовать группы по специальностям и следовать за войсками, упомянутыми в разъяснении [541] третьем. Те должностные лица, которые не были внесены в списки волонтеров, должны быть освобождены без всякого обещания.

Разъяснение 5: Для передачи фортов, батарей, зданий, складов и др. предметов несколько офицеров, унтер-офицеров и др. назначенные лица должны остаться, где эти предметы находятся.

Разъяснение 6: Лица, входящие в состав русской армии и флота, добровольцы, должностные лица, которые будут носить оружие после 9 часов утра 5-го января или не явятся на место сбора, подвергнутся должному обращению со стороны японской армии, кроме больных и раненых.

Разъяснение 7: Необходимые предметы, составляющее частную собственность офицеров, гражданских чиновников и должностных лиц, помещенные в седьмой статье капитуляции, будут подвергнуты осмотру, если сочтут нужным, и их багаж не должен превышать веса, дозволенного офицерам соответствующего чина в японской армии.

Разъяснение 8: Военные и морские госпитали и госпитальные суда в Порт-Артуре будут осмотрены японским комитетом и будут использованы согласно правилам, выработанным этой комиссией.

Разъяснение 9: Мирные жители могут спокойно продолжать жить, но тем из них, которые пожелают оставить Порт-Артур, будет разрешено взять с собой всю их частную собственность. Семействам офицеров и чиновников, которые пожелают уехать, японская армия предоставит все удобства, какие в ее силах.

Разъяснение 10: Если японская армия найдет нужным некоторых из жителей Порт-Артура выселить, то они обязаны сделать это своевременно и путем, указанным сей армией.

Разъяснение 11: Русский комитет, помеченный 10 ст. капитуляции, должен сообщить условия администрации и финансов, передать тому же комитету все документы, общественные суммы, относящиеся к этим делам.

Разъяснение 12: Японские военнопленные, находящиеся теперь в Порт-Артуре, должны быть переданы японскому комитету, упомянутому в 9 ст. капитуляции, в 3 часа пополудни 3-го января». [542]

На обратном пути из Нового города матрос, идущий со своим скарбом из госпиталя, обратился ко мне:

— Скажите, пожалуйста, что это будет: неужто мы пойдем в плен, а офицеры себе домой? В бой посылали нас вперед, а тут до нас нет им и дела! Обидно! Вот, например, когда мы пришли под Высокую гору, наш командир и говорит: «Ну, с Богом, ребята! Я буду вами командовать отсюда...». Где там ему командовать, он и не видал, что мы там делали, а наверное, и орденку получит, и героем себя назовет. Мы пошли, но из всей роты вернулось всего 10 человек. Там и меня ранило, а тут еще цинга проклятая. Не совсем еще поправился, но неохота отстать от товарищей; взял и выписался.

Говорю ему, что, вероятно, большинство офицеров пойдет в плен. Будто успокоился этим.

Зашел А.Д. Горловский. Ему сознался один из японских врачей, что японская армия потеряла под Артуром 102 тысячи человек{316}; другой врач говорил, что только 98 тысяч; третий говорил, что больше 60 тысяч. Ближе к истине, конечно, первая цифра.

Н. П. сообщает, со слов японца-переводчика, что мирных жителей японцы отправят в Чифу и сдадут там русскому консулу.

Переводчик будто подтвердил, что через Кинчжоуский перешеек прорыт канал. Он же сказал, что русские нескоро возьмут обратно Артур, т. е. если они вообще вздумают брать его...

И тех офицеров, которые возвращаются в Россию, японцы все-таки повезут в Японию как трофеи победы, покажут народу и только тогда отпустят домой.

Сегодня целый день сдавали японцам оружие и укрепления.

Говорят, что японских войск здесь очень мало: было будто всего тысяч 30–40, но сейчас здесь всего около 10 тысяч; остальные отправлены на север, в Маньчжурию.

По словам японцев, их дела на севере лучше, чем здесь. Но к чему, в таком случае, они торопятся отправить излишние войска в Маньчжурию?.. [543]

Офицеры нестроевой службы уезжают все в Россию, чины штабов тоже, но говорят, что многие из строевых решили уехать домой — значит, не устояли против соблазна скорого свидания с родными или у них на это какие-нибудь особые соображения, особые взгляды на этот вопрос. Впрочем, это их дело.

5. Выступление гарнизона

23 декабря (5 января)

В 7 часов утра +0,5°, ясное, солнечное утро, день обещает быть хорошим.

Проснулся в начале пятого часа утра, не спится, и только, сон не хочет явиться на выручку перенапряженным нервам.

Кто-то зашабарчал нашей телефонной проволокой на крыше, быть может, гуляющие там кошки. Прежде не просыпался даже от падения вблизи 11-дюймового снаряда!

В 6 часов 10 минут где-то вдали загрохотали колеса; чем-то больным отдалась в сердце мысль, что это наши войска начинают выступать из крепости, которую сами построили и так стойко защищали, не помышляя о сдаче, все надеялись удержать ее за собой. А теперь все рухнуло вдруг, и все пропало...

Вспомнил переданный мне вечером случай в инженерном управлении. Туда пришел кондуктор Рыбников, представленный к трем Георгиевским крестам, вполне заслуживший их, притом в последние, самые тяжелые дни крепости; получил пока из них только один — IV степени. Пришел откланяться начальству перед уходом в плен (хотя он мог и не уходить в плен, если бы захотел этого сам).

— Ишь, — говорит начальник инженеров полковник Г. с презрительной усмешкой, — навесили себе побрякушек!

Рыбников опешил.

— Простите, господин полковник, эти побрякушки заслужены мною...

— Пустяки! Мы не ради их работали...

Так относятся к действительным заслугам те, которые сами и не испытывали, каково заслужить Георгиевский крест. Дело другое, если бы таких наград не существовало вовсе, но пока они существуют, то заслуживший награду должен получить ее, и не вижу причины стыдиться носить ее. Когда нужно было совершать [544] подвиги, в тот момент никто и не думал о награде и не ради ее творили чудеса, рисковали собой в высшей мере. Например, Рыбникова, во время спуска одной мины к неприятелю, задел 5 пулеметных пуль, но замечательно счастливо для него — одной он ранен легко в голову, другой в шею, третьей в плечо и т. д. Это лишь случай, что он уцелел, а полковник Г. считает себя вправе надсмехаться над ним за то, что он надел крестик.

Впрочем, говорят, что по инженерному ведомству дело о наградах стояло вообще незавидно из-за несочувствия к ним начальника {317}.

И инженеры сделали очень многое, внесли немалую лепту в дело защиты крепости, этого никто не может отрицать. Также немислимо отрицать и то, что и они рисковали на каждом шагу своей жизнью — совершали подвиги, но это были подвиги, не бросающиеся в глаза своей картинностью. Если один-другой из них проявил лишь отрицательные черты, то этим не сказано, что все они были одного покроя, и валить все на всех их грешно. Кто-то же вел все эти работы под непрерывным огнем неприятеля! Но у нас всегда так: на кого нападут, того ругают все без разбора и оглядки, огульно; а главное, за спиной лишают невинного возможности защищаться, доказать свою правоту.

Вспомнил характерный случай, переданный мне одним из раненых моряков. Случилось это довольно давно, еще в то время, когда лейтенант Хоменко и инженер-капитан Родионов начали устраивать морские батареи на кряже над Китайским городом — на так называемом Камнеломном кряже {318}. Приезжает к ним генерал Фок и ругается, что наши инженеры любят копать лишь кирочкой и лопаточкой, а не любят приниматься [545] за подрывные работы (это, положим, вздор, так как все крепостные работы велись именно при помощи взрывов скал, и в легком грунте совсем редко где приходилось работать).

Его приглашают наверх, на кряж, где ведутся сами работы, и именно подрывные. Генерал остается, видимо, очень доволен работами, капитан Р. объясняет ему подробно, какой глубины делаются буровые скважины, как нужно поворачивать при этом зубилом, как тупятся при этом зубила и что пришлось поэтому устроить тут же кузницу для заостривания зубил, как закладывается и какое количество рок-о-рока или самсона (взрывчатых веществ), с какой предосторожностью делается забивка заряда и т. д.

Фок поблагодарил за произведенные работы и уехал.

Говорят, капитан Р. было обрадован, ожидал, что генерал представит его к награде.

Получилось же совершенно неожиданное: на следующий день появился очередной подпольный листок — записка генерала Фока, в которой он говорит, что нечего бы господам инженерам рыться в мягкой земле, пора бы им приняться подрывать скалы — от этого было бы много больше пользы. И перечисляет, и рекомендует им все приемы для этих работ до мельчайших подробностей — точь-в-точь, как ему накануне объяснил капитан Р., вплоть до необходимости иметь поблизости и кузницу...

Генерал Стессель и прочие поклонники талантов Фока давались лишь диву, что этот феноменальный «герой» знает все — и инженерные работы, и все детали подрыва скал! {319}

Пришла на ум известная аллегорическая картина императора Вильгельма II, изображающая «желтую опасность»:

«Vulker Europas, wahrtet eure heiligsten Güter»! {320}

Ее следовало бы теперь переделать так — навстречу желтой опасности вытолкнули Россию; остальные народы наблюдают не то со страхом, не то с любопытством, не то со злорадством за кровавой борьбой, при этом они проливают крокодиловы слезы и патетически выкрикивают (как это недавно сделала [546] с большой откровенностью Франция) «Россия должна непременно победить!.. Ради наших интересов на Дальнем Востоке!..»

Что же касается Японии, мне кажется, что Америке, Англии и Германии желалось бы видеть этого опасного конкурента окончательно разоренным...

Россия не была пока ничьим конкурентом по торговле и промышленности, а лишь потребителем. Вот почему иностранцы жалеют порой и нас...

Выйди Россия победительницей из этой войны, иностранцы станут вновь уверять, что «желтой опасности» не бывало и быть не может, а существует лишь одна реальная — русская

опасность...

Сейчас все сознают, что если русская армия не справилась с японцами, то не справиться и ни одной другой армии, так как у всех них свои недостатки. Теперь каждый видит, что японцы переняли из европейских армий только их положительные, лучшие стороны и применяют все это изумительно ловко на деле.

О численности же японской армии до сей поры никто ничего точного не знает. Никто не ожидал, что эта маленькая страна выкинет на континент такие огромные силы{321}.

10 часов утра. Промаявшись большую часть без сна, заснул, когда было уже светло, и проспал небывало долго.

Наши войска вышли уже к месту приемки — к форту V еще уезжают запоздалые двуколки с багажом. Сегодня еще кое-где догорают дома, должно быть, ночью подожгли пьяные — кто по неосторожности, а кто и нарочито.

Настроение войск было вчера местами такое, что опасались открытого неповиновения офицерам при уходе из крепости. Но все обошлось сравнительно благополучно, если не считать два-три инцидента и того, что среди уходящих было еще много подвыпивших. Одного штабс-капитана сегодня утром, во время [547] сбора, солдаты укорили, что на позициях он сидел только в блиндаже, а тут вздумал командовать ими — начальство выказывать...

Передают, что полковнику С-му пришлось спрятаться в клозет, чтобы не быть избитому солдатами его полка; побушевали, поругали и отправились.

Будто и генерал Фок вздумал сказать речь собранному к уходу гарнизону. Солдаты сперва будто мирно слушали его, но затем будто кто-то крикнул:

— Что вы его слушаете, ребята! Довольно наслушались мы его красноречия... Он говорит одно, а думает совсем другое!..

Тот будто выругался втихомолку и поспешил уйти.

А генерал Стессель и не показался уходящему в плен гарнизону.

Сомневаются, что японцы успеют принять всех в один день, так как войск набралось всего более 20 тысяч человек, не считая около 14 тысяч больных, остающихся в госпиталях.

Сообщают, что генерал Смирнов сказал:

— Я иду в плен с гарнизоном крепости, которую я не сдавал!..

С. сообщил мне, что вчера прибыл в крепость начальник японской артиллерии со штабом и разыскал полковника (произведенного во время осады в генерал-майоры) Мехмандарова, начальника артиллерии правого фланга крепости, фактически руководившего там артиллерией с половины августа месяца. Тот было оговорился, что почетные гости ошиблись, что они, наверно, желают видеть начальника крепостной артиллерии генерала Белого; но те ответили ему, что им интересно познакомиться именно со своим почтенным противником, с которым им пришлось так тяжело бороться. Сказали массу очень лестных комплиментов. Сознались, что потери японской артиллерии под Артуром большие — до 25 тысяч человек, что много японских орудий было подбито и что их задача была облегчена лишь недостатком в Артуре снарядов.

Генерал Мехмандаров уехал в плен; он один из ярых противников сдачи и ухода «домой» под честным словом.

В 12 часов дня. Был у раненых. Везде одни и те же разговоры — о сдаче крепости и о плене. [548]

Т. сетует на генерала Никитина — друга генерала Стесселя, которого последний

рекламировал всеми силами, чтобы дать ему отличия, что тот, в свою очередь, бросил своего приятеля в самые трудные для него дни, не отговорил его от сдачи крепости. На военном совете 16 декабря генерал Никитин высказался против сдачи и будто с тех пор не показался Стесселю на глаза; это в то время, когда он не мог не знать, с каким намерением носится его друг и что некому его поддержать из окружающей его среды.

В. говорит, что, быть может, генерал Никитин сознавал, что его друг все равно сдаст крепость, находясь под более сильным влиянием других и подталкиваемый на это соглашающимися на все льстецами{322}, а поэтому не захотел замарать свое имя якобы участием в сдаче.

Ш. говорит, что это узкий эгоизм и что если уже пользоваться добродушием друга, то нужно было и компенсировать его в нужную минуту дружеской поддержкой{323}.

— В чем же вам показалось это «добродушие» друга? — спросил не без иронии В. — Не можете ли указать мне хотя бы один случай, где «добродушие» это принесло бы делу хотя бы каплю пользы? Безобразное хозяйничанье с наградами, так сказать, вербованье этим себе сторонников, как вам угодно, не могу признать деятельностью в интересах Отечества, а наоборот! Возьмите, например, то, сколько нас, старых, притом израненных боевых капитанов, осталось без производства в подполковники, а капитан Ж-ко, «подвиги» которого всем известны, получил и боевые награды, и представлен к чину подполковника! Так нарождаются будущие Стессели...

Затем дебаты перешли на вопрос: принес ли генерал Стессель какую-либо пользу обороне вообще? Сперва казалось, что вопрос может быть решен только отрицательно, несмотря [549] на слабые попытки приверженцев этого генерала указать на его якобы добрые поступки, которые не относились к ходу обороны.

— Господа, — вмешался в разговор К., — будем хоть раз беспристрастны, отбросим наши личные чувства. Мне кажется, что грубая требовательность генерала Стесселя принесла и долю пользы обороне — его боялись... Нам нечего скрывать, что среди нас очень мало развито чувство долга и что мы склонны к разным вольностям... Вспомните, как в начале войны многие из нас не любили подолгу оставаться на позициях — нас тянуло в город... Его грубая требовательность, скажем даже — произвол, поставили этому предел, заставили оглядываться. Он заставлял каждого быть на своем месте. Мне кажется, если бы он не поступал с нами так круто, то распушенность эта сказала бы у нас сильнее как среди офицеров, так и солдат, а про моряков и говорить нечего — были грешки... Не будь его, едва ли кто из прочих начальников сумел бы взять всех в такие ежовые рукавицы. Вам известно, что в Северной нашей армии «вольности» эти доходят иногда до отвратительного, как нам передавали об этом очевидцы{324}. Подумайте сами, что было бы, если бы мы и с наступлением тесной осады начиная с первых августовских дней продолжали бы свою склонность отлучаться с позиции... После не помогли бы делу даже расстрелы, без которых мы, слава Богу, обошлись. Возьмите, например, запрет продажи водки...

Все замолчали. Было видно, что под сказанным К-м есть и основание. Снова начались споры, доказывалось, что эта же грубая требовательность, проявленный генералом Стесселем порой грубый произвол внесли много ненужного огорчения, даже озлобления, отбивали нередко охоту ко всякому самопожертвованию, задевали самолюбие, словом, принесли и много вреда обороне. Перечислялись факты. И с этим нельзя было не согласиться.

Тем не менее и К. был прав. Вопрос сводится к тому, что дал характер Стесселя обороне больше — пользы или вреда?.. [550]

Сдача им крепости зачеркнула все его заслуги; осталось на виду только все отрицательное. И в этом виной то, что в нем нет меры разума — ни в его «добродушии», ни в грубой требовательности, он не знал, где что нужно, не знал, где поставить точку...

Разговоры перешли на некоторые моменты обороны, когда высший командный персонал не предусмотрел то, что нужно было предусмотреть.

Так, например, командир Заредутной батареи докладывал коменданту еще до обложения японцами Артура о том, что за тыловым гребнем следовало бы устроить окопы для стрелков, чтобы в случае штурма редутов, когда наша артиллерия будет уже частью выведена из строя, штурмы эти отбивать ружейным огнем, не давая японцам укрепиться в редутах {325}. После оказалось, что такие окопы принесли бы в то время огромную пользу защите, но они не были еще сооружены.

8 августа генерал Горбатовский обратился к подпоручику К. с вопросом, где бы там лучше установить полевые пушки для отражения неприятельских штурмовых колонн. Тот ответил ему, что теперь уже поздно об этом думать, что японцы теперь уже не дадут подвезти пушек, что, по его мнению, японские цепи уже залегли всего на 300–400 саженей впереди редутов и скоро начнется штурм. Так и случилось. Но Горбатовский тут ни при чем — вся наша полевая артиллерия была на левом фланге, лишь потом перевели часть ее на правый. Будь же полевая артиллерия установлена в одну из предыдущих ночей в складках местности впереди укрепления № 3, и если бы она притаилась там до начала штурма, то японцам не удалось бы в начале августа занять редуты № 1 и 2; также было бы отодвинуто падение Водопроводного и Кумирнского редутов.

Кроме того, были упущены из виду чудные позиции для артиллерии у Голубиной бухты, имеющие очень хорошую площадь обстрела; поставленная там своевременно артиллерия могла бы не допустить скорого падения позиций нашего [551] левого фланга, ибо она была бы японцев всегда по тылу и флангу, они могли бы двигаться только при помощи тяжелых осадных работ, только при помощи хорошо укрытых ходов сообщения.

Это произошло потому, что никто из высшего командного персонала не побывал после начала осады на Голубиной бухте и не взвесил там все преимущества для артиллерийских позиций.

Пошел навестить раненых. Там наткнулся снова на дебаты о наградах, заслугах, о «козлах отпущения» и о приписывании себе или кому-нибудь другому счастливую мысль или сообразительность какого-нибудь третьего лица, приведшую к хорошим результатам.

Из приведенных фактов один очень характерен.

Штабс-капитан Ерофеев, командовавший ротой моряков в отряде капитана Романовского у Голубиной бухты, заметил 9 сентября во время штурма японцами Высокой горы, что неприятель собирается очень скученно на юго-западном склоне горы, и сообразил, что скорострельная артиллерия, поставленная у Голубиной бухты, могла бы прекрасно поражать неприятеля, а этим сильно помочь защите горы; он тотчас донес об этом по начальству. Начальство нашло эту мысль правильной и послало туда всего один взвод (2 орудия) скорострельной артиллерии под командой штабс-капитана Ясенского. Результаты получились хорошие: японцы, поражаемые с тыла, отступили, а ночью лейтенант Подгурский с минами и охотники штыками окончательно отбросили японцев, выбили их из занятых ими окопов. После того японцы не решались штурмовать Высокую гору вплоть до ноября месяца. Штабс-капитана Ясенского наградили, наградили и других; мало того — из начальства каждый приписывал себе посылку артиллерии к Голубиной бухте и удачу всего дела. Но про штабс-капитана Ерофеева совсем забыли, ему и «спасибо» не сказали.

— Допустим, — говорит Д., — в чем заключается заслуга Ерофеева? Он исполнил только свой долг. И Ясенский исполнил только свой долг, а начальство не могло не посылать туда артиллерии, когда дело требовало этого, значит, и оно не совершило этим никакого подвига, а исполнило лишь свой долг... [552]

Но все они исполнили этот свой долг только потому, что там, на Голубиной бухте, какой-то

неизвестный штабс-капитан Ерофеев заметил вовремя, что это можно и нужно сделать, и полез докладывать об этом начальству, едва ли он думал о наградах и заслугах, но он сделал то, что было полезно. Поэтому если уж награждать кого-либо за это, если кому-нибудь приписать эту счастливую мысль, то несправедливо обойти молчанием Ерофеева!..

В обороне Артура участвовало много таких Ерофеевых. А про них-то и забываем.

12 часов дня. Сообщают, что с гарнизоном выехали комендант и все генералы. Только генерал Стессель остался здесь, при нем оставлены казаки как почетная охрана; говорят, что все эти дни дом генерала Стесселя охранялся казаками и что он еще сейчас не чувствует себя в безопасности.

Получил еще некоторые приказы. Часть их привожу здесь.

«№ 980 (21 декабря, экстренно). Предписываю сегодня же сдать все оружие в Новую тюрьму, считать от каждого полка, начиная 13, 14, 15, 16, 5-й, затем 7-я дивизия (25, 26, 27, 28-й), три Запасных батальона, Крепостная Артиллерия, Саперная, Железнодорожная и Минная роты, Пограничная стража, Полевая Артиллерия {326}. Все это должно быть сложено к 12 часам дня 22-го сего числа. С 12 часов дня 22-го числа туда сложить оружие, взятое у японцев. Морякам сдавать оружие по распоряжению Командира Порта в Порт, сегодня же. Дружинникам — в Арсеналах сегодня же. Для казаков будет назначено время. Подтверждаю строжайше, чтобы ни единого ружья не оставалось в казармах. Каждый полк доносит точно по Начальству о сдаче. Караул поставить 20 человек от казаков к тюрьме. Сегодня с 2 часов дня очистить все форты и перейти в казармы. Остаться для сдачи, указанной в приказе за № 985, т. е. Коменданту и 2 нижним чинам».

«№ 981. Признаю настоятельно необходимым, чтобы с командами нижних чинов, отправляемых в Японию, следовало бы [553] хотя 3 Священника для пастырского напутствия, которое будет необходимо каждому православному воину, а потому прошу Священников завтра к 2 часам дня заявить; если же не будет желающих, чего не думаю, то из 4-й и 7-й дивизии по одному, от Морских команд и прочих частей еще одного.

П. П. Начальник Квантунского Укрепленного района, Генерал-Адъютант Стессель. С подл, верно: Начальник Штаба Полковник Рейс».

«Приказание по Войскам Квантунского Укрепленного района. Кр. Порт-Артур.

№ 88 (экстренно). Начальник Квантунского Укрепленного района приказал: 1] Старшим врачам всех частей войск немедленно сделать медицинский осмотр нижних чинов и всех больных цингой и другими болезнями, неспособных находиться в строю, зачислить в околотки и слабосильные команды и Командирам частей 22 декабря к 9 часам утра представить в Штаб района точные цифровые сведения, сколько нижних чинов состоит в Госпиталях и при части в околотках, лазаретах и слабосильных командах раненых, цингой и прочими болезнями. Подписал: Начальник Штаба, Полковник Рейс».

6. Победители и побежденные

Меня разбудил испуганный крик жены. Вскрываю — два выпивших японца, унтер-офицер или ефрейтор и солдат, ломятся в нашу квартиру. Вышел и оттолкнул их от дверей. Они что-то толкуют по-своему и лезут к дверям. Не пускаю их и стараюсь им объяснить, пуская в ход все мое языкознание, что им нечего здесь искать, что это нехорошо и, наконец, что позову японский патруль, но они ничего не понимают и продолжают лезть к двери. Унтер-офицер показал мне на свой тесак, что он вооружен. Это возмутило меня окончательно, я взял его за шиворот, довел до ворот и вытолкнул со двора, солдат поплелся покорно за ним... Оригинальная картина.

Тут у меня невольно вырвалось сердитое слово неудовольствия по адресу наших властей,

которые поторопились сдать и побросать крепость на произвол судьбы. Нашей полиции [554] что-то не видать, а японская не успела еще вступить в свои права {327}.

Затем пришел к нам Н. В., один из друзей, раненых русских офицеров. Мы обрадовались ему несказанно, быть может, его присутствие избавит нас от нахальства японских солдат.

5 часов дня. Пошел с Н. В. прогуляться по городу. По улицам встречаются японские патрули и пьяные солдаты, как наши, так и японские.

Проходя мимо группы японских офицеров, О. подошел к ним, вежливо поклонившись, с вопросом — не говорит ли кто из господ офицеров по-русски. Ни ответа, ни другого признака вежливости он не встретил.

Дорогой В. рассказал мне, что И. П. Балашов сильно удручен сдачей крепости.

Прошли на бульвар — Этажерку и сели в музыкальном павильоне. Поблизости стоит японский солдат с белой перевязкой на руке, оказывается, что это временный полицейский пост, из выздоровевших раненых, был ранен в голову пулей, околыш фуражки пробит, и видна зажившая рана.

Он отбирает у проходящих японских солдат все, что имеет характер «взятого»: куски материи, одежду и т. д., и кладет все в кучу. Отобрал, между прочим, совершенно новую солдатскую шинель артиллерийского ведомства.

Японские солдаты, иногда целая группа их с унтер-офицерами, повинуются требованию поста, хотя иногда пытаются и возражать.

Проехал японский комендант Старого города, майор в жандармской форме, в сопровождении двух жандармов. Постовой солдат отдал ему честь и доложил об отобранных вещах, тот одобрительно кивнул головой, сказал что-то и поехал дальше. После этого постовой солдат также продолжал отбирать разные вещи у японских солдат и предлагал их прохожим русским, шинель отдал проходившему русскому солдату, хотя тот говорил, что у него есть своя. [555]

Грустно смотреть на разрушенный порт, на русских, как бы блуждающих сиротами по уже не русскому Артуру.

Пошли дальше. Всюду встречаются японские солдаты в разноцветных околышах и кантах. Нас обогнал отряд санитаров с выучным обозом. Сзади их шел молодой врач в легких, матерчатых, сильно стоптанных сандалиях... Как обувь — это одна печаль, а во время холода — горе. Видно, недостатки заставляют носить такую обувь.

Японцы не избалованы большими окладами.

Взобрались на Военную гору, поглядели сверху на Старый город. Улицы уже опустели, картина хотя мирная, но нисколько не веселит сердце.

И. Т. принес из Нового города известие, что наши солдаты и матросы вчера разбили там все кладовые на базарной площади, между прочим, ценную библиотеку и склад книг «Нового края». Говорит, все изорвали, истоптали ногами, разбросали, чтобы ничего не досталось японцам!..

Вот на чем излили свою досаду на сдачу крепости.

Забыл отметить, что сегодня в обед было (на солнце) 15° тепла. Все эти дни, пока крепость сдана, погода стоит чудная, теплая. Будто сама природа радуется тому, что люди перестали зверски истреблять друг друга и разрушать созданное многолетним трудом с затратой огромных средств. Природе чужды наши понятия о позоре побежденных и торжестве победителей.

Рассказывают, что утром многие из мирных жителей — бедноты потащились вслед за

войсками, направились к Голубиной бухте, чтобы поскорее убраться отсюда. Но что они там будут делать? Там ни приюта, ни средств пропитания. Пошли на произвол судьбы, потому что никакого наше начальство не нашло нужным объявить населению, что делать и что с ним будет. Про население города совсем забыли.

14 декабря

(6 января). В 7 часов утра +1,2°, ясно и совершенно тихо.

Ночь прошла совершенно спокойно, без всякого безобразия. Быть может, они уже не повторяются, т. е. если японская полиция и офицеры возьмут своих людей в руки. [556]

Быть может, сегодня наконец узнаем что-нибудь о нашем выезде, что и как.

7 часов 45 минут утра. На склоне Военной горы, на задах дома Шафанжона, ниже бывшей военной школы, горит какой-то дом. Место очень густо застроенное, и пожар может истребить много зданий, будь ветерок, то и целую часть города.

8 часов 30 минут. Пожар локализован и догорает. Говорят, что в этом доме был склад разных напитков и там всю ночь пьянствовали русские и японцы.

С. Г. М. говорил мне, что И.П. Балашов так сильно удручен сдачей крепости, что надо опасаться, как бы он не заболел. Разочаровался в генерале Стесселе {328}.

Там же я узнал, что все военно-врачебное начальство постаралось уехать с гарнизоном, постаралось свалить всю обузу — раненых и больных защитников крепости — на плечи младших врачей и японцев...

В 9 часов 48 минут утра отправился в Новый город.

Во всем теле необычайная усталость, будто все оно налито свинцом. Идешь только потому, что нужно идти. Явление, впрочем, естественное — реакция энергии — перенапряженные нервы ослабли, как струны на скрипке.

По дороге все чаще и чаще встречаются японские войска, небольшими отрядами, обозы и офицеры, — и все меньше и меньше русских.

Помимо обозов на двуколках, встречаются и вьючные, укладка вьюков и вообще упаковка тюков у японцев образцовая, тюки известного материала у них все совершенно одинаковые и удобно перекладываемые, все прочно перевязано, на всем надписи.

Нельзя не отметить, что среди японских солдат встречаются нередко люди в оптических очках, кроме того, у них целые части снабжены прекрасными окулярами-консервами с сетками, [557] дающими им возможность во время бури с песком свободно глядеть и стрелять.

У нас же — ничего подобного.

Приближаясь к книжному магазину, я встретил японскую приемную комиссию с нашим гражданским комиссаром, подполковником Вершининым, направляющихся в городское управление.

Сообщают, что в бывшем здании гражданского управления поместился какой-то японский штаб.

Пошел в офицерские палаты морского госпиталя. Там мне рассказали, будто японцы расстреляли, по настоянию генерала Стесселя, несколько наших солдат за мародерство, японцы будто расстреляли 12 своих солдат за то же самое, Л. сообщил, будто вчера же японцы расстреляли 8 портовых рабочих, убивших в порту несколько спавших там японских солдат или матросов {329}.

Пока я сидел у М. Л., в палату вошли три японца-жандарма (кажется, один офицер и два

унтер-офицера), посмотрели, раскланялись и ушли, вероятно, пересчитывали находящихся здесь людей.

С завтрашнего дня госпитали будут получать японскую провизию, врачи подали выписки всего необходимого для того, чтобы скорее побороть цингу. Японцы будто говорят, что все будет выдано.

Из разных разговоров могу отметить высказанное кем-то из офицеров мнение, что начальство старалось расходовать съестные припасы с таким расчетом, чтобы их хватило до марта месяца, — в результате заморило гарнизон голодом и сдалось, не израсходовав имеющихся припасов.

Говорят, что и консервов осталось довольно много, но по книгам они были уже израсходованы... Будто после сдачи чуть ли не валили в море и чуть ли не жгли их.

Говорят, что японцы не особенно рады занятому Артуру, т. е. тому, что они здесь нашли... Что Артур сейчас для них не находка, так как оставшийся свободным после брандеров выход из гавани загроможден нашими мелкими судами (правду [558] сказать, загроможден не ахти как), рейд завален нашими оторвавшимися и японскими плавучими минами, очистить его нелегко, на это потребуется много времени{330}, что все ценное разрушено и т. д.

Этим, конечно, мы утешаем себя, стараемся доказать, что мы потеряли сущие пустяки...

Но один из японских офицеров высказал, что они нашли в Артуре на самом деле всего много больше и во много раз лучше состоянии, чем они ожидали...

10 часов вечера. В городе мертвая тишина. Ничто не напоминает нам наступления радостного праздника.

Сегодня канун Рождества Христова.

Много раз приходилось мне невесело встречать этот праздник... Но всегда было на душе что-нибудь утешающее, ободряющее к предстоящей борьбе. Никогда еще не встречал я этот праздник в столь подавленном настроении, в такой степени нравственно и физически разбитым, как сегодня.

25 декабря (7 января)

В 7 часов утра — 4°, большой иней, ясно, тихо. Первый день безотрадного для нас праздника.

Зашел К. М. и сообщил, что узнал среди японских морских офицеров одного из бывших содержателей публичных домов в Артуре. Теперь, когда мы уже знаем, что среди японских парикмахеров, торговцев, чернорабочих и т. д. были офицеры, и будто даже офицеры генерального штаба, — это нас уже не удивляет. Сообщают также, что бывший подрядчик по ассенизации города, крепости и порта г. Каваками все время осады находился при штабе армии генерала Ноги...

У всех ворот центральной ограды крепости стоят японские часовые.

Встретил некоторых наших раненых офицеров, взявших на себя обязанность заведования нашими больными солдатами до их выздоровления, все они возмущены тем, что наше начальство побросало больных солдат без средств, без указаний, где [559] что хранится из оставшихся припасов (например, артиллеристы разыскивают немалое количество сахара, которое должно было быть еще в налицо{331}, словом, на произвол судьбы, на милость победителей.

Меня спрашивают: правда ли, что первый пароход, нагруженный пленными, наварлся в море на мину и пошел ко дну?... Думаю, что это фантазия привыкших к разным слухам.

Мне передают, что японцы, видимо, еще не совсем потеряли надежду выиграть или же, по

крайней мере, не скоро проиграть кампанию; они уверяют, что японских войск на севере до 600 тысяч человек, а у Куропаткина около миллиона. Многие думают, что неизвестность исхода войны заставляет японцев быть более корректными с нами.

На обратном пути против гауптвахты встретил целый ряд двуколок с покойниками, зашитыми в холст, наши солдаты, оставленные при госпиталях, везут этих умерших в госпитали на новое кладбище под Крестовой горой, где похоронен генерал Кондратенко.

Никто не сопровождает их, некому оказать им последнюю воинскую почесть, некому бросить им последнюю горсть земли дружеской рукой. Все эти похороны так вошли в привычку, все наши чувства к умершим за родину иссякли: их не стало так же, как рухнули все наши надежды на то, что крепость устоит, как рухнуло все то, что поддерживало в нас душевные, силы и бодрость в тяжелые дни осады. Крепость сдана — и все эти жертвы стали напрасными; вместо прежних слез, внутреннего трепета умиления, вдохновения остается какой-то горький осадок, осталось чувство обиды, все потускнело в наших глазах, стало серым, ничего светлого.

Вечером зашел П. и сообщил, что по дороге из Нового города его встретил какой-то японский солдат, который дал ему прочесть объявление, приглашающее мирных жителей сдавать с сего дня все свое оружие, как огнестрельное, так и холодное, в японский штаб, в Новом городе. [560]

7. Одна из разгадок

К-й принес мне пачку собранных им где-то на улице официальных документов; между ними есть и с надписями «секретно» и «не подлежит оглашению». Несколько нашел и я сегодня. Позднее пришел Г. с такой же находкой. Образовалась целая кипа, но неохота их рассматривать. Головные боли совсем парализовали волю. Неохота ни говорить, ни слушать, ни смотреть на что-либо, и спать не хочется. Они уверяют, что есть тут и довольно интересные бумаги, толкуют о предстоящем выезде в Россию, говорят, что скоро должно произойти на севере решительное сражение и если Куропаткин разобьет японцев наголову, то, пожалуй, было бы лучше не выезжать отсюда.

Все эти разговоры кажутся пустыми, не интересуют, и они говорят все это вяло, безжизненно, будто все это не касается их самих. Какая-то давящая скука, мертвечина, а время будто тянется медленно, медленно...

26 декабря (8 января)

В 7 часов утра — 3°, ясно, тихо.

Вечер и ночь прошли так тихо, будто нет вовсе праздника и будто весь город вымер. Спалось плохо, и встаешь с той же больной, тяжелой головой.

Пока неохота выходить из дому, порылся в собранных и принесенных вчера документах. Большой частью это разные приказы по разным ведомствам. Между ними два стоят особого внимания: это предписание и инструкция штаба Тихоокеанской эскадры до начала войны, первое написано на пишущей машине, а вторая напечатана в типографии штаба. Вот их дословное содержание.

«Штаб начальника эскадры Тихого океана Порт-Артур.

№ 42 (18 января 1904 г. Секретно. Экстренно). Заведующему 1-м отрядом эскадренных миноносцев.

Ввиду учреждаемого в ночное время крейсерства миноносцев для осмотра моря в расстоянии от 30 до 40 миль от рейда, начальник эскадры приказал для этой цели ежедневно высылать два миноносца, по одному от каждого отряда. [561]

Сообщая о том, штаб по приказанию его превосходительства предлагает вашему высокоблагородию составить расписание очереди крейсерства миноносцев вверенного вам отряда, которое срочно представить для доклада его превосходительству, начальнику эскадры.

Сторожевая служба миноносцев начинается завтра, 19 января, с заходом солнца, когда очередным миноносцам, по одному от каждого отряда, надлежит подойти к флагманскому броненосцу на случай могущих быть особых приказаний и затем следовать по назначению.

Впредь до объявления подробной инструкции главные обязанности сторожевого миноносца будут заключаться в следующем:

1. Осматривать море на расстоянии от 30 до 40 миль от рейда и обо всем усматриваемом сообщать старшему на рейде флагману, для чего миноносцу возвращаться на рейд к флагманскому кораблю.
2. Крейсировать экономическим ходом, но возвращаться на рейд, для сообщения какого-либо сведения наибольшим при имеющемся числе котлов.
3. При приближении к рейду делать опознавательный сигнал с точным соблюдением всех установленных правил, в том же случае если не будет причин к возвращению на рейд, возвращаться не менее одного раза в ночь как для практики в производстве опознавательных сигналов, так и для получения приказаний».

Подлинное подписали: флаг-капитан капитан 1 ранга Эбер-гард и старший флаг-офицер (фамилия неразборчива).

«Секретно.

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ОХРАНЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗОНЫ И РЕЙДА ПОРТА-АРТУР

I

Дежурство крейсеров

Ввиду могущей явиться экстренной надобности в поселке крейсеров с каким-либо поручением, преимущественно разведочного характера, учреждается дежурство крейсеров продолжительностью [562] от захода до восхода солнца, по два крейсера ежедневно.

Главная обязанность дежурного крейсера заключается в готовности его к походу, для чего ко времени захода солнца он должен иметь в половинном числе котлов пары и машины провернутыми. При уверенности в исправности механизмов, пары должны поддерживаться малые, с расчетом, что будет дано еще некоторое необходимое на подъем пара и окончательное прогревание машин время.

В случае посылки крейсеров с каким-либо поручением и возвращения их после того на рейд правила об опознавательных сигналах должны быть соблюдены в точности.

Все офицеры к заходу солнца на дежурных крейсерах должны быть налицо.

По смыслу настоящей инструкции, дежурство крейсеров оканчивается с восходом солнца и потому пары в котлах в это время должны прекращаться без особого на то приказания.

Впредь, до изменения, дежурство крейсеров распределяется в нижеследующем порядке.

Крейсера «Аскольд» и «Диана»,

«Паллада» и «Новик»,

«Баян» и «Боярин».

Настоящая инструкция входит в силу с 19-го сего января, с которого надлежит вести и указанную очередь дежурства.

II

Дежурство стоящих на внешнем рейде судов по освещению

Вследствие выхода на внешний рейд всех судов эскадры и для более надежного наблюдения за подходом к рейду, во изменение циркуляра от 5 января № 5, но с сохранением его полного смысла, учреждается одновременное дежурство, взамен одного-двух кораблей эскадры, которые все окружающее пространство делят между собой на восточную и западную части, считая общим пределом освещения приблизительно меридиан, проходящий через якорное место № 5.

В дополнение к указанному в циркуляре № 5 дежурным по освещению кораблям вменяется в обязанность не допускать в [563] ночное время приход коммерческих судов в район, занимаемый эскадрой, с указанием им якорного места вне эскадры, с морской ее стороны.

Остановку такого парохода производить настойчивым освещением его боевым фонарем и своевременной посылкой парового катера, который у дежурного по освещению корабля должен быть в полной для того готовности и посылаться для этой цели непременно с офицером.

Сообразно с настоящим расположением якорных мест судов эскадры, дежурство по освещению распределяются в нижеследующем порядке:

Крейсера «Аскольд» и «Диана», броненосец «Ретвизан» и крейсер «Паллада», крейсер «Баян» и броненосец «Пересвет», броненосец «Победа» и минный транспорт «Амур», броненосец «Цесаревич» и минный транспорт «Енисей». Очередь ведется с 18 января при продолжительности дежурства от захода до восхода солнца.

Дежурство эскадренных миноносцев

Для непосредственного наблюдения за пространством моря, прилегающим к рейду, и для осмотра его учреждается крейсерство миноносцев, по два ежедневно.

Сторожевая служба миноносцев продолжается от захода до восхода солнца и заключается в нижеуказанном:

Миноносцы, назначенные в крейсерство, с заходом солнца выходят на наружный рейд и подходят к старшему флагманскому броненосцу на случай могущих быть дополнительных приказаний, и только по получении разрешения следуют по назначению.

Главное назначение сторожевых миноносцев — осматривать море на расстоянии до 20 миль от рейда и обо всем усматриваемом в зависимости от степени важности сообщать старшему на рейде флагману, возвращаясь на рейд и подходя к флагманскому броненосцу для получения новых приказаний. [564]

В настоящее время в крейсерство выходить двум миноносцам, по одному от каждого отряда, по назначению заведующих отрядами миноносцев, которые о последовавшем назначении доносят начальнику эскадры.

Миноносцам крейсировать соединенно, экономическим ходом, но возвращаться на рейд для сообщения какого-либо известия непременно наибольшим ходом при наличном числе котлов.

При всяком приближении к рейду делать опознавательные сигналы с точным соблюдением всех установленных правил, помня, что несоблюдение их в военное время будет иметь последствием открытие огня по миноносцу.

Без особого приказанья боевого вооружения к бою не готовить и крейсировать с открыт/ми отличительными огнями.

На первое время, для практики, около одиннадцати часов вечера-миноносцам возвращаться на рейд с производством опознавательных сигналов и подходом к флагманскому броненосцу,

после чего с разрешения флагмана снова идти в крейсерство и возвращаться в порт с восходом солнца».

Подписал: флаг-капитан капитан 1 ранга Эбергард.

(На инструкции нет указаний, какого числа она издана).

Когда я прочитал эти документы, мне стало ясно, почему японцам удалось внезапное нападение на наши суда в ночь на 27 января.

Если перевести смысл приведенных документов на общепонятный, обыденный язык, то дело происходило так: в темную ночь послали двух сторожей в дозор, причем им наказали идти вместе с зажженными фонарями (которые не давали им смотреть вдаль, в то время как они сами были издали видны), идти не торопясь, но обойти такое пространство, которое они не в силах достаточно окараулить, даже рыская изо всех сил, в случае если они кого и встретят, не пускать в ход свои дубинки, а бежать домой и сказать об этом хозяину (при этом они должны еще пропеть издали условную молитву по условному мотиву, чтобы придержали цепных собак, не подпускающих решительно никого), а если они там никого и не видали, то все-таки им приказано вернуться с полдороги к 11 часам домой и [565] рассказать, что они там видели... закурить трубки — и опять, с Богом, в дозор...

Кругозор миноносца в открытом море вообще невелик, а ночью при огнях его нет вовсе. Между тем японцы, шедшие с закрытыми огнями, прекрасно видели издали наши миноносцы, обошли их — и напали себе на дремлющую эскадру.

Какая же тут роковая случайность! Это естественные последствия нашей удивительной непредусмотрительности! {332}

Утром пошел с женой в Красный Крест. На мосту около цирка ехала нам навстречу вереница японских кавалеристов, по своему обыкновению гуськом {333}. Впереди ехали несколько солдат, затем несколько офицеров (их можно отличить лишь по просвету на околыше), за ними японский (буддистский) [566] священнослужитель в золотистом облачении, покрой облачения и разноцветная вышивка придавала ему вид бабочки, за ним ехали еще один или два офицера и несколько солдат. Стоявшие около здания базара японские солдаты, увидев процессию, быстро схватили свои ружья, выстроились и отдали честь едущей шагом процессии. Зная по разным сочинениям о Востоке, что японцы малорелигиозны, подумал, что это шествие имеет более демонстративный характер, напоминало нам, что отныне христианский город стал буддистским.

В Красном Кресте жалуются, что целый день надоедают им японцы: приходят и офицеры, и солдаты, ходят по палатам, рассматривают больных, будто потешаются над побежденными.

В импани Красного Креста японцам было понравились лошади Красного Креста, и они принялись уже забирать их себе, когда об этом узнал А.Л. Тардан, то пришел и выпроводил их из импани самым решительным образом, тем дело и кончилось.

Раненые офицеры сообщили мне о производстве наших полковников в генерал-майоры и о награждении их орденом Святого Георгия, удивляются тому, что наряду с Третьяковым, Ирманом и Мехмандаровым произведен и награжден орденом Святого Георгия полковник Савицкий. Также награждены этим орденом и другие, ничем не доказавшие свою личную храбрость, не совершившие никакого подвига — даже не бывавшие в боях.

— Это, сравнительно, обида! — говорят они. — Одни отличились, рисковали постоянно своей жизнью, показывали пример неустрашимости, ободряли этим гарнизон, другие — ничего подобного, а награждены также!..

То же самое видим и в награждении обер-офицеров {334}.

В 12 часов дня было 16° тепла. [567]

Вечером перечитывал «Три разговора» Владимира Соловьева. Много у него такого, с чем нельзя не согласиться, чего нельзя отрицать. Надо удивляться, как верно он схватил десять лет тому назад грозящую желтую опасность, когда многие из нас отрицали ее и тогда, когда она была уже на носу, когда многие из нас не признают ее и сейчас, где она уже осуществляется.

27 декабря (9 января)

В 7 часов утра — 2°, иней, небо покрыто легкими, но сплошными облаками, поднимается легкий северный ветерок.

Когда я вышел на прогулку, то встретил провизора Вейнблума (остзейца), он рассказал, как ему во время первых штурмов захотелось видеть своими глазами бой. Он пошел на левый фланг, где как раз японцы штурмовали Высокую гору. Там он встретил егермейстера Балашова, который на вопрос, откуда можно было бы наблюдать за боем, указал на одну из трех сопок между фортом V и Высокой горой. В. взобрался на указанную вершинку и пристроился там за кучей камня, он рассказал, что при помощи бинокля видел хорошо, как японцы лезут, как их скашивает ружейный огонь, как они то подадутся назад, то опять идут вперед, как рвется над ними и над нашими шрапнель и т. д. Говорит, что так увлекся наблюдением, что и не заметил, как японцы открыли жестокий артиллерийский огонь по всей окрестности, и что этим огнем ему отрезан всякий обратный путь. День был жаркий, его начала мучить жажда, потом еще и проголодался, но не только уйти, а высунуться из-за прикрывающей его кучи камня было нельзя. Так ему пришлось просидеть на своем наблюдательном посту до сумерек, пока не затих артиллерийский огонь. Зато, говорит, знаю хотя в некоторой степени, что такое бои и каково солдатам быть целый день в бою. [568]

Встретив затем доктора К., коснулся вопроса о нашем военно-санитарном неустройстве. Он говорит, что эта сторона военного дела у нас из рук вон плоха{335}. По его мнению, суть в том, что все попытки реформировать это дело всегда наталкивались на большинство рутинеров, нежелающих допустить уравнивание прав врачей с правами офицеров, тогда-де нельзя будет помыкать врачом, как каким-то пасынком армии. Пока санитарное дело не будет у нас выделено в особые санитарные корпуса, как принято за границей и как это переняли японцы, дело не может быть улучшено.

Как, например, указал он на морской санитарный отряд, действовавший самостоятельно, не подчиненный сухопутному начальству и оборудованный по усмотрению самих врачей. Он функционировал начиная с боев на Зеленых горах до самой сдачи крепости и принес немало поддержки военно-санитарному ведомству, которое еле-еле справлялось с непосильным делом за отсутствием устройства, организации. Так же действовали санитарные отряды Красного Креста, являющиеся как бы волонтерами, но не зависящие от военного начальства.

Он засыпая меня доводами и доказательствами, и я вынес из этого разговора твердое убеждение, что он прав — нам нужны и в этом коренные реформы.

После того я зашел к знакомым и узнал между прочим о двух моряках — незаметных тружениках, которые стоят того, чтобы упомянуть и о них. Это лейтенанты Александр Матвеевич Басов и Павел Васильевич Волков. Первый состоял минным офицером на броненосце «Севастополь», а второй с апреля был минным офицером минного транспорта «Амур», а впоследствии командиром пароходика «Богатырь», приспособленного для закладки мин. Оба эти офицера участвовали в боях с самого начала войны, а потом работали большей частью вместе: то очищали рейд от неприятельских мин (тралили), то закладывая свои, то устраивали заграждения, приспособляли то, что они могли добыть в свое распоряжение. Они трудились и не кричали о себе, поэтому их мало знают. Так не знают и не [569] будут знать, быть может, еще многих скромных, но неутомимых тружеников как из рядов морских, так и сухопутных наших сил{336}.

Расстановка мин спасла нас от одновременной бомбардировки крепости с суши и с моря, а

это было бы что-то ужасное, если бы в то же время, когда осадные батареи громили наши крепостные верки с фронта, японская эскадра засыпала бы снарядами тыл позиций, подступы резервов и самые помещения резервов в городе, заставляла бы батареи берегового фронта заняться отражением эскадры, лишила бы их возможности поддержать сухопутный фронт.

Говорили также, что прапорщик запаса инженерного ведомства Берг, уцелевший при гибели генерала Кондратенко, все время находившийся на форту II, считался очень полезным работником. До сих пор на Золотой горе еще не поднят японский флаг, хотя наш там давно спущен. Объясняют это тем, что генералы Стессель и Белый еще не выехали из крепости.

8. Изобретательность осажденных

Вечером разобрал многое из собранных деловых бумаг, которые оказались никому не нужными и потому, должно быть, брошены{337}. Нашел довольно интересные заметки и докладные записки.

В это время собрались у меня некоторые из раненых защитников разных ведомств. При помощи их удалось мне восстановить некоторую картину того, как гарнизону Артура приходилось изощряться, чтобы бороться с неприятелем, превосходящим подавляющим числом войск и если не более совершенной [570] техникой, то достатком всех припасов и материалов, постоянным подвозом всего, что оказывалось нужным.

Если мы устояли так долго и могли устоять еще некоторое время, если бы крепость не была неожиданно сдана, то в этом немалая заслуга и наших изобретателей, которых я отчасти уже упомянул. Но таких изобретателей было у нас много, всех их не знаю и трудно перечесть.

Упомяну здесь только о тех, о которых узнал некоторые факты. Коснусь всего намеренно сжато, упуская известные мне детали, чтобы не упрекнули меня в разглашении «секретов»{338}.

Среди всех «изобретений» видное место должно быть отведено ручным гранатам — «бомбочкам», как их звали у нас. Мысль о применении их при обороне Артура возникла еще в самом начале войны и была высказана подпоручиком 25-го полка Никольским при обсуждении вопроса об оборудовании рвов форта II. Туда хотели поставить скорострельные капонирные пушки или пулеметы, но тех и других было у нас немного. Притом что рвы были коротки, нужно было опасаться, что пули будут отскакивать и могут поражать гарнизон форта. Предложение Никольского применять здесь ручные гранаты, какие прежде были у наших гренадеров, которые можно было бы удобно бросать из-за бруствера, было встречено насмешками и предано забвению.

Впервые бомбочки появились у нас тогда, когда японцы были уже под самой крепостью, их стали выделывать по системе, предложенной поручиком-минером Дебогорий-Мокриевичем, из старых китайских снарядов, их снаряжали очень просто — порохом, и воспламеняли бикфордовым шнуром с капсюлем. Особенно удобны были для этой цели старинные ядра: солдаты при помощи веревки умудрялись подобные бомбы бросать довольно далеко. Неудобство было то, что нужен [571] был фитиль и спички, а их-то иногда не хватало, ветер и дождь мешали, притом ночью была далеко видна эта процедура зажигания.

Лейтенант Подгурский предложил бомбочки снаряжать пироксилином и доказал все их преимущество блестящей вылазкой на Высокой горе в ночь на 10 сентября.

Мичман по фамилии, кажется, Мышкин предложил употребить в качестве бомбочек шрапнель от орудий Барановского, установленную на 4 секунды. Она действовала хорошо, но у нас оказалось мало дистанционных трубок. Притом трубки эти отличались такими недостатками, что поневоле опасались употреблять их, при стрельбе по неприятелю шрапнелью нередко погибали свои люди{339}.

Чиновник крепостной артиллерии Бережной придумал бомбочки, взрывающиеся при падении на землю, бомбочки эти были употреблены при некоторых вылазках на правом фланге с успехом. Но так как он работал один и устройство их было сложное, то не мог заготовить нужное количество.

В конце октября генерал Кондратенко поручил капитану 2 ранга Герасимову и подпоручику Никольскому, как временно заведующему артиллерийскими мастерскими, придумать какую-нибудь ручную бомбочку, которой было бы удобнее пользоваться, чем предыдущими, и которую можно было бы изготовить в большом количестве. Они воспользовались стреляными гильзами орудийных патронов и китайскими вытяжными трубками как воспламенителями. 6 ноября состоялось испытание этих бомбочек и они были одобрены даже героями по бросанию бомбочек на форту III унтер-офицером Кошкиным и матросами Щепетовым и Максимовым, эти бомбочки понравились стрелкам и матросам как очень удобные, и ими стали пользоваться в широких размерах {340}.

Снаряжали бомбочки разными взрывчатыми веществами, по предложению поручика-минера Мелик-Просаданова даже «самсоном», но так как это вещество капризно, то с ним опасно [572] обращаться, и бомбочки этого вида изготавливались в небольшом количестве.

В числе изобретателей упоминали и капитана артиллерии Гобято (академика), но не знаю, над чем он работал. Взятый в плен японец сказал, что больше всего они несут потерь от бомбочек и шрапнели, когда наша артиллерия бьет по их резервам и колоннам.

В. Н. говорил, что будто даже генерал Стессель, будучи в середине ноября у генерала Кондратенко, сказал:

— Все у меня требуют бомбочек. Со всех фортов только и слышишь — бомбочек, бомбочек... давайте их побольше, ваше превосходительство! Я уже им сказал, чтобы они бомбочками-то пользовались, да и винтовок все-таки не забывали {341}.

Большой недостаток ощущался во взрывчатых веществах, в инженерном ведомстве их было мало, а морское ведомство почему-то не давало их. Много хлопот стоило генералу Кондратенко добыть необходимые взрывчатые вещества. Пироксилин добывали, между прочим, из сфероконических мин минной роты, вытаскиваемых для этого со дна моря, в них не было сухого пироксилина, сушили на печках, так как специальная сушилка была занята прачечной...

Команда плавучих средств военного ведомства с прикомандированными матросами изготавливала в день до 600 бомбочек. Бомбочки образца Герасимова-Никольского изготавливались и в других местах.

Главные неудобства в изготовлении бомбочек были постоянный обстрел и отсутствие хороших инструментов, приходилось пользоваться примитивными, а поэтому бывали несчастные случаи.

Кроме бомбочек, генерал Кондратенко {342} поручил тем же Герасимову и Никольскому изобрести аппарат для бросания значительных масс взрывчатых веществ на расстояние не меньше [573] ста шагов. Для этого воспользовались гладкоствольными пушками и стреляными гильзами, китайские запасы оказали и при этом большие услуги. 6 ноября капитан 2 ранга Герасимов и лейтенанты Развозов и Гертнер произвели в присутствии генерала Кондратенко на форту III первые опыты с новыми аппаратами, а 7 ноября уже пользовались ими для отражения штурма, снаряды в 10–12 фунтов взрывчатого вещества производили сильное впечатление на неприятеля, причиняли ему большой урон. Но по недостатку рабочих рук и материала нельзя было изготовлять много таких снарядов {343}. Кроме этого, были изобретены другие метательные аппараты и снаряды с начинкой до 25 фунтов. Однажды, несмотря на проявленное присутствие духа и выдающееся мужество лейтенанта Развозова, снарядом разорвало весь аппарат и ранило самого лейтенанта.

Пришлось усовершенствовать воспламенение. 9 ноября удалось сбить подобный же японский аппарат, которым они метали динамитные бомбы. Другой раз удалось около редутов № 1 и № 2 разрушить сооруженный там японский люнетик, с которым раньше никак не могли справиться, после этого японцам так и не дали там устроиться вновь.

Высказывают убеждение, что если бы мы имели средства изготовить эти мины в большем количестве, то японцам не удалось бы подкопаться под наши форты.

До этого были применены на суше морские мины и минные аппараты, но мин было немного и они были очень дороги. Для этой стрельбы мичманом Власевым были придуманы особые ударники, мины взрывались прекрасно и принесли несомненную пользу у форта II и на Высокой горе.

Кроме морских мин, лейтенант Подгурский скатывал в японские окопы мины до 6 пудов веса и превратил морской минный аппарат в метательный станок, но станок этот имел тот недостаток, что мину приходилось воспламенять от руки, это было очень рискованно при частых осечках аппарата.

Кроме бомбочек и метательных мин изготовляли у нас и артиллерийские снаряды. И если это дело не дало столь же блестящих результатов, то только потому, что людей было [574] мало — одних и тех же дергали на разные работы в одно и то же время.

В июне подпоручик Никольский представил в штаб крепости первый отлитый им из чугуна 3-дюймовый снаряд, он имел много недостатков, и специалисты заявили, что в Артуре вообще нельзя из чугуна лить снаряды, а для литья из стали нет средств. Опытов по литью снарядов и по пригодности их к стрельбе не производили, самое дорогое время — когда все портовые и прочие материалы были вне сферы неприятельского огня — было пропущено, лишь в октябре нашли возможным лить вполне пригодные 6-дюймовые и 42-линейные снаряды, лейтенант Черкасов отливал даже снаряды для пушек Канэ. Но в это время можно было работать только урывками и только по ночам, много мастеровых было к тому времени уже переранено, много их уже болело, работать приходилось с ежеминутной опасностью для жизни. Поэтому в сутки могли изготовить не больше 40–50 снарядов. Самая плавка чугуна в вагранках была просто подвигом, потому что всякий раз, как японцы видели дым из труб, тотчас сосредоточивали по ним огонь. Никольский, после того как забраковали его чугунный снаряд, начал приискивать другой подходящий материал и решил воспользоваться для этой цели старыми китайскими бронзовыми пушками, отливка бронзовых снарядов очень удобна и при ней не было предательского большого дыма. Но он не мог заняться этой отливкой, т. к. то требовали его на позиции, на Куропат-кинский люнет, на Кумирнский редут, то были спешные ремонты. Он представил свой проект специалистам, между прочим, и капитану Гобято, проект был одобрен, составили чертеж и сделали модель гранаты к скорострельной полевой пушке.

Никольскому было поручено заняться другими спешными работами, а чертежи, модели и прочее передать полковнику Дубицкому в мастерские землечерпательного каравана, который займется отливкой снарядов. Прошли недели три, в течение которых Никольский работал над бомбочками и пр., побывал со своей командой на Высокой и Плоских горах во время ноябрьских штурмов, там два токаря его команды потеряли по глазу, третьего ранило в руку и лучшего литейщика убило. [575]

Вернувшись с позиций, он поинтересовался, как идет отливка бронзовых снарядов, недостаток снарядов давал себя все более и более чувствовать. Оказалось, что в мастерских каравана было отлито всего около десятка снарядов и дело заброшено, перешли к другим работам. Тогда Никольский взялся снова за отливку своих бронзовых снарядов, но при одном уцелевшем токаре нельзя было уже сделать многого, мастерские разрушались все больше неприятельскими снарядами, наконец последний токарь заболел цингой. Когда литье стало невозможным, то Никольский придумал снаряд к полевой скорострельной пушке из

толстостенной железной трубы, донная и головная часть которого вытачивалась из 3-дюймового же круглого железа, свинчивая все эти части, между ними зажимались медные пояски, ведущий и направляющий. Но и это изобретение не удалось уже использовать {344}.

В самом начале осады оказался недостаток в гильзах к 57-мм полевым и к горным пушкам (последние были собраны из разрозненных частей старой китайской горной артиллерии). Для этой цели в артиллерийских и портовых мастерских использовали старые китайские гильзы 53-мм калибра: укорачивали эти гильзы и увеличили диаметр донной части поясом из других старых гильз. Этими гильзами пользовались с сентября до самой сдачи.

25-го полка штабс-капитан Шеметилло, геройски погибший на укреплении № 3, предложил в свое время соединить на особом станке шесть винтовок системы Манлихера (китайских, к которым имелось огромное количество патронов), закрепить их затворы в одной обойме, а спусковые крючки в другой. Таким путем получался своего рода пулемет, при помощи которого один стрелок мог дать подряд шесть залпов. Таких пулеметов по чертежам инженеров Рашевского и Шварца изготовили в портовых мастерских около десяти; пулеметы эти действовали с успехом, пока их не разбило снарядами. [576]

Ввиду недостатка снарядов к полевой скорострельной пушке приспособляли старые китайские гранаты и делали картечь. Картечь изготовляли и для разных других пушек.

Когда ощутился недостаток в боевых ракетах, то ухитрялись освещать местность впереди окопов посредством выбрасываемых вперед зажженных мешочков с горящим взрывчатым составом.

Много работы было по всевозможным приспособлениям ударных и дистанционных трубок к другим калибрам. Ведущий пояснок некоторых китайских снарядов пришлось переделать, а самый снаряд немного обточить — и онигодились к некоторым нашим пушкам. Вместо капсюлей приходилось приспособливать ружейные и револьверные холостые патроны и т. д.

Все приспособления и замены принесли свою пользу, но всюду ощущался, главным образом, недостаток рабочих рук — умелых рук, а сверху не доставало руководящей всем инициативы и авторитета; не было достаточно ясной и своевременной оценки.

Наряду с этими явлениями сообщают и об отрицательных, между прочим, говорят, что при постоянном недостатке на позициях саперных инструментов их будто было немало в инженерном складе, откуда их... не давали. Между тем будто кто-то из «близких людей» ухищрялся выгодно торговать инструментом, скупая его по дешевке от всякого, кто бы ни принес таковой {345}...

9. Заботы о выезде

28 декабря

(10 января). В 7 часов утра — 2 °, тихо, ясно.

Прошлую ночь спалось плохо — во сне переживал бомбардировку, будто наяву. Нервы повторяют переиспытанное, можно ожидать этого и в будущем.

Сегодня пришлось самим приниматься за заготовку топлива: японцы не продают угля из складов порта. Мы пожгли уже [577] все, что могли: разные щепки, доски разрушенных заборов, ненужные двери и т. д.

Хорошо еще, что погода стоит теплая, а то померзли бы и в «японском» Артуре.

В 9 часов утра отправился в Новый город, для того чтобы записаться в гражданском управлении как мирный житель, желающий выехать из крепости.

По дороге увидел расклеенное японцами объявление:

«Штаб Императорской японской армии приказал объявить, что русским военным и морским офицерам {346}, а также их семьям надлежит прибыть на станцию Чалинца, в 19 верстах от Порт-Артура, 29 сего декабря, в 10 часов утра.

Этим офицерам и их семьям будет оказано возможное содействие для возвращения на родину. 9 декабря 1905 г.».

Это точная копия. В подписи явная ошибка: следовало бы 9 января (нового стиля). Она произошла, вероятно, оттого, что срок выезда назначен по нашему стилю.

Японцы словно издеваются над нами: объясняют, что где-то за крепостью ими приготовлены перевозочные средства для уезжающих — двуколки, а туда, значит, нужно тащить свой чемоданы на себе!..

Капитуляцией японцы в этом ничем не обязались, и они во всем придерживаются ее с той стороны, с которой это для них выгоднее. Это и понятно. Нужно лишь удивляться нашим мудрецам, заключившим этот не только исторический, но и достопримечательный по всем пунктам документ.

Пошел в гражданское управление. Там толкотня, как во всех наших учреждениях, каждый старается записаться первым, протиснуться вперед, присмотреть за порядком некому. Толпа обступила двух писарей, работающих не торопясь и не без сознания своего достоинства. После небольшого пререкания дали мне списать форму, по которой нужно дать о себе и семье сведения. [578]

Я пошел домой, составил на свою семью и М-х список и унес, сдал в гражданское управление писарю. Там все еще толпа народу.

В другом конце здания заседают какие-то японские офицеры и объясняются при помощи переводчиков с русскими.

На обратном пути зашел к П. А., там несколько знакомых. Темы разговоров все те же, наблевшие.

Возмущаются тем, что генерал Стессель сдал крепость вопреки решению военного совета 16 декабря и не уведомив ни коменданта, ни гарнизон.

Сообщают, будто гарнизона оказалось при сдаче больше 30 тысяч человек, из них более 22 тысяч ушло 23 декабря на сдачу и тысяч 13–15 осталось здесь больных, раненых и калек.

Говорят, будто осталось более 60 тысяч артиллерийских снарядов и целые амбары сухарей, консервов и солонины... Будто многое частью свалили в море, частью сожгли.

Сведения просто невероятные {347}! [579]

На укреплениях № 4 и № 5 будто остались по полному боевому комплекту снарядов, на Перепелке будто было несколько сот (говорили даже, что около тысячи) 6-дюймовых снарядов, на Ляотешане осталось по 300 снарядов на пушку и много консервов «на крайний случай»...

Н. Н. крайне возмущается остатком снарядов, говорит, что если уже решили сдаваться, то нужно было расстрелять сперва все снаряды — устроить японцам грандиозную огненную баню. Другие говорят, что можно было бы после такого артиллерийского огня устроить еще и грандиозную вылазку в тыл японцам.

Меня же заинтересовал вопрос, откуда и как могли оказаться остатки мясных консервов при существовавшем у нас крепостном контроле и, говорят, довольно строгом.

На меня посмотрели не то с удивлением, не то с сожалением, не то с презрением, как, дескать, можно задавать такие вопросы! [580]

— А покойнички-то на что имеются!.. — сказал кто-то, и все расхохотались над моей

наивностью.

Но где именно гнездились эти злоупотребления и каких они достигли размеров, так и не удалось выяснить.

29 декабря (11 января)

В 7 часов утра — 5°, большой иней, тихо. В 9 часов уже 5° тепла, солнце пригревает.

О. и Д. рассказывают, что, по словам японцев, на севере их дела неважны, и они поэтому прилагают все старание, чтобы доставить морем возможно больше всяких припасов до прихода нашей Балтийской эскадры.

Прогуливаясь, забрел в один из районов казарм. Куда ни взглянешь — разорение: груды всевозможных кусков одежды, белья, разных домашних вещей, все это перемешано, стоптано, уничтожено — лишь бы не досталось врагу...

В одной из команд выздоравливающих мне сказали, что японцы дают всех припасов вдоволь, так что они питаются теперь лучше, чем у нас здоровые в мирное время... [581]

Вечером зашел к друзьям-раненым, к ним собралось много врачей и офицеров из других палат. По обыкновению затеялись дебаты и споры вокруг наболевших вопросов: о сдаче, о плене, о всех перенесенных невзгодах и мрачном пока будущем.

Врачи уверяют и доказывают, что цинга, голодный тиф и другие болезни ослабили гарнизон больше, чем японские штурмы и бомбардировки — потребовали больше жертв. Оказывается, что цинга распространилась больше, чем мы этого подозревали; среди кажущихся здоровыми было очень много цинготных первой стадии. Всякое поранение цинготного могло оказаться смертельным — раны гноились, не заживали.

Морской врач Я.И. Кефели предпринял два раза точное обследование — перепись заболеваемости цингой на крайнем правом (мало атакованном) фланге, через небольшой промежуток времени. Результаты оказались ужасающими. В скором будущем не было бы нецинготных вовсе, их осталось небольшой процент {348}.

Но все цинготные несли службу без ропота, пока могли, и не хотели отправляться в госпиталь, так как не верили в лечение без необходимой сытной пищи. Они говорили:

— Так и этак — один конец, так лучше помрем здесь!..

Дебаты перешли на военные темы. [582]

Установили как аксиому, что ныне войну нельзя приравнять прежним походам, похождениям и приключениям, красивым схваткам и т. д., что ныне война представляет собой непрерывную тяжелую работу, напряжение всех сил.

Далее большинство выдвигало тезис, что в интересах нашего дорогого Отечества — России было потерять Порт-Артур и потерять именно так — испить горькую чашу до дна, для того чтобы не забыть ее, вскрыть всю гниль, все гноевые язвы, при которых мы никогда и ни в чем не можем достичь успеха, добиться благоденствия для всего народа и стать мощным государством.

Дебатируя вокруг этого, высказывалось, между прочим, что невольно позавидуешь японцам, у них всюду видно, что казенные деньги израсходованы на дело, что все действительно налицо, вещь хорошая, прочная. А у нас, дескать, за что ни возьмись, за любую дрянь... и никак не можешь определить, во что она обошлась казне, что если бы даже казне удалось приобрести ее за действительную ее стоимость, и то такая дрянь не могла бы принести требуемой от нее пользы и т. д. Крадут, дескать, у нас и качеством, и количеством неимоверно и едва ли где еще в мире может процветать подобное хищение.

— Одно утешение, — заметил вечно иронизирующий С., — что хоть этим мы перещеголяли весь мир.

30 декабря (12 января)

В 7 часов утра было — 3,4°, иней, тихо. Вчера в обед было 16° тепла.

Был опять в Новом городе, зашел к редактору «Нового края» П.А. Артемьеву и его помощнику Н.Н. Веревкину. У них встретил знакомых. Все слушают с напряженным вниманием рассказ П. А. о разговорах с зашедшим к нему вчера юрисконсультантом японского штаба, доктором международных прав господином И. Синода.

Господин Синода высказался, что если мы, мирные жители, находимся сейчас в крайне неопределенном положении и наши интересы ничем не ограждены, то этим мы обязаны всецело нашим уполномоченным по заключению капитуляции, даже не затронувшим вопрос об обеспечении выезда и имущества мирных жителей. [583]

Он уверяет, будто японцы вовсе не ожидали, что в крепости окажется так много мирных жителей. Японцы будто предлагали еще 3 августа через майора Ямоока генералу Стесселю свободный выпуск из крепости всех мирных жителей, но генерал Стессель будто ответил, что в крепости нет вовсе мирных жителей {349}.

Статья капитуляции о том, что частное имущество не составляет военной добычи и что невоюющие не считаются пленными, будто предложена самими японцами.

Далее господин Синода высказал удивление, что мы не выработали таких своих условий сдачи, которые были бы более почетны и выгодны для нас, которые устранили бы всякие недоразумения. Он уверяет, что японский штаб ожидал контрпредложений и пошел бы на многие уступки ради прекращения этой тяжелой кровопролитной эпопеи, чтобы только завладеть дорогим им стоящим Артуром без дальнейших жертв. Они будто не ожидали, что в крепости еще так много войск и что им придется эвакуировать сразу 23 тысячи пленных... Поэтому, дескать, они сейчас даже не в силах вскоре отправить на родину мирных жителей — некомбатантов. Вообще, с падением Артура они встретили много неожиданного...

Относительно причин войны г-н Синода высказался, что уступкой Кореи, т. е. невмешательством в дела Японии, нам можно было устранить конфликт, приведший к войне, что японцы решились на эту войну лишь после того, как изучили всю нашу беспомощность здесь, на Дальнем Востоке, и невозможность ни подвезти достаточно войск, ни снабдить войска всем необходимым по однокорейской Сибирской железной дороге, что если бы Россия часть того, что она сейчас тратит на войну, истратила на предупреждение войны, то ее и не могло бы случиться.

Он будто даже сознался, что японцы поставили на карту очень многое, почти все, но с полной вероятностью на выигрыш...

Тяжелое впечатление произвели на всех слова господина Синода, переданные П. А-чем, тем, что он высказал те элементарные [584] истины, к которым только наш Петербург упорно остался глухим и слепым.

Генерал-адъютант Стессель выехал вчера из Артура на 19-ю версту и оттуда в Дальний со всем своим «двором» {350}; одних подвод с багажом, говорят, было не меньше сорока, а кто говорит, что и 60 {351}.

— Не знаю, — говорит Т., — можно ли было уронить всякий русский престиж в глазах неприятеля и всего мира, и государеву власть в глазах граждан более, чем это удалось генералу Стесселю; он вообразил, что со дня производства его в генерал-адъютанты для него уже не существует ни закона, ни указа, все прикрывается государевым именем.

В. возражает ему на это, что дело не в одном генерале Стесселе, что печален сам по себе тот факт, что у нас ответственная власть может быть отдана в такие руки.

Л. замечает, что генерал Стессель мог выйти из этой «неприятной истории» со славой, хотя далеко не заслуженной, если бы у него хватило еще на несколько дней, на недельку-другую мужества оставаться под риском быть случайно убитым и потерять свое имущество, если бы он это время даже просидел в блиндаже, например, на Дачных местах... Болезни шли ускоренно вперед, обхватывали изнуренный гарнизон все шире и шире, стойкость гарнизона подрывалась все больше и больше... Запасы истощились бы, крепость пала бы со славой, далее генерал Стессель мог бы отвергнуть предложение победителей [585] вернуться на родину, и пойти в плен вместе с гарнизоном... И тогда никто не был бы в силах лишить его того ореола, который он сумел сгустить вокруг своего имени...

Но это было бы плохо для России, в таком случае она бы, пожалуй, никогда не узнала правды — не поверила бы ей.

Н. высказывает мнение, что острая личная неприязнь между С. и В., а также и другими, объясняется очень просто: до войны все они низкопоклонствовали перед наместником, изощрались перед ним в заискивании; ныне же С. захотел, чтобы все низкопоклонствовали перед ним; это не понравилось тем, кто прежде с ним сталкивались при обивании одного порога, одинаково слащаво улыбались и дрожали перед другим, вместе с ним интриговали, сплетничали...

— Досадно то, что все эти мелкие личные недовольства отразились на деле, на высших интересах!

Сегодня расклеено новое объявление:

«Штаб Императорской японской армии приказал объявить, что русские и другие иностранные подданные могут с разрешения гражданского комитета свободно выезжать на шаландах из Голубиной бухты в места их назначения после 14 января (н. ст.). Шаланды должны быть наняты на свой счет...

Гражданский комитет японской армии»{352}.

С переходом крепости в руки японцев все мы выброшены из обычной колеи, словно рыба из воды, делать нечего — вся работа наша была бы сейчас бессмысленной, даже изменой отечеству.

Скучно и невесело. Поэтому собираемся то у того, то у другого и рады, если можем о чем-либо спорить.

Р. сообщил, будто ежедневно масса русских прибегает к содействию японской полиции, будто воруют и грабят свои друг у друга и японские солдаты. Японцы высказались, что они должны быть очень строги к своим солдатам, иначе не совладать с [586] ними. Так, им будто пришлось на днях расстрелять одного, который имел уже много заслуг за эту войну...

Среди японских солдат действительно много кавалеров разных знаков отличия — у другого полная грудь, начиная от медалей красной меди и серебра или никеля и кончая какими-то звездами на ленточках разных цветов. У них, вероятно, проявленная храбрость вознаграждается без всяких ужимок, заслужил — на, получи!..

Так, рассказывают, что все участвовавшие в Кинчжоуском бою солдаты получили от микадо карманные часы, много их находили наши солдаты на павших при штурмах крепости.

Д. рассказывал об умершем в госпитале защитнике-герое поручике 27-го полка Седельницком, командовавшем ротой Квантунского экипажа, что после отступления с Длинной горы (на левом фланге) 8 сентября его принесли в госпиталь № 10 в бесчувственном состоянии. Ночью он соскакивал с кровати с криком: «Сорви флаг, флаг сорви!» (т. е. японский флаг-значок), хватался руками в воздухе и падал в обморок. До этого он был ранен в грудь навывлет и в ногу, после — сорвавшейся с горы бочкой ему переломило два ребра, потом был ранен в плечо с раздроблением кости. От всех ранений он оправился, но от истощения сил при плохом питании умер в госпитале № 9.

По словам поручика Седельницкого, сдача японцам Длинной горы произошла так: на горе находились справа охотничья команда, две роты 5-го полка, рота 28-го полка (7-я), рота запасного батальона и рота матросов под командой поручика Седельницкого. Штурм начался 6 сентября вечером, шел с перерывами всю ночь, утро и день 7 сентября; все атаки были отбиты с большим уроном для неприятеля. Вечером этого дня все как бы успокоилось. Поэтому комендант горы капитан Москвин пригласил к себе всех офицеров отдохнуть, выпить, закусить, ну и выпивали. Приглашению не последовал командир 7-й роты 28-го полка Франц, имевший личную неприязнь с некоторыми офицерами 5-го полка, будто свалившими вину по оставлению Угловой горы в начале августа на совершенно неповинные роты 28-го полка. Через некоторое время японцы внезапно начали новую атаку. Солдаты, оставшиеся без офицеров, стали уходить с горы. Таким образом сошла с горы рота [587] 5-го полка, у подножья ее поймали и повели обратно на гору; но навстречу ей спускалась уже в беспорядке рота запасного батальона, а за ним другая рота 5-го полка. Все бросились врассыпную, так как японцы, заняв хребтовину, поражали убийственным огнем. Поручик Седельницкий бросился еще со своими матросами в штыки и был контужен до потери сознания, но он помнил, что пулеметы спасала рота 28-го полка. Офицеры, бывшие в блиндаже у коменданта горы, попали в плен. Говорят, что от капитана Москвина была отобрана подписка, что он не оставит горы. Он сдержал свое слово: японцы окружили блиндаж и взяли его в плен. Но потом в силу реляций вину за сдачу Длинной горы свалили на капитана Франца, и его отрешили от командования. Франц просил суда над ним, но его не предали суду, а назначили вновь командовать ротой, и дело было замято обещанием повышения... Такие случаи сваливания вины на других встречались еще.

10. Торжественное вступление победителей

31 декабря (13 января)

В 7 часов утра — 1,5°, тихо, туман, сквозь который начинает проглядывать солнце.

Около 9 часов утра к мосту у Цирковой площади стали собираться китайцы в праздничных, разноцветных платьях, при отдельных их группах большие знамена. От них мы узнали, что скоро будут вступать японцы в крепость. Настроение их по наружному виду невеселое.

Около 10 часов показалась со стороны Казачьего плаца вереница верховых. Впереди их шли музыканты, далее штаб верхом, за ним тянулась пехота со знаменами.

Никакого блеска, кроме музыкальных инструментов. Начиная от командующего армией и кончая последним рядовым все одеты в шинели из желтовато-серого (цвета хаки) сукна, с пристегнутыми к ним собачьими, лисьими и волчьими воротниками, только процвет на околыше фуражки отличает штаб и обер-офицеров от рядовых.

Генерал Ноги — седой старичок с очень живыми умными глазами — ехал впереди, за ним свита и иностранные атташе [588] или просто корреспонденты, затем шла пехота порою полубеговым шагом. С «парадной» точки зрения войска шли очень неважно и своим видом не представляли ни силы, ни отваги.

В Новом городе, на базарной площади, генерал Ноги принимал парад. После того войсковые части опять ушли куда-то обратно.

Из группы русских, наблюдавших за происходившим, кто-то сказал:

— И музыка-то у них не ахти какая — один нестройный писк, и весь парад, вся маршировка, выправка скорее плачевна, чем внушительна...

— Но они взяли Артур — победили! — заметил стоявший тут же иностранец, артурский старожил, симпатия которого, несомненно, на стороне России.

Он был прав — ныне показная сторона, которой мы были сильны, ни при чем, и его замечание отдалось болью в сердце, обидою.

Уходим с парада и рассуждаем, какое нам, казалось бы, дело, что тут сейчас войска японские... Но один их вид трогает наше изболевшее, попранное самолюбие, раздражает. Эх, скорее бы убраться отсюда!

— Удивительно то, — говорит Н., всегда любивший поговорить о том, что его угнетает, лишь бы нашлись слушатели, — что у японских офицеров незаметно то, что у наших и, впрочем, у всех европейских, прямо бросается в глаза: кичливость, самонадеянность, надменность, ведущие к прочим ненормальностям — к дуэлям между собою, к столкновениям со штатскими, к дурному обращению с нижними чинами и младшими и т. д. Зато у них знание своего дела, беззаветное исполнение приказаний начальства и все прочие военные качества, ведущие к победе. А у нас дурные, совсем не нужные, вредные стороны характера развиты, а необходимые как бы атрофировались неправильным воспитанием, извращенными понятиями о чести...

Под вечер в Красном Кресте присутствовал при интересных дебатах сухопутных и флотских офицеров на тему о роли моряков в обороне крепости. Сначала, как обыкновенно, много горячились, сыпались колкости.

Особенно горячился артиллерист В. [589]

— Не нужно нам сухопутных моряков, без них обойдемся!

— Всяк должен знать свое дело.

— К чему привело их высокомерие, барство, сравнительно с нами, до войны и в начале ее?

Ш. передал слова капитана 2 ранга Клюпфеля, сказанные им еще весной:

— Первым и единственным примером в истории будет то, что флот будет охранять крепость из бухт Луизы и Тахэ и не подпустит японцев к ней!..

— И что же? — горячился В. — Все вышло наоборот: крепость должна была охранять флот... Впрочем, это, кажется, не первый пример в истории.

— А если бы не было здесь моряков, то Артур пал бы, быть может, несколько месяцев тому назад! — говорят моряки. — Как только японцы, бывало, займут какой-нибудь окоп или редут, кого посылали вышибать их оттуда? Не моряков ли? Недаром, однако, нас прозвали «вышибалами»!..

— Но не всех! — ядовито огрызается В. — Еще бы! Вы бы сидели в крепости, мы бы охраняли вас, а вы бы и не думали нам помогать!

Вскоре дебаты приняли мирный, деловой тон.

Выяснили ту помощь, которую оказали обороне Квантун-ский экипаж, десант, морская артиллерия, прожектора и пр. на сухопутье.

Досадуют на то, что у нас встречаются всюду не приводящие к цели полумеры. Например, с того момента, когда стало ясным, что эскадра наша не может быть исправлена и приведена в

боевую готовность, не может ни предпринять прорыва во Владивосток, ни выдержать морского боя с блокирующими Артур небольшими морскими силами неприятеля, следовало бы снять с судов всю пригодную для борьбы с неприятелем артиллерию, усилить ею крепость, такой артиллерии было немало. Но у нас сняли лишь мелкокалиберные и несколько 6-дюймовых орудий, одних 6-дюймовых пушек осталось на судах десятки, и все они пошли ко дну с судами, не использованными для обороны. Это явный минус вместо имевшегося в руках плюса.

Матросы — народ лучше упитанный, физически сильнее, бодрее духом изнуренных осадой сухопутных войск, вызывались [590] для более решительных действий и уходили назад, когда требовалось терпеливое сидение в окопах под адским огнем неприятеля.

Допускали, конечно, что флот мог при другом начальнике — не погибни, например, адмирал Макаров — при более удачных морских операциях оказать большие услуги всему делу, мешать японцам привозить войска и припасы, топить их транспорты, разбивать блокирующие отряды, встречать суда с припасами, идущие в Артур и т. д. Многое зависело бы от разных предвидимых случайностей и умения пользоваться обстоятельствами.

И Высокую гору отдали бы раньше, если бы не было морских резервов, десанта, его отрядов, предводимых нередко инженер-механиками флота, даже один портовой чиновник, Булатов, тогда исполнявший должность адъютанта, ранен в окопах Высокой горы во время командования отрядом матросов. Перечисляется ряд храбрых моряков-офицеров.

Приводятся и обратные примеры, как некоторые лейтенанты, прибыв на позиции и осмотревшись, убедившись, что там опасно, заболели, кто головой, кто животом, кто глазами... и уходили обратно, посылали вместо себя мичманов и инженер-механиков{353}.

Матросы и офицеры много помогли в работах по устройству, созиданию и достройке укреплений до осады и впоследствии.

Лишившись судов, наши моряки слились с гарнизоном и умирали наряду с сухопутными, рознь и ненависть между моряками и сухопутными в начале войны, не только поддерживаемая, но еще и разжигаемая некоторыми из старших начальников, исчезла — все объединились в одном желании не отдавать нашей крепости!

Потом разговоры коснулись наших инженеров.

Характерен тот факт, что из всех прежних артурских инженеров, строивших крепость, остались здесь лишь трое: Григоренко, Лиле и Родионов, все остальные выехали до осады из [591] Артура, предоставили поработать людям новым. И эти новые люди работали, а слава досталась им традиционно артурская — слава мирного времени.

Выяснилось, что недостаток в инженерном инструменте, в проволоке для заграждений, в проводах, даже лесном материале произошел частью не оттого, что всего этого не имелось до войны в крепости, а оттого, что всех этих материалов вывезли целыми вагонами из Артура в Ляоян, пока сообщение с крепостью не было отрезано. Следовательно, крепость Артур, помимо своей неготовности к войне, должна была оказать помощь общей нашей неготовности в Маньчжурии — снабжать северную армию, помимо крайне необходимых самой крепости съестных и других припасов житейского обихода, еще и инженерными материалами, в которых мы сами так нуждались впоследствии.

Куда ни повернись, все тот же Тришкин кафтан.

Тут же разъясняли мне, что недоразумения артиллерийских офицеров с инженерным ведомством по приему новых построек, на которое употреблено и старое железо, не заключают в себе злоупотребления, так как сараи на батареях всегда могли быть построены из старого железа без ущерба для дела (в счетах инженеров, идущих через контроль, будто железо это никогда не показывалось новым и цены ставились соответствующие качеству).

На мое недоумение, почему же в таком случае писались такие непонятные для постороннего приказы, мне объяснили, что в приказе сказано, что, если приемщик сомневается в чем-либо и находит материал несоответствующим, то он должен составить отдельный акт, по которому производится особое расследование при участии контроля.

Значит, с одной стороны, соблюдается строго бюрократическая форма делопроизводства, а, с другой, т. е. со стороны артиллерийского управления, в данном случае не догадались объяснить в приказе просто и ясно, что употребление старого железа, если оно оплачивается соответствующей ценой и пригодно в данном случае, нельзя считать злоупотреблением.

Далее уверяли, что требования генерала Стесселя о том, чтобы инженеры находились непременно на фортах, отнюдь не [592] приносили желаемых результатов, иногда, скорее, наоборот. Инженеры находились все время при своих работах (разве лишь за исключением одного-двух), где это требовалось. Например, капитан Р-в, числящийся на укреплении № 4 на левом фланге, на таком месте, которому японцы и не думали угрожать чем-либо, руководил работами на Камнеломном кряже, на правом фланге; и он должен был после известных приказов сидеть на своем месте без дела, приезжать урывками, как бы крадучись, на место своих работ.

Впрочем, приказы эти писались больше всего под влиянием рассуждений генерала Фока, которые мной уже были отмечены.

Сегодня канун Нового года. Не хочу дожидаться, встречать его. И так придет.

Только японцы могут встретить его с радостью.

11. В ожидании выезда

1/14 января 1905 г. В 7

часов утра — 3,8°, тихо, туман.

Сегодня вступил в свои права специально артурский календарь, изданный «Новым краем». Это небольшая табличка, указывающая дни и числа, с перечнем больших праздников (с оговоркой, что дни рождения и тезоименитства наследника цесаревича Российского престола нам пока неизвестны). Не будь его, мы могли бы окончательно потерять счет дням и неделям.

В морском госпитале побыл у Делакюра; он довольно бодр, ожил духом.

Там затеялась интересная беседа.

Лейтенант, лишившийся ноги, кажется, во время первых морских боев (если не ошибаюсь, Бестужев-Рюмин), высказался, что крепость могла еще держаться, но недолго, после всех допущенных ошибок, начиная с Кинчжоу, что расстрелять все снаряды был резон и следовало, а вылазку большими силами считает невозможной: народ был слишком изнурен, а более свежие люди, нестрельные, денщики и др., не пошли бы охотно на вылазку и от них было бы мало толку, матросов же осталось [593] мало. Говорит, что все нужно было взорвать основательнее, что к этому нельзя подготовиться в час-два. Словом, сдачу крепости нужно было подготовить сознательно, чтобы, если бы она даже пала, не оставить неприятелю ценную добычу, чтобы не оставить ничего, кроме груды обломков, развалин {354}.

2/15 января

В 7 часов утра — 3°, облачно.

В Красном Кресте у подполковника Воеводского встретил поручика 25-го полка Спесивцева, его жена служила добровольной сестрой милосердия, и ей теперь предоставлено самой позаботиться о своем выезде.

В Гарнизонном собрании японцы открыли склад аптекарских товаров и перевязочных средств. Всего у них вдоволь, и они снабжают ими все наши госпитали.

3/16 января

В 7 часов утра — 3°, легкий туман.

Отряды японских артиллеристов прямо поражают своим ростом (выше среднего), крепким сложением и упитанностью. Это совсем не те пигмеи, о которых писали наши газеты — скорее богатыри. Они много крупнее пехоты и кавалерии.

Вывешены новые объявления: одно о том, чтобы жители соблюдали тишину и спокойствие и в случае надобности обращались в японские жандармские управления. Затем:

«ПРИКАЗ!

Народу воспрещается ходить по улицам города с 9 часов вечера до 6 часов утра, кроме японских войск. Гражданский комитет в Порт-Артуре» {355}.

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вследствие плохого санитарного состояния города, вызванного обстоятельствами осадного времени, оздоровление города [594] является делом первой необходимости, а потому Гражданский комитет предлагает к немедленному и обязательному исполнению нижеследующие правила:

1. Жители должны наблюдать за чистотой своего двора и улицы перед домом.
2. Весь мусор ежедневно утром должен собираться в особо устроенные при каждом дворе ящики.
3. Нечистоты и мусор будут ежедневно убираемы особым обозом и вывозиться в указанное место для сжигания.
4. Строго воспрещается выбрасывать нечистоты и мусор в реки, площади и пруды.
5. Если кто-либо обнаружит трупы людей или животных, то обязан сообщить о месте нахождения трупов в ближайшее жандармское управление.

Гражданский комитет Императорской японской армии в Порт-Артуре».

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

1. Кладбище для японцев назначается на свободной площади среди европейского кладбища за Казачьим плацем, под 4-м фортом.
2. Для европейцев отведены; а) кладбище под восточным склоном Ляотяшана, близ дер. Бейлиндза; б) старое кладбище за казачьим плацем, под 4-м фортом, около Чан-ча-тэн. Примечание. Трупы умерших от заразных болезней предавать погребению в северо-западной части кладбища за казачьим плацем около Чан-ча-тэн.
3. Для китайцев назначается старое кладбище Чан-ча-тэн, под восточным склоном 4-го форта.

Примечание:

трупы умерших от заразных болезней будут похоронены на кладбище Сан-ли-цзао, на старом кладбище для заразных больных.

Гражданский комитет Императорской японской армии в Порт-Артуре».

Из Нового города возвращались мы целой компанией. На Пушкинской улице мы встретили каких-то людей в неопределимых костюмах, верхом, впереди и сзади их ехали японские [595] офицеры и солдаты. Говорят, что это иностранные корреспонденты при японской армии. Они оставили на нас неважное впечатление (наверно, такое же и мы на них); физиономии какие-

то приторно кислые, будто измочаленные, на некоторых что-то похожее на чванство.

Вернувшись домой, занимался целый час уничтожением писем, старых своих дневников, записок и материалов, все порвал и сжег в плите. Все это делал потому, что казалось ясным, что вывезти отсюда придется лишь крайне необходимое, а все, без чего только можно обойтись в дороге, придется бросить на произвол судьбы, оставить японцам. Прошлое закончилось полным крахом прежних понятий, надежд, уверенности, потеряны все прежние верования, кроме веры в Бога.

Ко мне зашла группа бывших дружинников-санитаров, освобожденных от работы заступившими их места японскими санитарями; зашли справиться, не знаю ли я, когда же наконец нам будет предоставлена возможность выехать из опостылевшего нам теперь Артура.

Моим ответом они не могли удовлетвориться.

— Наши власти только и знают, как требовать от нас налоги, гражданский наш долг — повиновение иногда даже самым нелепым распоряжениям, они имеют право грозить нам наказаниями и расстрелом, могут заставлять нас работать на позициях, заставлять нас отдать нашу жизнь за отечество... но охранить нас, наше достояние, позаботиться о нас — это не их дело, в этом случае нет у нас ни отечества, ни властей Государевых!..

— Мало ли грозил нам генерал Стессель и судом, и поркой, и расстрелом! Сейчас же дружинники не только не награждены за оказанную храбрость, никто не сказал им даже «спасибо» (и солдаты-то не все получили свои заслуженные награды!), но мы даже брошены на произвол судьбы, на милость врага-победителя: существуй как знаешь, выбирайся отсюда как знаешь — издохни, погибай — ты уже не нужен Отечеству, не нужен для карьеры генерала Стесселя!..

Говорю им, что отечество тут не виновато и что оно должно быть для нас святым.

— Только при других условиях! Не только мы должны знать наше отечество, но и оно должно знать нас! [596]

Подъехал штабс-капитан Владимир Алексеевич Высоких (рука его еще не совсем поправилась и последствия контузии еще не совсем исчезли, он остался здесь заведовать выздоравливающими крепостными артиллеристами до отправки их в плен или на родину), он ездил на кладбище под «Белым Волком» и под Ляотешанем разыскивать могилу своего брата Николая Алексеевича. Он удручен тем, что могилы брата не нашел, хотя нашел могилы всех других артиллерийских офицеров. Некому было поставить крест с надписью!

Ездивший туда же уважаемый всеми Д-т очень огорчен, возмущен:

— Увидел я там, — говорит, — около 70 трупов защитников Артура, валяющихся непогребенными! Это убило меня совсем. Никто в России, в Петербурге, не увидит эти трупы несчастных наших героев, эти душу надрывающие картины, это нежелание отдать последний долг умершим за Отечество! — Там будут кричать «ура», махать платками и оказывать разные нежности приехавшим домой «героям», которые позаботились только о себе, у которых были только свои интересы, а не глупая какая-то готовность умереть за Отечество. Это дело наше, дело простачков!..

— Вчера при мне хоронили 42 человека, умерших от цинги в одном госпитале (чуть не ежедневная цифра). Это все те же беззаветные герои, опухшие на позициях от холода и голода, в то время как обильно упитанное наше начальство, с одной стороны, экономило припасами, желая растянуть эти припасы до марта, с другой стороны, экономило снарядами, с третьей — само подготавливало сдачу и сдало крепость нелепейшим образом. И все это в погоне за «славой». А вот удел тех, кто должен был заслужить им эту «славу» — бессмертие тем, кто сам боялся смерти!

Выезжавшие 29-го числа на 19-ю версту провожать уезжавших, передают, что при отъезде генерала Стесселя японский штаб высказал ему публично сожаление о том, что им не удалось познакомиться с генералом Кондратенко, — что их очень, очень интересовал этот генерал-Здорово кивнули! [597]

Вечером в Красном Кресте заспорили о положении генерала Смирнова как коменданта при подчинении его начальнику укрепленного района, рассуждали о том, мог он или не мог устранить генерала Стесселя, для того чтобы помешать несвоевременной сдаче крепости. Положение очень осложненное постепенным захватом всей власти генералом Стесселем и могло бы привести к плачевным для первого последствиям. Дебаты привели к тому, что устранить генерала Стесселя был бы смысл до падения Кинчжоуских позиций и прочих допущенных вначале ошибок, пожалуй, еще в самом начале осады, но перед самой сдачей, когда уже дела нельзя было поправить, было уже поздно устранять его. В крайнем случае, нужно было устранить его тотчас после смерти Кондратенко. Но тогда не было к тому достаточных причин. А когда Стессель послал парламентаря, то уже было поздно. Крепость продержалась бы недолго, а тогда судили бы Смирнова. И едва ли кому бы удалось убедить мир, что Стессель не был никогда героем. Он так успел прогреметь по миру, и ему верили. Могла бы еще случиться междоусобица, т. к. у Стесселя нашлось много приверженцев. Кто-то заметил, что, устраняя Стесселя, нужно было устранить, и в первую голову, Фока{356}, манипуляциями которого подготовлена сдача.

Относительно «захвата власти» возникли споры, высказывались разные взгляды.

4/17 января

В 7 часов утра — 2,5°, тихо, ясно.

Ходил с женой на китайский базар в Китайском городе. [598]

Тотчас за театром Тифонтия, около кучи с мусором навалены артиллерийские снаряды, насчитал 38 штук 6-дюймовых или 120-мм; должно быть, кто-нибудь вез эти снаряды на позиции, когда узнал о сдаче, то взял и вывалил.

На базаре идет кипучая торговля съестными припасами.

Появление такого обилия съестных припасов объясняется двояко: во-первых, тем, что в китайских деревнях севернее крепости, находившихся вне сферы осады, осталось всего довольно, потому что японское интендантство снабжает свои войска так, чтобы не приходилось прибегать к реквизиции и, во-вторых, тем, что китайцы успели подвести припасы с Шандуня на джонках.

Ясно, что если бы эскадра адмирала Рожественского появилась в Желтом море до сдачи крепости и этим была бы снята блокада Артура с моря, то тотчас на Артур устремились бы с китайских берегов целые тучи джонок со всевозможными съестными припасами — ешь — не хочу!

Сегодня опять дебаты. Некоторые винят во всем нашем несчастье систему, создавшую такие порядки, выдвинувшую на ответственные должности таких лиц, которые не могли привести к другим результатам.

Другие, соглашаясь с этим положением в общем, не соглашаются с тем, чтобы свалить всю вину на систему, они считают каждое лицо ответственным в том, что возложено на его ответственности и что оно в силах исполнить хорошо или худо.

— Даже смешно — горячились В. и Д-а, — утверждать, что во всем виновата одна система: система эта создана людьми же!.. Если так, то ни один шулер не виноват в своей бесчестной игре, а виновато лишь отвлеченное понятие «шулерство» или карты! Но кто же мешает любому шулеру сыграть хотя бы только один раз честно!..

Им заметили, что этот пример чересчур резок и не всегда применим, что другой сыграет

плохо и проиграет деньги людей, доверившихся ему, только потому, что он плохо играет, не умеет играть.

— Бросьте, пожалуйста, такие экивоки! — продолжал В., но уже с заметным озлоблением. — Почему эти «плохие игроки» умеют, хорошо умеют соблюсти все свои личные выгоды, прибегают [599] к удивительно тонким дипломатическим приемам и гоняются даже за славой хорошего и честного игрока, совершившего подвиг... тем, что продул состояние других!..

Ш. и З. рассказали, что ослики, приобретенные у китайцев, оказали нам много ценных услуг как на передовых позициях, так и на крепостных верках во время боев. Несмотря на то что у ослов прекрасный слух, они не особенно боялись свиста пуль и снарядов. На передовых позициях они были незаменимы по доставке выюков с патронами по сильно обстреливаемым тропинкам на самые крутые скалистые вершины. Каждый осел знал свою часть и, приведенный раз-другой взад и вперед, ходил без проводника куда следовало; его отпускали навьюченного в тылу патронами и он шел себе к своей роте; там с него снимали груз и он возвращался веселой рысцой к месту нагрузки.

Офицеры и солдаты, которые имели дело с осликами, говорят, что это очень умные, очень хитрые животные и что обзывание глупого человека «ослом» является прямой обидой для этого животного...

А. В. рассказал еще интересное о генерале Фоке. Еще до Кинчжоуского боя генерал как-то в обществе офицеров высказался так:

— На войне всегда будет считаться храбрым не тот, кто подставляет свой лоб под пули, а тот, кто умеет подумать, кто соображает. Например, на Шипке считался храбрым один капитан Фок, только потому, что когда турки начнут пристреливаться, он лежит где-нибудь за скалою и высматривает, куда они стреляют. Определив в точности стрельбу, капитан Фок становился в том месте, где не было никакой опасности, во весь рост и наблюдал за боем, зная, что из-за одного человека турки не перенесут прицела пушек. Другие же говорили с удивлением: «Вот храбрый человек! Ничего он не боится, когда нам нельзя высунуть и головы из-за бруствера!» Они не соображали, что вокруг их рвутся турецкие снаряды, а вблизи капитана Фока ничего подобного..

— Но этот номер не прошел здесь, — продолжал рассказчик, — хотя Фок пытался повторить его не раз. Факт, однако, тот, что он в последнее время всегда успевал уехать с позиции до начала бомбардировок, он умеет наблюдать. Его рассказом [600] легко объяснить и то, почему он 13 мая «заблудился» в Тафа-шинских горах, не нашел дороги к Кинчжоуским позициям, когда не найти эту дорогу было невозможно вследствие канонады. Это простой фокус: на Кинчжоу рвались неприятельские снаряды, а генерал Фок не из числа тех, кто любит подставлять свой лоб... Вот и все.

— Тем не менее он, однако, донес генералу Стесселю, что был на позициях и видал, что невозможно дольше держаться!..

— Он достиг своего: ему поверили, его благодарили, наградили за храбрость и доблесть!

Д. говорил, что он встретил со своим отрядом убежавших тогда дальнинских жителей в горах, недалеко от самого Дальнего. Картина была подавляющая; в особенно жалком состоянии были женщины и дети. Вся дорога была забросана домашними вещами: подушками, одеждой, шкатулками, швейными машинами и пр. Когда они на рассвете увидели наших солдат, то обрадовались до слез, так как они ночью, из боязни встретить японцев, убегали от всякой тени других, таких же несчастных людей.

Коснувшись вопроса о расстреле японцами наших госпиталей, некоторые находили в этом больше вины в том, что наши госпитали были расположены очень бестолково, без обдуманного плана, в малозащищенных от обстрела местах и поблизости чего-нибудь такого, что нельзя запретить неприятелю обстреливать, например: поблизости мукомольной

мельницы, казарм, артиллерийских парков, складов ружейных патронов, русско-китайского банка и разных торговель.

5/18 января

В 7 часов утра +1,6°, пасмурно, тихо. Вчера и сегодня в городе работают японские съемщики — топографы, чисто одеты, аккуратные.

Сегодня сообщают, что доктору Малову сказали известные ему китайцы, будто Ляоян взят обратно и наши войска продвинулись верст на 30 южнее Ляояна.

Нас утешают надеждой, что, быть может, удастся нанять джонку и выехать. Между тем не слыхать, чтобы кто-нибудь уже уехал из Голубиной бухты. Несколько джонок там наняты за большие деньги и взяты чуть не с боя, нет ветра и джонки [601] не могут уйти, оставшаяся на берегу публика, говорят, мерзнет там под открытым небом и нуждается во всем. Наши власти бросили о них всякое попечение, а японские — рады, что их не тревожат.

Если японцы, вступив в город, и упразднили этим наши городское и гражданское управление, однако ничто не мешало тем отдельным представителям наших властей, которые все еще налицо, оказать побольше забот о русских подданных, направляя их, разъясняя им все необходимое, оказывая ту или иную поддержку. Нет — каждый заботится лишь о себе. Говорят, что они очень озабочены показать себя в высшей степени корректными по отношению властей японских{357}...

И сегодня сыро, холодно; всего 3° тепла.

Сообщают, будто со слов японцев, что общие потери японцев, начиная с Кинчжоу до сдачи, до 150 тысяч человек окончательно выбывших из строя.

Вечером снова дебаты, и на ту же, наболевшую тему — о причинах японской победы и поражений, постигших нас. Приведу из них лишь более рельефные места, не называя даже инициалов говоривших, так как такие рассуждения со стороны офицеров считаются недисциплинарными.

— Всегда у нас преобладала слабость к выправке, к паради-ровке, будто это нужно и на войне!.. На эту муштру тратится все время и все внимание, все силы как офицеров, так и войск, а самый смысл военного дела совершенно заброшен. Японцы, наоборот, маршируют очень плохо, очень неприглядно, зато они умеют наступать, присасываться к каждой местности, использовать всю выгоду своего положения и слабые стороны противника.

— Мы должны иметь гражданское мужество сознаться, что победил нас не «слепой случай» и не «ряд несчастных для нас случайностей», а то, что мы не знали своего дела так, как неприятель. Это все равно как на экзаменах, например в военном училище, в гимназии, в реальном, воспитанники заведений смотрят свысока на экстернов, приготовившихся к экзамену, [602] «где-то на стороне»; а те сдают экзамен лучше; воспитанники проваливаются. Побеждает тот, кто лучше приготовился. Так и мы провалились, провалились со срамом, наши «традиции» не выиграли ни одной битвы!..

— Учись, не ленись! — говорит нам этот урок. Неужто мы ослепли, оглохли, ничего не понимаем!..

Затем дебаты перешли на разные частные случаи, всех не перечесть.

— Высокую гору японцы не тревожили целых два месяца. Разве за это время нельзя было обеспечить себя от адских бомбардировок, вырыть туннели, что ли? Разве не знали, как вспахиваются неприятельскими снарядами вершины правого фланга? Предаваться мечтам, что японцы сюда уже не полезут — это снова хапать — авось! Герои героями, а ум и предусмотрительность тоже нужны!..

Говорят, что там кто-то строил блиндажи по-своему, не слушая никого, а когда начался разгром его построек, то у него заболел глаз... и он ушел с позиции.

6/19 января

В 7 часов утра +2°, туман, сыро.

Сегодня уезжают портовые мастеровые и рабочие на 19-ю версту, и оттуда в Дальний. Эвакуацией их заведует капитан 2 ранга Альерихович. А наша судьба остается пока неизвестной, некому хлопотать об эвакуации мирных жителей.

Кстати, о портовых рабочих, привезенных в начале войны из Петербурга.

Лица, стоявшие близко к делу, уверяют, что из всех привезенных наскоро людей только пара мастеровых Балтийского завода, привезенная корабельным инженером Кутейниковым, оказалась на высоте своей задачи. Остальные партии составляли сброд довольно сомнительного свойства, даже в качестве дружинников, в работах на позициях они далеко уступали дружинникам из мирных жителей, последние работали, сознавая необходимость этих работ, а первые заявляли всевозможные претензии — например: «Савьте нас в окопы, и мы будем стрелять по неприятелю!.. Сперва накормите нас, тогда будем и работать!..»

Они же хвастали, что они нанимались в Петербурге или Кронштадте при содействии рубля... При этом даже молотобойцы [603] попали в разряд слесарей, а плохие плотники попали в разряд лучших столяров и т. д., получили такие хорошие оклады, о которых раньше и не мечтали.

Говорят, что если кто исправлял наши суда и работал вообще серьезно, то только одни «балтийцы» и те действительно мастеровые, которые были в Артуре еще до войны{358}.

Говорят, что всех мирных жителей и рабочих было здесь до 6 тысяч; уверяют, что даже больше. Мирных жителей, не принадлежащих ни к порту, ни к железной дороге, ни к морскому пароходству, записалось в гражданском управлении желающими выехать из Артура всего 1842 человека: 1181 мужчина, 374 женщины и 287 детей.

По собранным мною официальным сведениям за время осады в район города (за исключением района порта, района военного ведомства и позиций) из числа мирных жителей (вообще невоенных) убиты: 12 мужчин, 6 женщин и 1 ребенок из русских подданных и 1 взрослый иностранец; китайцев убито 34 мужчины и 4 женщины. Число раненых не удалось выяснить.

Убыль мирных жителей от неприятельского огня небольшая потому, что во время бомбардировок каждый прятался от грозящей опасности как и куда мог, и потому, что неприятель не сосредоточивал по городу такого артиллерийского огня, как по позициям, притом большое пространство, по которому разбросан город, не давало неприятелю возможности держать его под постоянным огнем{359}, как он иногда к тому и стремился. [604]

Вечером опять дебаты в Красном Кресте. Отмечаю лишь более выдающиеся мнения и факты.

— Не одни укрепления, как хорошо бы они не были устроены, обуславливают устойчивость крепости, но, главным образом, количество жизненных припасов — продовольствия и боевого материала. В Артуре оказалось меньше того и другого даже против того количества, которое было исчислено старым способом на случай войны.

— Из солдатской ноши в походе летом всегда бросали при разных обстоятельствах сухари и шинели... Дайте солдату хорошее одеяло — он будет на ночлеге сух и согрет, следовательно — здоров. Снабдите крепость сушеной зеленью, луком и чесноком в обильном количестве — и не будет цинги.

— Пушек было у нас достаточно, но снарядов к ним мало. Кроме того, японцы подавляли нас

скорострельностью своей артиллерий, например, 42-линейные пушки{360} у нас отличны своей меткостью и дальноточностью, но установка их плохая и они не скорострельны, японцы давали по нам 5 выстрелов, пока мы им отвечали всего раз.

Далее рассказывали, что иногда одна часть сваливала свою вину на другую, так, на левом фланге все валили на 28-й полк, а между тем генерал Кондратенко был доволен участвовавшими в бою частями и, например, за сентябрьские штурмы у Высокой горы награждал зауряд-прапорщика 1-й роты 28-го полка Чверкалова Георгиевским крестом 3-й степени.

О морях генерал Кондратенко отзывался на параде 21-го октября так:

— Я все с большим и большим уважением отношусь к морякам — молодцами дерутся!

От плохого питания появились в войсках разные заболевания с самого начала тесной осады, например, куриная слепота, лишавшая солдата возможности исполнять сторожевую, наблюдательную службу, эта болезнь вызывала массу недоразумений и могла стать даже роковой для крепости. [605]

Г. рассказал нам, что подпоручик 28-го полка Крайко уцелел на форту II, в то время как там убило генерала Кондратенко и других, лишь благодаря случайности, он был в том же каземате, сидел на кровати, но в роковой момент потянулся к столу, чтобы взять конфеты, в это время большой осколок перешиб ему ногу, оставшуюся у кровати. Не потянувшись он сам к столу, был бы убит этим осколком. Вначале он не почувствовал ничего, кроме удара, и добрался на своей перебитой ноге до Куропаткинского люнета, только там появились сильные боли и он не мог уже сам уйти. От форты II до Куропаткинского люнета никак не меньше шагов двухсот.

Один из моряков уверял, что минные аппараты на больших крейсерах и броненосцах никогда не могут принести пользы, а служат вечной угрозой, вечной опасностью для самого судна.

Попади неприятельский снаряд в заряженный минный аппарат, и судно погибнет от собственной мины!..

— У нас нет военных советов, — горячился штабс-капитан В. — в которых участвовали бы строевые подпоручики, имея право голоса. Пусть их мысли будут иногда шальные, но они могут дать весьма ценную новую идею!

Кто-то высказал любопытство, сколько плавучих мин японцы спустили на артурском рейде за время войны? Число их должно быть огромное, так как их официальные известия о спущенных ими здесь минах начинаются с 26 февраля (10 марта). Теперь, дескать, им придется самим расхлебывать эту кашу.

7/20 января

В 7 часов утра — 2°, тихо, ясно.

Сегодня снова удручающий слух, будто вся Россия мобилизуется ввиду возможности войны с Англией.

Вчера японский майор в гостях у Г. высказался, что не следует стремиться уехать на джонках, это и трудно, и опасно — могут нарваться на мины и погибнуть на скалах или на мели; будто были уже случаи, притом джонки не отопливаются, холод берет свое, и что джонки могут идти только при попутном ветре. Он советует обождать — дорога устроится, и тогда все могут уехать через Дальний на пароходах.

В 12 часов 8 минут термометр показывает на солнце +14,5°. [606]

После обеда заехал В. А. В., чтобы взять меня с собой; он получил от егермейстера Балашова четыре номера «Нового времени»: от 13, 15, 19 и 28 октября.

Прочитали мы эти газеты, что называется, в один присест.

Нас возмутило описание (в «Новом времени» от 28 октября) подвигов генерала Никитина, о которых мы и «сном-духом» ничего не ведаем.

Не безынтересен интимный разговор с почтенным И. П. Б.

Он винит генерала Смирнова в том, что он не арестовал генерала Стесселя в самом начале осады:

— Ты-де человек неграмотный, ничего в этом деле не понимаешь — чтобы ты мне не мешал!

— Не Георгиев им следовало давать, а Станиславов последних снять с них — вот что нужно было!..

Относительно В. высказался, что он не берется утверждать, что это человек честный, несомненно то, что он умен, хитер и способен работать. Но чтобы он что-нибудь сделал для общей пользы, для артурцев, он сильно сомневается.

— А он мог бы многое сделать, он выдающийся из среды наших чинов, если бы не страдал так распространенным недугом стяжания на счет службы, положения...

8/21 января

В 7 часов утра — 2°, тихо, ясно.

Хотя я лег в час ночи, но проснулся в шестом часу и не мог более уснуть: головные боли, состояние подавленное, какая-то тяжесть во всем теле.

Когда я отправился в Новый город, около Телеграфного моста стояло много китайских подвод — арб, запряженных мулами, ослами, лошадьми, смешанными парами и тройками, это немного радовало: есть кого нанимать, когда представится возможность выехать.

В Новом городе нашел вывешенным японское объявление:

«Сверх допускаявшегося до сих пор выезда мирных жителей города Порт-Артур исключительно из Голубиной бухты, с сегодняшнего числа кроме того еще разрешается выехать через город Дальний. [607]

Желающие выбрать этот путь должны заявить об этом в жандармское управление Старого или Нового городов (бывшие полицейские участки).

После осмотра багажа уезжающих жителей они могут отправиться на станцию Чинлиндзе, на 19-й версте, откуда они будут отвезены в город Дальний по железной дороге.

Из Дальнего будут ходить пароходы в порт Чифу.

(Печать). Административный комитет Императорской японской армии».

(Приписка красными чернилами)

«Отправляющимся по этому пути не следует платить за перевозку до Чифу».

(Приписка черными чернилами:)

«7/1. 1905. Примечание. На днях будет особенно много пароходов».

В. рассказывал, что генерал Стессель подарил генералу Ноги свою верховую лошадь — сивого жеребца, взятого реквизицией из цирка Боровского в начале войны — лучшую лошадь этого цирка. Генерал Ноги заметил, что лошадь эта как казенная принадлежит к военной добыче... но поблагодарил нашего генерала за подарок.

Сообщают, что уехавшие на Голубиную бухту, в том числе и подполковник Вершинин, находятся все еще там; кто на джонках (попутного ветра еще не было), а кто на берегу, под открытым небом, за неимением пока достаточного числа джонок. Терпят они там от холода и

голода. Для того чтобы съездить в город по провизией, нужен новый пропуск, японцы большие формалисты и педанты. Быть может, впрочем, они показывают себя такими только по отношению к нам, побежденным.

Среди ожидающих там отъезда бедняков будто были уже случаи смерти от холода; а из-за владения джонками были крупные скандалы.

После обеда отправился в жандармское управление заявить об отъезде, оказалось, что на сегодня опоздал — занятия окончены. [608]

Переводчик уверял меня, что завтра успею уехать, если даже выйду в 10 часов, в Дальний ходят 3 поезда, а когда там наберется партия, то отправят нас на пароходе в Чифу.

Вечером удалось нанять китайскую арбу под багаж за 15 рублей золотом. Серебра и бумажных денег китайцы сейчас не признают.

В. А. обещал послать солдата-санитара с двуколкой, чтобы жене не пришлось идти пешком. Послать экипаж опасно — японцы могут отобрать, несмотря на данный обратный пропуск.

Весь вечер укладывались. Всю мебель, всю обстановку, все приобретенное за трудовые гроши приходится бросить на произвол судьбы. Японцы не принимают ничего на сбережение.

12. Отъезд

9/22 января

В 7 часов утра +2°, на море туман, ветерок с юга, сыро.

Сегодня воскресенье.

Встали рано, в последний раз попили чаю в Артуре, дело стало за японским жандармом, который должен осмотреть наш багаж.

Наконец явился и он. За полученную от нас канарейку с клеткой и небольшую «благодарность» он не заставил перерыть уложенный багаж, а сам помог завязать тюки и наклеил на них ярлыки досмотра. Затем я получил в жандармском управлении пропуск на всю семью, на багаж и обратный пропуск на солдата-санитара с двуколкой.

В 9 часов 45 минут мы отправились в дорогу, на горе за Сводным госпиталем посмотрели еще раз на залитый солнцем чудного утра Артур, — на Артур во власти неприятеля, — на Артур, в котором пережито столько ужасного и который покидаем сейчас с болью в сердце, но и с радостью, что наконец вырываемся из рук приторно-любезных победителей.

За нами остается Артур — мрачное прошлое, а впереди неизвестное... Надеемся, что более светлое. [609]

У ворот центральной ограды японский пост, требующий предъявления пропуска — и с Богом...

Проезжаем арсенал, миновали Казачий плац, Курганную батарею, вправо осталось укрепление № 3, вдаль форт III и прочие бывшие наши укрепления, влево остается Кумыринский редут; далее форт IV, Зубчатая, Обелисковая батареи, Панлуньшань. Всюду видны японские окопы, ходы сообщения.

Выезжая из крепости, мы встретили кавалькаду: впереди и сзади японские офицеры и солдаты, среди них иностранные офицеры, в числе коих германские мундиры{361}; иностранцы любезно раскланялись с нами, обменялись несколькими фразами.

Когда мы проехали деревню Шуй-шиин, в которой было что-то вроде базара, и, миновав массу встречных китайцев и японцев с разным обозом, направляющимся в Артур, выехали в

поле, то почувствовали некоторое облегчение, будто мы вырвались из могилы, вернулись в жизнь. День великолепный, стало очень тепло, а так как мы шли пешком, то даже жарко.

Вот когда начинаем оживать!

Вдоль всей дороги, по водомоинам и углубленным канавам были устроены японские ходы сообщения, по которым они придвигались к Водопроводному редуту, а потом к Артуру, далее их первые окопы, затем батареи.

Вся местность вспахана нашими снарядами, много валяется и неразорвавшихся.

За Шуй-шином, на горе, большая ограда с памятником павшему под Артуром генералу, дальше, около дороги, еще памятники. Встречные японцы объясняют нам, что это большие капитаны.

Проходим западную часть Волчьих гор — и мы в долине, в которой японцы сосредоточивали свои резервы и где войска отдыхали после неудачных штурмов, там видны склады запасов, парки и проч. [610]

Нашим войскам негде было иметь такую передышку, они были на позициях бесценно {362}.

Над одной из китайских деревушек влево от дороги развеваются огромные флаги — должно быть квартира японского штаба.

Нас встретил японский фотограф-корреспондент какой-то газеты, очень вежливо попросил разрешения снять уезжающих артурцев и поблагодарил, щелкнув аппаратом.

К 3 часам дня прибыли на ст. Чанлиндза — к баракам из циновок. Кругом станции целые горы разных японских боевых и прочих припасов; все у них упаковано и сложено аккуратно.

Оказывается, что сегодня поезда в Дальний для нас не будет; он будет лишь завтра утром. Барак набит артурцами, негде ни присесть, ни прилечь, на улице нагроможден багаж. Наконец при любезности друзей и мы устроились кое-как. Решено, что ночью необходимо посменно дежурить около багажа и посменно спать {363}.

Нам сообщали, что сегодня японцы отправили на север артиллерию и кавалерию. Будто «там» был бой... [611]

Мое дежурство было от 12 до 2 часов ночи. Ночь довольно теплая, лунная, легкий ветерок будто с юго-востока, порою совсем тихо. Затем начало заволакивать и наступили матовые сумерки. Где-то в горах закричала какая-то ночная птица: ду-ду-ду-ду... В китайских деревнях залаяли собаки, а птица все не унимается {364}.

В бараке заплакали ребята; им, бедняжкам, холодно.

С 5 часов 20 минут утра подул северный ветер и стало очень холодно.

В 8 часов утра подали поезд, состоящий из открытых товарных платформ; на них мы уложили свой багаж и расселись сами, как могли. Холод пронизывал нашу довольно легкую одежду, руки коченели. За этот день позябли мы так, как едва ли когда в жизни.

В 9 часов поезд тронулся и шел довольно медленно, на станции Инчендзи нас держали довольно долго.

Всюду видныдвигающиеся пешком на север японские войска, артиллерия, вьюки войсковые, обозы. Значит, в Артуре останется их горсть.

Наконец, положительно окоченевших от холода, нас привезли в Дальний, пропустили сквозь карантин и препроводили под конвоем к зданию недостроенных русских училищ.

Навстречу нам шли с пристани только что привезенные из Японии свежие отряды пехоты. Солдаты ухмылялись во все лицо, любуясь нашими съезжившимися от холода фигурами.

— Бедное пушечное мясо! — думалось нам. — Рано вам ухмыляться, вы еще не знаете, что

будет там, дальше...

Жили мы в Дальнем 11 дней, японцы все отговаривались неимением свободных пароходов, жили в холодном помещении, валялись на полу, на грязных циновках, угорали от угольного чада, заболели, некоторые даже умерли там. Погода стояла холодная, по утрам доходило до 14° ниже нуля; выпал большой снег.

Тут японцы дали нам почувствовать, почувствовать в полной мере, что они победители, а мы побежденные... И убедили [612] нас в том, что лоск внешней культуры иногда еле прикрывает азиата — дикаря, ненавидящего белолицых. Понатешились они над нашей беспомощностью, хотя старались увертываться от заслуженных упреков. Приезжали полюбоваться и члены парламента, и принц Канин-младший, ездивший в Артур и к северной японской армии. Любовались и злорадствовали.

Здесь мы узнали, что и генералы Фок{365} и Никитин ушли в плен и что генерал Горбатовский и полковник Третьяков поехали в Россию. Признаться, как то, так и другое удивило нас немало.

Несмотря на то что в Дальнинской гавани было и приходило много пароходов, японцы все уверяли нас, что нет свободного парохода — выгружают. Кроме торговых судов виднелись в гавани и военные суда — канонерки или крейсера 2-го [613] или 3-го класса и миноносцы. Провиантом, фуражом и боевыми припасами завалены все склады и вся площадь вблизи гавани. По всему видно, что японцы запаслись всем необходимым основательно, всюду виден строгий порядок — система.

18/31 января

вечером большинству скопившихся за это время на этапе артурцам выдали билеты-записки на пароходы: семейным на «Синькоу-мару», бессемейным на «Сейтоку-мару».

19 января

(1 февраля) к вечеру, после долгой волокиты на холоду, при пронизывающем ветре, мы попали на ожидавшие транспорты, на которых только что прибыла из Японии кавалерия. Не все еще успели убрать. Люки были открыты, для того чтобы в трюме было светло, холодный ветер гулял по неотапливаемому трюму вовсю. Но мы знали, что нашим страданиям вскоре настанет конец, и это придавало нам силы перенести то, что в другое время, казалось, было бы выше всяких сил.

Вечером транспорт вышел на рейд, а утром 20 января (2 февраля) мы двинулись в путь. Транспорт был, как говорили наши спутники-шкипера, «старая таратайка», которого японцам не жалко, если и наскочим на плавучую мину...

В тот же день вечером мы благополучно прибыли в гавань Чифу; но нас спустили на берег лишь на другой день к обеду.

С тех пор мы опять почувствовали, что мы люди, что мы свободны...

В Чифу нам бросились в глаза расклеенные на всех углах японские лубочные картины на темы осады и продолжавшейся на севере войны и такие же лубочные карикатуры для убеждения китайцев в бессилии и коварстве России...

Но должен заметить, что Чифу и его далекие окрестности жили и восприняли в течение последних лет лишь за счет русского Артура — и если где не скоро забудут русскую щедрость, если где особенно хорошо оценят разницу между русскими и японцами в Артуре, так это в Чифу.

29 января (11 февраля)

мы отправились на немецком пароходе «Gouverneur Jaeschke» в Шанхай.

На другой день утром наш пароход зашел в порт Цзинтау (германская колония) и простоял там до вечера. Тем временем мы успели побывать на нашем броненосце «Цесаревич» и миноносцах, [614] разоружившихся здесь, побеседовали с офицерами-героями, которые не виноваты в том, что артурская эскадра вернулась обратно и «Цесаревичу» пришлось искать спасения от японских миноносцев в нейтральном порту.

Осмотрели и немецкий «Порт-Артур» — Цзинтау с его красивыми постройками.

1/14 февраля

мы прибыли в международный порт — торговую столицу всего Крайнего Востока — Шанхай, где нам пришлось оставаться довольно долго.

12/25 марта

мы отправились на германском пароходе «Prinz-regent Luitpold» в дальнейший путь через Китайское море, Индийский океан и Суэцкий канал в Европу — на нашу исстрадавшуюся, казалось, вместе с нами Родину.

Но мы нашли ее почти такую же инертною к делам Дальнего Востока, какую мы ее оставили в 1902 году. Она жила своими старыми и новыми внутренними интересами.

Но она волновалась, томила, ждала новой зари... [615]

Приложение

Обвинительный акт

по делу о бывшем начальнике Квантунского укрепленного района, ныне уволенном от службы генерал-лейтенанте Анатолии Михайловиче Стесселе, бывшем коменданте крепости Порт-Артур Генерального штаба генерал-лейтенанте Константине Николаевиче Смирнове, бывшем начальнике 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанте Александре Викторовиче Фоке и бывшем начальнике штаба Квантунского укрепленного района генерального штаба полковнике (ныне генерал-майор) Рейсе, преданных Верховному военно-уголовному суду по высочайшему повелению, на основании 1277/1 и 1277/10 ст. ст. Св. В. П. 1869 г. XXIV кн., изд. 3 (приказ по воен. вед. 1906 г. № 285).

I. Оборона Кинчжоуской позиции

22 апреля 1904 года японские войска под прикрытием своей эскадры начали высаживаться на Квантуне у города Бицзыво, севернее бухты Кинчан.

На отряд в составе 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии с ее артиллерией и 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командой начальника 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Фока возложена была задача задерживать неприятеля возможно дольше и далее от крепости Порт-Артур. [618]

Для достижения этой цели ввиду высадки осадной японской армии к северу от перешейка Кинчжоу особо важное значение приобрел последний, представлявший собой очень сильную от природы позицию, протяжением по фронту всего около 1 1/2 верст, которая запирала единственный путь на Квантун с севера. Важность этой позиции понималась еще и до войны, с началом же военных действий на Кинчжоу было обращено особое внимание, и она была усилена укреплениями, вооруженными орудиями крупного калибра. Относительно характера

обороны ее комендантом крепости Порт-Артур, впоследствии начальником Квантунской) укрепленного района генерал-лейтенантом Стесселем дан был генерал-лейтенанту Фоку ряд указаний: так, 15 февраля 1904 года в резолюции своей на постановления комиссии, осматривавшей позицию при Кинчжоу, генерал Стессель писал: «Я считаю, оборона кинчжоуской позиции, как бы она ни была атакована, должна быть до последней возможности, т. е. до штыковых свалок, и только при натиске, который заставит ее очистить гарнизон, ис-портя все, может оставить и, отходя с позиции на позицию, отступить к крепости. Полки 13-й и 14-й, составляя полевой резерв, прежде всего должны отбивать высадки, затем помогать кинчжоуской позиции и только при полной невозможности справиться с противником вместе с гарнизоном отходят к крепости. Позиция имеет чрезвычайную важность, и удержание ее до подхода в тыл противнику, атакующему ее с фронта, отрядов из Маньчжурской армии, для этого высланных, необходимо».

Когда затем выяснилось уже, что японцы высадились севернее Кинчжоу, генерал Стессель, телеграммой на имя генерала Фока от 6 мая 1904 года за № 3920, указывал: «Так как в тылу высадки нет и не видно приготовления, то атаки Кинчжоуской позиции можно ожидать только с севера, вернее с востока, так как они уже близко подошли, в этом случае, если нет высадки в тылу, то на самую упорную оборону позиции должно быть обращено все внимание, резервы должны быть усилены, одного полка там мало, пока Кинчжоу наш, Артур безопасен, батальон из Ичензы возьмите, я буду охранять ее отсюда».

2 мая днем выяснилось движение японцев в двух направлениях: около двух батальонов на Саншилипу и 5–6 батальонов по Бицзывоской дороге на Игдянь. Генерал-лейтенант Стессель предложил по телефону генерал-лейтенанту Фоку произвести, если это признается им нужным, усиленную рекогносцировку к [619] северу от Кинчжоу. К вечеру этого дня части дивизии заняли следующее положение: 14-й полк у дер. Тунсализан; два батальона 13-го полка с двумя батареями по диспозиции должны были дойти до ст. Кинчжоу, но по приказанию генерал-майора Надеина остановились на ночлег на ст. Тафашин; 16-й полк оставался в г. Дальнем; две роты 5-го полка стояли у с. Чафантань, две другие роты того же полка близ дер. Шисалитеза, составляя авангарды дивизии; впереди авангардов находились конные охотники 5-го и 16-го полков.

В первом часу ночи на 3 мая генерал-лейтенант Фок приказал: 1-му батальону 14-го полка с 6-ю орудиями 3-й батареи перейти с рассветом к дер. Шисалитеза. Около 7 часов 3 мая на ст. Кинчжоу прибыли из Артура два батальона 15-го полка.

Диспозиции на 3 мая отдано не было, а утром в развитие диспозиции от 2 мая через начальника штаба дивизии отданы были приказания: двум батальонам 13-го полка с батареями перейти со ст. Тафашин к ст. Кинчжоу, батальонам 15-го полка со ст. Кинчжоу идти по Бицзывоской дороге по железнодорожному мосту. Общая картина расположения наших сил к началу боя следующая: у дер. Шисалитезы — авангард (левый) под начальством генерал-майора Надеина, в составе двух рот и конно-охотничьей команды 5-го полка, 3-й батареи и 4-х поршневых орудий Квантунской крепостной артиллерии, запряженных быками; резерв отряда составлял 1 батальон 16-го полка; у дер. Чафантань — авангард (правый) под начальством подполковника князя Ма-чабели, в составе трех рот и одной охотничьей команды 5-го полка; резерв его составлял 1 батальон. Промежуток между авангардами (около 4 верст) был закрыт 3-м батальоном 5-го полка. Остальные части дивизии с двумя батареями стали за серединой расположения у отрогов горы Самсон. Один батальон 5-го полка оставался на Кинчжоуской позиции и выдвинул от себя заслон (1 рота, 2 пешие охотничьи команды, два орудия 57-мм) для воспрепятствования обхода неприятелем нашего отряда между берегом и горой Самсон.

Японцы начали наступать с утра в значительных силах и столкнулись с нашими авангардами. Против левого нашего авангарда (генерал-майор Надеин) противник действовал пассивно, ограничившись сильным артиллерийским огнем, которым 3-я батарея (подполковник

Романовский) была уничтожена. Против правого нашего авангарда (подполковник князь Мачабели) неприятель [620] действовал активно, обрушившись 14-ю ротами на две наших роты и охотничью команду, бывшие в боевой линии.

После стойкого сопротивления эти роты, не будучи поддержаны, стали отходить. В 2 часа дня генерал-майор Надеин получил от генерал-лейтенанта Фока приказание отступать на Кинч-жоускую позицию. Роты отходили под сильным натиском противника, поддерживаемые артиллерией. Отступлением правого фланга руководил лично генерал-лейтенант Фок. Резерв введен в дело не был. Неприятель занял все окружающие город Кинч-жоу горы. Бухта Керр была очищена нами накануне. Наше сторожевое охранение пришлось поставить уже в 4–5 верстах от позиции.

4 мая утром по приказанию генерал-лейтенанта Фока полки отошли за кинчжоускую позицию, на которой остался только 5-й полк.

6 и 7 мая обнаружены окопные работы японцев на отрогах Самсона. 7-го же числа противник начал атаки города Кинчжоу, их было три, все отбиты гарнизоном. К 10 мая наша сторожевая цепь отошла на высоту города.

Решительные действия японцев против Кинчжоуской позиции начались 12 мая. В этот день в 5 часов утра неприятель открыл внезапно сильный артиллерийский огонь по Кинчжоу и по позиции, под прикрытием которого его пехота пыталась было штурмовать город с северной стороны, но была отбита со значительными потерями. Около 11 часов утра огонь неприятеля прекратился. По-видимому, это была сильная артиллерийская рекогносцировка нашей позиции. С 4 часов дня в Кинчжоуский залив стали входить японские канонерки и миноносцы, а к вечеру со стороны бухты Керр стали появляться колонны неприятеля, но останавливались вне наших выстрелов. Ночью атаки на город возобновились, и к вечеру 13 мая он был взят японцами. В 5 часу утра японцы со всех батарей открыли сильнейший огонь по позиции. Несмотря на энергичный ответный огонь наших батарей, сразу стало заметно превосходство противника в числе орудий и скорострельности их. Вследствие этого уже в 9 часов утра 13 мая наши батареи, достреляв свои последние снаряды, постепенно замолкали и отходили на ст. Тафашин. Последней замолкла около 11 часов утра батарея № 5. С этого момента позиция стала защищаться только стрелковым огнем, имея сравнительно слабую поддержку с батареи на Тафашинских высотах [621] до 3 часов дня и с батареей полевой артиллерии, расположенных в 2–2 1/2 верстах сзади позиции.

Одновременно с началом артиллерийского боя противник двинул свои пехотные колонны на наши фланги. Около 3 часов дня неприятельский огонь внезапно сильно ослабел; только канонерки его продолжали стрелять; и эта относительная тишина, наступившая на поле сражения, дала повод старшему из находившихся на нем начальников генерал-майору Надеину донести, что атаки неприятеля отбиты и орудия его принуждены огнем наших батарей к молчанию. В это время общее положение было такое: на левом фланге противник находился от наших окопов в 400 шагах; в центре на расстоянии 500–700 шагов, а против правого фланга в 800–1200 шагов. Бой скоро возобновился, и под прикрытием своих цепей неприятель стал передвигать свои войска с правого фланга на левый. Заметив это, генерал-майор Надеин приказал двум батальонам выдвинуться из общего резерва и занять пустые окопы левого фланга. Но это не было исполнено, так как батальоны эти были встречены направлявшимся на позицию генерал-лейтенантом Фоком и возвращены им обратно. В 4 часа дня противник возобновил артиллерийский огонь, сосредоточив его теперь только по окопам и укреплениям, а из-за горы Самсон появились новые значительные части пехоты. Вследствие просьбы командира 5-го полка, занимавшего позицию, генерал-лейтенант Фок около 6 часов вечера прислал на позицию две роты 14-го полка, которые введены были в боевую линию, так как сосредоточенный огонь неприятеля по окопам левого фланга настолько их разрушил, что держаться в них было уже нельзя: люди отошли из них.

Заметив отступление наших частей на левом фланге и появление у батареи № 12 и дальше в

тылу японцев, обходивших наш левый фланг по воде, полковник Третьяков приказал ротам 14-го полка рассыпать цепь и двинуться навстречу японцам; попытка же его путем личного воздействия на солдат остановить отступающих не удалась. Отступление стало общим, так как получено было приказание генерал-лейтенанта Фока отступить, переданное войскам помимо полковника Третьякова. Отступавшие роты были остановлены и устроены только на возвышенностях сзади позиции. Находившийся здесь батальон 14-го полка составил резерв цепи. Увезти позиционные орудия не успели и, по возможности их испортив, оставили на позиции. [622]

Не принимавшие участия в бою полки 4-й дивизии находились сзади позиции, верстах в 2 1/2–3 на линии ст. Тафашин — дер. Маедзы.

Одновременно с очищением нами позиции японцы открыли сильный огонь по всему тылу позиции и по ст. Тафашин, вследствие чего войска наши понесли наиболее сильные потери именно при отступлении.

Отступление прикрывалось батальонами 15-го полка, занявшими Тафашинские высоты, затем их сменил 13-й полк, который держался на Тафашинских высотах до 8 часов утра следующего дня и отступил с них беспрепятственно, так как японцы не преследовали.

Утром 16 мая все части дивизии, перевалив через Шининзинский хребет, заняли Волчьи горы; 5-й полк проследовал далее и стал под самой крепостью.

15 мая японцы заняли г. Дальний, оставленный нами в ночь после боя на 14 число.

Спрошенный при следствии по поводу всех этих обстоятельств в качестве обвиняемого бывший начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант Фок, не признавая себя виновным в том, что в то время как бой под Кин-чжоу начался 13 мая в 5 часов утра, он, генерал-лейтенант Фок, прибыл на позицию лишь в 2 часа дня; что, несмотря на заранее данные генерал-адъютантом Стесселем инструкции упорно удерживать Кинчжоускую позицию, он не исполнил приказаний и не принял соответственных мер к отстаиванию позиции; не поддержал 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, оборонявший позицию, имевшимися у него под рукой тремя полками 4-й дивизии и даже возвратил два батальона, посланные для сего командиром бригады; что при полной возможности удерживать позицию, несмотря на огонь японских канонерок, действовавших против нашего левого фланга, он депешей к генерал-адъютанту Стесселю преувеличил опасность положения отряда, чем и вызвал распоряжение отступить; и, наконец, что, вопреки приказанию, отступление совершено было засветло, что подвергло отряд потерям более значительным, чем даже во время самого боя, — объяснил:

Относительно самого боя.

Утром 13 мая, — в котором часу он не помнит — обвиняемому доложили, что появились японские суда; опасаясь высадки с [623] них японцев в тылу Нангалина, он, обвиняемый, приказал командиру 15-го полка собрать офицеров и поехал с ними, чтобы указать им, как следует занять позицию на случай высадки противника (15-й полк, с 5 мая находясь в Порт-Артуре, не был знаком с местностью у Нангалина, куда прибыл только в ночь на 13 мая). Во время осмотра позиции, он, обвиняемый, получил известие, что японцы уже атакуют кинчжоускую позицию, вследствие чего он тотчас же со всем своим штабом отправился на ст. Тафашин, куда и прибыл часов в 11 или около 12-ти. Послав отсюда командиру 5-го полка полковнику Третьякову приказание держаться во что бы то ни стало, он, обвиняемый, телеграфировал генерал-лейтенанту Стесселю, что положение критическое. Затем, направляясь к левому флангу позиции и дойдя до берега, обвиняемый увидел, что японцы идут на него по воде. Тогда он приказал конно-охотничьей команде 5-го полка двинуться вперед и огнем остановить это наступление. Оно было действительно остановлено. Когда он, обвиняемый, проходил по позиции, к нему подошел командир 14-го полка полковник Савицкий и спросил: «Прикажете вести два батальона»? Он, обвиняемый, ответил ему:

«Стойте». Теперь он знает, что полковник Савицкий вел эти батальоны по приказанию генерала Надеина и, вероятно, полагал, что это распоряжение ему, обвиняемому, известно. Тогда же он думал, что полковник Савицкий делает это по собственной инициативе, желая порисоваться ведением двух батальонов в такой огонь. Но если бы полковник Савицкий и доложил ему тогда о приказании генерал-майора Надеина, он, обвиняемый, все-таки остановил бы эти батальоны, так как считает, что для обороны Кинчжоуской позиции более одного 3-батальонного полка не надо, на деле же оказалось там пять батальонов, ибо к 5-му полку присоединились рабочие роты (две 14-го полка) и закладывавшие мины и державшие охрану охотничьи команды. Полковник Третьяков все время жаловался, что у него мало войск, он же, обвиняемый, находил, что слишком много. Полковник Третьяков предлагал накопать ложементов хотя бы на целую дивизию, обвиняемый же находил, что «если бы в них сидела целая дивизия, то оборона не выиграла бы, а проиграла, части не могли друг друга поддержать, а что всего хуже — 1, 2 и 3-я линии и даже резервы все поражались бы одинаково и одновременно. Противнику достаточно было бы прорваться где-нибудь, чтобы все бежало и давило друг друга. Попав в это положение, [624] дивизия не ушла бы». Потери были бы значительно больше, но оборона не была бы упорнее.

Когда получена была записка от полковника Третьякова о критическом положении позиции, о том, что все патроны расстреляны и пороховой погреб взорван, он, обвиняемый, приказал полковнику Савицкому направить две роты его полка с восемью двуколками на позицию. Прежде чем принять какое-либо решение, он, обвиняемый, хотел лично удостовериться в положении позиции и восстановить бой и потому поднялся на гору; тут к нему подошел полковник Савицкий и доложил, что Третьяков неправильно донес, будто пороховой погреб взорван. Он, обвиняемый, пошел и убедился, что погреб действительно цел.

Сколько времени пробыл он, обвиняемый, на позиции, он не помнит; находясь на ней, написал несколько приказаний и телеграмму генерал-лейтенанту Стесселю о том, что положение критическое — «гораздо хуже Шипки». Еще раз приказав держаться во что бы то ни стало, он пошел налево, когда начался отлив.

Возвратясь на ст. Тафашин, он, обвиняемый, решил ночью перейти в наступление ротами, расположенными у залива Хе-нуэза, и поддержать их охотничьими командами 15-го полка. Но когда уже начало темнеть, прибыл к нему адъютант 5-го полка поручик Глеб-Кошанский и от имени командира полка доложил, что одна из рот, расположенных на левом фланге (капитан Фофанов), оставила позицию и что за ней начал отступать весь полк; он, обвиняемый, приказал передать полковнику Третьякову, чтобы он, не останавливаясь, вел полк прямо в Порт-Артур, так как опасался, что люди 5-го полка перемешаются с полками дивизии и тем произведут беспорядок. Отменив предположенное наступление, он, обвиняемый, сделал распоряжение об отступлении; 15-й полк должен быть остаться на Тафашинской позиции до ухода последнего солдата; 13-му полку приказано было немедленно идти на ст. Перелетный пост и стоять там всю ночь, 14-му полку следовать за 13-м. В то же время чины штаба обвиняемого уничтожили на ст. Тафашин все, что было, подготовили станцию к взрыву и затем взорвали как ее, так и бывшие там склады.

Он, обвиняемый, полагает, что принял все меры к удержанию позиции, но не ввел всей дивизии в бой потому, что кинчжоускую позицию всегда предполагалось защищать одним полком, сам же он считал, что иметь на ней более одного полка [625] не только бесполезно, но и вредно. Он, обвиняемый, предполагал оказать поддержку обороне Кинчжоуской позиции занятием тремя полками позиции на горе Самсон. Генерал-лейтенант Кондратенко соглашался для этого укрепить г. Кинчжоу. Но с этим предложением не согласился заместитель-Главнокомандующий, который поставил обвиняемому целью не упорную оборону кинчжоуской позиции, а своевременный отход в Порт-Артур. Кинчжоуская позиция пала, по мнению обвиняемого, потому, что 240 японских орудий безнаказанно ее расстреливали с 10 часов, когда начала молчать наша артиллерия. Почему оставленные на позиции орудия не были испорчены, обвиняемый не знает; начальствовавший крепостною артиллерией,

расположенной на кинчжоуской позиции, штабс-капитан Высоких, напротив, доложил обвиняемому, что все орудия испорчены, и он сам видел матросов, которые уносили с позиции замок от одной из пушек Канэ.

Показаниями свидетелей деятельность генерал-лейтенанта Фока во время боя за Кинчжоускую позицию выясняется в следующем виде.

Бывший старший адъютант штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерального штаба капитан Романовский показал:

Генерал-лейтенант Фок вернулся на ст. Нангалин из рекогносцировки позиции для 15-го полка на случай высадки японцев в бухте Инчензы, в исход 9-го часа утра и в начале 10-го поехал верхом на кинчжоускую позицию, так как от начальника штаба дивизии генерального штаба подполковника Дмитревского, ранее туда уехавшего, пришло донесение о наступлении значительных сил и о въезде наших полевых батарей на Тафашинские высоты. В половине 11-го часа генерал-лейтенант Фок прибыл на ст. Тафашин. К этому времени наша позиционная артиллерия уже молчала, а скоро затем замолчали и 87-мм орудия, стоявшие на Тафашинских высотах. Уцелевшая орудийная прислуга находилась на станции. В начале 1-го часа дня генерал-лейтенант Фок прошел на гору, находящуюся в тылу левого фланга позиции, и отсюда наблюдал за боем. Отсюда же капитан генерального штаба Одинцов был послан с приказанием подтянуть к Тафашину 2 батальона 15-го полка из Нангалина. Около часа дня пришло от полковника Третьякова донесение с просьбой о поддержке. Генерал-лейтенант Фок ответил, что посылает в резерв [626] левого фланга позиции две роты. Направив вызванные 6-ю и 7-ю роты 14-го полка оврагами на батарею № 15, генерал-лейтенант Фок сам поехал на позицию. Спешившись у казарм 5-го полка, прошли на батарею № 10 и пробыли здесь 30–40 минут. Отсюда генерал-лейтенант Фок послал генералу Стесселю телеграмму о положении дела. Уже тогда высказывал он предположение, что, вероятно, ночью придется отступить. Около 3 часов 30 минут дня генерал-лейтенант Фок перешел к левому флангу позиции, а оттуда вернулся на ст. Тафашин, куда прибыл около 4 часов 30 минут дня. Здесь генерал-лейтенант Фок продиктовал свидетелю телеграмму к генерал-лейтенанту Стесселю приблизительно следующего содержания: «Положение на позиции весьма серьезное, артиллерия поддержать пехоту не может, и он ждет ответа на предыдущую телеграмму». В исходе 5-го часа дня от полковника Третьякова пришло донесение, что он еще держится. По приказанию генерал-лейтенанта Фока донесение это передано было свидетелем по телеграфу генерал-лейтенанту Стесселю в Порт-Артур. В 6 часов 50 минут вечера свидетель увидел, что 5-й полк очищает позицию. Одновременно с этим японцы открыли страшный огонь по всему тылу позиции и по ст. Тафашин. Штаб дивизии переехал тогда на железнодорожный разъезд у дер. Наньгуалин. Бывший командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка генерал-майор Третьяков показал, что около часа или двух часов дня, когда всякая пальба прекратилась и на поле сражения водворилась тишина, он увидел с редута № 13 на дороге к батарее № 10 генерал-лейтенанта Фока с ординарцем (кажется, капитаном Романовским). Генерал присел на уступ дороги. Свидетель хотел идти к нему с докладом, но когда сошел вниз, то генерала уже не нашел. Через полчаса после этого снова затрещали винтовки. Получив донесение командира 5-й роты, что ему в окопах держаться нельзя, так как они совершенно разрушены огнем с моря, что потери в роте дошли почти до 50 процентов, и он отошел с людьми в овраг и там укрылся. Свидетель, чтобы поддержать 5-ю роту и занять находящиеся позади ее окопы, послал просить у генерал-лейтенанта Фока подкреплений, причем, сообщая о трудном положении 5-й роты, прибавил, что «мы еще держимся». Когда бой вновь разгорелся и правый фланг неприятеля стал подходить к нашим линиям, а из-за горы Самсон показалась новая дивизия и длинной змейкой-колонной вне нашего выстрела поползла по направлению ст. Кинчжоу. Свидетель, [627] зная, что наш левый фланг разбит огнем неприятельских канонерок и крупных орудий правого фланга японцев, послал на поддержку 7-й роты своего полка одну из рот 14-го полка и донес генералу Фоку, что у него совершенно нет резерва и ему нечем возобновить бой, если

неприятель прорвется на позицию. Командиры двух прибывших рот передали свидетелю записку от генерала Фока, в которой последний, обращая особое внимание свидетеля на левый фланг позиции, писал, чтобы он ни в каком случае не сажал присланные роты в траншеи, а воспользовался бы ими для прикрытия отступления. Между тем об отступлении и не думали, так как от генерала Стесселя было получено по телеграфу приказание обороняться до последнего человека. До 6 часов вечера полк стоял под убийственным огнем артиллерии; неприятель был остановлен; японцы, обходившие наш левый фланг по воде, были перебиты и лежали в мелкой воде грудками.

Заметив через некоторое время, что с нашего левого фланга начинают появляться у батареи № 12 и дальше в тылу солдаты в желтых куртках, чем дальше, тем больше, что наш левый фланг отступает, и имея в виду категорическое приказание стоять до последнего человека, свидетель пытался остановить отступавших. Но в это время неприятель с судов и с сухопутных батарей открыл такой адский шрапнельный огонь, что люди не выдержали и продолжали отступление. Выясняя впоследствии причины отступления, свидетель установил, что приказание о нем было послано генерал-лейтенантом Фоком с офицером, но последний его не довез, а послал с охотником, который явился на левый фланг, передал его охотникам 13-го и 14-го полков; те передали его командовавшему полуротой 10-й роты 5-го полка подпоручику Меркульеву, а этот последний командиру 7-й роты того же полка капитану Стеминевскому.

Факт этот подтверждается приложенным к показанию свидетеля письмом подпоручика Садыкова, в котором сообщается, что передать приказ полку об вступлении поручено было генерал-лейтенантом Фоком подпоручику Музалевскому и что приказание это было отдано вечером.

Свидетель, генерал-майор Третьяков, видел впоследствии подпоручика Музалевского, и тот подтвердил ему факт отдачи приказа об отступлении.

Для занятия и успешной обороны Кинчжоуской позиции, по мнению свидетеля, 11 рот 5-го полка было слишком недостаточно. [628]

Об этом свидетель докладывал и генералу Фоку, и генералу Стесселю. Последний с этим соглашался и говорил генералу Фоку, чтобы он прибавил хоть один батальон. «Ну что вам стоит?» — убеждал он его, но генерал Фок резко отказывал. «Если бы я был на вашем месте, — говорил последний свидетелю, — я сказал бы начальству: «Мне не нужно полка, дайте мне две роты, и я буду с ними защищать позицию». По мнению свидетеля, если нужно было держать Кинчжоускую позицию, то нужно было дать ему три полка. Об этом он докладывал и генерал-адъютанту Алексееву, и адмиралу Макарову, когда те осматривали позицию, и оба они были с этим согласны.

Для увеличения своих сил свидетель оставил у себя для боя кроме рот своего полка еще две роты 14-го полка, находившиеся на работах, а также вышедшие ночью для сторожевой службы две пеших охотничьих команды 13-го и 14-го полков. Две первые были поставлены свидетелем в резерве, две последние заняли окопы, тянувшиеся от расположения 7-й роты 5-го полка к берегу моря. Как эти окопы, так и сплошная траншея вокруг всей подошвы занятых нами Кинчжоуских высот, были сделаны по настоящему и категорическому приказанию генерала Фока.

Придавая при выборе места для стрелка доминирующее значение настильности выстрела и редкому размещению стрелков в окопах (10–20 шагов друг от друга), генерал Фок, по мнению свидетеля, пренебрегал остальными очень важными для успешности обороны элементами: нравственной поддержкой и трудной доступностью укреплений. Люди, находившиеся в 10 шагах друг от друга и спущенные к самой подошве горы, чувствовали себя нехорошо.

Для объяснения скорого прекращения огня нашей артиллерии следует отметить из показания

этого свидетеля заявление, что ружейных патронов было вполне достаточно, но снарядов очень мало: по 60 для крупных калибров и несколько более для полевых орудий. Вследствие сего огонь наших батарей, по сравнению с японским, по выражению свидетеля, «был до порази-тельности жалок».

Бывший командир 1-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Надеин показал, что, находясь в Нангалине, 12 мая около 9 часов вечера получил от генерал-лейтенанта Фока приказание отправиться на ст. Тафашин «для защиты Кинчжоуской позиции». [629]

13 мая после 2 часов дня для усиления нашего левого фланга он послал приказание командующему 13-м полком немедленно с двумя батальонами занять окопы на левом фланге. Подполковник князь Мачабели, исполняя это приказание, около 3 часов дня встретил у Кинчжоуской позиции генерал-лейтенанта Фока, который остановил дальнейшее движение полка, о чем князь Мачабели и донес свидетелю. Около 3 часов 30 минут дня генерал Фок приехал на ст. Тафашин, а около 4 часов 30 минут — на батарею № 10 поднялся японский флаг. Увидев это, генерал-лейтенант Фок приказал немедленно отступать, а полку и двум батареям прикрывать отступление. Это было позже 5 часов вечера. Части отступали с позиции в беспорядке, так как некоторым приходилось пробиваться через проволочные заграждения, устроенные на случай атаки японцев с тыла, если бы высадка японцев последовала южнее Бицзыво — Кинчжоу.

По показанию инженер-капитана фон Шварца, к 9 часам утра наши батареи уже достреливали последние снаряды и стали постепенно замолкать, а их командиры с прислугой отошли на ст. Тафашин. Последней замолкла около 11 часов утра батарея № 5. С этого момента позиция стала защищаться только стрелковым огнем, имея слабую поддержку с батареи на Тафашинских высотах — до 3 часов и с батареей полевой артиллерии, расположившихся в 2–2 1/2 верстах сзади позиции. Одновременно с началом артиллерийского боя противник двинул свои колонны на наши фланги.

Около часу или двух дня свидетель был послан полковником Третьяковым на ст. Тафашин к генералу Фоку с просьбой о присылке резерва. Так как скоро идти он не мог, то послал вперед кондуктора Якова. Когда вслед за Яновым свидетель подошел к станции, то увидел генерала Надеина, которому и передал просьбу полковника Третьякова. Генерал Надеин ответил на это, что он посылал (или хотел послать — точно слов не помнит) подкрепление, но генерал Фок его вернул. На вопрос свидетеля, почему, генерал Надеин ответил: «Вероятно, генерал Фок бережет резервы для штыкового удара».

Кондуктор же Янов, придя на ст. Тафашин, доложил генералу Фоку просьбу полковника Третьякова, но генерал Фок стал бранить Третьякова и сказал, что резерва не даст.

Когда после этого подошел сам свидетель, капитан фон Шварц, к генералу Фоку с тем же докладом, то последний стал [630] на него, свидетеля, кричать и совершенно не дал возможности доложить. В это время генерал уже уходил со станции.

В 2 часа 30 минут дня огонь неприятеля внезапно сильно ослабел, его полевая и горная артиллерия почти совсем замолчала и только канонерки продолжали стрелять. Свидетель полагает, что японцы расстреляли свои снаряды, ибо видно было, что большие фургоны быстро удалялись за гору Самсон, а потом возвращались обратно. В это время общее положение дел было таково: на левом фланге противник находился от нас в 400 шагах, в центре от 500 до 700 шагов, и здесь две неприятельские роты, собравшиеся в дер. Хуань, попытались было штурмовать люнет № 4, но наткнулись неожиданно на проволочную сеть, остановились — и 5-ю залпами были все уничтожены. После этого неприятельская цепь залегла против центра в расстоянии 600 шагов, а против правого фланга в расстоянии 800–1200 шагов и не поднималась до вечера. Под прикрытием своих цепей неприятель стал передвигать свои войска с правого фланга на левый. Заметив это, генерал Надеин приказал

двум батальонам 13-го полка из общего резерва занять пустые окопы левого фланга, но это не было сделано, так как, по словам генерала Надеина, генерал Фок встретил их возле позиции и вернул обратно. Таким образом, левый фланг наш в этот важный момент остался без поддержки.

В 4 часа дня возобновилась артиллерийская стрельба, сосредоточенная теперь уже только по окопам и укреплениям, а из-за Самсона появились новые силы противника (насчитано было 22 роты). Заметив это, полковник Третьяков вновь отправил просьбу о резерве. Его просьба была уважена, и около 6 часов были присланы две роты 14-го полка, но с категорическим приказанием не употреблять их в бой, а назначить в прикрытие отступления.

Однако к моменту их прихода выяснилась необходимость поддержать 8-ю роту; поэтому одна полурота была направлена туда, остальные полторы роты полковник Третьяков держал для исполнения приказа. Около 5 часов сосредоточенный огонь неприятеля по окопам левого фланга настолько разрушил окопы нижнего яруса, что держаться в них было нельзя, люди отошли из них. Поколебавшийся левый фланг полковник Третьяков уже ничем поддержать не мог, так как в его распоряжении не было ни одного солдата. Тогда полковник Третьяков решился ввести [631] в бой те полторы роты, что назначались для прикрытия отступления, но в этот момент началось отступление войск нашего левого фланга, приказание о котором (исходившее, по словам Третьякова, от генерала Фока) было передано помимо полковника Третьякова через конного охотника капитану Стемпневскому 2-му, командиру 7-й роты. Свидетель слышал это от самого капитана Стемпневского и полковника Третьякова. Полковник Третьяков для восстановления боя, кроме своего личного влияния, ничего употребить не мог, но остановить отступающих ему не удалось, и они были остановлены и устроены только на возвышенностях сзади позиции. Находившийся здесь батальон 14-го полка составил резерв цепи. Отступление началось около 8 часов вечера. Так как позиция была укреплена нами и с юга, то взять ее обратно было уже невозможно. Кондуктор Янов, подтверждая показание инженер-капитана фон Шварца в части, касающейся поручения полковника Третьякова доложить генералу Фоку о необходимости выслать подкрепление, показал, что в начале 2-го часа дня вместе с инженер-капитаном фон Шварцем он получил приказание от полковника Третьякова отправиться в штаб 4-й дивизии к генералу Фоку и доложить, что «люди слабеют, снарядов и патронов нет, артиллерия бездействует, прошу подкрепления». С этим приказанием свидетель отправился вперед, а капитан Шварц следовал за ним. Около 2 часов дня свидетель прибыл на ст. Тафашин и увидел генерала Фока, стоявшего с генералом Надеиным, двумя адъютантами, врачом и двумя ординарцами — нижними чинами. Подойдя к генералу Фоку, свидетель изложил ему буквально вышеприведенную просьбу полковника Третьякова о подкреплении. На это генерал Фок нервно, раздраженным голосом, довольно громко сказал: «Передайте коменданту позиции командиру 5-го полка полковнику Третьякову, что он не комендант позиции, не командир полка, а... (тут генерал Фок употребил бранные выражения), сидит в окопах и требует подкрепления; ни одного человека я ему не дам, а патроны вышлю». После этого генерал Фок сейчас же распорядился послать три двуколки с патронами. Идти передавать полковнику Третьякову слова генерала Фока свидетель не счел возможным и только доложил об этом капитану фон Шварцу, когда же капитан Шварц начал докладывать генералу Фоку, то последний тотчас же прервал его и стал распекал за то, что фугасы не рвутся. [632]

Бывший обер-офицер для поручений при штабе 3-го Сибирского армейского корпуса, Генерального штаба капитан Одинцов показал, что утром 13 мая генерал Фок приказал командиру 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, батальонным и ротным командирам сопровождать его для выбора полку позиции на случай высадки японцев в бухте Хенуэза. Свидетель доложил генералу, что местность эта ему хорошо известна, что отряд невелик и, быть может, это несложное дело он поручит ему, свидетелю, совместно с полковником Грязновым. Но генерал Фок сказал, что едет сам. Поездка заняла много времени. В море были видны только два миноносца. Тогда генерал Фок направился обратно.

При прибытии на ст. Нангадин свидетель испросил у генерала Фока разрешение не ставить 15-й полк на выбранные позиции ввиду отсутствия в море транспортных судов и невероятности ни высадки, ни демонстрации, а отвести его в общий резерв у разъезда Перелетный. Вернувшись на ст. Тафашин, свидетель нашел генерала Фока на высоте у места расположения охотничьей команды и полуроты 5-го полка со знаменем и взвода сапер. Все происходившее на правом фланге позиции было ясно видно невооруженным глазом. Наблюдалось приближение резервов, готовилась новая атака со стороны противника. С нашей стороны не были введены 13-й и 14 полки. Полагая, что 5-й полк к вечеру будет сменен одним из полков, стоявших сзади позиции, свидетель предложил генералу Фоку усилить левый фланг позиции саперами и полуротой 5-го полка, отвести знамя к 15-му полку, а последний подтянуть к ст. Тафашин ввиду возможности более сильного штурма. Получив согласие генерала Фока, свидетель отвел знамя и привел два с половиной батальона 15-го полка, посоветовав расположить их в двух неглубоких промоинах к югу и западнее станции. Полк там и расположился. Свидетель прибыл на ст. Тафашин, где нашел генерала Фока со штабом. Генерал Фок сказал свидетелю, что послал генералу Стесселю телеграмму, характеризующую положение дела, и ждет ответа. Свидетель понял, что генерал Фок находит нужным очистить позицию. Противник в это время вел артиллерийский огонь «по площадям». Скоро получена была телеграмма от генерала Стесселя, прочитав которую, генерал Фок сказал окружавшим: «Приказано отступить», — и почти немедленно уехал.

Бывший начальник штаба крепости Порт-Артур Генерального штаба полковник Хвостов объясняет недостаток артиллерийских [633] снарядов, обнаруженный во время Кинчжоуского боя, нераспорядительностью начальников. Снаряды были доставлены из Артура и находились в вагоне на ст. Нангадин, но своевременно не были поданы на позицию.

Бывший начальник артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Никитин подтвердил, что для питания полевой артиллерии снарядами еще до боя был устроен на ст. Нангадин артиллерийский склад. Об этом знали и батареи, и штаб 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Спрошенный в качестве свидетеля бывший начальник укрепленного Квантунского района генерал-адъютант Стессель показал, что план обороны кинчжоуской позиции основан был на совместном действии сухопутных войск, ее занимавших, с флагом, так как узкий перешеек оборонять продолжительно не представлялось возможным, если в тылу и на фланге появится противник, в виде 10-дюймовых судовых орудий. Предполагалось, на основании имевшихся примеров, что близко к берегу никто не подойдет, а в море будет наша эскадра. Но она 13 мая не вышла, несмотря на настоятельные представления свидетеля, что поддержка флота необходима, что огонь японских канонерок все сметет. Выслана была одна только канонерская лодка «Бобр», которая, войдя в залив Хенуэз, очень помогла нам, но действовала недолго. По величине позиции для обороны ее назначался полк трехбатальонного состава. Вводить в бой другие полки и не следовало. При полном разгроме позиции без поддержки флота, имея против себя более 200 орудий и 3–4 дивизии армии Оку, генерал Фок, если бы не отошел, а остался бы на позиции и на другой день, ничего другого не достиг бы, кроме уничтожения и другого полка. Приказание об отступлении с темнотой отдал генералу Фоку свидетель, когда получил от него донесение о невозможности держаться ввиду огромных потерь. Это было согласно с телеграммой командующего Маньчжурской армией.

В этой своей части показание генерал-адъютанта Стесселя подтверждается следующими документами:

1) Телеграммой генерал-адъютанта Куропаткина на имя генерал-лейтенанта Стесселя из Ляояна от 4 мая 1904 г. за № 667, в которой, между прочим, значится: «...По моему мнению, самое главное — это своевременно отвести войска генерала Фока в состав гарнизона Порт-Артур. Мне представляется весьма желательным вовремя снять и увезти с Кинчжоуской позиции орудия...». [634]

2) Телеграммами генерал-лейтенанта Стесселя на имя генерал-лейтенанта Фока из Порт-Артура, поданными 13 мая:

а) в 5 часов 40 минут пополудни: «Сообщите свое решение, возможно ли удержание позиции; если невозможно, то надо организовать обстоятельно обход (отход?), для чего все орудия и снаряды, возможные для перевозки, надо, пользуясь прекращением боя; и ночью спустить и погрузить на поезда; которые невозможно, надо испортить и посбрасывать. 15-й полк должен занять тыльную позицию у Нангалина, а 16-й подвести к нему или двинуть по Приморской дороге на Сяобиндао и Меланхэ, бухты не обнажать пока. Отводить начать с резервов. С уходом 16-го полка жители Дальнего также могут выехать или пешком прибыть в Артур»;

б) в 6 часов 15 минут пополудни: «Раз у вас все орудия на позиции подбиты, надо оставить позицию и, пользуясь ночью, отходить. Я вам послал час назад подробную об этом»;

в) в 7 часов 5 минут пополудни: «Так как наша артиллерия на позиции действовать уже не может, то и держаться на этой позиции нечего. Надо хорошенько организовать отступление и с темнотой начать отходить. Для взрыва фугасов надо оставить маленькие части, охотничьи команды. Пулеметы и те орудия, которые можно, взять, остальные испортить, но не взрывами, так как они догадаются об отходе наших войск. Отступать на Шининзы и Волчьи горы, а после исправим расположение. Если возможно, скот гнать»;

3) Телеграммой, поданную 15 мая, в 4 часа 10 минут пополудни об отступлении к Волчьим горам, не задерживаясь без надобности на остальных позициях.

Таким образом, имея вполне определенную задачу — оборонять позицию при Кинчжоу наиболее упорным образом, не стесняясь расходом резервов и не заботясь о своем тыле, и отойти к Артуру лишь при полной невозможности сдержать противника — генерал-лейтенант Фок, не обращая внимания на эти указания генерала Стесселя, а также и на то, что японцы 12 мая начали атаки Кинчжоу, вместо руководства боем отправился утром 13 мая к бухте Инчензы выбирать там позиции для 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка на случай высадки японцев. Затем, вернувшись к Кинчжоу и приняв руководство войсками, он, генерал-лейтенант Фок, из четырех полков (5, 13, 14 и 15-го), сосредоточенных к позиции, ввел в бой только 5-й [635] полк, когда же генерал-майор Надеин по своей инициативе двинул два батальона на выручку левого фланга 5-го полка, то генерал Фок остановил эти два батальона и не позволил им принять участие в деле.

Назначив, таким образом, в боевую часть всего одну четверть своего отряда, не израсходовав совершенно своего резерва и не доведя дело до штыков и вообще не истощив всех средств обороны, как то приказано было генералом Стесселем, генерал-лейтенант Фок отправил последнему в Порт-Артур телеграмму, в которой, с целью получить приказание об отступлении, указывая на «критическое положение» и на полное отсутствие снарядов, чем действительно и вызвал приказание генерала Стесселя, хотя и условное, отступить с наступлением темноты. Между тем отступление началось засветло, вследствие чего отряд понес во время его большие потери; снаряды же в большом количестве имелись на станции Нангалин.

II. О деятельности генерал-лейтенанта Фока в крепости Порт-Артур

17 июля войска наши, оборонявшие передовые горные позиции между Кинчжоу и Порт-Артуром, под общим начальством генерал-лейтенанта Фока, отошли в крепость. Генерал-лейтенант Фок был назначен начальником общего резерва.

Заставив нас очистить в ночь на 27 июля позиции на горах Дагушань и Сяогушань, заняв 1 августа предгорья Угловой горы, японцы 6 и 7 августа открыли сильнейший огонь по укреплениям восточного фронта от Куропаткинского люнета до форта № III. Одновременно неприятелем поведены были атаки на Кумирнский и Водопроводный редуты, но все они

были отбиты. 8 августа начался ряд отчаянных штурмов против северо-восточного фронта крепости на участке от укрепления № 2 до форта III, причем главный удар был направлен против редутов № 1 и № 2.

В этот именно день руководивший непосредственно обороной атакованного фронта комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов отдал генерал-лейтенанту Фоку, как начальнику общего резерва, приказание вывести 14-й полк из казарм 16-го полка и подвести его к северо-восточному фронту, расположив эшелонами [636] в укрытых местах (в ложине за Большим Орлиным Гнездом и у Питательного погреба); генерал-лейтенант Фок, по показанию спрошенного в качестве свидетеля генерал-лейтенанта Смирнова, ответил последнему запиской, в которой подробно изложил свои соображения об опасности, в смысле потерь, от такого расположения резерва, в особенности у Питательного погреба. Между тем свидетель отдавал свое распоряжение с Опасной горы, у подножия которой расположен этот Питательный погреб, прекрасно укрытый местностью и в то время вовсе не обстреливавшийся неприятелем. Не отвечая генерал-лейтенанту Фоку по существу высказанных им соображений, генерал-лейтенант Смирнов вторично запиской в категорической форме приказал ему немедленно двинуть 14-й полк, куда было раньше приказано, и через полчаса уехал с позиции в город, чтобы проверить, будет ли на этот раз исполнено генерал-лейтенантом Фоком его приказание. В городе он нашел 14-й полк выстраивающимся на плацу, но генерал-лейтенанта Фока при нем не было. В последующем, при непрерывных штурмах северо-восточного фронта, свидетель никак не мог доискаться одного батальона 14-го полка. Оказалось, что этот батальон с охотничьими командами оставался, как полагает свидетель, с ведома генерал-лейтенанта Фока в казармах. «К счастью, добавляет свидетель, момент не был упущен и батальон этот также отослан был им на позицию. Сам генерал-лейтенант Фок остался на своей квартире и с этим последним полком резерва на позицию не вышел. Не признавая себя виновным в том, что назначенный начальником резерва в крепости и получив в дни августовских штурмов приказание коменданта крепости двинуть к передовым фортам северо-восточного фронта оставшийся в резерве 14-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, он вошел в неуместное пререкание с комендантом о направлении им полка в обстреливаемые неприятелем пункты и не только не повел сам последнюю часть командуемого им резерва к назначенным местам, но даже и не проследил за исполнением приказа коменданта, вследствие чего один батальон 14-го полка остался в казармах и к назначенному пункту не пошел, генерал-лейтенант Фок при следствии объяснил: 8 августа, в 12 часов дня, комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов с горы Опасной прислал ему, обвиняемому, записку за своею подписью следующего содержания: «Предписываю двинуть два батальона 14-го полка к Питательному погребу за лит. А, [637] что лежит между Большой горой и укреплением № 2». Через 15 минут генерал Смирнов с той же горы прислал вторую записку: «Вторично предписываю двинуть немедленно два батальона 14-го полка в ложину у Питательного погреба, что за лит. А». Эти записки были получены им, обвиняемым, в расположении штаба дивизии, находившемся в одной или более версте от горы Опасной. Приказание было исполнено немедленно, и в 12 часов 25 минут он, обвиняемый, «послал коменданту крепости донесение следующего содержания: «Распоряжение об отправлении двух батальонов резерва было отдано мной тотчас же по получения приказа, но в то же время я считал долгом донести, что место, которое назначено для расположения резерва, обстреливалось всю ночь шрапнельным огнем, а также я ожидаю, что японцы и ночью поведут атаку, а потому желал иметь свежий, неутомленный резерв. В настоящее время японцы действуют строго по рецепту Зауэра — на удочку им достаточно и резерва генерала Горбатовского». (Подлинная записка в приложения № 20, тетрадь от 8 августа 1904 г.). Ни в какие объяснения по этому предмету ни устно, ни письменно, он, обвиняемый, не входил, да и сам генерал Смирнов ничего не говорил ему, обвиняемому, по поводу отправки резерва. Идти вместе с резервом он, обвиняемый, не считал себя обязанным, так как резерв шел не в бой, а только менял место своего расположения, причем, составляя там резерв генерала Горбатовского (начальника обороны

восточного фронта), выходил из-под его, обвиняемого, командования. Из имеющейся в приложениях к делу записки генерала Смирнова к генералу Фоку видно, что генерал Смирнов просил выслать к Питательному погребу за лит. А два батальона 14-го полка (приложение № 20, тетрадь от 8 августа 1904 г.).

Пятидневный штурм (с 6 по 10 августа включительно) японцами укреплений восточного фронта потребовал такого напряжения сил гарнизона, что весь общий резерв введен был в боевую линию, и генерал-лейтенант Фок остался лишь номинально его начальником. Образованный впоследствии резерв назывался «резервом коменданта» и находился в непосредственном подчинении у последнего. Оставаясь фактически не у дел, в смысле боевой роли, с 8 августа до назначения своего 3 декабря 1904 г., за смертью генерал-лейтенанта Кондратенко, начальником сухопутной обороны крепости, генерал-лейтенант Фок постоянно посещал форты и укрепления атакованных фортов крепости. [638]

Результаты своих наблюдений он излагал в особого рода «заметках». Ознакомление с ними приводит к следующим выводам:

- 1) писались они собственноручно генералом Фоком и затем отпечатывались на пишущей машине или литографским способом;
- 2) предназначались они для рассылки начальствующим лицам, имена которых обозначались на оригинале «заметок», а именно: генералам Стесселю, Кондратенко, Горбатовскому, Белому, Никитину, полковникам Ирману, Григоренко, подполковникам Науменко, Гандурину, а также в штабы: укрепленного района и крепости; 3) содержание «заметок» касается главным образом разного рода усмотренных автором их недочетов обороны и желательных, с его точки зрения, для устранения их мероприятий.

Проходя, таким образом, через значительное число рук, «заметки» эти, как видно из данных предварительного следствия, читались не только начальствующими лицами, для которых предназначались, но и другими офицерами, и даже нижними чинами. Между тем содержание заметок генерал-лейтенанта Фока, писавшихся в насмешливом и резком тоне, кроме указаний на недочеты в обороне, очень часто заключало в себе несправедливую критику действий лиц, руководивших обороной крепости, выставляло их бездарными и бросало иногда даже тень на их доброе имя. Вследствие сего некоторые из оскорбленных генералом Фоком лиц вошли даже по команде с ходатайством об ограждении их личных интересов и интересов обороны, ибо «заметки» эти подрывали авторитет начальников и дисциплину. Так, командир 2-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Церпицкий (умер в Порт-Артуре от раны, полученной в ноябре месяце 1904 года, в дни штурма японцами Высокой горы), ознакомившись с заметкой генерал-лейтенанта Фока от 16 августа и приняв содержащееся в ней выражение: «Вновь я посетил Ляотешань. Воздух несколько очистился, пададь поубрана...» на свой счет, обратился, надо полагать, к генералу Кондратенко с письмом, в котором, объясняя, между прочим, что «никакого стремления уходить с Ляотешаня» у него не было, а было желание отстоять его до крайности, почему все окопы, указанные сделать Зедгенидзе, делались и делаются только для этой цели, «заявляет, что считает личным для себя оскорблением допущенную генералом Фоком фразу в начале заметок, нисколько им не заслуженную». [639]

Равным образом и командир 1-й бригады той же дивизии генерал-майор Горбатовский, бывший в дни августовских штурмов начальником обороны восточного фронта, ознакомившись случайно с заметками генерал-лейтенанта Фока от 10 августа, почел себя обиженным содержащейся в ней критикой действий его как начальника оборонительного отдела и вошел к командующему 7-ю дивизией, генерал-майору Кондратенко с рапортом от 30 августа за № 43, в котором, возражая по пунктам на касающиеся его замечания генерал-лейтенанта Фока, между прочим, писал: «...Нельзя же в самом деле писать неосновательные, неправдивые заметки официального характера, которые создаются лишь для того, чтобы другого обдать грязью, а самому прослыть за человека, страдающего за родное дело...»

Спрошенный при следствии в качестве свидетеля по поводу этого рапорта генерал-майор Горбатовский, ссылаясь на вышеуказанную заметку генерал-лейтенанта Фока и на свою переписку с ним, показал, что считает его виновником отозвания своего с восточного фронта и злым гением Артура, который своими заметками всех между собою ссорил.

В том же духе отзывались о заметках генерал-лейтенанта Фока спрошенные в качестве свидетелей: бывший комендант крепости Порт-Артур генерал-лейтенант Смирнов; бывший командир 4-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и начальник обороны северного фронта генерал-майор Ирман; бывший командир 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и начальник обороны западного фронта, Свиты его величества генерал-майор Семенов; бывший начальник штаба крепости Порт-Артур Генерального штаба полковник Хвостов; бывший командир порта «Артур», контр-адмирал Григорович и инженер-капитаны фон Шварц и Родионов.

Спрошенные при следствии в качестве обвиняемых, бывшие начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Фок и бывший начальник укрепленного Квантун-ского района генерал-адъютант, ныне уволенный от службы генерал-лейтенант Стессель, не признавая себя виновными в предъявленных к ним обвинениях: первому в том, что рассылавшимися в период осады различным начальствующим лицам своими заметками, содержащими во многих случаях критику действий начальствующих лиц, он подрывал к ним доверие и колебал в войсках веру в возможность и необходимость держаться в [640] укреплениях до последней крайности, т. е. умирать в них, но не уступать врагу, а, напротив того, указывал на необходимость очищать укрепления и форты, как только защита их требовала больших жертв; а второму — в том, что, получая заметки генерал-лейтенанта Фока относительно действий различных начальствующих лиц и зная, что такие заметки, посылаемые многим лицам, могли доходить и до войск гарнизона и что в этих заметках помещаются совершенно несправедливые и весьма оскорбительные выражения для лиц, ведущих оборону крепости, он, генерал-лейтенант Стессель, не принял мер к прекращению этих заметок, вызывавших справедливое негодование затронутых начальников и сеявших вражду между ними и генерал-лейтенантом Фоком и тем самым подрывавших дружную и согласную работу по обороне крепости, — объяснили:

Генерал-лейтенант Фок, — что заметки его вызваны были необходимостью помочь генерал-майору Кондратенко в исполнении им его служебных обязанностей обнаружением различных недостатков на позициях и указанием мер для их устранения. Генерал Кондратенко сам иногда просил его, обвиняемого, поехать посмотреть, результатом чего и явились заметки. Из начальствующих лиц он, обвиняемый, посылал свои заметки: генералу Кондратенко — все; генералу Стесселю — все важные; генералу Никитину — все, посылавшиеся генералу Стесселю; некоторые заметки, касавшиеся отдаленных частей и участков — генералу Горбатовскому, коменданту крепости и другим. Заметки эти принимались генералами Стесселем и Кондратенко и по ним делались распоряжения. Если бы они приносили вред, то начальство или сделало бы ему, обвиняемому, замечание за них, или запретило бы их вовсе писать. Между тем ими пользовались до конца осады, и генералы Стессель, и Кондратенко его за них благодарили. Что касается заметок, может быть, резких, например той, где он, обвиняемый, называет начальника инженеров крепости как бы исполняющим обязанности вахтера, то резкость была им допущена по необходимости, чтобы обратить внимание генерал-лейтенанта Стесселя на незначительное с виду, но очень важное по существу обстоятельство. Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах следует защищать укрепления и позиции, по глубокому его, обвиняемого, убеждению, разрешается в том смысле, что удерживать их надлежит до последней крайности, но не дожидаться, пока люди сами побегут от невозможности держаться, [641] как это было на Дагушане и при защите Угловых гор. Подробно эти взгляды изложены им, обвиняемым, в заметке 24 сентября, но они изложены только для начальствующих лиц, подчиненным же всегда внушалось, что в каком бы отчаянном положении они ни находились, они должны держаться и умирать, пока

не получают приказаний оставить позицию.

Генерал-адъютант Стессель, — что генерал Фок — старый боевой офицер, человек отлично храбрый, преданный военной службе, зорко следящий за внутренним состоянием человека. Все его заметки клонились к пользе. Заметки эти препровождались ему, обвиняемому, генералам Кондратенко и Смирнову и, может быть, Никитину и Рейсу. Попасть к младшим чинам они не могли. По поводу некоторых замечаний он, обвиняемый, говорил генералу Фоку, что есть резкие выражения, но никаких дисциплинарных мер против этого не принимал, так как с некоторыми взглядами генерал-лейтенанта Фока он, обвиняемый, был согласен, а относительно других, с которыми не соглашался, говорил с генералом Фоком только в разговоре.

III. Отозвание генерал-лейтенанта Стесселя из крепости Порт-Артур

Приказом наместника его императорского величества на Дальнем Востоке от 12 марта 1904 года за № 239 на командира 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Стесселя временно возложено было по высочайшему повелению руководство сухопутной обороной района Порт-Артур — Кинчжоу с подчинением ему коменданта крепости Порт-Артур и всех войск, в этом районе расположенных, и предоставлением ему, по званию начальника обороны Квантунского укрепленного района, прав и обязанностей командира отдельного корпуса в военное время, но с непосредственным подчинением его командующему Маньчжурской армией. Такое временное подчинение крепости начальнику полевых войск, несомненно, имело целью придать большое единство действиям при обороне всего Квантунского полуострова и должно было прекратиться с отступлением полевых войск в район крепости, так как закон, возлагая на коменданта крепости чрезвычайную ответственность за оборону ее, дает ему полную самостоятельность и обширные права, безусловно необходимые [642] для успешного исполнения возлагающейся на него задачи. (Положение об управлении крепостями. Прик. по воен. вед. 1901 г. JNS 358). О таком восстановлении прав коменданта с момента фактического упразднения Квантунского укрепленного района не было оговорено в приказе наместника его императорского величества на Дальнем Востоке от 12 марта 1904 года № 239, вследствие чего генерал-лейтенант Стессель и по отступлении полевых войск в район крепости остался высшим ее начальником. Однако доклады, по поручению коменданта крепости, генерал-лейтенанта Смирнова, Генерального штаба подполковника Гурко и капитана Одинцова вызвали у командующего Маньчжурской армией, генерал-адъютанта Куропаткина, сомнение в соответствии генерала Стесселя своему положению, почему и по соглашению с наместником генерал-адъютант Куропаткин, сначала телеграммой от 5 июня 1904 года, повторенной 17 того же июня, а затем письмом от 19 июня предложил генералу Стесселю сдать командование в крепости Порт-Артур коменданту ее, а самому прибыть избранным им путем в Маньчжурскую армию. Копии указанных телеграмм отправлены были, для сведения, коменданту крепости, но таковым получены не были; телеграммы отправлялись через Чифу и Инкоу, но через кого именно — неизвестно.

Генерал-лейтенант Стессель приказания командующего армией — сдать командование генерал-лейтенанту Смирнову и выехать из Порт-Артура не исполнил, а 21 июня отправил генерал-адъютанту Куропаткину письмо, в котором, прося его оставить в крепости в прежнем положении, выставил себя душою обороны ее и доказывал, что ему невозможно сдать командование. По получении этого письма со стороны генерал-адъютанта Куропаткина дальнейших попыток к отозванию генерала Стесселя не было сделано, и последний оставался главным руководителем обороны крепости до сдачи ее японцам.

Спрошенный при следствии в качестве обвиняемого и не признавая себя виновным в удержании за собою командования крепостью Порт-Артур, вопреки распоряжения начальства, генерал-адъютант Стессель объяснил, что телеграмм генерал-адъютанта

Куропаткина от 5 и 17 июня он не получал, а письмо его от 19 июня получил; на это письмо он 21 того же июня ответил, что выехать ему из Порт-Артура в то время трудно было, что выезд его дурно повлияет на войска и ближайших его сотрудников, генералов [643] Фока, Кондратенко и Никитина. Не получив на свое письмо ответа, а неоднократно получив затем в августе и сентябре месяцах телеграммы генерала Куропаткина с выражением лично ему и войскам благодарности за многочисленные бои, он, генерал Стессель, утвердился в том мнении, что отозвание его отменено.

В приложенном к делу письме генерала Стесселя от 21 июня, между прочим, выражено, что генерал Стессель лично неоднократно просил наместника разрешить ему выехать к корпусу, когда это еще возможно было, но наместник ему постоянно отказывал, и что если генерал Куропаткин все же признает отъезд его из крепости необходимым, то он, генерал Стессель, сочтет долгом принять все меры к выполнению этого требования.

Показаниями допрошенных свидетелей установлено следующее:

Подполковник Гурко и капитан Одинцов подтвердили, что комендант крепости, генерал Смирнов, поручил им доложить командиру армии, а первому из них — и наместнику, о прениях, существовавших между генералом Смирновым и генералом Стесселем, о том, что генерал Стессель вмешивается в распоряжения коменданта, а также высказал мнение о генерале Стесселе, как о человеке трусливом и неспособном вести дело обороны; поручение это они, подполковник Гурко и капитан Одинцов, исполнили: первый — 17 мая, а второй — 4 июня.

Генерал-адъютант Куропаткин показал, что первая телеграмма о передаче командования в крепости коменданту была отправлена генералу Стесселю 5 июня, когда порт Инкоу был еще в наших руках и наши миноносцы ходили из Порт-Артура в Инкоу и обратно; с 12 июля, с отступлением от Дашичао, Маньчжурская армия была отрезана от Порт-Артура и потому сообщение являлось чисто случайным. К ответному письму генерала Стесселя он, генерал Куропаткин, отнесся с доверием, доложил содержание его наместнику и уже более не настаивал на отозвании генерала Стесселя, который, как показали последующие события, оправдал оставление его в крепости, действуя дружно с генералами Кондратенко и Фоком, что подтверждало обладание им необходимым авторитетом. Оставление генерала Стесселя в Порт-Артуре вполне одобрил и наместник, признавший прибытие генерала Стесселя к армии после потери Инкоу невозможным. [644]

Генерал-адъютант Алексеев удостоверил, что, получив 3 июня 1904 года, вследствие своего запроса, телеграмму от адмирала Витгефта с неблагоприятным отзывом о генерале Стесселе, он немедленно сообщил о том генералу Куропаткину, выразив вместе с тем согласие на отозвание генерала Стесселя из Порт-Артура. О действительном отозвании генерала Стесселя ему генерал Куропаткин не доносил, но он не предполагал, чтобы в таком важном деле могло последовать изменение; он, генерал-адъютант Алексеев, признает себя виновным в недосмотре в этом случае.

Бывший начальник штаба укрепленного района генерал-майор Рейс удостоверил, что телеграмму генерала Куропаткина от 5 июня дешифровал он, а эта телеграмма потом передана была генералу Стесселю.

Наконец, по словам генерал-лейтенанта Смирнова, он никаких телеграмм от генерала Куропаткина о передаче ему командования в крепости не получал.

IV. О деятельности в Порт-Артуре генерал-адъютанта Стесселя

Приказом наместника его императорского величества на Дальнем Востоке от 12 марта 1904 года № 289 коренным образом изменены были устанавливаемые положением об управлении крепостями командные отношения между начальником укрепленного Квантунского района,

генерал-лейтенантом Стесселем, и комендантом крепости Порт-Артур, генерал-лейтенантом Смирновым, и объем прав последнего. Такое изменение их не могло не отразиться и на обязанностях означенных лиц, и на самом характера их. Посему, в видах объединения и урегулирования власти в Порт-Артуре и в пределах его эспланады, наместником 14 апреля 1904 года отдан был приказ № 339, которым подтверждалось к неуклонному исполнению следующее:

- 1) Так как внутренний порядок в крепости и ее районе (от Сяо-Биндао до бухты 10 кораблей) устанавливается и поддерживается властью коменданта крепости и находится на его ответственности, то местная администрация, городская полиция и чины надзора пограничной стражи на основании ст. 77 положения об управлении крепостями поступают в полное его подчинение и исполняют все его распоряжения. [645]
- 2) В видах устранения из крепости неблагонадежных жителей и прекращения сношений с внешним миром на основании статей 79 и 80 коменданту принадлежит исключительное право разрешения проживания в городе, а равно и удаление из него тех, кои признаются нежелательными для пребывания в пределах крепостного района, равно и задержания лиц, неблагонадежность коих будет признана.
- 3) Ему же принадлежит и право разрешения въезда в город лицам не военного звания, а также запрещение покидать город лицам, проживание которых в крепости признается необходимым или полезным (ремесленники, мастеровые и т. п.).
- 4) Вывоз из города и крепостного района тех или других продуктов, фабрикатов и вообще предметов потребления может быть делаем только с разрешения коменданта крепости.
- 5) Общий санитарный надзор в пределах города и верков крепости вверяется коменданту крепости.
- 6) Установление цен на съестные припасы и вообще на предметы первой необходимости (фураж, дрова, уголь и пр.) предоставляется ему же.

Из показания бывшего коменданта крепости Порт-Артур генерал-лейтенанта Смирнова видно, что приказ этот отдан был вследствие доклада генерал-адъютанту Алексееву лиц гражданского управления о вмешательстве генерал-лейтенанта Стесселя в сферу их деятельности, производящем недоразумения и вредящем жизни и делам города.

Однако с изданием приказа № 339 и отъездом наместника из Порт-Артура взаимные отношения трех наиболее крупных представителей власти в Порт-Артуре — начальника укрепленного района генерал-лейтенанта Стесселя, коменданта крепости генерал-лейтенанта Смирнова и гражданского комиссара Квантунской области и председателя городского совета подполковника Вершинина не только не стали нормальными, но постепенно ухудшались.

По показанию бывшего начальника штаба крепости Порт-Артур полковника Хвостова, генерал-лейтенант Стессель истолковал вышеприведенный приказ № 339 в том смысле, что приказ этот отдан с целью подтвердить коменданту крепости его обязанности и что «власть, принадлежащая младшему, — принадлежит всецело и старшему начальнику, почему все права, предоставленные приказом коменданту крепости, принадлежат и ему, [646] генералу Стесселю, как старшему начальнику». Этот свой взгляд генерал-лейтенант Стессель высказал вполне определенно в письме генералу Смирнову по поводу одного случая, когда он, свидетель, полковник Хвостов, ссылаясь на приказ № 339, не выдал разрешения одному офицеру на вывоз из Порт-Артура продовольственных продуктов. Руководствуясь таким взглядом, генерал Стессель не стеснялся впоследствии публично заявлять, что он «упразднит коменданта».

Спрошенные в качестве свидетелей, генерал-лейтенант Смирнов и подполковник Вершинин указывают, каждый отдельно, на целый ряд случаев вмешательства генерал-лейтенанта Стесселя в пределы их прав и обязанностей, отмены их распоряжений и игнорировании

таковых. Обобщая этот разнообразный фактический материал, можно установить две главные категории фактов в деятельности генерал-лейтенанта Стесселя: вмешательство его в распоряжения коменданта крепости и вмешательство его в дела гражданского управления Порт-Артура и пренебрежение интересами последнего и подведомственного ему населения.

Первая из указанных категорий в свою очередь распадается на следующие отделы:

1) По части интендантской: вмешательство генерал-лейтенанта Стесселя в деятельность генерал-лейтенанта Смирнова выражалось в объявлении им приказами по району размеров суточной дачи и способа довольствия, что делалось и комендантом крепости; в самовольном пользовании всеми средствами и запасами крепости, нарушавшем соображения и расчеты коменданта ее, и в отдаче своих распоряжений непосредственно крепостному интенданту, подполковнику Достовалову. Примерами подобного рода случаев указывается на то, что генерал-лейтенант Стессель приказал увеличить дачу крупы с 24 золотников до 32 и отменил отданное генерал-лейтенантом Смирновым подполковнику Достовалову приказание выделять крупу из овса.

Подполковник Достовалов, подтверждая эти факты, между прочим показал, что согласно штату, утвержденному наместником его императорского величества на Дальнем Востоке, объявленному в приказе по крепости № 476, он именовался интендантом крепости Порт-Артур и укрепленного района, почему считал себя подчиненным и генерал-лейтенанту Стесселю, и генерал-лейтенанту Смирнову. [647]

2) По части инженерной: подчинил инженерные войска генерал-майору Кондратенко, указывал места жительства инженерным офицерам, отдавал начальнику инженеров крепости полковнику Григоренко, помимо генерал-лейтенанта Смирнова, приказания относительно отпуска строительных материалов и шанцевого инструмента.

3) По части артиллерийской: назначил бывшего начальника артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Никитина начальником всей полевой артиллерии, без подчинения его коменданту крепости, отдавал непосредственно начальнику артиллерии крепости, генерал-майору Белому, распоряжения относительно распределения орудий и снарядов. Так, генерал-лейтенант Стессель отменил распоряжение генерал-лейтенанта Смирнова передвинуть 120-дюймовую пушку на колесном лафете для обстреливания неприятельских блиндажей на Куинсане. В половине октября (числа 13-го или 14-го) генерал-лейтенант Стессель приказал генерал-майору Белому (помимо генерала Смирнова) с заходом солнца открыть огонь с северо-восточного фронта, предполагая, что японцы поведут штурм. Но штурм не было, и вследствие такого необдуманного распоряжения было бесполезно истрчено несколько тысяч снарядов.

4) По части санитарной: отменил распоряжение генерал-лейтенанта Смирнова о переводе так называемой Дальнинской больницы в казармы 28-го полка и его распоряжение о занятии околотками {366} некоторых частей казарм 10-го полка; назначил бывшего корпусного врача 3-го Сибирского армейского корпуса статского советника Рябина заведующим медицинской частью, а потом и инспектором госпиталей без подчинения его коменданту и отдавал ему непосредственно распоряжения.

5) По части внутреннего распорядка: удалил крепостную жандармскую команду из крепости на Ляотешань; приостановил издание газеты «Новый край»; воспретил корреспонденту названной газеты г. Кожину выезд из крепости и лишил его звания корреспондента; исключил из службы брандмейстера Порт-Артурской команды Вейканена; разрешал самостоятельно выезд из крепости и вывоз из нее продуктов; отдавал приказания непосредственно полицмейстеру и гражданскому комиссару и воспрещал отправку телеграмм без ведома штаба укрепленного района. [648]

6) По части руководства делами обороны: предписал прекратить работы по оборудованию 2-й и 3-й линий обороны; удалил генерал-майора Церпицкого от командования левым флангом

обороны, без сношения с комендантом; назначил генерал-лейтенанта Фока начальником сухопутной обороны крепости и, вопреки распоряжению коменданта же, без ведома и согласия последнего, приказал генералу Фоку очистить форт № 11 и батарею Б, и, наконец, приказал представлять себе на утверждение журналы совета обороны.

Вместе с тем генерал-лейтенант Смирнов свидетельствует, что генерал-лейтенант Стессель не стеснялся формой, в которой отдавал ему, свидетелю, свои распоряжения и отменял его, свидетеля, распоряжения. Так, приказом по крепости от 14 апреля 1904 г. № 317 он, генерал-лейтенант Смирнов, установил обязательство закрывать во всех домах огни в окнах и на балконах, обращенных к морскому фронту, дабы по этим огням неприятельские миноносцы и брандеры не могли ориентироваться. Все население крепости строго соблюдало это требование; огни не закрывались только в доме генерала Стесселя. Когда же через жандармов сделано было домашним генерала Стесселя напоминание о том, генерал Стессель пригрозил начальнику жандармской команды, ротмистру князю Микеладзе, посадить его под арест и продолжал держать огни в своем доме открытыми.

Такое отношение генерала Стесселя к распоряжениям коменданта крепости породило то, что все недовольные им обращались к генералу Стесселю, рассчитывая на его поддержку. Так, подполковник Невядомский, будучи назначен приказом свидетеля от 13 мая 1904 г. № 373 председателем комиссии по освидетельствованию опротестованных нижних чинов и не желая нести этот труд, обратился непосредственно или через других лиц к генералу Стесселю с просьбой отменить распоряжение свидетеля, что и было им сделано.

Вообще генерал-лейтенант Стессель не стеснялся без спроса и ведома свидетеля как коменданта крепости выкомандировывать подчиненных последнему лиц. Так, полицмейстер города Порт-Артур Тауц просил его, свидетеля, снять с него временно обязанности полицмейстера и позволить ему составить партизанский отряд, с которым и отправиться на передовые позиции. В этой просьбе Тауцу было отказано. Тогда недели через две он обратился с той же просьбой непосредственно к генералу Стесселю, [649] который и удовлетворил ее, не уведомив даже об этом его, свидетеля.

Об избрании командира 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника Рейса на должность начальника штаба укрепленного района генерал-лейтенант Стессель также не счел нужным уведомить свидетеля.

Наилучшей, по мнению генерал-лейтенанта Смирнова, иллюстрацией отношений генерал-лейтенанта Стесселя к нему лично и к делу подготовки крепости к обороне вообще служит следующее обстоятельство. Когда сообщение Порт-Артура с Маньчжурской армией было прервано, то большинство жителей поспешило взять из Русско-Китайского банка свои вклады, вследствие чего фактически не представлялось возможным использовать кредит обороны, находившийся тогда в банке в размере 200 тысяч рублей. Между тем в корпусном казначействе 3-го Сибирского армейского корпуса находилось тогда наличными деньгами более 1 200 000 рублей. Наличные деньги нужны были для ежедневной расплаты с рабочими-китайцами, состав которых ежедневно менялся. Вследствие этого свидетель поручил начальнику инженеров крепости полковнику Григоренко отправиться к генералу Стесселю и просить его о ссуде 50 000 рублей из сумм корпусного казначейства. Генерал Стессель полковнику Григоренко в этом отказал. Тогда свидетель лично отправился к генералу Стесселю и изложил ему крайнюю необходимость для крепости в этой сумме. Генерал Стессель вторично отказал без всяких мотивов отказа и лишь прибавил, что деньги эти принадлежат 3-му Сибирскому корпусу и должны при нем остаться. На заявление свидетеля, что он вынужден будет приостановить работы на укреплениях, генерал-лейтенант Стессель ответил, что это не его дело. Только через посредничество генерал-майора Кондратенко удалось свидетелю получить несколько десятков тысяч рублей из корпусного казначейства, а затем явилась возможность черпать понемногу средства из банка. В общем, хотя денежный кризис и миновал, и работы не прекращались, но все-таки приходилось сдерживаться в размере ведения их.

Особого внимания заслуживает отмена генерал-лейтенантом Стесселем работ по укреплению 2-й и 3-й оборонительных линий.

По показанию бывшего начальника штаба крепости Порт-Артур полковника Хвостова комендант крепости генерал-лейтенант [650] Смирнов придавал особо важное значение своевременной подготовке 2-й и 3-й линий обороны. Работы на них начаты были в сентябре, но по недостатку рабочих велись довольно медленно. Однако и при таком успехе их они могли быть закончены к половине декабря. Но генерала Стесселя убедили в том, что комендант напрасно лишь утомляет людей этой работой, почему в ноябре месяце им и было дано предписание генерал-лейтенант Смирнову прекратить работы по устройству 2-й и 3-й линий. Однако некоторое время работы еще продолжались тайком, по ночам, причем он, свидетель, давал рабочих на эти линии на свой страх.

Заведовавший работами по укреплению 2-й оборонительной линии инженер-капитан Родионов показал, что слышал от генерала Смирнова, чаще других посещавшего эту позицию, что она его «детище», что на ней он будет обороняться с моряками, как народом более сильным; при этом генерал Смирнов комбинировал оборону позиции на всякий случай, при наличии и взятии у нас некоторых пунктов главной оборонительной линии. Генерал-лейтенант Стессель был на позиции всего два-три раза.

Наконец, генерал-лейтенант Смирнов показал, что производство работ по обороне он распределил следующим образом: восстановление верков и блиндажей 1-й линии должно было вестись войсками этой линии с помощью войск частного резерва; работы на 2-й линии — войсками частного резерва при помощи войск общего резерва и, наконец, возведение укреплений 3-й линии — войсками общего резерва. Между тем генерал-лейтенант Стессель, помимо его, свидетеля, отдал приказание контр-адмиралу Вирену отправить из морского резерва на Западный фронт 300 моряков для работ на Высокой и Плоской горах. Такое вмешательство генерала Стесселя нарушило весь порядок работ и ослабило как самые работы на 3-й линии, так и временно — силы общего резерва, который предназначался генералом Смирновым для отбития штурмов на Восточном фронте. Впоследствии, при содействии генерал-майора Кондратенко, 200 моряков удалось вернуть с западного фронта на восточный.

В начале ноября свидетель получил от генерал-лейтенанта Стесселя предписание, которым запрещалось производить работы на 2-й и 3-й линиях и вместо того предлагалось посылать людей общего резерва для работ на 1-ю линию. Оборона крепости с переходом на 2-ю, а затем и на 3-ю линию была для генерала Стесселя [651] крайне несимпатична, так как с перенесением обороны на эти линии все здания Старого города подвергались обстрелу и нигде было скрыться от опасности. Хотя он, свидетель, и исполнил предписание генерал-адъютанта Стесселя относительно посылки рабочих на 1-ю линию, но работ на 3-й линии не прерывал, и к началу декабря почти вполне их закончил. Особое внимание он, свидетель, уделял 3-й линии, где были поставлены орудия, принадлежавшие флоту, и где отлично разбитые редуты и глубокие траншеи он имел в виду поручить защите исключительно моряков, назначив начальником обороны 3-й линии контрадмирала Вирена, о чем последний и был предупрежден им еще в сентябре.

Вмешательство генерал-лейтенанта Стесселя в дела гражданского управления, по показанию бывшего гражданского комиссара Квантунской области и председателя городского совета в Порт-Артуре подполковника Вершинина выразилось, между прочим, в следующих фактах: будучи еще комендантом крепости Порт-Артур, генерал-лейтенант Стессель, приказом от 20 февраля 1904 г. № 152, освободил жителей города на время осадного положения от разных городских платежей, а также и от арендной платы за городские фанзы (распоряжением наместника платежи эти были восстановлены); приказом от 29 февраля 1904 года № 190 объявлена повышенная такса на кушанья и напитки в ресторанах города; также изменена такса для извозчиков; приказом от 31 января 1904 г. № 47 предписано домовладельцам впредь до организации ассенизационного обхода рыть ямы для свалки нечистот. Будучи начальником укрепленного Квантунского района, генерал-лейтенант Стессель взял в свое ведение городскую паровую прачечную, учредил в ней свой надзор, вследствие чего пользование ею стало затруднительно, а в октябре приказал здание прачечной взорвать; во время бомбардировок города воспретил закрывать магазины; выселял владельцев и жильцов из частных домов без всякого внимания к их нуждам; приказал свидетелю принять в командование одну из передовых батарей и назначил всех начальников участков области на должности в войсках без предварительного сношения с свидетелем, вследствие чего начальники участков оставили свои должности, не сдав дел и не представив отчетов. Затем свидетель приводит несколько фактов грубого обращения генерал-адъютанта Стесселя как с ним лично, так и с обывателями города Порт-Артур. Заявляя, что такое [652] отношение высшего военного начальника к гражданской администрации не могло не отразиться на отношении войск к гражданскому населению и на отношении самого населения к делу обороны, подполковник Вершинин свидетельствует, что таковое отношение не вызывалось обстоятельствами, ибо городское население, считая себя обеспеченным в своих нуждах, все свои силы, все средства и всю энергию беззаветно предоставляло в течение всей осады общему делу — защите крепости.

Спрошенные по содержанию изложенных фактов при следствии в качестве обвиняемых бывший начальник укрепленного Квантунского района генерал-адъютант Стессель и бывший начальник штаба укрепленного Квантунского района генерал-майор Рейс, не признавая себя виновными в предъявленных к ним обвинениях:

первому — в том, что, оставшись самовольно в Порт-Артуре, он, генерал-адъютант Стессель, в нарушение приказа наместника его императорского величества на Дальнем Востоке от 14 апреля 1904. г. № 339, разъяснявшего права коменданта крепости, позволял себе вмешиваться в распоряжения коменданта по гражданской части в явный ущерб населению, вызывая своим несправедливым к нему отношением и грубостью недовольство, которое не могло способствовать, особенно в среде с образованием, к подъему патриотизма до самопожертвования, а возбуждало, напротив, ропот; в том, что совершенно произвольно, без законного основания, изменял и отменял распоряжения младших начальников и, таким образом, вносил полную неопределенность в отношении административных лиц и

учреждений, что не могло не отразиться вредно на деле обороны;

и второму — в том, что, исполняя приказания начальника укрепленного района, явно нарушавшие существующие узаконения и превышавшие власть его, он, обвиняемый, не докладывал своему начальнику соответствующие статьи законов и положения о крепостях, как того требует смысл узаконений, определяющих обязанности начальников штабов, — объяснили.

Генерал-адъютант Стессель что, будучи в силу приказа наместника оставлен по высочайшему повелению в Порт-Артуре старшим начальником с подчинением ему коменданта, он, обвиняемый, считал, что все предоставленное младшему предоставлено и старшему. Ввиду этого он и отдавал распоряжения непосредственно. Он, обвиняемый, часто говорил генералу Смирнову, [653] что обязанности их сходятся; он даже хотел, чтобы генерал Смирнов был его помощником, но, по совету генерала Кондратенко, от этого отказался. Поступал же как комендант потому, что был таковым по существу. Вмешательство свое, иногда в кажущиеся мелочи, он, обвиняемый, объясняет тем, что в то время мелочи эти были важны, к тому же все к нему обращались, и часто сам генерал Смирнов посылал к нему за разрешением. Что касается ущерба населения и грубости с ним, то он, обвиняемый, признает, что, может быть, кого-нибудь и выругал, и взыскал, но делал это по необходимости, в ущерб же населению никогда не действовал. В частности, обвиняемый объяснил, что распоряжение коменданта о Дальнинской больнице отменил потому, что для нее было отведено лучшее помещение, чем казармы 28-го полка, — Пушкинская школа; в казармы 10-го полка, занятые околотками, перевел 9-й госпиталь только в ноябре, после падения Высокой горы, когда здание госпиталя в Новом городе было все разбито; на 2-й линии обороны работы были приостановлены потому, что необходимо было немедленно укрепить 1-ю линию, так как японцы, атакуя Китайскую стенку, прорвались и были остановлены только 14-м полком; таково было мнение и генерала Кондратенко; жандармскую команду отправил на Ляотешань потому, что признавал присутствие жандармов на фортах бесполезным, а весьма полезным в местности Ляотешаня, у дер. Белинцы, где постоянно прибрежные китайцы выходили в море.

Генерал-майор Рейс — что случаи вторжения генерал-адъютанта Стесселя в сферу прав коменданта действительно были, но они объясняются отсутствием регламентации отношений между начальником укрепленного района и комендантом крепости, и так как приказ наместника от 14 апреля 1904 г. за № 339 был известен генералу Стесселю, то он напоминать о нем считал излишним.

Ограничив, а по некоторым вопросам совершенно отстранив коменданта и приняв на себя обязанности его, генерал-адъютант Стессель оказывал вместе с тем бездействие власти в вопросах существенно важных для обороны относительно увеличения и улучшения средств питания гарнизона, а именно: 1) не использовал своевременно в возможной мере местных средств Кван-тунского полуострова, разрешив производство реквизиции лишь с 15 мая 1904 г., когда северная часть полуострова была уже в [654] руках неприятеля и когда после поражения нашего под Кинч-жоу содействие нам китайцев не могло не уменьшиться; 2) во время осады в недостаточной степени заботился об улучшении питания гарнизона, несмотря на заявление о сем коменданта, а именно: а) не пополнил запаса овощей, несмотря на то что имел к тому возможность; б) не принял мер к правильному производству реквизиции лошадей, предусмотренной мобилизационным расписанием, и к увеличению в крепости числа голов скота, и в) не утверждал представлений коменданта об увеличении выдачи конины в конце осады крепости, когда это увеличение обуславливалось необходимостью поддержать физические силы истомленного гарнизона и бороться против цинги.

По данным предварительного следствия обстоятельства эти представляются в следующем виде:

Крепостной контролер, надворный советник Успенский показал, что ко дню прекращения

сообщения крепости с Маньчжурскою армией в крепостном интендантстве было запасов (для гарнизона 40 тысяч человек): муки и сухарей примерно на 10 месяцев, крупы — на 4 месяца, солонины до 20 тысяч пудов и несколько сот голов скота. Квантунский полуостров далеко не был использован для приобретения у населения всего, что могло послужить довольствию войск, в особенности не были использованы северные участки полуострова, в которых, по заявлению начальника участка капитана Павловского, было много скота. Против покупки у населения полуострова скота возражал комиссар по гражданской части подполковник Вершинин, который ссылаясь на указания, данные ему наместником, говорил, что этим можно разорить население, так как оно будет лишено возможности обрабатывать свои поля. Реквизиция была назначена с 15 мая и по ней было взято мало скота, до 700 голов крупного и до тысячи — мелкого скота; покупкой же его до 15 мая было приобретено более. До обложения крепости можно было бы, по мнению свидетеля, сделать запас овощей, достаточный для продолжительной обороны, но об этом своевременно не позаботились.

Бывший гражданский комиссар Квантунской области подполковник Вершинин показал, что спрос на скот предъявлен был войсками немедленно после начала военных действий, и он быстро выбирался около центров расположения войсковых частей. 6 февраля штаб крепости сделал распоряжение о сгоне до 500 голов скота в распоряжение крепостного интенданта. [655]

Так как приходилось для исполнения этого распоряжения забирать лишь оставшийся к этому времени скот, а не возбуждая крайнего неудовольствия в населении этого сделать было нельзя, то свидетель просил ограничиться в Порт-Артурском участке закупкой только мелкого скота, оставив крупный до окончания полевых работ. Просьба эта была, насколько помнит свидетель, уважена. Вместе с тем он полагает, что заготовка скота войсками в этот период не была бы особенно успешной, так как 24 апреля 1904 г. начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант Фок сделал распоряжение о том, чтобы со всех участков полуострова скот сгонялся на северо-восток от кинчжоуской позиции. В подтверждение этого распоряжения последовал приказ по укрепленному району от 26 апреля 1904 года за № 171.

При обсуждении этого вопроса со старшинами выяснилось, что продажей рабочего скота население будет обездолено, хотя через две недели, когда закончатся посевы, оно охотно пойдет навстречу нуждам русских войск. Докладом от 28 апреля за № 2396 все вышеизложенное свидетелем было представлено на благоусмотрение начальника укрепленного района, который приказом по району от 30 апреля за № 195 разрешал населению продавать лишь такое количество скота, которое оно признает нужным. 2 мая 1904 года последовал приказ по укрепленному району № 201, которым реквизиция скота назначалась с 15 мая, однако последняя имела место только в одном Порт-Артурском участке, так как за два дня до наступления назначенного для реквизиции срока вся остальная часть области была уже в руках неприятеля. Свидетель полагает, что реквизиция в Кинчжоуском участке, будь она произведена 15 мая, все равно не дала бы никаких результатов, так как еще 11 мая начальник Кинчжоуского участка доносил, что все розыски скота скупщиками его от войск и города остаются тщетными и что севернее Нангалина все уже начисто взято, даже мелкий скот. Начальникам участков было приказано при приближения неприятеля скот угонять, запасы продовольствия увозить и уничтожать. Начальник Кинчжоуского участка вполне это выполнил и очистил от скота и запасов всю полосу между нашими войсками и передовыми силами неприятеля. Грузы и скот при хозяевах, снабженных особыми квитанциями, он отправил в дер. Судятын в тылу кинчжоуской позиции, где и производилась приемка, расценка и расплата. [656]

В отношении собственно реквизиции лошадей свидетель показал: 27 января 1904 года приказом наместника его императорского величества на Дальнем Востоке № 40 было указано, что при комплектовании войск лошадьми надлежит руководствоваться мобилизационным расписанием № 2; 29 января командующий войсками сообщил, что из

этого расписания гражданскому управлению надлежит руководствоваться пунктами 26 и 27, но копии или выписки из них ни ранее, ни в этот раз прислано не было. Частной справкой было установлено, что мобилизационное расписание № 2 устанавливает комплектование войск лошадьми не на принципе военно-конской повинности, а путем реквизиции. Не имея этих сведений, гражданское управление не могло сделать предварительных распоряжений и не подготовило население и служащих. Вследствие этого к конскому набору путем реквизиции приступили с опозданием, без предварительной подготовки и без заранее выработанного плана. Доставка лошадей на сдаточные пункты производилась без маршрутов, довольствие их зависело от случайностей; население, не ознакомленное с сущностью этого набора, не только не способствовало ему, а наоборот, потребовались особые меры надзора и административного воздействия; туземная сельская администрация, пользуясь незнакомством населения с этой повинностью, не замедлила сделать из нее источник личных доходов. Первоначально население скрывало лошадей из опасения, что их отберут безвозмездно, но когда убедилось, что за каждую лошадь, независимо от ее качеств, выдается определенная сумма, то стало скрывать хороших лошадей и мулов и старалось сбыть плохих. Бороться с этим явлением можно было лишь при достаточном количестве административных агентов. По мобилизационному расписанию в помощь гражданской администрации надлежало назначить нижних чинов от войск. Но войска эту часть мобилизационного плана выполнили с большими отступлениями, а именно: начальник Бицывоского участка получил троих нижних чинов вместо 16; начальник Годзялинского участка также троих вместо 22, а начальнику Порт-Артурского участка не было дано ни одного, хотя полагалось 18. При таких условиях из реквизиции лошадей китайцы извлекли значительные выгоды в ущерб интересам казны и особенно в ущерб качественному составу поставленных в войска лошадей. Реквизиция лошадей по мобилизационному расписанию должна была окончиться 31 января, [657] а закончилась: в Кинчжоу — 5 февраля, а в Порт-Артуре — 6 февраля.

В Кинчжоу было сдано войскам: лошадей — 138 и мулов — 37, в Порт-Артуре: лошадей — 394 и мулов — 55. Другими данными он, свидетель, не располагает, однако полагает, что число всех взятых по реквизиции лошадей и мулов превышает число их, установленное пунктом 27-м мобилизационного расписания.

Кроме того, в Бицывоском участке 11 мая было приобретено по добровольному соглашению еще 70 лошадей, и в Порт-Артуре реквизировано еще 15 лошадей для артиллерии.

Невзирая на происходивший конский набор, войска продолжали забирать подводы для работ и тем способствовали туземцам уклоняться от него. Были случаи, когда от поставки лошадей в войска освобождал сам генерал-лейтенант Стессель, так, например, это было допущено в отношении пары лошадей купца Верещагина.

Бывший крепостной интендант подполковник Достовалов, подтверждая в общем изложенные выше факты, дополняет их следующими цифрами: в период времени от начала войны до тесного обложения крепости было заготовлено: через посредство подрядчиков выписано из Инкоу и Маньчжурии до 2000 голов скота и из них заготовлено 18 554 пуда солонины; по соглашению с владельцами и реквизиционным путем было приобретено: быков и коров — 2288, козлов и баранов — 2046, свиней — 237; прислано из Ляояна и Кинчжоу мяса — 3859 пудов; всего было выдано войскам 49 532 пуда мяса, считая в этом числе вес конины от убоя 1331 лошади. Мясных консервов было получено 442 442 порции. К 27 января 1904 года было: муки 127 287 пудов, зерна пшеницы 553 850 пудов, крупы и рису 60 644 пуда, сухарей 64 529 пудов; за время осады приобретено покупкой риса и изготовлено на мельнице: крупы пшеничной, овсяной и ячменной — 46 939 пудов. Фуража было заготовлено: овса — 193 937 пудов; ячменя — 159 388 пудов и перевезено из Дальнего — 113 616 пудов бобов. Сено заготавливалось попечением самих войск, бывшее же в Кинчжоу, Дальнем и Талиенване было перевезено в Порт-Артур до 13 мая. Для закупки продуктов с шаланд, заходивших в бухты, по распоряжению генерал-лейтенанта Стесселя было выдано капитану Павловскому 5 тысяч

рублей в середине сентября. От капитана Павловского свидетель получил в конце ноября 420 пудов капусты, 20 пудов луку и 2 пуда чесноку. Более продуктов [658] от него не поступало, так как шаланды окончательно перестали заходить в бухты.

В заседании совета обороны 25 ноября 1904 года инженер-полковником Григоренко возбужден был вопрос об увеличении выдачи войскам конины, которая выдавалась по 1/2 фунта на человека два раза в неделю. Предлагая выдавать по 1/2 фунта на человека ежедневно, а больным в госпиталях по 1/2 фунта ежедневно, полковник Григоренко мотивировал это увеличение быстрым развитием цинги в войсках и даже в госпиталях.

Совет обороны единогласно решил этот вопрос в утвердительном смысле и определил: ввиду увеличивающейся заболеваемости среди нижних чинов и наступивших холодов выдавать на человека ежедневно по 1/2 чарки водки, 1/2 фунта конины и 1/2 фунта сухарей (из полковых запасов), сверх положенной дачи хлеба.

По поводу этого постановления генерал-адъютант Стессель в резолюции своей на журнале совета обороны 25 ноября изложил: «Относительно увеличения довольствия, все возможное будет сделано, но я предлагаю коменданту и начальникам дивизии строго проверить и требовать, чтобы не было получаемо довольствие на большее число людей, особенно это вредно отзывается на мясе — убой лошадей более требуемого изведет конский состав, а на чем же работать, на людях, что ли?».

Неосуществлением на деле со стороны генерал-лейтенанта Стесселя вышеприведенного постановления совета обороны 25 ноября генерал-лейтенант Смирнов объясняет быстрое развитие в войсках цинги.

Спрошенный при следствии в качестве обвиняемого генерал-адъютант Стессель, не признавая себя виновным в бездействии власти относительно увеличения и улучшения средств питания гарнизона, объяснил, что реквизиции приказано было производить задолго до Кинчжоуского боя и часть их была уже выполнена, но гражданский комиссар подполковник Вершинин сделал ему, обвиняемому, представление произвести реквизицию не ранее 15 мая, дабы не обездоливать китайцев и дать им возможность окончить полевые работы, на что он и согласился. Но события шли, и 13 мая была взята кинчжоуская позиция; севернее ее делать реквизиции было уже нельзя, а южнее делались и позже. Лошади принимались комиссией; никаких лошадей купцу Верещагину он, генерал-лейтенант Стессель, не освобождал. Все [659] запасы зелени — капуста, лук, чеснок, картофель — были взяты. Подвоз припасов китайцами морем был то больше, то меньше, но это не было следствием злоупотреблений. Китайцам аккуратно платили. Но иногда под предлогом подвоза припасов они являлись шпионами, для присмотра за ними жандармская команда была переведена в дер. Велинцы. Крепость сдалась не по недостатку хлеба, а вследствие невозможности держаться после взятия Большого Орлиного Гнезда.

Понимая, что дешевая уступка японцам позиции при Кинч-жоу, а равно и отдача им без боя всех остальных позиций вплоть до Зеленых гор, могут произвести неблагоприятное впечатление в армии и повлечь за собою отозвание его из Порт-Артура, генерал-лейтенант Стессель в донесениях своих о бое при Кинчжоу старался убедить командующего армией и наместника его императорского величества, что более упорное сопротивление у Кинчжоу было невозможным, что отступление от Кинчжоу к Нан-галину было произведено в отличном порядке и что отряд генерал-лейтенанта Фока «постепенно» отходит к Волчьим горам. Вместе с тем генерал-лейтенант Стессель, остававшийся во время боя при Кинчжоу в Порт-Артуре, т. е. приблизительно в 60 верстах в тылу, придал всем своим донесениям об этом бое такую редакцию, которая не оставляла сомнения, что он лично и притом с большою энергией руководил действиями войск. Так, в телеграмме командующему Маньчжурской армией о Кинчжоус-ком бое изложено: «Бой шел до 8 часов вечера, затем я приказал отходить с позиции на Нангалин, забрав легкие орудия и пулеметы, а тяжелые, бывшие китайские, приказал уничтожить. Теперь отходим постепенно в Артур». В другой телеграмме

говорится: «Бой длился с 4 часов утра до 8 1/2 часов вечера, когда я отдал приказание оставить позицию, уничтожив и испортив все тяжелые невывозные орудия...»; «...в этом жарком деле мы выпустили все снаряды...»; «...отступили в отличном порядке до Нангалина, а здесь частные лица, уходящие со станции, произвели беспорядок, некоторым показалась японская кавалерия, они начали стрелять, некоторые дробью, начали стрелять и наши тринадцатого и четырнадцатого...»; «...прошу генералам Фоку и Надеину Георгия 3-го класса, остальных представлю». 15 мая генерал-лейтенант Стессель донес командующему Маньчжурской армией: «Отряд генерала Фока постепенно отходит к Волчьим горам...»; «Твердо убежденный, что войска Квантуна покроют [660] себя славой героев, но предел есть во всем, будем драться до последнего». В письме своем генерал-адъютанту Куропаткину от

1 июня 1904 года генерал-адъютант Стессель совершенно не согласно с действительностью писал, что начиная с 26 января он лично не пропустил ни единой бомбардировки и всегда бывает при всех возможных столкновениях, тогда как в местах боя его никогда не видали.

Обстоятельства обороны нашими войсками кинчжоуской цо-зиции, очищения ее и отступления к Волчьим горам изложены уже выше. В частности, характер отступления и обстоятельства возникшей во время отступления паники у Нангалина, по данным предварительного следствия, основанным на показаниях участников-очевидцев Кинчжоуского боя, представляются в следующем виде:

Бывший командир оборонявшего Кинчжоускую позицию 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка генерал-майор Третьяков, излагая обстоятельства, при которых полк его начал очищать позицию, свидетельствует, что это было «общее отступление, но никак не бегство». Двигаясь с остатками полка к Нангалину, свидетель этот услышал вдруг позади себя страшную ружейную пальбу; мимо него промчались какие-то повозки, а за ними какая-то артиллерия; за артиллерией повалили обозы; все несло и что-то кричало; в хвосте колонны слышались крики «кавалерия!», и затрещали винтовки; пронесся мимо поезд, его обстреливали какие-то стрелки, но затем все успокоилось и полк с музыкой вошел на ст. Нангалин. Дальнейшее движение полка к Порт-Артуру затруднено было тем, что дорога была буквально запружена беглецами из г. Дальнего; в дер. Палиджуань, около Артура, полк встретил генерал-лейтенант Стессель и похвалил за молодецкое дело, раненые и оставшиеся в строю (более 50 человек) были награждены им Георгиевскими крестами.

Генерального штаба капитан Романовский показал, что мимо него прошли остатки 5-го полка сравнительно в порядке. Около

11-ти часов у железнодорожного разъезда близ дер. Нангалин началась паника, во время которой телеграфист разъезда, сняв аппарат, убежал, а поезд с ранеными, к которому прицеплен был и вагон штаба дивизии, несмотря на крики «стой, стой!», полным ходом умчался к Нангалину. Как только началась паника, генерал Фок вышел из вагона и приказал играть сигнал «стой!» и «отбой!», [661] около разъезда находился 1-й батальон 13-го полка, который скоро собрался в порядке. В тылу же, где находились 15-й и 14-й полки, стрельба продолжалась еще 10–15 минут. Генерал Фок верхом поехал к Нангалину. Причиной паники, как потом говорили свидетели, было появление нескольких наших конных охотников, которых кто-то принял за японцев и крикнул: «Кавалерия!». Поздно ночью у Нангалина сосредоточились все части и на рассвете продолжали отступление.

Генерал-лейтенант Фок — что паника была следствием боевого возбуждения людей и скоро была остановлена его распоряжением играть сигнал «сбор».

По показанию бывшего командира 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады генерал-майора Ирмана отступление началось засветло, и так как штатом дивизии не был своевременно определен порядок отступления, то произошел беспорядок, и как следствие его паника в обозе и в некоторых ротах, стрелявших в темноте друг в друга. Дивизия ночевала на ст. Нан-галин. Арьергард ее — у дер. Наньгуалин. На рассвете 14 мая

он начал отступать в полном порядке и, дойдя, не преследуемый противником, до ст. Нангалин, занял здесь позицию, дивизия же в порядке потянулась по Средней Артурской дороге. По пути к ней присоединился Дальнинский отряд — 16-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и 4-я батарея вверенной свидетелю бригады под командой полковника Раздольского. Этот отряд занял позицию и, пропустив дивизии с арьергардом, стал отходить в качестве последнего. В горах, у дер. Топингоу, дивизия остановилась для ночлега на 15 мая, 5-й же и 15-й полки и две батареи 7-го Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона последовали прямо в Порт-Артур. От дер. Топингоу, по Средней дороге, через Шининзинский перевал дивизия с ее артиллерией отошла на 11-ю версту от Порт-Артура по железной дороге и расположилась биваком впереди Волчьих гор.

По показанию бывшего командира 1-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майора Надеина части отступать от Кинчжоу в беспорядке и некоторым из них приходилось пробиваться через бывшие в тылу позиции для обороны ее с юга проволочные заграждения. Наконец, бывший начальник артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Никитин показал, что генерал-лейтенант Стессель приказал генералу Фоку отступить со всеми войсками в Порт-Артур [662] и ждал их здесь, нервничая и спрашивая окружающих: «Чего они не идут? Скоро ли они придут?».

Спрошенный при следствии в качестве обвиняемого генерал-лейтенант Стессель, не признавая себя виновным в предъявленном к нему обвинении в неправильных донесениях высшим начальствующим лицам о Кинчжоуском бое, не оставляющих сомнения в прямом и непосредственном участии его как в этом бою, так и в других боях — до 1 июня, когда им отправлено было вышеуказанное письмо генерал-адъютанту Куропаткину, — объяснил:

В телеграммах своих он, обвиняемый, ничего не говорил, что был на позиции, но в некоторых случаях руководил обороной кинчжоуской позиции; так, он, обвиняемый, по телеграфу приказал сотне казаков двинуться для захвата будто бы брошенных японцами орудий, но донесение о сем генерала Надеина оказалось преждевременным. Так как распоряжение это отдал он, обвиняемый, то и написал в телеграмме: «Я приказал казакам...». Доказательством, что войска отступили в отличном порядке, служит то, что 13,14,15 и 16-й полки шли расстояние 25–30 верст до позиции между Нангалином и Волчьими горами от вечера 13-го числа по 17-е включительно, т. е. четыре дня. Тот факт, что 5-й полк потерял почти половину своего состава и более половины офицеров, доказывает, как стойко дрался этот полк, отступивший только тогда, когда не было возможности более держаться без поддержки своей артиллерии; нервности у него, обвиняемого, никакой не было, а только жаль было 5-го полка, которым он когда-то командовал. Кажется, 14 или 15 мая он, обвиняемый, выезжал навстречу этому полку к Кумирнскому редуту. Что войска отходят в порядке и 16 мая будут на Средней Артурской дороге в Талингоу, он имел сведения и говорил, что очень уж медленно Фок отходит. Беспорядок в тылу произошел потому, что несколько служащих на ст. Тафашин и на полустанке Перелетном, ошалевшие, выбежали к отступавшим войскам, стреляли из дробовиков и кричали: «Кавалерия!». Порядок был скоро восстановлен командирами, офицерами и самим Фоком, а поручик 13-го полка Ясевич успел даже захватить на ст. Тафашин депеши и уничтожить самую станцию. Начиная с 27 января, т. е. со дня первой бомбардировки крепости с моря, он, обвиняемый, был во всех делах: так, 27 января он во все время бомбардировки крепости с судов 12-дюймовыми бомбами находился на Электрическом [663] утесе; там же был во время бомбардировок с моря 11 и 26 февраля, 9 или 11 и 31 марта. Это могут подтвердить бывший командир батареи Электрического утеса капитан (ныне подполковник) Жуковский и офицеры соседних батарей Золотой горы и Лагерной. Затем он, обвиняемый, всегда был на передовых позициях, где расположились войска по отступлению от Кинчжоу; так, он был на позициях генерала Никитина, охотников 13-го полка (поручиков Афанасьева и Филиппова), полковника Савицкого, подполковника Русакова, генерала Надеина. Он, обвиняемый, не был только в стычке севернее Кинчжоу в первых числах мая и в бою на кинчжоуской позиции 12 и 13 мая. В этот последний день он,

обвиняемый, не мог быть у Кинчжоу потому, что назначенный для него паровоз взят был Генерального штаба подполковником Иолшиным, другого же совсем не было. После этого боя до 10 июня боев не было, а были только стычки и поиски охотничьих команд, в которых ему также быть не случалось, кроме поисков охотников 13-го полка поручика (ныне штабс-капитана) Афанасьева у горы Юпилаза.

Стремясь еще более уверить своих начальников, что в бою под Кинчжоу было сделано все возможное для упорного удержания этой позиции, генерал-лейтенант Стессель в тех же донесениях ходатайствовал о награждении орденом Св. Георгия III степени генерал-лейтенанта Фока, который проявил в означенном бою полную нераспорядительность и растерянность, и генерал-майора Надеина, который не имел возможности оказать в этом бою выдающегося подвига, так как бой велся, главным образом, командиром 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковником (ныне генерал-майором) Третьяковым.

Предварительным следствием обнаружено и в других случаях неправильное, а иногда даже ложное представление генерал-лейтенантом Стесселем подведомственных ему чинов к наградам. Так, например, начальник штаба укрепленного района полковник (ныне генерал-майор) Рейс получил четыре боевых награды, и в том числе орден Св. Георгия IV степени.

Спрошенные при следствии по сему поводу в качестве свидетелей показали:

Генерал-майор Рейс, — что представления к ордену Св. Георгия, ввиду затруднительности представлять наградные листы, делались телеграммами, в которых описания подвигов не было; телеграммы эти составлялись лично генералом Стесселем, и чем [664] именно он руководствовался при каждом данном представлении ему, свидетелю, неизвестно. Он, свидетель, был в боях 20 и 21 июня и 13–17 июля, и участие его выражалось в объезде с генералом Стесселем позиции, в передаче его распоряжений и в докладе ему полученных сведений о ходе боя. К ордену Св. Георгия IV степени он, свидетель, был представлен генералом Стесселем за участие в боях по отбитию августовских штурмов включительно; особых подвигов, дающих право на получение такой высокой награды, он не совершал и не считает себя заслужившим ее.

Генерал-лейтенант Надеин — что орден Св. Георгия III степени получил за отступление с передовых позиций 12 июня и с Волчьих гор 15 июля, где взял обратно у японцев захваченную ими батарею штабс-капитана Швиндта и удержал натиск противника на наш левый фланг с самыми незначительными потерями.

Бывший комендант крепости Порт-Артур генерал-лейтенант Смирнов, — что генерал-лейтенант Фок во время действий в пределах района не совершил никакого подвига, который подлежал бы награждению орденом Св. Георгия III степени; что полковник (ныне генерал-майор) Рейс ни в каком деле не был и что генерал Надеин Георгиевский крест заслужил, будучи бесспорно храбрым, хотя в пределах крепости подвигов и не совершил; никакого подвига, заслуживающего награждения орденом Св. Георгия IV степени, по мнению свидетеля, не совершили также награжденные им бывший командир 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник (ныне генерал-майор) Грязнов, командир 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска есаул Канцевич, капитан (ныне подполковник) 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Музеус и личный адъютант генерала Стесселя, поручик князь Гантимуров.

Генерал-майоры Горбатовский и Ирман и полковник Хвостов отозвались неведением, за что награждены орденами Св. Георгия генералы Фок и Надеин и полковник Рейс. По мнению свидетеля, генерала Горбатовского, пристрастие и несправедливость при награждении орденом Св. Георгия были. То же полагает свидетель, генерал-майор Ирман.

Бывший командир Порт-Артура контр-адмирал Григорович и бывший помощник коменданта по морской части и заведовавший [665] морской и минной обороной крепости контр-адмирал Лощинский свидетельствует о пристрастии генерал-адъютанта Стесселя в наградах к чинам

армии в ущерб чинам флота.

Командовавший в Порт-Артуре отдельным отрядом броненосцев и крейсеров контр-адмирал Вирен показал, что обостренные отношения между высшими начальниками военно-сухопутного и морского ведомства отражались в том, что многие морские офицеры и нижние чины не получали вполне заслуженных наград; со стороны генерал-лейтенанта Стесселя, по мнению свидетеля, в этом деле было мало справедливости, «был хаос». Особенно много было обиженных среди матросов.

Из приложенных к следственному производству донесений генерал-адъютанта Стесселя видно, что о награждения генералов Фока и Надеина и полковника (ныне генерал-майор) Рейса сделаны им были следующие представления:

Его императорскому величеству:

15 июля 1904 г. о генерале Фоке: «...Священной обязанностью почитаю свидетельствовать об особых отличиях генералов Фока и Кондратенко...», 10 августа 1904 года о генерале Фоке и полковнике Рейсе: «...И среди достойных есть достойнейшие...», 13 августа о генерале Фоке: «...Генералы Кондратенко и Фок заслуживают всякой награды...».

Наместнику его императорского величества на Дальнем Востоке: в донесении о Кинчжоуском бое о генералах Фоке и Надеине: «...Прошу Георгия III степени...», 22 июня о генерале Фоке: «...Долгом считаю ходатайствовать об особом награждения моих ближайших помощников, генералов Фока и Кондратенко...», 13 июля о генерале Фоке: «...Священной обязанностью почитаю свидетельствовать об особых отличиях генерала Фока...», 2 августа — о полковнике Рейсе: просится об утверждении его в должности начальника штаба корпуса с производством в генералы; 17 августа о генерале Фоке: «...Особенно прошу о награждении Кондратенко и Фока...»; 10 октября о генерале Надеине, который назван в числе «особенно отличившихся своею деятельностью».

Командующему Маньчжурской армией: 13 мая, 22 июня, 13 июля и 18 августа о генерале Фоке и 10 октября 1904 года о генерале Надеине, все в тех же выражениях, как и наместнику.

Из имеющегося в деле и составленного в Главном штабе списка лиц бывшего Порт-Артурского гарнизона, награжденных орденом [666] Св. Георгия и золотым оружием с надписью «За храбрость», видно, что генерал Фок и полковник (ныне генерал-майор) Рейс награждены: первый орденом Св. Георгия III степени, а второй — орденом Св. Георгия IV степени — «За мужество и храбрость, оказанные в делах против японцев в период бомбардировок и блокады Порт-Артура»; что генерал-лейтенант Фок награжден золотым оружием с надписью «за храбрость» с бриллиантовыми украшениями — «за мужество и храбрость, оказанные при отбитии штурмов Порт-Артура в августе, сентябре и октябре месяцах 1904 года», и генерал-майор (ныне генерал-лейтенант) Надеин орденом Св. Георгия III степени — «за отличия в делах против японцев при отбитии штурмов Порт-Артура в октябре месяце и с 7-го по 19-е ноября 1904 года», все трое, во всех случаях по непосредственному его императорского величества соизволению, согласно ходатайства генерал-адъютанта Стесселя (Высочайшие приказы 24 октября 1904 года и 27 января 1905 года). Спрошенный при следствии в качестве обвиняемого генерал-адъютант Стессель, не признавая себя виновным в неправильном и даже ложном представлении подведомственных ему чинов к наградам, объяснил, что генералов Фока и Надеина представил к ордену Св. Георгия III степени за то, что они распоряжались боем на Циньжоуской позиции, который хотя и был для нас неудачен, но остановил немедленное движение трех японских дивизий вперед; полковник Рейс представлен был им, обвиняемым, к ордену Св. Георгия IV степени за рекогносцировку путей, которыми японцы могли продвинуться к Зеленым горам, и за то, что очень часто бывал на передовых позициях. Поручик князь Гантимуров был представлен к ордену Св. Георгия IV степени не им, обвиняемым, а собранною под его председательством Кавалерскою думою ордена, за то, что был два раза посылаем охотником в армию, а 20 июня

на Зеленых горах оказал подвиг мужества, выведя под огнем пулеметы и установив их удачно на позицию, причем был тяжело ранен.

V. Сдача

Вслед за падением Высокой горы, кровопролитная оборона которой сильно ослабила гарнизон Порт-Артура, и гибелью эск-щ-ры, расстрелянной японцами с этой горы, по инициативе [667] генерал-адъютанта Стесселя был собран 26 ноября 1904 года Совет обороны.

На обсуждение совета полковником Рейсом от имени начальника укрепленного района предложен был вопрос о пределе, до которого следует оборонять крепость, чтобы предотвратить резню внутри города и бесполезное кровопролитие войск и жителей. Однако обсуждение этого вопроса советом было единодушно отвергнуто.

2 декабря 1904 года, вечером, на форту II разорвавшейся в каземате форта 11-дюймовой бомбой был убит начальник сухопутной обороны генерал-майор Кондратенко; на место его генерал-адъютант Стессель назначил генерал-лейтенанта Фока.

5 декабря, вечером, после сильной бомбардировки японцами форта II и взрыва его бруствера из неприятельской минной галереи по приказанию нового начальника сухопутной обороны и с согласия генерал-адъютанта Стесселя, форт II был очищен нашими войсками.

В ночь на 16 декабря, после продолжительной бомбардировки неприятелем форта III и взрыва им двух усиленных горнов под бруствером его, форт был также нами очищен, причем была очищена и прилегающая к нему часть Китайской стенки. Отступив с форта III, мы заняли позиции на расположенном позади форта Скалистом гребне.

16 декабря под председательством генерал-адъютанта Стесселя состоялся военный совет, после которого им отправлена была государю императору телеграмма с донесением, что крепость продержится еще лишь несколько дней.

17 декабря по приказанию генерал-адъютанта Стесселя были приготовлены к отправке в Чифу на миноносце полковые знамена, судовые флаги и серебряные сигнальные рожки.

18 декабря после усиленной бомбардировки и взрыва горна под бруствером пало укрепление № 3. Вечером наши части отошли от Китайской стенки и заняли позиции на высотах, расположенных позади линии фортов, от Большого Орлиного Гнезда до Курганной батареи включительно.

19 декабря после ряда атак японцы заняли к вечеру Большое Орлиное Гнездо. Почти одновременно с этим генерал-адъютант Стессель послал командующему японским осадным корпусом генералу Ноги письмо с предложением вступить в переговоры о сдаче крепости. Вечером в этот же день по приказанию начальника [668] сухопутной обороны генерал-лейтенанта Фока, были очищены нами без боя Малое Орлиное Гнездо, Куропаткинский люнет и батарея лит. Б. В ночь на 20 декабря по предложению начальника укрепленного района наши суда были окончательно взорваны и затоплены.

События эти, по данным предварительного следствия, представляются в следующем виде:

Совет обороны 25 ноября

Заседание совета обороны было собрано по предложению начальника Квантунского укрепления района для обсуждения некоторых вопросов относительно дальнейшей обороны крепости в зависимости от изменившейся обстановки, вследствие очищения нами в ночь с 22 на 23 ноября передовых опорных пунктов: гор Высокой, Плоской, Дивизионной и Панлуншаня и перехода войск на оборону полигона крепости. Вследствие этого комендантом крепости предложены были совету для обсуждения вопросы: 1) о способе обороны

оставшихся еще за нами передовых пунктов, главным образом — Ляотешаня и позиции на Голубиной бухте, и 2) о необходимости образования общего резерва, полностью израсходованного в дни штурма на Высокую гору, но крайне необходимого, как единственного средства парировать случайности. В конце заседания исполняющим должность начальника штаба укрепленного района полковником Рейсом по поручению начальника укрепленного района предложен был на обсуждение совета вопрос о пределе, до которого следует оборонять крепость, т. е. когда надлежит сдать крепость, чтобы предотвратить резню внутри города и бесполезное истребление войск и жителей.

По этому поводу комендант крепости высказал мнение, что в случае истощения снарядов у нас останутся патроны, а после истощения запасов патронов остаются штыки... Единственно, что может служить в данное время мерилom продолжительности обороны крепости, это запасы продовольствия, с истреблением которых становится невозможной дальнейшая борьба. По данным же крепостного интендантства, запасов продовольствия может хватить до 1 января 1905 года, каковой срок и следует считать предельным сроком обороны, если не произойдет каких-либо чрезвычайных событий, существенно изменяющих положение осажденной крепости. [669]

Большинство членов совета согласилось с мнением коменданта крепости и нашло, что обсуждение вопроса о времени сдачи крепости преждевременно.

Подлинный журнал заседания совета обороны подписан всеми участвовавшими в этом заседании — генералами Смирновым, Фоком, Кондратенко, Никитиным, Белым и Горбатовским, полковником Григоренко и подполковником Хвостовым, за исключением полковника Рейса. Последний, ввиду неточного изложения в последнем пункте как сущности внесенного им на обсуждение по поручению начальника укрепленного района вопроса, так и высказанных по этому поводу мнений, подписать журнал признал невозможным и приложил особую записку-мнение. В этой записке полковник (ныне генерал-майор) Рейс излагал, что в конце заседания по поручению начальника укрепленного района им был предложен на обсуждение вопрос о возможном пределе обороны, т. е. об определении, с потерей каких частей крепости дальнейшее сопротивление должно считаться безнадежным в смысле возможности отстоять крепость, что вопрос этот по существу в заседании совершенно не обсуждался, так как некоторыми из членов совета было высказано мнение, что всякое обсуждение вопроса о сдаче крепости может вредно отозваться на духе защитников, что условия, в которых находится Артур и которые имели место в Севастополе, совершенно различны и не дают основания определять продолжительность обороны Артура продолжительностью сопротивления Севастополя, как это делает комендант крепости, что опасность заключается не в потере передовых пунктов, а в том, что защита их стоила нам очень дорого, и в настоящее время численность гарнизона (11–12 тысяч) не соответствует протяжению фронта, и, наконец, что запасы продовольствия имеют решающее влияние только при блокаде крепости, при активных же действиях значение припасов второстепенное, так как сами по себе они орудием обороны служить не могут. Рассмотрев журнал совета обороны от 25 ноября, генерал-адъютант Стессель в резолюции своей по этому вопросу, изложил между прочим, что совершенно неверно вписано то, что он приказал внести на обсуждение, что он приказал указать на то, что на восточном фронте, на полигоне крепости, мы и японцы находимся в 20–27 шагах друг от друга, т. е. обе стороны занимают полигон, что на западном фронте, при неимении резерва, растянутости и неимении даже ограды, при сильном натиске противника большими силами может быть прорыв в Новый город, [670] что все это он приказал иметь в виду, дабы не было это неожиданностью, и в заключение предписывал так же твердо оборонять крепость, как и обороняли на линии своих фортов и батарей, о сроке никак не думать, вопрос же о том, следует ли бой перенести на улицы города, будет решен им, генерал-адъютантом Стесселем.

Спрошенные в качестве свидетелей бывшие участники заседания совета обороны 25 ноября 1904 года, подтверждая изложенное в журнале совета, показали:

Генерал-лейтенант Смирнов, — что полковник Рейс по приказанию начальника укрепленного района просил совет обсудить и решить, когда должна быть закончена оборона крепости, ввиду недостатка боевых припасов, скудости продовольствия, утомления и болезненности людей и опасения резни на улицах в случае затяжки обороны, и что со временем свидетелю стало известно, что генерал Стессель и полковник Рейс, накануне или в день совета, заходили к некоторым его членам и старались настроить их в смысле необходимости сдачи.

Инженер-полковник Григоренко, — что вопрос полковника Рейса, в котором он выразил желание начальника укрепленного района знать мнение совета о пределе сопротивления крепости, его удивил; что, как припоминает свидетель, генерал Фок после некоторого общего молчания сказал: «Позвольте, это еще рано», а председатель совета, генерал Смирнов, вынув из ящика стола интендантскую ведомость о количестве продовольствия, сказал: «Вот предел сопротивления» — и прочел, на сколько дней было каждого вида продовольствия.

Генерального штаба полковник Хвостов, — что предложенный полковником Рейсом по поручению генерала Стесселя вопрос о «пределах обороны» был понят всеми как вопрос о времени сдачи крепости, и обсуждение его было единогласно признано несвоевременным, не вызванным обстановкой и способным деморализовать войска, если до них дойдет об этом слух; особенно вспылал генерал Кондратенко и очень энергично возражал полковнику Рейсу.

Генерал-адъютант Стессель, — что совет обороны 25 ноября был собран для решения вопроса о пределе обороны на местности, т. е. где установить войска и линию, на которой следует держаться; совет или тот, кто потом вписал все в журнал, не понял слова «предел»; полковник Рейс ничем не проявил отсутствия мужества в своих суждениях. [671]

Назначение генерал-лейтенанта Фока начальником сухопутной обороны

По показанию генерал-лейтенанта Смирнова, он спустя два часа после смерти генерала Кондратенко вместе с начальником своего штаба подполковником Хвостовым отправился к генералу Стесселю, дабы доложить ему, что он, свидетель, берет на себя руководство сухопутной обороной крепости на восточном ее фронте, на западном же, где неприятель находился еще в расстоянии одной версты от линии фортов, он готов предоставить руководство обороной генералу Фоку, находившемуся не у дел и тяготившемуся этим положением. Было около 11 часов 30 минут вечера, когда свидетель прибыл к генералу Стесселю, но последний уже спал. Тогда свидетель отправился в штаб района к полковнику Рейсу и, изложив ему свои предположения, просил его на другой день доложить обо всем пораньше генералу Стесселю. Однако, когда свидетель на другой день, 3 декабря, утром, вновь отправился с подполковником Хвостовым к генералу Стесселю, то последний заявил, что он уже отдал приказ о назначении генерала Фока начальником сухопутной обороны и что своих приказов он никогда не отменяет.

Полковник Хвостов, подтверждая изложенное выше, показал, что назначение генерала Смирнова начальником сухопутной обороны не входило в расчеты генерала Стесселя, который стремился «упразднить» коменданта. Генерал Фок был креатурой генерала Стесселя, который верил в военный талант Фока, и они взаимно друг друга хвалили.

Генерал-майор Рейс, отрицая факт известности ему, что генерал Смирнов просил генерала Стесселя о назначении его начальником сухопутной обороны, показал, что генерал Фок был назначен на это место как старший из пехотных начальников.

Генерал-майоры Третьяков и Мехмандаров, контр-адмиралы Григорович и Лощинский и подполковник Вершинин свидетельствуют, что назначение генерал-лейтенанта Фока начальником сухопутной обороны было принято большинством как дурное предзнаменование, с затаенным опасением за благополучный исход обороны крепости. После боев на кинчжоуской позиции, на Зеленых и Волчьих горах, генерал этот не пользовался доверием как военачальник. [672]

Очищение форта II

Около 11 часов вечера 5 декабря 1904 г. форт II по приказанию начальника сухопутной обороны крепости Порт-Артур генерал-лейтенанта Фока был оставлен занимавшим его гарнизоном и взорван.

Обстоятельства, сопровождавшие очищение форта II, а равно и предшествовавшие ему, по данным предварительного следствия, представляются в следующем виде: со времени тесной осады крепости и после гибели части нашей эскадры, расстрелянной с Высокой горы, все штурмы японцев на восточном фронте убеждали в том, что их усилия главным образом направлены были к тому, чтобы завладеть фортами II и III, укреплением № 3 и Китайской стенкой; эти усилия, по словам бывшего командира 7-го Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, генерал-майора Мехмандарова, привели к тому, что к концу октября 1904 года японцы не только прочно утвердились на гласисах фортов II и III, но фактически владели напольными рвами и вели минную войну. Вследствие такой близости неприятеля линия огня на этих фортах постоянно забрасывалась ручными бомбами и минами, день и ночь обстреливалась ружейным огнем — с гласисов и артиллерийским — со средних и дальних дистанций: все это делало положение стрелков на линии огня донельзя тяжелым, и стрелки находили укрытие за ретраншаментом, оставляя на линии огня одних часовых; вот почему с конца октября эти форты лишены были самообороны, а оборона их лежала на обязанности артиллерии; так, оборона форта II возложена была на батареи Малого Орлиного Гнезда, лит. Б, Заредут-ную и Волчью Мортирную, а также на скорострельные пушки, стоявшие между Малым Орлиным Гнездом и лит. Б. Положение этого форта становилось с каждым днем все более критическим, материального значения он для нас уже не имел и отстаивание его при генерале Кондратенко вытекало из чисто морального принципа. С утра 5 декабря японцы стали сильно бомбардировать форт II, а около 11 часов утра произвели на бруствере его три взрыва, после чего приступили к обстреливанию форта и прилегающей местности перекрестным артиллерийским и ружейным огнем; незначительный гарнизон форта не в состоянии был долее его удерживать за собой, вследствие чего, по приказанию генерала [673] Фока, около 11 часов вечера указанного 5 декабря форт II был нашими войсками очищен и взорван.

Спрошенный при следствии в качестве свидетеля по обстоятельствам очищения форта II, генерал-лейтенант Стессель удостоверил, что форт этот был нами очищен и взорван по его приказанию, которое было передано им генералу Фоку после того, как ему, генералу Стесселю, стало известно о безнадежном положении форта. Приказание отдано было лично генералу Фоку, а не коменданту потому, что генерал Фок был ближе к позиции, и так как он, генерал Стессель, не придавал особого значения порядку подчиненности, к тому же полагал, что о предполагаемом очищении и взрыве форта коменданту будет доложено если не генералом Фоком, то начальником обороны фронта генералом Горбатовским, который был соединен с комендантом телефоном. К изложенному генерал Стессель добавил, что генерал Фок как начальник сухопутной обороны подчинен был коменданту, хотя письменного приказа о том не было.

Генерал-лейтенант Смирнов показал, что 5 декабря, в 11 часов утра, неприятель произвел на бруствере форта II три взрыва. От взрыва в правом углу разворочен был несколько бруствер, но воронка не образовалась; от среднего взрыва на бруствере образовалась лишь небольшая воронка, крайний же левый взрыв был неудачен, так как им выбита была назад, в ров, забивка, не повредив бруствера. Наши батареи с Малого Орлиного Гнезда и Заредутная открыли по воронке огонь, и последняя не была увенчана японцами до захода солнца. Но и гарнизон форта за это время также не решился ее занять. Перед заходом солнца японцы начали в воронке укладывать мешки. В 11 часов вечера он, свидетель, узнал, что форт II уже нами очищен и казематы его взорваны. Это было сделано назначенным перед тем комендантом форта штабс-капитаном Кватцем по распоряжению начальника участка

подполковника Глаголева, который действовал на основании приказа генерала Фока, не выждав даже прибытия на место и окончательного решения по сему делу начальника фронта, генерал-майора Горбатовского. Все орудия и даже пулеметы были оставлены на форту. Когда на следующее утро, 6 декабря, генерал Фок явился к свидетелю, то на вопрос последнего, кто ему разрешил сдать форт II, генерал Фок ответил, что получил на это приказание генерал-лейтенанта Стесселя. Когда же он, свидетель, заметил генералу Фоку, что пока еще царским велением комендант [674] крепости он, генерал-лейтенант Смирнов, а он, генерал-лейтенант Фок, ему подчинен и без доклада ему ничего не должен был делать, то генерал-лейтенант Фок привел в свое оправдание, что накануне вечером он искал его, генерал-лейтенанта Смирнова, на Дачных местах, полагая, что он туда выбрался из своей квартиры по причине ее обстрела 11-дюймовыми бомбами, но не нашел. Свидетель полагает, что этот разговор был передан генералом Фоком генералу Стесселю, который, чтобы придать всему делу другой оборот, отдал 14 декабря приказ № 961, в котором изобразил очищение форта II как подвиг. Между тем отдача этого форта имела для гарнизона крепости громадное моральное значение, так как расшатала в корне тот принцип, что форт умирает, а не сдается, каковой принцип с таким постоянством до тех пор был внушаем им, свидетелем, и другими начальствующими лицами. Защитники фортов на примере форта II увидели, что форт не есть святыня, которой неприятель может завладеть только после смерти всех его защитников, а то же самое, что и обыкновенное укрепление или траншея, которые свободно уступались неприятелю, когда на них становилось трудно держаться. Спустя 10 дней это и подтвердил своей сдачей форт III.

После сдачи форта II стали циркулировать слухи, что снарядов нет и не стоит больше держаться.

Бывший начальник штаба крепости генерального штаба полковник Хвостов показал, что генерал-лейтенант Фок приказал очистить и взорвать форт II без ведома коменданта крепости. Когда генерал-лейтенант Смирнов узнал об этом, то он вызвал к себе генерала Фока и в очень резкой форме сделал ему замечание. Оправдываясь, генерал-лейтенант Фок ссылаясь на генерала Стесселя, который будто бы отдал ему подобное приказание. В действительности же генерал Стессель только утвердил распоряжение генерала Фока, отданное им ранее совершенно самостоятельно. По показанию этого свидетеля, дело было так: вскоре после взрыва неприятельского горна под бруствером форта II генерал-лейтенант Фок поехал к форту и с одной из ближайших вершин наблюдал за происходившим на нем; форт сильно обстреливался и снарядами, и минами, но японцы на штурм не лезли. Только отдельные храбрецы были видны на бруствере около воронки. Генерал Фок послал солдата или матроса (точно свидетель не помнит) на форт узнать, что там делается. Вернувшись, посланный доложил генералу Фоку, что японцы сильно стреляют по [675] форту и что наши не могут держаться. Тогда генерал-лейтенант Фок вторично посылает его на форт и передает на словах приказание: держаться, пока заложат мины для взрыва форта и вынесут раненых и имущество, а затем отступить и взорвать форт. После этого генерал Фок поехал с докладом к генералу Стесселю, который и утвердил распоряжения генерала Фока. Тогда по телефону генерал Фок передал генералу Горбатовскому о своем распоряжении. Так как последний стал доказывать генералу Фоку, что форт можно еще держать и что оставление его дурно повлияет на дух гарнизонов других фортов, то генерал Фок предоставил генералу Горбатовскому, если он найдет возможным, удержать форт II и не очищать его. Генерал Горбатовский сейчас же поскакал к форту II, но застал уже беспорядочное отступление с форта; орудия и много имущества было брошено на форту, взрывы были сделаны спешно и очень мало повредили форт. После сдачи форта II генерал-лейтенант Фок доказывал всем, что это очищение поднимет дух защитников других фортов, ибо они будут знать, что в тяжелую минуту начальство их не забудет и выведет из форта. Между тем генерал Кондратенко все время внушал войскам мысль, что гарнизон гибнет вместе с фортом, но никогда не оставляет его.

Бывший начальник обороны восточного фронта генерал-майор Горбатовский также удостоверил что, получив по телефону сообщение генерала Фока о необходимости очистить

и взорвать форт II, он выговорил согласие очистить форт только ночью, надеясь, что можно еще будет захватить передний фас; вскоре он получил известие, что японцы с гласиса обстреливают ретраншамент особыми воздушными минами и уже почти весь его разрушили, что убыль в людях громадная; тогда он, свидетель, с капитаном Генерального штаба Степановым составил записку с последовательным изложением в ней действий при очищении форта, после чего отправился к форту, но по дороге встретил коменданта форта, штабс-капитана Кватца, который доложил ему, что форт уже очищен и взорван. С падением форта II определился упадок энергии и веры в спасение Артура. К работам по подготовке этого форта к взрыву приступили в последних числах ноября.

На другой день, 6 декабря, свидетель с Китайской стенки или с Малого Орлиного Гнезда рассматривал форт II и не заметил в нем существенных наружных повреждений от взрыва. Видно [676] было только, что казарма несколько перекосилась, горжа же осталась сравнительно исправной. В этот же день японцы повели крытый ход через форт к горже.

Мичман Витгефт 2-й удостоверил следующее: 5 декабря, около полудня, японцы начали энергичную подготовку штурма, осыпая форт II, Куропаткинский люнет и ходы сообщения к ним массой снарядов. С люнета он, свидетель, со своей ротой в 30 человек, был двинут для поддержки гарнизона форта II. Пришлось двигаться открыто, мост на форт держался на одной балке, на самом форту были страшные разрушения: бруствер был уничтожен совершенно, гарнизон отражал атаки японцев из-за ретраншаментов; около 3 часов дня японцы открыли по форту огонь метательными минами, которые страшно разрушали форт и выводили из строя массу людей. Часа через полтора он, свидетель, получил приказание выбить японцев с бруствера; взяв с собой всех своих людей, человек 30, он повел атаку, но попавшей миной атакующие были уничтожены, осталось 3 человека, с которыми он отступил; с наступлением темноты он, свидетель, повторил атаку, будучи подкреплён 10-й ротой 25-го полка, в составе около 30 человек, но и эту атаку постигла та же участь. К 9 часам вечера ретраншамент был превращен в кучу земли, все орудия, за исключением одного 75-мм китайского и одного пулемета, были разбиты; убитых и раненых на форту было около 300 человек, в живых не более 30–40 человек. Комендант форта послал за подкреплением, но ему ответили, что резервов нет; на вторичное донесение о трудном положении форта было получено приказание вынести раненых, пулеметы и замки от орудий, заложить фугасы и отступить, после чего взорвать форт. За неимением людей все выполнялось медленно. Около 10 часов 30 минут вечера на форт прибыл прапорщик Семенов и привел 60 человек матросов; менее чем в полчаса резерв этот был уничтожен, а вскоре прибыл штабс-капитан минной роты Адо и приготовил все к взрыву. Когда были вынесены раненые, а также пулемет, замки от орудий, снаряды, патроны и провизия, подожгли бикфордовы шнуры; гарнизон всего в числе 18 человек был выведен им, свидетелем, по приказанию коменданта форта; фугасы начали взрываться, когда гарнизон отошел шагов на 150; он, свидетель, лично видел несколько взрывов. К изложенному мичман Витгефт добавил, что за 2–5 декабря потери наши на форту II определяются в 570 человек, причем на 5-е число приходится [677] около 400 человек. Наконец, по показаниям генерал-майора Мехман-дарова и штабс-капитана 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Акимова удерживать форт II было трудно, но возможно еще в течение нескольких дней, падение же его произвело на войска тяжелое впечатление; они поняли, что вслед за фортом падет и вся крепость.

Военный совет 16 декабря

В ночь с 15 на 16 декабря пал форт III. Вечером 16 декабря под председательством генерал-адъютанта Стесселя состоялся военный совет, на котором присутствовали: комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, начальник 4-й Восточно-Сибирской дивизии генерал-лейтенант Фок, начальник артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Никитин, командующий 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией генерал-майор Надеин, командир Квантунской крепостной артиллерии генерал-майор Белый,

командир 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Горбатовский, командующий отрядом броненосцев и крейсеров контр-адмирал Вирен, начальник береговой обороны контр-адмирал Лошинский, начальник штаба 3-го Сибирского армейского корпуса полковник Рейс, командир 4-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады полковник Ирман, начальник инженеров крепости полковник Григоренко, командир 7-го Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Мехмандаров, начальник штаба крепости подполковник Хвостов, командиры полков: 13-го — подполковник Гандурин, 14-го — полковник Савицкий, 15-го — полковник Грязнов, 25-го — подполковник Поклад, 26-го — полковник Семенов, 27-го — полковник Петруша, начальник штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии подполковник Дмитриевский и исполняющий должность начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии капитан Головань.

Открывая заседание совета, генерал-адъютант Стессель обратился к присутствующим с предложением высказать свое мнение о возможности и способах дальнейшей обороны крепости в зависимости от изменившейся с падением форта III обстановки и действительного состояния крепости. По этому поводу высказали следующее: капитан Головань: «...Держаться еще можно»; [678] подполковник Дмитриевский: «Пехоты на позиции остается не более 12 тысяч... санитарное состояние гарнизона весьма плохое... японцы ведут правильную осаду, бороться с которой можно только при помощи артиллерии больших калибров, а снарядов таких калибров у нас мало... орудия изнашивались... крепость долго держалась, но теперь она по частям отмирает. Обороняться можно еще, но сколько времени, неизвестно, а зависит от японцев... Средств для отбития штурмов у нас почти нет»; подполковник Доклад: «...Нравственный дух расшатан даже среди гарнизона, но держаться необходимо на 1-й позиции, так как на 2-й линии держаться невозможно, так как на ней нет ни окопов, ни мест для жилья, а на устройство их нет людей»; подполковник Хвостов: «Согласен с картиной положения крепости, нарисованной подполковником Дмитриевским, держаться же нужно до последней крайности...»; подполковник Гандурин: «Согласен с высказанным подполковниками Дмитриевским и Хвостовым. У нас сил не хватает для занятия линии обороны... Все люди готовы умереть, но едва ли это принесет пользу. Это может только ожесточить врага и вызвать резню»; полковник Григоренко: «К активным действиям мы уже неспособны... следует обороняться, постепенно отходя сначала на 2-ю, а затем на 3-ю линию»; полковник Петруша: «Положение тяжело, но только относительно... Безусловно отказываться от дальнейшей обороны еще несвоевременно»; полковник Савицкий: «...Цинга может заставить нас прекратить оборону»; полковник Мехмандаров: «Средств состязаться с артиллерией противника у нас нет, орудий большего калибра тоже почти нет, но обороняться возможно... Мы еще можем защищаться противоштурмовыми орудиями»; полковник Грязнов: «Настроение людей хорошее, но состав слабый. Никому не известно, сколько крепости придется держаться... Солдат сумеет умереть, если будет какая-нибудь надежда на выручку»; полковник Семенов: «Следует продолжать оборону. Мы растянуты, но сократить линию обороны не можем. Безусловно продолжать оборону, стараясь вернуть в строй цинготных»; полковник Ирман: «Мы имеем 10 тысяч штыков и, следовательно, нужно обороняться...»; полковник Рейс: «Основное назначение крепости Порт-Артура — служить убежищем и базой для Тихоокеанского флота. Роль эту, насколько зависело от гарнизона, Артур выполнял, пока существовал флот; теперь по разным причинам флота более нет, и, следовательно, значение Артура как [679] убежища падает само собой. Значение Артура как сухопутной крепости совершенно ничтожно, так как лежит далеко от всех операционных направлений, но благодаря своему значению убежища флота он блестяще выполнил и назначение сухопутной крепости, притянув к себе в то время, когда северная армия наша сосредоточивалась, до 150 тысяч японцев, из коих выведено из строя не менее 100 тысяч. Теперь сосредоточение армии, конечно, уже закончено, да и Артур не может уже отвлекать на себя значительные силы, так как для борьбы с остатками японцам достаточно держать лишь небольшой отряд. Таким образом, павший Артур в настоящее время на общее подожжение дел

на театре войны никакого влияния оказать не может и является вопросом самолюбия как национального, так, в частности, Артурского гарнизона. Положение крепости таково: из 35 тысяч пехоты осталось около 11 тысяч, из коих значительный процент переутомленных и недомогающих, большое число орудий подбито, снарядов крупных и средних калибров осталось мало... Вторая линия представляет из себя, в сущности, тыловую артиллерийскую позицию, для упорной же обороны пехотой не пригодна, так как состоит из системы отдельных горок, не имеющих никаких приспособлений как для жилья, так и для боя... За 2-й линией у нас уже нет ничего, за что можно было бы уцепиться, а между тем очень важно не допустить неприятеля после штурма ворваться в город и перенести бой на улицы, так как это может повести к резне, жертвами которой сделаются, кроме мирного населения, еще 15 тысяч больных и раненых, которые своей прежней геройской службой и сверхчеловеческой выносливостью заслужили внимание к своей участи. Если бы было какое-нибудь основание надеяться, что крепость будет в состоянии продержаться до прибытия выручки, то, конечно, следовало бы стоять до последней возможности, но, к сожалению, на близость выручки нет никаких указаний, скорее есть признаки, что она еще очень далека. Таким признаком является то, что мы уже два месяца не имели никаких известий из армии... При таких условиях вопрос состоит лишь в том, что лучше: оттянуть ли сдачу крепости на несколько дней или даже часов или спасти жизнь двух десятков тысяч безоружных людей. То или другое решение вопроса, конечно, есть дело личного взгляда, но, казалось бы, что последнее важнее, и потому раз 2-й линии будет угрожать серьезная опасность, этой линией следует воспользоваться как средством для возможности [680] начать переговоры о капитуляции на возможно почетных и выгодных условиях»; генерал-майор Горбатовский: «...Мы очень слабы, резервов нет, но держаться необходимо и притом на передовой линии... защищать 2-ю линию с данным числом войск трудно, так как она слишком длинна и не имеет закрытий»; генерал-майор Надеин: «Держаться на первой линии возможно дольше. На 2-й линии, не имея резервов, держаться нельзя»; генерал-майор Белый: «...Орудий крепостных осталось мало и они износились, снарядов еще хватает для обороны. Придавать особого значения падению форта III нельзя, пока там не поставлены орудия; при имеющихся средствах держаться еще можно на 1-й линии»; генерал-майор Никитин: «Преждевременно заключать, что крепость отмирает... Снаряды еще есть... Личный состав качеством не слаб и, вероятно, не слабее японцев. Надо обратить внимание не на больных, а на здоровых, улучшив их питание. Переходить на 2-ю линию преждевременно и до последней возможности следует держаться на 1-й линии. Мы должны бороться, потому что, по принципу, по идее, выручка будет...»; контр-адмирал Вирен: «...Можно и должно продолжать защиту»; контр-адмирал Лощинский — то же; генерал-лейтенант Фок: «...Весь вопрос в том, удастся ли помешать японцам поставить орудия на форт III, и для этого нужно употребить все усилия. Существенно важно держаться Китайской стенки, остальные позиции ничего не стоят, с потерей ее сопротивление можно считать только часами... Оборонять форты пехотой собственно нельзя»; генерал-лейтенант Смирнов: «...Если число защитников уменьшилось втрое и число орудий наполовину, а продовольствие — с года на месяц, то это нужно считать положением, нормальным для крепости малой. Сейчас, относя больных и раненых к населению, численность последнего достигает до 20 тысяч, а продовольствия осталось на полтора месяца, полигон остался прежний. Гарнизон не отвечает протяжению линии фортов, хотя есть еще две запасные полевые позиции, которые, в крайности, можно очистить: это Ляотешань и Сигнальная гора. Если защитников останется еще меньше, то следует перейти к внутренним линиям. Китайская стенка очень важна, поэтому ее лучше держать до последней возможности, ослабив оборону остальных участков... На 2-й линии мы можем держаться еще неделю. Затем мы можем держаться на 3-й линии, которую составляют: внутренняя ограда, позиции Хоменки, Большая и Опасная горы; наконец, если гарнизон [681] сократится хотя до трех тысяч, то с ними можно оборонять внутренность Старого города... Сдача может быть вызвана только истощением продовольствия»; генерал-лейтенант Фок: «Практически этого выполнить нельзя. Став на 3-ю линию, мы отдаем госпитали и город на полное истребление.

Тогда уж лучше сдать город, и тем, кто не желает сдаваться, с охотниками идти на Ляотешань и там обороняться»; генерал-адъютант Стессель: «Держаться нужно на 1-й линии, пока это будет возможно. Жить на 2-й линии, где нет помещений, в теперешнее морозное время нельзя: люди не выдержат и начнут уходить в казармы, и проверить это очень трудно. Если сумеем удержать Китайскую стенку, укрепление № 3 и Курганную батарею, то держаться можно, если же сойдут с этой линии, то следует переходить прямо на линию позиции Хоменки, где есть поблизости помещения для жилья, держа наверху только часовых. Если от первой линии японцы пойдут сапой, то, конечно, можно продержаться долго. Оборудование нескольких линий теперь совершенно невозможно. Артиллерия должна употребить все усилия, чтобы помешать поставить орудия на форту III, иначе на Китайской стенке держаться нельзя. На 2-й линии нужно держаться пока возможно, отнюдь не допуская неприятеля в город и не перенося борьбы на улицы, чтобы не вызвать резни раненых, которые заслужили внимание к своей участи».

Журнал совета никем из участников заседания не подписан, а заверен лишь генерал-майором Рейсом.

Не отрицая в общем правильности изложенного в журнале, допрошенные в качестве свидетелей, участники совета показали:

Инженер-полковник Григоренко — по поводу мнения полковника Рейса, что он свидетель, лично не верил и не верит в то, чтобы японцы способны были устроить резню в городе раненых и мирных жителей, и что полковник Рейс не отметил в своей речи того обстоятельства, что освобожденная от осады Артура армия японцев усилит армии, оперирующие против Куропаткина. По показанию этого свидетеля, генерал Стессель поблагодарил всех за высказанное почти единогласно мнение о возможности дальнейшего сопротивления и прибавил, что других мнений он и не ожидал услышать.

Полковник Хвостов, — что генерал Стессель, открывая заседание совета, изложил в кратких словах положение крепости, указав [682] на число больных и раненых в госпиталях, на число цинготных, на недостаток боевых припасов, малочисленность гарнизона и его страшное утомление; при этом было резко заметно стремление сгустить краски и показать отчаянное положение крепости; в конце заседания генерал Стессель поблагодарил всех за высказанное ими мужественное мнение.

Свиты его величества генерал-майор Семенов, — что прибыл на совет, полагая, что хотят ознакомиться с общим положением дел, и потому указал, как косит цинга людей, что от 1-го батальона осталась одна только сборная рота, но что когда свидетелю задали вопрос — можно ли держаться, он высказал, что держаться должно, и, в крайности, все цинготные будут посажены на позицию с винтовками и патронами. Громче всех на совете высказался против сдачи генерал Никитин, но это не значит, чтобы другие менее отвергали сдачу, но такова манера говорить генерала Никитина. Генерал Белый сказал, что неправда, будто снарядов нет: «Снаряды еще есть и много, их на целых два больших штурма хватит, поэтому я их берегу». Генерал Рейс самым убедительным образом настаивал на сдаче, указывая, что роль Артура сделана, а дальше уже будет резня. Генерал Фок категорически не высказывался, а генерал Стессель, мнявший в руках какую-то бумагу, как говорят, выслушав доклад Фока о сдаче, закончил собрание, поблагодарив всех за доблестное желание отстаивать крепость и дальше.

Генерал-майор Мехмандаров, — что генерал Стессель на совете 16 декабря своего мнения не высказал, а лишь поблагодарил за единодушное желание продолжать оборону; генерал Рейс говорил долго и в своем резюме ясно и категорически высказал, что Порт-Артур выполнил свою задачу, как по отношению к флоту, так и по отношению к северной армии, и дальнейшую оборону считал бесполезной; генерал Фок, обращаясь к генералу Стесселю, высказался в том смысле, что продолжение обороны возможно лишь при условии, если неприятель не установит орудия на форту III. Так как совет происходил вечером 16 декабря,

то из сказанного генералом Фоком, по мнению свидетеля, ясно видно, что к 17 декабря на форту III не было неприятельских орудий. К этому свидетель добавляет, что 17 декабря было сравнительное затишье; 18 декабря неприятель с форта III артиллерийского огня не открывал, следовательно, там не было неприятельских орудий, а 19 декабря, около 2 или 3 часов дня, был послан парламентар. [683]

Генерал-майор Ирман, — что высказался за оборону до последнего человека, до последнего дома в городе. — «Пусть у нас теперь 8 тысяч, будет 4 тысячи, 2 тысячи, наконец, 500 штыков — все продолжать оборону». Восемьдесят процентов членов совета высказалось за оборону, и оборона была решена бесповоротно до конца. Генерал Стессель, по-видимому, горячо благодарил за это решение, за доблестный дух и, казалось, был доволен решением совета продолжать оборону. Генерал Рейс сказал весьма гладкую речь о необходимости сдачи. Генерал Фок, видя, что большинство за оборону, говорил неопределенно, уклонялся от прямого ответа, но очевидно было, что он за сдачу, и, по-видимому, у него об этом была написана записка, которую он держал перед собою на столе и которую он спрятал, когда совет решил обороняться.

Генерал-майор Горбатовский, — что инициатива созыва военного совета исходила, по-видимому, от генерала Стесселя, может быть, и от генерала Фока, но не от коменданта; цель его была выяснить положение крепости; по крайней мере, генерал Стессель, обращаясь к собравшимся, сказал: «Пусть каждый скажет свое мнение о положении крепости», — слова же «сдача» он не произносил. Все речи сводились к одному, что «плохо и очень плохо, но держаться нужно». Выделилась, между прочим, речь полковника Рейса, указавшего на то, что крепость потеряла свое значение и роль ее кончена. После Рейса говорил свидетель о том, что следует держаться до крайности. Его перебил полковник Рейс, сказав: «Значит, вы хотите резни в городе?» Свидетель на это ответил, что резни не хочет, но на позициях держаться нужно, в особенности на 1-й. От речи генерала Фока об укреплении какой-то позиции у свидетеля осталось впечатление, что он собирался сказать что-то другое. В заключение генерал Стессель поблагодарил за готовность держаться и при этом сказал, что переходить с 1-й позиции на 2-ю не следует, а сразу на 3-ю, так как на 2-й, ввиду зимы, негде будет разместить людей. Этим совет и окончился. На совет 16 декабря свидетель не смотрел как на окончательный, и полагает, что так же смотрели на него и другие, тем более что подобный же вопрос о дальнейшей обороне крепости был предложен еще в ноябре.

Генерал-лейтенант Надеин: — что генерал-адъютант Стессель вполне одобрил общее мнение совета сражаться. [684]

Генерал-лейтенант Никитин, — что был против сдачи, указывая на то, что нам нет никакого дела до того, выполнил или нет Артур свое назначение: «Его мы должны защищать потому, что он нам поручен». Генерал Фок не прочитал того заявления, которое было им принесено в заседание, и когда генерал Стессель спросил: «Александр Викторович, я прочитаю заметку?» — генерал Фок прикрыл ее рукою и сказал: «Нет». Свидетель полагал, что совет собран для того, чтобы обсудить, как усилить оборону, но из характера заседания понял, что «нас собрали для другого».

Контр-адмирал Вирен, — что полковник Рейс в своем докладе о состоянии крепости, обрисовав все в самых мрачных красках, высказался в том смысле, что не пора ли в видах гуманности прекратить дальнейшее кровопролитие. В таком же духе говорил полковник Дмитриевский и еще один офицер, фамилии которого свидетель не помнит, все же остальные генералы и начальники частей высказались за продолжение защиты крепости, которая находится еще в таком положении, что может и должна защищаться, надо только решить, как лучше вести оборону; генералы Белый и Никитин высказали даже, что вопрос о сдаче крепости не должен быть обсуждаем.

Контр-адмирал Лощинский, — что совет был собран для обсуждения положения крепости и как вести дальнейшую оборону; генерал Фок, по открытии заседания, хотел прочитать

записку, составленную им по этому поводу, но генерал Стессель сказал, что сначала пусть все собравшиеся выскажут совершенно откровенно свои взгляды на положение дела. Генерал Белый указал, что крепость имеет до 7 тысяч крупных снарядов (по 100 на орудие) и до 70 тысяч мелких, противостурмовых; самим генералом Стесселем было заявлено, что провизии есть еще на месяц с лишком (60 тысяч пудов муки, кроме сухарей, и около 3 тысяч лошадей), а число штыков — 11 тысяч.

Всеми сознавалось трудное и серьезное положение крепости, все же громадным большинством голосов (19 против 3 — один ничего не высказал, — это генерал Фок) была высказана необходимость держаться и защищать крепость до конца, пока хватит снарядов. Только подполковники Гандурин и Дмитревский и полковник Рейс высказались за необходимость капитуляции; главное, что их пугало — возможность резни. Генерал Фок не прочел своей записки, так как генерал Стессель сказал ему, что все высказались и теперь уже поздно (было 8 часов вечера). Закрывая [685] заседание, генерал Стессель, поблагодарив всех за откровенное мнение, сказал, что будет защищаться на 1-й линии, а затем перейдет на следующие.

Генерал-лейтенант Фок, — что в журнале совета мнение его изложено верно. Насколько он понимал тогда, на совете не был поставлен вопрос о сдаче, а только спрашивалось мнение каждого о положении крепости; голосования и подсчета голосов не было. От совета он вынес впечатление, что «строевые начальники были пессимисты или скромные оптимисты, причем степень оптимизма увеличивалась по мере удаления от восточного фронта и на Ляотешане достигала своего кульминационного развития. Составляли исключение только генерал Никитин и полковник Ирман. Все же нестроевые проявили большой оптимизм, особенно — адмиралы».

Генерал-лейтенант Смирнов, — что генерал-адъютант Стессель, открывая заседание совета, предложил каждому высказать совершенно откровенно свое мнение касательно настоящего положения крепости и мер, которые надлежало бы принять в будущем; затем генерал Стессель заявил, что в конце заседания он ознакомит нас с запиской, которую держал в руках. При изложении мнения подполковники Дмитревский и Гандурин высказались в смысле невозможности и бесцельности продолжения борьбы; полковник Рейс указал, что миссия Порт-Артура, в смысле защиты флота, кончилась, что для армии, которая собралась давно уже, Артур вовсе не нужен, что дальнейшая защита его может привести только к резне на улицах, чего не должно допускать. Подполковник Поклад, полковники Савицкий и Грязнов высказались неопределенно. Капитан Головань, подполковник Хвостов, полковники Петруша, Семенов, Мехмандаров, Григорен-ко, Ирман, адмиралы Вирен и Лощинский, генералы Горбатов-ский, Надеин, Никитин и Белый были за дальнейшую оборону, причем последний указал, что снарядов хватит еще на два больших штурма. Генерал Фок уклонился от ответа на рассматриваемый вопрос и говорил о выносливости нижних чинов. Генерал Стессель, выслушав все мнения, объявил, что 2-я позиция не представляет никакой силы, и поблагодарил всех за почти единодушное решение вести дальнейшую защиту крепости как это подобает русским войскам. Записку же, которую он обещал прочесть в конце заседания, спрятал в карман. На этом заседание совета и окончилось. [686]

В приложенной к делу в качестве вещественного доказательства тетради донесений командующему Маньчжурской армией и наместнику его императорского величества на Дальнем Востоке за 1904 г. имеется черновой оттиск всеподданнейшей телеграммы генерал-адъютанта Стесселя на имя его императорского величества, писанный собственной генерала Стесселя рукой. Из обозрения этого документа видно, что составлен 15 декабря, в 11-м часу ночи, и начинается словами: «Сегодня, в 10-м часу утра, японцы произвели взрыв бруствера форта III...» и оканчивается словами: «По занятии этого форта японцы делаются хозяевами всего северо-восточного фронта, и крепость продержится лишь несколько дней. У нас снарядов почти нет. Приму меры, чтобы не допустить резни на улицах. Цинга очень валит гарнизон. У меня под ружьем теперь 10–11 тысяч, и они нездоровые»... Рукой генерал-

адъютанта Стесселя, синим карандашом, слова «15 декабря» и «сегодня» зачеркнуты и надписано: «16 декабря» и «вчера». Затем на верху листа рукой генерала Стесселя же, черным карандашом, написано: «Из этого же покороче и главнокомандующему, прибавив, что положение совершенно критическое».

Отправка знамен в Чифу

17 декабря 1904 года исполняющий должность начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии капитан Головань, зайдя в штаб района между двумя и тремя часами дня, узнал от и. д. начальника штаба района полковника Рейса, что по распоряжению генерала Стесселя в этот день отправляются в Чифу на миноносце полковые знамена. Тогда капитан Головань обратился к полковнику Рейсу с вопросом, не будет ли распоряжений отправить на этом же миноносце и документы, представляющие историческую ценность, на что получил ответ, что отправить можно, но надо иметь в виду, что миноносец может быть потоплен или взят в плен, и тогда пропадут документы, которые никак не могут быть впоследствии восстановлены. После этого полковник Рейс приказал свидетелю, капитану Голованю, подписать в качестве и. д. начальника штаба 7-й дивизии протокол об отправке знамен. В это время знамена, копия и скобы были уже сняты с древков и укладывались полковыми адъютантами. Видя знамя 25 полка на квартире начальника штаба района, свидетель [687] ни на минуту не усомнился в законности его нахождения здесь, хотя распоряжений о передаче знамени этого полка в штаб района в штабе дивизии и не было получено. Вернувшись в свой штаб, свидетель немедленно занялся разбором документов, подлежащих отправке. Отобранные документы были упакованы в особый ящик, который адъютантом штаба дивизии был отвезен в гавань на отправлявшийся миноносец и сдан там штабс-капитану Бабушкину, назначенному для сопровождения знамен и сдачи их нашему военному агенту в Китае.

Спрошенный в качестве свидетеля, бывший начальник штаба укрепленного района генерал-майор Рейс показал, что знамена были отправлены из Порт-Артура не 17 декабря, а 19-го. По словам этого свидетеля, распоряжение о доставлении знамен в штаб района было сделано через штаб 4-й дивизии после отправления парламентария 19 декабря. Знамена были перенесены командами при офицерах, в темноте и без церемоний. Затем были сняты полотна и металлические части и упакованы, а древки сожжены. В 9 часов вечера знамена и бумаги на миноносце вышли из Порт-Артура в Чифу.

Показание генерал-майора Рейса подтверждается показаниями:

Контр-адмирала Лощинского: — что 19 декабря, около полудня, им было получено письмо от начальника штаба укрепленного района, № 2544, об отправке миноносца в Чифу со знаменами и секретными документами. Свидетель ответил на это, что миноносец готов во всякое время, и в 5 часов вечера получил от полковника Рейса телеграмму с указанием необходимости отправить «сегодня то, о чем писал», то есть миноносец; и бывшего командира Порт-Артура контр-адмирала Григоровича — что вечером 19 декабря 1904 года им были отправлены из Порт-Артура на миноносце, данном контр-адмиралом Лощинским, полковые знамена и часть секретной переписки штабов района и крепости, порта, адмиралов и бывшего штаба заместителя. От флота отправлены были знамя Квантунского экипажа и Георгиевские рожки канонерских лодок «Бобр» и «Гиляк».

По распоряжению бывшего командира 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора Горбатовского, из полков этой дивизии только один 25-й имел знамя, которое хранилось сперва при 1-й роте, на форту I, а затем, кажется, в ноябре месяце, оно было перенесено в штаб полка. Когда [688] оно было отправлено в Чифу, свидетель не знает, и о факте отправки его он узнал лишь при прочтении капитуляции.

Равным образом не знает, каким порядком знамена были собраны и отправлены в Чифу, и бывший начальник штаба крепости полковник Хвостов.

Наконец, из показания бывшего командира 5-го Восточно-Сибирского полка генерал-майора Третьякова видно, что за несколько дней до 19 декабря получено было приказание генерала Фока прислать полковое знамя с адъютантом в штаб дивизии.

19 декабря 1904 года

Еще 17 декабря, к вечеру, японцы, засев у подножия Скалистого кряжа, начали бить во фланг Китайскую стенку.

18 декабря утром погибло от взрывов укрепление № 3, и в 3 часа 30 минут этого дня генерал Фок согласно распоряжению генерала Стесселя, но вопреки категорическому приказанию коменданта приказал начальнику обороны восточного фронта генерал-майору Горбатовскому очистить Китайскую стенку со Скалистым кряжем. Войска начали отходить с наступлением темноты и в 5 часов утра 19 декабря заняли линию: Курганная батарея — Владимирская и Митрофаньевская горы — Большое Орлиное Гнездо — участок Китайской стенки за фортом II — Куропаткинский люнет.

Вскоре после этого начались атаки японцев на Большое Орлиное Гнездо. Обстоятельства боя на этом пункте и связанных с ним событий — очищения нами Малого Орлиного Гнезда, Куропаткинского люнета и батареи лит. Б видны из показаний следующих свидетелей:

Бывшего начальника обороны восточного фронта, генерал-майора Горбатовского: — «19 декабря, еще до рассвета, японцы подвели свои штурмовые колонны и с 7 часов утра открыли сильную бомбардировку Большого Орлиного Гнезда, осыпая эту позицию одновременно с трех сторон 11-дюймовыми бомбами и шрапнелью. Огонь их утихал только перед атаками. Таких атак произведено было шесть, но все они были отбиты, главным образом огнем скорострельной батареи, поставленной на Митрофаньевской горе, и ручными гранатами. Около 5 часов вечера Большое Орлиное Гнездо было занято японцами. Пока шел бой на нем, начальник 2-го участка подполковник Лебединский несколько [689] раз доносил свидетелю, что на Малом Орлином Гнезде и Куропаткинском люнете стоять невозможно, что японцы обстреливают их, и не только вдоль, но и в тыл. Несмотря на это, свидетель все же приказывал держаться на этих позициях, хотя бы редкой цепью или даже часовыми. Тем не менее около 6 часов вечера он узнал от подполковника Лебединского, что Малое Орлиное Гнездо и Куропаткинский люнет нами очищены и что генерал Фок приказал также очистить и батарею Б. Свидетель, однако, категорически приказал подполковнику Лебединскому держаться на этой батарее до тех пор, пока он не получит такое приказание от него лично. Около 8 часов вечера свидетель получил от генерала Фока записку, в которой предписывалось немедленно, под угрозой побудительных к тому мер очистить батарею Б. После этого свидетель принужден был приказать Лебединскому исполнить требование генерала Фока. Но лишь только успели очистить батарею Б, как получено было донесение от коменданта укрепления № 2 о невозможности долее на нем держаться, так как оно стало обстреливаться японцами, занявшими лит. Б с тыла и с фланга. Получив это донесение, свидетель приказал переместить оставшийся у него резерв в Новый Китайский город (что за укреплением № 2), о чем и донес генералу Фоку, но последний выразил на это свидетелю свое неудовольствие в том смысле, что он напрасно тревожит людей бесцельными передвижениями. В ночь с 19 декабря на 20-е войска восточного фронта занимали позиции: от реки Лунь-хэ на Курганную батарею, на горы Лаперовскую, Владимирскую, Митрофаньевскую, Безымянную, Морской кряж, Отрожную и Опасную, батарею А, открытый канонир № 1, форт I, редут Тахэ и Сигнальную гору, что у самой бухты Тахэ. Батарея № 2 вечером 19 декабря была еще в наших руках, но ночью была очищена».

Показания исполнявшего должность начальника штаба обороны восточного фронта, генерального штаба капитана Степанова: — «С 7 часов утра 19 декабря японцы начали

обстреливать восточный фронт и пять раз атаковали Большое Орлиное Гнездо. Генерал Горбатовский поддерживал его, пока в резерве не осталось две роты. Как раз в это время пришло известие, что японцы уже заняли Большое Орлиное Гнездо. Считая, что с постановкой японцами на Большом Орлином Гнезде хотя бы одного орудия положение отряда влево от горы делается критическим, генерал Горбатовский приказал свидетелю переговорить по телефону [690] с начальником штаба генерала Фока подполковником Дмитриевским о мерах на случай отхода на 2-ю линию обороны. Из слов подполковника Дмитриевского свидетель ничего определенного понять не мог и потому просил прислать ему ответ письменно. Приблизительно через полчаса охотник привез от подполковника Дмитриевского письмо с извещением, что послан парламентар. Затем получено было приказание генерала Фока: «Курганную батарею, Лаперовскую и Митрофаньевскую горы держать, а Куропаткинский люнет и батарею Б очистить». Не понимая идеи такого очищения, начали переговоры со штабом сухопутной обороны, которые окончились тем, что генерал Фок прислал генералу Горбатовскому записку с указанием, что относительно его будут приняты меры, если он не исполнит этого приказа. Куропаткинский люнет и батарея Б были ночью очищены. К вечеру 19 декабря в штабе восточного отряда не оставалось сомнения, что Большое Орлиное Гнездо не в наших руках».

Бывшего коменданта Большого Орлиного Гнезда подполковника Голицынского: — «Свидетель жил на Большом Орлином Гнезде с 18 августа по 19 декабря включительно. 18 декабря он был назначен комендантом этого пункта; никакого укрепления там не было. Стрелки сами рыли для себя окопы и ходы сообщения и строили блиндажи. Вооружено было Большое Орлиное Гнездо первоначально двумя 6-дюймовыми пушками Канэ, но оба орудия были подбиты японцами еще 6–7 августа, и более из них не стреляли. За несколько дней до падения крепости была поставлена 47-мм скорострельная пушка, но 19 декабря она была разбита первыми же выстрелами японских батарей и к действию стала не годной. Гарнизон Большого Орлиного Гнезда составляли 67 человек. 19 декабря свидетель находился на вершине Большого Орлиного Гнезда как комендант его. Около 3 часов дня он был контужен японским снарядом и оглушен взрывом наших бомбочек. Японцы бросились в это время на шестой с утра штурм. На этот раз японцам удалось занять вершину. Стрелки и матросы оставили гору одновременно с тем, как унесли свидетеля. Это было в начале 4 часов дня».

Поручика Гринцевича: — «18 декабря свидетелю было приказано в ночь на 19-е число с 67 охотниками, занять Большое Орлиное Гнездо. С этими людьми и малым добавлением к ним от рот 14 полка (5–10 человек), 28 полка (15–20 человек) и моряков [691] (15–20 человек) свидетель отбивал шесть атак, начавшихся с рассветом 19 декабря и окончившихся около 3 часов 40 минут дня. После шестой атаки оставшиеся целыми пять человек под натиском японцев отошли по ходу сообщения вниз и заняли окопы вправо от Митрофаньевской горы.

По показанию инженер-капитана фон Шварца — батарея лит. Б к моменту взятия японцами Большого Орлиного Гнезда была сильно разрушена, но окопы впереди по распоряжению генерала Фока были усилены и в них можно было держаться.

Изложенное подтверждается следующими находящимися в деле документами:

Запиской генерала-лейтенанта Фока генералу Горбатовскому от 7 часов вечера 19 декабря: — «Предписываю Вашему Превосходительству немедленно отдать распоряжение об очищении литеры Б. Не заставляйте меня принять меры. Равно держать во что бы то ни стало Курганную батарею, горки Лаперовскую, Владимирскую и Митрофаньевскую», и телефонограммами:

1) генерал-лейтенанта Фока генералу Горбатовскому, в 10 часов 30 минут утра: — «Большое Орлиное Гнездо сегодня удержать во что бы то ни стало»;

2) наблюдателя лейтенанта Ромашева в штаб крепости с Большой горы, в 2 часа 56 минут дня 19 декабря: — «Японцы влезли на Орлиное Гнездо, их оттуда сбили, теперь на Орлином никого не видно»;

3) поручика Князева в штаб крепости: — «В 3 часа дня лейтенант Ромашев сообщил, что японцы влезли на Орлиное, наших там не видно. На Орлином произошел взрыв, загорелась платформа»;

4) генерал-лейтенанта Фока полковнику Лебединскому в 5 часов 15 минут дня 19 декабря: — «Сегодня ночью отвести весь гарнизон с лит. Б к Опасной горе, где им поступить в распоряжение полковника Поклада. А роту, занимающую Китайскую стенку между лит. Б и укреплением № 2, отвести в укрепление № 2 для усиления его гарнизона...»;

5) капитана Степанова — из штаба генерала Горбатовского в штаб сухопутной обороны, в 6 часов 50 минут вечера 19 декабря: — «Капитан Андреев с Митрофаньевской горы доносит, что на Большом Орлином Гнезде японцы ставят орудия...»;

6) генерал-лейтенанта Фокатенералу Горбатовскому, в 7 часов 30 минут вечера: — «Гарнизону лит. Б отойти на Опасную [692] гору; где поступить в распоряжение полковника Поклада, которому мною дано лично указание, как их употребить. Роте, расположенной на Китайской стенке, между лит. Б и укреплением № 2, отойти на укрепление № 2, на усиление его гарнизона»;

7) генерал-лейтенанта Фока подполковнику Лебединскому, 11 часов 45 минут вечера 19 декабря: — «Войскам с Куро-паткинского люнета и Малого Орлиного Гнезда отходить в Новый китайский город, где встать по фанзам. Часть должна быть в ружье, чтобы не дать прорваться в город. Снаряды можно оставить. Замки с орудий взять. Взорвать большие орудия, когда все уйдут».

Председатель:

Заседание верховного военно-уголовного суда прерывается до 11 часов завтрашнего дня.

Перерыв объявлен в 5 часов 30 минут дня.

Посылка парламентаря

Данными предварительного следствия устанавливается, что заблаговременно, еще до окончательного выяснения вопроса о том, взято ли японцами Большое Орлиное Гнездо, было подготовлено в штабе укрепленного района письмо к генералу Ноги с предложением начать переговоры о сдаче крепости, каковое и было послано с прапорщиком Малченко между 3 и 4 часами дня 19 декабря.

Изложенное подтверждается показаниями свидетелей: бывшего начальника штаба крепости полковника Хвостова, — что около 4 часов дня свидетелю доложили, что видели, как проскакал прапорщик Малченко, а за ним казак с большим белым флагом. Догадавшись, зачем поехал Малченко, свидетель доложил о том коменданту крепости. Последним официальное уведомление о вступлении с японцами в переговоры относительно сдачи крепости было получено в 7 часов вечера того же дня. Свидетель слышал или от самого полковника Рейса, или от прапорщика Малченко, — точно не помнит, — что письмо к генералу Ноги с предложением о сдаче крепости было подготовлено полковником Рейсом заблаговременно и подано генералу Стесселю на подпись 19 декабря.

Генерал-лейтенанта Фок, который из разговоров с полковником Рейсом 19 декабря узнал, что у генерала Стесселя есть письмо к генералу Ноги с просьбой прислать парламентаря для переговоров о сдаче крепости. На вопрос, когда это письмо будет [693] отправлено, полковник Рейс ответил: «Завтра». — «Но уж это будет поздно», — возразил генерал Фок и после того, отправившись к генералу Стесселю, доложил последнему о положении дел, сказав, что восточный фронт держаться не может. После этого доклада и был послан парламентар.

Инженер-полковника Григоренко, — что около 3 часов дня 19 декабря генерал Стессель без предварительного соглашения с комендантом крепости послал парламентаря с предложением сдать крепость.

Бывшего командира Порт-Артура, контр-адмирала Григоровича — что около 4 часов дня 19 декабря, в помещение, занимаемое им, свидетелем, совместно с контр-адмиралом Пашинским, «влетел» контр-адмирал Вирен и сообщил им содержание только что полученного им письма полковника Рейса о посылке парламентаря к генералу Ноги для переговоров о капитуляции. Пораженный этим известием, особенно после решения военного совета 16 декабря, он, свидетель, вместе с контр-адмиралом Лощинским стал просить контр-адмирала Вирена как младшего по чину съездить к коменданту крепости и, узнав в чем дело, как можно скорее сообщить им, ибо ни он, свидетель, ни контр-адмирал Лощинский никаких извещений от полковника Рейса не получали. По возвращении своем контр-адмирал Вирен передал ему, свидетелю, и контр-адмиралу Лощинскому, что он был у коменданта крепости, который ничего не знал о случившемся, затем был у генерала Белого, который только при нем, адмирале Вирене, получил аналогичное извещение, а затем отправился к генералу Стесселю. Последний казался сконфуженным и подтвердил о посылке парламентаря. Тогда адмирал Вирен отправился к полковнику Рейсу, с которым имел крупный разговор, причем назвал его «изменником».

Во время отсутствия контр-адмирала Вирена им, свидетелем, и контр-адмиралом Лощинским было получено от полковника Рейса извещение, чтобы непременно сегодня же, 19 декабря, отправить миноносец в Чифу с полковыми знаменами. С этого момента он, свидетель, стал делать распоряжения к отправке на том же миноносце знаменного флага Квантунской) экипажа, серебряных Георгиевских рожков некоторых судов и секретной переписки штаба наместника и порта. Он сделал также подготовительные распоряжения ко взрыву мастерских, потоплению портовых судов, кранов и т. п. [694]

В 6-м часу прибыл на его, свидетеля, квартиру комендант крепости и изложил положение дел. Выяснилось, что, вопреки его, генерала Смирнова, распоряжениям, очищены укрепления: Куропаткинский люнет, Малое Орлиное Гнездо и батарея Б; что о посылке парламентаря генерал Смирнов узнал впервые от адмирала Вирена и что теперь положение дел таково, что ничего нельзя уже предпринять для спасения крепости. Собрать войска, которые можно было взять только с левого фланга, а именно от форта VI и на Ляотешане, генерал Смирнов не находил уже возможным.

Изложенные обстоятельства побудили свидетеля принять меры для скорейшего уничтожения судов и прочего казенного имущества, а также послать совместно с контр-адмиралами Лощинским и Виреном протестующую против сдачи телеграмму главнокомандующему армиями и генерал-адмиралу; телеграмма эта была отправлена на миноносце вместе с знаменами. Поздно вечером 19 же декабря была получена из штаба района телеграмма с требованием назначить делегата от флота для участия в переговорах о капитуляции крепости. Так как в распоряжении его, свидетеля, подходящего для этого лица не было, то он отказался дать делегата из чинов порта, почему с общего их, адмиралов, согласия, был послан капитан 1 ранга Щенснович как делегат от флота. Ввиду того, что флот уже не существовал, а оставалась только часть личного состава, и то почти вся находившаяся в распоряжении сухопутного начальства, никаких особых инструкций Щенсновичу дано не было, а

указывалось ему, как человеку твердому и самостоятельному, вообще отстаивать интересы флота. К вечеру 20 декабря капитан 1 ранга Щенснович вернулся из Шуйшуина, и из его доклада он, свидетель, вынес впечатление, что во время переговоров он, Щенснович, был совершенно обезличен полковником Рейсом.

Командовавшего в Порт-Артуре отдельным отрядом броненосцев и крейсеров контр-адмирала Вирена, — что для него, свидетеля, было совершенной неожиданностью получение 19 декабря, между 3 и 4 часами дня, письма от полковника Рейса с извещением, что «уже послан офицер с письмом к генералу Ноги, чтобы начать переговоры о капитуляции, а потому Вы имеете только одну ночь, чтобы сделать с судами что Вы находите нужным». Ошеломленный, не веря этому письму, он, свидетель, отправился к контр-адмиралам Григоровичу и Лощинскому узнать, [695] не имеют ли они таких же писем, но и для них это было также неожиданностью. Оттуда он, свидетель, поехал к генералу Белому, который, оказалось, также ничего не знал, новостью было письмо полковника Рейса и для коменданта крепости, генерала Смирнова, к которому он затем поехал. Тогда он, контр-адмирал Вирен, поспешил к генералу Стесселю, где застал уже генерала Белого, и на вопрос: «Неужели это правда, и разве можно сдать крепость без обсуждения этого вопроса на совете»? — получил от генерала Стесселя ответ, что это уже свершившейся факт и офицер должен сейчас вернуться. Для него, свидетеля, стало тогда ясно, что факт сдачи крепости действительно совершился; что независимо от того, будет ли она происходить при междоусобной войне желающих и не желающих сдаваться, будет ли арестован генерал Стессель или нет, все равно крепость доживает свои последние часы.

Бывшего коменданта крепости Порт-Артур генерал-лейтенанта Смирнова, — что около 7 часов вечера 19 декабря к нему прибыл контр-адмирал Вирен и показал предписание взрывать суда. Только в 11 часов вечера того же дня свидетель получил при рапорте полковника Рейса копии письма генерала Стесселя к генералу Ноги, составленного в следующих выражениях: — «Его Превосходительству, Командующему армией, осаждающей Порт-Артур. Милостивый Государь. Соображаясь с общим положением дел на театре военных действий, я признаю дальнейшее сопротивление Порт-Артура бесцельным и во избежание напрасных потерь желал бы войти в переговоры относительно капитуляции. Если Ваше Превосходительство на это согласны, то прошу назначить лиц, уполномоченных для переговоров об условиях и порядке сдачи, и указать место, где их могут встретить назначенные мной лица. Пользуюсь случаем и т. д. генерал-адъютант Стессель. 1 января 1905. (19 декабря 1904 г.)».

Бывший начальник штаба укрепленного района генерал-майор Рейс, в свою очередь, показал, что ко времени посланки парламентаря штурмы на Большое Орлиное Гнездо были окончены и что парламентарь был послан в 4 часа 30 минут дня. Письмо к генералу Ноги было составлено при следующей обстановке: около 3 часов дня генерал-лейтенант Фок, возвратившись с позиции, отправился с докладом к генералу Стесселю. Пробыв у него минут пятнадцать, генерал Фок зашел к свидетелю и передал ему, что генерал-адъютант Стессель просит его тотчас же прийти к [696] нему. Когда свидетель пришел, генерал Стессель сообщил ему о докладе генерала Фока и продиктовал письмо по-русски, которое затем свидетель вместе с прапорщиком Малченко перевел на английский язык.

В тот же день, 19 декабря, генерал-адъютант Стессель отправил государю императору телеграмму следующего содержания, им собственноручно написанную: «Вчера утром японцы произвели громадный взрыв под укреплением № 3 и, еще не успев опуститься столб пламени, открыли адскую бомбардировку по всей линии; небольшой гарнизон укрепления частью погиб внутри его, частью успел выйти. После 2-часовой бомбардировки японцы повели штурм на Китайскую стенку, что восточнее форта III, до Орлиного Гнезда. Два штурма были отбиты, наша полевая артиллерия нанесла во время штурма много вреда. Держаться на Китайской стенке по громадной убыли вовсе нельзя, и сделал распоряжение ночью отойти на горы, лежащие за Китайской стенкой, упревед правый фланг в Большую гору

(карандашом вписано между строк рукой полковника Рейса: «Теперь большая часть восточного фронта в руках японцев»), на этой (карандашом, рукою полковника Рейса исправлено: «новой») позиции можно будет просидеть (рукою полковника Рейса, карандашом исправлено: «держаться») очень немного (рукою полковника Рейса исправлено карандашом: «недолго», а затем крепость должна будет капитулировать. Но все в руке Бога. Может, и подойдет подкрепление. У нас потери значительны: два командира полка, 13-го — подполковник Гандурин и 26-го — флигель-адъютант полковник Семенов ранены, причем герой Гандурин очень тяжело. Комендант временного укрепления № 3, 25-го полка штабс-капитан Спредов погиб при взрыве. Великий Государь, Ты прости нас. Мы сделали все, что было в силах человеческих. Суди нас, но суди милостиво. Почти 11 месяцев непрерывной борьбы истощили все силы сопротивления и лишь четвертая часть защитников (карандашом, рукою генерала Стесселя, приписано между строк: «из коих половина больных») занимает 27 верст крепости без помощи и даже смены для малого хоть отдыха. Люди стали теньями».

По поводу этой телеграммы генерал-майор Рейс показал, что, по его предположению, первая часть телеграммы до слов «Великий Государь...» написана утром 19 декабря, а окончание уже после отправки парламента. [697]

Уничтожение судов, запасов и средств обороны

Получив от генерала Стесселя лично подтверждение факта посылки письма к генералу Ноги, командовавший отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре контр-адмирал Вирен сделал все необходимые распоряжения по уничтожению судов, секретных книг и документов. Подготовительные ко взрыву судов работы были выполнены еще вскоре после того, как со взятием японцами горы Высокой 23 ноября суда отряда были потоплены и расстреляны 11-дюймовыми неприятельскими снарядами. Советом всех командиров судов, флаг-инженер-механика, корабельного инженера и минных офицеров, под председательством свидетеля, контр-адмирала Вирена, решено было употребить для этого от 6 до 8 зарядных отделений мин Уайтхеда на каждый корабль, разместив их по две мины под кормой у дейдвудных валов по возможности под башнями больших орудий и в машинном, и котельном отделениях. Для дополнительных взрывов имелись наготове два минных катера с минами Уайтхеда. Вся подготовительная работа была поручена минным офицерам под общим наблюдением командира броненосца «Полтава», капитана 1 ранга Успенского, на ответственности каждого командира лежало проверить, чтобы работа эта была выполнена.

Отдав приказ взрывать суда, контр-адмирал Вирен приказал вместе с тем портить и орудия, подрывая их небольшими зарядами или наливая в канал их кислоты. Всю ночь на 20 декабря до восхода солнца слышались взрывы, некоторые суда горели, а на береговых укреплениях многие офицеры и нижние чины, несмотря на приказание начальника укрепленного района ничего не портить, все-таки как могли портили орудия, сжигали заряды, бросали в воду и зарывали снаряды.

Командиром Порт-Артура, контр-адмиралом Григоровичем отданы были распоряжения потопить портовые суда, плавучие средства и уничтожать склады минного городка, мастерские, орудия, флаги и документы. Броненосец «Севастополь» утром 20 декабря оттянулся от берега на глубину 25 саженей, открыл кингстоны и, опрокинувшись на правую сторону, затонул на глубине. [698]

Бывший интендант крепости подполковник Достовалов свидетельствует, что о сдаче крепости узнал в ночь с 19 на 20 декабря, но приказания уничтожать припасы и вещи не получал.

Равным образом не получал распоряжения о порче орудий, снарядов и всего, что не должно было достаться врагу, и начальник обороны восточного фронта генерал-майор Горбатов-ский, получивший официальное уведомление о сдаче крепости в 7–7 часов 30 минут вечера 19 декабря в письме подполковника Дмитревского капитану Степанову.

Бывший начальник штаба укрепленного района генерал-майор Рейс отозвался запамыванием, было ли отдано распоряжение об уничтожении складов имущества, но вместе с тем показал, что большая часть ручного оружия сдана в испорченном виде, так как нижние чины, складывая ружья, ломали их о землю, что крепостные орудия были испорчены взрывами пироксилиновых шашек; что часть снарядов была брошена в воду или закопана в землю и, наконец, что полевые орудия испорчены сбитием прицелов, мушек и т. п. настолько, что не могли быть употреблены в дело ранее исправления в арсеналах.

Факт неотдачи распоряжения о порче фортов, орудий и имущества подтверждается показаниями:

контр-адмирала Лощинского, который от генерала Белого узнал, что до окончания переговоров о сдаче ничего не приказано портить;

генерал-майора Ирмана, что, хотя приказано было свыше ничего не портить, тем не менее войска западного фронта портили свои полевые орудия, убивали ценных лошадей, рубили седла, выбрасывали в море револьверы и т. д.;

генерал-майоров Семенова и Мехмандарова, из которых последний показал, что узнав о сдаче крепости, распорядился, чтобы в батареях вверенного ему 7-го Восточно-Сибирского стрелковой артиллерийской дивизии портилось и уничтожалось все, что возможно, но вскоре получил приказание ничего не портить;

генерал-лейтенанта Никитина, что никаких приказаний о порче орудий он от начальника укрепленного района не получал, но отдал такое распоряжение самостоятельно, вследствие чего часть полевых пушек и снарядов была сброшена в море, трубки отвинчивались, нарезы орудий сбивались зубилами, каналы травились кислотами, лошади убивались, седла ломались, хомуты резались и амуниция жглась, и [699] исполняющего должность начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии капитана Голованя, что распоряжения генерала Стесселя об уничтожении всякого имущества в период от решения сдать крепость до подписания капитуляции в штабе 7-й дивизии получено не было.

Бывший комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, между прочим, показал, что когда начальник артиллерии крепости генерал-майор Белый, получив от полковника Рейса уведомление о приказании генерала Стесселя испортить 10-дюймовые орудия, обратился к последнему за подтверждением такового, то генерал Стессель отменил это свое распоряжение.

Генерал-лейтенант Фок, в свою очередь, показал, что он никаких распоряжений относительно порчи орудий не делал, но их портили, а снаряды бросали в море. О посылке парламента он приказал уведомить генерала Горбатовского для объявления о том войскам, а утром 20 декабря отдал распоряжение не открывать огня.

Силы и средства крепости ко времени сдачи ее

Гарнизон: По данным ведомости наличности нижних чинов в укрепленном районе Кинчжоу — Порт-Артур с 15 февраля по 18 декабря 1904 года включительно, составленной сводкой данных из частных ведомостей наличного состава, видно, что 18 декабря 1904 года состояло в Порт-Артуре нижних чинов, стрелков, артиллеристов, инженерных и других сухопутных войск, — больных — 6281 человек, нестроевых — 3645 человек, строевых — 22 434 человека. О наличности из этого числа штыков на позициях и в резерве крепости представляется возможным судить по ведомости о сем, обнимающей период с 29 августа по

13 декабря 1904 года и составленной на основании веденных в штабе сухопутной обороны перечней частей и наличной числительное(tm) их. Из этой ведомости видно, что 13 декабря на позициях и в резерве было 12 180 человек, в том числе 2098 моряков.

Из приложенных к показаниям генерал-майора Горбатовского и полковника Хвостова ведомостей видно, что с 23 по 25 декабря 1904 года сдано японцам военнопленными: 747 офицеров, чиновников и зауряд-прапорщиков и 23131 нижних чинов. В том [700] числе: стрелков — 12 035, артиллеристов — 4410, матросов — 5818, саперов — 626, казаков — 111 и разных штабов — 65 человек,

В частности, свидетельскими показаниями устанавливается, что после взятия Большого Орлиного Гнезда на всем восточном фронте было вместе с моряками до 3500–4000 человек, а на всех позициях — стрелков и моряков — 12 1/2 тысяч, артиллеристов (крепостных и полевых) — до 5 тысяч, инженерных войск более 500 человек и нестроевых более тысячи человек.

Ко дню капитуляции крепости Порт-Артур, т. е. к 20 декабря 1904 года, находилось больных и раненых во всех врачебных учреждениях крепости: 8336 человек, в околотках и слабосильных командах — 5313 человек, всего — 13 649 человек. Если к этому числу присоединить цифры больных и раненых, поступивших в команды и околотки после сдачи крепости до 29 декабря, число которых равняется 1468 человек, то общее число больных и раненых, оставленных в Порт-Артуре, равно 15 117 человек.

Запасы продовольствия. По показанию бывшего коменданта крепости генерал-лейтенанта Смирнова, ко дню сдачи ее оставалось запасов: муки — на 40 дней, крупы — на 22 дня, сухарей — на 15 дней, соли и чаю на несколько месяцев, сухих овощей — на 3 месяца, сахару на 15 дней, лошадей до 2 1/3 тысячи голов.

По сведению крепостного интенданта подполковника Дос-товалова, сдано японцам продуктов: муки пшеничной — 6957 пудов (на 23 дня); муки крупчатки — 31 050 пудов; крупы и рису — 4458 пудов (на 18 дней); чаю 2351 пуд (на 140 дней); сахару — 981 пуд (на 15 дней); сушеных овощей — 3016 пудов (на 45 дней); соли — 16 301 пуд; консервов мясных — 1767 пудов, консервов — «Корнбеф» — 61 пуд; овса — 68 пудов; бобов — 25 118 пудов (на 30 дней). Портом сдано японцам запасов: сушеной капусты — 17 пудов; крупы овсяной — 105 пудов; муки ржаной — 16 500 пудов; мяса соленого — 16 пудов, мяса в консервах — 5 пудов; масла коровьего — 116 пудов; сухарей ржанных — 15 980 пудов; сухарей белых — 31 312 пудов; сахару — 2811 пудов; соли — 2890 пудов; уксусу — 598 ведер; чаю байхового — 169 пудов; чаю кирпичного — 171 пуд; муки пшеничной — 7285 кульков (кулек имеет чистой муки 1 пуд 15 фунтов).

По показанию бывшего гражданского комиссара Квантунской области и председателя городского Порт-Артурского совета подполковника Вершинина, мирное население было обеспечено продовольствием до марта месяца 1905 года. 23 декабря согласно [701] условиям капитуляции городская продовольственная комиссия передала японцам из складов Китайской Восточной железной дороги городских продовольственных запасов: муки белой, американской — 420 кульков; муки ржаной — 3300 пудов; муки пшеничной — 600 пудов; сухарей ржанных — 55 пудов; макарон — 17 ящиков; сахару — 600 пудов; рису 1 сорта — 375 пудов; рису 2 сорта (китайского) — 850 пудов; чумизы (род проса) — 750 пудов; пшени — 630 пудов; соли молотой — 700 пудов; крупы перловой — 1 мешок. Кроме того, имелся еще весьма значительный запас бобов и в других городских складах и значительные запасы для китайцев рису, гаоляна и чумизы.

Артиллерийские средства. Из «Артиллерийского дела» штаба укрепленного Квантунского района видно, что к 18 декабря 1904 года в Квантунской крепостной артиллерии было: орудий — 312 (в том числе — пулеметов 55 и китайских пушек — 29), снарядов к ним 31 845 и патронов к пулеметам — 1 255 935.

По справке, составленной начальником артиллерия крепости генерал-майором Белым 28 декабря 1904 г. в Порт-Артуре, к 20 декабря оставалось: орудий годных к действию — 295 (в том числе: пулеметов — 20 и китайских пушек — 29); снарядов к 10-дюймовым пушкам — 130, на все орудия; к 9-дюймовым — 270, на все орудия; 6-дюймовых крепостных бомб — 450; шрапнелей — 1400; 42-линейных крепостных бомб — 270, шрапнелей — 970; к 6-дюймовым пушкам Канэ бомб — 900, шрапнелей — 1400; к легким пушкам: гранат — 1400, шрапнелей — 3900, картечей — 400; 11-дюймовых мортирных бомб — 130 (только японские); 9-дюймовых мортирных бомб — 230; к 6-дюймовым полевым мортирам: бомб — 300; к 57-мм береговым пушкам: гранат — 4000, шрапнелей — 4000, картечей — 500; к 57-мм канонирным пушкам: картечей — 2000; к 20–75-мм морским пушкам: в среднем — по 200 гранат на каждую; к 68-мм 37-мм и к 39–47-мм пушкам имелся большой запас бронебойных гранат.

Орудийные деревянные основания на батареях № 4, 5, 17 и 20 непрерывной стрельбой были совершенно расстроены, почему десять 9-дюймовых пушек и десять 9-дюймовых мортир почти не могли вовсе стрелять; все орудия получили сильный расстрел каналов и другие мелкие повреждения, не позволявшие использовать вполне все свойства этих орудий.

Перечисленные выше комплекты снарядов имели следующие недостатки: 10-дюймовые снаряды почти все оставались только [702] бронебойные, не снаряженные, небольшое число чугунных бомб (русских) для И-дюймовых мортир «рвались при собственном выстреле»; третья часть бомб к 9-дюймовым пушкам и мортирам также были стальные; бомбы для орудий Канэ были морские и при падении не разрывались; шрапнели почти все были без трубок и переделывались в бомбы; то же относительно 42-линейных пушек; 6-дюймовые полевые мортиры также стреляли морскими снарядами для пушек Канэ. Заряды были долголежалые, с разнообразными свойствами пороха. Для зарядов не хватало пороха. В полевой скорострельной артиллерии оставалось на орудие не более 30 патронов. Вытяжные скорострельные трубки за израсходованием своих употреблялись морские, перовые и китайские, плохого качества. К морским 75-мм и 47-мм пушкам употреблялись китайские обточенные гранаты, часто рвавшиеся у дула орудия; шрапнелей для них было. Для 42-линейных пушек употреблялись снаряды 9-фунтовых морских пушек.

По показанию генерал-лейтенанта Смирнова, ко дню сдачи крепости оставалось около 200 тысяч снарядов, причем крупного калибра было 9 тысяч, среднего — около 30 тысяч, и малого калибра (для 57, 47 и 37-мм орудий) — более 150 тысяч; кроме того, около 10 тысяч снарядов оставалось для китайских пушек; ружейных патронов было около 7 миллионов.

Из указанного выше генерал-лейтенантом Смирновым общего числа оставшихся ко дню сдачи снарядов 200 тысяч подтверждается, со слов генерала Белого, и генерал-майором Мехмандаровым.

В частности, состояние артиллерийских средств обороны на атакованных фронтах крепости устанавливается показаниями свидетелей:

Генерал-майора Ирмана, — что на западном фронте к 19 декабря крепостных и полевых орудий было около 30; снарядов к ним для орудий большого калибра не было вовсе, для 37- и 47-мм пушек было порядочно; полевых трехдюймовых пушечных патронов почти не было.

И генерал-майора в отставке Стольников, — что на 3-м участке восточного фронта 10 декабря было около 80 годных орудий; снаряды к ним были; более всего к орудиям мелкого калибра, в среднем около 30 снарядов на орудие; к полевым орудиям около 10 на орудие, и около 10 же на каждое орудие 6-дюймового калибра. Сдано свидетелем японцам на своем участке годных [703] для стрельбы: 6-дюймовых орудий и более крупного калибра — 17, полевых — 11 и малого калибра скорострельных — 37. Кроме того сдано морских орудий около 15.

Генерал-лейтенант Никитин подтверждает, что на восточном фронте были артиллерийские

взводы, в которых не оставалось ни одного снаряда, и «если бы не сдались, то по уравнению их пришлось бы по 10 или 12 снарядов на орудие (полевое)».

Инженерные средства обороны, с падением Большого Орлиного Гнезда, определялись главным образом состоянием 2-й и 3-й оборонительных линий и Центральной ограды.

В дополнение к приведенным выше отзывам о состоянии этих позиций и возможности держаться на них, высказанным старшими войсковыми начальниками на военном совете 16 декабря, надлежит иметь в виду показания следующих свидетелей:

Начальника инженеров крепости полковника Григоренко, — что 2-я линия обороны от Курганной батареи через Митрофаньевскую гору на Большое Орлиное Гнездо спроектирована была по естественному ряду возвышенностей. Над этой позицией командовало лишь Орлиное Гнездо. К недостаткам позиции относились: неустройство бойниц и блиндажей (по недостатку рабочих рук); слабость фронтального огня; обстрел был, главным образом, с боков. На Митрофаньевской горе стояло 6–8 орудий, да столько же на Лаперовской. Позицию эту свидетель считает в общем удовлетворительной, хотя с падением Большого Орлиного Гнезда держаться на ней было трудно. Третью оборонительную линию составляли: часть Центральной ограды до Саперного редута, Каменоломный кряж, а затем с занятием Большого Орлиного Гнезда японцами линию обороны можно было направить или на батарею лит. Б, или через Большую гору и укрепление № 1 на батарею лит. А или форт I, или можно было примкнуть ее к укреплению № 2. Первые орудия на Каменоломном кряже начали ставить в половине августа, а затем приступили и к устройству окопов. Работа подвигалась медленно, так как рабочих назначалось не более 100–150 человек. Глубина траншей была большею частью 7 футов, местами 4 с половиной, менее не было. Часть бойниц была устроена, блиндажей не было. Предполагалось на позиции держать лишь часовых, а гарнизон, ввиду наступавших холодов, расположить в домах Нового китайского города, находящегося сейчас же позади Каменоломного кряжа. Очищение батареи лит. Б затрудняло занятие 3-й линии, хотя [704] укрепление № 2 еще могло держаться, так как траншеи впереди его были весьма приличные. За Центральной оградой держаться можно было.

По мнению свидетеля, инженер-капитана фон Шварца, вторая оборонительная линия состояла из окопов, глубиной для стрельбы стоя; за Митрофаньевской горой имелись капитальные блиндажи на 5–6 рот, а на вершине горы — два крепких блиндажа человек на 40; два больших блиндажа были сделаны и за Скалистым кряжем. Вообще, линия была полевого характера, но признавать ее только «декорацией», по заявлению свидетеля — нельзя. Далее, у нас была Центральная ограда, представлявшая собой преграду для штурма города. Если бы она своевременно была оборудована траверсами и блиндажами, то за ней еще можно было бы держаться.

Заведовавший работами по укреплению 2-й оборонительной линии инженер-капитан Родионов показал, в свою очередь, что ко дню сдачи крепости линия эта представляла непрерывную траншею, местами переходившую в редуты, насыпных брустверов не было; профиль местами доведен был до 7 футов, местами лишь до 4–4 с половиной футов; блиндажей и теплых помещений не было, но внизу был целый Китайский город, которым можно было воспользоваться ими для размещения в его домах людей, или как материалом для создания блиндажей на самой позиции. По характеру местности позиция была сильна: все окопы были с хорошим обстрелом, и неприятелю, по мнению свидетеля, предстояла бы трудная задача — спуститься под действительным огнем со взятых им позиций (хотя бы с того же Большого Орлиного Гнезда) и подняться по крутому и большому подъему. Потребовалось бы время для подготовки этого движения серьезным артиллерийским огнем и закреплением занятых уже пунктов. На 2-й оборонительной линии было 10 орудий морских 75-мм, одно 120-мм на колесном лафете и несколько 57-мм, 37-мм и 9 фунтовых орудий. Для артиллерийской прислуги были устроены теплые помещения — блиндажи и кухни.

Относительно Центральной ограды бывший начальник штаба крепости полковник Хвостов показал, что это было очень солидное сооружение по своему профилю, усиленное искусственными препятствиями; в некоторых местах ограды имелись блиндажи; главный недостаток ее — низкое положение относительно ближайших высот. [705]

Санитарное состояние и дух войск. Согласно показанию заведующего медицинской частью Квантунского района, бывшего корпусного врача 3 Сибирского армейского корпуса, действительного статского советника Рябина, санитарное состояние гарнизона крепости до сентября было вполне благоприятным. Но уже в августе начали появляться заболевания дизентерией, а в сентябре брюшным тифом. Обе эти болезни в октябре и ноябре достигли наибольшего развития и с конца ноября стали слабеть. Параллельно с ними развивалась цинга, которая в ноябре и декабре охватила почти всех нижних чинов.

Все раненые и больные в госпиталях и в частях войск были вместе с тем и цинготные. Причинами развития цинги были: изнурительный труд по укреплению позиций, продолжительное житье в землянках и блиндажах, недостаток в некоторых пищевых продуктах — свежем мясе, овощах и кислотах и угнетенное состояние духа, особенно резко сказавшееся, по мнению свидетеля, после падения Высокой горы.

В свою очередь войсковые начальники показали:

генерал-майор Горбатовский, — что «здоровье войск, если относиться строго, было плохое, вполне здоровых было мало, все почти были подвержены или предрасположены к цинге». Выражение, что люди походят на теней, свидетель считает верным только относительно тех, которые дрались изо дня в день на позициях; но стоило только одну-другую ночь поспать, и они оживали. В последнее время на восточном фронте спать приходилось редко. Весть о сдаче войска приняли равнодушно, что свидетель объясняет страшным утомлением людей;

генерал-лейтенант Никитин, — что больных цингою было очень много, зачатками ее поражены были уже все; но весть о сдаче, по показанию этого свидетеля, произвела удручающее впечатление;

генерал-майор Мехмандаров, — что люди выглядели утомленными, но чтобы они пали духом — этого свидетель сказать не может;

генерал-майоры Ирман и Семенов, — что состояние духа войск западного фронта было хорошее; готовы были еще долго драться, о сдаче и не говорили, хотя каждый чувствовал, что наступает начало конца с падением верков на восточном фронте;

генерал-лейтенант Фок, — что на восточном фронте цинга с каждым днем принимала все более острую форму; на западном [706] фронте, особенно в полку, цинги почти не было. Распространение цинги свидетель объясняет непосильной службой, а не отсутствием надлежащего питания;

генерал-лейтенант Смирнов, — одной из причин быстрого распространения цинги считает неутверждение генералом Стесселем постановления совета обороны 25 ноября о выдаче конины ежедневно по 1/4 фунта каждому здоровому и 1/2 фунта каждому больному.

Из госпитальных больных, по показанию свидетеля, около половины было цинготных; из 7 тысяч больных, находившихся в околотках, около 5 тысяч могло быть поставлено на верки. Свидетель заключает это из того, что через регистрационный пункт японцы пропустили около 24 тысяч человек, которые могли совершить походное движение в 19 верст до ст. Чилиндзы, затем следовать в Дальний, а оттуда на пароходах в Японию. «Эти люди, без сомнения, могли лежать у бойниц и стрелять, когда в этом явилась бы надобность».

По показанию генерал-майора Горбатовского — в день сдачи выписалось из госпиталей и околотков от 8 до 10 тысяч человек.

В частности, о состоянии боевых и продовольственных запасов, здоровье и духе чинов флота свидетельствует:

контр-адмирал Вирен, — что вследствие сообщенного ему генералом Белым приказа генерала Стесселя ничего не портить на фортах остались неиспользованными около 6 тысяч морских снарядов большого калибра (6-дюймовых и 10-дюймовых) и около 6 тысяч малого — 75-мм, 37-мм и Барановского, хотя частным образом свидетелю известно, что на многих фортах незаметно портились орудия и топились снаряды. После проверки морских команд оказалось здоровыми ушедшими в плен 115 офицеров и 2537 нижних чинов;

контр-адмирал Лощинский, — что продовольственных запасов было вполне достаточно, так что порт уделил для сухопутных войск 6 тысяч пудов масла, 3 с половиной тысячи пудов сахара; особенно много было муки и сухарей, которых не ели, по тому что был хлеб. Дух морских войск был очень хорош, а судя потому, что как на них, так и на сухопутные войска сдача произвела удручающее впечатление, свидетельствует, что возможность дальнейшей обороны была. Всеми, правда, сознавалось тяжелое положение крепости, но мысль о капитуляции не возникла. Имея в виду, что противник, утомленный и обессиленный веденными [707] им штурмами, пошел бы, вероятно, ко 2-й линии тихой сапой, Артур, по мнению свидетеля, мог продержаться еще полтора месяца. Цинготных моряков было около тысячи человек,

контр-адмирал Григорович, — что припасов хватило бы еще месяца на полтора, а снарядов для двух штурмов. Достаточно было и защитников. Еще 19 декабря свидетель послал на форты совершенно бодрых людей.

VI. Капитуляция

Утром 20 декабря 1904 года (2 января 1905 г. н. с.) генерал-адъютант Стессель получил от генерала Ноги письмо на английском языке с уведомлением, что предложения его о переговорах для сдачи крепости приняты, что делегаты обеих сторон должны встретиться в дер. Суйши-ией (Шуйшуин) в полдень того же 20 декабря (2 января н. с.) и должны быть снабжены полномочиями для подписания капитуляции, которая должна состояться вслед за подписанием, без всякого промедления для дальнейшего одобрения. Вследствие сего генерал-адъютант Стессель поручил начальнику штаба укрепленного района полковнику Рейсу, в сопровождении представителя от флота и других назначенных им лиц, отправиться в дер. Шуйшуин для ведения переговоров с японскими уполномоченными о капитуляции крепости. В тот же день условия капитуляции были подписаны полковником Рейсом и капитаном 1 ранга Щенсновичем и 23 декабря по сдаче крепости, оружия и запасов японским войскам гарнизон ее выведен был из Порт-Артура военнопленным.

Обстоятельства, при которых последовало назначение генералом Стесселем уполномоченных с нашей стороны для ведения переговоров о сдаче и при которых переговоры эти велись, по данным предварительного следствия, представляются в следующем виде:

20 декабря утром исполняющий должность начальника штаба крепости подполковник Хвостов получил приказание явиться в штаб укрепленного района для сопровождения полковника Рейса, назначенного вести переговоры с японцами. Доложив о полученном приказании коменданту крепости, подполковник Хвостов отправился в штаб района, но оказалось, что полковник Рейс и все лица, назначенные его сопровождать, находятся у генерала Фока, где был и генерал Стессель. Последний при свидетеле [708] подписал полномочие полковнику Рейсу на заключение капитуляции, и, передавая его Рейсу, сказал, чтобы он добивался выпуска гарнизона с оружием, а если японцы на это не будут согласны, то хотя без оружия. Остальным собравшимся генерал Стессель объявил, что он дал полковнику Рейсу полную доверенность на заключение капитуляции и подробную (словесную) инструкцию на сей предмет, они же должны сопровождать полковника Рейса.

В деревню Шуйшуин, где было назначено место для переговоров, с полковником Рейсом кроме подполковника Хвостова отправились еще начальник штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии подполковник Дмитриевский, исполняющий должность начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии капитан Головань, капитан 1 ранга Щенснович, прапорщик Малченко и студент Восточного института Лебедев.

Капитан 1 ранга Щенснович прибыл, когда уже садились на коней. По дороге к указанным выше лицам присоединился глав-ноуполномоченный Российского общества Красного Креста на Квантуне егермейстер Балашев.

В Шуйшуине японский уполномоченный генерал Идити передал полковнику Рейсу уже заготовленные ранее условия капитуляции, написанные на английском языке, и заявил, что через 3/4 часа или через час он явится за ответом.

Свидетель, полковник Хвостов, находит, что ввиду обширности письменных условий капитуляции времени на обсуждение их было дано совершенно недостаточно. «Мы только кое-как успели ознакомиться с капитуляцией и выработали следующие поправки: выпуск гарнизона, хотя бы без оружия, разрешение офицерам взять с собой вестовых, исключение некоторых невыполнимых статей, как, например, сдача знамен (уже отправленных в Чифу) и кораблей (уже затопленных) и еще несколько мелких поправок. Все эти условия были написаны очень спешно и переданы полковником Рейсом генералу Идити. При обсуждении условий капитуляции все лица, сопровождавшие полковника Рейса, высказывали свои мнения, причем капитан Головань очень энергично доказывал, что нельзя соглашаться на капитуляцию, если японцы не выпустят весь гарнизон, и что на этом нужно очень энергично настаивать. Генерал Идити, однако, заявил, что генерал Ноги, соглашаясь на некоторые другие наши условия, на выпуск гарнизона согласиться не может. Вслед за [709] этим генерал Идити спросил полковника Рейса, согласен ли он подписать капитуляцию на таких условиях. Полковник Рейс ответил, что согласен. Пока условия капитуляции переписывались начисто в двух экземплярах, что продолжалось очень долго, полковник Рейс послал с казаком письмо генералу Стесселю, в котором сообщал ему о главнейших условиях капитуляции и просил сделать распоряжение о том, чтобы войска наши ничего не портили и не истребляли.

Генерал Стессель ответил ему, что все распоряжения сделаны, и прислал телеграмму на имя государя императора, которую просил немедленно отправить при посредстве японцев. В этой телеграмме Стессель доносил государю о капитуляции и просил разрешения для офицеров дать подписку о неучастии в военных действиях против Японии. Телеграмма была немедленно отправлена японцами. Около 11 часов вечера капитуляция была изготовлена и подписана с нашей стороны полковником Рейсом и капитаном 1 ранга Щенсновичем.

У последнего не было никакой доверенности на подписание капитуляции, но так как японцы требовали, чтобы капитуляция была подписана и представителем флота, то капитан 1 ранга Щенснович, подписывая ее, обязался впоследствии доставить требуемую доверенность.

В Порт-Артур наши уполномоченные вернулись очень поздно, и свидетель сейчас же явился к коменданту с докладом о всем происшедшем.

Спрошенные при следствии генерального штаба капитан (ныне подполковник) Головань и контр-адмирал Щенснович дополняют все вышеизложенное следующими подробностями:

Он, капитан Головань, получил уведомление, что генерал Стессель назначил его ехать вместе с полковником Рейсом и другими для переговоров с японцами в 10 часов утра 20 декабря. При отъезде его, свидетеля, из штаба дивизии инструкций ему дано не было. Когда назначенные лица собрались, генерал-адъютант Стессель объявил, что он уполномочил вести переговоры о сдаче полковника Рейса и приказал последнему прочитать выданное ему в том удостоверение. Свидетель тем не менее обратился с вопросом относительно инструкции, но генерал Стессель сказал, что он обо всем сговорился с полковником Рейсом. Из этого ответа он, свидетель, заключил, что уполномоченным является один полковник Рейс, остальные же

посылаются лишь для сопровождения [710] его. С заключением свидетеля согласился и подполковник Хвостов. Так как условия, которых надо было домогаться, не были указаны, то свидетель возбудил также вопрос, может ли быть отпущен гарнизон крепости на честное слово. На это присутствовавший тут генерал Фок сказал, что гарнизон может дать честное слово лишь с разрешения государя императора.

Первый вопрос, предложенный японцами, был о том, кто уполномочен вести переговоры. На это полковник Рейс заявил, что он, а от морского ведомства капитан 1 ранга Щенснович. Затем японцы заявили, что, вследствие полученного ими приказа, переговоры, несмотря на их исход, должны быть окончательными и вступить в полную силу, поэтому они могут начать переговоры только в том случае, если уполномоченные с нашей стороны согласятся на такой их характер. Полковник Рейс на это заявил, что он уполномочен принять окончательное решение. На рассмотрение условий было дано 45 минут, причем на замечание полковника Рейса, что, может быть, этого времени окажется недостаточно, японцы заявили, что несколько лишних минут не имеют значения.

Переводили условия капитуляции с английского языка на русский полковник Рейс и прапорщик Малченко. Остальные присутствовали в той же комнате. Каждая переведенная статья прочитывалась вслух, но мнений присутствовавших не спрашивалось. По окончании перевода свидетель заявил, что не только офицеры, но весь гарнизон должен быть отпущен. К этому мнению присоединились и другие. Относительно других условий высказано было, что необходимо точно выяснить, какие именно укрепления требуют себе японцы в обеспечение, так как их и наши названия различны; что следует точно определить предельный вес багажа и что срок выступления назначен слишком рано. В разговоре принимали участие все присутствовавшие, но каких-либо особых заявлений никем сделано не было. Во время перевода условий японские уполномоченные входили в помещение, занятое нашими уполномоченными один раз и, сообщив, что на одном из флангов была перестрелка, а в городе слышны взрывы, заявили, что во время переговоров не должно быть никакой умышленной порчи имущества и что в таком случае они имеют право прервать переговоры. На это полковник Рейс заявил, что взрыв, вероятно, был случайный, относительно же перестрелки сказал, что отдано распоряжение прекратить стрельбу со времени [711] выезда уполномоченных до их возвращения. По истечении назначенного срока японские уполномоченные, справившись, рассмотрены ли их условия, вернулись, и полковник Рейс заявил, что с нашей стороны считают необходимым и более справедливым, чтобы весь гарнизон крепости был отпущен, а не одни офицеры, а также передал им те замечания, которые были вызваны другими статьями, а именно, о необходимости отсрочить время выступления из крепости, об определении в цифрах веса багажа, предоставляемого офицерам, о неимении карт минных заграждений, о потоплении судов, о местонахождении в настоящее время в Порт-Артуре знамен и о различии в наименовании указанных в условиях капитуляции укреплений.

Получив эти заявления, японские уполномоченные удалились и по возвращении заявили, что находят возможным отпустить из состава гарнизона только офицеров, дружинников, добровольцев и вообще лиц, не состоящих на военной службе, а также вестовых, по одному на каждого офицера, все же остальные нижние чины должны быть военнопленными. Время выступления из крепости было отсрочено еще на сутки, а вес багажа точно определен. Предъявив эти условия, японские уполномоченные вновь удалились. Тогда свидетель, подойдя к полковнику Рейсу, сказал, что надо добиваться, чтобы весь гарнизон был отпущен, но полковник Рейс ответил на это свидетелю в том смысле, что «тут ничего не поделаешь, ведь они победители».

Когда японцы возвратились, то полковник Рейс заявил им о согласии принять новые условия, но что офицеры не имеют права без разрешения государя императора дать подписку не принимать участия в войне против Японии и что поэтому необходимо предварительно испросить по телеграфу это разрешение. Японцы изъявили на это согласие с условием, чтобы

содержание телеграммы было им известно. Кроме того, полковником Рейсом было указано, что много тяжелобольных и раненых находится не только в госпиталях, но и в околотках, в слабосильных командах и даже в строю, а так как все калеки и труднобольные отпускаются на родину, то следовало бы осмотреть всех больных и раненых. Японцы согласились с этим заявлением. Относительно указания полковника Рейса, что вес багажа мал, японцы сказали, что особая подкомиссия, вероятно, впоследствии его увеличит, что же касается имеющих историческую ценность документов, то взять таковые с собою не было разрешено. [712]

После этого было преступлено к написанию условий капитуляции в окончательной их редакции. Желая узнать, кто собственно должен подписывать условия капитуляции, свидетель обратился с этим вопросом к подполковникам Хвостову и Дмитревскому, но получил от них неопределенный ответ. Тогда свидетель заявил, что не считает себя вправе подписывать капитуляцию, так как никем на это не уполномочен. Перед подписанием капитуляции японцы предложили нашим уполномоченным предъявить письменные удостоверения их полномочий. Полковник Рейс такое удостоверение показал, а у капитана 1 ранга Щен-сновича его не было, и он заявил, что может представить его на следующий день. После некоторого совещания японцы на это согласились.

Контр-адмирал Щенснович показал, что 20 декабря, утром, он совершенно случайно зашел на квартиру контр-адмирала Григоровича, где застал и контр-адмиралов Лощинского и Вирена. Здесь адмиралами ему, свидетелю, было предложено отправиться уполномоченным от флота для заключения капитуляции. При этом ему было заявлено, что через четверть часа он должен быть уже в штабе района, откуда в 10 часов утра выезжают уполномоченные. По прибытии в штаб района он хотел представиться генералу Стесселю, но последнего не видал, полковник же Рейс не говорил ему, свидетелю, что он уполномоченный с таким же правом голоса, как и он сам, полковник Рейс, а лишь сказал, что японцы, очевидно, не согласятся теперь на те условия, которые предлагали в августе (вывести войска из крепости с оружием). По дороге в Шуйшуин полковник Рейс также ничего ему, свидетелю, об условиях капитуляции не говорил, кроме того, что сказал ранее. Сказал только, что положение крепости критическое, что не сегодня-завтра в нее войдут японцы и будет резня. В Шуйшуине японские уполномоченные предъявили им написанные уже условия и просили обсудить их, насколько помнит свидетель, в течение 55 минут, чтобы затем обсуждать их совместно. Японский представитель флота сказал ему, свидетелю, что должны быть переданы эксцентрики кораблей. На это он, свидетель, ответил, что таковых уже нет: корабли или потоплены, или ушли из Артура. Времени было немного, разговоров было мало. Он, свидетель, полагал, что с нашей стороны была комиссия под председательством генерала Рейса и членов: его, свидетеля, полковника Хвостова и капитана Голованя. Такой характер имело обсуждение [713] условий. Все говорили, и многие очень горячо. Полковник Рейс был очень воздержан. Он, свидетель, настаивал, чтобы весь гарнизон с оружием возвратился в Россию. Относительно кораблей возражений не могло быть. Их уже не существовало. Он, свидетель, возражал также против признания мастеровых военнопленными. Им разрешили вернуться в Россию. Относительно признания кондукторов флота пользующимися офицерскими правами возражения его, свидетеля, успеха не имели. Их признали нижними чинами. По установлении редакции статей капитуляции и переписке ее полковник Рейс предложил ему, свидетелю, подписать ее как представителю от флота, и он подписал.

Наконец, присутствовавший при переговорах в Шуйшине, бывший главноуполномоченный Российского общества Красного Креста на Квантуне, ныне обер-егермейстер Балашев показал, что отправился в Шуйшуин по предложению полковника Рейса на тот случай, если условия капитуляции будут касаться и Красного Креста. По дороге свидетель не слышал никаких разговоров ни по поводу предстоящих переговоров, ни о предшествующих событиях. «Ехали в более чем грустном настроении».

Равным образом, свидетель не заметил никаких споров, когда японцы предъявили свои условия. Незаметно было, чтобы пытались как-нибудь затянуть переговоры или сообщить о

ходе их генералу Стесселю. Наоборот, свидетелю казалось, что «с нашей стороны как будто думали только о том, чтобы как-нибудь скорее покончить дело и сдаться во что бы то ни стало».

Согласно заключенной капитуляции русские армия и флот, добровольцы и чиновники в крепости и на верках Порт-Артура становятся военнопленными (ст. 1); все форты и батареи, военные корабли, пароходы и шлюпки, оружие, склады, лошади и все прочие военные материалы, равно как деньги и другие предметы, принадлежащие русскому правительству, подлежат сдаче в настоящем их виде японской армии (ст. 2); гарантируя точное исполнение первых двух статей, русские армия и флот должны вывести гарнизон из всех фортов на Шузане, Шоашизане, Тай-аншизане и на всем хребте холмов, расположенных к юго-востоку от последних, и передать эти форты и батареи японской армии до наступления полудня (ст. 3); если русские армия и флот станут разрушать или изменять в каком-либо отношении современное состояние предметов, указанных в ст. 2, и существующее в момент подписания капитуляции, японская армия прекратит [714] всякие переговоры и получит свободу действий (ст. 4); русские военные и морские власти Порт-Артура должны собрать и передать японской армии план укрепления Порт-Артура, карту, указывающую места, в которых положены подземные и подводные мины и другие опасные предметы, ведомость организации армии и флота, расположенных в Порт-Артуре, список военных и морских офицеров с указанием их чинов и должностей, такой же список военных и гражданских судов, пароходов и шлюпок с поименным списком их экипажей и ведомость, указывающую число, пол, национальность и профессии жителей обыкновенного населения (ст. 5); все оружие (включая и носимое отдельными лицами), боевые припасы, военные материалы, здания, деньги и другие предметы, принадлежащие правительству, лошади, военные суда, пароходы, шлюпки вместе с предметами, находящимися внутри этих судов (за исключением предметов частной собственности), должны быть сохранены в порядке на местах, на которых они находятся в настоящее время. Способ их передачи должен быть определен русскими и японскими комиссиями (ст. 6); чтобы почтить мужественную защиту Порт-Артура, русским военным и морским офицерам и чиновникам позволяется сохранить холодное оружие и взять с собой предметы их частной собственности, необходимые для жизни, причем тем из офицеров, добровольцев и чиновников, которые подпишут письменную присягу не поднимать более оружия или действовать каким-либо образом против интересов Японии в течение настоящей войны, будет разрешено вернуться на родину. Каждому офицеру будет разрешено взять с собой одного вестового, который будет освобожден отдельно по снятии присяги (ст. 7); вооруженные унтер-офицеры, солдаты и матросы русских армий и флота, равно как и добровольцы, отправятся отрядами под командой своих офицеров, к месту сбора, указанному японской армией, в своем форменном одеянии, имея с собой переносные палатки и необходимейшие предметы их частного имущества. Подробности этой процедуры будут определены японской комиссией (ст. 8); для ухода за больными и ранеными, а также для нужд военнопленных, санитарный и комиссариатский состав русской армии и флота в Порт-Артуре должны оставаться до тех пор, пока это будет признано необходимо японской армией и исполнять свои функции под руководством японских санитарных и комиссариатских офицеров (ст. 9); размещение гражданского населения, [715] перевозка административных дел и финансов, принадлежащих городу, вместе с документами, к ним относящимися, равно как и другие дела, относящиеся к исполнению настоящей капитуляции, будут указаны в дополнении, имеющем ту же самую обязательную силу, как и настоящая капитуляция (ст. 10), и настоящая капитуляция должна быть подписана уполномоченными обеих сторон и вступит в действие непосредственно после подписания (ст. 11). Подлинная капитуляция подписана 2 января 1905 г. (20 декабря 1904 года) в Суйшией полковником Рейсом, начальником штаба укрепленного района Квантунской области капитаном Щенсновичем, генерал-майором Коске Идита и командиром Данииро-Повакура.

Для приведения в исполнение капитуляции тогда и там же было составлено и подписано

теми же лицами «Дополнение к капитуляции Порт-Артура, подписанное 2 января 1905 года», состоящее из 12 статей.

В качестве вещественных доказательств к делу приложены следующие письма полковника Рейса на имя генерала Стесселя:

1) «Капитуляция сейчас будет подписана, почему необходимо прекратить теперь же всякую стрельбу. О том же отдается приказание и по японским войскам. Офицеры сохраняют оружие. Офицеры, зауряд-прапорщики, чиновники, доктора и фельдшера, священники и по одному денщику на офицера (и все калеки) могут выехать в Россию, дав письменное обязательство не принимать участия в войне с Японией.

«Телеграмму государю о разрешении дать слово они берутся сейчас же отправить. Проект телеграммы прилагаю. «Пришлите телеграмму, подписанную Вами, обратно, я сейчас же передам ее для отправления. Полковник Рейс».

«Завтра до 8 часов утра должны быть выведены гарнизоны всех фортов между Лун-хе и укреплением № 5».

2) «Пожалуйста, прикажите прекратить взрывы в городе и фортах и пожары и вообще разрушение. Условия менее, чем предполагено Вами, но вполне почетные. Убедительно прошу о прекращении взрывов. Полковник Рейс».

На первом письме, поперек его, сверху, крупным почерком синим карандашом написано: «Сейчас же исполнить о прекращении стрельбы, а это сейчас назад». А также черновая записка, написанная карандашом на имя полковника Рейса: «Уполномочиваю Вас войти в переговоры с делегатами, назначенными командующим [716] Японской армией, осаждающей Порт-Артур, относительно порядка и условий капитуляции, которая после подписи будет считаться вошедшею в силу. Подпись».

22 декабря смешанная русско-японская комиссия выработала порядок передачи войск, а 23-го числа, с 8 часов 30 минут утра началась и самая передача. В течение 23, 24 и 25 декабря сдано было японцам 23131 нижний чин и 747 офицеров, чиновников и зауряд-прапорщиков. Генерал Стессель с войсками не прощался.

По показанию бывшего гражданского комиссара Квантунской области и председателя городского совета Порт-Артура подполковника Вершинина, начальник укрепленного района и его штаб с 22 декабря как бы исчезли: ни одного распоряжения, ни одного слова, и они нигде не появлялись. Между тем участие их представлялось свидетелю особенно желательным, ибо личные и имущественные права мирного населения Порт-Артура по капитуляции совершенно не были ограждены. В особенно тяжелом положении оказались семьи солдат и офицеров. Первые не были обеспечены ни отпуском провианта, ни выдачей им жалованья мужей или пособий, они не были снабжены никакими документами и за ними условиями капитуляции не были обеспечены квартиры в казенных зданиях, который они занимали в период осады. Семьи офицеров оказались также в очень тяжелых условиях, когда им предложено было следовать к мужьям, для чего они должны были идти 19 верст до станции железной дороги. Просьбами в японском комитете свидетелю удалось немного улучшить их судьбу. Японцы обещали выдавать солдатским женам провиант для продовольствия и сохранить за ними квартиры, но все это «по возможности». Для жен офицеров свидетелю удалось через тот же комитет добиться назначения 18 китайских арб, но из них 10 были взяты для генерала Стесселя, о чем свидетелю, сожалея и извиняясь, сообщили в тот же вечер японские офицеры из состава гражданского комитета.

Отсутствие распоряжения со стороны генерал-лейтенанта Стесселя в период, последовавший за подписанием капитуляции крепости, и безучастное отношение его к интересам мирного населения Порт-Артура подтверждается также опрошенным при следствии в качестве свидетеля, исполнявшим военно-прокурорские обязанности на Квантунской полуострове,

помощником военного прокурора Приамурского военно-окружного суда полковником [717] Тыртовым, который, между прочим, показал, что по прибытии его на 19-ю версту, на станцию железной дороги, он видел всю платформу, заваленную ящиками и узлами, в числе не менее 70 мест, заделанных так, что «они могли выдержать не одно кругосветное плавание». Ему, свидетелю, объяснили, что это багаж генерал-адъютанта Стесселя. Свидетель припоминает также, что заведовавший хозяйством 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан Протопопов еще дней за пять до сдачи говорил ему, что есть верный признак, что крепость скоро будет сдана: жена генерала Стесселя прислала за слесарями и плотниками для укладки и упаковки своего имущества.

Свидетель, полковник Хвостов, также слышал, что в 14-м полку, которым командовал полковник Савицкий, еще за месяц до сдачи крепости изготовлялись ящики для вещей генерала Стесселя и тогда же эти вещи укладывались. При следовании свидетеля из Порт-Артура в Россию свидетель лично видел в Порт-Саиде баржу, на которую грузились вещи генерала Стесселя; их было не менее 50 мест, причем было немало очень громоздких.

Спрошенные при следствии по содержанию изложенных выше событий в качестве обвиняемых генерал-лейтенанты Стессель, Смирнов и Фок и генерал-майор Рейс виновными себя не признали и объяснили:

Генерал-лейтенант Стессель:

В журнале совета обороны 25 ноября действительно неверно записано то предложение, которое он, обвиняемый, приказал полковнику Рейсу внести на обсуждение этого совета. Выражение «предел обороны» он, обвиняемый, понимал в смысле пределов местности, т. е. где нужно было останавливаться после выбитая нас японцами с тех или иных позиций; после падения горы Высокой, 23 ноября, это необходимо было точно выяснить.

Военный совет 16 декабря собран им, обвиняемым, вовсе не для определения времени капитуляции, а для выяснения личным опросом начальников нравственного состояния гарнизона. На этом совете начальники фортов и батарей атакованного фронта отзывались, что нравственное состояние людей сильно ухудшилось, во-первых, вследствие болезней, особенно цинги, а, во-вторых, вследствие того, что люди совершенно изверились в выручку со стороны генерал-адъютанта Куропаткина. Те же начальники, [718] которые не были на восточном фронте, говорили, что войска еще сохраняют нравственный дух. По опросе и обсуждении решили драться на линии фортов, т. е. на передовой линии. Последнее слово принадлежало ему, обвиняемому, и он сказал, что приказывает драться во чтобы то ни стало на линии фортов. В журнале военного совета мнение его записано совершенно верно. На указание адмирала Вирена, что ему необходимо время для взрыва машин затопленных судов, он, обвиняемый, ответил, что все должно быть для этого подготовлено, а затем своевременно дано будет знать, когда нужно взрывать. Генерал Белый говорил, что снаряды у него еще имеются, но он, обвиняемый, доверять вполне генералу Белому не мог, так как накануне, т. е. 15 декабря, на приказание не жалеть снарядов для стрельбы по занятому японцами форту III генерал этот отвечал, что снарядов не имеется. Хотя со взятием Большого Орлиного Гнезда крепость, по глубокому убеждению обвиняемого, и должна была пасть, но на совете вопроса о капитуляции он, обвиняемый, не возбуждал, потому, во-первых, что не хотел подрывать духа даже словом «капитуляция», и, во-вторых, все еще надеялся, что вдруг выручка будет; Орлиное Гнездо не было еще взято, как не было взорвано и укрепление № 3. Если же слова эти («сдача» и «капитуляция») и произносились в комнате, где происходило заседание совета, то он, обвиняемый, их не слышал; но это вместе с тем доказывает, по мнению обвиняемого, что вопрос о капитуляции «копошился в душе у многих». Полковник Рейс докладывал ему, обвиняемому, что журнал заседания военного совета надо подписать, но он сказал, что сейчас при разбросанности членов совета это сделать невозможно, что это успеется, к тому же и совет собирался лишь для выяснения вопроса о состоянии духа гарнизона. Так как военный совет собирался не для решения вопроса о капитуляции и о ней «и слова говорено

не было», то по ходу событий обвиняемый считал себя в праве донести государю императору, не упоминая о военном совете, что продержится лишь несколько дней; а так как докладу генерала Белого о достаточном количестве снарядов не доверял, то и добавил в телеграмме, что «у нас снарядов почти нет».

Когда была составлена телеграмма государю императору, 15 или 16 декабря, он, обвиняемый, хорошо не помнит, но утверждает, что во всяком случае до военного совета, который окончился поздно и после которого он, обвиняемый, зайдя домой выпить [719] стакан чаю, поехал верхом на укрепление № 2, так как опасался, что японцы, взяв форт III, ложиной между укреплением № 2 и батареей А проберутся партиями в город.

Относительно отправки знамен в Чифу обвиняемый объяснил, что так как «жизнь крепости висела на волоске», то он не желал дать неприятелю такие трофеи; к тому же это не могло содействовать упадку духа гарнизона, так как знамена были не на позициях и фортах, а в крепости, у ставок командиров частей.

После смерти генерала Кондратенко, он, обвиняемый, назначил начальником сухопутной обороны генерала Фока потому, что вполне рассчитывал на его боевую опытность и умение и считал вполне достойным для упорной обороны Порт-Артура. Заметки генерала Фока о невозможности упорного сопротивления крепости он, обвиняемый, не читал, да и лицо, которое пишет о недостатках крепости, еще не является лицом, не могущим защищать крепость до последней крайности. На просьбу генерала Смирнова назначить его начальником восточного фронта обороны, а генерала Фока начальником западного фронта, он, обвиняемый, отвечал, что он, генерал Смирнов, комендант и ему подчиняются весь сухопутный и приморский фронты; разделяя же сухопутный фронт на два, пришлось бы еще назначить над ними, генералами Смирновым и Фоком, объединяющее лицо и, наконец, что приказ о назначении генерала Фока был уже отдан.

События, последовавшие после 16 декабря, взрыв укрепления № 3 18 декабря, взятие японцами Китайской стенки и, наконец, взятие ими 19 декабря в 3 часа 40 минут дня Большого Орлиного Гнезда, — создали через три дня после военного совета такое критическое положение, которого он, обвиняемый, так скоро не ожидал. Тогда, видя продолжающееся движение неприятеля по периметру крепости на восток и что нет более возможности защищаться, зная, что нужно время для взрыва судов и надо пользоваться, пока японцы еще не осмотрелись, он, обвиняемый, написал письмо генералу Ноги о том, что считает дальнейшее кровопролитие бесцельным, и послал это письмо к полковнику Рейсу для перевода его на английский язык и отправки с прапорщиком Малченко по назначению. Письмо послано после падения Большого Орлиного Гнезда, которое было взято японцами не в 6 часов, а в 3 часа 40 минут дня.

По объяснению обвиняемого, в момент отправки письма к генералу Ноги в наших руках еще находились: батареи берегового [720] фронта, форты и укрепления западного и частью северного фронта, Курганная батарея, высоты Митрофаньевская, Лаперовская и Владимирская, Малое Орлиное Гнездо, батарея Б, укрепления № 1 и 2, открытый канонир, форт I, позиция лейтенанта Хоменко и город с внутренней оградой. Однако раз японцами было взято Большое Орлиное Гнездо, им не было надобности атаковать высоты Митрофаньевскую, Лаперовскую, Малое Орлиное Гнездо, Куропаткинский люнет и т. д. Поставив корректора стрельбы на Большом Орлином Гнезде, откуда взору его как с птичьего полета представлялась вся внутренность крепости и все эти горки, они направили бы огонь всех своих орудий как угодно и уничтожили бы всю внутренность крепости, как уничтожили нашу эскадру после взятия Высокой горы. Что касается того, можно ли было допустить резню на улицах, то, по мнению обвиняемого, «физически это возможно при непременно условии, чтобы японцы, вместо разгрома внутренности крепости снарядами, дали ворваться внутрь войскам, а тогда было бы то, что было в войну 1894–1895 годов; памятник же десяти тысячам китайцам, зарезанным в Артуре, все мы видели, и не один раз... И этот последний

акт был бы произведен над моими боевыми товарищами, ранеными воинами, лежавшими по разным госпиталям...». Этого он, обвиняемый, допустить не мог — «и вместо дешевых бумажных лавров решил сдать остатки героев после взятия той высоты, владение которой отдавало в руки того, кто ей владеет, и крепость; крепости Порт-Артур после взятия Большого Орлиного Гнезда не существовало».

Военного совета, в смысле 62 статьи Положения о крепостях, он, обвиняемый, собрать 19 декабря, после падения Большого Орлиного Гнезда, не мог, так как было уже некогда. Ранее же предполагал собрать такой совет, когда станет ясной невозможность держаться, но надеялся продержаться еще несколько дней.

Что Большое Орлиное Гнездо по шестому штурму было взято, он, обвиняемый, это видел из своего дома. Вскоре же пришел генерал Фок и подтвердил это. Тогда он и решил написать письмо к генералу Ноги.

Малое Орлиное Гнездо, Куропаткинский люнет и батарею Б, он, обвиняемый, приказал генералу Фоку очистить потому, что эти пункты не имели решительно никакой возможности обороняться. Во время предшествовавших боев на них было уничтожено [721] все вооружение. Малое Орлиное Гнездо было рядом с Ку-ропаткинским люнетом, ближе 3/4 версты от Большого Орлиного Гнезда, и тут же была батарея Б, и над всем этим командовало Большое Орлиное Гнездо. Очищая эти пункты, он, обвиняемый, только и исключительно освобождал людей от напрасной и бесполезной гибели и вместе с тем ставил их на другие позиции, чтобы показать японцам, что мы еще способны оказать сопротивление. Сам же он, обвиняемый, по его словам, «прекрасно знал, что на этих декоративных позициях, от Курганной до 2-го укрепления, которые велел генералу Фоку держать, невозможно сопротивляться». Он, обвиняемый, рассчитывал, что японцы не сразу осмотрятся и дадут время как уничтожить их будущие трофеи, так и заключить с ними капитуляцию на более почетных условиях. Вследствие этого и во исполнение данного обвиняемым адмиралу Вирену слова он по отправлении парламентаря послал адмиралу сказать, что настала пора заняться окончательным уничтожением судов. Это сообщение адмиралу Вирену было послано после того, как Малченко, возвратившись, привез согласие Ноги на ведение переговоров.

Для заключения капитуляции он, обвиняемый, назначил представителя от флота и начальников штабов: крепости, 4-й и 7-й дивизий и полковника Рейса. Посылая этих лиц, он считал, что все едут с одинаковыми правами, но им этого лично не сказал, а поручил полковнику Рейсу по пути следования передать им это и разъяснить, чего он, обвиняемый, желает. Он же хотел, чтобы весь гарнизон выпустили с оружием в руках. Полковника Рейса он, обвиняемый, послал уполномоченным, как своего начальника штаба и человека, знающего английский язык. Полковник Рейс на заседании совета обороны 25 ноября ничем не проявил отсутствия мужества в своих суждениях, а на военном совете 16 декабря он, докладывая о состоянии крепости, высказывал свое мнение о значении Порт-Артура и доказывал, что она исполнила свое назначение. Назначая полковника Рейса, он, обвиняемый, не имел в виду статьи 60 Положения о крепостях, и полковник Рейс на нее ему не указывал, сам же он считал его и мужественным, и выдержанным. Письменной инструкции он, обвиняемый, полковнику Рейсу не давал, а дал ему словесную, в том смысле, чтобы требовал выпуска всего гарнизона с оружием. Равным образом, он, обвиняемый, не обязал полковника Рейса, предварительно подписания условий, испросить у него, генерала [722] Стесселя, согласие на принятие их, но полковник Рейс, пользуясь случаем, прислал ему записку из Шуйшуина, в которой сообщал, что из Токио им категорически указано сохранить оружие офицерам и выпустить тех из них, которые дадут слово не сражаться с ними в эту войну. Считая, что эти условия были следующими по почетности после предложенных им, обвиняемым, он и изъявил полковнику Рейсу свое согласие на принятие их. Но выразил ли он это согласие в записке полковнику Рейсу или приказал передать ему это словесно, он этого теперь не помнит. Все остальные условия полковник Рейс разработал на месте и по

возвращении доложил, что выговорить более было нельзя. В момент капитуляции он, обвиняемый, предполагал, что у японцев было от 45 до 50 тысяч войск. Он, обвиняемый, не пошел с войсками в плен потому, что на свою всеподданнейшую телеграмму имел счастье получить ответ государя императора в том смысле, что каждому предоставляется воспользоваться выговоренным правом и вернуться на родину, полученная же вслед за сим телеграмма государыни императрицы Марии Федоровны, разрешив все сомнения, позволила ему, генерал-лейтенанту Стесселю, ехать в Россию.

Никаких ящиков для упаковки имущества ему, обвиняемому, не делали, а так как штаб укрепленного района был разбит неприятельскими снарядами и переместился в дом командира 25-го полка, близ казарм 10-го полка, то туда переносили пустые ящики, что и было, вероятно, принято досужими людьми за приготовление для его, обвиняемого, вещей новых ящиков. Начальник штаба генерала Ноги сообщил ему, обвиняемому, что микадо разрешил ему вывезти из Артура все свое имущество, но он, обвиняемый, сделать этого не мог по полному отсутствию подвод; японцы дали ему всего лишь 14 подвод, из коих на каждую, даже при их упаковке, можно было уложить не более 10 пудов; была еще платформа, на которую можно было, при паре лошадей, уложить пудов тридцать. При этих перевозочных средствах он, обвиняемый, и перевез имущество свое, своей жены, семи детей — сирот, прислуги, ковры генерала Кашталинского, бумаги, сундук штаба и часть имущества офицеров штаба района. Остальное все его, обвиняемого, имущество осталось в Порт-Артуре. Никаких подвод под свои вещи он, обвиняемый, не брал из числа назначенных частным лицам; ему лишь прислали 14 японских двуколок, на которых помещается не более 10–12 пудов. [723]

С некоторыми войсковыми частями он, обвиняемый, лично простился, но со всеми не мог, так как по соглашению с генералом Ноги должен был быть к условленному часу в дер. Шуйшу-ин для переговоров относительно оставляемых в Порт-Артуре раненых и при них врачей, сестер милосердия и пр.

Главная обязанность по сохранению имущества гражданского населения Порт-Артура и его эвакуации лежала на гражданском комиссаре, который оставался еще некоторое время в крепости. По капитуляции все частное имущество считалось неприкосновенным, но для того чтобы оно было действительно неприкосновенно, надо было поставить сторожей, что некоторые и сделали. До самого отъезда его, обвиняемого, из Порт-Артура к нему все время являлись частные лица с разного рода просьбами и жалобами, чаще всего на невыдачу пособий. Полагая, что это дело гражданского комиссара, он, обвиняемый, и направлял просителей к подполковнику Вершинину.

Генерал-майор Рейс:

На совете обороны 25 ноября 1904 года он, обвиняемый, лишь буквально передал желание генерала Стесселя о том, чтобы совет обсудил способ дальнейшей обороны и предел ее, в том смысле, как это изложено им в особом мнении, приложенном к журналу заседания.

На совете 16 декабря он, обвиняемый, не настаивал на необходимости тогда же войти в переговоры о капитуляции, но на поставленный генерал-адъютантом Стесселем вопрос о состоянии крепости счел своим долгом высказать откровенно свой взгляд. В том, что крепость долго продержаться не может, он 16 декабря 1904 года был вполне убежден и теперь остается при том же убеждении, равно как считает, что жертвование жизнью не только массы людей, но и одного человека на войне обязательно для начальника там, где этим может быть достигнута определенная цель; там же, где достижение такой цели не представляет никакой возможности, жертвование жизнью подчиненных людей является не только не обязательными, но даже преступным. Исходя из этих взглядов, он, обвиняемый, и высказал мнение, что раз, с развитием успехов неприятеля, успех дальнейшего сопротивления сделается невероятным, следует принять меры к тому, чтобы резня на улицах не могла иметь места. [724]

Переписав журнал заседания военного совета 16 декабря, он, обвиняемый, представил таковой генералу Стесселю и просил его по возможности скорее подписать и передать ему, генералу Рейсу, для посылки на подпись остальным членам совета, причем указал на важность этого документа в виду статьи 62 Положения о крепостях. На это генерал Стессель ответил, что посылать журнал для подписи нет надобности, так как, собирая совет, он имел в виду лишь выслушать мнения отдельных начальников о положении крепости и способах дальнейших действий, окончательное же решение и ответственность за него принимает на себя. После этого он, обвиняемый, не считал себя вправе настаивать на выполнении статьи 62 Положения о крепостях. Кроме того, решение генерала Стесселя вступить в переговоры, насколько известно обвиняемому, было принято после доклада генерала Фока, т. е. не ранее 3 часов дня 19 декабря, когда до наступления темноты (после чего посылка парламентаря делалась невозможной) оставалось не более полутора часов, а в это время собрать новый совет было невозможно. Наконец, он, обвиняемый, не находит, чтобы принятое генералом Стесселем решение было противно мнению военного совета: значительная часть участвовавших в совете лиц, и преимущественно бывших на атакованном фронте, мнение которых поэтому было особенно ценно, высказалась в том смысле, что сопротивляться можно и должно, пока мы владеем линией фортов, с падением же последних, на так называемой 2-й линии обороны, держаться нельзя. Это последнее положение и наступило 19 декабря.

Упорные штурмы на Большое Орлиное Гнездо ясно показали, по мнению обвиняемого, что на этот раз японцы решили вести дело до конца, а с падением Орлиного Гнезда пало последнее препятствие их движения внутрь крепости, не говоря о том, что с него вся внутренность крепости видна, как на плане, и любой ее пункт может быть обстрелян прицельно из ружей и пулеметов.

Назначение уполномоченным для переговоров о капитуляции произошло не по его, обвиняемого, желанию, но отказываться от него он не считал себя вправе, так как твердо решил добиваться возможно выгодных условий; при этом он, обвиняемый, не мог не согласиться с мнением генерала Стесселя, что знание им английского языка будет полезно при ведении переговоров.

От генерал-адъютанта Стесселя, он, обвиняемый, получил устную инструкцию добиваться выпуска на честное слово всего [725] гарнизона, если можно, то с оружием; при невозможности же добиться этого согласиться и на менее выгодные условия, если только в них не будет ничего унижительного. Письменной инструкции он, обвиняемый, не считал нужным и удобным просить, раз генерал Стессель ее сам ему не дал, и так как твердо был уверен, что генерал Стессель не способен отказаться от данного им приказа.

Отправляясь в Шуйшуин для заключения капитуляции, он, обвиняемый, данной ему генералом Стесселем инструкции сопровождавшим его лицам не сообщал, да никто из них его и не спрашивал.

Проект условий капитуляции был предложен японскими уполномоченными на 45 минут не для окончательного ответа, а лишь для ознакомления и дополнения нашими контрпредложениями, для чего, ввиду краткости условий, назначенный срок казался ему, обвиняемому, достаточным, вообще же переговоры велись с 11 до 4–5 часов. На заявленное им, обвиняемым, желание о выпуске всего гарнизона японский уполномоченный заявил, что основные положения капитуляции продиктованы из Токио и отступать от них он не имеет права, так что предложенные ими условия могут быть изменены лишь в деталях. Ввиду этого заявления и полученной от генерал-адъютанта Стесселя инструкции, он, обвиняемый, не считал возможным настаивать на своем заявлении, что могло бы повлечь перерыв переговоров. Задержать подписание капитуляции до следующего дня было нельзя, вследствие предварительно поставленного условия, что переговоры должны быть завершены окончательно в тот же день и на месте. Случайное обстоятельство дало ему, обвиняемому,

возможность ранее подписания условий сообщить их сущность генералу Стесселю и получить его согласие.

Во время переговоров им, обвиняемым, было обращено внимание японских уполномоченных на слишком ограниченный размер багажа, разрешенный к вывозу офицерам, но на это было отвечено, что такие нормы установлены для полевого багажа японских офицеров. Относительно частной собственности в тексте капитуляции было сказано, что она остается неприкосновенной, а меры к ее охранению имеют быть выработаны особой смешанной комиссией, почему они при заключении капитуляции и не обсуждались. Сравнительно с первоначально предъявленными японцами условиями обвиняемому удалось добиться следующих [726] уступок: перенесения дня выхода гарнизона из крепости с 21 декабря на 23-е; разрешение всем офицерам и их семьям, возвращающимся в Россию, взять с собой казенную прислугу; разрешение возвратиться в Россию всему санитарному персоналу и раненым, и больным, неспособным к службе в настоящую кампанию. За неимением в нашем законодательстве каких-либо указаний относительно того, какие условия капитуляции должны считаться почетными и какие унижительными, и имея единственным критерием примеры военной истории, он, обвиняемый, не находил никаких основания считать предложенные ему японцами условия капитуляции унижительными.

Б частности, относительно своего разговора с генералом Фоком 19 декабря о составленном заранее письме к генералу Ноги обвиняемый объяснил, что такого разговора он не помнит. Помнит же, что генерал Фок спрашивал его, обвиняемого, много ли времени нужно для составления и отправки письма с предложением начать переговоры, и он, обвиняемый, на это ответил, что письмо можно написать и перевести в несколько минут.

Генерал-лейтенант Фок:

Обвиняемый признает, что он, действительно, не испрашивал разрешения коменданта на очищение форта II потому, что считал себя подчиненным генералу Стесселю, с которым всегда входил непосредственно в сношение; так и на этот раз: убедившись в отчаянном положении форта, он доложил о том генералу Стесселю и от него получил разрешение вывести гарнизон и форт взорвать, после чего он уже и не считал себя вправе обращаться по этому поводу к коменданту. Очищение форта II вовсе не отразилось дурно на духе войск, так как все давно этого ждали; ко времени очищения форт почти уже не существовал.

Обвиняемый признает также, что оставить Малое Орлиное Гнездо, Куропаткинский люнет и бат. Б приказал он, так как удерживать их после падения Большого Орлиного Гнезда, по мнению его, было нельзя.

По плану можно видеть, что Большое Орлиное Гнездо господствует над Малым Орлиным Гнездом и Куропаткинский люнетом и обстреливает пулеметами не только дорогу, но весь скат, обращенный к Артуру. Ложементы Малого Орлиного Гнезда фланкируются с Большого Орлиного Гнезда, а Куропаткинский [727] люнет обстреливается с тыла. Со взятием Большого Орлиного Гнезда вся Китайская стенка перешла в руки японцев, и они в упор подошли к траншее Малого Орлиного Гнезда, а Куропаткинский люнет был окружен с трех сторон. С падением Большого Орлиного Гнезда было приказано очистить только то, что зависело от него, а потому забыли про батарею Б. Но когда пришлось очистить Куропаткинский люнет, то вспомнили и о батарее Б. Он, обвиняемый, приказал и ее очистить. На батарее Б в это время орудия не действовали, все ее укрепление состояло из одной траншеи, обращенной к японцам, но эта траншея доходила до Китайской стенки. Японские ложементы были расположены в тридцати шагах, а средняя часть их в пятнадцати.

Почти при всяком штурме батарея Б переходила в руки японцев; так было 13 ноября, но тогда она была взята обратно моряками. Теперь тем более, по мнению обвиняемого, нельзя было ее удерживать, и потому он счел нужным ее очистить, остановившись на укреплении № 2. В то время такого же взгляда держались и генерал Горбатовский, и начальник участка

подполковник Лебединский, что видно из следующего места телефонограммы последнего от 10 часов 30 минут утра 19 декабря на его, обвиняемого имя: «...Донесил о положении вещей Горбатовскому, получил приказание обороняться до вечера, а там будет сообщено, в каком порядке и куда отойти. Держаться на занимаемой мной позиции, отдав Орлиное Гнездо, невозможно. Японцы с Орлиного Гнезда обстреливают не только дорогу, что сзади горы, но и вдоль Китайской стенки, из пулеметов и приносят сильный урон. Жду распоряжения».

Из вышеизложенного, по мнению обвиняемого, видно, что Малое Орлиное Гнездо, Куропаткинский люнет и батарея Б не могли составлять оплот северо-восточного фронта. О том, что будто генерал Горбатовский сообщил в штаб 4-й дивизии, что имеется приказание коменданта крепости не оставлять Малого Орлиного Гнезда, Куропаткинского люнета и батареи Б — он, обвиняемый, слышит в первый раз и сомневается, чтобы такое сообщение было. Он слышал от подполковника Лебединского, точно не помнит, когда именно, что комендант желает удерживать батарею Б, но приказания о том он, генерал Фок, не получил, а удержание батареи Б считал невозможным, так как люди сами оттуда ушли бы, и тогда он не мог бы удержать укрепление № 2. [728]

Из предписания, посланного им, обвиняемым, генералу Горбатовскому 19 декабря, в 7-м часу вечера, видно, что об оставлении Малого Орлиного Гнезда и Куропаткинского люнета и речи нет, говорится о батарее Б. Хотя по буквальному смыслу предписания угроза относилась к очищению батареи Б, но это просто неудачная, благодаря спешности, редакция, так как относительно батареи Б нечего было опасаться, что ее не очистят. Угроза, сделанная им, обвиняемым, была направлена на то, чтобы укоренить мысль об удержании Митрофаньевской, Владимирской, Лаперовской и Безымянной горок.

В частности, относительно слов, сказанных подполковником Рейсом 19 декабря в штабе района о том, что письмо генералу Ноги уже написано и будет отправлено завтра, он, обвиняемый, подтверждает, что такой разговор действительно происходил между ними.

Генерал-лейтенант Смирнов:

После сдачи форта II он, обвиняемый, стал подозревать в сильной степени о стремлении генералов Стесселя и Фока привести крепость к сдаче, явных же к тому доказательств не было. Чтобы воспрепятствовать этому, он, генерал-лейтенант Смирнов, послал главнокомандующему депешу, в которой просил или утвердить его в полных правах коменданта, или же, в противном случае, снять с него ответственность за дальнейшую оборону и сложить с него обязанности коменданта; устранить генерала Фока своим приказом он не мог, так как это явилось бы отменой приказа генерала Стесселя, его начальника. Самая сдача форта II не могла иметь решающего значения в смысле тактическом, но в моральном смысле значение ее было громадно. Факт отправления генерал-лейтенантом Смирновым главнокомандующему депеши за № 1282 подтверждается показанием бывшего начальника штаба крепости полковника Хвостова.

Затем он, обвиняемый, совершенно искренне полагал, что, согласившись с мнением совета 16 декабря, генерал Стессель признал дальнейшую оборону обязательной, и когда в 7 часов вечера 19 декабря из предписания адмиралу Вирену подрывать корабли узнал, что генерал Стессель предпринимает сдачу крепости, то у него не осталось никакого сомнения, что генерал Стессель его, генерала Смирнова, и всех действительных защитников [729] крепости жестоко обманул. Поэтому он, обвиняемый, полагал всякие доклады о неправильных поступках тому человеку, который позволил себе такой обман, бесцельными. Здесь могла иметь место одна только мера — полное устранение его от власти насилием. Для этого ему, обвиняемому, предстояло собрать всех старших начальников, объяснить им положение вещей, указать на позорное положение, создаваемое сдачей, и затем сделать распоряжения об аресте генерала Стесселя, Фока и Рейса и высылке их на миноносце в Чифу, об устранении от командования полками полковников Савицкого, Грязнова и Гандурина, о снятии части войск с Ляотешаня и западного фронта и передвижении их на Каменоломный кряж и об

организации всей обороны на новой линии с назначением нового ответственного персонала. Для всего этого дела оставалась одна ночь, в течение которой сделать все это было невозможно, тем более что всю эту ночь японцы на нас наседали; отдача батареи Б, Малого Орлиного Гнезда и Ку-ропаткинского люнета лишила всяких прикрытий для организации обороны на 3-й линии. «Надо принять во внимание, — говорит обвиняемый, — что таковые насильственные перемены в начальствующих лицах могли породить бунты в частях». Все это вместе взятое убедило обвиняемого в том, что осуществить этого дела в одну ночь он не в состоянии: получится большой сумбур, японцы воспользуются случаем, чтобы ворваться в город и истребить несколько тысяч человек. В результате в этом падении крепости виновным оказался бы он, генерал Смирнов, как не оценивший действительности положения вещей и из личного честолюбия учинивший преступление против дисциплины арестом начальников и второе преступление против гарнизона — как бесцельно пожертвовавший несколькими тысячами жизней. Кроме того, он, генерал Смирнов, обвинялся бы тогда еще и в том, что крепость пала, вместо того чтобы капитулировать на самых почетных условиях. Дело, по мнению его, обвиняемого, было уже настолько испорчено, что поправить его не было уже возможности. Тем не менее, не доверяя окончательно своей оценке, он, обвиняемый, в 8-м часу вечера отправился к адмиралам. Когда же он изложил им обстановку, то и они признали, что нет никаких шансов на успех предприятия.

20 декабря 1904 года, он, обвиняемый, отправил главнокомандующему армией шифрованную телеграмму следующего содержания: «Генерал-адъютант Стессель вступил в переговоры о [730] сдаче крепости без предупреждения и вопреки моему и большинства начальников заключению. 20 декабря, № 1300. Генерал-лейтенант Смирнов».

На основании всего вышеизложенного отставной генерал-лейтенант Стессель, генерал-майор Рейс и генерал-лейтенанты Фок и Смирнов обвиняются:

Генерал-лейтенант Стессель в том, что:

1) получив 20 июня 1904 г. предписание командующего Маньчжурскою армией сдать крепость Порт-Артур ее коменданту генерал-лейтенанту Смирнову и выехать к армии, предписания этого не исполнил и, оставшись в крепости, удержал за собой командование, каковые деяния предусмотрены 255 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

2) в нарушение приказа наместника его императорского величества на Дальнем Востоке от 14 апреля 1904 года № 339 вмешивался в права и обязанности коменданта крепости Порт-Артур, подрывая авторитет последнего, веру в него и тем понижая обороноспособность крепости, каковое вмешательство выразилось, между прочим: а) в разрешении им, генералом Стесселем, вопреки распоряжениям коменданта, вывоза из крепости продуктов; б) в назначении статского советника Рябина заведовавшим медицинской частью без подчинения его коменданту крепости; в) в переводе Дальнинской больницы в отмену распоряжения коменданта и в ущерб пользе дела на выбранный им, генералом Стесселем, по своему личному усмотрению пункт; г) в отрешении брандмейстера Вейканена от должности; д) в удалении жандармов на Ляотешань; е) в запрещении издания газеты «Новый край» и в приказе об аресте сотрудника ее, г. Ножина, и ж) в отмене работ по укреплению 2-й и 3-й оборонительных линий; деяния эти предусмотрены 141 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

3) не принял своевременно надлежащих мер к увеличению продовольственных средств крепости Порт-Артур, а именно: а) не пополнил запаса овощей, несмотря на то что имел к тому возможность, б) не принял мер к правильному производству реквизиции лошадей, предусмотренной мобилизационным расписанием, и к увеличению в крепости числа голов скота и в) оставил без распоряжения представления коменданта крепости об увеличении выдачи конины, каковое увеличение было настоятельно [731] необходимо для поддержания сил истомленного гарнизона; деяния эти предусмотрены 141 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

4) получая и читая во время осады Порты-Артура «заметки» генерал-лейтенанта Фока, написанные в насмешливом и резком тоне, подрывавшие авторитет некоторых начальников, набрасывавшие тень на доброе их имя, расшатывавшие дисциплину и понижавшие дух гарнизона, невзирая на вред, приносившийся ими делу обороны, не принял мер к прекращению их издания и распространения среди гарнизона, каковое предусмотрено 142 и 145 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

5) из личных выгод представил командовавшему Маньчжурской армией 14 и 18 мая и наместнику его императорского величества на Дальнем Востоке 17 мая донесения о бое при Кинч-жоу, в которых, несогласно с действительными обстоятельствами дела и действиями участвовавших в нем лиц, а равно и своими собственными, изложил, что «в этом жарком деле мы выпустили все снаряды» и что «отступили в отличном порядке до Нангалина», причем придал всем этим донесениям такую редакцию, которая не оставляла сомнения, что он, генерал Стес-сель, лично и притом с большой энергией руководил действиями войск, между тем как: а) во время боя при Кинчжоу он, генерал Стессель, оставался в Порт-Артуре и личного участия в бою не принимал; б) снарядов для скорострельной артиллерии оставалось на ст. Нангалин большое количество, и об этом артиллерийским частям было известно, и в) отступление к Нангалину было беспорядочным и поспешным, причем некоторые части пробивались через проволочные заграждения; деяние это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ, угол, и исправ., изд. 1885 г.;

6) из личных выгод и желая выставить действия своих подчиненных в более благоприятном виде, представил 15 мая 1904 года донесение командующему Маньчжурской армией о том, что отряд генерал-лейтенанта Фока постепенно отходит к Волчьим горам, между тем как это было несогласно с обстоятельствами, имевшими место в действительности, так как отступление этого отряда прямо к Волчьим горам, т. е. к последней передовой позиции было беспорядочное и настолько поспешное, насколько допускала горная дорога, запруженная обозами и бежавшими в Порт-Артур жителями города Дальнего; деяние это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ, угол, и испр., изд. 1885 г.; [732]

7) из личных выгод, имея целью выставить себя перед начальством участником несуществующих боевых столкновений, представил командующему Маньчжурской армией в письме от 1 июня 1904 года донесение о собственной деятельности в крепости Порт-Артур, в котором, несогласно с действительными обстоятельствами, сообщал: «всегда бываю при всех возможных столкновениях», между тем как с 26 января 1904 года по 1 июня, т. е. по день письма его, генерала Стесселя, к генерал-адъютанту Куропаткину, не было ни одного столкновения с японскими войсками, кроме боя при Кинчжоу, в котором он, генерал Стессель, не участвовал, и кроме бомбардировок, во время которых подвергалось опасности все население Порт-Артура; деяние это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ, угол, и испр., изд. 1885 г.;

8) желая оправдать себя в предумышленной сдаче крепости врагу, донес государю императору телеграммой от 16 декабря 1904 года, «что по занятии форта III японцы делают хозяевами всего северо-восточного фронта и крепость продержится лишь несколько дней. У нас снарядов почти нет», каковое донесение не соответствовало действительному положению крепости, так как на военном совете, состоявшемся того же 16 декабря, огромное большинство членов которого высказалось за оборону до последней крайности, генерал-майорами Белым и Никитиным было заявлено, что снаряды для обороны еще есть; деяние это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ, угол, и исправ., изд. 1885 г.;

9) заведомо неправильно и ложно представил: к ордену Св. Георгия III степени генерал-лейтенанта Фока за проигранный им бой при Кинчжоу, в котором названный генерал проявил полную нераспорядительность и растерянность, и генерал-майора Надеина — за тот же бой при Кинчжоу, в котором генерал этот не оказал никакого выдающегося подвига; и к ордену Св. Георгия IV степени — генерал-майора Рейса, который сам признал, что подвигов,

дающих право на получение этой высокой награды, не совершил; деяние это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ, угол, и исправ., изд. 1885 г.;

10) состоя начальником укрепленного Квантунской) района и старшим начальником в осажденной японскими войсками крепости Порт-Артур, с подчинением ему коменданта ее, он задумал сдать крепость японцам, для чего, вопреки мнению военного совета, состоявшегося 16 декабря 1904 года, на котором громадное большинство членов его высказалось за продолжение [733] упорного сопротивления, к чему представлялась полная возможность, и не создав, в нарушение статьи 62 положения об управлении крепостями (приказ по военному ведомству 1901 года № 358), нового военного совета, между 3–4 часами пополудни 19 декабря 1904 года отправил к командующему японской осадной армией генералу Ноги парламентаря с предложением вступить в переговоры о сдаче крепости Порт-Артур, не исчерпав всех средств обороны, так как численность наличного гарнизона и количество боевых и продовольственных запасов обеспечивали возможность продолжения ее, после чего согласился на предложение начальника сухопутной обороны генерала Фока очистить без боя Малое Орлиное Гнездо, Куропаткинский люнет и батарею лит. Б, что значительно ослабило силу обороны крепости, а на следующий день, 20 декабря, уполномочил своего начальника штаба, полковника Рейса, окончательно заключить капитуляцию крепости, не дав ему точных инструкций относительно приемлемых с нашей стороны условий, вследствие чего подполковник Рейс и подписал тогда же, в дер. Шуйшуин, условия капитуляции крепости Порт-Артур, оказавшиеся невыгодными и унижительными для достоинства России, и тем самым он, генерал-лейтенант Стессель, не исполнил свою обязанность по долгу присяги и воинской чести; сдав же крепость врагу, он, генерал-лейтенант Стессель, не разделил участь гарнизона (63 ст. Положения об управлении крепостями, — приказ по военному ведомству 1901 г. ЭД 358) и не пошел с ним в плен; деяния эти предусмотрены 251 и 252 ст.ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Генерал-майор Рейс — в том, что, состоя начальником штаба Квантунской) укрепленного района, зная о намерении генерала Стесселя сдать крепость Порт-Артур японским войскам в то время, когда численность наличного гарнизона и количество боевых и продовольственных запасов обеспечивали возможность продолжения обороны ее, и разделяя это намерение, согласившись предварительно с генералом Стесселем, содействовал ему в приведении этого намерения в исполнение, а именно, во-первых, на совете обороны 25 ноября 1904 г. и на военном совете 16 декабря того же 1904 года преувеличивал тяжелое положение крепости и доказывал бесцельность дальнейшего сопротивления и необходимость сдачи ее; во-вторых, по поручению генерала Стесселя, заблаговременно составил и 19 декабря 1904 года отправил [734] к командующему осадной японской армией генералу Ноги письмо с предложением вступить в переговоры о капитуляции, и, в-третьих, на следующий день, 20 декабря, не испросив у генерала Стесселя точных инструкций относительно приемлемых условий сдачи, хотя знал, что переговоры эти должны быть окончательными, отправился в дер. Шуйшуин, место, назначенное для переговоров, и, не возражая против предъявленных японскими уполномоченными требований, подписал в тот же день капитуляцию крепости Порт-Артур на невыгодных и унижительных для достоинства России условиях, каковыми своими действиями он, генерал-майор Рейс, содействовал генералу Стесселю сдать крепость японским войскам; деяния эти предусмотрены 13 ст. Улож. о наказ, угол, и испр. и ст. 251 и 252 XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3.

Генерал-лейтенант Фок — в том, что: 1) получив 14 февраля и 6 мая 1904 года категорические приказания генерал-лейтенанта Стесселя упорно оборонять Кинчжоускую позицию, и не только 5-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, но и находившимися вблизи позиции 13-м и 14-м полками, доведя дело до штыковых свалок, он, не обращая внимания на эти указания, а также и на то, что оборону бухты Инчензы в тылу позиции принял на себя генерал Стессель сам; а) когда бой уже начался, утром 13 мая вместо того чтобы руководить им, отправился к бухте Инчензы для выбора там позиции 15-му полку на

случай высадки японцев и прибыл на атакованную позицию только около 2 часов дня; б) из четырех полков, сосредоточенных к Кинчжоу, ввел в бой только один и этим подверг его отдельному поражению; в) во время боя не только не использовал резерва, но и остановил движение в боевую линию двух батальонов, посланных генералом Надеиным; г) не исчерпав всех средств обороны и не доводя дело до штыков, отправил генералу Стесселю в Порт-Артур телеграмму, в которой, с целью получить от него приказание об отступлении, указывал на «критическое положение» и на полное отсутствие снарядов, между тем как таковые имелись еще в большом количестве на ст. Нангалин; д) получив вследствие сего разрешение генерала Стесселя отступить с наступлением темноты, начал отступление засветло, что подвергло отряд его большим потерям, и, таким образом, отдал японцам заблаговременно укрепленную Кинчжоускую позицию, не употребив всех [735] имевшихся в его распоряжении средств для упорной ее обороны; деяние это предусмотрено 251 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

2) во время боя 8 августа 1904 года, получив от своего непосредственного начальника, коменданта крепости приказание двинуть к передовым фортам северо-восточного фронта два батальона 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, сразу не исполнил этого приказания, вошел в неуместное пререкание с комендантом и не пошел сам с этой последней частью командуемого им резерва, каковые деяния предусмотрены 104 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

3) не неся во время осады с 9 августа по 3 декабря 1904 года каких-либо служебных обязанностей и посещая по своей инициативе позиции, под предлогом желания оказать помощь делу обороны, а в действительности из малодушного тщеславия выставить себя более способным, сведущим и мужественным, чем другие, руководившие обороной начальники, позволял вести разговоры и издавать «заметки», в которых не только критически и иногда в очень резкой форме разбирал действий этих не подчиненных ему лиц, обвиняя их в неумении и трусости, но также проводил мысль, что укрепления и форты следует защищать без больших жертв, причем делал все это так, что разговоры его, а равно и «заметки», становились известными не только начальствовавшим лицам, но вообще офицерам и даже нижним чинам гарнизона, чем колебал в войсках веру в возможность и необходимость держаться в укрепления до последней крайности; деяния эти предусмотрены 262 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3;

4) вступив 3 декабря в должность начальника сухопутной обороны крепости Порт-Артур и находя невозможным долее Удерживать форт II, лично доложил об этом начальнику укрепленного района, а не коменданту крепости, которому был непосредственно подчинен, а затем, получив на испрашиваемое согласие генерала Стесселя и не доведя о сем даже до сведения коменданта, 5 декабря того же года приказал очистить форт и взорвать его; деяние это предусмотрено 141 и 145 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 4, и

5) состоя начальником сухопутной обороны крепости Порт-Артур, зная о намерении генерала Стесселя сдать крепость японским войскам, когда еще не все средства обороны были исчерпаны, так как численность наличного гарнизона и количество боевых [736] и продовольственных запасов обеспечивали возможность продолжения ее, и разделяя это намерение, он, согласившись предварительно с генералом Стесселем, содействовал ему в приведения этого намерения в исполнение, а именно: 19 декабря 1904 года доложил генералу Стесселю о необходимости немедленно отправить парламентаря к генералу Ноги с предложением капитуляции крепости, а затем уже после отправки парламентаря по собственной инициативе и вопреки приказанию коменданта приказал начальнику обороны восточного фронта генералу Горбатовскому, очистить без боя, под угрозой побудительных мер, батарею лит. Б, а также Малое Орлиное Гнездо и Куропаткине-кии люнет, каковые укрепления во исполнение этого приказа вечером и были действительно очищены нашими войсками, причем он, генерал-лейтенант Фок, вполне сознавал, что такими своими распоряжениями ставил оборону крепости в крайне невыгодные условия в случае, если бы

переговоры о сдаче крепости почему-либо были прекращены, и давал этим возможность японским уполномоченным предъявить невыгодные и унижительные для нас условия капитуляции; деяние это предусмотрено 13 ст. Улож. о наказ, угол, и исправ.; и 251 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Генерал-лейтенант Смирнов — в том, что: 1) заподозрив после сдачи 5 декабря 1904 г. японцам форта II о существовании между генералами Стесселем и Фоком соглашения привести крепость в такое состояние, в котором можно было бы оправдать ее сдачу, он, вопреки лежавшей на нем в силу статьи 57 Положения об управлении крепостями (приказ по военному ведомству 1901 г. № 358) обязанности, не устранил тотчас же генерал-лейтенанта Фока от командования и вообще не принял энергичных мер к воспрепятствованию им в исполнение их плана, а ограничился лишь посылкой главнокомандующему телеграммы, в которой просил или утвердить его в полных правах коменданта, или сложить с него обязанности последнего и всякую ответственность за дальнейшую оборону крепости; деяние это предусмотрено 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3

2) узнав 19 декабря 1904 года о посылке генерал-адъютантом Стесселем письма генералу Ноги с предложением войти в переговоры относительно капитуляции крепости, он, вопреки 69 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, и 57 статьи Положения об [737] управлении крепостями (приказ по военному ведомству 1901 г. № 358), не созвал совета обороны и не настаивал перед генерал-адъютантом Стесселем на точном соблюдении им статьи 62 вышеупомянутого Положения, а равно и на исполнении решения военного совета 16 декабря того же года продолжать упорную оборону крепости, каковые деяния предусмотрены 69, 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Обвинительный акт составлен в г. Санкт-Петербурге июня 5 дня 1907 г. [738]

Отповедь генерала Стесселя

До сих пор, в течение двух с половиною лет, несмотря на тяжелые и незаслуженные мною оскорбления, я хранил упорное молчание.

Сначала потому, что был «обязан» молчать, а затем с привлечением меня к суду — в ожидании справедливого разбора дела.

Но неотступные просьбы лиц, близко знавших меня и болеющих за меня душой, а главным образом косвенное оскорбление доблестного гарнизона, «не помешавшего преступить сдаче», побудили меня ответить моим обвинителям.

Передо мною два обвинительных акта: один официальный, другой сплетенный нечистыми руками подлых клеветников. Все, что не нашло себе места в официальном акте, то расцвело пышным клеветническим цветком в «Правде о Порт-Артуре», в фельетонах Купчинского и К°.

Канвой для всех обвинений, как 1-го обвинительного акта, так в особенности 2-го, служит доклад порт-артурского коменданта генерала Смирнова, который вместо того, чтобы выполнить свой прямой долг, т. е. в совместной и дружной работе соединиться со мной в ответственном деле обороны крепости, вложил весь свой талант (о! таковой у него имеется) в составление искариотского доклада, сотканного из подтасовок и искажений фактов. [739]

Никогда не бывший в бою, генерал Смирнов получил назначение коменданта неожиданно для всех, кто его знал.

Приехал он в Порт-Артур в полном убеждении, что война пустяжная, что японцы зарвались и что все лавры и награды за усмирение их достанутся, конечно, ему.

Но едва он приехал в Порт-Артур, как был получен приказ наместника о том, что он оставляет меня в крепости, и мне, согласно Высочайшему повелению, были предоставлены права командира Отдельного корпуса, т. е. командующего армией, а генералу Смирнову права командира не Отдельного корпуса с подчинением его мне.

Это был страшный удар для его честолюбивых замыслов, и генерал Смирнов решился, поскольку это позволят обстоятельства, противодействовать мне и добиваться моего отозвания.

Отсюда пошла рознь и непримиримое отношение генерала Смирнова ко мне и к ближайшим моим помощникам.

Губительная рознь!.. Так как мы переживали страшные дни не в неприступной твердыне, а в плохо укрепленной крепости, и только когда крепость была сдана, всем стало известно, до какой степени мало укреплена была эта «твердыня» наша на Дальнем Востоке.

Тогда раздались голоса — «почему же Стессель не доносил в Петербург о полной неготовности крепости? — он был комендантом Порт-Артура и вся вина должна пасть на него, как за сдачу, так и за неготовность крепости». Общество негодовало и совершенно справедливо, а я молчал в ожидании, что Военное министерство снимет с меня незаслуженные укоры. Но ждал напрасно до сего дня. Пусть же узнают правду теперь. Я, генерал Стессель, был до войны комендантом не крепости Порт-Артура, а города — артиллеристы, инженеры, интенданты были мне не подчинены. Я ведал лишь бригадой и больше ничем. Моим единственным исполнительным органом был комендантский адъютант. Лишь в феврале 1904 г., когда началась война, мне подчинили инженеров, артиллеристов и интендантов, и я принял крепость по названию, а по существу крепость по типу строящихся против народцев, вооруженных копьями и стрелами, т. к. расстояние, на которое были удалены форты от жизненных мест крепости (казарм, госпиталей, складов и т. п.) и которое должно быть во всяком случае не менее дальности полета снаряда самых сильных метательных орудий противника, [740] в Артуре равнялось в среднем полторы версты, а в некоторых местах было менее 1 версты.

Укрепляли его инженеры по планам из Петербурга (своего рода гофгерихсрат), а в Петербурге межведомственная комиссия, которой поручено было это дело, надумалась построить линию укреплений в зависимости не от местности и дальности пушечного огня, а от заранее предрешенного числа штыков гарнизона, считая на сажень периметра крепости по одному человеку. Профессор Величко, составлявший первоначальный, не принятый комиссией за дороговизну проект крепости, сам кратко и сжато обрисовал историю созидания крепостей. До изобретения пороха замок был крепостью; появился порох, обнесли замок валом; появление нарезных орудий вызвало постройку фортов на 3–4 версты от главной ограды, с увеличением же дальности огня, с введением прогрессивной нарезки в канале орудия и применением новых взрывчатых веществ, лиддита например, стали строить две линии фортов, относя первую линию на 10–11 верст от главной ограды, а вторую на 4,6 и 8 верст. В самой крепости признавалась необходимостью постройка бетонных погребов, казарм, бетонные же сооружения стали строить и на фортах. Наконец, броневые башни, переносная железная дорога вокруг фортов и по радиусам к центру крепости и воздушные шары дополняли, согласно данным науки, силу новых крепостей. То, что теперь наш Генеральный штаб считает новым словом — например, соединение фортов на промежутках гласисом, — было давно уже проектировано в статьях «Инженерного журнала» за восьмидесятые еще годы, но статьи эти были гласом вопиющего в пустыне. Порт-Артур при наличии всех перечисленных совершенств в вооружении у неприятеля имел форты, удаленные от центра на 1 1/2 версты.

С первого дня обложения неприятельские осадные батареи стали обстреливать внутренность крепости до противоположной ее ограды, где находились склады и госпитали, — ни переносной дороги, ни воздушного шара у меня не было. Линия фортов, построенная

максимум на 3 версты и минимум на версту от города, не могла прикрывать жизненных пунктов крепости, да и самая линия эта была лишь наполовину закончена. К довершению несчастья Артура рядом был Дальний с доком и пристанями, где неприятель при бездействии нашего флота свободно выгрузил 11-дюймовые орудия. [741]

Оглядываясь назад, я теперь вижу, что только с Божьей помощью я мог так долго держать Артур, — говорю с помощью Божьей потому, что Бог послал в крепость военного гения, человека, перед которым я преклонялся всегда и высоко ценил его, я говорю о покойном друге моем — Романе Исидоровиче Кондратенко.

Меня обвиняют теперь, что я вопреки закону подчинил ему инженеров (есть такой пункт в обвинительном акте); с чувством живейшей радости читаю я это обвинение, — в этом моя заслуга перед царем и родиной, и я, если бы снова очутился в крепости и вновь пережил ужас осады, снова бы подчинил такому Кондратенко инженеров и сам бы подчинился ему, как это и сделал я фактически в Артуре. Если бы таким деятелем оказался комендант крепости, генерал Смирнов, я бы охотно шел с ним рука об руку, но он принес в крепость раздор, сеял ветер и пожинает теперь бурю. Он сразу захотел стать авторитетом, не приобретя в войсках свойственного таланту веса и значения.

Всех поразило, что прибывший комендант крепости, вместо того чтобы требовать вынесения вперед опорных пунктов, стал пререкаться из-за укрепления Угловой горы — той самой Угловой горы, которая стоила японцам несколько тысяч человек. Комендант требовал возведения укреплений за фортами, — и это еще в июне месяце, когда войска наши бились на Зеленых горах и когда необходимо было укреплять Волчьи горы, Трехглавую и Угловую. Всех поразила эта неосведомленность и упрямство коменданта в вопросе, составлявшем самое больное место крепости, и я, конечно, не имел права оставлять на такого человека крепость без боязни, что неприятель не захватит ее сразу, если он останется полновластным распорядителем. Я написал свое мнение откровенно генералу Куропаткину, и последний согласился со мною.

Комендант всеми мерами тормозил распоряжения генерала Кондратенко, ссорился с генералом Фоком по вопросам личного самолюбия и ладил только с корреспондентом Кожиным, с которым во времена затишья боевой бури объезжал позиции, везде неуклонно снимаясь для потомства.

Я заговорил о Ножине, хотя раньше и не хотел говорить о нем ни слова, но мне обидно читать в «Правде об Артуре» этого корреспондента о том, что генерал Кондратенко послушно исполнял лишь советы Ножина во время сражения на Зеленых горах. Вообще Ножин и Купчинский очень щедры на разговоры с умершими уже деятелями, т. к. уверены, что мертвые обличать [742] не станут. Но светлый ум генерала Кондратенко, его чистое сердце свидетельствуют, что грязные личности не могли иметь влияния на его решения, и если он терпел их, то причиной этого была лишь бесконечная снисходительность этого доброго человека.

Возвращаясь к коменданту. Заручившись рекламой, он подкапывался медленно под здание артурской славы; во время бесконечных сражений его не было видно, — он был или дома, или на Опасной горе (прозванной артурцами «Безопасной»), которую щадили выстрелы неприятеля. Когда я решил послать парламентаря для переговоров о сдаче, он притаился, притих, он ждал, когда все совершится, он не созывал совета, не пытался противодействовать, не выезжал к войскам, т. к. всем сердцем желал сдачи, ждал ее. Когда же сдача совершилась, то, отъехав от Артура на безопасное расстояние, он понял, что наступило время для интриги, подкопа и доноса, и тут-то он начал говорить, чем был бы он, генерал Смирнов, если бы не было меня в Порт-Артуре. Теперь меня ожидает суд, а общество, со слов моих врагов, обвиняет меня в преждевременной сдаче. Но я спокоен. Пусть мне укажут хоть одну страницу инженерных журналов и сочинений по инженерному искусству, где бы допускалась мысль в XX веке о венчании гласиса, спуске в ров, ведении минной войны.

Инженеры решали, что приблизившись на версту, неприятель при силе осадной артиллерии уже захватит в свои руки крепость, делается ее господином, благодаря этому во многих крепостях забросили старые минные галереи, а новых строить не стали. Я разрушил эту иллюзию: у меня японцы просидели месяц во рву, а на II форте — месяц сидели стенка об стенку с моими солдатами. Были ли где подобные примеры? Пусть меня осудят, но я горжусь обороной Артура. Комендант говорит, что мы не все сделали, что нам оставалась 2-я и 3-я линия обороны. И это говорит он, выславший из осажденной уже крепости без моего ведома шанцевый инструмент в Ляоян, вследствие чего солдатам нечем было копать землю. Обвинительный акт предъявляет мне тоже обвинение. Я на это скажу одно: в феврале, когда подчинили мне инженеров, я взял в свои руки оборону и несделанное годами постарался наверстать в страшные дни осады. Мы рыли под свист пуль, под гром снарядов, одной рукой держа лопату, другой винтовку, и когда не хватало воды, утрамбовывая землю, поливали ее кровью. И вот — работа героев учтена, и здесь, где упустили годы, стали высчитывать часы агонии крепости. [743]

Крепость держалась, пока собиралась армия, — гарнизон ждал выручки, но выручка пятилась и пятилась назад на полях Ляояна и Мукдена, флот стал зимовать в Мадагаскаре.

Я говорил, что Порт-Артур будет моей могилой, — я мечтал о могиле славы, — но мог ли я, когда Артур совершил невозможное, во имя личных целей, во имя суетного тщеславия, выдать героев на резню ожесточенных упорной обороной японцев, — я видел, как они умирали, я видел страдания их в госпиталях, сердце мое не вынесло постоянных бесцельных ужасов, и я остановил резню. Комендант говорил, что я заботился о своей личной безопасности, но это можно говорить лишь при условии, что слушатели не знают карты Артура. Если бы я заботился о себе, то я переехал бы на Ляотешань и, двинув все силы на бездельную резню, мог бы в последнюю минуту с горстью штабных выкинуть из безопасного логовища Ляотешаня флаг; и меня, командующего войсками в Артуре, как ценный трофей пощадили бы японцы, но я оставался на атакованном фронте, откуда и следил за боем на Большом Орлином Гнезде.

Я жду суда спокойно, я хотел бы вызвать свидетелями всех участников обороны, тогда все узнали бы, что генерал Стессель был до конца на своем посту, — и если он теперь живет, так только затем, чтобы не дать клеветникам забросать грязью исполнивший свято свой долг гарнизон Порт-Артура.

И я глубоко убежден, что и гарнизон этот, видевший меня в долгие месяцы осады на позициях, засвидетельствует правду о своем старом, затравленном клеветниками генерале и смело скажет миру свое веское слово, слово героев Артура, которое заглушит громом своим мнение завистливых змей, выползших из своих нор и отравивших своим ядом немало сердец, с гордостью произносивших раньше слова о Порт-Артур.

Из всех моих обвинителей в печати — наиболее определенными и наглыми являются Ножин и Купчинский. Ножин, сотрудник «Нового края», артурской газеты, деятельность которой я признал вредной для наших интересов, состоял в свите генерала Смирнова и по моему глубокому убеждению был ближайшим его помощником в составлении «доклада».

В виде признательности генерал Смирнов повсюду таскал его за собой, а «любопытный» Ножин, пользуясь случаем, делал фотографические снимки с наших фортов и с самого генерала Смирнова. [744]

В своих отчетах в «Новом крае» он время от времени помещал заметки в роде следующих: «Сегодня кончила вооружаться такая-то батарея» или «Японские снаряды не долетают туда-то и туда-то». Если принять во внимание, что японские посты в то время были расположены уже близко от Артура и японцы ежедневно получали газету «Новый край», то станет вполне понятно, почему я не мог терпеть подобного рода «деятельности» и вынужден был отобрать у него корреспондентский билет.

Считая вообще Ножина личностью крайне подозрительной, я отдал распоряжение подвергнуть его личному задержанию, а параллельно с этим произвести на его квартире обыск с целью отобрать у него снимки наших фортов.

Но Ножин исчез бесследно.

Только впоследствии мне удалось выяснить, при каких обстоятельствах бежал Ножин из Артура.

Но об этом будет речь впереди, а пока я ограничусь лишь только тем, что скажу, что Ножин оказался в Шанхае и на страницах шанхайских газет оповестил мир, что «душою» обороны Артура является не генерал Стессель, а «доблестный» генерал Смирнов.

Купчинский... Этого я почти не помню в Артуре, он уехал до осады и за полгода до сдачи крепости.

Уехал он на шлюпке с приезжавшим в Порт-Артур корреспондентом Борисом Тагеевым.

И вот, спустя большой промежуток времени, по-возвращении из плена, явился к генералу Рейсу, уже в Петербурге, унтер-офицер, сопровождавший Тагеева, и представил его донесение.

Донесение это ввиду важности передано в главный штаб 30 апреля 1905 года за № 270. Тагеев сообщал в нем, что, когда он с Купчинским выехал на китайской шаланде из Артура в Инкоу, на пути им на горизонте встретился японский миноносец, который мог их не заметить.

Тагеев и бывший с ним унтер-офицер хотели пройти мимо незамеченными, но Купчинский вдруг вскочил и стал махать белым платком миноносцу, после чего последний и взял всех троих в плен.

По донесению Тагеева, Купчинский начал немедленно рассказывать японцам все, что знал о Порт-Артуре, несмотря на то что его никто и не расспрашивал об этом. Тот же Купчинский, когда был в Японии в плену, вращаясь в кругу пленных офицеров, которые его еще не знали, был посвящен несколькими нашими [745] офицерами в план бегства, которое они хотели устроить.

Во главе заговорщиков был поручик Святополк-Мирский.

Купчинский выдал заговорщиков японцам. Все офицеры тыла арестованы, а некоторые, как например Святополк-Мирский, подверглись даже истязаниям, а Купчинский едва ли не в знак признательности к нему японцев был отпущен из плена, но предварительно избит до беспамятства нашими офицерами за свое шпионство. Все эти факты признает и не может не признать сам Купчинский.

Вот вам мои «обличители» в печати. После всего, что я сказал, я думаю, всякий поймет, почему я не вступал и не вступаю в полемику с этими господами.

Теперь перейдем к обвинительному акту. Я не думаю, конечно, возражать против каждого пункта, я не юрист, да наконец, я свято верю в знание и талант моих защитников и всецело предоставляю им защищать меня.

Я вообще ранее считал неудобным говорить о нем до суда, но раз он почти целиком, да вдобавок дополненный вымышленными гадостями и пошлостями, был помещен в газетах, раз каждый мог его комментировать, как ему вздумается, то мне кажется, что я тем более имею на это право.

Как понять: «Получил предписание сдать крепость и выехать в армию»? Несомненно, это тяжелая дисциплинарная мера, сопряженная с большим позором для того, к кому она применена, а слышало ли общество когда-нибудь об этом приказании, о том, что я смнен, что главным начальником в Порт-Артуре уже является генерал Смирнов? Или, наоборот, до

общества долетела весть, что мои права и компетенция расширены, что с этого времени я не могу отдавать все свое внимание исключительно одной крепости и что лишь в силу этого для последней необходим особый комендант? И не узнало ли общество об этом приказании лишь спустя 2 с половиной года благодаря обвинительно?

Допустим, что я скрыл это приказание, желая удержать власть за собой.

Но генерал Куропаткин, он-то ведь во всяком случае знал об этом приказе: как же он мог молчать? Как мог он терпеть подобное безобразие, чтобы смененный им генерал Стессель, вопреки категорическому приказу, продолжал командовать? Почему не донес государю императору? Как мог он ставить верховного вождя в ложное положение — вступать в непосредственные сношения [746] с преступником и даже давать ему награды и особые права и назначения.

Я полагаю, что всякий поймет, что не мог действовать таким образом главнокомандующий, не мог он допустить такого бесчинства в осажденной крепости (как захват власти), когда он и так знал, что между двумя высшими начальниками происходят нежелательные прения.

А если это так, то какой же тут захват власти?

Действительно, я получил от генерала Куропаткина письмо, в котором он призывал меня к себе в армии и предлагал мне передать командование Смирнову, ввиду того что, по его сведениям, вверенные им войска отошли под верки крепости и, стало быть, укрепленного района больше не существуете, т. к. он фактически превратился в крепость.

Справедливо полагая, что заблуждение генерала Куропаткина произошло вследствие неправильного донесения — интриги со стороны Смирнова, а это в действительности и оказалось так, я отправил генералу Куропаткину письмо, в котором доводил до его сведения, что войска вовсе не отошли под верки крепости, что укрепленный район существует и что вследствие личных слабых качеств генерала Смирнова и его неспособности я считал бы более целесообразным передать командование не ему, а генералу Кондратенко или Фоку.

Долг обязывал меня так поступить, тем более что в своем письме после подробного доклада о положении дел я писал: «Но за всем тем, если Ваше Превосходительство признаете мое присутствие в армии необходимым, я немедленно исполню Ваше приказание и во что бы то ни стало постараюсь прибыть».

Как свидетельствует теперь сам генерал Куропаткин, он, видя, «что генерал Стессель обладает надлежащим авторитетом, решил его оставить».

После этого инцидента я получил вскоре благодарность за свои действия, право награждать отличившихся, и, таким образом, мой поступок был санкционирован и ни о каком узурпаторстве не могло быть и речи, тем более что я был назначен начальником укрепленного района по высочайшему повелению и не было такового же повеления о моем перемещении.

Еще больший абсурд представляет этот вопрос с точки зрения военной психологии.

Читая обвинительный акт, все должны неизбежно рисовать себе такую картину: с одной стороны, законный, непререкаемый [747] и притом деятельно распорядительный комендант, с которым солидарно, по-видимому, все высшее начальство крепости, в руках которого, стало быть, сосредоточена вся сила и власть, с другой стороны, я, смещенный и не имеющий даже права оставаться в Артуре, могущий найти поддержку разве только в нераспорядительном, растерянном генерале Фоке да еще в своем начальнике штаба полковнике Рейсе.

И вот к величайшему недоумению, оказывается, что я, незаконный начальник, единолично команду, получаю награды и даю их другим, а настоящий законный военачальник, некий, так сказать, стратопедарх, окруженный якобы всеобщими симпатиями, пребывает в полном бездействии. И главное, что такое перемещение центра тяжести власти происходит само

собой, естественно, без всяких насильственных действий. Войска безропотно мирятся с таким незаконным начальником; даже такой честный, храбрый, любимый войсками генерал, как покойный Кондратенко, беспрекословно становится под мое начало. Мало того — этот нетерпимый всеми генерал приказывает сдать крепость, и весь гарнизон во главе с храбрым комендантом подчиняется этому приказанию беспрекословно.

Да и что такое власть? Какое-либо реальное движимое имущество, которое я могу скрыть и таким образом сделать его передачу другому лицу невозможной? Ведь не от меня же, несомненно, получил власть генерал Смирнов, а от самого государя, и что он нисколько не был склонен преуменьшать значение этой власти, а скорее наоборот, о том свидетельствует, например, его знаменитый приказ: «С нами Бог, разумеете языцы».

Вот уж поистине надутое самохвальство! Как генерал Смирнов не мог понять всей неуместности подобной фразы в устах обыкновенного смертного. Да и какие же «языцы», когда и был всего один — язык — японцы.

Я бы мог привести еще целый ряд доводов против захвата мной власти, но мне кажется, что и без того 1-й пункт обвинительного акта не выдерживает даже самой поверхностной критики и что возник он исключительно благодаря показанию генерала Смирнова, который, признавая «захват власти», не столько тем отягощает мою вину (ввиду полной нелепости такого обвинения), сколько рисует себя полным ничтожеством; это поняли юристы и не предъявляли мне раньше этого обвинения, оно явилось впоследствии, как результат работ «Частного присутствия Военного Совета». [748]

«Вмешивался в права и обязанности коменданта, подрывая авторитет последнего».

Но пусть скажут мне, где существуют такие законы, которые запрещают старшему начальнику, несущему всю ответственность-за общий ход дела, вмешиваться, когда это необходимо, в распоряжения подчиненного?

И притом, в чем же это вмешательство выразилось? В отрешении от должности брандмейстера, назначении на должность врача, удалении жандармов, запрещении газеты, приказе об аресте корреспондента и т. д.

Вероятно, полагают, что если бы брандмейстер Вейканен не был удален, а Ножин оставлен в Порт-Артуре, то крепость была бы способна защищаться еще долгое время?

Как видно, генерал Смирнов для доказательства подрыва своего комендантского авторитета не нашел другой опоры, кроме перечисленных ничтожных фактов. Или уже «боевая» деятельность генерала Смирнова так тесно была связана с деятельностью Вейканена и Кожина, что какой бы то ни было удар по этим молодцам неизбежно захватывал и «авторитет» коменданта? Но не доказывает ли это прежде всего то, что и вся-то «боевая» деятельность коменданта ограничивалась газетно-брандмейстерской сферою?

«Не принял меры к увеличению продовольственных средств крепости».

Я полагаю, что если бы это и было справедливо, то обвинять меня в этом преступлении можно было бы лишь тогда, если бы гарнизон сдался от голода, но этому противоречит п. 10 обвинительного акта, говорящий, что «...количество продовольственных припасов обеспечивало возможность продолжения обороны».

В печати и обществе наделали много шума «заметки» генерала Фока.

Это обвинение в моем якобы потворстве генералу Фоку прямо нелепо; правда, иногда в тесном кругу мы прочитывали острые эпиграммы генерала Фока на то или другое известное в Артуре лицо, но ни о каких «заметках» я не имел понятия.

Да и вообще, трудно себе представить военному человеку, как могли какие-нибудь заметки «понижать дух гарнизона».

Солдат, особенно в бою, превосходно сумеет отличить хорошего начальника от плохого, не нуждаясь для этого ни в каких заметках. Сам этот 4-й пункт обвинения напоминает мне [749] прием доброго старого времени, когда не стеснялись для усиления вины прибавлять: «А вот такие-то слышали, что он и начальство ругает».

Обвинение в неправильных донесениях возникло главным образом вследствие чрезвычайно оригинального и совершенно произвольного толкования моих донесений. Так, например, выражения: «Я отдал приказание об отступлении с Киньжоуской позиции» или «В этом деле мы выпустили все снаряды», объясняют в том смысле, что я хотел этим подчеркнуть свое участие в бою, что в действительности мне и в голову не приходило. Выражения «мы сделали то-то» сплошь и рядом встречаются не только в донесениях главнокомандующего армиями о действиях отрядов, находившихся от него в нескольких переходах, но даже и в донесениях военных корреспондентов, однако же никто из них из мест своих редакций никуда не отступал.

Ставят в вину выражение мое в донесении генералу Куропаткину 1 июня, что я бывал при всех столкновениях, тогда как, кроме Кинжоуского боя, до 1 июня никаких столкновений не было, кроме бомбардировок, во время которых все население Артура подвергалось опасности. При этом не знаю, умышленно или неумышленно забывают целый ряд японских атак с моря с целью брандерами загородить выход нашему флоту, и о том, что во время всех этих атак я безотлучно находился на Электрическом утесе, наиболее близком к месту действия.

Не представляет же себе обвинитель бой в блестящем шлеме с «семикожным» щитом и «длиннотенною» пикой в руке... а бомбардировку неужели он не считает даже и столкновением!..

Признают неправильным мое донесение 16 декабря, что снарядов у нас почти нет, тогда как на совете того же 16 декабря генералы Никитин и Белый заявили, что снаряды для обороны еще есть, но при этом умалчивают о том, что тот же генерал Никитин сказал, что остается не более 10 снарядов на скорострельное орудие, т. е. на 5 минут стрельбы, а генерал Белый в последний месяц на все просьбы с батареей о присылке снарядов и на мои требования усилить огонь отвечал, что не может этого сделать по недостатку снарядов.

Обвинение в том, что я представлял к наградам незаслуженно, является в высшей степени странным. Оценка деятельности подчиненных неизбежно является вообще делом субъективным и далеко не всегда может быть уложена в рамки статута, особенно [750] в той совершенно исключительной обстановке, в которой приходилось жить и действовать артурскому гарнизону. Ссылка на слова генерала Рейса, что он не считает себя заслужившим награждения Георгием, решительно ничего не доказывает, кроме скромности этого генерала, и я убежден, что на поставленный таким образом вопрос большинство награжденных ответили бы то же самое. Конечно, я не имею в виду офицеров типа генерала Смирнова, который требовал себе Георгия за то, что замкнул из блиндажа ток, взорвавший камуфлет, значительно облегчив минные работы... японцев.

«Состоя начальником укрепленного Квантунского района и старшим начальником в крепости Порт-Артур, вопреки мнению военного совета, сдал крепость» и т. д.

На суде будут выяснены в мельчайших подробностях те роковые причины, которые заставили меня единолично сдать крепость.

Сейчас же я лишь в общих чертах могу набросать картину, при которой я вынужден был поступить так, а не иначе.

Большинство членов совета 16 декабря указывало, что держаться следует, пока мы имеем в руках первую линию, т. е. форты, потому что вторая и третья линии представляли собой лишь слабые полевые позиции и держаться на них не представлялось возможным. На этом

совещание кончилось и я объявил, что беру на себя окончательное решение в зависимости от дальнейших обстоятельств.

Совет был 10-го, а с того дня события пошли неимоверно быстрым темпом. 18-го пало наше последнее долговременное укрепление № 3. Овладев им, японцы получили возможность обстреливать во фланг и отчасти в тыл участок Китайской стенки до Заредутной батареи и Волчью мортирную и Заредутную батареи, почему держаться здесь стало совершенно невозможно и их пришлось очистить. Войска отошли на 2-ю линию. 19 декабря с утра японцы повели жестокую атаку на Большое Орлиное Гнездо, одновременно с сильнейшей бомбардировкой последнего, быстро уничтожившей все закрытия. Пять штурмов были отбиты, шестым — японцы овладели Большим Орлиным Гнездом, очутившись в тылу Куропаткинского люнета, батареи литеры Б, Большого и Малого Орлиного Гнезда, так как укрепления эти не были приспособлены к обороне с тыла и легко могли быть отрезаны от крепости, то и их пришлось очистить. [751]

Большое Орлиное Гнездо было последним сколько-нибудь серьезным препятствием на пути движения японцев в Старый город.

Наша крепостная артиллерия не могла содействовать отбитию штурма потому, что поле действия слишком приблизилось к крепости, находилось уже в так называемом мертвом пространстве, а для полевой артиллерии у меня осталось всего по 10 патронов на орудие, т. е. даже при медленном огне на 3–4 минуты стрельбы.

К этому времени мы могли сосредоточить для обороны всех полевых позиций восточного фронта 5–6 тысяч штыков, против 30–40 тысяч японцев [367].

За этой позицией непосредственно находился Старый город, где все дома были набиты больными и ранеными. Ни мы, ни японские генералы не могли ручаться за то, что произойдет. Разве можно остановить озверевшего солдата?

3 августа, когда японцы прислали парламентаров с предложением сдать крепость, они заявили, что если крепость будет взята с бою, то японские начальники не ручаются за зверство своих войск и возможность повальной резни.

И это не было словами: 10 лет тому назад, взяв тот же Порт-Артур, они не оставили там в живых ни одного раненого.

В 3 часа 40 минут дня стало ясно, что к ночи японцы станут хозяевами Артура. Между тем послать парламентаря можно было только до наступления темноты, т. е. мне оставалось: 1) или послать его, не собрав совета или 2) собрать совет, зная, что не успею послать парламентаря. Полагая, что сохранение жизни нескольких тысяч людей важнее соблюдения чисто формального требования, я решился на первое.

На рассвете, да и раньше еще, с Орлиного Гнезда, японцы, конечно, увидали бы, что у нас уже ничего нет, ни резервов, ни позиций.

Да они со мной потом и разговаривать не захотели бы, а предложили бы сдаться на волю победителей, и только. [752]

Мы не имели бы возможности ни испортить орудий, ни взорвать судов, ни затопить снарядов, ни выслать миноносцев со знаменами.

Если суда были взорваны слабо и в настоящее время они подняты, то в этом виноват не я, а адмиралы, которые как стояли в бассейне на мели, так и затопились.

Только один адмирал Эссен имел мужество, выйдя на рейд, затопить на 50-саженной глубине свое судно, предварительно пустив ко дну несколько японских миноносцев. Между тем на военном совете 16 декабря адмирал Вирен и другие говорили мне, что у них готово все для уничтожения.

На этом совете чудеса храбрости (конечно, на словах) выказывал генерал Смирнов. По его мнению, держаться следовало, так как на Китайской стенке мы продержимся 2 недели, на 2-й линии укреплений — неделю, на 3-й — три недели.

На деле же оказалось: на Китайской стенке держались 2 часа, на 2-й линии несколько часов. 3-я линия состояла из нескольких почти не укрепленных горок и внутренней ограды, которая, будучи построена после китайской войны для обеспечения города от внезапного нападения какой-нибудь шайки боксеров, не имеющей огнестрельного оружия, совершенно не была применена к местности, командовалась с близлежащих высот и потому решительно никакой оборонительной силы не имела.

Тот же самый Смирнов еще за полгода до сдачи «доносил» генералу Куропаткину, что он ручается продержаться в крепости до 1 октября, чего никоим образом не сумеет сделать генерал Стессель, а между тем я держался до 21 декабря, и говорю по чистой совести, что сдал крепость только тогда, когда сопротивление было бесполезно.

Что роковым образом влияло на успешность обороны, так это полное бездействие флота и отсутствие дисциплины в высших флотских начальниках. Так, адмиралы Лощинский и Григорович не только открыто мне не подчинялись, но в очень резких формах отклоняли малейшее мое необходимое вмешательство.

Быстрое и неожиданное появление японцев в пределах Кван-туна было делом серьезным, так как оборона подступов к Артуру с севера была совсем плохо оборудована, и даже не имела пушек, а многие укрепления были только намечены.

Ввиду всего этого наместник приказал командующему эскадрой адмиралу Витгефту сдать в мое распоряжение орудия, в [753] количестве: 23 6-дюймовых, 6 120-тонных, 75-тонных и 37-тонных и 2,5-дюймовых для установки их на северном сухопутном фронте, так как эскадра, ослабленная взрывом «Победы» в день гибели «Петропавловска», в течение ремонта этого броненосца не могла быть активной.

Сделав распоряжение относительно передачи морских орудий сухопутному начальству, выразившееся в приказе командующего эскадрой адмирала Витгефта от 29 апреля за № 32, наместник (кажется, 22 апреля) едва успел выехать вместе со своим штабом из Артура в Мукден.

Наладив дело по упорядочению укреплений, а также разработав план замедления движения японцев к Артуру и наметив ряд оборонительных позиций, я, правильно понимая назначение и деятельность флота, всегда был готов по приведении эскадры в порядок по первому же требованию командующего адмирала вернуть все то, что мне было дано с эскадры, так как я вовсе не желал ее ослаблять.

Также я считал себя вправе привлекать к участию в задержании японской армии малые и специальные суда обороны, как-то канонерские лодки и миноносцы, которые, по моему настоянию, и высылались адмиралом Витгефтом для флангового обстрела японцев под Кинчжоу, на Зеленых горах и занятых японцами других береговых пунктах. И японцы надолго бы задержались в своих наступательных движениях к Артуру, если бы на мою просьбу выслать миноносцы и лодки в заливы Талиенван и Кинчжоуский при штурмах кинчжоуских укреплений адмирал Лощинский исполнил свой долг более добросовестно и не ограничился бы высылкой в залив Талиенван только одной лодки «Бобр» и двух миноносцев, предоставив возможность японцам поставить несколько своих лодок и миноносцев в заливе Кинчжоу и до того безнаказанно, что, даже сев на грунт в малую воду, суда японские с успехом выполнили по отношению одного из наших флангов то, чего так настойчиво требовал я от адмирала Витгефта.

Распоряжение адмирала Витгефта, отданное по моему настоянию, принималось начальником морской обороны адмиралом Лощинским в самой неприличной для морского офицера

форме.

На приказание адмирала Витгефта, переданное его флаг-офицером лейтенантом Азарьевым, идти немедленно на рейд к Си-као для обстрела неприятеля, адмирал Лощинский грубо и недовольным голосом и, не стесняясь команды на шканцах, кричал, [754] что он не понимает такого приказа, которое рискованно для лодок... что таких приказаний отдавать нельзя, что не дело лодок или судов флота бороться с сухопутными батареями японцев, что это дело наших сухопутных батарей и что если они не могут бороться, нужно сдаваться... а не подвергать лодки опасности быть взорванными... Кроме того, Лощинский захватил на каждую лодку лишь по 15 снарядов, воспользовавшись приказом Витгефта, распорядившегося во время бомбардировок не иметь на лодках более 15. Когда адмирал Витгефт в справедливом гневe спрашивал Лощинского, как он мог захватить только 15 снарядов в бой, когда распоряжение его относилось лишь ко времени стояния в бухте, адмирал Лощинский не постыдился цинично возразить, что он понял так приказ и не взял более 15, чтобы не было взрыва.

По выяснении способности сухопутного гарнизона с успехом задерживать наступление японцев я продолжал настаивать на выходе эскадры в море и на активной ее деятельности еще в мае, как только суда эскадры были приведены в исправность и полную способность действовать.

Постоянные мои настояния о необходимости выхода эскадры из пассивного состояния побудили адмирала Витгефта собрать флагманов и командиров судов 1 ранга для обсуждения вопроса затронутого мною. За исключением командира «Севастополя», капитана 1 ранга Эссена, большинство командиров на этом собрании решило, что «флот должен выйти в море тотчас же, как он будет готов к бою, выход же немедленный, как желают сухопутные начальники, несмотря ни на какое положение дел на сухопутном театре военных действий, невозможен за неготовностью судов. О времени готовности флота сообщить начальнику укрепленного района по выяснению обстоятельств, но во всяком случае не раньше, как через неделю. По частям же выход флота недопустим в тактическом отношении и не может привести к какому-либо благоприятному результату» (протокол от 23 мая 1904 года).

Факт отдельного, хотя и единственного мнения капитана 1 ранга Эссена, несогласного со взглядами всех остальных командиров, достаточно верно обрисовывает немощность духа и полную неспособность к занимаемым постам тех из командиров, которые, подобно капитану Эссену, имели в своем распоряжении исправные корабли, но от активной деятельности отказались, тем более заслуживающих нареканий, что не потрудились хорошенько разобраться и уяснить то, что в своем отдельном мнении предлагал самый молодой их товарищ. [755]

Из того, что Эссен допускает возможность присоединения «неисправных» судов к вышедшим уже в море исправным, ясно, что неисправность тех судов была тесно связана с упадком и обнищальностью духа их командиров.

Собирая флагманов и командиров для ответа мне, адмирал Витгефт в то же время не забывал жаловаться в телеграммах наместнику на то, что Стессель его жмет и, дескать, ничего не понимая в технике сложного морского дела, все время настаивает на выходах эскадры.

Конечно, наместник, будучи сам адмиралом, не мог не оказать поддержки адмиралу Витгефту, которая и выразилась в телеграмме наместника ко мне, с указанием на то, чтобы я не забывал, что флаг подчинен только адмиралу Витгефту.

«Ввиду настойчивости, с которой Вы обращаетесь к адмиралу Витгефту с требованием о выходе флота, — говорится в телеграмме наместника от 4 июня, — я должен напомнить Вашему Превосходительству:

- 1) крепости надлежит упорно обороняться и служить до последней крайности убежищем флоту, 2) флот находится в непосредственном распоряжении и на ответственности

начальника эскадры, почему его выход в море может последовать только по усмотрению адмирала Витгефта, 3) Ваши обязанности как высшего военного начальника должны заключаться в напряжении всех сил для самой упорной обороны и никоим образом не считать, что для спасения крепости мы должны жертвовать флотом».

Неудачная попытка прорваться во Владивосток и смерть Витгефта настолько сильно повлияли на моральную сторону всех командиров, что они поспешили в собрании своем с участием заведующего обороной берегов контр-адмирала Лощинского и командира Порт-Артура контр-адмирала Григоровича 6 августа составить следующее бесповоротное решение: отказаться окончательно не только от всякой попытки выполнить еще действующее высочайшее повеление, т. е. прорваться во Владивосток{368}, но также от каких бы то ни было выходов в море для плодотворной и активной деятельности против японцев, почему постановлено было теперь же оказать крепости помощь всеми средствами [756] как орудиями, так людьми, какие могут дать суда, оставив только для себя возможность сражаться на якоре.

Так легко отказавшись от всех своих функций морских офицеров и так самонадеянно признав себя способными к отправлению функций сухопутных офицеров, и помимо какого бы то ни было желания участвовать в этом добровольном превращении с моей стороны весьма естественно, что собрание флагманов и командиров при участии адмиралов Лощинского и Григоровича, а также капитана 1 ранга Вирена на заседание свое меня не пригласило и, уж конечно, не осведомило о состоявшемся решении, выразившемся в протоколе, приложенном к отношению адмирала Вирена ко мне от 26 ноября 1904 года за № 92.

Между тем я, ничего не подозревая, продолжал докучать адмиралам, настаивая на вполне возможном выходе эскадры в сентябре, по окончании починки судов.

Немудрено, что постоянные мои указания адмиралам, в чем состоит их долг перед Россией, зародили в них ко мне чувство недоброжелательное, близкое к ненависти и смешанное с ощущением какого-то панического страха, что душевная немощь их как-нибудь откроется там далеко, в России, где вполне оценят настойчивость ненавистного теперь им генерала Стесселя.

Боязнь, что я узнаю их преступную решимость свести на нет славные корабли нашего Тихоокеанского флота, что я выведу их на свежую воду, побудила их пойти на вероломный поступок.

К адмиралам присоединился генерал Смирнов, солидарный с ними во всех своих взглядах и поступках и одинаково с ними оберегавший свою особу.

Сознание своего малодушия и страх ответа побудили генерала Смирнова не только войти в общение с другими равноценными с ним героями морского ведомства, сплотиться с ними, но и принять деятельное участие в том, что зародилось под влиянием злобы и страха в головах адмиралов Лощинского и Григоровича и что вылилось в таком преступном и вероломном факте, как посылка Ножина из пределов Артура для моего очернения и обеления всех остальных героев: знаменитого коменданта и талантливейших моряков-героев, начальника отдельного отряда броненосцев и крейсеров, им затопленных сознательно под Перепелиной горой и начальника морской и минной обороны, еще в июле кричавшего о сдаче и из страха японских снарядов спускающего свой контр-адмиральский флаг с мачты той лодки, на которой он обитал. [757]

Внимательно, даже талантливо выработав план, ввиду его особенной специфической важности, адмиралы уже не останавливались ни перед чем, лишь бы только довести задуманное дело до конца... И действительно, они довели его до конца, не постеснявшись для него пожертвовать даже лучшим миноносцем.

Наиболее рельефно преступная деятельность адмиралов сказалась именно в истории «спасения» Ножина от ареста, для чего был взорван миноносец «Расторопный», стоящий с вооружением около 1 миллиона рублей.

Произошла вся эта история при следующих обстоятельствах.

Отобрав у Ножина корреспондентский билет, я был убежден, что он захочет бежать из Артура, и предупредил коменданта, чтобы он никоим образом не выпускал бы его. После ряда приказаний наконец я получил известие, что Ножин находится на одном из миноносцев. Тогда я немедленно послал жандармского ротмистра Познанского предупредить об этом контр-адмиралов Григоровича и Лощинского, Последний категорически заявил Познанскому, что Ножина у них и не было.

Но в это время как раз явился капитан 2 ранга Кривицкий, сообщивший, что он только что с «Сердитого» и видел там Ножина. По моему настоянию был отдан приказ по флоту не принимать Ножина на суда, но Ножин как в воду канул.

Познанский его искал, но не нашел. Найти было мудрено, так как Ножин в это время находился на канонерке «Отважный», на которой Лощинский держал свой флаг. Вывезли Ножина следующим образом. 2 ноября к выходу в море был назначен миноносец «Расторопный» под начальством лейтенанта Лепко; чтобы провезти на нем Ножина, пришлось лейтенанта Лепко заменить лейтенантом Пленом, который все время ранее был на сухопутных позициях и потому приказа не знал.

Плену было приказано высадить Ножина в Чифу, а миноносец взорвать (Лепко брался вернуть миноносец обратно целым).

Из этого видно, с какими помощниками мне приходилось иметь дело и как они понимали военную дисциплину и как относились они к вверенному их заботам народному имуществу.

Миноносец «Расторопный», на котором был отправлен Ножин, своей исправностью послужил не для того, чтобы нанести чувствительный вред нашим врагам японцам, но чтобы перевезти из Артура и разнести по всей земле тьму грязи, выливаемую и по сие время. [758]

Сослужив такую грязную службу, «Расторопный» бесславно погиб, не использованный и не смывший с себя позорного пятна предательства, будучи взорван случайным, чуждым ему офицером, послужившим покорным орудием Григоровичу, Ло-щинскому и Смирнову.

Занятый защитой Артура, я не подозревал, конечно, о том, что собирается над моей головой и что угрожает моей чести.

После взятия Высокой горы японцами я, видя полную бездеятельность флота, обратился снова к начальнику больших кораблей адмиралу Вирену с увещеваниями выйти из-под японских снарядов, спокойно топящих, как на смотру, по одному и по два судна ежедневно.

«После занятия Высокой горы, — писал я ему 25 ноября за № 2241, — 23 ноября и невыхода до этого числа эскадры в море, я остаюсь при прежнем своем убеждении, что с момента занятия этой высоты неприятелем суда будут упразднены в самом непродолжительном времени и погибнут в бассейнах даром».

«По моему предложению, еще во время устройства нами Высокой горы, адмиралы ходили на эту гору, но я не знаю, уверились ли они тогда, глядя сверху на бассейны, что ожидает суда эскадры, если они останутся стоять, а гора будет занята. Теперь это совершилось и, к несчастью, общее мнение сухопутных генералов грозно начинает оправдываться. 22-го и 23-го ноября «Полтава» и «Ретвизан» уничтожены. Что же дальше? Боевой флот, на соединение с которым идет эскадра Рожест-венского, погибнет, как мишень, в лужах Порт-Артурских бассейнов. Миллионы погибнут, как в том случае, если бы эскадра потеряла суда в бою с противником, так и теперь, будучи перебиваема по очереди в бассейнах Артура; но, кроме миллионов, есть нечто важнее, в первом случае она не погибнет, во втором — вечный срам; в

первом случай Рождественский мог бы получить хоть один корабль, во втором — ни одного. Мнение сухопутных начальников всегда было за выход, а мое и за постоянную готовность к бою эскадры. Японцы ныне обратят все свое внимание на скорейшее уничтожение судов, дабы ослабить силу Рождественского, т. е. не дать ему отсюда ни одного судна. Я, как старший здесь начальник, считаю себя вправе, хотя мне флот и не подчинен, требовать немедленного выхода нашей эскадры и прошу поставить меня в известность относительно дальнейших планов эскадры». [759]

На это последовал ответ адмирала Вирена с приложением протокола от 6 августа (от адмирала Вирена к генералу Стесселю от 26 ноября за № 92) следующего содержания:

«Выход эскадры 28 сего июля для прорыва во Владивосток был предпринят по Высочайшему повелению, переданному телеграммой Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, хотя большинство адмиралов и командиров были того мнения, что этот прорыв невозможен, принимая во внимание превосходство сил неприятеля, как по числу судов, числу орудий, так и отдельных крейсерских и минных отрядов, большой скорости хода и большего расстояния до Владивостока без наших портов по пути, а также необходимости прорваться через неприятельский пролив у острова Цусимы.

В лучшем случае наши суда, истратив свои снаряды в переменных боях с эскадренными броненосцами и при отражении ночных минных атак и подбитые, как эскадренный броненосец «Цесаревич», искали бы убежище в нейтральном порту и умерли бы для этой войны.

Едва ли кто-либо дошел до Владивостока, так как самому быстроходному крейсеру «Новик» при благоприятных условиях не удалось этого сделать.

Вся наша эскадра была бы потеряна еще в конце июня, в то время как японский флот имел полную возможность благодаря вышеуказанным преимуществам и тому обстоятельству, что он, идя с нами, параллельно шел к своим портам, так вести бой, что никто из его кораблей не был бы выведен из строя, и как бы неприятельские суда ни были подбиты после этих боев, японский флот успел бы вполне обновиться и поправиться до прихода эскадры адмирала Рождественского, который не мог и не может состояться раньше конца декабря, а вернее Нового года, т. е. встретить его в таком состоянии, в каком он теперь находится.

По возвращении части нашей эскадры в Порт-Артур после боя 28 июля с менее чем половинным запасом снарядов и искалеченными судами и многими разбитыми пушками — эта задача, т. е. прорыв во Владивосток, стала совершенно невозможной. Через несколько дней по прихода эскадры начались августовские штурмы, в которых принимал серьезное участие десант, при чем погибло несколько офицеров и много нижних чинов. [760]

Собранием флагманов и командиров 6 августа{369} составлен был протокол, копию которого при сем прилагаю.

Согласно этого протокола, было решено помогать крепости всеми средствами до последней возможности, что нами до сего дня и было исполнено с полным старанием и добросовестностью.

Все орудия, которые требовались на позиции, давались с судов и устанавливались, снаряды всех калибров постепенно почти все израсходованы на береговых батареях для обороны крепости, чины отряда работают всякий по своей специальности, для той же цели и принимали самое деятельное участие при отражении штурмов в сентябре на Высокой горе, в октябре и, наконец, в ноябре на Курганной литеры Б. и Высокой горе, где погибло так много офицеров и нижних чинов.

Благодаря минной обороне все приморские батареи с их наиболее сильными орудиями были использованы для обороны берегового фронта, усилив его во много раз.

До занятия Высокой горы корабли чинились по возможности, но эскадре адмирал

Рождественского они могли бы помочь только по освобождении Порт-Артура с суши, когда бы нам подвезли снаряды и дали бы возможность окончательно починиться.

Об этом адмирал Рождественский отлично знает.

Теперь суда отряда затоплены неприятелем, но после того как почти весь боевой материал, т. е. много орудий, все снаряды, мины, прожекторы и личный состав были использованы для обороны крепости{370}.

Команды и офицеры перебрались на берег, причем комендоры работают, как и раньше, в лаборатории, ими же пополняется убыль на батареях; минеры заняты выделкой бомбочек, и много машинистов отливают и готовят снаряды и мины; остальная часть команды с офицерами, около 500 человек, составят последний резерв, и таким образом отряд до конца всеми средствами и личным составом поможет крепости обороняться против неприятеля.

Что касается до затопленных судов, то приняты меры, чтобы целые еще орудия не достались бы трофеями неприятелю, если крепость падет. [761]

Один уцелевший броненосец «Севастополь», но не вполне исправный, поставил на счастье у Белого Волка, где он, конечно, будет подвергаться минным атакам и рискует затонуть на рейде, но хотя временно будет защищен от 11» мортир{371}.

Конечно, горестно так потерять свой флот, но если Бог нам даст отстоять крепость до выручки с суши, то я уверен, что все беспристрастные люди скажут, что без той помощи, которую дал флот, Порт-Артур был бы уже давно в руках неприятелей.

Раньше чем заводить флот на Востоке, следовало бы устроить крепость-убежище, так как не флот существует для крепости, а крепость для флота, тогда от флота и можно требовать исполнения его прямого назначения{372}.

Это еще сознавал наш Великий Император Петр, построив крепость Кронштадт, где в офицерской караульной комнате начертаны следующие исторические слова Великого Императора: «Оборону флота и сего места хранить до последней капли крови, как наиважнейшее дело».

Конечно, всякий флот строится, чтобы сражаться с неприятельским флотом, но чтобы он мог это исполнить, ему необходимы порта-убежища, без которых ни один флот существовать и оперировать не может.

Суда не киты.

И не знаю, где больше сраму, в том ли, что флот погиб, защищая свое убежище, т. е. часть русской земли, называемой твердыней, использовав для этого весь свой боевой материал и личный [762] состав, или в том, что это убежище, твердыня оказалась такой ловушкой для флота, какую мы могли бы пожелать самому злейшему врагу».

Я ответил Вирену, положив на отношении его следующую резолюцию:

«Все высказанное здесь относительно малой пригодности артурской гавани я считаю верным, но не могу все-таки согласиться с тем, что наш флот имел право не выходить, а замкнуться на заклание в бассейнах, когда сами же признают эти бассейны ловушкой, что и верно. В морском бою с противником нельзя и предположить, чтобы весь флот погиб, теперь же он погибнет весь, разве «Севастополь» останется, и именно потому, что вышел из бассейна. Относительно собрания флагманов и командиров 6 августа я поставлен в известность только теперь, 26 ноября; хотя, разумеется, единогласное решение специалистов морского дела значит много, но я все-таки не согласен, что было необходимо это сделать, так как решение это есть решение полного уничтожения флота на якоре. Разумеется, средства флота помогли крепости, в этом не может быть сомнения, но эскадра-то, обезоружившись по собственной воле, что сделала? Обратилась в суда, обреченные на полную пассивность, а

команда из матросов в сухопутных солдат; теперь уже возврата нет; теперь, без всякого деления все — сухопутные воины, а потому с момента упразднения судов я считаю, что все защитники, как действующие на сухопутье, должны составить гарнизон и всецело подчиниться сухопутному старшему начальнику, т. е. мне. Прошу также дать сведения о запасах продовольственных, как бывших на судах, так и в порту».

Последняя моя законная просьба о запасах и материалах была оставлена адмиралом Виреном без ответа.

Как искажена деятельность моя морскими начальниками, так же подтасованы врагами моими цифры сдавшегося гарнизона.

Откуда явилась цифра в 23 тысячи вместо тех 10 тысяч, которые, по моим словам, оставались к 19-му на позиции.

Постараюсь объяснить. В день сдачи крепости из госпиталей было выпущено несколько тысяч раненых и больных, которые пожелали вернуться в части, чтобы «идти с товарищами в плен», в чем и оказали им полное содействие врачи Субботин, Ястребцов и Бунге, стремившиеся на родину. 3000 человек из этих здоровых вновь легли в госпиталь, за исключением тех, которые за минутную вспышку бодрости заплатились жизнью. [763]

Из остальных 20 тысяч здоровых, сдавшихся в плен, 10 тысяч, по свидетельству врачей Красного Креста, (50%) было цинготных и раненых, не занимавших госпитальную койку лишь потому, что таких коек не было больше в госпиталях. Наконец, 10 тысяч последних здоровых в громадном большинстве, по свидетельству тех же врачей, нуждались в амбулаторном лечении.

19 декабря 1904 года — по показанию очевидцев — резервы в 50–60 человек шли, опираясь на палки, ружья, поддерживая друг друга...

Что же, разве это не истощение сил гарнизона при обороне крепости, разве это люди, а не тени?..

Правды хочет общество и правды хочу я, не для личной выгоды, а для славы Артурского гарнизона, выполнившего свой долг до конца.

Что же делал комендант крепости в последние дни Артура, если даже он не пожелал лично присутствовать во время последнего боя, скрываясь на дачных местах вместе с адмиралом Виреном, если он во имя самолюбия не приехал ко мне с советом? Когда я послал парламентаря, то позаботился ли он о здоровье нижних чинов, выпущенных больными из госпиталей?

Он три раза объезжал войска — правда, из рядов этих войск слышались нелестные для него отзывы: кто этот генерал, — мы его в сражении не видали, — был даже такой случай, в наивной простоте рассказанный апологетом генерала Смирнова, военным судьей, генерал-майором Костенко. Когда этот генерал объезжал полка, то его солдаты приняли за коменданта и спрашивали распоряжений, — но все это не могло помешать коменданту хоть в день сдачи быть полезным Артуру. Глядя на измученные лишениями осады, ранами и цингой лица больных героев Артура, комендант ни одним словом не приостановил наплыв больных и раненых, строившихся для подсчета японцами числа пленных. Он, который так много кричит о своем патриотизме, сияющий и веселый, радовался, что растет цифра сдавшегося гарнизона, и потирал от удовольствия руки! Что ему позор России, когда явилась возможность раздуть огонь — всему миру показать: «вот как сдался Стессель — с целой армией». И злорадно подсчитывая число рядов, генерал Смирнов чувствовал, что настало время его торжества — торжества интриги, обмана и доноса.

Я не объезжал войска — мне было больно, безвыходно тяжело, но, если бы я знал, что злоба генерала Смирнова перешагнет [764] и через этот предел — жизнь, здоровье войск, — я бы сам явился к палатке, где пересчитывали пленных, и выпил бы лучше чашу унижения до дна

во имя спасения жизни не только нескольких тысяч, но даже одного солдата. Но генерал Смирнов, чуждый гарнизону, считавший жизнь солдат — «бегунцов и смердов», как он говорил, за ничто, бросил во имя личных счетов со мной на чашу обвинения жизнь этих героев. Бедные жертвы зависти и злобы, герои титанической борьбы, вы покоитесь на кладбищах Артура, но будет время, когда предстанем мы на суд Божий с генералом Смирновым — вы явитесь там свидетелями за меня и скажете, во имя чего потеряли вы свою жизнь.

Примечания

{1} На вынесенный Стесселю приговор член Государственной Думы В.М. Пуришкевич отреагировал язвительной эпитафией:

«Я слышал — Стессель Анатоль

Посажен за измену в крепость.

Какая, говорю, нелепость:

Он сдаст и эту, *ma parole!*»

Ma parole (фр.) — честное слово.

{2} Так, например, никак не можем согласиться с мнениями контрадмирала Лощинского и генерал-майора Рейса, высказанными в письме последнего в № 10407 «Нового времени» от 24 февраля (9 марта) сего года, на с. 3, будто пересуды об условиях обороны и сдачи Порт-Артура и преждевременны, и бестактны, и даже недисциплинарны. Наше убеждение совершенно противоположно этому, именно сейчас должна быть раскрыта истина, чтобы сейчас же исправить все то, что привело нас к катастрофе, повлекшей за собой удар за ударом. Сейчас и беспощадно должно быть разобрано все то, что дает нам право судить о правильности и неправильности поступков того или другого ответственного лица, — сейчас, пока все это не поросло мохом давности и не покрылось слоем оправданий, извращающих факты. Признаться, мы менее всего ожидали такого мнения со стороны адмирала Лощинского. Только в интересах виновных затянут разбор виновности. (Здесь и далее примеч. автора).

{3} См. труд профессора доктора Erwin Balz, Tokio «Ober den krieg-erischen Geist und die Todesverachtung der Japaner». 1904. Yokohama, Verlag der deutschen Japan-Post. — Эта брошюра будет вскоре издана на русском языке под тем же заглавием: Эрвин Бяльц. «О воинственном духе японцев и их презрении к смерти», — с некоторыми возражениями и дополнениями переводчика, по его наблюдениям во время войны.

{4} Сибирская дорога Челябинск — Иркутск.

{5} Недавно приобрел японское описание войны «The Russo-Japanese War», изд. Kinkodo & Co, Tokio, и уже в первом выпуске этого издания — апрель 1904 года — нашел полное подтверждение тому, что меня беспокоило во время поездки в Порт-Артур. На с. 13 прекрасный фотографический снимок порта Владивостока, снятый, видимо, с колокольни, на с. 15 вид станции Маньчжурской железной дороги с казармами железнодорожной стражи и прилегающей окрестностью, на с. 71 прекрасный снимок входа в гавань Порт-Артур, сделанный с вершины Перепе-лочной горы, на с. 72 вновь одна из станций Маньчжурской железной дороги с прилегающей окрестностью и т. д. В дальнейших выпусках видим фотографические снимки осмотра генералом Куропаткиным фортов Владивостока и Порт-Артура — строящийся форт в Порт-Артуре и пр. Так, без сомнения, японцы успели снять все, что им нужно было, притом на русские же деньги, при помощи наших инженеров и пр.

{6} Неизбежные последствия состояния половины эскадры в пресловутом «вооруженном резерве».

{7} Как пример отношений японцев к нам, указывал мне потом один из новых друзей, что когда он посетил в 1901 году Японию, то в городе Нагасаки высказался ему один из торговцев, что он готов отдать правительству свою последнюю рубаху, если оно объявит войну России...

Это говорили в городе Нагасаки, где зарабатывали от русских огромные деньги. Тотчас после начала войны почувствовали там это все. Там же были первые беспорядки и возмущения по поводу все возрастающих военных налогов. Целые части города, существовавшие в прежнее время всецело от щедрот русских, начали нуждаться и голодать, пока волна русских пленных снова не оживила их торговлю, оставив там проездом около 30 тыс. рублей.

{8} За неготовностью порта Дальнего.

{9} Положим, генерал Куропаткин остался правым — со стороны тех твердынь (берегового фронта), на которые министр указал во время своей краткой речи, городу не нанесен и поныне какой-либо ущерб, город расстреливали японцы с другого фронта, и в позорной капитуляции крепости не участвовал адмирал Алексеев.

{10} Роль И.П. Балашова как заведывающего делами Лесопромышленного товарищества на Ялу на этих совещаниях мне точно не известна. Во всяком случае, нарекания на него, будто он один из главных виновников, так сказать, накликавших на Россию эту несчастную войну, кажутся мне даже смешными. Далее выскажусь о причинах войны подробнее и постараюсь указать лесным концессиям подобающее им среди этих причин место. Знаю, во-первых, что И.П. Балашов очень тяготился возложенной на него должностью по лесопромышленному товариществу и, во-вторых, никто, кто ознакомился во время войны с этой почтенной личностью как с заведующим Квантунским отделением Красного Креста, не может допустить и мысли о том, чтобы он мог преследовать свои личные выгоды и проявлять алчность наживы во что бы то ни стало. Мы узнали в нем редко гуманного человека, служившего всю жизнь идее Красного Креста с любовью, побывавшего с Красным Крестом уже в нескольких войнах, тратившего много личных средств на постройку нового здания Мариинской общины в Артуре и вообще на все нужды этого своего детища. Мы, конечно, видим в нем старого, иногда оригинального (нелюбимого за его прямоту и резкость) барина, но, в общем, истинно русского человека и пылкого патриота, болевшего наравне с другими душой при виде наносимых России ударов, при виде страдания людей. Никто не видал в нем человека с коммерческими, стяжательными наклонностями. Одно ставили ему в вину — это то, что он одно время дружил с генералом Стесселем. Но и в этом он сильно раскаивался после позорной сдачи крепости, он ошибся, был введен в заблуждение. По глубокому моему убеждению, упреки, высказанные некоторыми газетами по его адресу, несправедливы и совершенно неосновательны. Балашов — идеалист, к сожалению, вымирающего типа.

{11} Не подлежит сомнению, что другие страны затратили бы эти же миллионы много производительнее, что при нашей старой бесконтрольной системе много денег утекло в карманы хищников.

{12} Боны эти были доставлены в 1901 году из Таку как военные трофеи, да и тогда они были уже полугнилые. Боны эти могли, конечно, задержать любую китайскую джонку...

{13} Впоследствии оказалось, что план маневра на Порт-Артур был составлен и выполнен одним из офицеров Генерального штаба — подполковником Мандрыкой, потом куда-то переведенным, а генерал Фок тут был ни при чем.

{14} В конце декабря (увы, только в конце декабря) была предпринята рекогносцировка на р. Ялу, для выбора путей сообщения на случай войны.

{15} 9-й, частью 10, 11 и 12-й стрелковые полки — 3-я Восточно-Сибирская стрелковая

бригада; в полку было около 2000 человек и при 9-м полку 1 пулеметная рота — 8 пулеметов.

{16} Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион — 3 батареи, 24 орудия.

{17} Рекомендуем прочесть брошюру: «"Акацуки" перед Порт-Артуром». Изд. Ф.И. Булгакова, СПб., 1905 г. — Оказывается, что японцы уже давно крейсировали в водах Артура, а мы не имели о том ни малейших сведений.

{18} На следующее утро рассказывали, будто под этот шум взорваны некоторые телеграфные столбы. Слух этот не удалось проверить. Во всяком случае, японцы могли иметь в виду и китайский новый год, чтобы им замаскировать начало военных действий — начало борьбы с «белыми чертями» в то время, когда весь китайский народ занят изгнанием злых духов из своих жилищ. (Позднее китайцы радовались ужасной канонаде в уверенности, что этот год пройдет для них счастливо — ибо, по их убеждению, от этого грохота должен удирать всякий злой дух шибко далеко...)

{19} Кроме того, на эскадре в этот день усиленно циркулировал слух, что начальство решило, наконец, устроить серьезные морские маневры, в которых должны были участвовать и береговые батареи.

{20} По точным справкам, адмирал Старк ушел в 9 часов вечера из квартиры, но куда — неизвестно, полагают — к наместнику.

{21} Китайские лодки — сампани.

{22} Развернутой после мобилизации в 3-ю дивизию, причем полки, до этого двухбатальонные, увеличились третьим батальоном коренного гарнизона Артура.

{23} Говорят, что наши сторожевые посты на бухтах состояли всего из 3—5 человек.

{24} Адмирал Старк поспел на свое судно в то время, как флаг-капитан Эбергардт уже приказал открыть огонь по неприятелю.

{25} В издании профессора Dr. Erwin Balz, Tokio «Uber den kriegerischen Geist und die Todesverachtung der Japaner» я нашел подтверждение этого душевного состояния человека во время ужасов.

{26} Неправда. Практиковавшиеся в то время опознавательные сигналы были у нас настолько сложны, что разобрать их (по трем системам) можно было лишь тогда, когда уже было слишком поздно.

{27} И это неправда. И сигналы, и русская речь была с вернувшихся с крейсировки русских миноносцев, по которым стреляли, несмотря на опознавательные сигналы. Далее получена нами разгадка всему этому.

{28} Пробойна величиной в 220 квадратных футов.

{29} В то время мы не имели никакого представления о преимуществах японского флота, как по скорости хода, так и по вооружению, а главное, по обслуживанию судов хорошо обученными командами под руководством действительно опытных офицеров, настоящих моряков.

{30} Павшему впоследствии смертью героя на редуте № 1 капитану 2 ранга Лебедеву было приказано идти на крейсере 2 ранга «Забияка» 27 января, в полдень, в Чемульпо, чтобы сменить там канонерскую лодку «Кореец». Приказ этот так и остался неотменным и неисполненным по случаю бомбардировки.

{31} Умер впоследствии.

{32} Убитый в августе на батарее Большого Орлиного Гнезда.

{33} К началу войны оказалось запасных пушек налицо в артиллерийском складе морского

ведомства всего одна 6-дюймовая, семь 75-мм и семь 47-мм, вместо требующихся положением 25 процентов всего наличия пушек на судах флота, притом каждого калибра.

{34} Передаю так, как сказано в приказе.

{35} Мне передавали, будто, когда командир с судовым врачом уже отплыли на шлюпке от подбитого миной крейсера, врач предлагал вернуться на судно и попытаться спасти его, так как оно только накренилось, но не погружается в воду. Но командир будто сказал, махнув рукой, что оно все равно погибнет.

{36} Впоследствии выяснилось, что крейсер, брошенный командой, носило еще дня два, если не три, по морю и китайцы стащили с него много судовых вещей и имущества офицеров и команды. Позднее отбирали все это у китайцев — жителей ближайших островов и берега, конечно, многое осталось неразысканным. Потом судили командира крейсера — капитана 2 ранга и Георгиевского кавалера китайской войны Сарычева, суд отстрелил его от командования судном. Все же было бы интересно узнать, оставил ли он морскую службу?

{37} Приказ наместника от 8 февраля, опубликованный в «Новом крае».

{38} Южный мыс Ляодунского полуострова, на котором стоял маяк; мыс этот представляет из себя высокий скалистый хребет, спускающийся к Голубиной бухте, на юго-западе полуострова.

{39} По японским официальным сведениям, было всего пять таких судов: «Hokoka Maru», «Bushu Маги», «Tenshiu Маги», «Виyo Маги» и «Tinsen Maru». Последнее затонуло на глубоком месте, и его не было видно.

{40} Все недочеты ее были мало кому известны; в этом случае у нас умеют хранить тайну. Большинство верило, что твердыня наша все же неприступна. Блажен, кто верует.

{41} Сообщения о повреждении и потоплении при ночных атаках японских миноносцев оказались все же преувеличенными, даже допуская, что японцы тщательно скрывают все свои недоказанные потери. Мне думается, что и тут японцы могли вводить нас в заблуждение пусканием пара, будто миноносец поврежден, и заставлять этим нас стрелять по неверному прицелу, чтобы самим между тем благополучно уйти из сферы нашего огня.

{42} На следующий день выяснилось, что японцы пустили в эту ночь по течению, с приливом, по направлению к гавани (следовательно, и «Ретвизану») доски с огнями. К доскам этим были прикреплены сосуды с фосфористым кальцием, горящим в воде. Этот маневр японцев заставил нас попусту тратить снаряды. «Миноносцы под парусами» остались после этого разъяснения под большим сомнением.

{43} Площадка эта была, видимо, предназначена для установки батареи; отсюда было видно море.

{44} Это вторичное объявление крепости в осадном положении. См. 28 января.

{45} В подтверждение сказанного приводим опубликованное ныне письмо генерала Кондратенко от 11 апреля: «Наши военные инженеры совершенно не помогают войскам в скорейшем созидания блиндажей и вообще не идут навстречу интересам войск, а заняты почти исключительно казнокрадством. Поэтому инженеры ведут только те работы, на которые можно нанять китайцев, причем число нанятых китайцев в своих отчетах для получения денег увеличивают страшно и, таким образом, наживаются. Те же работы, на которых участвуют только войска, инженеры страшно тормозят. Такова же и деятельность интендантства: недостает обуви, обмундирования, снаряжения, часть людей ходит в прорванных валенках, принесенных из дому, а интенданты изошряются, как бы урезать части войск в отпуске самого необходимого. Словом, интенданты и инженеры — позор для нашей славной армии».

Допуская даже, что покойный генерал-герой написал эти строки в минуту озлобления, и

утверждая, что это его осуждение неприменимо ко всем без исключения (оно было бы в таком случае несправедливо), все же не имеем основания даже подумать о том, чтобы он мог написать все это без всяких оснований, якобы вымещая личную свою злобу на безвинных людях.

{46} Нельзя не отметить при этом, что почти вся тяжесть мобилизации пала преимущественно на Сибирь, потребовав почти все здоровое мужское население ее. Между тем центр России участвовал только в частичных мобилизациях.

{47} На вопрос, как это возможно, что свои миноносцы насакакивают на своих же, я получил ответ офицера-моряка:

— Вся беда в том, что недостаточно быть моряком и казаться им. Нужно уметь плавать!..

{48} Никто, конечно, не подозревал, что лихой лейтенант турецкой кампании, а ныне убеленный сединой адмирал, известный всему миру ученый по морской технической науке, много поработавший на всех поприщах морского дела, которым он жил и дышал, еще сохранил весь боевой пыл молодости, что энергия его еще не надломлена житейскими невзгодами, а его светлый ум и железная воля лишь закалены опытом, что пред нами богатырь, для которого нет невозможного на свете.

{49} Перепелиная гора.

{50} В этот раз, по японским сведениям, снова пострадал броненосец «Фуджи», подбитый 12-дюймовым снарядом во время боя 27 января.

{51} Впоследствии за удачное отбитие ночной атаки награжден орденом Св. Георгия IV степени.

{52} Впоследствии эти батареи оказали огромные услуги по защите крепости — держали японские суда далеко от берега, они охраняли Голубиную бухту и обстреливали там японцев. Говорят, что когда батареи были устроены, инженеры приписывали себе заслугу по устройству их.

{53} Кривицкий награжден орденом IV степени, ныне капитан 2 ранга.

{54} Сообщают, что один японский миноносец погиб.

{55} Впоследствии этот брандер оказал большую услугу защите порта — за ним становились сторожевые суда и были там обеспечены от минных атак и сильного волнения.

{56} Надеясь вскоре завладеть морем, адмирал Макаров не очень сочувствовал заграждению моря минами, опасаясь стеснять этим себя.

{57} Это уж так у нас принято — чем важнее чин, тем позже прибывает он на торжество, тем дольше он заставляет других ждать его; этот обычай соблюдается очень заботливо, как бы не уронить своего достоинства

{58} Как передают очевидцы, Верещагин и Агапеев находились в боевой рубке, первый зарисовывал в свой альбом эскизы, а второй что-то записывал в журнал.

{59} 14/27 марта адмирал Макаров приказал же сперва протралить, а лишь тогда вывел эскадру на рейд. Почему б он стал в данном случае пренебрегать мерами осторожности? Тем более, если ему доложили о том, что японские миноносцы подходили близко.

{60} Все еще появлявшиеся в газетах уверения, что «Петропавловск» погиб на наших собственных минах, — полнейший абсурд. Порт-артурский рейд не заграждался (и мыслимо ли это!) нашими плавучими минами, взрывающимися самостоятельно. Заграждение же рейда минами, воспламеняемыми электрическим током, началось только накануне Пасхи, в день прибытия минной роты, т. е. всего четыре дня тому назад, и работы эти были только в зачатке. Такое же заграждение морского ведомства было ближе к гавани. Притом эти мины

при разомкнутом токе не представляют собой ровно никакой опасности, ток же замыкался только на ночь, когда нашим судам не нужно было ни выходить, ни входить. Наконец, наше минное заграждение никогда не достигало до того расстояния от берега (более версты), на котором погиб «Петропавловск». Допустим, что японские мины могли быть брошены на более значительном расстоянии от берега и принесены сюда приливом (которым японцы всегда пользовались при разбрасывании мин на рейде), но все же нужно сознавать, что береговая охрана «проспала» на этот раз.

Несомненное доказательство тому, что «Петропавловск» погиб на японских минах, имеем теперь в записках японского офицера-морьяка. См. «"Акацуки» перед Порт-Артуром». Изд. В.И. Булгакова. 1905 г.

Мне передают, что адмирал Макаров распорядился взять на суда, перед выходом навстречу неприятелю, полный комплект мин Уайтхеда. Это распоряжение адмирала показалось кому-то из исполнителей его нецелесообразным, и решили взять только половинный комплект, но это узнал случайно адмирал, рассердился и потребовал точного исполнения его распоряжений.

И это обстоятельство ставят, между прочим, одной из причин гибели броненосца. Но это не может послужить оправданием тому, что дали японцам набросать мины на рейде и не сообщили об этом адмиралу. Детонировал ли от взрыва японских плавучих мин лишь пороховой погреб или также и мины Уайтхеда, хранившиеся в корпусе броненосца, это осталось невыясненным и от этого никому не легче. Позднее (2/15 мая) японский броненосец «Хацусе» пошел настолько же быстро ко дну. Причиной гибели все же были и остались плавучие мины, набросанные неприятелем, детонация, как тут, так и там, была лишь гибельным последствием.

Случай с комплектом мин Уайтхеда дает мне лишний штрих в характере адмирала Макарова — его непоколебимую решимость принять решительный бой всеми средствами, которые имелись в его распоряжении.

Дальнейшие морские бои доказали беспочвенность минных аппаратов на больших судах, если на них нет сильной артиллерии и если суда не обладают более быстрым ходом, чем неприятельские. Это доказал опыт.

{61} Как образчик японских сведений вообще привожу здесь сообщенное ими официально: «...»Ниссин» и «Кассуга» обстреляли в течение 2 часов Ляотешань, пока все 9 фортов Ляотешаня были принуждены замолчать...» На самом деле на Ляотешане не было ни одного форта, а строящиеся там батареи не были еще готовы. Ни там, ни на остальных батареях берегового фронта даже никто не ранен.

{62} Это было много далее нашего минного заграждения.

{63} Позднее выяснилось, что это, по всей вероятности, был крейсер «Иосино».

{64} Интересно бы знать, где находятся все эти пожертвованные суммы? Они не должны были попасть в руки японцев. Деньги эти сдавались в особую комиссию под председательством контр-адмирала князя Ухтомского, и он, наверно, не откажется дать точный ответ на этот вопрос.

{65} Интересно бы знать, какими пушками вооружены и сколько узлов хода имеют выстроенные на народные пожертвования наши новые минные крейсера — могут ли они на самом деле догонять и истреблять неприятельские миноносцы, или же они представляют собой такую же «бутафорию» с «черепашьим ходом», какой были в Артуре «минные крейсера» — «Гайдамак» и «Всадник». Желательно узнать и то, что стоили новые крейсера.

{66} Удары в судовой колокол.

{67} По словам японцев, их собратья-христиане сами рвались в бой, желая доказать, что их

вера, хотя отличающаяся от веры их предков, не запрещает, а велит защищать свое отечество, служить ему и умереть за него, если это нужно.

{68} По полученным позднее сведениям, 12: «Сибата-мару», «Кокура-мару», «Осаго-мару», «Микава-мару», «Тотоми-мару», «Фудзи-мару», «Иедо-мару», «Нагато-мару», «Отару-мару», «Сакура-мару», «Сагами-мару» и «Айкоку-мару». Из них «Сакура-мару» в 3000 тонн, а остальные в 2000 тонн каждый.

{69} Современное написание Дзиньжоу.

{70} Вопрос, как были укреплены кинчжоуские позиции, удалось разъяснить не вдруг. Поэтому придется коснуться его несколько раз, пока получится более достоверный ответ на него.

{71} Появившееся в «Новом крае» строго цензурованное известие о событиях этого дня говорит: «Миноносному отряду было приказано, произведя демонстративную атаку, отогнать неприятеля от пострадавшего корабля...» Спрашивается, почему же только демонстративную, а не настоящую атаку? Сейчас, конечно, постараются взвалить вину на погибшего после, в бою, контр-адмирала Виттефта. Но не он один виноват в этом.

{72} Только ныне японцы сознались, что тогда погиб и «Ясима».

{73} Беспроволочный телеграф оказался на практике обоюдоострым оружием. Благодаря ему наш Владивостокский отряд ускользал от эскадры адмирала Камимур. Но, как ни странно, не слышать, чтобы мы имели благодаря ему когда либо активный успех, все лишь пассивный.

{74} По другим сведениям, подоспели вовремя и участвовали в деле только 6 орудий.

{75} Один из первых инцидентов, положивший начало последовавшим гонениям генерала Стесселя на «Новый край».

{76} По японским сведениям, канонерскую лодку «Осима».

{77} Разве за исключением небольшого контингента проституток, которые после первой бомбардировки убежали все из Артура, но вернулись, как говорят, по предложению начальства. И они могут, при доброй воле, оказать помощь в какой-либо работе.

{78} «Странички из дневника артурского обывателя». — Эти «странички» вышли ныне отдельной книгой.

{79} Против четырех дивизий японцев с 120 орудиями; кроме того, 4 канонерки и 6 миноносцев, обстрелявших позиции с фланга и тыла.

{80} Оказывается, что японцы заняли Дальний спустя несколько дней.

{81} Приказ № 253 от 14 мая.

{82} Их здесь совсем мало — почти все выехали.

{83} № 105 «Нового края» 1904 г.

{84} Попросту этот небольшой садик назывался Этажеркой, как построенный уступами на довольно крутом склоне.

{85} Курорт в Новгородской губернии — соляные источники и грязи.

{86} Кстати, и по этой части не все и не везде было в должном порядке, не все было предусмотрено при постройке фортов.

{87} Когда на самом деле попаданий здесь не было.

{88} Моряки уверяли, что среди японской эскадры видели даже броненосец «Ясима».

{89} Батарея эта и устояла до самой сдачи крепости, хотя убийственно обстреливалась японцами ежедневно.

{90} Как ныне выяснилось, другая «очень неприятная» телеграмма была получена генералом Стесселем от наместника. Адмирал Алексеев, получив правдивые донесения о причинах падения кинчжоуских позиций — о том, что кинчжоуские позиции пали только благодаря отсутствию распорядка со стороны генералов Стесселя и Фока, а не оттого, что на этих позициях нельзя было держаться, — возмущенный неподготовленным очищением Талиенвана и Дальнего (причем все миллионные сооружения попали в руки неприятеля) и убедившись из полученных сведений о хозяйничанье генерала Стесселя, что последний не может принести защите крепости никакой пользы, предписал ему как главнокомандующий немедленно сдать командование генералу Смирнову и прибыть в Мукден, выехать в Инкоу на миноносце «Лейтенант Бураков». Генералу Стесселю было предписано передать копию этого приказа генералу Смирнову, он этого не исполнил, сознавая, что в таком случае комендант заставит его немедленно покинуть крепость, а обратился к генералу Куропаткину со слезницею, что он, дескать, служил на Квантуне и ему бы хотелось умереть тут же и поэтому просит оставить его в Артуре. Генерал Куропаткин послал просьбу генерала Стесселя в Петербург (помимо наместника, с которым он не ладил), в Петербурге же имели совершенно неверные понятия о генерале Стесселе — и его оставили в Артуре. И в Петербурге не сочли нужным запросить адмирала Алексеева, почему тот отзывает генерала Стесселя из Артура. Факт характерный для выяснения причин наших несчастий в минувшую войну.

{91} Такие бесплатные чайные были устроены и морским ведомством, и на частные средства, например чиновниками контроля.

{92} Отмечаем это здесь потому, что не слыхали, чтобы, кроме полковника Третьякова (5-го полка), еще кто-либо из командующих полками показывал такие примеры личной храбрости.

{93} Эдигей Иналович Дударов — кавказец, магометанин. Был уже в Кинчжоуском бою, где командовал батареей.

{94} В японских сведениях говорится только о «пострадавшем минном заградителе». Из этого следует заключить, что им удалось его исправить, хотя судно пострадало в значительной степени. О легких повреждениях японцы не сообщали.

{95} Какими наивными надеждами утешали мы себя еще в то время!

{96} Этот момент отступления снят фотографически подполковником Шишко.

{97} В этом бою мичман Вещицкий ранен в правый глаз.

{98} Исполинское просо — сорго, или джугари.

{99} Злые языки говорят, что гаолян не скошен, видимо, потому, что в китайскую кампанию, во время боя, в нем удачно укрывались некоторые из наших дутых героев того времени. Один генерал и один подполковник будто подружились, вместе посидев в гаоляне.

{100} Мне могут возразить, что и наши войска могли действовать под прикрытием гаоляна с таким же успехом, как японцы. Если бы у нас было столько же войск, как у японцев, тогда, конечно, шансы были бы равны. Но ввиду огромного численного перевеса японцев вся выгода была только на их стороне.

{101} Не скоро удалось выяснить картину боя на Волчьих горах, причины быстрого отступления наших войск и больших потерь. Дело оказалось в следующем: когда при отступлении с Зеленых гор было решено укрепить Волчьи горы (приказ генерала Стесселя от 16 июля за М° 435), генерал Фок приказал соорудить окоп не на хребте, не на самом кряже, а внизу, у подошвы гор, в стороне японцев. Окоп тянулся беспрерывно вдоль подошвы гор, на северном его склоне и не был еще закончен, когда нашим войскам пришлось его занять. Так как отряд, назначенный оборонять окоп, не был достаточно велик, то он не мог занять весь окоп и занял его лишь участками.

17 числа утром оказалось, что японцы не только придвинулись в больших силах совсем близко, под прикрытием гаоляна, но успели уже занять пустопорожние участки нашего окопа, открыли, не задумываясь, продольный фланговый огонь по нашим стрелкам. Завязался отчаянный бой. Редко где нашим ротам удалось соорудить наскоро траверсы, за которыми имели хотя некоторую защиту. Японцы били с фронта и с флангов и заходили в тыл нашим отрядам. Не имея ни прикрытий, ни помощи откуда-либо, наши стрелки были принуждены отступить; при этом они должны были взбираться на гору по совершенно открытому месту. Нечего и говорить, что японцы расстреливали их как зайцев и не дали им опомниться и на хребте. Потери наши огромны.

Оказывается, что генерал Фок заставил и на кинчжоуских поселениях устроить окопы также внизу, впереди горы, уверяя, что снизу удобнее стрелять вверх, чем наоборот... Но там успели усилить нижние окопы несколькими редутами и соединить нижние окопы с верхними посредством ходов сообщения.

На Волчьих же горах не было и помину ни о ходах сообщения, ни о верхних окопах. Когда японцы заходили уже в тыл, то нашим отрядам оставалось одно из двух — или быть уничтоженными без пользы на месте, или же отступить под убийственным огнем.

И здесь генерал Фок нашел козла отпущения, нашел, на кого свалить свою вину. Командир 13-го полка, очень храбрый офицер, подполковник князь Мачабелли отрешен приказом генерала Стесселя от командования полком за отступление с Волчьих гор.

Мы же допускаем, что генерал Фок получил одну из многочисленных наград, выпавших на его долю за эту кампанию — за блестяще исполненное отступление в крепость... в pendant благодарности и награде за Кинчжоуский бой.

Такова была у нас оценка заслуг.

{102} Подводных лодок у нас не было, если не считать одну стародавнего типа, которая была испытана, но не дала удовлетворительного результата. Потом подполковник Меллер и какой-то любитель соорудили новую, но она так и осталась неоконченной. Но еще в начале войны «Новый край» пустил «утку» о том, что наши подводные лодки дали при испытаниях блестящие результаты. Цель этой «утки» ясна — желание удержать японцев вдали от берега.

{103} Как Юпилазу, так и Куинсан считают тактическими ключами передовых позиций, потеря которых повлекла за собой потерю всех позиций.

{104} С великой досадой я узнал лишь впоследствии, что давно прибывший из Чифу техник русской телеграфной станции, добровольно вызвавшийся восстановить морской кабель Чифу — Артур, имел все наготове для этой работы, все было припасено на одном из портовых судов, нужно было только воспользоваться удобным моментом, выйти в море и соединить порванный лишь в одном месте кабель. Работу эту нужно было сделать так, чтобы японцы о ней ничего не знали, иначе они могли снова порвать кабель, и на этот раз более основательно. Так как японцы строго поддерживали блокаду, то нелегко было дожидаться этого удобного момента. Но когда 28 июля наша эскадра вышла в море, чтобы прорваться во Владивосток, настал этот момент. И этим моментом нужно было во что бы то ни стало воспользоваться. Техник, обрадовавшийся случаю, просил командира порта разрешить ему выйти тотчас, вслед за эскадрой в море, чтобы исполнить свою задачу. Но адмирал не разрешал, велел обождать еще. Когда начал доноситься гул канонады со стороны Шандуня, когда стало несомненным, что там завязался бой, то техник снова упрашивал командира порта разрешить ему выйти в море для соединения порванного кабеля, но адмирал велел подождать еще. И вот дождались: эскадра вернулась в Артур, а японские миноносцы снова стали беспрерывно крейсировать на горизонте. Нерешительность адмирала в такую важную минуту обратила весьма похвальную затею в ничто.

Спрашивается: чем же рисковал при этом адмирал Григорович и что заставило его не

разрешить выход в море технику?

Это вопрос, на который едва ли он сам в силах дать удовлетворительный ответ.

Лишнее доказательство тому, что власть может не только содействовать делу, но и затормозить его.

Мне могут заметить, что невелика беда в том, что кабель между Артуром и Чифу не был восстановлен, что пользы от него было бы мало, что крепости он бы не спас от сдачи... Могут сказать, что если бы кабель был восстановлен и мы бы узнали, что напрасно рассчитываем на помощь откуда-либо, то пали бы духом и сдали бы крепость раньше того, чем это случилось.

С этим не могу согласиться. Восстановленный кабель принес бы несомненную и большую пользу осажденной крепости. Не важно то, что мы не знали, что творится на белом свете, но важно то, что ни в Чифу, ни Шанхае в наших консульствах, ни в Петербурге не знали, что творится у нас и чем нам помочь. При исправленном кабеле можно было каждый раз дать нам знать, в какое время вышла в Артур каждая джонка, каждый пароход; наши миноносцы могли бы их встретить. Тогда японцы не уводили бы, так сказать, из-под нашего носа идущие к нам джонки и пароходы к себе — все, что посылалось нам и стоило правительству огромных денег, не доставалось бы постоянно японцам; тогда прорвавший блокаду бомбейский пароход «King Arthur» не привез бы нам 50 000 мешков муки, в которой мы еще не нуждались, а привез бы средства для борьбы с цингой, привез бы артиллерийские снаряды и т. д.

Понятно, что восстановление кабеля должно было так и остаться тайной для всего мира, и в таком случае ему не грозило опасности быть снова порванным.

{105} Интересно бы знать, какими законами руководствовался при этом генерал Стессель? Пусть скажут нам это люди более сведущие.

{106} Это все выдумки. Японцы, как оказывается, раз взявшись воевать, не развлекаются пустыми забавами, да и жалованья японских офицеров далеко не хватает на разливное море из шампанского. Это мы судили слишком по себе...

{107} За неимением крестов в крепости стали носить одни ленточки, позднее появились кресты, изготовленные в артурских мастерских.

{108} Впоследствии, уже после падения Высокой горы, я еще раз встретил этого унтер-офицера. На мой вопрос, помнит ли он, что он мне говорил в начале осады, он сконфузился: «Кто это мог подумать!» Проробмотав эти слова, он поспешил уйти.

{109} Название это довольно странное — батарея эта находилась позади батареи литера Б. Вообще нельзя сказать, чтобы названия, данные нашим батареям, отличались меткостью. Литерных батарей было много, следовательно, могло быть и много «залитерных». Бывали даже «батарейные батареи», «морские батареи» и батареи, названные просто по калибру орудий. Не хватало названий. Положим, это неудивительно, если мы и во вполне мирной обстановке не особенно изобретательны насчет названий. Мне передавали, что в Одессе существует уже много лет особая комиссия, на обязанности которой лежит только придумывание названий новым улицам, и что, несмотря на это, там посейчас несколько улиц без названий. Там же изобретен шедевр — наименована «Улица 19 февраля 1861 года».

{110} Так же, как до этой войны считалось в полевой артиллерии особой молодцеватостью красиво выехать с батареей на позиции. Война эта доказала, что подобные чисто парадные приемы здесь не только ни к чему, но прямо-таки губительны. Необходимо уметь поставить батареи скрытно, за естественными возвышениями — складками местности, нужно установить так, чтобы хорошо поражать, не подставляя свой лоб.

{111} Тело А.В. Лебедева было вынесено и похоронено с подобающими почестями.

{112} Впрочем, у нас встречается много странного; были у нас другие отрешенные от

командования, не участвовавшие ни в одном бою — не переносящие боя... и, как теперь оказывается, даже награждены. Не слышно, чтобы кто-либо из таких типов отказался от данной ему, но совершенно незаслуженной награды.

{113} Ужасно возмущает появление в газетах и журналах портретов героев этого пошиба с подписями: «выдержавший осаду Артура» или «отличившийся», даже «герой». Портреты же действительных героев встречаются реже; многих совсем нет, как, например, портрета кн. Мачабелли.

{114} Горжа — тыловая стена, или бруствер укрепления, обращенный к крепости.

{115} Куропаткинский люнет, не имевший тыловой горжи, был несколько раз уже в руках японцев, но они так и не могли удержаться на нем — их вышибали тотчас же.

{116} И. о. гражданского комиссара, он же председатель городского совета.

{117} Интересно, какими законами руководствовался генерал Стессель, предъявляя это требование.

{118} Сегодня, при случайном разговоре на тему, что в переживаемое нами время одинаково легко добыть бесславную смерть, как и бессмертную славу, один из почтенных наблюдателей высказался, что замечательно то, что именно самые бездарные «тупицы» предъявляют самые большие претензии на бессмертие — при сохранении жизни...

{119} Такие комиссии учреждаются по законоположению только в местностях, объявленных неблагополучными по холере и чуме, по особым повелениям.

{120} Хороших биноклей у нас было очень мало. Их будто не полагалось... Офицеры выписывали, пока это было возможно, на свои средства почтой.

{121} Что касается установки наших батарей, то в этом отношении оставалось желать много лучшего. Первое, чему нельзя было не удивляться, это то, что, при утверждении плана крепости, в Петербурге было многое изменено, как будто в столице лучше было видно, где и что надо сделать в Порт-Артуре и без чего может крепость обойтись. Если бы сухопутный фронт крепости был закончен, даже путем начат, в мирное время, если бы все батареи имели бетонные прикрытия, как это было на береговом фронте, а главное, если бы они были установлены за кряжами, то дело обстояло бы много лучше. Но ведь еще ничего не было сделано; пришлось строить наскоро батареи — взрывались верхушки скал для устройства платформ под орудия, ставились орудия и обносились бруствером и траверсами из мешков. Помимо непрочности такого укрепления было скверно то, что наши батареи были видны неприятелю как на ладони.

Один из увлекающихся своим делом (а как мало у нас таких людей) инженер-капитан Шварц, укреплявший вместе с полковником Третьяковым Кинчжоу, изобретал способы маскировки наших батарей, но ведь этим делом можно было заняться только после постановки батарей и укреплений, а тем временем неприятель приблизился и был уже, что называется, на носу... Начал Шварц с маскировки брустверов дерном, но этот способ оказался дорогим и требующим много времени и труда. Тогда он придумал окрашивать батареи под цвет окружающей земли и скал. Конечно, сначала за изобретение его просмеяли, на деле же оказалось, что это лучший из способов, притом же недорого стоящий и требующий ничтожного труда. Потом под цвет земли выкрасили и орудия. К сожалению, было мало времени и средств на более всестороннюю маскировку.

Им же был сделан первый удачный опыт с фальшивой батареей (на Кинчжоу).

{122} Когда японцы установили свои прожектора на Дагушане и на Волчьих горах, то оказалось, что и по этой части мы далеко отстали от них. Их прожектора бросали огромные снопы яркого света.

{123} Можно полагать, что эти белые дымки были вспышки с фальшивых батарей, чтобы

наша артиллерия стреляла по пустой цели, пока японская в то же время безнаказанно громит наши укрепления. У бездымного пороха дымок желтоватый и трудно заметен вдаль. И у нас были такие фальшивые батареи для вспышек и удачно отвлекали японский огонь, но их было у нас слишком мало, «в виде опыта»...

{124} 42-линейные русские пушки оказались, по отзыву специалистов, после пушек Канэ лучшими. К сожалению, они не были скорострельными. «Дайте этим пушкам скорострельность, — воскликнул один из раненых артиллеристов, — и нам не нужно лучшей пушки! А мы все хватаемся за чужие образцы, забрасывая свои, много лучшие!..»

{125} Много раз беседуя на эту тему с нашими почтенными офицерами, героями разных родов оружия, как с сухопутинцами, так и с моряками, всегда доводилось приходиться к тому заключению, что, допуская и среди японского офицерства исключения из общего правила, все же на нашей стороне заметно скорее пропорционально обратное — категория, составляющая среди японцев правило, является у нас, к сожалению, исключением.

Среди нашего строевого офицерства встречаются нередко личности, которые, при всей безукоризненности во всем остальном, не переносят, если так можно выразиться, физически не переносят обстановки боя. Не говорю здесь о тех, которым при вообще скверных чертах характера присуща бесспорная трусость как неизбежный придаток этой индивидуальности.

Во всяком случае, причины нужно искать в воспитании физическом и нравственном, в окружающей среде, во всем строю нашей жизни и государства, в недостаточном развитии отдельного индивидуума, в колебании наших верований, взглядов на жизнь и убеждений.

{126} Надеемся еще вернуться к этому вопросу, рассмотреть его подробнее.

{127} Вопрос — разрешила ли бы это напечатать военная цензура?..

{128} Сказано удивительно дальновидно...

{129} Замечательно, как быстро китайцы передают известия на далекие расстояния — как бы по устному телеграфу.

{130} Японцам так и не удалось их вышибить оттуда до самой сдачи.

{131} «Бой» по-английски — мальчик. Так называют на Дальнем Востоке прислугу — мужчин. Китайки поступают в услужение лишь в качестве нянек; все остальные места занимают только мужчины.

{132} Подполковник Хвостов.

{133} Генерал Стессель хотел сказать «Большую» (на правом фланге). Дальновидность генерала Стесселя была всегда под большим сомнением, она не оправдалась и на сей раз.

{134} Ныне читаем в «Летописи войны» донесение генерала Стесселя от 14 июля 1904 г., в котором он, между прочим, говорит: «Я остаюсь на позиции. Два дня держались на передовых позициях против превосходящей значительно наши силы армии».

Из этого сообщения читатель заключил, что генерал Стессель все время на передовых позициях, только благодаря его присутствию войска держатся там так стойко против огромного перевеса неприятельских сил и что генерал Стессель не сойдет с этого места.

В Артуре он этого не объявлял. Правда, он посещал эти позиции, обходил места безопасные, закусывал у генерала Фока и полковника Савицкого, возвращался на ночь домой, как об этом повествовал в «Новом крае» В. Ж-ко. Чем сказались эти его посещения на ходе событий, нам положительно неизвестно, как неизвестно и то, почему понадобилось сообщать начальству о том, что он остался несколько часов на позициях. Казалось бы, было о чем сообщать о более важном, например, о том, что у нас мало провианта, недостаток снарядов, мало перевязочных средств и медикаментов, что в этом неотложно необходимы подкрепления, что пока японская блокада не тесна, можно бы многое еще доставить в Артур, хотя бы на китайских джонках.

{135} Умер в плену, куда он пошел добровольно, чтобы разделить участь нижних чинов — матросов.

{136} Так называлась обыкновенно Перепелочная, или Перепелиная, гора.

{137} Японские прожектора оказались лучше наших; сила света и поэтому ширина луча куда больше наших.

{138} Мул или лошак — помесь осла с лошадей, неспособный продолжать свой род.

{139} В Сибири и на Кавказе смертная казнь применяется к тяжким уголовным преступникам не особенно редко. Ныне же революционный террор и жестокая расправа с революционерами породили столько ужасов, что перед ними бледнеют прежние отдельные случаи смертной казни. В то же время и мирный житель поневоле стал притупевать, на него производит теперь сильное впечатление лишь, например, массовый расстрел. При известии о том, что расстреляны или заколоты штыками один или два человека, он лишь вздыхает и читает дальше, не останавливаясь на этом сообщении как на столь же ужасном по существу. Эти события незаметно совершают целый переворот в чувствах населения империи, в его внутреннем мире порождают новые настроения, которые должны со временем проявиться в поступках. В чем выразятся эти поступки и к чему они приведут целую страну в будущем — сказать трудно. Настолько же трудно допустить, чтобы эти ужасы, эти акты насилия облагородили народ, развивали в нем, утончали чувства гуманности, веру в существование права.

{140} «Палаша», как ее называют матросы.

{141} В этом ночном деле один очень нехрабрый командир С. ранен; очевидцы рассказывают, что когда запели вокруг неприятельские пули, С. спрятался головой за камень — точно страус, пуля задела ему мягкое место. С. кичится и поныне тем, что он ранен в эту ночь.

{142} По плану подполковника Мандрыки.

{143} Положим, и все, не знавшие истинной подкладки дела, считали Фока героем, умницей и надеялись на него, ожидали от него чудес на войне.

{144} Генерал Смирнов окончил академию артиллерийскую и Генерального штаба, Кондратенко же инженерную и Генерального штаба, но был лишь командиром дивизии, как и Фок.

Как это ни странно, но, по уверению непосредственных участников обороны — специалистов, генерал Кондратенко не любил инженерного дела, он увлекался более активными действиями войск. Дело же обороны крепости знал в полном объеме лишь комендант, генерал Смирнов, серьезно изучивший его теоретически и руководствовавшийся им фактически. Во время бешеных штурмов в первых числах августа сознавали это и генералы Стессель, Фок и Никитин. В критическую минуту они явились к генералу Смирнову совершенно падшие духом: «Что делать? Нам не устоять!» Комендант, предусмотревший все случайности и распределивший соответственно этому резервы, успокоил их уверением, что пока нечего опасаться. Но, как только минула первая опасность и стало ясным, что японцы не могут решиться на второй такой общий штурм, господа эти снова прониклись убеждением, что они отстояли крепость и могли бы обойтись и без генерала Смирнова, что его «ученость» тут ни при чем. Это они не только думали, но и высказывали и доказывали на каждом шагу.

{145} Одни считают Серебрянника лицом, заслуживающим доверия, а другие смотрят на него крайне подозрительно.

{146} Так как миноносец обладает значительно большим ходом, чем торговый пароход, то заявления командира миноносца лейтенанта Лепко о том, что пароход убегал, что он

намеревался таранить миноносец и что поэтому он был вынужден пустить мину, возбудили некоторые сомнения; также уверения, что с парохода стреляли по миноносцу, вооруженному пушками, из револьверов... Когда мы прибыли в Шанхай, то узнали, что русскому правительству пришлось заплатить за потопление парохода «Гипсанг» огромную сумму и что господин Серебрянник вхож у господина Павлова и других, заправлявших снабжением наших войск и эвакуацией артурцев.

Если «Гипсанг» в самом деле возил провиант для наших войск в Инкоу, то «усердие» миноносца «Расторопного» грозило навлечь внимание японских блокирующих судов.

Словом, история «Расторопного» с «Гипсангом» осталась темной и «геройство» лейтенанта Лепко стоило России сотни тысяч рублей.

Ныне, кажется, следовало бы пролить побольше света и на эту историю. Это тем более нужно потому, что лейтенант Лепко не постеснялся распространить в некоторых петербургских сферах свою рукопись — пасквиль, — в которой он, пытаясь обелить генерала Стесселя, чернит без зазрения совести других и, впрочем, вырисовывает себя очень неудачно.

{147} Китайцы называют японцев «ипэн», японцы же называют себя «ниппон».

{148} Ныне, имея в руках полный список и альбом фотографических снимков японской эскадры, можем утверждать, что все эти слухи были вздорны. Дело объясняется очень просто: японские крейсера 1-го класса имеют броневые башни, вооружены орудиями крупного калибра и похожи сбоку на броненосцы; между тем корпуса крейсеров значительно уже корпусов последних, по сравнению с ними корпус крейсера похож на «селедку». Мало того — даже некоторые японские крейсера 2-го и 3-го классов, например «Нанива», «Такачихо», «Хасидате», «Кассаги» (2-го) и «Идзуми» (3-го), имеют броневые башни для пушек большего калибра как на носу и корме, так и по бортам.

Поэтому узнать неприятельское судно, проходившее по горизонту, могли только люди, хорошо знакомые с отличительными признаками каждого типа; на этой-то почве возникли и держались слухи о сомнительных японских судах.

Читая ныне сравнительные таблицы флотов, уже не удивляемся тому, что японские броненосцы и больше своим водоизмещением, и быстрее ходом наших броненосцев; знаем, что если японский броненосец значится с 18-узловым ходом, то он и имеет тот ход, между тем как наши артурские броненосцы, например «Полтава», могли пройти в час лишь 11 узлов, не удивляемся, что японские броненосцы, крейсера, канонерки и миноносцы вооружены много лучше наших, что их крейсера 1-го класса все бронированы и на каждом из них по четыре 8-дюймовых орудия, когда у нас всего по два таких орудия на больших крейсерах и т. д.; но мы удивляемся тому, что японские суда, при всех их преимуществах, обошлись государству почти наполовину дешевле, чем наши. Японские броненосцы, построенные в Англии, стоили всего в среднем по 6 миллионов иен (столько же, приблизительно, рублей); наши же броненосцы, строились ли они за границей или у себя дома, обошлись чуть ли не вдвое дороже. Из них нужно было считать лучшими «Цесаревича» и «Ретвизана», но эти броненосцы обошлись по 13–15 миллионов рублей каждый.

Желая иметь боевой флот, японцы не думали одновременно этим обогащать отечественную промышленность. Они заплатили деньги, действительно наблюдали за постройкой, за расходованием государственных средств и получили желаемое. Мы же потратили уйму средств и остались при пиковом интересе.

Право, если мы способны только на такое сооружение флота, то нам лучше бросить раз навсегда мысль о воссоздании наших морских сил... Мы ими не обладали, несмотря на чудовищные расходы. Мы разорили лишь казну, пустили по миру народ. Таким путем Россия никогда не может стать морской державой.

{149} Десятиногих круглых морских раков.

{150} Не у интендантов, конечно.

{151} Боком.

{152} По его мнению, все штурмы с недостаточными для достижения цели силами не что иное, как самоубийство...

{153} Как после оказалось, водопровод не был испорчен японцами, он функционировал все время. Японцы, видимо, не желали его портить, надеясь со временем и так завладеть крепостью. Также они не пытались отравлять воду, это, вероятно, не входит в их тактику, этот варварский обычай они не переняли у культурного Запада... Наши же власти не считали нужным производить ежедневные анализы воды, закрыли водопровод и заставили гарнизон и жителей пользоваться колодцами, вода в которых была далеко низшего качества. Говорят, что водовозы иногда тайком пользовались водопроводом.

{154} В течение первых штурмов, оказывается, японцы успели занять часть наших окопов.

{155} Сведения эти касаются сухопутных сил.

{156} См. запись от 20 июля.

{157} В книжке Я.У. Шишко: «11-месячное сидение в Порт-Артуре» на с. 43 помещен фотографический снимок — начальник штаба генерала Фока подполковник Дмитревский на вершине Куинсана накануне боя (также не признавший Куинсан важным).

{158} Генерал Фок также обзывал изменниками защитников кинчжоуской позиции, куда он также не давал подкреплений, а еще сам приказал отступить, даже не сообщая об этом полковнику Третьякову.

{159} Пакеты с официальной почтой снабжались всегда свинцовой пластинкой, чтобы при встрече с японцами было бы легко потопить, опустить бумаги на дно морское.

{160} Генерал Фок ранен в голову в русско-турецкую войну.

{161} Что-то около 19 тысяч рублей, по стоимости рабочих рук и прочего в мирное время.

{162} Жаль, что в Артуре не было возможности пользоваться такими же естественными брустверами для батарей, здесь характер местности другой.

{163} Если эти укрепления где и пострадали серьезнее, то только от флангового огня, от крупных орудий японских канонерок.

{164} Появившиеся в газетах сведения о том, будто фугасы не взрывались потому, что среди китайцев работали и японцы, перерезавшие провода, не что иное, как фантазии. Японцы совсем не пошли по фугасам.

{165} Эти-то пушки и были упомянуты в телеграмме генерала Надеина.

{166} В сочинении графа Ревентлова «Der Russisch-Japanische Krieg» находим, что японский генерал Оку хотел было уже закончить атаку, ввиду ее безуспешности и огромных потерь, когда заметил отступление русских с левого фланга. Этот факт отмечен и другими иностранными изданиями.

{167} По словам других — 800 человек; мне думается, что в последнее число входят и жертвы панического, беспорядочного отступления по сию сторону Кинчжоу, т. е. не по вине японцев.

{168} Мне довелось слышать мнение, что следовало укрепить и гору Самсон и это принесло бы нам много пользы как прекрасный наблюдательный пункт.

{169} Стоившего России сотен тысяч жизней, уймы средств и — престижа на Дальнем Востоке и в глазах Европы.

{170} Досаднее всего то, что все беззаветное геройство наших солдат и офицеров пропало даром из-за генералов не-героев. А ныне на родине осуждают всю армию по общим результатам кампании. Развенчивая дутых, самозванных героев, чуть не плюют на действительных, в лучшем случае не обращают на них никакого внимания.

Искренно обрадовались мы за артурский гарнизон, когда узнали, что прибывший из плена комендант крепости генерал Смирнов первым долгом начал ходатайствовать о достойном награждении всего гарнизона помимо полученных отдельных наград как о дани справедливости.

Думается, что та же справедливость требует и награждений всех участников Маньчжурских армий, хотя бы особо устанавливаемыми медалями. Для многих навеки искалеченных будет это единственной наградой, так как начальство удивительно скупилось жалованием знаков отличий, заслуженных по статуту.

{171} Интересны следующие отзывы о кинчжоуских укреплениях. Покойный адмирал Макаров осматривал подробно кинчжоуские позиции и остался ими очень доволен.

— Вы окопались тут, как у Плевны! Это настоящая Плевна! — сказал он.

Замечательно то, что и японцы, завладев кинчжоускими укреплениями, назвали их тоже Плевной, но добавляли, что у русских не доставало только Осман-паши.

Комендант крепости генерал Смирнов сказал, когда он подробно ознакомился с кинчжоускими позициями:

— Это настоящие Фермопилы! Он не ошибся.

Защитники позиций оказались достойными имени увековеченного Леонида. Но если назвать кинчжоуские позиции Фермопилами, то генералу Фоку бесспорно принадлежит тоже бессмертная слава, но разве только слава Эфиальта.

Наместник адмирал Алексеев, осмотрев всю позицию, телефонную станцию и блиндированные колодцы (их было вырыто целых пять — все было рассчитано на упорную оборону), остался всем очень доволен.

— Вы доказали, — обратился он к полковнику Третьякову и инженеру Шварцу, — что в трудные минуты можно сделать даже невозможное!

Когда окопы и редуты были закончены, то генерал Фок осмотрел их и сказал вышепомянутым строителям позиции:

— Вот это так! Теперь я берусь защищать эти позиции даже без артиллерии!

Но как он защищал их на деле, это мы уже знаем. Хотя бы дал другим возможность защищать!

{172} Ему не поверили, но после рассказывали и про другие такие же случаи, даже японские солдаты иногда надевали шинели с наших убитых, чтобы этим обмануть наши передовые цепи.

{173} Отмечаю этот факт как иллюстрацию наших порядков: человека, оказавшего действительные услуги защите крепости, приходилось посылать на позиции для того, чтобы представить его к небольшой награде. Между тем сам генерал Стессель награждал своих штабных и прочих присных, не требуя от них действительных заслуг.

{174} По другому сообщению, их уже конвоировали в штаб коменданта, когда явился адъютант и увел к Стесселю.

{175} На самом деле французской «Matin» и американской «Chicago Daily News» — что генерал Стессель должен был знать.

{176} Передаю всегда дословный текст приказа, исправляя лишь грубые ошибки правописания. Знаки в скобках мои.

{177} Имея в данное время в руках иностранные материалы — описания этого события со слов самих корреспондентов: американца Эмерсона и француза Смитван-Ламберже (см. «Der Russisch-Japanische Krieg» графа Ревентлова, с. 408, «В гостях у генерала Стесселя»), — мы все же не можем на слово поверить рассказам этих господ. В этих рассказах есть места довольно сомнительные. Так, они рассказывают, что 2 сентября нового стиля (т. е. 20 августа по нашему календарю) отправились они из Чифу в обыкновенном сампане с парусом, но вследствие сильной непогоды должны были нанять маленький каботажный (чей?) пароходик, чтобы тот дотащил их до островов Мяо-Тао. При большом волнении буксирный канат лопнул, и сампан погиб. Все же они добрались (на пароходике) до островов и остались там. (Что за своеобразная робинзонада — почему они не вернулись обратно на пароходике в Чифу, раз их сампан погиб?) Чем питались эти путешественники на островах Мяо-Тао, остается неизвестным. Надо думать, что с сампаном погибли и их запасы.

Далее говорится, что предприимчивые корреспонденты сидели на негостеприимных островах Мяо-Тао и в продолжение нескольких дней они находились именно там, где был корпус недавно севшего на камни норвежского парохода «Унизон». Им удалось завладеть одной из спасательных лодок этого парохода и, установив на ней парус, приспособить эту лодку для своей цели (не правда ли — настоящая робинзонада!). Но все это они не могли сделать без посторонней помощи и без необходимых инструментов. Но, говорится далее, первые опыты показали, что лодка течет и, следовательно, ее понадобилось чинить... А так как будто плохая погода была им благоприятна ввиду того, что в этих водах держалась флотилия японских миноносцев (нам же было известно, что именно около островов Мяо-Тао держалась эта флотилия), то они отправились 27 сентября (14 по нашему календарю), при довольно сильном волнении, в дорогу. (Спрашивается, где они ютились и чем кормились все это время — 24 дня?)

Ночью они будто заметили несколько японских судов и должны были изменить курс, чтобы не попасть им в руки, а затем, когда они миновали всякую опасность, то на радостях выпили три бутылки пива (откуда взяли они пиво?)...

Все это что-то не так. Если бы эти господа сообщили, что они прибыли на японском пароходике на Мяо-Тао, прожили это время там, где базируются японские миноносцы, что даже соорудили при их помощи этот вельбот взамен погибшего сампана, и что японские же миноносцы подвезли и спустили их ночью против Артура, тогда мы охотно поверили бы им на слово...

{178} Наши предположения оправдались. В книге графа Ревентлова говорится, что в море встретило их японское военное судно, которое будто отвезло корреспондентов в Японию. Марсель Смитван-Ламберже вернулся тотчас в Чифу, а Эдвин Эмерсон остался в Японии.

{179} В то время мы все еще верили, что для бомбардировки города и порта японцами установлены особые батареи.

{180} Впоследствии оказалось, что не он один виноват в этом бездействии.

{181} Грешен, но и сейчас не могу избавиться от доли этого подозрения. В сообщении господ корреспондентов об их путешествии (у графа Ревентлова, глава «В гостях у генерала Стесселя», с. 412) находим этому как бы подтверждение; там говорится: «Немолотого хлеба будто имеется огромное количество и мельница работает день и ночь, так что недостатка в хлебе не ощущается...» Там же они сообщают, что были даже на одном форту (и это правда), видели достраивающийся новый госпиталь (Красный Крест или же также достраивающийся новый корпус Сводного госпиталя) и как прекрасно укрыт ценный «конский материал» крепости — в покрытом железными плитами прикрытие... (Это они, наверное, видели лошадей генерала Стесселя.)

Далее японцы продолжали «долбить» мельницу, пока она не перестала работать.

{182} Слух этот держался довольно долго, но потом говорили, что это все не так было, что во всем этом много фантазии.

{183} Будто один из тех, которые попали в руки японцев с пароходом «Маньчжурия» 27 января. Интересно бы знать — расследовано ли, почему этот пароход шел так медленно к Артуру? Как фамилия шкипера и где он?

{184} В книге графа Ревентлова находим, что эти господа сообщали, между прочим, о том, что наша эскадра стоит в гавани в полной боевой готовности, что стрельба по ней до сих пор была безуспешна, особого вреда не причинила.

{185} Говорили, что генерал Стессель был бы не прочь расформировать всю редакцию, но этому мешал приказ главнокомандующего — наместника о том, что весь состав редакции откомандирован к исполнению своих прямых обязанностей. Смеялись, что генерал Стессель собирается послать всю пишущую братию на Водопроводный редут...

{186} Впоследствии выяснилось, что японцы привезли под Артур 11-дюймовые мортиры, снятые с береговых укреплений Японии; это доказывается тем, что снаряды к ним имелись только бронебойные, употребляемые против неприятельской эскадры. Эти снаряды пригодились вполне и в данном случае как для потопления в гавани остатков нашей эскадры, так и для разрушения бетонных укреплений. Из морских орудий были у них в числе осадной артиллерии лишь 6-дюймовые пушки, установленные на колеса (как и у нас). Многие сперва отрицали возможность доставить под Артур и установить 11-дюймовые крепостные орудия; уверяли, что это пушки особого образца, что дуло этой пушки разборное и свинчиваемое при установке. Мы забывали, что стоявшие много русских миллионов портовые сооружения Дальнего — прекрасные молы, подъемные краны и т. д., и железная дорога — достались японцам малоповрежденными. Нельзя же было все то, что сооружалось годами, разрушить в течение 2–3 часов, данных генералом Стесселем или Фоком на эвакуацию Дальнего — на эвакуацию далеко не подготовленную. Продержись кинчжоуские позиции еще хотя бы неделю, то, конечно, японцы не имели бы столь удобной базы для выгрузки таких тяжелых орудий. Но если бы кинчжоуские позиции удержали натиск японцев месяц-другой (что было возможно, если бы были укреплены Тафашинские и Нангалинские высоты), то и Дальний мог быть окончательно разрушен и очищен, и, пожалуй, японцам пришлось бы выгружать осадные мортиры далеко севернее Кинчжоу, доставлять их по гористым дорогам, что потребовало бы много времени и труда. Да и выгружать такие орудия немыслимо без приспособлений, которые пришлось бы японцам сперва построить на местах выгрузки.

Чем глубже всмотришься во все печальные последствия несвоевременного падения кинчжоуских позиций — последствия полной неспособности генералов Стесселя и Фока, — тем рельефнее, тем ярче выступают все дальнейшие причины падения Артура, тем обиднее за геройски пролитую кровь, за опозоренную в последнюю войну родину.

Но более того обидно то, что наши военные бюрократы упорно не желают считаться с уроками, данными этой несчастной войной, не могут, не хотят расстаться со своими выработанными в кабинетах боевыми теориями, с теориями, плоды которых налицо. Ярким доказательством этому служит Г.И. Тимченко-Рубан «Нечто о Порт-Артуре» и ныне статья некоего Г. в «Военном голосе» (№ 22, 28 января 1906 г.) «По поводу передовых позиций в крепостях». Как в названной книжке, так и в статье утверждают одно и то же, если сказать общепонятной формулой, то следующее: опыты осады Артура нам не указка!.. Автор статьи забывается до того, что уверяет, будто в Артуре было больше гарнизона, чем вообще полагается, следовательно — и чем нужно было.

Японцы пренебрегали всякими теориями, если они оказывались непригодными. Так они, например, установили первоначально свою артиллерию побатарейно; но как только выяснилась невыгодность такой установки, т. е. как только наша артиллерия начала наносить

им вред, они расставили свои орудия на таком расстоянии друг от друга, что попадание в одно из них нашего снаряда не могло причинить другому никакого вреда, и они даже переставляли свои орудия все на новые места. Изволь-ка пристреляться к каждому отдельному орудию!

Этим объясняется безуспешность борьбы нашей артиллерии с японской. Этим же объясняются многократно возникавшие в Артуре слухи о том, что, наконец-то, обнаружены орудия, стрелявшие по городу и что теперь они сбиты... А японцы стреляли по городу все снова и все больше и больше.

{187} Мы стали уже различать по силе звука — чей это пулемет; у японцев более короткие патронные ленты, больше перерывов.

{188} По-китайски — кушанье.

{189} Узнал из очень достоверного источника, что в сентябре 1905 года получали в Петербурге снаряды для... кинчжоуской позиции и Артура. Следовательно, если бы японцы, начав войну, не высаживались бы на материк года полтора или два, то мы бы, пожалуй, и успели вооружиться!..

{190} Вот уже когда мы жили остатками нераспроданных товаров. И это верно было бы несправедливо сказать — «истощающиеся запасы», так как огромная масса этих запасов была продана в Северную армию. До войны Артур обладал громадными запасами всяких товаров.

{191} Были, конечно, и случаи весьма отрадные, где купцы жертвовали на общее дело большие суммы или много товаров, например Савва Морозов.

{192} Все, что мы считали возможным и необходимым — например, покупку аргентинских крейсеров и выручку Артура Балтийской эскадрой, — для Петербурга оказалось ненужным и невозможным.

{193} Оказывается, что подпоручик Никольский вез со своей командой исправленную им пушку; его ранило в шею осколком или камнем легко, других сильнее; всех сбросило взрывом с ног.

{194} В то время мы еще не понимали, что каждый раз, как только предстоит штурм, который грозит снова потерей какой-нибудь из позиций, то из штаба района вылетали «голуби с оливковой веткой» — приятные слухи о близкой выручке. Штаб, вероятно, считал это своей главной задачей. Сначала это средство действовало, но солдаты вскоре изверились в этих сообщениях, смеялись над ними и сердились, что их поддерживают к стойкости обманом. «Мы и так постоим за себя, — говорили они, — лишь бы начальство не прозевало чего-нибудь, — лишь бы оно не испортило кашу...»

{195} Остроконечная сопка впереди Волчьих гор.

{196} Инженеры уже принимали все меры к усилению устойчивости бетона, где это было возможно. Дело в том, что теперь уже не все возможно было сделать. Неприятель не давал работать и в некоторых местах неоткуда было взять песку. На форту III бетон удалось покрыть слоем земли; это ослабляло силу удара и взрыва бомбы. Благодаря этой мере бетон устоял до последнего.

{197} Только-то! Казалось бы, что на это существуют награды!

{198} На самом деле указанные в приказе местности как подлежащие военно-санитарному ведомству были изъяты из ведения городского санитарного надзора; средства города и гражданского управления для этой цели были очень ограничены, так как неоткуда было взять людей, лошадей и упряжь для увеличения ассенизационного обоза. Имевшиеся люди и лошади отбирались генералом Стесселем на нужды позиции: возили туда воду и пр. Это требование возмущало всех своей незаконностью, и несмотря на то, что со стороны города и

гражданского ведомства делалось все необходимое и возможное без всякого понукания, генерал Стессель всегда находил нужным приказывать, грозить судом и расстрелом... Конечно, дело от этого не могло выиграть.

{199} Замечательная мания казаться гуманным и забывать задачи обороны и неизбежность последствий боя.

{200} Как впоследствии оказалось, эти работы были прекращены и не доведены до взрывов вследствие настояния генерала Фока, назвавшего их «идиотскими работами» и доказывавшего их бесполезность... Хотя он был устранен комендантом от дел, но фактически он не переставал орудовать за спиной генерала Стесселя. Замечательно то, что генерал Фок всегда был против всего того, что было в пользу обороны и боролся против всех таких мероприятий замечательно ловко — будто он на самом деле отстаивал интересы крепости, гарнизона и всей России. Явление, стоящее особого внимания потому, что не может быть и речи о том, чтобы Фок мог быть изменником в прямом значении этого слова. Тут скорее имеем дело с какой-то своеобразной ненормальностью. Все, познакомившиеся с ним поближе, утверждают, что Фок — человек большого ума, но какой-то злой фактор направлял его ум как раз в противоположную нашим интересам сторону. Явление обычное при известных видах помешательства, лишь не выраженное так резко, или, так сказать, сильно замаскированное. Всем известно, что сумасшедшие всегда умеют удивительно скрывать или по крайней мере стараются скрыть от постороннего свою болезнь; все это, конечно, удается им по мере их развитости. Понятно, что человеку большого ума удастся это легче, чем малоразвитому. Думается, что только в этом направлении можно найти разгадку в высшей степени странного поведения генерала Фока. Ничем иным нельзя объяснить и то, что когда стало очевидным, что японцы, продолжая бешено штурмовать крепость со стороны редутов № 1 и 2, могут прорвать линию обороны, очутиться в тылу ее, взять таким образом укрепление за укреплением раньше, чем бы удалось пододвинуть резервы, т. е. что в таком случае падение крепости может стать вопросом минуты, как это было 11 августа — инженеры начали готовить вторую линию обороны, которая была одобрена генералами Смирновым и Кондратенко, но генерал Фок и тут не соглашался с этим и говорил: «Каковы наши инженеры! Вместо того чтобы идти вперед, чтобы работать на фортах, они идут назад, работают на второй линии!».

Тут же мы видели, что, когда саперы пошли посредством минных галерей к редутам № 1 и 2, занятым японцами, т. е. не только собирались, но уже шли вперед, поработали уже немало, то тот же Фок настоял на том, чтобы эти «идиотские работы» были прекращены. Явное противоречие самому себе, и это было на каждом шагу.

Генерал Фок часто боролся против лиц и мероприятий, ненавистных ему, посредством язвительных насмешек. Это мы видели в случае с генералом Горбатовским и вскоре в том, как он старался умалять деятельность безусловно храброго полковника Ирмана, начальника боевого фронта на левом фланге. Злые насмешки Фока нередко переходили из уст в уста, и незаметно составлялось убеждение, совершенно не отвечающее истинному положению дела. Во всем этом проглядывает какой-то психоз. Было бы интересно узнать мнения психиатров о поведении генерала Фока.

{201} Кто бы ни распорядился отправкой артурского гарнизона на север — Куропаткин или наместник (нам кажется более вероятным, что первый из них), — поступок этот можно бы оправдать лишь в том случае, если бы этот гарнизон тотчас по прибытии мобилизованных войск был бы отправлен обратно на Квантун. К чему же готовили гарнизон в течение многих лет? Где же здравый смысл этой подготовки?

{202} Впрочем, геройство всех зауряд-прапорщиков не подлежит никакому сомнению.

{203} Ныне находим в № 53, 54 и 68 «Военного голоса» подтверждение и объяснение этого факта.

{204} Подземная галерея вокруг рва форта.

{205} Однако и этот приказ не мог никого убедить в том, что генерал Стессель ранен. Говорили, что царапина остается царапиной, как ее не расписывай. На самом деле — откуда же взяты сведения, что это была пуля и именно из такого-то окопа? Никто же не видал этой пули. Это тоже не что иное, как реляция...

{206} Необходимо отметить, что все «геройство» генерала Стесселя заключалось в приказах подобного рода. Узнав о том, что комендантом крепости отдано какое-либо приказание известным частям, он старался доказать, что инициатива этого распоряжения исходит от него, выпускал эти цветы логики и стилистики, которые должны были убедить всех в том, что обороной «руководил» не кто иной, как генерал Стессель, поспевавший всюду. Из последнего приказа видно, как генерал Стессель изощрялся давать своему другу генералу Никитину разные поручения, чтобы как-нибудь оправдать то, что командир артиллерии 3-го корпуса остался в Артуре, когда корпус в Маньчжурии — и дать ему возможность «отличиться». Единственным оправданием генерала Никитина в Артурском «сидении» может послужить то, что он не трус и был всегда против сдачи крепости.

{207} Угол скалы у здания морского пароходства Восточной Китайской железной дороги получил это название с тех пор, как начался усиленный обстрел судов эскадры, ставших здесь под защиту Перепелочной горы, с тех пор, как в этом месте ежедневно были убиты и люди, и лошади благодаря необходимому здесь усиленному движению.

{208} Все считали покупку чужестранных боевых судов фактом, не подлежащим сомнению, считали неоспоримой необходимостью.

{209} Поэтому японцы сообщали о «фортах» на Ляотешане, которых там никогда еще не было.

{210} Знаки вопросительные и восклицательные в скобках мои. — П. Л.

{211} Не по примеру ли отступления от Кинчжоу, где в потемках и при отсутствии организации свои расстреливали своих?

{212} Это 21 октября-то, когда гарнизона было еще довольно!

{213} Нам уже известно, с каким презрением генерал Фок отнесся к постройке инженерами второй оборонительной линии.

{214} Замечательно тонкое поучение, как готовить сдачу крепости, как замечать следы!

{215} Специалисты, изучившие историю обороны Севастополя, говорят, что и в Севастополе был свой «Фок» — генерал Жабокритский, действия которого будто сильно похожи на деятельность Фока в Артуре.

{216} Ныне, конечно, это, с одной стороны, будто подтвердилось еще ярче Цусимой но, с другой — теряет много блеска; стоит только поставить вопрос: какие чудеса мог совершить Того, командуй он нашими

{217} Оказывается, что весь японский народ взял на себя это обязательство по отношению всех ушедших на войну. На каждом жилище семьи, члены которых на войне, вывешены особые флаги, обозначающие, что всякий должен помогать этой семье, чем может. И это у них выше всякого закона. Этим японцы превзошли культурный Запад.

{218} Сперва я не понял это слово; он пояснил мне, что не особенно смышленные солдаты называют батареею литера Б по своему разумению «Литерба» и склоняют это слово, смотря по надобности; они говорят: с Литербы, к Литербе, за Литербой и т. д. Это так понравилось всем, что и остальные усвоили себе это название, и оно вошло в привычку.

{219} Говорят, что Третьяков награжден крестом *post factum*; прежние представления были оставлены без внимания, этим приказом желают поправить упущенное должное.

{220} Участвовавшего в свое время в англо-бурской кампании.

{221} Мне передают, что на вопрос суда по делу Лопатина, обращенный к генералу Фоку — было ли приказано капитану Лопатину не отступать (после разных противоречивых распоряжений), — Фок ответил, что он отдал это приказание полковнику Савицкому; полковник Савицкий заявил, что он послал это приказание через своего адъютанта; последний в свою очередь объяснил, что он послал с этим приказанием к Лопатину стрелка, но не знает, как звали этого стрелка и куда он девался...

{222} Дело касается «Расторопного». Командир взорвал его в гавани Чифу, как сообщают, без достаточного на то основания.

{223} Эти упреки выпадут, наверное, и на мою долю. Но невозможно же одному побывать везде и даже собрать отовсюду сведения, тем более, если эти сведения даются неохотно.

{224} Только ныне, прочитав в «Военном голосе» ряд статей В. А. «Куропаткин» (см. № 24 с. г.), я убедился, что почтенный штаб-офицер был глубоко прав в своем выводе, основанном не на личных отношениях.

{225} В то время мы ничего не знали о том, что генерала Стесселя отзывали из Артура и как он остался командовать тем, чем он на самом деле не командовал.

{226} Ныне нам кажется, что это «благоговение» не было из особенно благожелательных для нас. Наша искренность оказалась не раз довольно наивной.

{227} 7-й Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион (т. е. полевая артиллерия) под командой полковника Мехмандарова занимал укрытые позиции сзади линии укрепления атакованного фронта правого фланга и оказал защите огромные услуги, так как крепостная артиллерия сильно пострадала в первые дни бомбардировок. Полевая артиллерия отбивала самые отчаянные штурмы и боролась с ближайшими японскими батареями весьма успешно.

{228} В первое время меня буквально озадачило это явление. Лишь впоследствии я узнал, что «ларчик просто открывался», японцы будто добыли каким то путем таблицы нашей артиллерийской стрельбы, изучили ее, и лишь только к ним упал снаряд, они отмечали направление его полета, а как только они добыли дистанционную трубку шрапнели, поставленной на клевок, то по ней вычисляли место батареи и стреляли туда наверняка.

{229} Если не ошибаюсь, то это потому, что японских солдат и офицеров заставляли и во время маневров строить настоящее окопы; у нас же нередко это делалось лишь для виду — поковыряли землю лопатой и говорили: «Это окоп!». Так оно вышло и на деле. Впоследствии и знали, какие нужны окопы, но тогда не доставало рабочих рук; при каменистой почве, вернее, сплошном камне, работа эта была поистине каторжная.

{230} Мне приходилось всего раз в жизни видеть сигнализацию посредством гелиографа, это было в крепости Усть-Двинск, во время переговоров между берегами реки. Сколько мне известно, гелиограф тем и ценен, что по нему можно передавать сигналы на огромные расстояния.

{231} Интересно посмотреть на военную дисциплину и с этой стороны. Зауряд-прапорщика солдаты слушают беспрекословно, несмотря на то что он «свой брат» и относится к ним товарищески; не слышать про случаи ослушания. Солдаты верят в своего прапорщика, знают, что он не выдаст и сам в минуту опасности не отстанет от них.

{232} Еще раз приходится отмечать, что карты у нас были довольно неудовлетворительные; помимо того, что многого не было вовсе на карте, большинство вершин или имело труднопроизносимые китайские названия, или же никакого названия, и в таком случае присваивались им случайные, но характерные названия. Так, Мертвая сопка получила свое название потому, что на ней было всегда много мертвых.

{233} По желанию генерала Кондратенко он был оставлен в его распоряжении и участвовал в

разных предприятиях, покуда не был ранен. И матросы были удовлетворены тем, что командование над ними принял безусловно храбрый капитан 2 ранга Спиридон Иванов.

{234} После сдачи крепости было передано японцам около 2000 лошадей, в их числе много прекрасных крупных артиллерийских.

{235} Имел ли адмирал Григорович в своем распоряжении миноносцы — не знаю, ими командовал начальник береговой обороны контрадмирал Лощинский.

{236} Будь кабель Чифу — Артур восстановлен во время морского боя 28 июля, как это хотел сделать телеграфный техник, не было бы и этого случая. Наперед было бы известно о приходе парохода.

{237} Пока мы ничего этого не узнали. А не мешало бы пролить свет и на эти дела: сколько средств, через кого и как они израсходованы на это?

{238} Люнет этот назван так поклонниками генерала, верившими в его таланты, люнет штурмовался японцами многократно, но не разу не был взят, очищен 19 декабря по приказанию генерала Фока.

{239} Как, впрочем, почти все начальники охотничьих команд.

{240} Как тяжелораненый, он после сдачи крепости был отпущен японцами на родину без обязательства не сражаться в эту войну. Когда он здесь оправился от раны быстрее, чем можно было ожидать, то просился на войну, в Северную армию; но его не пустили — вскоре наступил мир.

{241} Все время опасались мы такой бомбардировки со всех сторон; перспектива была действительно ужасная. Но мы забывали, что случаи гибели броненосцев «Хацусе» и «Ясима» заставили японцев быть более осторожными. С тех пор японские крупные суда так и не подходили к Артуру на пушечный выстрел. Это заслуга минного транспорта «Амур».

{242} Как ныне выяснилось, санитарное дело организовано у японцев прекрасно, несравненно лучше нашего, у них имеется особый санитарный корпус — целая санитарная армия; вслед за штурмующими колоннами идут колонны санитаров и тотчас же подбирают раненых. Впереди же передвигающейся армии двигаются врачи и их помощники; японские войска останавливаются, занимают бивуаки только в тех местах, которые признаны врачами пригодными для этой цели. Главное внимание японских врачей направлено на предупреждение заболеваний среди войск; врачи пользуются огромным авторитетом и властью. Словом, и в военно-санитарном деле есть чему поучиться у японцев, которые, впрочем, не выдумали ничего своего, нового, а осуществили на деле то, чему учили нас примеры Западной Европы, основанные на науке и опыте, к которым мы до сего времени остались слепы и глухи, не будучи в силах отказаться от старой рутины, устарелых взглядов, традиций, тех самых традиций, которые привели нас по всем пунктам к банкротству, к позору, к невозместимым потерям...

{243} Никто никогда не видал генерала Стесселя во время штурмов даже вблизи боевых позиций.

{244} Не считая в этом числе значительно лучше устроенных госпиталей Красного Креста и морского ведомства.

{245} Японцы прибегли к этим переговорам и к уборке трупов лишь с целью нравственного воздействия на гарнизон крепости. До этого они не вступали ни в какие переговоры и не убирали свои трупы тогда, когда в жаркую пору они быстро разлагались и грозили заразой. Сейчас же трупы эти никому не мешали. Цель японцев ясна: они пожелали показать себя гарнизону людьми очень тактичными — нечего-де опасаться сдаваться к ним в плен... Не в интересах защиты крепости было вступать в эти переговоры, раз японцы до этого не признавали флага Красного Креста.

{246} Проверить это сообщение не удалось, по другой версии, описания этого случая также не пришлось слышать.

{247} Китайцы, оставшиеся волею-неволею в нашем распоряжении, всегда говорили про наши войска и батареи «это наша». В данном случае они полагали, что «Сайен» погиб от снарядов ляотешанской батареи, которая в это время стреляла по миноносцам и «Сайену».

{248} Факт этот считаю нужным отметить потому что он подтверждался и с других сторон, а между тем генерал Стессель доносил в Петербург в нескольких депешах о геройстве капитана Б. Ныне мне объяснили это тем, что капитан Б. сносился письмами прямо с генералом Стес-селем, сообщал ему то, что его интересовало — значит, тут дело не в храбрости, а в «особых» заслугах.

{249} Прибывшие из японского плена офицеры говорят, что видели в Японии, во время маневров, пользование этим же способом сигнализации.

{250} Но и это не помогло японцам овладеть крепостью так скоро, как они на это надеялись. Это, однако, не означает, что нам не следует обратить внимание на обучение войск всесторонней сигнализации.

{251} К этим местам неприятель не придвинулся до самой сдачи. Останься Артур за нами, то пришлось бы снова выращивать деревья и насаждать.

{252} Замечательно, что именно в тяжелые минуты крепости появлялись ободряюще слухи — и прямо с боевых позиций.

{253} Как после сообщали сами японцы, они выпустили в последние два дня по Высокой горе 4 тысячи одних 11-дюймовых снарядов, не считая снарядов более мелкого калибра и шрапнели.

{254} В том числе и столичное, не находившее нужным строить на Высокой и Угловой горах долговременные бетонные укрепления.

{255} С этим не соглашался полковник Ирман, он считал нужным отстаивать каждый бугорок, каждую пядь земли, чтобы не дать японцам проломить наш левый фланг, укрепления которого далеко не достроены (форт V, укрепление № 5, бат. литера Д) и поэтому слабы. Будто и генерал Кондратенко не считал нужным укрепляться на промежуточных вершинах между Высокой горой и фортом V. Там окопались основательно будто лишь после смерти генерала Кондратенко и, так сказать, на свой риск и страх.

{256} Генерал Фок, всегда толковавший о сбережении людей, на самом деле никогда не жалел людей, это он доказал уже в Кинчжоуском бою, не давая помощи 5-му полку, почему японцы окружили гарнизон центра позиций и истребили там всех, а потом он всегда был противником своевременной подачи помощи посредством резервов и противником возведения сильно укрепленных позиций; говорят, что генерал Стессель не дал укрепить Высокую гору туннелями потому, что против этого был генерал Фок.

{257} Полковник Ирман считает гарнизон крепости от мала до велика людьми, обреченными на смерть за Отечество — обязанными возможно дороже продать свою жизнь. Своей беззаветной храбростью он доказал, что он не боится смерти, готов всегда умереть впереди других.

{258} В донесении адмирала князя Ухтомского мы видим одно, что он растерялся и забыл про ясно выработанный план действий, который, как видно из донесения адмирала Рейценштейна, был известен всем. Осталось лишь выполнить его. Что и японский флот потерпел немало в этом бою, видно из того, что он не преследовал наши суда и не знал, куда они девались.

{259} В то время мы все верили в то, что во Владивостоке аргентинские крейсера и подводные лодки, что там собираются миноносцы, привезенные по железной дороге

разобранными.

{260} Надо думать, что это был труп второго сына генерала Ноги, павшего под Артуром (первый пал у Кинчжоу). До сей поры не слыхать, чтобы в бою пал кто-нибудь из принцев.

{261} Лишь недавно узнал, что в марте месяце 1905 года, т. е. через три месяца после сдачи крепости и через четыре месяца после боев на Высокой горе, оставшиеся в Порт-Артуре русские люди (состав Красного Креста и прочий медицинский персонал) узнали, что на Высокой горе валяются непохороненные трупы наших славных защитников крепости. Егермейстер Балашов вступил тотчас в переговоры с японскими властями и получил их разрешение похоронить эти трупы, как это подобает по христианскому обряду. Ездивший на похороны доктор Миротворцев говорит, что собрали более 70 трупов во всевозможных позах и всевозможно изуродованных артиллерийским огнем; все эти трупы высохли — от них не было никакого запаха, они лишь потемнели. Грустная, говорит, была картина, когда собрали к братской могиле эту массу мертвых тел и совершали над ней обряд отпевания. Долго продолжались эти похороны давно умерших людей — людей погибших, но не увидавших крепости в руках неприятеля, умиравших с верой, что крепость устоит...

{262} Будь восстановлен кабель Чифу — Артур, не могло бы быть подобных сомнений.

{263} То есть, не пора ли ее уже сдавать.

{264} Это значило лишить крепость возможности сопротивления.

{265} Генерал Стессель, как мне передавали, ездил нередко на форт I потому, что там было безопасно, а он мог говорить, что посещал позиции.

{266} Полковник Третьяков считал, должно быть, лишь патроны сухопутного ведомства, но таких же патронов оказалось, кроме того, очень много и в морском потомстве.

{267} Сведения о потоплении неприятельских миноносцев нередко возбуждали сомнения. Стало известным, что японцы бросали в критическую минуту какие-то горящие сильно дымящиеся буйки в воду, при свете прожекторов казалось, что миноносец погибает. А тем временем ему удавалось уйти из сферы огня.

{268} Раз, до переезда генерала Стесселя, во время обстрела японцами госпиталя № 5 и Стрелковой батареи, падали снаряды и в районе казарм 10-го полка, занятых в это время морским десантом. Командир десанта, капитан 2 ранга Л. П. Опацкий хотел было уже переместить своих людей, но бомбардировка не повторилась до самой сдачи крепости.

{269} Сильно преувеличено.

{270} На кряже за Китайским городом, что составляет частью вторую, а частью третью оборонительную линию крепости — место довольно безопасное. Лейтенант Хоменко на самом деле отличный офицер.

{271} Не знаем, как согласовать пункт 4 со смыслом остального текста.

{272} Правда ли это — не знаем. Но в то время мы все верили этому, считали это возможным. Знаем лишь то, что генерал Стессель не стучал по столу кулаком и не говорил этого.

{273} Минные офицеры броненосца «Севастополь» и минного транспорта «Артур», погубившего японские броненосцы «Хацусе» и «Ясима» и прочие более мелкие японские суда.

{274} Этот факт свидетельствует о том, что солдаты не желали сдавать форт несмотря на то, что положение его было очень тяжелое.

{275} В более откровенной частной беседе кто-то из японских офицеров сказал, что, в сущности, не в их интересах щадить госпитали, так как раненые выздоравливают и идут

вновь в бой и наносят им урон, т. е. он считает рациональным уничтожение и раненых...

{276} Потом мы узнали, что японцы подкараулили его и взяли как приз.

{277} Как оказалось потом, все газеты были адресованы редакции «Нового края» для распространения известий; редакция выписывала все эти газеты и они получались довольно исправно в Чифу.

{278} Погибший 31 марта на «Петропавловске».

{279} Убытки эти, помимо товарной ценности груза, столь огромны и столь чреваты ужасными последствиями, что не поддаются исчислению.

{280} Ныне можем прибавить к этому лишь то, что тут необходим суд гласный, не келейный. Этот факт нужно считать в числе причин, приведших нас к позору и унижению.

{281} Мне говорили потом, что полученные мною сведения преувеличены, что японские колонны состояли лишь из нескольких рот, но я не имел возможности проверить этот факт.

{282} Удивительно, что и такую мелочь шпионы-китайцы успели сообщить японцам. По мнению других, это они могли узнать от пленных раненых или же от тех нескольких перебежчиков, которые этим спасали свою жизнь...

{283} Ясно, что генерал Стессель совершенно проникся идеями генерала Фока, изложенными в его записке от 21 октября. Последовательно осуществляя эти идеи, нужно признать, что давно пора отдать Маньчжурию и весь Дальний Восток неприятелю, так как сопротивление потребует много жертв.

{284} И ныне хотелось бы объяснить поведение генерала Фока не чем иным, как психической ненормальностью. Не хотелось бы допустить, чтобы нормальный русский офицер решился только из личной трусости на целый ряд действий, которые недалеки от того, что называется изменой. Измена имеет в большинстве случаев корыстную цель или кроется в жажде мести, в иступлении, но как то, так и другое едва ли возможно допустить со стороны генерала Фока.

Далее он объяснял неоднократно, что он был на Квантуне не на своем месте, что его дело — полевой бой. На самом деле бои до и после падения Кинчжоу на передовых позициях, были не что иное, как бои полевые, и он не доказал ничего, кроме неспособности руководить ими. Весь трагизм заключается в том, что столь ответственный пост мог занимать такой генерал.

{285} После сдачи крепости весь уцелевший в складах порта пироксилин достался японцам.

{286} Настолько поздновато, что все, что удалось сделать, все это пошло лишь в пользу японцев, которые, наверно, скоро dokonчат постройку дока.

{287} Ясно, что они в этом месте вели более демонстративные атаки. Тут же за Панлуншанем были японские осадные батареи, и наша близость не мешала им работать.

{288} Многие так и не знали или не верили в очищение форта III до самой сдачи крепости. Потом удалось выяснить, что форт очистили 15-го числа вечером при следующих обстоятельствах. Около 9 часов утра японцы взорвали бруствер, образовалась большая воронка; наши контрминные работы не могли помешать этому. Не растеряйся в ту минуту комендант форта штабс-капитан Б., можно было увенчать с нашей стороны воронку взрыва, и японцы не могли бы взять форта, так как их штурмовые колонны были дальше от места взрыва, чем наш гарнизон форта. Будь комендантом форта не Б. (о «геройстве» которого генерал Стессель неоднократно телеграфировал в Россию), а кто-нибудь вроде погибшего на укреплении № 3 штабс-капитана Шеметилло, Резанова или поручика Флорова, гарнизоном не овладела бы паника — за комендантом все бросились бы как один венчать воронку. Хотя комендант и посылал солдат к воронке, они не шли; японцы открыли бомбардировку и бросали мины на форт до тех пор, пока не подошли их штурмовые колонны; затем увенчали

воронку и начали проникать во внутренность форта, залегли за траверсы и шли дальше и дальше. Все те сооружения, траверсы и препятствия на форту, которые при дружной защите форта послужили бы гарнизону для укрытия и для отражения штурма, перешли довольно скоро в руки неприятеля и сослужили ему такую же службу. Когда прибыли резервы, которых трудно было подвести к форту по местности, сильно поражаемой неприятельской артиллерией, то и они не были в силах выбросить неприятеля, хотя с резервами был послан офицер, на которого можно было положиться. Говорят, что виной падения форта является и то, что Б. слишком поздно дал знать о положении форта генералу Горбатовскому — чуть не через 3 часа после взрыва. Взрыв был очень сильный, повредил кое-где бетон и завалил выход, осталось сообщение через окно каземата; но это не было еще достаточной причиной для отдачи форта, если бы там было кому руководить контратакой. Наши потери там убитыми и ранеными около 200 человек; их вынесли всех через окно и часов в 10 или 11 оставили форт, но сперва разлили керосин по каземату и зажгли его там. Очистили и Китайскую стенку по обе стороны форта, но укрепились на Скалистом кряже.

{289} Это удивило меня немало — с чего это у почтенного полковника вдруг появилась такая забота о мирных жителях, когда ни он, ни генерал Стессель до сей поры не хотели знать никаких там мирных жителей?

{290} Ныне, к немалому нашему удивлению, читаем в опубликованной телеграмме генерала Стесселя от 16 декабря 1904 года, в которой он описывает сдачу форта III: «...По занятии этого форта японцы делаются хозяевами всего северо-восточного фронта крепости (?!). Продержимся лишь несколько дней; у нас снарядов почти нет. Приму меры, чтобы не допустить резни на улицах. Цинга очень валит гарнизон, и у меня под ружьем теперь 10 тысяч и все нездоровые. Генерал Фок и Никитин — истинные герои и помощники».

Спрашивается, на каком основании генерал решил послать такую телеграмму?

Он не был вправе послать такую телеграмму до военного совета, собранного им для обсуждения положения крепости в этот день потому, что не бывши сам на позициях, не мог знать истинного положения вещей; он не имел права послать такую телеграмму и после заседания совета, как совершенно противоречащую решению совета.

Он писал явную неправду, сообщая, что снарядов почти нет и что под ружьем только 10 тысяч человек, когда их было больше. Кроме пехоты, было на позициях несколько тысяч крепостных, полевых и морских артиллеристов и инженерных войск, которые все могли, в крайнем случае, защищаться и штыком; в крайнем случае могли пойти на позиции (и пошли бы) несколько тысяч человек из поправляющихся при околотках и около тысячи разных нестроевых (не считая армии денщиков).

Обещание принять меры против резни доказывает, что он заранее решил сдать крепость возможно скорее. На самом деле не было причины опасаться резни на улицах; японские войска хорошо дисциплинированы, и офицеры не допустили бы ни малейшей некорректности со стороны войск, памятуя, что за судьбой Артура внимательно следит весь мир. Не допустили же японцы резни в других занятых ими городах: Ляояне, Мукдене и пр. Поэтому заявление генерала Стесселя — пустой предлог.

Удивительно, что генерал Стессель нашел при этом нужным сообщить, что генералы Фок и Никитин истинные герои и помощники. Спрашивается — в чем именно?

Вместо всей этой неправды было бы лучше сообщить резолюции созванного им военного совета. Почему он не обмолвился об этом совете ни словом?

Это все вопросы, нуждающиеся в ясном ответе.

Из телеграммы от 15 декабря видно, что генерал намеренно искажал факты для того, чтобы подготовить столичные сферы к сдаче, которую он обдумал и решил для того, чтобы спасти свою жизнь и свое имущество. Он телеграфировал: ...»Цифры потерь старших начальников

указывают на те громадные потери, которые мы понесли. Из десяти генералов убиты два — Кондратенко и Церпицкий; умер Разнатовский; ранены два — я и Надеин; контужен Горбатовский. Из девяти командиров полков убиты два — полковник князь Мачабелли и Науменко; умерли от ран — Дунин и Глаголев, ранены четыре — Гандурин, Савицкий, Грязнов и Третьяков. Убит пограничной стражи подполковник Бутусов, ранен командир запасного батальона подполковник Покровский и командир казачьей сотни есаул Концевич. В полевой артиллерия ранен полковник Ирман; из 8 командиров полевых батарей убит полковник Петров, ранены подполковники Романовский, Лаперов и Доброе, капитан Бенуа; контужены подполковник Саблуков и капитан Петренко. Из прочих штаб-офицеров убито, умерло и по несколько раз раненых громадный процент. Многими ротами командуют зауряд-прапорщики. В роте, в среднем, не более 60 человек...»

Но на самом деле получается совсем другое, если примем во внимание, что генерал Разнатовский умер не от ран, а от прогрессивного паралича, что ни Разнатовский, ни Церпицкий в боях не участвовали, — что рана генерала Стесселя — легкая царапина, что генералы Горбатовский и Надеин не покинули строя из-за контузии и легкой раны, что полковник Савицкий и Грязнов ранены легко и снова в строю, что полковник Третьяков вернулся в строй, что подполковник Романовский был ранен еще до Кинчжоуского боя и что все прочие офицеры, как только оправлялись, то тотчас же возвращались в строй, что казачья сотня не оставалась без начальства из-за того, что есаул Концевич ранен, что роты, если они и уменьшились в составе (но не настолько) и ими командовали зауряд-прапорщики, это еще не значило, что эти роты стали никуда не годными. Скорее можно было сказать противоположное.

Все эти данные не что иное, как преднамеренная подтасовка фактов для того, чтобы ввести читающих в заблуждение, для того чтобы оправдать решенную наперед сдачу крепости.

{291} «Трескоток» — выражение, употребляемое в Сибири. Автор того мнения, что это выражение в данном случае является самым характерным, точным.

{292} Явление довольно обычное при ампутированных конечностях; первое время известный нерв передает мозговому центру привычное чувство.

{293} Один осколок весом менее фунта пробил до этого наружную и внутреннюю кирпичные стены и застрял среди кирпичей третьей стены довольно глубоко.

{294} Поэтому-то я видел лишь что-то круглое — дно снаряда в мою сторону. Таким падением объясняется и рикошет вдогонку мне.

{295} Привожу здесь целиком записи из дневника за этот особенно тяжелый день для того, чтобы показать разницу в том, что на самом деле мы испытывали в это время и какие ужасы описывались теми, которые сами не были в этот день под огнем.

{296} Позднее сообщили мне, будто генерал Горбатовский был в момент взрыва в импани под скалистым гребнем за Китайским городом, куда его вызвал генерал Фок для обсуждения положения. Когда последовал взрыв, Горбатовский моментально схватил папаху и побежал обратно к фронту, чтобы сделать необходимые распоряжения, чтобы видеть, что и как там дела.

Генерал Фок усмехнулся презрительно:

— Молодой генерал хочет отличиться? Не дам же я ему проливать кровь из-за какого-то укрепления.

Пошел к телефону и отдал приказание отступить из укрепления и с ближайшего соседства с ним... не имея никаких сведений о том, удачен или неудачен этот взрыв для японцев и необходимо ли отступить. Находясь на расстоянии более версты от места взрыва, притом за горой, генерал Фок не мог решить этого вопроса.

{297} Оказалось, что неприятельский снаряд попал в склад ручных бомбочек; взрывом уничтожило последние прикрития для людей.

{298} Температура на солнце +12,5°.

{299} Несколько дней спустя сообщали нам, будто японцами арестованы доверенный и приказчики купца Тифонтая (за голову которого японцы назначили высокую денежную премию потому, что он и огромный штат его служащих был занят всецело военными поставками для Северной нашей армии), будто японцы забрали все деньги, вырученные магазином за время осады... Дальнейшая участь этих скромных, симпатичных, ни в чем не повинных китайцев так и осталась нам неизвестной.

{300} Само собой разумеется, что укоренелое зло армии и флота — «традиционная чарка», никогда еще не принесшая никакой пользы, не могла заменить гарнизону недостаточную пищу, о которой позабыли вовремя позаботиться; если водка вообще вредна, то на ослабший, истощенный организм она действует еще пагубнее. Скоро ли будет положен конец такого рода благодетелям, как пресловутая чарка? Разве мы еще мало пропили?

{301} Он ошибся — о почте и находящейся в помещениях конторы корреспонденции совсем позабыли. Так там и осталась вся частная, деловая и административная переписка, неполучение которой, наверное, вызывало и вызывает массу разных печальных недоразумений до сей поры.

С 23 апреля (перерыва сообщения) до тесной осады крепости почта принимала и денежную корреспонденцию; все это время каждый старался послать домой, своим свой накопившийся излишек, потому что впереди Бог весть что будет... Таким образом на почте накопилась очень солидная сумма денежных пакетов и переводов. Когда наступил недостаток в наличных деньгах, то все денежные пакеты были вскрыты и все наличные деньги почтовой конторы взяты, кажется, в казначейство, с тем, конечно, чтобы потом, по снятии осады, деньги вернуть и выслать адресатам. Но так как почта оказалась невывезенной, а в почтовых книгах (не знаю, вывезены ли они) значится не полный адрес, а лишь станция назначения и фамилия получателя, то думается, что едва ли все эти деньги могли быть доставлены по назначению. Это почти невысказуемо, так как станции обслуживают большие районы, везде найдется много однофамильцев и т. д.

Те из отправителей, которые уцелели и у которых сохранились расписки почтовой конторы, могут, конечно, получить от казны ту сумму денег, которая не получена адресатом; если же расписка затерялась (и это очень немудрено за время осады и плена), то и думать нечего разыскать эти деньги.

Но многие из отправителей денежных пакетов погибли сами при защите крепости, и их родные не получили ни денег, ни последних строк дорогого покойника; деньги эти не по чему разыскивать, так как никто не получил и уведомления о высылке денег.

Думается, что совсем не мешало бы пролить некоторый свет и на вопросы: 1) как разрешена выдача денежных сумм, сданных на почте в Артуре после перерыва сообщений и 2) куда предназначены те суммы, собственников коих невысказуемо отыскать?

Едва ли кто может поставить этот факт, что при поспешном заключении капитуляции совсем забыли про почту и находившуюся там корреспонденцию, в плюс «героям» капитуляции, которые, несомненно, позаботились о себе.

Ныне, читая в «Военном голосе» полемику генерал-майора Рейса с полковником Хвостовым о тактических действиях гарнизона, о боях, в которых ни тот, ни другой участия не принимал, поневоле думается, что генерал-майор Рейс, бывший уполномоченным генерала Стесселя по заключению капитуляции, право, сделал бы лучше, если бы объяснил в том же «Военном голосе», почему им не были предусмотрены многие существенные вопросы, в числе которых почта составляет не совсем незаметную величину, что им сделано, что вообще

предпринято для того, чтобы хотя немного загладить последствия такой непредусмотрительности?

Полагаю, что при заключении капитуляции Артура на генерале (в то время полковнике) Рейсе, кроме интересов его начальника и своих личных, лежала и обязанность защищать интересы прочих подданных России и самого государства. Заниматься же пустой и явно тенденциозной полемикой — дело любительское и едва ли принесет кому-либо какую-либо пользу.

{302} Для того чтобы показать, как извращались факты, как «делалась история», привожу здесь текст первых телеграмм о сдаче Артура (со слов прибывших туда офицеров с миноносцев), облетевших в свое время мир и принятых за чистую монету. Да не посетуют на меня те, кто при сравнении фактов с сообщениями не могут рассчитывать на лестные эпитеты со стороны читателей.

«Чифу, 20 декабря (2 января). (Рейтер.) Русские офицеры все без разногласия описывают положение крепости. За 5 дней бомбардировки происходили непрестанные штурмы днем и ночью (!). Ужасы последних дней превосходят всякое описание. Снаряды попадали в госпитали; раненные отказывались оставаться в них. Несмотря на сильный холод, некоторые из них ложились на улицах на груды обломков, другие с трудом добирались до линии боя, бросали в японцев камнями и оставались на позициях, пока не попадали в плен или не падали мертвыми (!). Это продолжалось 5 дней и 5 долгих ночей (!). Госпитали были переполнены. Хотя снаряды расходовались очень бережливо, но уже в течение нескольких месяцев в них начал ощущаться недостаток. Под непрестанным свистом бомб и шрапнелей, осыпавших порт и город, собрался общий военный совет, который скоро пришел к единодушному решению сдаться на почетных условиях или умереть в бою (!)».

«Чифу, 21 декабря (3 января), (12 часов 15 минут ночи). (Рейтер.) Вчера утром загорались «Ретвизан», «Полтава» и «Паллада». После полудня они еще горели. Русские взорвали «Севастополь».

Ускользнули из Порт-Артура контр-миноносцы: «Скорый», «Статный», «Властный», «Сердитый», «Смелый» и «Бойкий». Судьба двух последних неизвестна; предполагают, что они направились в Киао-Чао».

«Чифу, 20 декабря (2 января). (Рейтер.) Капитан Карцев сообщил представителю агентства Рейтер: Порт-Артур пал вследствие изнеможения. Остаток гарнизона совершил геройский подвиг в течение пяти дней и пяти ночей. Вчера была достигнута граница человеческого терпения. В казематах везде видны были черные лица, на которых были заметны следы голода, изнеможения и крайнего нервного возбуждения. Люди, к которым обращались с вопросами, не отвечали. Глаза их ясно говорили, что они не понимали вопроса. Недостаток припасов был всеобщий. В течение последних месяцев на некоторых фортах не было снарядов (!). Они молчали, так как не могли отвечать неприятелю. При атаках русские отбрасывали неприятеля штыками. Еще вчера Стессель хотел продолжать борьбу, несмотря на страдания от полученных ран (!). «Но мы не можем более держаться, — говорили его генералы. — Наши люди не могут двигаться, они засыпают, они не могут стоять на ногах. Мы можем командовать, но они не могут исполнять команды». — «Так деритесь сами, господа генералы», — воскликнул Стессель, сжимая кулаки. Он был как бы в исступлении. Лощинский, Вирен, Смирнов, Фок и другие упавшим голосом дали совет решиться на шаг, которого все так долго боялись (!). Порт-Артур давно начал бы переговоры, если бы Стессель не настаивал на том, что он должен сдержать данное своему государю слово. Карцев назвал ложью слухи, что Стессель один желал сдачи крепости. Если бы не вышли припасы, крепость держалась бы еще в течение нескольких месяцев. Высокая гора одна стоила русским 5 тысяч человек. Занятие этой высоты было началом конца. Общее число потерь неизвестно даже высшим офицерам (?). Начиная с августа бои были беспощадны. В рукопашном бою японцы были значительно слабее русских. Один русский одолевал в

штыковом бою четырех японцев (?). Взятие крепости стоило японцам от 80 до 100 тысяч человек. «Когда однажды был убит японский принц, — рассказывал Карцев, — японцы попросили выдачи тела. Мы вежливо приняли посланцев и предложили им бутылку пива, желая показать, что припасы у нас в изобилии. На деле эта была наша последняя бутылка (?!). В действительности наша пища в течение трех месяцев состояла только из риса (?!). Вследствие этого сотни людей заболели цингой». Относительно переговоров капитан сказал, что представителем Стесселя был полковник Рейс. Соглашение ожидалось ранее полуночи. Уполномоченные выказали друг к другу большую предупредительность (!). Они обменялись любезностями, восхваляя храбрость осаждавших и осажденных. Был накрыт стол с винами и кушаньями. Сведения о том, что в Порт-Артуре осталось 5 000 человек в строю, неверно в том отношении, что большинство из них хворает или же страдает от легких ран (?!). Известие о том, что Стессель согласился начать переговоры о капитуляции, было встречено солдатами с чувством величайшего облегчения. Бомбардировка последних нескольких дней была ужасна. Все говорили, что даже Стессель должен был убедиться в бесполезности дальнейшего сопротивления, так как русские орудия не могли более отвечать (?!)».

«Чифу, 21 декабря (3 января). В воскресенье, 19 декабря, в четыре часа пополудни, генерал-адъютант Стессель отправил прикомандированного к штабу укрепления прапорщика запаса Малченко с письмом к командующему японской армией генералу Ноги, с предложением капитуляции крепости на следующих условиях: во-первых, пропустить всех способных носить оружие выйти из крепости с оружием в руках с обязательством их не принимать дальнейшего участия в этой кампании; во-вторых, раненых и больных по выздоровлении отправить в Россию с их оружием; в-третьих, частных лиц, женщин, детей и иностранцев генерал Стессель оставляет на попечение японцев».

{303} Не верится и поныне. Слишком заела всех рутина — слишком мало видно гражданского мужества в деле обновления устарелого, негодного.

{304} Будто генерал Смирнов не поверил Горбатовскому, отвечал, что ничего, удержатся. Он, наверно, полагал, что резервы подспеют еще вовремя.

{305} Описание этого дня набросано мной кратко по записям дневника, далеко не полным. Нужно надеяться, что ход этого боя будет точнее и подробнее описан в специально-военных сочинениях, которые не преминут появиться в свет для того, чтобы вернее указать на все то, что у нас нуждается в реформе, в коренной ломке.

{306} Близкие участники обороны этого фронта говорят, что в другое время и при других условиях можно бы еще долго продержаться на этих позициях, но не хватало рабочих рук для сооружения необходимых траверсов — у всех будто опускались руки. Должно быть, речи генерала Фока возымели действие — солдаты освоились с мыслью, что бывать им в плену!

{307} Ясно, что это очищение весьма существенных позиций давало японцам право ставить какие угодно условия, ибо сопротивление не было уже мыслимо. Если бы эти позиции остались в наших руках, японцы оказались бы более уступчивыми. Впрочем, с нашей стороны не были вовсе выработаны условия сдачи, а, кажется, времени было на то очень много.

{308} Еще во время осады сообщали нам с передовых позиций, что японцы разъезжают по окопам на лошадях, подвозят все необходимое прямо к месту.

{309} Право, не знаю, какую пользу принесли родине генералы Стессель и Рейс тем, что они вернулись в Россию и увлекли с собой некоторых доблестных офицеров артурского гарнизона.

{310} Мне могут заметить, что и это не принесло никакой пользы и что плен оказался очень тяжелым, бесполезной жертвой.

С этим я не могу согласиться. Во-первых, потому, что этим сразу было устранено то

обострение, то чувство обиды, которое высказывалось без стеснения нижними чинами, когда они узнали о статье капитуляции, предоставляющей офицерам возвратиться на родину. Во-вторых, потому, что, несмотря на то что в плену японцы постарались отделить офицеров от солдат, те из офицеров, которые не прерывали сердечных сношений с солдатами, пользовались всегда высоким авторитетом и искренним уважением последних. И в-третьих, потому, что каждый офицер, побывавший в плену, надеюсь, сумеет внушить своим подчиненным, как тяжел, сколь унизителен плен, и что лучше умереть в бою, чем стать военной добычей врага... Думается, что каждый побывший в плену солдат будет наказывать своим детям и внукам, что плен — это величайший позор, что он многим хуже смерти...

{311} Факт этот так и не удалось выяснить. Быть может, существуют об этом какие-нибудь официальные данные.

{312} Газета «Новый край» возродилась в Харбине — волею судеб опять на одной из передовых наших позиций на Дальнем Востоке.

{313} До 13 июня японцы не наступали, следовательно, нечего было и «держать» их. Все это пустые слова, довольно бесцеремонная «реляция». Казалось бы, можно было бы сказать хоть раз правду о подвигах гарнизона, который, кажется, совсем не нуждается в подкрашивании неправдой.

{314} Дружины не удостоились благодарности генерала, должно быть за отсутствием у них выправки...

{315} Ох, эти «секреты»! С некоторого времени каждый раз, когда слышу это слово, мерещится мне что-то нехорошее, что-то боящееся света, глупое, даже гнусное.

{316} Как после объясняли, у одних артиллеристов потери достигли 25 тысяч человек.

{317} Как ни странно, но мне пришлось встретить в Петербурге полковника Г., и я видел у него в петличке орден Св. Георгия IV степени... Интересно, почему он надел этот орден, когда лично им не совершен ни один подвиг? Если он награжден им, то лишь благодаря заслугам его подчиненных, а не своих. Так и хотелось сказать ему его же словами: «Ишь, навесили себя побрякушек!..»

{318} Вторая и третья оборонительная линии, которые могли, по мнению специалистов, оказать значительное сопротивление, устоять не менее месяца даже после уступки японцам Малой Орлиной и литеры Б.

{319} Этим отчасти объясняется тот ореол особой мудрости, которым Фок сумел окружить себя.

{320} «Народы Европы, берегите ваши святыне сокровища!»

{321} Мне рассказал один бывший офицер германской службы, путешествовавший под видом купца по всему Дальнему Востоку, что когда он несколько лет тому назад докладывал в Берлине о том, что японская армия составляет очень внушительную силу, то его просмеяли, называли чуть не дураком.

{322} Сравнивавшими Стесселя с Нахимовым, Суворовым и Кутузовым, военный совет 16 декабря с военным советом в Филях, где Кутузов не согласился с решением совета и приказал отступить из Москвы (но для того, чтобы продолжать войну)... Поэтому не мудрено, что, быть может, генерал Стессель и вообразил, что он и велик, и прав...

{323} Позднее сообщили мне, будто во время посылки парламентария с предложением о сдаче крепости сидел у Стесселя, кроме генерала Фока, и генерал Никитин...

{324} Ныне подтверждается, что в Северной армии было много больше этих «грешников» — уход в тыл и оргии там, в то время как люди были нужны на боевых позициях.

{325} По поводу этого сообщения Н. передал нам, что генерал Смирнов будто высказался в

одной частной беседе, что генерал Кондратенко проявил слабость выслушивать мнения всякого подпоручика...

{326} В этом приказе интересен перечень всех имевшихся в Артуре частей сухопутных войск.

{327} Потом выяснилось, что полиции было приказано остаться на местах как не подлежащей плену; но полицмейстер собрал всю свою команду и выступил с ней к месту сдачи как начальник отдельной части...

{328} Ныне в «Вест. Росс. Об-ва Красного Креста» опубликован отчет И.П. Балашова (см.: № 3 от 21 янв. 1906 г. и др.); в этом отчете много интересных данных и фактов из отношений японцев к Красному Кресту и т. д., но вопрос о несвоевременности сдачи крепости обойден им вовсе, не видать в нем и огорчения этой сдачей.

{329} Проверить эти сведения мне не удалось. Также сообщали, что японцы казнили чуть не ежедневно по несколько китайцев.

{330} Оказывается, что японцы взялись за дело не по-нашему, и вскоре все было сделано. У нас, пожалуй, потребовалось бы на это дело несколько комиссий, разные проекты, и дела хватило бы на десять лет.

{331} Сахар так и не был разыскан, он, вероятно, куда-то утек до сдачи.

{332} Впоследствии сообщили мне некоторые участники боя в ночь на 27 января, что будто на эскадре (не говоря о береговых батареях) не знали, какие именно миноносцы ушли в море — двухтрубные или четы-рехтрубные, будто и на эскадре были слухи о готовящихся серьезных маневрах и будто с освещением дежурными судами рейда дело обстояло не особенно блестяще; когда уже стало ясным, что имеют дело с неприятельскими миноносцами, и когда все суда засветили всеми боевыми фонарями, то еще не вдруг удалось поймать в лучах неприятеля.

Далее передали мне следующее: 26 января, когда в Артуре лишь узнали о перерыве дипломатических сношений, но о войне еще не думали, один из офицеров броненосца «Цесаревич», кажется, мичман Л-в, получил из Петербурга депешу от родных, в которой его поздравляли с началом войны и благословляли на бой за честь родины. Он показывал эту депешу товарищам, те были встревожились, показал он ее и старшему офицеру, и дежурному лейтенанту и, наконец, командиру — они не поверили, сказали, что это вздор, что никакой войны еще нет, и не хотели слышать о каких-либо особых мерах бдительности. Но когда в 11 часов вечера раздалась тревога, то все так растерялись, что забыли, что делать в таком случае. Серьезно ожидавший этого Л-в скомандовал людей наверх и стрельбу по неприятелю. Но когда наутро явилось на судно начальство, оно благодарило командира, старшего офицера и дежурного лейтенанта:

— У вас, конечно, были приняты все меры предосторожности: прожектора освещали окрестность, люди дежурили у орудий, вы в тот же момент открыли огонь по неприятелю...

Подсказывалось все то, чего не было, но что должно было быть, начальство прекрасно знало, что все это было упущено. Все-таки и дежурного офицера наградили орденом, а Л-ву не сказали и «спасибо»...

{333} Японцы, надо заметить, вообще предпочитают этот строй фронтовому, думаю, что специалистам военного дела следовало бы обратить и на это некоторое внимание.

{334} Ныне высочайше учрежденная специальная комиссия, можно надеяться, внесет в дело о наградах необходимые коррективы. Говорят, что в этом виноват не один генерал Стессель, некоторые из начальников отдельных частей позаботились лишь о себе, а об офицерах своих забыли. Многих смущают ныне слухи, будто комиссия намеревается просто уравнивать всех артурцев в наградах, дать всем не меньше четырех наград.

Это было бы несправедливо: за что же получили бы награды те, кто их не заслужил и за что же не давали бы их тем, кто заслужил их больше? Это было бы продолжением той же артурской несправедливости. Впрочем, это только слухи.

{335} Это, впрочем, блестяще подтвердилось и данными из Маньчжурских армий.

{336} Отмечаю это здесь потому, что люди, сидевшие чуть ли не на берегу и отличавшиеся максимум тем, что давали свое разрешение на какое-либо предприятие младшим офицерам, теперь приписывают все эти подвиги себе. См. например, одно из писем адмирала Лощинского в «Слове» (март 1906 г.).

{337} Говорят, что было брошено даже много послужных списков младших офицеров и документов, дипломов, которые почти невозможно восстановить, теперь замедлено их производство, и прочие недоразумения. Ведь это лишь... младшие офицеры, куда им торопиться!..

{338} Насколько теперь известно, например, в Англии не скрывают нисколько секрета снаряжения артиллерийских снарядов, вещества, которым снаряжают, и количество, которое берут на каждый вид и пр. У нас едва ли до сей поры додумались собрать сведения об изобретениях артурской нужды, для того чтобы использовать их в будущем, усовершенствовать.

{339} Ныне это подтверждается в «Военном голосе», № 119.

{340} И японцы совершенствовали свои ручные бомбочки. По результатам, выясненным на практике, и у них первые опыты были не вполне удачны.

{341} Факт для меня новый, так как я не слыхал до этого, чтобы генерал Стессель распоряжался боевыми припасами и чтобы эти припасы испрашивались у него.

{342} Главные заслуги покойного генерала заключались именно в том, что он интересовался всем, что могло принести пользу обороне, сам обдумывал и охотно выслушивал всевозможные предложения, испытывал предложенное и старался использовать все средства защиты.

{343} После оказалось, что в порту было много этого материала, но об нем или не знали, или же экономили на нем.

{344} Все эти разные изобретения и приспособления могли, конечно, принести много больше пользы, если бы сразу обратили на эту сторону больше внимания, пока было кому работать и где работать. Но у нас всюду оказался «Тришкин кафтан»...

{345} Тоже один из вопросов, требующих тщательного выяснения.

{346} Это касалось офицеров, оставленных в Артуре для сдачи крепости и порта, и семейств офицеров, вышедших к месту сдачи 23 декабря.

{347} Но как потом оказалось, в этих сведениях было очень много вероятного. В сочинении графа Э. Ревентлова «Der Russisch-Japanische Krieg» (вып. 40, с. 455–459) нахожу следующие цифры:

«4 января (22 декабря ст. стиля) в Порт-Артуре было сдано японцам: 546 орудий; из них 54 крупных, 149 средних и 343 малокалиберных; 82 670 снарядов (по уверению русских, преимущественно китайского происхождения); 3 тысячи килограммов (приблизительно 183 пуда) пороху; 35 265 ружей и 1920 лошадей. В гавани нашлось (кроме затопленных 5 броненосцев и 2 крейсеров 1 ранга) 14 контр-миноносцев, канонерок и проч. судов (крейсер 2 ранга, минных крейсеров), 10 меньших и 35 маленьких пароходов (должно быть, катеров). Пленных набралось всего 32 107 человек: из них 12 генералов и адмиралов, 57 штаб-офицеров, 100 старших офицеров флота, 531 капитан и поручик армии, 200 младших офицеров и чиновников флота, 99 армейских чиновников, 109 военных врачей, 20 военных

священников, 22 434 нижних чина сухопутной армии, 4500 нижних чинов флота, 3645 нестроевых армии и 500 человек нестроевых флота».

Цифры эти не сходятся с японскими окончательными официальными данными и поэтому нужно полагать, что они добыты корреспондентами, бывшими при осадной армии.

Бременская газета «Weser-Zeitung» (№ 21003, 22 апреля 1905 г.), полученная мною на пути домой, сообщает по японским официальным данным, что в Артуре японцы приняли: 528 орудий. 206 746 снарядов, 36 589 ружей и 5 436 240 патронов. Больных и раненых оказалось 15 307 человек, а всего пленных 41 641 человек; провианта: муки 1 миллион 475 тысяч фунтов (должно быть, германских); ячменя 123 тысячи фунтов, кукурузы 23 330 фунтов; ржи 2250 фунтов; хлеба печеного 1 миллион фунтов; консервированного мяса 58 тысяч фунтов; соли 590 тысяч фунтов и сахара 33 300 фунтов.

Японское издание «The Russo-Japanese War», Kinkodo C°, Tokio, № 8, с. 1110 и 1111, сообщает довольно подробный перечень военной добычи в Артуре, причем главные цифры тождественны с приведенными из «Weser-Zeitung». Особенно интересно здесь то, что провиант перечислен в суточные рационы (пайки), указан калибр и длина дула пушек (в калибрах) и калибр оставшихся снарядов. Привожу только часть этих цифр:

Муки пшеничной 690 тысяч суточных пайков; муки ржаной 80 тысяч пайков; кукурузы 11 200 пайков; рису 1125 пайков; сухарей 666 666 пайков (120 тысяч японских кван); консервов 175 тысяч пайков; соли 23 333 333 пайка и сахара 1 333 333 пайка; купажу для лошадей на 56 дней.

Снарядов артиллерийских всего 206 734; из них: 12-дюймовых 47 шт.; 28-см (11-дюймовых) 130 шт.; 24-см (10-дюймовых) 34 шт.; для 23 см (9-дюймовых) пушек 31 шт.; для таких же мортир 105 шт.; для 6-дюймовых (15-см) пушек Канэ 719 шт.; для скорострельных 6-дюймовых пушек 2741; для 6-дюймовых мортир 267 шт.; для 6-дюймовых пушек на батареях (должно быть, крепостных) 1199 шт., 120-миллиметровых 827; для 107-миллиметр. (42-линейных) пушек 1282 шт.; для 105-мм пушек 441 шт.; для 87-миллиметр. полевых 13 449; для 78-мм полевых 98; для 75-мм скорострельных 7148; для таких же полевых 39 395; для 65-мм морских орудий 4074; для 57-мм скорострельных 21 592; для 47-мм скорострельных 20 372; для 37-миллиметровых скоростр. 67 813; для 25-мм (1-дюймовых, должно быть, Гочкиса) 420; для пулеметов Маузера 24 550».

(Примечание:

если из этого числа отбросить последние две цифры, как подлежащие скорее к разряду патронов, и, как русскими властями утверждалось, около 60 тысяч китайских снарядов, непригодных для наших пушек, т. е. всего отбросить 90 тысяч, то все еще получается такая цифра (116 734), при наличности которой и зная, что много снарядов удалось бросить в море и взорвать до заключения капитуляции, — трудно утверждать, что не было снарядов, хотя и преимущественно малокалиберных; но в числе оставшихся более 5 тысяч снарядов крупных от 12-дюймовых до 42-линейных, пригодных для наших орудий).

«Ружей принято всего 36 598; из них пехотныхмагазинок 25 700; простых (берданок) 2 200; кавалерийскихмагазинок 7765; простых 114; малокалиберных (должно быть, японских) 369; револьверов 370, китайских малокалиберных 60 штук.

Патронов ружейных 5 436 240, револьверных 7 тысяч шт.».

Кроме этих печатных данных в бытность мою в Чифу и Шанхае люди, близко стоящие к делу, сообщили мне, между прочим, будто морским ведомством было сдано победителям 7 тысяч крупных и 160 тысяч мелкокалиберных снарядов, провианта: сухарей белых (галет) 32 тысяч пудов; сухарей ржаных 18 тысяч пудов; муки пшеничной 7 тысяч пудов, муки ржаной 18 тысяч пудов; масла коровьего 160 пудов.

Угля сдано 155 тысяч тонн (т. е. 9 миллионов 610 тыс. пудов).

Кож (кожевенного товара) сдано на 70 тыс. руб.

На одном Тигровом полуострове сдано японцам: бездымного пороха 2 800 пудов, снарядов 12-дюймовых 250 штук (8-дюймовые будто удалось сжечь все до единого; 6-дюймовых патронов 3 тысячи шт., 75-мм патронов 2 тысячи; 47-мм патронов 25 тысяч, ружей 3-линейных 125 шт. и патронов к ним 600 тысяч штук.

Все эти цифры, если их считать даже лишь приблизительными, если взять из них только среднее (у нас утверждалось, будто сдано меньше, японцы же уверяли, что ими принято всего больше, чем опубликовано — не успели-де все сразу перечесать), и то получаются очень внушительные данные. Отрицать же все эти цифры никак нельзя. Откуда-нибудь да они взяты!

Бросается в глаза то обстоятельство, что в морском ведомстве оказались некоторые запасы, о которых, вероятно, сухопутное ведомство не знало.

{348} Мои попытки добыть точные данные по этому вопросу из статистического отдела главного военно-медицинского управления не увенчались успехом, мне советовали подать об этом просьбу тому-то и т. д. Это грозило волокитой и хождением, обиванием порогов. На то нужно время и терпение...

{349} Не может быть, чтобы японцы, прекрасно осведомленные обо всем, что творится в крепости, не знали о присутствии в ней мирных жителей, женщин и детей.

{350} В Артуре утверждали, что г-жа Стессель занимается и благотворительностью — воспитывает сирот (с которыми она нередко разъезжала по городу). Поэтому мы были крайне удивлены, когда узнали из письма капитана Водяги, что за содержание этих сирот удержано из капитала Квантунского благотвор. об-ва что-то около 500 руб. (см.: газета «Слово» № 411 от 14 марта 1906 г.).

{351} Характерно в данном случае то, что генерал Стессель и его начальник штаба ген. Рейс не позаботились не только о частном имуществе, но и об имуществе офицеров гарнизона; им было разрешено взять с собой пустяки, а все остальное пришлось бросить на произвол судьбы.

Стоит внимания и тот факт, что генерал Стессель, нередко прибегавший в своих приказах к упованию на святых угодников, и не подумал о вывозе из Артура церковного имущества, будто считал это даже... военной добычей победителя-нехристианина!

Его собственные сундуки, конечно, другое дело...

{352} Сперва мы предполагали, что объявления эти составляются нашим гражданским управлением по просьбе японцев, но потом оказалось, что японские чиновники не нуждаются в посторонней помощи при составлении объявлений на русском языке...

{353} Имена их не называем потому, что они, быть может, сами убедились в своей неспособности к боевой деятельности и ушли или же собираются уходить со службы.

{354} Удивительно то, что морское начальство не предусмотрело ни сдачи, ни падения крепости, после чего наши суда становились несомненной добычей неприятеля, и не подготовило все свои суда к окончательному разрушению, несмотря на то что разговоры об этом были.

{355} Позднее свобода движения была стеснена еще более кратким сроком.

{356} Вопрос очень сложный, но, кажется, он решается довольно просто: если бы наши генералы не гонялись за «славой», — если бы они не забывали, что слава приобретается лишь славными делами, что их задача не в личных расчетах, что только за наилучшим соблюдением интересов своего Отечества следует неотъемлемая слава, что она приходит сама собою, что нечего за нею гоняться, силою не урвешь ее... если бы они были заняты

лишь одной мыслью: как лучше оправдать оказанное им доверие царя и ожидания всего народа, тогда бы они знали, что в каждую минуту делать, делали бы это решительно, без оглядки, сознавая за собою правоту, необходимость.

Они допустили одну ошибку: гонясь за славой и имея в виду только ее, они не видели самой сути — верного пути к заслуженной славе. Они забыли, что дутая слава — мыльный пузырь.

{357} В брошюре Н. Веревкина «Среди победителей» находим случай, что агент городского управления взыскивал в последние дни недоимки с жителей, для того чтобы сдать эти деньги японцам полностью...

{358} Сколько нам известно, по возвращении на родину особенно шумели о своих заслугах именно артурские портовые рабочие и мастеровые не из числа «балтийцев». Сердобольные газеты помогали им усердно, не разобравшись в основательности их претензий. В результате получилось то, что ходатайства обратились для иных в ремесло и удачным нахождением разных источников «субсидий и вознаграждений» многие из них получили до полутора тысяч рублей, между тем как мирные жители, люди трудовые и принесшие делу обороны никак не меньшую пользу, не получая никаких усиленных окладов, действительно потерявшие в Артуре все, — еще не получили ни гроша. И вопрос о вознаграждении их еще совсем не решен.

{359} Хотя многие из описывающих осаду Артура уверяют, что японцы бомбардировали город «и первые сутки сорок дней и сорок ночей, и вторые сутки сорок дней и сорок ночей»...

{360} Японцы показывают, что этих пушек они взяли в Артуре только 4, так как ими было оборудовано несколько батарей, приходится предполагать, что они считали только такие пушки, которые еще пригодны для дальнейшей стрельбы, по крайней мере, еще исправимы.

{361} Как потом узнал, это был принц Карл Гогенцоллернский со своей свитой.

{362} Тут еще раз должен сказать, что крепость Порт-Артур была спланирована и сооружалась так, что она не могла соответствовать своему назначению, она не соответствовала ни самой простой теории о крепостях, ни практическим опытам последних войн. От крепости требуется, чтобы ее центр остался недостижимым для неприятельских снарядов (осадной артиллерии) для того, чтобы там могли найти отдых измученные боем войска и чтобы госпитали и разные склады были в этом центре в полной безопасности. Если при этом крепость составляет и базу флота, то необходимо вполне обеспечить и эту базу. Но Порт-Артур поражался весь неприятельскими снарядами, осадные орудия неприятеля расстреливали наши военные суда через всю крепость, на внешнем даже рейде, а большая половина центра крепости была обсыпана градом неприятельских пуль, поражавших и насмерть.

{363} Тут я ограничиваюсь краткой выпиской из дневника, так как размер книги не вмещает всего. Отъезд из Артура прекрасно описан в серии брошюр Н. Веревкина: «Среди победителей», «В нейтральных портах» и «На родину». Кроме того, теперь уже решено издать в близком будущем отдельную брошюру под заглавием: «Домой!» Эпилог «Страдных дней Порт-Артура». В эту брошюру войдет более подробное описание всего пережитого нами в Дальнем — в полной власти японцев — и в пути, много такого, чего не коснулся ныне покойный Николай Николаевич Веревкин, а также и другие авторы сочинения о Порт-Артурской эпопее.

{364} По некоторым иностранным источникам узнаем, что японские часовые перекликаются, подражая крику ночных птиц, зверей или пisku мелких животных. Вещь очень остроумная и целесообразная.

{365} «По некоторым политическим расчетам» — как говорилось в опубликованном в «Новом времени» его письме к матери.

Ныне я узнал от вернувшихся из плена офицеров следующее: На пароход, на котором генерал

Стессель, его штаб, его близкие и едущие домой офицеры отправлялись японцами в Нагасаки, попали и семь человек артиллеристов, бывших до последних дней на позициях и решивших идти в плен со своими солдатами. Отправляясь в Японию артиллеристы нарядились в лучшие свои сюртуки, чтобы этим не уронить русского офицера в глазах японского народа, встречающего с любопытством живую военную добычу. Генерал Стессель и его окружающее, напротив, были все в самых обношенных куртках и т. д., чтобы этим доказать, что крайность заставила сдать крепость. В столовой артиллеристы сидели всегда за особым столом и составляли резкий контраст щеголеватостью своих мундиров по отношению остальных пассажиров чуть не оборванцев. К столу щеголей-артиллеристов часто подседал генерал Фок и уговаривал их дать честное слово (и подписку) японцам и ехать домой с генералом Стесселем, артиллеристы остались непоколебимыми, при своем решении и спросили Фока, почему же он едет в плен?

— Мое дело другое: я старик и в России не могу ничем быть полезным, поэтому иду в плен.

В последний день пути генерал Стессель подошел к артиллеристам, непоколебимость коих была ему известна, поблагодарил их за то, что они решили разделить участь гарнизона.

— Не слушайте этого старого... (тут последовал один из эпитетов на счет умственных способностей).

После прибытия парохода в Нагасаки, когда пленников отделили от уезжающих домой, генерал Фок вновь обратился к артиллеристам:

— И прекрасно, господа, что вы решили пойти в плен. Так и следует! Этого не понимает только Стессель, этот старый... (тот же эпитет на счет умственных способностей)...

{366} Околоток — часть лазарета, в которой живут выздоравливающие.

{367} Из общего числа около 11 тысяч штыков, ввиду необходимости хотя бы слабо занять более чем 20-верстное протяжение линии обороны, мы на восточном фронте никак не могли собрать более 5–6 тысяч штыков, японцы же, располагая под Артуром почти 100-тысячной армией и имея инициативу действий в своих руках, свободно могли сосредоточить против восточного фронта 30–40 тысяч и даже более.

{368} Даже после исправления повреждений, полученных в бою 28 июля, на судах эскадры.

{369} А штурмы начались 8-го.

{370} Здесь я должен сказать, что последнее не совсем так, корабли были затоплены со снарядами, которые и вытаскивались потом с большим трудом водолазами в ночное время и весьма неуспешно.

{371} Адмирал Вирен, стараясь выставить свои действия в несколько лучшем и ином свете, совсем уклоняется от истины и приписывает себе самовольный выход «Севастополя», состоявшийся исключительно по инициативе капитана 1 ранга Эссена, которому было отказано команд, порта даже в буксирах, вследствие чего выход «Севастополя» был крайне затруднителен. Забыл, вероятно, также адмирал Вирен и о том, что когда Эссен умолял его дать ему уже ни к чему не нужные сети на затопленных судах для устройства защитного сетевого бона от японских минных атак, а возможность таковых очень хорошо сознавалась адмиралом Виреном, он все-таки отказал Эссену в помощи и людьми, и сетями, и для устройства бона уже самыми примитивными способами Эссен получил в свое распоряжение солдат от меня, а не от адмирала Вирена. Однако, как и во многом, у адмирала Вирена не хватило духа сознаться в том, что действительно было и какую недостойную роль он сыграл во всей истории ухода «Севастополя».

{372} «Не крепость для флота и не флот для крепости, а то и другое для совместной обороны государства».